

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

88

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2024 Issue 88

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2024 Выпуск 88

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 88

Специальный выпуск. Историческая память и исторические судьбы: народы, люди, идеи. М.: Аквилон, 2024. — 450 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

А К В И Л О Н

DIALOGUE WITH TIME 88

Special issue. Historical Memory, Historical Destinies: Nations, People, Ideas. Moscow: Aquilo-Press, 2024. — 450 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

- © Общество интеллектуальной истории, 2024
- © Институт всеобщей истории, 2024
- © Издательство «Аквилон», 2024
- © Журнал «Диалог со временем», 2024

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Ю.Д. АРТАМОНОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ АВТОРСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Анализируется поворотный этап истории понятий «автор», «текст» — XIV–XV вв.; именно в это время они из периферийных понятий превращаются в центральные для процесса толкования текстов, изменяя как традиционное содержание, так и модель толкования. Сопоставляются традиционные трактовки и интерпретации итальянских гуманистов (прежде всего, Лоренцо Валлы), для которых авторство уже не жестко связанное с *auctoritas*, тем не менее не предполагает уникальности; понятие «текст» универсализируется; к тексту начинает предъявляться требование «истинности». Рассматриваются различные трактовки произошедшего поворота (Ж. Мишле, Э. Панофски, Е.А. Косминский, М. Фуко и др.). При анализе текста «Критики Константина Дара» показываются и объясняются новые ходы, предпринимаемые Лоренцо Валлой; они сопоставляются как с рассуждениями современников, так и классиков предшествующей традиции. Тем самым объясняется трансформация модели извлечения смысла – текст впервые обретает целостность, внутреннее смысловое и стилевое единство; появляется идея контекста и герменевтического круга, а автор становится «гарантом» этой связанности. Тем не менее, понятие «смысл», несмотря на контекстную связанность, претендует на объективность. В результате появляется новое понятие этого времени – «коммуникация».

Ключевые слова: автор, авторитет, текст, смысл, герменевтика, коммуникация, историческая критика.

Понятия «автор», «текст» являются до сих пор ключевыми – без них концептуализация процесса толкования невозможна. Они имеют античные корни, однако до Ренессанса не являются определяющими для процесса толкования. Действительно, архаическое сознание называет автором того, «кто полномочен и правомочен, *auctoritas* – сама его правомочность»¹ - богов, приводящих нечто в бытие или укрепляющих уже существующее, самодержцев, причастных божественной инициативе, граждан, «умножающих» и «учреждающих». Следы этой привычки в языке встречаются до сих пор; например, мы говорим: законы Ликурга, прекрасно понимая, что они менялись на протяжении истории. В таком понимании авторство отождествляется с авторитетом (от лат. «*auctoritas*» - свойство действующего субъекта), как приведшим нечто в мир и поручившимся за это. Автором считается заложивший традицию. С. С. Аверинцев отметит, что в «Притчах Соломоновых» Соломону приписана лишь часть из них, однако другие указанные в тексте создатели - Агур, сын Иакеев, Лемуил и др. для архаического сознания получают санкцию от авторитета и, строго говоря, «подчиняются» автору-авторитету: «все царство в целом принадлежит монарху – общий тезис, нимало не вступающий в противоречие с тем, что некоторые земли, города, поля, дома состоят под управлением или в собственно-

¹ Аверинцев 1996: 77.

сти наместников, вельмож или прочих подданных монарха)². Отметим здесь, что и греческое «архэ» (ἀρχή) обозначает и начало, и начальство. Работающий в традиции, строго говоря, автором не является. Из такого понимания авторства объяснима и практика свободного дописывания и исправления текстов более поздними переписчиками под тем же именем, объединение под именем одного автора круга создателей текстов. Во всех дошедших до нас источниках по толкованию текстов, включая своды правил Аристотеля и Августина, понятие «автор» если и упоминается, то не рассматривается как ключевое в концептуализации процесса толкования (понимания) текстов.

Понятие «текст» при всей его кажущейся универсальности тоже не является давним. Происходящее от лат. *textum* (переплетение, ткань) и впервые данное Юстинианом своду законов, созданному по его распоряжению, оно только к XV в. начинает применяться для обозначения не только сводов законов и музыкальных партитур, но и литературных произведений³. Именно в это время появляется правило «прочти текст от начала до конца», раньше тексты не писались и не читались в таком модуле. Вспомним замечательный пример П.М. Бицилли, который предложил поставить в один ряд произведения, которые отделяют друг от друга полтора века – любая агиография – «Декамерон» – «Дон Кихот». Если первое – сборник новелл, в котором логика перехода от одной к другой отсутствует, то в «Декамероне» появляется уже канва (10 вечеров, 10 тем, 10 рассказчиков), на которую нанизаны 100 новелл; новеллы же из «Дона Кихота» Сервантеса не только соединены единой тканью повествования, но и проявляются одна через другую, мы уже с трудом можем толковать их обособленно⁴. Само же правило – «прочти текст от начала до конца» – формулирует протестантский теолог Матиус Флациус Иллирийский, посвящая большую часть своего «Ключа к истолкованию Священного Писания» набрасыванию общей структуры Библии – показывая, какие главы относятся к хребту, а какие на них опираются⁵. И действительно, систематизация всех фрагментов Библии в рамках единого замысла до него не предпринималась.

С понятием «текст» связан и определенный инструментарий исследования – проведение границ текста, чтение текста «от начала до конца», выявление замысла, анализ контекста, впоследствии – и герменевтический круг; однако этот инструментарий начинает формироваться в XV–XVI вв. (мы оставляем в стороне споры о том, формируется ли он только Ренессансом или немислим также без вклада Реформации – для нас принципиально, что аппарат работы с текстами в рамках этих культурных эпох принципиально не отличается). Яркой иллюстрацией отсутствия этого инструментария до этого времени является, например,

² Аверинцев 1996: 78–79.

³ Gadamer 1997: 151–155.

⁴ Бицилли 1995: 90.

⁵ Matthias Flacius 1567.

нечувствительность к идеям границ и целостности текста: Августин, создавая в течение десятилетий свою книгу о толковании Библии («De doctrina christiana libri quattuor»), ни разу не говорит о проблеме противоречий в описании земной жизни Христа (любимая тема библейской критики, начиная с XVII в.)⁶. Дело в том, что Августин, хотя и делает обзор всех входящих в Библию книг, нигде не советует прочесть саму Книгу от начала до конца – он либо трактует каждый фрагмент обособленно, либо просто сопоставляет несколько фрагментов, в которых употреблено одно слово, не считая, что в разных местах оно может иметь разное значение. Именно поэтому, например, проблема нестыковок в рассказах о земной жизни Христа просто не может возникнуть. Книгу читали фрагментами – и в этом же ключе она и писались. Корпус античных текстов остался нам как раз без четкого деления на фрагменты и во множестве расходящихся вариаций; еще К. Леви-Строс в 1950-е годы подчеркивает множество вариаций и произвольность (или необоснованность) деления как научную проблему интерпретации⁷.

Наиболее частое объяснение изменения роли понятий «автор» и «текст» и концептуализируемых ими практик истолкования в эпоху Ренессанса опирается на простую связь: если Ренессанс – открытие человеком мира и себя, то индивидуальность, ставшая центральной, естественно порождает интерес к фигуре автора, связанные с нею психологизм в интерпретации, а также интерес к грамматической и исторической критике, поскольку теперь текст рассматривается прежде всего как произведение конкретного автора, живущего в определенную эпоху и в рамках своей культуры. В основе здесь – миф о Ренессансе, созданный первоначально Буркхардом⁸ и Мишле⁹, широко подхваченный в европейской мысли, в том числе в России. Авторы самой идеи выделения отдельной «эпохи Ренессанса», они полагают, что «...эта эпоха сильнейшим образом развивает индивидуализм; затем она побуждает его же к чрезвычайно прилежному и многостороннему познанию индивидуального во всех его видах. Развитие личности существенным образом связано с познанием ее как в себе самом, так и в других»¹⁰; в целом же речь идет об открытии «человеческого измерения». На базе этих идей уже в XX вв., следующим поколением исследователей формируется миф об антропоцентризме Возрождения и миф об эпохе как открытии человеком мира и себя. Обратим внимание, что при этом обоснование рождения понятий «автор» и «текст» опирается и на ряд очевидных «эмпирических» данных, начиная от подписей картин и литературных творений, систематический интерес к биографиям авторов, внимание к особенностям авторского стиля.

⁶ Аврелий Августин 2001.

⁷ Леви-Строс 2001: 226–229.

⁸ Буркхард 1996.

⁹ Февр 1991.

¹⁰ Буркхард 1996: 200.

В XX в. ряд исследователей оппонируют данной точке зрения. За простым вопросом: «Если открыто в XIV–XV вв., то почему забыто до XIX?» и более глубоким: «Стоит ли ставить знак равенства между понятиями «индивидуум» и «индивидуальность»?», - стоит серьезный пласт исследований, убедительно показывающий, во-первых, что пересмотр античной традиции относится скорее к рубежу XVIII–XIX вв.; саму эту традицию исследователи называют по-разному. Г.Г. Гадамер говорит о «нетронутой традиции образования», а С.С. Аверинцев предпочтет называть ее «аристотелевским циклом»; А.В. Михайлов будет говорить о «мифопоэтическом комплексе»¹¹. Во-вторых, позиция И. Хейзинги, Э. Панофски и других исследователей, трактовавших Возрождение не как отдельную эпоху, а как «позднее Средневековье», является более обоснованной¹². «Ходы мысли» этого времени радикально не отличаются от предшествующих; это применимо в отношении интересующего нас понятия «индивидуум»; оно действительно появляется в школе Фомы Аквинского, но вовсе не знаменует антропоцентризма. При этом сложно отрицать «взлет» понятий «индивидуум», «автор», «текст» в интересующий нас период. Остановится на них подробнее.

Идея индивидуума, предлагаемая Аквинатом, отсылает нас к идее индивидуальных субстанций Аристотеля. Достаточно устоявшейся и широко принятой является следующая точка зрения: Фома подчеркнет «многообразную творческую энергию, которая приводит к актуальности все существующее, – но эта новая онтологическая категория распространяется на все тварное, а вовсе не только на человеческие или ангельские личности...»¹³. Понятие «индивидуум» в этом смысле сцеплено с понятием «lex» (закон). Индивидуум имеет свой особый закон, в соответствии с которым реализует себя; человек – не исключение.

Однако это простое положение имеет огромные следствия. Именно особость этой индивидуальной субстанции, а в случае человека также степень добронравия, послушности предустановленному определяет в том числе и мысли человека. Поэтому каждому может открыться тот аспект истины, который другим пока не был доступен. Конечно, по-прежнему речь идет о единых для всех божественных истинах. Этот ход, в свою очередь, дает возможность «уравнять в правах» христианских и античных авторов; собственно, с идеей, что и языческие авторы могли сообщить пока не сказанное никем из христианских авторов, хотя и понятное всем, и связано «возрождение золотой латыни». Пусть античные авторы – в основном язычники, но, будучи людьми добрыми и имеющими свой «lex», они могли высказать то, что не сказали еще христиане, но все добрые люди в состоянии понять сказанное ими.

Именно в этом ключе Лоренцо Валла осуществит критику Константина дара. Документ, на основании которого католическая цер-

¹¹ См., например, Гадамер 1988, Михайлов 1989, Аверинцев 1996.

¹² Хейзинга 1988, Panofsky 1998.

¹³ Лосский 1975: 119.

ковь выдвигала в том числе территориальные притязания, итальянский гуманист впервые предлагает читать именно как текст Константина. Обратим внимание – линия аргументации Лоренцо Валлы строится вокруг тезиса: у «Константинова дара» есть автор, и этот автор – Константин; значит, текст выражает замысел Константина и написан Константином. Сейчас нам даже непонятно, из-за чего ломались копья. Эти положения кажутся само собой разумеющимися. Однако проблема в том, что до Лоренцо Валлы этот текст никто так не читал.

Ведь именно в это время впервые становится важным то, кто и как сказал о мире. Это – начало долгого пути формирования идеи «авторства». Ведь с идеей «разного искажения» истин связана и идея языкового и стилевого единства текста, исходя из которой появляются зачатки грамматической и исторической критики. Мы не всегда знакомы с автором, и имеем в своем распоряжении лишь текст – именно по тексту мы должны понять «замысел» автора. И, наоборот, именно наличие автора делает текст целостным, дает возможность отличить его от других, понять его особый замысел, который и будет ключом к тексту, который впервые обрел смысловую и стилевую целостность.

По-прежнему никто не оспаривает предпосылку о едином смысле мира. Но души «открыты» этому по-разному; к тому же добрая душа более открыта и чувствительна, нежели злая. Трансляции божественной истины, следовательно, будут различаться. Появившиеся тогда «имена авторов» - т.е. атрибуция произведений [«Рафаэль рисовал»] «направляют» понимание - ведь, зная автора, легче понять, о чем и как данный текст говорит, и не более того. Данте упомянет свое имя в «Божественной комедии» один раз – его произносит Беатриче, явившись поэту в «Чистилище», и Данте скажет, что оно «поневоле вписано»¹⁴. С идеей разного искажения связана и идея замысла текста. Это – начало долгого пути формирования, а затем критики фигуры автора в новоевропейской культуре; автор трактуется как источник целостности и личности текста, пока еще послушный вечным и его превосходящим истинам. Понятия «автор» и «текст» оказываются двумя сторонами одной медали.

Появляются основания для разведения авторства и авторитета. Божественные истины для всех одни и те же, но требуется понять, как те же истины мыслит другой (его замысел), а для этого надо понять его закон. Автор трактуется как источник целостности текста, пока еще послушный вечным и его превосходящим истинам. Толкование, которое раньше было необходимо тогда, когда не было понимания, теперь становится неизбежной практикой. Однако это возвращает и античную практику критики ошибок автора без записывания его во враги истины. Лоренцо Валла укажет в предисловии к шестой книге «Элегантций», преподнося «золотую латынь»: «...решил я написать эту книгу об ошибках авторов не с тем, чтобы бранить их; не говоря о бесчеловечно-

¹⁴ Данте 1967: 63.

сти такого удовольствия, я, конечно, смог бы найти для этого лучшую возможность где-нибудь в другом месте, да к тому же об этом предмете написано чуть ли не бесконечное множество книг. Я пишу для того, чтобы принести хоть небольшую пользу желающим изучить латинский язык не только по нашим наставлениям, но и на ошибках других, а чтобы сделать изложение более полным, мы присоединим сюда кое-что из нашего собственного опыта»¹⁵. Обратим внимание на подчеркивание практически всегда несовершенства любого взгляда.

«Ключом» к толкованию текста становится «автор» как «гарант» языкового и стилевого единства текста, да и возможности проведения его границ. Эта идея позволяет развиваться грамматической и исторической критике. Впрочем, М. Маклюэн увидит ее и у Декарта¹⁶. Исследователи-историки (прежде всего, Е.А. Косминский), видят в «Критике Константинова дара» зачатки исторической и грамматической критик¹⁷ и не отождествляют ее фактически с той грамматической и исторической критикой текста, которая появится позднее и будет связана с понятиями «мировоззрение» и «индивидуальность». Стоит говорить о зарождении этих подходов; им предстоит долгая история развития. Поэтому кратко обратимся к этому документу, выделив ряд принципиальных именно для этого периода особенностей идей авторства и текста.

В самом начале Лоренцо Валла выдвигает следующее обвинение римским папам: «Я предъявляю им тяжкое обвинение, я обвиняю их либо в беспечном невежестве, либо в чудовищной алчности, которая является идолопоклонством, либо в суетном стремлении к власти, которому постоянно сопутствует жестокость. Ибо уже в течение нескольких веков они либо не понимали, что Константинов дар – это подлог, либо сами этот подлог создавали, либо, следуя по стопам своих предшественников, защищали истинность этого дара, о подложности которого они хорошо знали»¹⁸. На чем оно базируется? Поступок Константина, лишавшего сыновей наследства и обрекающего империю на страдания, передавая власть Папе, сведущему, конечно, в делах духовных, но не военных, административных и т.д., является неблагородным. «Ведь поступив так, Константин [чего не случилось бы с Иеровоамом] обидел бы своих сыновей, унизил бы друзей, пренебрег бы близкими, оскорбил бы родину, поверг бы всех в печаль, забыл бы о себе»¹⁹. Эта аргументация не сильно расходится с аргументацией классической риторики («общее место» плана «мать определяет отца»). Автор в ее духе воображает ряд обращений к Константину, например: «Цезарь, если ты забыл о своих

¹⁵ Валла 1985: 122

¹⁶ Маклюэн 2015: 244.

¹⁷ «При всей наивности некоторых приемов Валлы им были заложены в определенной мере приемы настоящей исторической и дипломатической критики» (Косминский 1963: 52).

¹⁸ Валла 1963: 141.

¹⁹ Валла 1963: 147.

близких и даже о себе самом, если ты больше не заботаешься о наследстве для сыновей, о богатстве для родных, о почестях для друзей, если ты не стремишься более сохранить в неприкосновенности свою империю, то сенат и народ римский не могут забыть о своих правах и о своем достоинстве. На каком основании ты позволяешь себе так обращаться с Римской империей, которая создана не твоей, а нашей кровью?»²⁰.

Далее в тексте нас ждет новаторский для своего времени ход. Непонятно, замечает Лоренцо Валла, почему Константин местами говорит на золотой, а местами – на кухонной латыни; например: «Блаженному Сильвестру, наместнику [Петра], мы отныне передаем наш императорский Латеранский дворец, затем диадему, то есть корону с нашей головы, и вместе с ней тиару [phrygium], а также наплечную повязку, то есть ленту [lorum]²¹... Наплечную повязку ты называешь *lorum*, но ты не знаешь, что такое *lorum*. Ведь не думаешь же ты, что кожаный ремень, который называется *lorum*, надевается как украшение вокруг шеи цезаря. Поскольку *lorum* обозначает кожаный ремень, то мы употребляем это слово по отношению к упряжке и к кнуту. А если иногда говорят *lora aurea* [золотые ремни], то имеют в виду позолоченную упряжь, которая надевается на шею коня или другого животного. Это, как мне кажется, тебе не известно, и когда ты говоришь, что *lorum* надевается вокруг шеи цезаря или Сильвестра, то из человека, из императора, из верховного первосвященника ты делаешь лошадь или осла»²².

Вместе с фигурой автора текст приобретает целостность, т.к. он обладает особым замыслом, и раскрыть этот замысел можно и через смысловое, и через стилистическое единство текста. Интерес в том числе к способу выражения мыслей, в том числе особая «литературность» (вспомним, например, замечательный эпизод из «Гаргантюа и Пантагрюэля»²³ Рабле) связаны в европейской литературе Нового времени с той новой оптикой, тем способом видения мира (важность каждого, особого взгляда на мир, в котором проявляются общие для всех истины), которая и позволяет появиться понятию «текст».

Лоренцо Валла подчеркивает отсутствие этого стилевого единства – Константин говорил бы либо на золотой, либо на кухонной латыни. Кроме того, в любом случае он говорил бы корректно (тем более речь идет о юридическом документе). Но доренессансные авторы нечувствительны и к проблеме целостности текста, и к проблеме контекста; переходы от латыни золотой к кухонной они бы не заметили – текст

²⁰ Валла 1963:149.

²¹ Валла 1963: 177.

²² Валла 1963: 180–181.

²³ Де Марэ обращается к Грангузье, показывая на Эвдемона: «Посмотрите на этого отрока. Ему еще нет двенадцати. Давайте удостоверимся, кто больше знает: старые празднословы или современные молодые люди. Грангузье согласился провести этот опыт». Эвдемон произносит речь. «Вся эта речь была произнесена вятно и громко на прекрасном латинском языке, весьма изысканным слогом ... Гаргантюа же вместо ответа заревел как корова и уткнулся носом в шляпу...» (Рабле 1993: 42-43).

читался фрагментами и в той же логике и писался. К примеру, Августин в своей фундаментальной работе о герменевтике говорит о разнице смыслов (а по сути и значений) одного и того же слова в Библии, только когда речь идет об иносказании (например, в случае со словом «вол»²⁴); в случае непонятности «прямого знака» (замещения того предмета, для которого знак и придуман) советует либо попросить показать, что оно обозначает, либо найти его в другом месте Библии (то есть по сути для Августина речь будет идти о том же значении, хотя контекст явно другой). Например, если мы встретили непонятное слово или место, нужно «спросить о них, если встретится человек знающий, или найти такое место в писаниях других, где значение оных слов ясно открывается из предыдущего или последующего, или из того и другого вместе»²⁵. Однако это относится только к буквальному смыслу (прямо-му знаку). «Надстраивание» другого смысла действительно зависит от места. Здесь, кстати, обратим внимание на идею Августина о произвольности второго смысла (Р. Барт будет считать произвольность такого надстраивания принципиальной чертой современного мифологического мышления; но это очевидно не так).

Лишь в эпоху Ренессанса, таким образом, появляется опирающаяся на идею целостности текста идея герменевтического круга, предполагающая, что смысл части зависит от смысла целого. По мере уточнения смысла части может проясниться и смысл целого, а его уточнение приведет к уточнению смысла этой и других частей, и таким образом совершается круговое движение от частей к целому и вновь к частям.

Вернемся к тексту Лоренцо Валлы. Он продолжает список несуразностей: «Что уж сказать о другой, еще более дикой, нелепости? Разве это совместимо со здравым смыслом – говорить о Константинополе как об одном из патриарших престолов в то время, когда он не был еще ни патриаршим, ни престолом, когда он не был еще христианским городом, когда он не был еще так назван, когда он не был еще основан и не был даже намечен к основанию?»²⁶. С точки зрения классической риторики это обвинение вообще непонятно. Старая модель извлечения опыта (*sensus communis*)²⁷ предполагает ряд важных моментов - с одной стороны, извлекаемое из рассказа правило не универсально; с другой – это извлечение не требует фактически выверенной истории, того самого строгого «обращение к реалиям» - рассказанная история вовсе не претендует на фактическую правильность; не случайно Аристотель считает поэзию лучшим источником опыта, чем историю: «ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой – прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей в стихах ли, в прозе ли) – нет, различаются они

²⁴ Блаженный Августин 2006: 84.

²⁵ Блаженный Августин 2006: 90.

²⁶ Валла 1963: 173.

²⁷ Гадамер 1988: ..., Артамонова 2021.

тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло быть. Поэтому поэзия философичнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном»²⁸. Здесь же Лоренцо Валла явно отходит от старой традиции, требуя от текста «истинности», соответствия конкретным фактам. Требование это новое. Интересно, что в этом же ключе Галилей заметит: «Мне кажется, что Сарси твердо уверен, что в философии необходимо опираться на мнение некоего знаменитого автора, чтобы наш ум, не сочетавшись браком с рассуждениями другого, не остался бы бесплодным. Он, может быть, считает, что философия является книгой, и притом *выдуманной человеком, как «Илиада» или «Неистовый Роланд», книгами, в которых наименее важным является истинность того, что в них написано.* Синьор Сарси, дело обстоит совсем не так. Философия написана в той громадной книге, которая всегда открыта перед нашими очами, (я говорю о Вселенной), но не может быть понята, если сначала не овладеешь языком и не узнаешь букв, которыми она написана. Она написана языком математики и её буквы суть треугольники, круги и другие геометрические фигуры; без этих средств невозможно человечески понять Слово и будешь попусту кружиться в темном лабиринте...»²⁹ (курсив мой – Ю.А.).

И между двумя утверждениями есть связь. Обратим внимание на неочевидный, но важный момент, который появляется – если текст есть взгляд автора, то он может быть объяснен не только внутренней логикой, но и теми реалиями, на которые он направлен; поэтому начинает звучать требование истинности. Само понятие «текст» свидетельствует и об изменении восприятия – с одной стороны, об особом взгляде, как неизбежной его составляющей, и, с другой стороны, претензии на фактичность описания. Речь по-прежнему идет об «объективности» смысла, возможности «убрать» искажения и добраться до теперь всегда равной самой себе сути, но – парадоксальная вещь – смысл, будучи «объективным», требует анализа «контекста». По сути, меняется модель извлечения опыта – вместо ситуативно адаптируемой «морали», извлекаемой из необязательно реальных историй, появляется идея некоторой «правильной модели» мира, к которой тяготеют все «хорошие» тексты. Написана ли она на языке математики или на другом – не самый принципиальный вопрос; смысл, зависимый от контекста, теперь содержит объективность и в пределе всеобщность.

Все это приводит и к еще одному следствию – появлению идеи «коммуникации». Если все предшествующие понятия имеют еще античные корни, то понятие «коммуникация» относится к XIV в. Индоевропейский корень *тип* означает «общее», латинским словом «*communis*» обозначались дары, ритуалы почитания мертвых; речь шла о публичном воздаянии, а «слово *коммуникация* родилось в XIV в., во Франции, под

²⁸ Аристотель 1984: 1451b.

²⁹ цит. по: Веселовский 1972: 58.

пером переводчика Аристотеля, физика и философа Николая Орема (советник Карла V), чтобы прославить, наконец, обретенную независимость сообщения по отношению к медиуму, позволявшую информации циркулировать на дистанции и свободно», – свидетельствует Р. Дебре³⁰. Дебре указывает верный смысл этого неологизма – мы имеем ситуации разницы сообщений при возможном притязании на истину каждого из них (диалог, триалог и т.д.), но можем извлечь «объективный» (устойчивый, ситуативно независимый) смысл; параллельно с ним формируется и набор понятий, описывающих эту коммуникацию, и приоритеты в ней. Обсуждение коммуникации в рамках знакомого нам терминологического аппарата (автор, текст, смысл) начинается не раньше этого времени; они и позволяют говорить о «коммуникации». До этого важные для современного толкования понятия используются ограниченно; имеют другое значение; не являются ключевыми для процесса толкования.

М. Маклюэн свойственно преувеличивать влияние именно книгопечатания; он полагает, что «печатный текст... научил людей организовывать все остальные виды своей деятельности на основе принципа систематической линейности» и даже «показал людям, как нужно создавать рынки и формировать национальные армии»³¹. Это, разумеется, не совсем так – просто печатный текст был как раз выражением этого процесса, но ни в коем случае не его причиной. Ведь централизация и посредничество, важные для Маклюэна, как раз не осуществляются в рамках культуры текста – например, Т. Стэндинг предлагает обратить внимание на то, что, несмотря на изобретение печатного прессы, продолжается старая традиция циркуляции текстов без посредничества массмедиа, нецентрализованно и без редакторов³².

М. Фуко, рассуждая о «функции «автор»» в европейской культуре, отметил, что минимальная функция, которая делает ее неизбежной – это вообще выражение какого-либо содержания вовне и различение высказываний (мы не сочтем сформулированное Беккетом: «Какая разница, кто говорит, какая разница» универсальным правилом³³); но заметим, второй функционал не является универсальным; реализуется не всегда.

Итак, формируются наши такие «естественные» допущения: у текста есть автор; текст обладает границами и некоторым единством, что связано с идеей (идеями), выражением которых он служит; впервые ставится вопрос об «истинности» текста; все это дает ему возможность существовать в традиции – и, следовательно, механизмы его освоения в культуре тоже не произвольны. Идея «воспитания» вполне логична в этой культуре. Произведения и пишутся, и читаются в специфической литературоцентричной логике. Такая культура текста появится в XV в., переживет расцвет в XIX – начале XX вв.; сейчас мы наблюдаем ее раз-

³⁰ Дебре 2010: 64

³¹ Маклюэн 2015: 218

³² Standage 2013

³³ Фуко 1996: 8-46

мывание. Однако это лишь шаг в истории понятия «автор», речь идет о индивидуальной вариации общих всем смыслов. Понятия индивидум и «автор» не предполагают отказ от общего всем смысла, и понятие «индивидуальность» XIX в. будет радикально отличаться от ренессансного понятия «индивидум», да и автор в XIX в. станет пониматься как уникальный источник смыслов и, например, появятся идеи одиночества творца, творческой непонятности и уникальности; «текст» станет структурой этой индивидуальности, который можно понять через обращение к «автору» и «реалиям». Это – дальнейшая история; важно то, что уже в XIV–XV вв. понятия «текст», «автор», «коммуникация» становятся центральными понятиями концептуализации процесса толкования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Gadamer H.G. Text und Interpretation // Gadamer Lesebuch. Tuebingen, Mohr und Siebeck Verlag, 1997. S. 141–171.
- Matthias Flacius Illyricus Clavis Scripturae Sacrae seu de Sermone Sacrarum literarum Basel, 1567.
- Standage T. Writing on the Wall. Social Media – The First 2000 Years. N.Y.: Bloomsbury, 2013.
- Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. [Averintsev S.S. Avtorstvo i avtoritet (Authorship and authority) // Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii. Moscow, 1996].
- Аристотель. Поэтика // Соч. Т. 4. М.: Наука. 1984. С. 645–680. [Aristotel'. Poetika (Poetics // Soch. V. 4. Moscow: Nauka. 1984. P. 645–680].
- Артамонова Ю.Д. Возвращение *sensus communis* в современные стратегии социогуманитарных исследований // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 73–82. [Artaamovna Yu.D. Vozvrashchenie *sensus communis* v sovremennye strategii sotsiogumanitarnykh issledovaniy (The return of *sensus communis* to modern strategies of socio-humanitarian research) // Dialog so vremenem. 2020. № 71. P. 73–82].
- Бицилли М. Элементы средневековой культуры. М.: Мифрил. 1995 [Bitsilli M. Elementy srednevekovoi kul'tury. (Elements of medieval culture). Moscow: Mifril. 1995].
- Блаженный Августин. Христианская наука, или основания священной герменевтики и церковного красноречия // Христианская наука, или основания священной герменевтики и церковного красноречия. СПб.: Библиополис. 2006. С. 31–228. [Blazhennyi Avgustin. Khristianskaya nauka, ili osnovaniya svyashchennoi hermenevтики i tserkovnogo krasnorechiya (Christian Science, or the Foundations of Sacred Hermeneutics and Ecclesiastical Eloquence) // Khristianskaya nauka, ili osnovaniya svyashchennoi hermenevтики i tserkovnogo krasnorechiya. St. Petersburg: Bibliopolis. 2006. P. 31–228].
- Валла Лоренцо. Предисловие к шести книгам эlegantий // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. М.: Изд-во МГУ. 1985. С. 121–124. [Valla Lorentso. Predislovie k shesti knigam elegantisii (Preface to six books of elegances) // Sochineniya ital'yanskikh humanistov epokhi Vozrozhdeniya. Moscow: Izd-vo MGU. 1985. P. 121–124].
- Валла Лоренцо. Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. С. 139–216. [Valla Lorentso. Rassuzhdenie o podlozhnosti tak nazyvaemoi Darstvennoi gramoty Konstantina (Reasoning about the falsity of the so-called Deed of Gift of Constantine) // Ital'yanskie humanisty XV veka o tserkvi i religii. Moscow, 1963. P. 139–216].
- Веселовский И. Н. Кеплер и Галилей // Историко-астрономические исследования. Вып. XI. М., 1972. С. 19–64. [Veselovskii I. N. Kepler i Galilei (Kepler and Galileo) // Istoriko-astronomicheskie issledovaniya. Vyp. XI. Moscow, 1972. P. 19–64].
- Гадамер Х.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988 [Gadamer Kh.G. Istina i metod (Truth and Method). Moscow: Progress, 1988].
- Данте А. Новая жизнь. Божественная комедия. М.: Худож. лит. 1967. [Dante A. Novaya zhizn'. Bozhestvennaya komediya (A new life. The Divine Comedy). Moscow: Khudozh. lit. 1967].
- Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Практикс, 2010. [Debre R. Vvedenie v mediologiyu (Introduction to Mediology). Moscow: Praxis, 2010].
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс. 2001 [Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya (Structural Anthropology). M.: Eksmo-Press. 2001].

- Косминский Е.А. Историография Средних веков. М.: Изд-во Московского Университета. 1963 [Kosminskii E.A. Istoriografiya Srednikh vekov (Historiography of the Middle Ages). Moscow: Izd-vo Moskovskogo Universiteta. 1963].
- Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности // Богословские труды. Сборник четырнадцатый. М.: Издание Московской Патриархии. 1975. С. 113–120. [Losskii V.N. Bogoslovskoe ponyatie chelovecheskoi lichnosti (The theological concept of human personality) // Bogoslovskie trudy. Sbornik chetyrnadtsatiy. M.: Izdanie Moskovskoi Patriarkhii. 1975. P. 113–120].
- Маклоэн М. Галактика Гутенберга. М.: Академический проект. 2015 [Maklyuen M. Galaktika Gutenberg Galaxy. Moscow: Akademicheskii projekt. 2015].
- Михайлов А.В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX веков // Античность как тип культуры. М. 1989. С. 308–324. [Mikhailov A.V. Antichnost' kak ideal i kul'turnaya realnost' XVIII–XIX vekov (Antiquity as an ideal and cultural reality of the XVIII–XIX centuries) // Antichnost' kak tip kul'tury. Moscow. 1989. P. 308–324].
- Пановски Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М.: Искусство. 1998 [Panofski E. Rennsans i «renessansy» v iskusstve Zapada (Renaissance and “renewances” in the art of the West). M.: Iskusstvo. 1998].
- Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: «Фирма АРТ». 1993 [Rable F. Gargantuya i Pantagryuel' (Gargantua and Pantagruel). Moscow: “Firma ART”. 1993].
- Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение (1950) // Бои за историю. М.: Наука, 1991 [Fevr L. Kak Zhyul' Mishle otkryl Vozrozhdenie (1950) (How Jules Michelet Discovered the Renaissance (1950)) // Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1991].
- Фуко М. Что такое автор // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 8–46. [Fuko M. Chto takoe avtor (What is an author) // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. Moscow: Kastal', 1996. P. 8–46].
- Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988 [Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ya: Issledovanie form zhiznennogo ukлада i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh (Autumn of the Middle Ages: A study of the forms of lifestyle and forms of thinking in the XIV and XV centuries in France and the Netherlands). M.: Nauka, 1988].

Артамонова Юлия Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, juliaartamonova@yahoo.com

The Formation of the Idea of Authorship in Modern European Thought

The article analyzes a turning point in the history of the concepts of “author” and “text” in XIV–XV centuries; it was at this time that they turned from peripheral concepts into central ones for the process of interpreting texts, changing both the traditional content and the model of interpretation. The traditional interpretations and interpretations in the works of Italian humanists (first of all, Lorenzo Valla) are compared, for whom authorship no longer rigidly associated with *auctoritas*, nevertheless does not imply uniqueness; the concept of “text” is universalized; the text begins to be required to be “true”. Various interpretations of the turn that took place are considered (J. Michelet, E. Panofsky, E.A. Kosminsky, M. Foucault, M. McLuhan, etc.). When analyzing the text of the “Criticism of Constantine's Gift”, new moves undertaken by Lorenzo Valla are shown and explained; they are compared both with the arguments of contemporaries and classics of the previous tradition. This explains the transformation of the meaning extraction model – the text for the first time acquires integrity, internal semantic and stylistic unity; the idea of context and hermeneutical circle appears, and the author becomes the “guarantor” of this connectedness. Nevertheless, the concept of “meaning”, despite its contextual connectedness, claims to be objective. As a result, a new concept of this time appears – “communication”.

Keywords: *author, authority, text, meaning, hermeneutics, communication, historical criticism.*

Artamonova Yulia, PhD. in Philosophy, associate professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; juliaartamonova@yahoo.com

В.А. ГУТОРОВ, А.А. ШИРИНЯНЦ

О ФОРМИРОВАНИИ ПАРАДИГМЫ КОНКУРЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РАННЕГО МОДЕРНА (Т. ГОББС И И. КАНТ)¹

В современных академических исследованиях понятие «конкуренция» вполне справедливо считается междисциплинарным. Постоянным объектом интенсивной дискуссии является вопрос об особенностях ценностного восприятия конкуренции, вследствие чего нормативный элемент нередко становится составной частью даже строго научных дефиниций. Любое определение конкуренции во многом зависит от различных субъективных ее оценок этического свойства, прежде всего, от того, рассматривается ли она в качестве полезной или, наоборот, приносящей вред. У большинства специалистов обычно не вызывает сомнения тот факт, что многие современные представления о конкуренции как социально-политическом феномене восходят в ранним этапам формирования античной общественной мысли. Политическая философия Гоббса и Канта представляет собой важное «соединительное звено», позволяя исследователям четко зафиксировать линию преемственности споров о природе конкуренции между классической древностью и современными теоретическими дискуссиями. Уже в ранний период своего творчества Гоббс разработал две основные модели естественного состояния, основанные на идеях конкуренции и различия, а также третью зарождающуюся модель «языкового хаоса». Заслуживает внимания гипотеза Дж. Гамильтона, согласно которой в основе гоббсовской философской аргументации, связанной с разработкой теорий естественного состояния и государства, лежит комплекс идей, который он определяет как «состязательное мышление». Следующий радикальный по своему значению и теоретическим следствиям этап разработки идеи конкуренции безусловно связан с моральной и политической философией И. Канта, инициировавшего продолжающуюся уже несколько веков дискуссию о международном порядке. В кантовской философии рельефно отразились новые представления о роли конкуренции, тесно связанные с промышленной революцией в Англии и постепенным распространением идеи общественного прогресса.

Ключевые слова: конкуренция, конфликт, свобода, естественное состояние, гражданское общество, политика, философия, мир, война.

В современных академических исследованиях понятие «конкуренция» вполне справедливо считается междисциплинарным². Помимо классической политологии и социологии, различные трактовки конкуренции неизменно присутствуют в трудах по теории мировой политики, международной политэкономии, социальной психологии, политической философии, социальной и культурной антропологии. Постоянным объектом интенсивной дискуссии является вопрос об особенностях ценностного восприятия конкуренции, вследствие которого нормативный элемент нередко становится составной частью даже строго

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024022700618-9-5.6.1.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² Competition: What It Is and Why It Happens 2021: 7-16, 232-233.

научных дефиниций. Он имплицитно просматривается, например, даже в предельно нейтральном определении конкуренции в «Оксфордском словаре английского языка»: «Деятельность или состояние, обусловленные стремлением получить или выиграть что-либо, побеждая или устанавливая превосходство над другими»³.

В историческом плане обозначенная выше дискуссия, безусловно, восходит к агональным аспектам древнегреческой культуры и политики, зафиксированным во множестве источников⁴. У большинства специалистов обычно не вызывает сомнения тот факт, что многие современные представления о конкуренции как социально-политическом феномене восходят в ранним этапам формирования античной общественной мысли. Речь идет не только об идее «вездесущности» соперничества как глубинного свойства человеческой природы, но и о многогранности и полисемантической самого понятия. Любое определение конкуренции как прежде, так и теперь во многом зависит от различных субъективных ее оценок этического свойства, прежде всего, от того, рассматривается ли она в качестве полезной или, наоборот, приносящей вред. «Хотя Гомер, — отмечают С. Дамон и Кр. Пипер, — в своих эпических произведениях предлагает поразительные комментарии к раздорам, именно рассказ Гесиода в *Трудах и днях* о двух Эридах - одной пагубной и одной полезной - имел решающее значение почти для всех последующих дискуссий. Разделив богиню на две отдельные (почти психологические) сущности, Гесиод представляет ее как олицетворение поляризации как таковой... Едва ли нужно доказывать актуальность темы конкуренции в области классических штудий... В греко-римском мире она царит повсюду... Римская аристократия в республиканские времена бесконечно соперничала в погоне за политической властью и славой... Философы, такие как Платон и Аристотель, подвергали критике вездесущую конкуренцию в обществе, которое их окружало. Так, попытка Платона обуздать раздор посредством добродетели, то есть искоренить “дурную” Эриду и оставить только соревнование за *арете*, отвечала общим интересам афинского общества V–IV вв., которое понимало важность соперничества для функционирования своей демократии, но также опасалось возможности того, что раздор выйдет из-под контроля и приведет к внутренней борьбе или даже к гражданской войне (*stasis*)»⁵.

В наши дни обозначенное выше восприятие конкуренции в античной литературе и философии рассматривается как универсальное⁶ и постоянно проецируется на современный социум и политику. Например, комментируя в «историческом ключе» лозунг *Сделаем Америку снова великой*, выдвинутый командой Д. Трампа во время президентской избирательной кампании 2016 г., американский антиковед Ингер Куин от-

³ Oxford Dictionary... 2010: ad loc.

⁴ Зайцев 1985: 75–148.

⁵ Damon, Pieper 2018: 1–2.

⁶ Thorbjørnsen 2019: 1–2.

мечает: «Лозунг *Сделаем Америку снова великой*, похоже, отражает некоторые определяющие черты древней политической мысли, которая характеризовалась консерватизмом, ностальгией и патриотизмом. Явно выраженный пиетет римлян к *mos maiorum* и приверженность афинян законам Солона являются очевидными примерами консервативной тенденции политики в античности. Еще одним примером, который, кажется, подтверждает консервативную ориентацию античной политической мысли, является опровержение Аристотелем позиции Гипподама во второй книге “Политики”. Гипподам Милетский в пятом веке до нашей эры предположил, что хорошим способом стимулирования политических новшеств могло бы стать соревнование граждан друг с другом в выработке предложений, направленных на благо государства. Аристотель резко критикует эту идею и использует предложение Гипподама как отправную точку для обсуждения опасностей политических инноваций... Более того, Аристотель также резко осуждает в политическом плане конкурентный аспект плана Гипподама: “Что касается предложения о необходимости оказывать какой-либо почет тем, кто придумал что-нибудь полезное для государства, то на этот счет небезопасно вводить узаконения. Они лишь по видимости приятно ласкают слух, а в действительности могут повести к ложным доносам, и даже, смотря по обстоятельствам, к потрясениям государственного строя” (*Pol.* 1268b22–25)⁷.

Политическая философия раннего модерна в лице Гоббса и Канта – важное «соединительное звено», позволяющее исследователям зафиксировать линию преемственности споров о природе конкуренции между классической древностью и современными теоретическими дискуссиями. По мнению большинства специалистов, исходные моменты концепции конкуренции в ее современном виде восходят к философским идеям Томаса Гоббса, который по праву считается предшественником *реалистического* направления в теории международных отношений. Как отмечает Дж.М. Домингес: «Теория международных отношений в значительной степени была продуктом “реалистических” течений. Государства предстают в трудах их представителей как отдельные “акторы”, озабоченные только своими интересами и зависящие исключительно от своей собственной власти... По мнению реалистов, география, природные ресурсы, экономическое развитие, размер, население, дипломатия, приверженность государству, эффективное правительство были факторами силы, которые, среди прочего, можно было мобилизовать»⁸.

В своей работе «Гоббсовский интернационализм: анархия, власть и судьба политической философии» Сильвия Лехнер специально подчеркивает, что уже в ранний период своего творчества Гоббс разработал «две основные модели естественного состояния», основанные на идеях конкуренции и различия, а также третью «зарождающуюся модель язы-

⁷ Kuin 2018: 120, 126-127. Перевод фрагмента Аристотеля сделан по изданию: *The Politics of Aristotle* 1894: 275-276.

⁸ Domingues 2019: 230.

кового хаоса». Философ «пытался связать конкретную страсть с определенной моделью – страх смерти соответствовал базовой модели “неуверенности” (подразумевающей физическое насилие), а тщеславие поддерживало “расовую” модель (которая не имеет подобных импликаций). Но результатом является разрыв между моделью “гонки” (конкуренции) и моделью “неуверенности”»⁹.

Истоки гоббсовской позиции в отношении конкуренции предельно ясно и лапидарно обозначены в работе К. Скиннера «Гоббс и республиканская свобода». «Проблема, с которой мы сталкиваемся, – отмечает Скиннер, – заключается в том, что, хотя мир является нашей основной потребностью, война является нашей естественной судьбой. Пока существует “право каждого человека на все”, результирующим “достоянием людей в этой естественной свободе” может быть только “достояние войны”. Согласно его заключению, в самой знаменитой формуле, наше первобытное состояние есть, таким образом, война всех против всех остальных, состояние нескончаемой вражды, в котором “сама природа уничтожается”. Гоббс здесь вовлекается в лобовую атаку на господствующее утверждение Аристотеля, согласно которому, как это выражено в переводе 1598 года, “человек по своей природе является общительным и цивилизованным существом”. Но как получается, что природа обрекает нас на непрекращающуюся вражду? Мы легко увидим ответ, продолжает Гоббс, если признаем, что к основному диагнозу нашего естественного состояния как состояния, в котором каждый имеет право на все, необходимо сделать два смертельных дополнения. Первое состоит в том, что “страсти многих людей ведут их к одной и той же цели; цели, которой иногда нельзя воспользоваться ни совместно, ни порознь”. Другими словами, мы склонны постоянно конкурировать за одни и те же скудные ресурсы. Другая проблема в том, что эти соревнования обречены проходить в условиях равноправия. Хотя это истина, которую мы не хотим принимать, факт состоит в том, что у мужчин зрелого возраста имеются “незначительные преимущества” либо “в силе, либо в знаниях”. Таким образом, получается, что неизбежным исходом будет бесконечная война, в которой “один человек по праву вторгается, а другой по праву сопротивляется”. Отчаянный парадокс, на котором основана политическая теория Гоббса, состоит в том, что злейшим врагом человеческой природы является сама человеческая природа»¹⁰.

Д. Готье в работе «Логика Левиафана» акцентирует внимание на необходимости учитывать ряд нюансов, связанных с адекватной интерпретацией мотива конкуренции (соперничества) в политической теории Гоббса, который весьма рельефно обозначен в следующих формулах «Левиафана»: «Итак, в том, что касается общей склонности всего чело-

⁹ Lechner 2019: 61.

¹⁰ Skinner 2008: 40-42; ср.: Spragens 1973: 101-106, 111-124; Raphael 1978: 49-50; см. также: Williams 2010: 147-167; Runciman 2008: 16, 18-19, 39, 43-44, 173-176; Pedro 2017: 70-78.

вечества, на первое место я ставлю постоянную и неугомонную жажду власти, которая прекращается только вместе со смертью. И причина этого не всегда в том, что человек надеется на более сильное наслаждение по сравнению с тем, которого он уже достиг; или что он не может довольствоваться умеренной властью, но потому, что он не может обеспечить власть и средства для хорошей жизни, которые у него уже есть, без приобретения большего... В природе человека мы находим три основные причины раздоров. Во-первых, соперничество; во-вторых, неуверенность; в-третьих, слава. Первая причина заставляет людей посягать на чужие права ради выгоды; вторая – ради безопасности; третья – ради репутации...»¹¹. Комментируя гоббсовские аргументы, Готье отмечает: «Это стремление к власти не обязательно приобретает конкурентный характер – одинокое существо, столкнувшись с природными силами, будет пытаться увеличить свои возможности по отношению к ним, но нельзя говорить, что оно соперничает с ними. Но человек – не одинокое существо; он живет, сталкиваясь с другими людьми. Но даже это вовсе не делает ситуацию соперничества неизбежной, ибо вполне возможно предтавить, что силы разных людей должны противопоставляться только силам природы, а не друг другу. Но стоит только допустить возможность того, что мощь одного человека противостоит силе другого, как забота о “власти ради власти” становится конкурентной. Ибо, если ваша сила может быть противопоставлена моей, может помешать моим усилиям поддерживать мое жизненное движение, тогда я должен стремиться обезопасить себя, увеличивая свою мощь по сравнению с вашей. Итак, гонка началась... Таким образом, мы можем понять, почему Гоббс считает людей непременно конкурентами. Допустите возможность того, что силы людей противостоят друг другу, и вы должны признать необходимость борьбы между ними. Такова логика всех человеческих конфликтов»¹².

В приложении к книге, имеющем название «Гоббс о международных отношениях», Готье дает подробный комментарий к другой гоббсовской формуле, согласно которой естественное состояние является наиболее адекватной характеристикой отношений между народами. Гоббс признавал, что «состояние, в котором находятся народы, является более сносным в сравнении с положением отдельных людей в чисто природном окружении... Но в более общем плане положение народов терпимо, поскольку в нем отсутствует то фундаментальное равенство, которое Гоббс находит в естественном состоянии, когда “самый слабый имеет достаточно силы, чтобы убить сильнейшего”. Из этого равенства постоянно возникает война. Но во времена Гоббса народы не могли убить друг друга. Если мы предположим, что смерть народа влечет за собой не только смерть ее конкретного суверена, но и разрушение системы его суверенитета и, таким образом, разрушение всей социальной ткани, поддерживаемой этим суверенитетом, то смерть была относи-

¹¹ Gauthier 1969: 16, 14.

¹² Gauthier 1969: 14-15.

тельно редким событием в мире суверенных держав. Однако появление ядерного оружия приближает состояние наций к подлинному естественному состоянию Гоббса. Сегодня основные ядерные державы разделяют равенство гоббсовских современников — они могут полностью уничтожить друг друга... Страх перед ядерной смертью обеспечивает общий интерес, который один только может дать народам основу для совместных действий... Но в природном состоянии мир не может быть достигнут только по просьбе. Народы могут согласиться с тем, что враждебность — это плохо, но причины вражды - соперничество, неуверенность и слава — этим соглашением не устраняются»¹³.

В недавно опубликованной работе «Креативность Гоббса» Джеймс Гамильтон выдвинул гипотезу, согласно которой в основе гоббсовской философской аргументации, связанной с разработкой теорий естественного состояния и государства, лежит комплекс идей, который современный британский философ определяет как «сопоставительное мышление» (*adversarial thinking*). Философские идеи Гоббса «атакуют противоположные взгляды и противостоят им, заменяют, исключают или иным образом подрывают их... У него также имелись политические причины, побуждающие атаковать противоположные взгляды и это, естественно, усиливает его мотивацию наносить по ним удары»¹⁴. Свою гипотезу Гамильтон подкрепляет ссылкой на мнение «ряда комментаторов», акцентировавших внимание на тех важных аспектах философии Гоббса, «в которых он незаметно опирается на Аристотеля и аристотелизм позднего Возрождения, одновременно возвещая о своей независимости и оппозиции к аристотелизму»¹⁵. Данное мнение тем более ценно, что, на наш взгляд, многие политические элементы «сопоставительного мышления» Гоббса, постоянно демонстрируют близость к тому типу аргументации, которая представлена во второй книге «Политики» Аристотеля, включая обозначенную выше заочную полемику с Гипподамом Милетским.

Следующий радикальный по своему значению и теоретическим следствиям этап разработки идеи конкуренции связан с моральной и политической философией И. Канта, инициировавшего продолжающуюся уже несколько веков дискуссию о международном порядке. Прежде всего речь идет о формулировании великим философом ряда принципиальных вопросов, до сих пор сохраняющих непреходящую актуальность: в какой степени народы должны уступить свой суверенитет федерации государств ради всеобщей безопасности и процветания; в какой степени международная торговля может стать фактором, сдерживающим национальную зависть и стимулирующим терпимость и человечность¹⁶.

В кантовской мысли рельефно отразились новые представления о роли конкуренции, тесно связанные с промышленной революцией в Ан-

¹³ Gauthier 1969: 207-208; ср. Cowen 2021: 5-7, 52, 55, 181-182.

¹⁴ Hamilton 2023: 155.

¹⁵ Hamilton 2023: 64; см. также: 75.

¹⁶ См. подробнее: Forman 2013: 266-282.

глии и постепенным распространением идеи общественного прогресса¹⁷. «Гоббсовское уравнивание конкуренции с конфликтом, – отмечают Д. Раус и Дж. Стаффорд, – было основано на концепции человеческого взаимодействия, в которой материальная взаимозависимость играла небольшую роль или вообще не играла никакой роли в ограничении возможностей для насилия. Однако в течение следующих двух столетий европейские мыслители, занимавшиеся проблемой “общительности” – вопросом о том, как и почему люди стали способны жить вместе, – все чаще опирались на материальную взаимозависимость как на возможное объяснение того, почему общество стало возможным при отсутствии постоянного божественного вмешательства. Эти новые теории “коммерческого общества”, наиболее влиятельные из которых были выдвинуты шотландским философом и правоведом Адамом Смитом, особенно акцентировали внимание на балансе сочувствия и стяжательского поведения, сформированном рыночными обществами, основанными на наемном труде и воображаемых эгалитарных социальных отношениях. Хорошо известно, что эта линия мышления породила классическую политическую экономию с ее фундаментальной приверженностью ценовой конкуренции – этому “божественному закону дешевизны” Ричарда Кобдена – гаранту как материального изобилия, так и социального и международного мира. Согласно этому направлению мысли, материальная взаимозависимость может в конечном счете стать полным растворителем политического конфликта, делая большую часть аппарата современного государства – особенно постоянные армии и профессиональную дипломатию – излишними в качестве необходимых условий... Если, по Гоббсу, психологические основы конкуренции были таковы, что они могли привести только к насилию, мыслители восемнадцатого века видели гораздо больший потенциал в разновидностях конкуренции, которые можно было бы удерживать в рамках нормативных и институциональных границ. Это не только делает возможной рыночную конкуренцию на внутреннем или глобальном уровне, но также позволяет представить международную политику, в которой национальные единицы, обозначаемые преимущественно в экономических терминах, могли бы конкурировать друг с другом в производительности и государственном потенциале, не прибегая к прямому военному конфликту»¹⁸.

На наш взгляд, попытка противопоставить гоббсовскую концепцию конкуренции новым теориям «коммерческого общества» далеко не всегда выглядит правомерной. Так, Ч. Тейлор в эссе «Герменевтика конфликта» специально обращает внимание на следующее важное обстоятельство, предопределившее столь долговременное влияние индивидуалистических аспектов политической философии Гоббса на более поздние направления международной политической теории: «Теперь, – от-

¹⁷ См. подробнее: Koselleck 2010: 159-182.

¹⁸ Competition in World Politics 2021: 10-11, 12; см. также: Gauthier 1986: 2-14, 287-288, 318-319; Contractarianism...1991: 14, 105, 110, 158, 255-256.

мечает Тейлор, – хотя и может показаться правдоподобным, что преобладание политического индивидуализма само по себе можно объяснить удачным исходом военно-политической борьбы в истории, включая некоторые решающие вооруженные конфликты, такие как Американская революция и Вторая мировая война, не говоря уже о господстве империалистических держав, политическая культура которых была основана на этих ценностях, – гораздо менее очевидно, что господствующие над нами образы сексуальной любви и личного удовлетворения должны объясняться теми же терминами. Мы действительно можем говорить о том, что они возникают в результате борьбы. Но отчасти это была борьба в повседневной жизни, в которой отдельные люди и пары стремятся найти смысл своей жизни и придать форму своим надеждам, страхам и чаяниям. Никто не может недооценивать огромное влияние, которое оказали войны, завоевания, массовые миграции, изгнания, навязанная индустриализация и многие другие подобные основополагающие события современной цивилизации. Но это обуславливает и не вытесняет борьбу, связанную с формированием повседневной жизни»¹⁹.

В работах Канта обозначенные выше тенденции предвосхищаются лишь в отдельных моментах в силу специфических особенностей его аргументации, основанной, в том числе, и на творческом переосмыслении аристотелевской телеологической концепции динамического потенциала природы вообще и человеческой природы, в частности. Речь идет о «первичном определении» природы как сущности того, «что имеет начало движения в самом себе как таковом»²⁰.

В современной научно-философской аналитике основное внимание по-прежнему уделяется двум принципиально важным линиям аргументации, представленным в кантовских эссе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и «К вечному миру». Первое можно рассматривать как своеобразное философское обоснование идеи конкуренции: «Положение четвертое. *Средство, которым пользуется природа, чтобы обеспечить развитие всех задатков людей, есть антагонизм между ними в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной его законосообразного порядка.* Под антагонизмом я понимаю здесь *необщительную общительность* людей, т.е. такую склонность к общению, которая вместе с тем связана с непрерывным сопротивлением, постоянно грозящим обществу разъединением. Задатки этого явно заложены в человеческой природе... Люди, добродушные как овцы, которых они пасут, едва ли придавали бы своему существованию большую ценность, чем своему домашнему скоту; они не заполнили бы пустоту творения в отношении их цели как разумной природы. Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливое соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать или

¹⁹ Taylor 1988: 225-226; ср.: Beitz 1999: 36, 52-54, 63, 69.

²⁰ Aristotle's *Metaphysics* 1924: 248; см. также: Гуторов 1989: 185 сл.; ср.: Baumeister 2022: 16-17; Kohl 2023: 146.

же господствовать! Без них все превосходные человеческие задатки остались бы навсегда неразвитыми»²¹.

В эссе «К вечному миру» аналогичные мысли представлены в виде стройной системы философско-политических доводов: «Между тем каждое государство (или его глава) желает добиться для себя прочного мира таким образом, чтобы завладеть по возможности всем миром. Но *природа хочет* по-другому. Двумя средствами пользуется она для того, чтобы удерживать народы от смешения и разъединять их, – различием *языков* и *религий*, которое, правда, и влечет за собой склонность к взаимной ненависти и повод к войне, но с ростом культуры и при постепенном приближении людей к большому согласию в принципах вызывает общее стремление жить в мире, который осуществляется и обеспечивается не ослаблением всех сил, как это имеет место при деспотизме (на кладбище свободы), а их равновесием, их живейшим соревнованием. И подобно тому, как природа, с одной стороны, мудро разделяет народы, которые воля каждого государства на основе самого международного права охотно подчинила бы своей власти хитростью или силой, так, с другой стороны, она соединяет через взаимный корыстолюбивый интерес те народы, которых понятие права всемирного гражданства не оградило бы от насилия и войны. *Дух торговли*, который не может сосуществовать с войной, рано или поздно овладевает каждым народом. Дело в том, что из всех сил (средств), подчиненных государственной власти, *сила денег*, пожалуй, самая надежная, и потому государства видят себя вынужденными (конечно, не по моральным побуждениям) содействовать благородному миру и повсюду, где существует угроза войны, предотвращать ее своим посредничеством, как если бы они находились с этой целью в постоянном союзе; ведь большие союзы, заключенные для войны, могут по самой своей природе крайне редко осуществляться и еще реже быть удачными. Именно таким способом самим механизмом, действующим в человеческих склонностях, природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью, недостаточной, чтобы (теоретически) *предсказать* время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей нас добиваться этой (не столь уж призрачной) цели»²².

В современной литературе обозначенные выше аргументы Канта обычно суммируются в серии тезисов, подтверждающих тезис о творческом развитии философом аристотелевской телеологической парадигмы: 1. Естественные задатки всех природных существ предназначены для полного и совершенного развития; 2. Разум – главное природное свойство, которому подчинены все остальные человеческие склонности, лучше всего развивается только в обществе; 3. Средством, с помощью которого природа содействует развитию разума, является антагонизм людей (*необщительная общительность*). Людям свойственно объединяться, но в то же время конкурировать друг с другом. Чтобы регулиро-

²¹ Кант 1993: 91, 92; см. также: Ясперс 2014: 268–269.

²² Кант 1993: 423–425.

вать конфликты, они вынуждены создавать государство. Через некоторое время законы, защищающие права личности, интериоризируются и люди переходят на моральную стадию своего развития. Общество, вырастающее из патологического вынужденного союза, становится нравственным целым; 4. Полное развитие разума гарантирует только такое общество, в котором максимальная свобода каждого совместима со свободой всех остальных его членов. Следовательно, первая цель, которую природа ставит перед людьми, – это достижение гражданского состояния; 5. Достижение этой цели занимает много времени и требует исключительных усилий. Человеческая природа на самом деле является «деформированным деревом», и те, кто правят, склонны злоупотреблять своей властью; 6. Историю человеческого рода можно рассматривать как реализацию скрытого плана природы для человеческих существ, а именно создание совершенной конституции (внутри отдельных стран и на международном уровне), которая одна только гарантирует полное развитие естественных задатков гуманности (разума). Опыт дает нам первые немногие признаки существования такого плана для человечества. Эгоистическое преследование интересов государства непреднамеренно приводит каждое государство к созданию условий (развитие образования и культуры граждан ради престижа государства; уважительное отношение к гражданской свободе ради усиления коммерческой мощи и др.), которые неизбежно приведут к справедливому внутреннему и международному политическому устройству. Отсюда следует, что возможен такой взгляд на историю, *который приписывает ей заранее установленную цель и содействует ускоренному достижению этой цели*²³.

В современной политической теории анализ кантовских идей нередко осуществляется с откровенно нормативных позиций, в основе которых лежит противопоставление англо-саксонской и континентальной традиций. Так, Ч.Р. Бейтц в работе «Политическая теория и международные отношения» утверждает, что доминирующей нормативной концепцией международных отношений в англо-американской литературе является концепция Гоббса, основанная на комбинации аналогии между международными отношениями и естественным состоянием и концепцией этики. У Гоббса моральное суждение неуместно вне суверенных политических сообществ. Данную точку зрения Бейтц характеризует как «международный моральный скептицизм». Напротив, сторонники современной традиции естественного права, выступающие против такого подхода, утверждают, что моральное суждение в «глобальном естественном состоянии» уместно и со стороны государств при наличии более или менее гарантированного международного порядка. В этих условиях «третья концепция международной морали становится все более правдоподобной. Следуя Канту, мы можем назвать это космополитической концепцией. Она космополитична в том смысле, что у членов некото-

²³ См.: Caranti 2017: 117.

рых государств могут быть обязательства в отношении справедливости, основанные на повсеместном уважении к людям... Государства участвуют в сложных международных экономических, политических и культурных отношениях, которые предполагают существование глобальной схемы социального сотрудничества. Как отмечает Кант, международное экономическое сотрудничество создает новую основу для международной морали. Если социальное сотрудничество является основой распределительной справедливости, то можно полагать, что международная экономическая взаимозависимость поддерживает принцип глобальной распределительной справедливости, аналогичный тому принципу, который применяется в местном сообществе»²⁴.

На наш взгляд, гораздо ближе к истине те ученые, которые стремятся аутентично оценивать основную тенденцию политической мысли обоих философов, связанную с попыткой преодоления зафиксированного К. Скиннером «отчаянного парадокса». В сравнении с гоббсовским скептицизмом, характер кантовского решения выглядит более оптимистичным. Как справедливо подчеркивает С. Моллой: «Решение проблемы необщительной общительности состоит в создании гражданского общества, в котором право соблюдается повсеместно. Кант изображает это как самореализующийся процесс, в котором социальное действие допускает антагонизм. Антагонизм ограничивает и сдерживает свободу в рамках параметров, установленных конфликтующими сторонами. В подобной среде таланты человека развиваются в высшей степени. Таким образом, социальный порядок является плодом управляемого антагонизма и, по мере того как люди все лучше справляются с антагонизмом, происходит установление расширяющегося, эволюционирующего, основного на правах гражданского общества, в котором могут развиваться «зачатки природы». Этому решению угрожает тот факт, что человек остается животным и как таковой, по Канту, нуждается в хозяине, но единственный возможный хозяин – это другой человек, а значит, хозяин, уверенный в своем праве злоупотреблять своей свободой»²⁵.

В своей редакционной статье к новейшему изданию международного юбилейного сборника, посвященного исключительно интерпретациям эссе «К вечному миру», Отфрид Хёффе подчеркивал, что главный момент фундаментального исторического оптимизма Канта заключается в принципиальной «аполитичности» его позиции: «Для Канта характерна не сама идея мира, а тот точный профиль, который он ей придает... Кант не преследует никаких политических интересов. Более того, он развивает чисто философскую аргументацию»²⁶. Аналогичной позиции придерживается и Х. Бер в своей «Истории международной политической теории»: кантовская концепция универсально обоснованного меж-

²⁴ Beitz 1999: 181-182, 144.

²⁵ Molloy 2017: 76; cp.: Maffettone 2020: 80; The Politics of International Political Theory 2019: passim.

²⁶ Immanuel Kant 2024: 7-8.

дународного порядка предполагает, что «мир и государственное сотрудничество, несмотря на всевозможные конфликты, войны и споры, инкорпорированы в универсальные принципы разума, коммерческого духа и этики, которые применимы ко всему человечеству и продвигают принципы онтологического и эпистемологического единства и дружественной общительности между всеми государствами. Универсализм в истории международной политической мысли кончается кантовским “Вечным миром”. То, что мы находим после Канта, это мысли и понятия, которые основаны не на соображениях и представлениях об универсальной этике и естественном праве, а на представлениях, направляемых взглядом на мир, состоящий из значительно обособленных существ, каждая из которых имеет свои солипсические нравы, политическую идеологию и интересы. Таким образом, конечная точка отсчета для формулирования онтологического взгляда международной политической мысли смещается от универсализма к партикуляризму»²⁷.

Парадоксальный тезис О. Хёффе об «аполитичности» политической философии Канта имплицитно исключает идеологическую составляющую. Действительно, ни одно из сочинений философа, посвященных социально-политическим проблемам, фактически невозможно идентифицировать ни с одним из идеологических направлений, формировавшихся на рубеже XVIII–XIX вв. Тем не менее, в этическом и, в определенном смысле, эстетическом плане, заслуживает внимания концепция Дж. Черча, противопоставлявшего «кантианский либеральный перфекционизм» традиционному европейскому либерализму. По мнению Черча, либеральный перфекционизм фиксирует внимание не на «хорошей жизни» как главной цели правительственной деятельности, а «на смысле жизни». Либеральные адепты «хорошей жизни» обычно концентрируют внимание на настоящем, поощряя временные блага, которыми люди наслаждаются «здесь и сейчас». Естественно, они неспособны оценить, тем более решать проблемы «непреходящих общественных благ, которые переживут всех людей, живущих сейчас на Земле... Кант понимает смысл жизни как участие и вклад в постепенное освобождение человечества. На выполнение этой задачи потребуются бесчисленные поколения»²⁸.

«Либеральный перфекционизм» Канта тесно связан с его философией свободы²⁹. Именно свобода дает возможность самосовершенствования, и конкуренция является лишь одним из элементов реализации творческого потенциала индивидов и человечества в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гуторов В.А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1989. 288 с. [Gutorov V.A. Antichnaya social'naya utopiya: voprosy istorii i teorii (Ancient social utopia: questions of history and theory). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989. 288 p.]

²⁷ Behr 2010: 141.

²⁸ Church 2022: 15.

²⁹ См.: Sweet 2023: 97.

- Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. 207 с. [Zajcev A.I. Kul'turnyj perevorot v Drevnej Grecii VIII-V vv. do n.e. (Cultural upheaval in Ancient Greece VIII-V centuries. BC.). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985. 207 p.]
- Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том I. «Трактаты и статьи». М.: Изд. фирма АО «Ками», 1993. 586 с. [Kant I. Sochineniya v 4-h tomah na nemecom i russkom yazykah. Tom I. «Traktaty i stat'i» (Works in 4 volumes in German and Russian. Volume I. "Treatises and Articles."). Moscow: Izdatel'skaya Firma AO «Kami», 1993. 586 s.]
- Ясперс К. Кант: жизнь, труды, влияние. М.: Канон+, 2014. 416 с. [Jaspers K. Kant: zhizn', trudy, vliyaniye (Kant: life, works, influence). Moscow: Kanon+, 2014. 416 s.]
- Aristotle's *Metaphysics*. A Revised Text with Introduction and Commentary by W. D. Ross. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1924. 366 p.
- Baumeister D. Kant on the Human Animal: Anthropology, Ethics, Race. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2022. 159 p.
- Behr H. A History of International Political Theory: Ontologies of the International. London: Palgrave Macmillan, 2010. 302 p.
- Beitz Ch. R. Political Theory and International Relations. Princeton (N.J.): P.U.P., 1999. 248 p.
- Caranti L. Kant's Political Legacy: Human Rights, Peace, Progress. Cardiff: University of Wales Press, 2017. 303 p.
- Church J. Kant, Liberalism, and the Meaning of Life. New York: Oxford University Press, 2022. 339 p.
- Competition: What It Is and Why It Happens. Ed. by Stefan Arora-Jonsson, Nils Brunsson, Raimund Hasse, Katarina Lagerström. Oxford: Oxford University Press, 2021. 224 p.
- Competition in World Politics: Knowledge, Strategies and Institutions. Ed. by Daniela Russ, James Stafford. transcript Verlag, Bielefeld, 2021. 304 p.
- Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's *Morals by Agreement*. Ed. by Peter Vallentyne. New York: Cambridge University Press, 1991. 339 p.
- Cowen N. Neoliberal Social Justice: Rawls Unveiled. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2021. 231 p.
- Damon C., Pieper Chr. Introduction // Eris vs. Aemulatio: Valuing Competition in Classical Antiquity. Ed. by Cynthia Damon, Christoph Pieper. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 1-25.
- Domingues J.M. Critical Theory and Political Modernity. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 323 p.
- Forman F. From European to Cosmopolitan Freedom // Freedom and the Construction of Europe. Vol. II. Free Persons and Free States. Ed. by Quentin Skinner, Martin van Gelderen. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 266-282.
- Gauthier D. The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford; New York: Oxford University press, 1969. 217 p.
- Gauthier D. *Morals by Agreement*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 367 p.
- Hamilton J. J. Hobbes' Creativity. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2023. 258 p.
- Immanuel Kant: Zum ewigen Frieden. 4 Auflage. Hrsg von Otfried Höffe. Berlin; Boston: De Gruyter, 2024. 214 S.
- Kohl M. Kant on Freedom and Rational Agency. Oxford: Oxford University Press, 2023. 399 p.
- Koselleck R. "Fortschritt" und "Niedergang" - Nachtrag zur Geschichte zweier Begriffe // Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache, Berlin: Suhrkamp, 2010. P. 159-182.
- Kuin I.N.I. Competition and Innovation in Aristotle, *Politics* 2 // Eris vs. Aemulatio: Valuing Competition in Classical Antiquity. Ed. by Cynthia Damon, Christoph Pieper. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 120-140.
- Lechner S. Hobbesian Internationalism: Anarchy, Authority and the Fate of Political Philosophy. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 200 p.
- Maffettone P. International Toleration: A Theory. London; New York: Routledge, 2020. 176 p.
- Molloy S. Kant's International Relations: The Political Theology of Perpetual Peace. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 253 p.
- Oxford Dictionary of English. 3rd ed. / Agnus Stevenson. N.Y.: Oxford Un-ty Press, 2010. 2112 p.
- Pedro G. M. Reinhold Niebuhr and International Relations Theory: Realism beyond Thomas Hobbes. London; New York: Routledge, 2017. 201 p.
- Raphael D. D. Hobbes: *Morals and Politics*. London: George Allen & Unwin, 1978. 104 p.
- Runciman D. Political Hypocrisy: The Mask of Power from Hobbes to Orwell and Beyond. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2008. 272 p.

- Skinner Qu. *Hobbes and Republican Liberty*. Cambridge: C.U.P., 2008. 245 p.
- Spragens T. A. *The Politics of Motion: The World of Thomas Hobbes*. Lexington: University Press of Kentucky, 1973. 224 p.
- Sweet K. *Kant on Freedom, Nature, and Judgment: The Territory of the Third Critique*. Cambridge: C.U.P., 2023. 221 p
- Taylor Ch. *The Hermeneutics of Conflict // Meaning and Context - Quentin Skinner and His Critics*. Ed. and intr. by James Tully. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1988. P. 218-230.
- The Politics of Aristotle. A Revised Text with Introduction, Analysis and Commentary* by F. Susemihl and R.D. Hicks. Books I–V. L.; N.Y.: Macmillan and Co., 1894. 689 p.
- The Politics of International Political Theory: Reflections on the Works of Chris Brown*. Ed. by Mathias Albert, Anthony F. Lang Jr. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 268 p.
- Thorbjørnsen S. O. *What Happens to People in a Competitive Society: An Anthropological Investigation of Competition*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 423 p.
- Williams M.C. *Recasting of Hobbesian Legacy in International Political Theory // International Political Theory after Hobbes: Analysis, Interpretation and Orientation*. Ed. by Raja Prokhovnik, Gabriella Slomp. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 147-167.

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, СПбГУ; ведущий научный сотрудник, ФНИИЦ РАН, gut-50@mail.ru

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, ФНИИЦ РАН, jants@jandex.ru

On the Question of Formation of the Paradigm of Competition in the Political Philosophy of the Early Modernity (T. Hobbes and I. Kant)

In modern academic research, the concept of “competition” is quite rightly considered interdisciplinary. A constant object of intense discussion is the question of the peculiarities of the value perception of competition, as a result the normative element often becomes an integral part of even strictly scientific definitions. Any definition of competition largely depends on various subjective assessments of its ethical properties, first of all, on whether it is considered useful or, conversely, harmful. Most experts usually have no doubt about the fact that many modern ideas of competition as a socio-political phenomenon go back to the early stages of the formation of ancient social thought. The political philosophy of Hobbes and Kant represents an important “connecting link” providing clear fixation by specialists of the line of continuity of debates about the nature of competition between classical antiquity and modern theoretical discussions. Already in the early period of his work, Hobbes developed two main models of the state of nature, based on ideas of competition and difference, as well as a third emerging model of “linguistic chaos”. The hypothesis of J. Hamilton is worthy of attention, according to which the basis of Hobbes's philosophical argumentation associated with the development of theories of the state of nature and the state is a complex of ideas, which he defines as “adversarial thinking”. The next stage in the development of the idea of competition, radical in its significance and theoretical consequences, is certainly associated with the moral and political philosophy of Immanuel Kant, who initiated the discussion about the international order that has been going on for several centuries. Kant's philosophy clearly reflected new ideas about the role of competition, closely related to the industrial revolution in England and the gradual spread of the idea of social progress.

Keywords: *competition, conflict, freedom, state of nature, civil society, politics, philosophy, peace, war.*

Vladimir A. Gutorov Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Saint Petersburg State University, Leading Researcher of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, gut-50@mail.ru

Aleksandr A. Shirinyants Dr. Sc. (Political Science), Professor, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, jants@jandex.ru

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИЗИСА ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ ПРАВА

В статье рассматриваются мировоззренческие основания кризиса западной традиции права. В понимании данной традиции авторы отправляются от результатов исследования Г.Дж. Берманом ее генезиса: средневековая *концепция справедливости* определялась «верой в нравственное равенство всех участников правового процесса» как грешных равным образом людей. Другой отправной пункт – идея С.С. Аверинцева, согласно которой специфической чертой Запада, начиная со средних веков, является представление об особой значимости права в земной жизни людей: право призвано защитить человека от вторжения сил, препятствующих спасению его души. Согласно этому предлагается обратиться к томистскому обоснованию положения о единстве божественной и земной справедливости, устанавливаемой в *этом* мире человеческим законом. Теистические истоки позиционирования права как установления, имеющего самостоятельное значение, в известном смысле сохраняются и в секулярном «прост-ранстве» Нового времени. Теперь привязку права к «высшему источнику» (ценностям: свободе, справедливости и равенству) осуществляет идеология как квазирелигия. Если же говорить о мировоззренческом источнике современного кризиса права, то следует обратить внимание на *нигилистическую* (Ницше) мутацию, возникшую на рубеже XIX–XX вв. Рассмотрение феномена измененного состояния сознания (на материале исповеди террориста «Конь бледный») позволяет сделать вывод: вместе с отрицанием трансцендентного источника основных ценностей (свободы, равенства и справедливости) происходит исчерпание их «утопической энергии», а тем самым выхолащивается и становится имитационной вера в автономно права в западной традиции.

Ключевые слова: автономия права, христианский аристотелизм, креационизм, акцидентализм, божественная справедливость, идеология, нигилизм, ценность, кризис западной традиции права.

В свое время Чаадаев утверждал, что все народы Западной Европы имеют «общую физиономию», «некоторое семейное сходство». Такое сходство, по его словам, образуют «идеи долга, справедливости, права, порядка». При этом философ настаивает, что именно эти идеи составляли преемственное духовное наследие европейцев, были единым стержнем того, что еще сравнительно недавно «вся Европа называла христианским миром»¹. Имея в виду социокультурную специфику Запада, исторически выпестованную в ходе многовекового развития, можно признать справедливость оценки Чаадаева. Именно западная цивилизация создала особый тип правосознания, образовавшего ее духовно-политический каркас: опираясь на развитие средневековых правовых систем, она выработала в Новое время понятие «автономии» права²,

¹ Чаадаев 1991: 327.

² «Говорить о "традиции" права на Западе – значит привлечь внимание к двум важнейшим историческим фактам. Первый состоит в том, что начиная с конца XI и XII в., кроме определенных периодов революционных перемен, правовые институты на Западе непрерывно и последовательно развивались на протяжении веков, причем каждое последующее поколение сознательно продолжало работу предыдущего. Вто-

которое стало конструктивной основой институтов «правового государства» и, согласно которой, выражаясь языком философии права, *каждый человек признается безусловно правоспособным, наделен неотчуждаемым гражданским достоинством*³. Однако, если говорить о реалиях современной политики, фундаментальная академическая мысль констатирует глубочайший кризис «западной традиции права». Согласно оценке американского исследователя Г. Дж. Бермана, «мы находимся в середине беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся... традиция права – не только так называемые либеральные концепции последних нескольких столетий, но сама структура западного правового порядка, корни которого находятся в XI и XII вв.»⁴.

По словам Бермана, истоки становления западного правового порядка, разрушаемого сегодня кризисом правовых ценностей и правовой мысли, лежат, в частности, в области мысли средневековой. Данная статья представляет собой попытку определить мировоззренческие истоки и «продиагностировать» параметры разрушения духовных основ этой традиции, а для этого нужно прежде всего получить представление о таковых основах. По-видимому, смысловое звено, разрушение которого вызвало кризис, – это «христианский аристотелизм»⁵ и его производное – убеждение в *самостоятельной значимости права как реальности, автономной по отношению к политической «целесообразности» любого рода*. Аверинцев отмечает, что утверждающийся к XIII в. в западной схоластике христианский аристотелизм «вносит ни с чем не сравнимый вклад в становление специфики Запада». Важно отметить, что позиция Аверинцева здесь близка точке зрения Бермана, потому именно, что возникновение принципа автономии права происходит в рамках средневековой теолого-теистической философии.

Как известно, вершиной западной средневековой философии был Фома Аквинский. Можно полагать, что понимание специфики позиции Аквината сделает доступным достижение нашей цели – определение стержневого узла западной традиции, подвергнувшегося кризисному раз-

рой факт заключается в том, что этот сознательный процесс последовательного развития воспринимается (или воспринимался когда-то) как процесс не только перемен, но и органичного роста» (Берман 1998: 22–23).

³ Речь идет о «естественном праве», нормы которого априорны, самоочевидны, неизменны в отличие от норм права «волеустановленного»; отсутствие естественного права означало бы невозможность человеческого общения. Именно естественное право является источником обязующей силы права волеустановленного: в первом – источник силы последнего, а не в насилии, хотя без насилия оно «не получит своего внешнего осуществления» (Гроций 1994: 49). Выражаясь языком Канта (похожим образом отличавшего «априорное» право от «позитивного» закона), закон – «внешняя сфера действия категорического императива» [Кант 1965: 141]. Право, таким образом, в своем внеэмпирическом основании не утилитарно и автономно, не допускает любого его гетерономного понимания и инструментального применения.

⁴ Берман 1998: 48.

⁵ Аверинцев 1996: 319–329.

рушению. Философская позиция Аквината представляет собой «христианскую обработку Аристотеля» (Аверинцев), т.е. *мировоззренчески* – это аристотелизм, который облачен в одежды средневекового теизма. Для нас, как это будет ясно в дальнейшем, рассмотрение этой стороны дела имеет принципиальное значение. Подобное рассмотрение, по-видимому, будет заключать в себе следующие основные моменты.

Первое. Различая *бытие* и *сущность*⁶, Фома, тем не менее, не противопоставляет их, но вслед за Аристотелем указывает на наличие общего источника и того и другого: *сущности* (как *субстанции*) обладают, согласно Аквинату, самостоятельным бытием, в отличие от *акциденций* (свойств, качеств), которые существуют только благодаря субстанциям. Отсюда им выводится различие *субстанциальных форм* и *форм акцидентальных*. Субстанциальная форма сообщает всякой вещи простое бытие, а потому при ее появлении мы говорим, что нечто возникло, а при ее исчезновении, – что нечто разрушилось. Акцидентальная же форма – источник определенных качеств, а не бытия вещей. Различая вслед за Аристотелем *актуальное* и *потенциальное* состояния, Фома рассматривает бытие как первое из актуальных состояний. Во всякой вещи, считает Фома, столько бытия (а тем самым – блага-совершенства), сколько в ней актуальности. Легко понять, что такая позиция коррелирует с представлением о том, что весь тварный мир – иерархия степеней совершенства, исходящих от бога как своего источника и восходящих к нему же, как высшей цели. Иными словами, томизму свойственна своего рода «плюралистически-лоялисткая» позиция, аналогичная аристотелевской мировоззренческой ориентации: в каждой из вещей заключена уникальная частичка совершенства (степень исполненности блага абсолютного, энтелехия), и поэтому каждая вещь находится на своем *неподменном* месте в *составе целого*. В политическом смысле это означает, в частности, что всякая форма правления требует усмотрения содержащейся в ее *естественном* сложении доли «правильности» (у Фомы – степени «прямоты», т.е. соответствия божественному образцу и заложенной в нем «справедливости»⁷, но не должна по-платоновски подгоняться под *единый* идеальный образец.

Второе. Изложенная логика томистского «акцидентализма», представляя собой синтез аристотелевской философии и христианской теологии, послужила, по-видимому, созданию триединой формулы «нахождения» универсалий: *универсалии до вещей*, в божественном разуме – *универсалии в вещах*, после акта творения) – *универсалии после вещей* (в человеческом уме, извлеченные из вещей актом нашего познания). В свою очередь, выделение в рамках данного триединства зоны *универсалий в вещах* создает возможность добавления в бинарное христианское представление о том, что значимо (человек в конце концов отпра-

⁶ Аристотелизм Фомы (его *акцидентализм*) излагается по Гайдено 2009.

⁷ Фома Аквинский 1990.

ляется или в рай [область сверхъестественного] или в ад [область противоестественного]), третьей сферы значения – области *естественного* (жизни в *этом* мире), что, согласно Аверинцеву, специфически присуще западной средневековой традиции. Право в его особой предназначенности (*самостоятельном* значении) принадлежит как раз области естественного: оно призвано защитить *здесь* отдельного человека от вторжения сил, препятствующих спасению его души. Аверинцев пишет: «В этом пункте [христианский] аристотелизм сотрудничал с римским правом, и совокупное действие этих факторов создавало первостепенное достижение Запада: построение отмеренной дистанции между индивидами в пространстве внеличного закона. То есть, разумеется, для христианина источник закона есть личный Бог, но сам по себе закон внеличен, нейтрален по отношению к индивидам, которых он объемлет, как нейтрально по отношению к телам пространство Ньютона. Индивиды – падшие, грешные, и потому их необходимо защитить друг от друга; вокруг каждого должна быть зона дистанции, создаваемая социальной конвенцией, а их отношения регулируются договором»⁸. Берман как бы дополняет Аверинцева, рассматривая воздействие западной теологии на становление западной традиции права, когда он отмечает, что при становлении *концепции справедливости*, последняя, начиная с определенного времени, определялась «верой в нравственное равенство всех участников правового процесса» – как грешных равным образом людей. Согласно такой вере, *тот, кто судит другого, осуждает одновременно и себя самого* (т.е. ставит себя в равное положение по отношению к закону с подсудимым). Именно такое представление о равенстве грешных и создает известное положение вещей, сообразно которому светское правосудие обладает особым *самостоятельным* значением, поскольку служит свершению высшей справедливости: «Человеческий закон, – пишет Берман, – должен судить людей на земле, оставляя священному правосудию Бога их бессмертные души. Однако в задачу человеческого права входит также помогать готовить души людей к их вечному предназначению». Поэтому «светские законы, хотя они и являются человеческими, а не божественными, тем не менее, предназначены для отражения божественной воли и потому обладают высшей справедливостью. Следовательно, чтобы защитить эту высшую справедливость, нарушения закона должны наказываться. "Закон должен держать слово"»⁹.

Идею единства небесной и земной справедливости Фома утверждает в «Сумме теологии». Для нас важно в его концепции следующее. Он говорит: «...существует справедливость двух типов. Первая связана с взаимным обменом, например куплей и продажей, а равно и с другими

⁸ Аверинцев 1996: 326–327.

⁹ Берман 1998: 182–183.

видами отношений и обменов. Ее Философ¹⁰ назвал направительной справедливостью при произвольном и непроизвольном обмене. Она [понятно] не принадлежит Богу (т.е. не является его свойством. – А. Ч.), ибо, как сказал Апостол, “кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать” (Рим. 11, 35). Другая [справедливость] связана с распределением и называется распределительной справедливостью; с ее помощью хозяин или управляющий воздает каждому по заслугам. И как надлежащий порядок в семье или что-либо иное в том же роде являет справедливость в правителе, так и порядок вселенной, наблюдаемый как в следствиях природы, так и в следствиях воли, демонстрирует [нам] божественную справедливость. Поэтому Дионисий и говорит: “Следует знать, что Бог поистине справедлив, ибо всему дает свойственное, в соответствии с достоинством каждого из сущих, и природу каждого сохраняет согласно ее порядку и силе”¹¹.

Но, поскольку понятно, что в любом случае обе эти разновидности справедливости *исходят из единого* божественного источника (ведь справедливость прежде всего присуща самому богу), ибо этот источник определяет справедливость земную. В этом смысле земная справедливость есть отражение и подобие справедливости божьей в естественном порядке устройства тварных вещей, в том числе и гражданских: справедливость едина. Фома говорит: «К Богу относится то, что в тварях должны исполняться соизволения Его воли и мудрости, и таким образом проявляется Его праведность. В этом отношении справедливости Бога есть то, что приличествует непосредственно Ему Самому, поскольку Он воздает Себе то, что Сам и являет. Это также относится и к сотворенному, которое должно обладать тем, что приличествует [занимаемому им месту во всеобщем] порядке; например, человеку прилично иметь две руки, и чтобы другие животные служили ему. И еще Бог осуществляет справедливость, когда дает каждой вещи то, что относится к ее природе и условиям [бытия]. Этот долг есть прямое следствие вышеупомянутого, ибо то, что принадлежит каждому [согласно его природе], принадлежит ему в соответствии с его [местом в] порядке, указанном божественной мудростью. И хотя Бог таким образом воздает каждому свое, тем не менее, Сам Он никому не должен, ибо не Он определен к другим вещам, но другие вещи – к Нему. Поэтому о справедливости Бога иногда говорят как о продолжении Его благодати, а иногда – как о воздаянии по заслугам»¹².

Итак, согласно Фоме, справедливость божия, во-первых, определяет порядок степеней достоинства всех вещей и, во-вторых, распределяет воздаяние между людьми сообразно их заслугам: «каждому – своё»; в

¹⁰ Фома имеет в виду Аристотеля, концепцию различения двух видов справедливости которого он использует – уравнивающей (в тексте цитируемого русского перевода «Суммы» – «направительной») и распределяющей.

¹¹ Фома Аквинский 2002: 286.

¹² Фома Аквинский 2002: 287.

том числе и посредством исполнения *установлений* земной справедливости, – с тем условием, однако, что последняя сама должна исходить из законов справедливости божией в области «естественного» (в терминах интерпретации христианского аристотелизма Аверинцевым).

В целом, краткий экскурс в обстоятельства возникновения традиции «автономного права» – носителя *универсальной* нормы *естественной*, т.е. *земной* справедливости (ценности принципиально важной для западной цивилизации) – показывает, что данная традиция формировалась под мощным религиозным воздействием (воздействием церкви и христианской доктрины). Стержневым элементом этого влияния была идея обеспеченности земной справедливости трансцендентным источником, божественной справедливостью.

В Новое время право не утрачивает *квази*религиозного основания, но теперь это – не бог религии традиционной, а его «замена» в «новых светских религиях». В то время как «традиционная религия очень постепенно сводилась на уровень личного, частного дела, без всякого общественного влияния на развитие права... другие системы убеждений – новые светские религии – поднялись на уровень страстной веры», ради которой «люди были готовы не только коллективно умереть, но и жить новой жизнью»¹³. Речь идет об идеологиях, которые можно определить как эрзац-религии. Бог новых религий – это «высшие ценности». В частности, для прогрессистски ориентированной идеологии раннего либерализма это – свобода, относимая в будущее и выступающая в качестве *универсального* ориентира, нормативно-определяющего из этого будущего человеческие действия в настоящем. Отнесение ценностей в будущее создает напряженную устремленность наших действий в настоящем к (революционному) прорыву в трансцендентное «инобытие»¹⁴, что дает дальнейший импульс развитию права. Как справедливо замечает тот же Берман: «Общество неотвратно движется в будущее. Но оно это делает как бы идя задом наперед, обратив свой взор в прошлое»¹⁵. Это прошлое, обеспечивающее преемственность с будущим (в т.ч. и через социальные, а тем самым – и правовые революции), по мысли Бермана, – транслируется, прежде всего, через сохранение правовой традиции. Последняя обеспечила – через привязку правовой справедливости к высшему источнику¹⁶ – автономии права и его *безусловный* универсализм.

¹³ Берман 1998: 46.

¹⁴ Если понятие «бытие» обозначало у Мангейма («Идеология и утопия») наличный социальный порядок, отрицаемый утопическим сознанием; то термин «инобытие» употреблен здесь для обозначения трансцендентного по отношению этому порядку состояния общества. Для просветительского либерализма таковую пару противоположностей составляли «старый порядок» и «царство разума» (демократическая правовая республика) соответственно.

¹⁵ Берман 1998: 55.

¹⁶ Кант определяет право, как внешнюю сферу действия категорического императива, то есть принципа моральной свободы, связующей каждое лицо (а, следовательно, – и само право) с «царством целей» (Reich der Zwecke), которое можно истолко-

Для нас, однако, интересна сама «феноменология» отказа от правовой традиции, ее слома и перерождения. Обнаружить этот источник можно через обращение к принципиальному мировоззренческому сдвигу – *нигилистической* мутации, возникшей на рубеже XIX–XX вв.; рассмотрение измененного состояния сознания даст нам возможность определения принципиальных смысловых характеристик надлома.

В описанных Берманом негативных чертах кризиса западного правосознания засвидетельствована крайняя степень негации исследуемой им традиции – деконструкция *идеально-смыслового* каркаса права. Можно сказать, что в этом случае приходится иметь дело с провозвещенным Ницше феноменом отрицания самого «места расположения» идеальных ценностей. На наш взгляд, вполне возможно также «вписать» эту позицию в ницшевскую классификацию градаций нигилизма¹⁷, увязав ее с 3-й стадией, т. е. с «нигилизмом буддистского типа» – в особой европейской (возникшей в России) провокативно-активистской модификации. Булл пишет об этом, апеллируя к Ницше: «"Классический буддизм ведет напрямую к уничтожению посредством воли к ничто", активный нигилизм делает то же самое, но косвенно, *посредством намеренной провокации*. Именно, нигилисты "уничтожают, чтобы быть уничтоженными", хотят власти, "принуждая властвующих быть их палачами". "Это и есть европейская форма буддизма, *осуществление нет* после того, как всякое существование потеряло свой *смысл*", – форма, представленная нигилистами Санкт-Петербурга, которые, по словам Ницше, приняли *"веру в неверие* вплоть до мученичества за нее"¹⁸.

Как видим, Ницше связывает здесь с нигилизмом терроризм, считая последний органически присущей этому мироощущению формой практического участия в *обесмысленной жизни*. Как явствует из приведенного пассажа, побуждениями к террористической деятельности немецкий мыслитель считает, во-первых, волю к власти и, во-вторых, некое «метафизическое» стремление к самоуничтожению – провокативное по отношению к власти. Наверное, такая мотивационная связка вполне может быть рассмотрена в качестве действительной побудительной силы *личного* террора. Но рассмотрение данной мотивации требует

вать как область высших духовных ценностей (религиозным символом чего у Канта является «Царство Божье»). Иными словами, кантовская автономия права основывается хоть и не на высшем значении *трансцендентного* источника, но на *трансцендентальной* (регулятивной) значимости нравственной свободы. Отсюда – понятие «априорного права», не совпадающего с «позитивным законом».

¹⁷ Речь идет о следующих разновидностях нигилизма, располагаемых по степеням «полноты»: (1) неполный пассивный нигилизм (представлен христианством); (2) неполный активный нигилизм называется активным нигилизмом (связан с открытым разрушением анархистского типа); (3) более полный пассивный нигилизм (обнаруживается в буддизме); (4) полный активный нигилизм, который иногда называется крайним нигилизмом (воплощается в Сверхчеловеке, который должен появиться в будущем) (Riedel 1997).

¹⁸ Булл 2016: 102.

ряда уточнений. Стремление к тому, чтобы быть уничтоженным, можно понять достаточно просто: в качестве желания *избыть пустоту* своего существования в ситуации «веры в неверие» (Ницше). Стремление же к власти требует ответа на ряд вопросов; как минимум – на следующие: к какой власти? власти над чем и над кем? власти ради чего?

Ответы на перечисленные вопросы хотя бы отчасти могут быть найдены при обращении к опыту Б.В. Савинкова, воплотившего, наверное, с наибольшей полнотой идеальный тип террориста начала XX в.; тем более, что Савинков оставил нам свою «апокалиптическую» исповедь террориста «Конь бледный». Соответственно, фигура Савинкова представляется наиболее «репрезентативной» и в отношении описанной Ницше террористической мотивации (хотя мотивация эта, как мы увидим, по ряду своих особенностей не совпадает полностью с ницшевской моделью). Мотивы Савинкова-Жоржа (Жорж – имя главного героя-автора повествования) резко контрастируют с побуждениями других членов боевой ячейки – Ивана, Федора, Генриха и Эрны. Для первого террор должен проложить путь к воцарению на земле христовой любви («Убий, чтобы люди по-Божьи жили, чтобы любовь освятила мир»); для второго – позволяет выплеснуть свою «классовую ненависть», восстанавливая через «прямое действие» социальную справедливость («...Нету правды на свете. Мы день-деньской на заводе, матери воют, сестры по улицам шляются... А эти ...двести рублей... Эх... Бомбой бы их всех, безусловно»), третий верит в социализм («знает, что люди будут свободны и сыты»); четвертой «стыдно жить в мире несправедливости и рабства». Все четверо преследуют, таким образом, определенные социальные цели и, участвуют в политической борьбе ради известной «идеи», по-человечески побуждаемые *страхом и надеждой*¹⁹; в их жертвенности, если и можно усмотреть провокативность *по отношению к властям*, то скорее безрефлексивную.

Правда, провокативности нет и у самого протагониста, но не по причине страха смерти (который, наверное, он испытывает в качестве естественного «физиологического» отвращению к смертному страданию), а из-за блокирования этого «биологического» ужаса более сильным чувством, ощущением ничтожества и пустоты жизни – «мертвым равнодушием», как сам он выражается, – своего рода абсурдистским безразличием *ко всему на свете* и поэтому – маниеподобной, бесцельной (лишенной надежды на достижение какой-либо цели) сосредоточенностью на *убийстве* как таковом. «Я захотел и убил», – эта констатация для него наделена *исчерпывающим, окончательным* смыслом: «Кто придет ко мне и с верою скажет: убить нельзя, не убий. Кто осмелится бросить камень? Нету грани, нету различия. Почему для террора убить – хорошо, для отечества – нужно, а для себя – невозможно?». Она, эта сосредоточенность, одна позволяет забыть, а, может быть, даже и запол-

¹⁹ Вебер 1990: 647.

нить, изжить пустоту, отсутствие *страха и надежды*. В этом, собственно, и заключается его ставка в ведомой им игре, но в его случае сама игра – не игра с властью и ради власти, а бесцельная игра с *ничто*, с дыркой в бытии, игра заведомо проигрышная, ведь прореху собственного существования, другой дыркой, т.е. пустотой небытия, образуемой убийством, залатать, заполнить невозможно. И хотя герой повествования убеждает себя: «Я опять займусь ремеслом. Изю дня в день, из долгого часа в час я буду готовить убийство. Я буду украдкой следить, буду жить смертью и однажды сверкнет пьяная радость: свершилось – я победил», – но, собственноручно совершив убийство «для себя», он обнаруживает полную бессмысленность продолжения *дела*: он отказывается выполнять следующее поручение: «...Я был в терроре. Я не хочу террора теперь. Зачем? Для сцены? Для марионеток?»; «все суета и ложь»²⁰.

Нигилизм Савинкова, как можно было видеть, – плод *отсутствия* (не-бытия) и Бога, и Идеи, результат расторжения связи с высшей, *трансцендентно-целевой* инстанцией и, соответственно, «отмены» *связности* последней земных порядков и смыслов. Обезбожение, как и безыдейность, приводят одновременно к бесчеловечности, так как только такая связь могла обеспечивать обязательность (и всеобщность) моральной и правовой нормы и, соответственно, давала возможность *универсального* определения того, что такое человек и что такое человечество, исходящее из их (человека и человечества) *предназначения*.

В целом же, отвлекаясь от «случая Савинкова», можно констатировать, что отсутствие коммуникации с «царством целей», как называл такую инстанцию И. Кант (полагавший, что каждый человек *непосредственно* связан с этой областью через мостик нравственной свободы), отменяет *универсальность* «проекта модерна»²¹ – в какую бы идейную форму данный проект ни облекался. Соответственно, исчезновение «целевой причины», трансцендентного источника высших ценностей (свободы, равенства и справедливости), сопровождается исчерпанием утопической энергии этих последних, и они полностью обесцениваются (продолжая свое «номинальное» существование преимущественно в качестве пустых и ложных «пропагандистских» сигнатур), – вместе с тем выхолащивается, становясь имитационной, вера в автономию права (если ее еще декларируют). Берман констатирует: правовая «"справедливость" теряет свои исторические и философские корни»; язык права воспринимается «как всецело условный, современный и произвольный», а противники правового «формализма» утверждают, что

²⁰ Все цитаты по: Савинков 2004.

²¹ Кантовскую философию) в целом (и прежде всего ее «этико-теистический» аспект) можно рассматривать как кульминационный пункт просветительского универсализма (Cavallar 2012) и опорный пункт современного гуманистического рационализма (Хабермас 2005).

«с появлением "государства всеобщего благоденствия", с одной стороны, и "корпоративного государства" – с другой, формализм уступает свои позиции под напором потребностей общественной политики»²².

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев С.С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М., 1996. С. 319–328 [Averintsev S.S. Khristianskii aristotelizm kak vnutrennyaya forma zapadnoi traditsii i problemy sovremennoi Rossii (Christian Aristotelianism as an Inner Form of Western Tradition and the Problems of Modern Russia) // Averintsev S.S. Ritorika i istoki evropeiskoi kul'turnoi traditsii (Rhetoric and the Origins of the European Cultural Tradition). М., 1996. S. 319–328].
- Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998 [Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya (Law and Revolution. The Formation of the Western). М., 1998].
- Булл М. Анти-Ницше. М., 2016 [Bull M. Anti-Nitsche (Anti-Nietzsche). – Moscow, 2016].
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706 [Veber M. Politika kak prizvanie i professiya (Politics as Vocation and Profession) // Veber M. Izbrannye proizvedeniya (Selected Works). Moscow, 1990. S. 644–706].
- Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. – М., 2009 [Gaidenko P.P. Istoriya grecheskoi filosofii v ee svyazi s naukoj (The History of Greek Philosophy in its Connection with Science). М., 2009].
- Гуго Гроций. О праве войны и мира. – М., 1994 [Gugo Grotsii. O prave voyni i mira (On the Law of War and Peace). М., 1994].
- Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 107–304 [Kant I. Metafizika pravov. Chast' pervaya. Metafizicheskie nachala ucheniya o prave (Metaphysics of Morals. Part 1. Metaphysical Foundations of the Law Theory) // Kant I. Soch. V 6 t. T. 4. Ch. 2. Moscow, 1965. S. 107–304].
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005 [Nitsche F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostei (The Will to Power. An Attempted Transvaluation of All Values). М., 2005].
- Савинков Б. Конь бледный. Конь вороной. М., 2004 [Savinkov B. Kon' blednyi. Kon' voronoi (The Pale Horse. The Black Horse). М., 2004].
- Фома Аквинский. О правлении Государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 217–244 [Foma Akvinskii. O pravlenii Gosudarei (On the Reign of Governors) // Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.) (Political Structures of the Feudal era in Western Europe (6th–17th centuries)). Л., 1990. S. 217–244].
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1–43. Киев, 2002 [Foma Akvinskii. Summa teologii (The Summa Theologica). Ch. 1. Voprosy 1–43. Kiev, 2002].
- Хабермас Ю. Концепция модерна. Ретроспектива двух традиций // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 234–268 [Khabermas Yu. Kontseptsii moderna. Retrospektiva dvukh traditsii (The Concept of Modern. The Retrospective of two Traditions) // Khabermas Yu. Politicheskie raboty (Political Papers). М., 2005. S. 234–268].
- Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 320–339 [Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo pervoe (Philosophical Letters. Letter One) // Chaadaev P.Ya. Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma (Complete Works and Selected Letters). Т. 1. М., 1991. S. 320–339].
- Höffe O. Kants universaler Kosmopolitismus // Deutsche Zeitschr. für Philosophie. – 2007. Bd. 55, № 2. S. 179–191.

²² Берман 1988: 54, 55. Берман фактически указывает на торжество политического и правового децизионизма – на то, что в свое время было названо «революцией нигилизма» (Rauschning 1938).

- Riedel M. Transcendental politics? Political legitimacy and the concept of civil society in Kant's philosophy // *Social Research*. 1981. Vol. 48, № 3. P. 588–613.
- Löwith K. Nietzsche nach sechzig Jahren // Löwith K. *Der Mensch inmitten der Geschichte. Philosophische Bilanz des 20. Jahrhunderts*. Stuttgart: Metzler, 1990. S. 285–304.
- Riedel M. Nihilismus. Theorie des Nihilismus: Nietzsche // *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politischen-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 4. Stuttgart: Klett-Gotta, 2. Aufl. 1997. S. 404–408.
- Rauschnig H. *Die Revolution des Nihilismus*. 3. Aufl. Zürich; New-York. 1938.
- Cavallar G. P. Cosmopolitanisms in Kant's philosophy // *Ethics & Global Politics*. May 2012. № 5(2). P. 95–118.

Зоткин Алексей Александрович, кандидат политических наук, доцент, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; al-zo@yandex.ru

Чанышев Александр Арсеньевич, кандидат философских наук, доцент, факультет управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; chanishev@bk.ru

Ideological Foundations of the Crisis of the Western Legal Tradition

The worldview basis of the western legal tradition is considered in the article. The interpretation of this tradition by the authors is based on the results of H.J. Berman's research on its genesis: the medieval concept of justice was defined by “the belief in moral equality of all the legal process participants” as equally sinful people. Another starting point is S. Averintsev's idea of the special importance of law for human life in western tradition since the Middle Ages: law should protect a person from the invasion of the forces that prevent the salvation of one's soul. So, the analysis of Thomistic idea of the divine and human types of justice unity, established by the juridical law, is the matter of consideration. The religious origins of regarding law as something meaningful in itself are also important in the secular world of the New Era. Now law is connected with the highest values of freedom, justice and equality by the means of an ideology as quasi-religion. Talking about the worldview sources of the current crisis of law, the nihilistic (Nietzsche) mutation should be taken into consideration. The analysis of the phenomenon of transformed consciousness (“the terrorist's confession” in Savinkov's “Pale Horse”) lets make the following conclusion. The negation of the transcendent origins of main values (freedom, equality and justice) leads to the lack of their “utopian energy” and makes the belief in the autonomy of law look as an imitation.

Keywords: *Western legal tradition, christian aristotelism, creationism, divine justice, ideology, nihilism, value, autonomy of law, crisis of the Western legal tradition*

Zotkin Alexey, PhD in Political Science, associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; al-zo@yandex.ru

Chanishev Alexander, Ph.D., associate Professor, Moscow state Institute of international relations (University) of the MFA of Russia, School of Governance and Politics, Department of political theory; chanishev@bk.ru

КОНЦЕПТ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА СЕМАНТИКА ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ¹

В статье предпринимается попытка концептуализации понятия «сильное государство». Посредством дискурс- и контент-анализа политических текстов модернизма и постмодернизма выделяется совокупность когнитивных признаков, характеристик сильного государства; раскрываются содержащиеся в них имплицитные смыслы, формируется срез основных представлений о сильном государстве в диахроническом аспекте; акцентируется внимание на национальных, политико-культурных особенностях/различиях интерпретации и смыслового наполнения понятия «сильное государство». В фокусе внимания – проблема семантической модуляции, изменения идейно-смыслового наполнения и коннотаций понятия «сильное государство» в нарративах модернизма и постмодернизма под влиянием глобальных тенденций, особенностей внутренней и внешнеполитической конъюнктуры. Обосновывается вывод о многомерности, динамичности, конъюнктурности концепта «сильное государство», его усложнении, переосмыслении в процессе исторического развития, наполнении новыми смыслами в политическом дискурсе постмодернизма, смещении акцентов с физических и материальных проявлений силы к субъективным составляющим, в числе которых – умение использовать собственный исторический опыт, политические традиции для решения административных задач, сохранение национально-государственной идентичности.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, сильное государство, парадигма, политический дискурс, семантическая модуляция, нарратив, коннотации.

Политическая конъюнктура постбиполярного мира, связанная с ростом военной эскалации и геополитической напряжённости, формированием в системе международных отношений новых полюсов и центров силы; изменение инфраструктуры, принципов функционирования современных государств, а также многочисленные вызовы, повышающие уязвимость государств перед лицом глобальных проблем, способствуют семантической модификации и модуляции концепта «сильное государство», актуализации политического дискурса о параметрах силы в политике. Геополитические трансформации приводят к «деуниверсализации оснований либерального консенсуса»², изменению мировоззренческих основ и мировосприятия силы. Базовые принципы, понятия либерализма, составлявшие политический нарратив Нового времени, в меняющемся мире все менее эффективно описывают и объясняют происходящие политические трансформации. Контекстуальное переосмысление исследуемой лексической единицы (силы) ставит перед научным сообществом ключевой вопрос: в чём заключается сила

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования и ЭИСИ, проект № 1024021300036-4-5.4.1 «Архитектоника образа будущего российского государства в сознании молодёжи современного мегаполиса: региональные модели, факторы формирования, идейно-ценностные размежевания».

² Мартянов 2023: 3.

современного государства – в военном превосходстве, автаркии, способности противостоять внешнему давлению, санкциям, в доверии граждан или иных проявлениях?

В статье на основе анализа текстов представителей модернизма и постмодернизма предпринимается попытка теоретического осмысления, концептуализации понятия «сильное государство», выделения его когнитивных признаков и лексических значений; акцентируется внимание на *семантическом развитии* изучаемой дефиниции в политических нарративах модернизма и постмодернизма. Диалектика концепта «сильное государство» раскрывается через призму понятия модуляция, соответствующего авторскому пониманию логики парадигмальных изменений (модернизм и постмодернизм рассматриваются как смежные, связанные внутренней логикой общественно-политического развития мировоззренческие системы) и отражающего характер эволюционных изменений, связанных с семантическим расширением понятия.

Методологическим инструментом решения поставленных задач стал метод контент-анализа источников рассматриваемых периодов, выполненный посредством ресурса Voyant, позволивший выделить круг лексем, семантически связанных с понятием «сильное государство», составивших основу политического нарратива модернизма и постмодернизма, структурировать массив информации в иерархическом порядке в зависимости от частоты употребления их в текстах (по периодам), провести сравнительный анализ выявленных лексем.

Исследование вектора семантического развития понятия «сильное государство» предполагает учёт особенностей интеллектуальных традиций модернизма и постмодернизма, изучение их политических нарративов с целью объяснения логики воздействия ключевых принципов, понятий, содержательных аспектов «новых онтологий» на идейно-смысловое наполнение концепта сильного государства. Поэтому представляются целесообразными обобщение и систематизация характеристик модерна и постмодерна.

Модернизм понимается авторами как особое мировоззрение, которое сформировалось на изломе позднесредневекового общества, «питалось энергией отрицания ... того, что тысячелетиями казалось непрекаемым абсолютом»³, было связано с утверждением новых принципов мироустройства – секуляризации, рационализма, либерализма, ценностного, культурного универсализма, линейности развития мира, прогресса и веры в светлое будущее.

Постмодернизм рассматривается как следующее за модернизмом и логически связанное с ним многосложное, неоднородное идейное течение, объединяющее интеллектуальные подходы (синергетический, сетевой, конструктивистский и др.), олицетворяющее «новое состояние цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики»⁴ в ситуации

³ Дугин 2007: 20.

⁴ Там же.

кризиса Модерна. Постмодернистская научная традиция основана на «принципиальном недоверии к метанарративам»⁵, критике базовых понятий и принципов Модерна, их пересмотре с учётом меняющейся конъюнктуры. Представители постмодернизма акцентируют внимание на нелинейности, неопределённости, непредсказуемости общественного развития, «дискретности истории»⁶, неуправляемости мира, «ускользающего из рук»⁷, сдвиге от «централизации и иерархического контроля общества Модерна к обществу с сетевыми структурами»⁸.

В постмодернистских концепциях переосмысливается сущность политики и её базовых категорий, акцентируется внимание на «реконцептуализации политического»⁹. Подвергается ревизии традиционное понимание «господства»: «жёсткая власть, действующая “сверху”, в мире, основанном на активном информационном обмене, теряет свою силу»¹⁰, происходит переход от «грубого безраздельного господства одного лица или группы к многочисленным формам подчинения, которые действуют внутри социального организма» («дисциплинарная», «биовласть»)¹¹. В противовес модернистским представлениям о механизме осуществления власти, основанном на договоре, М. Фуко обосновал модель власти как «вечного сражения», выражающуюся в «бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности...»¹². Пересматривается механизм формирования элит, образующихся «разнородным слоем, сформированным из руководителей предприятий, профессиональных организаций, профсоюзов, политических партий и религиозных конфессий, крупных функционеров»¹³; а также базовые принципы функционирования государства. Последнее характеризуется «размыванием суверенитета», «децентрализацией», «ограниченным правлением»¹⁴, «электронным правительством» «транснациональным характером демократии»¹⁵.

Политика в философии постмодернизма предстаёт как конструируемая реальность, превращающаяся в «следование модным символам, продуцируемым СМИ...»¹⁶, ключевую роль в которой играют технологии, «языковые игры», «воплощающие субъективные интерпретации мира индивидами»¹⁷. Тектонические сдвиги глобального миропорядка эпохи Постмодерна способствуют изменению перцептивного механизма политики, связанного с предрасположенностью к дисперсному вос-

⁵ Ирхин 2014: 16.

⁶ Фуко 2005: 6.

⁷ Гидденс 2004: 18-19.

⁸ Ирхин 2014: 14.

⁹ Там же: 20.

¹⁰ Гидденс 2004: 86.

¹¹ Фуко 2005: 7-8, 46.

¹² Фуко 2015: 21.

¹³ Лиотар 1998: 43.

¹⁴ Ирхин 2005: 22.

¹⁵ Гидденс 2004: 89.

¹⁶ Ирхин 2005: 19.

¹⁷ Лиотар 1998: 32, 38, 47.

приятно; формированию нового («геополитического») типа сознания; повышению уровня стресса, напряжённости, тревожности в обществе на фоне многочисленных факторов рисков («общество риска»)¹⁸; переоценке роли традиций в обществе. В нарративе постмодернизма подвергается критике тезис модернистов о необходимости «избавления от традиций», подчёркивается их оправданность¹⁹.

Рассмотренные особенности интеллектуальных традиций модернизма и постмодернизма обуславливают фокус восприятия и семантические различия определения сильного государства в указанные периоды. Вместе с изменением мировоззренческих основ восприятия политики меняется идейно-смысловое наполнение ключевых характеристик государства, в том числе модифицируется представление о силе.

Содержание политического дискурса модернизма формировалось под влиянием Реформации, либеральных идей и принципов Просвещения, буржуазных революций, рождающегося капиталистического уклада. Либеральный мейнстрим сформировал круг базисных понятий («закон», «прогресс», «развитие», «право», «свобода», «нация», «договор», «справедливость», «граждане», «разум», «капитализм», «демократия», «разделение властей» и др.), составивших идейный остов философии модернизма, очертил контуры сильного государства, способного обеспечить гражданам защиту прав и свобод, устанавливать закон, «который был бы признан и допущен по общему согласию»²⁰, следовать договорным принципам взаимоотношений власти и общества.

Частота распространения и удельный вес в политическом дискурсе модернизма понятий, семантически связанных с концептом сильного государства, представлен в Таблице 1, составленной нами на основании данных контент-анализа 18-ти текстов философов эпохи Просвещения и Нового времени. В процессе исследования обработано 984 лексические единицы. Посредством ресурса Voyant²¹ информационный массив был структурирован в иерархическом порядке в зависимости от частоты употребления лексем в тексте, выделено семантическое ядро словоформ, раскрывающих семантику изучаемого понятия.

Таблица 1

Лексические единицы, связанные с понятием «сильное государство» в политическом дискурсе Модерна	Количество лексем (всего 964 словоформы)	Лексические единицы, связанные с понятием «сильное государство» в политическом дискурсе Постмодерна	Количество лексем (всего 610 лексем)
Сила/сильное	39	<i>символический</i>	16
Законы	31	политические	14
Власть	28	государства	12
Народ/люди	23	власть	12

¹⁸ Гидденс 2004: 35-36.

¹⁹ Там же: 61, 64.

²⁰ Антология (Локк) 1997: 362-363.

²¹ <https://voyant-tools.org/>

Государство	21	сила/ сильное	12
свобода	19	закон/право	12
Должен/долг	19	<i>эффективно/ый</i>	8
Нации/национальное	15	социальное	7
<i>гражданине</i>	13	гражданине/гражданское	6
Права/правовой	12	общество	5
<i>Справедливость</i>	11	<i>сети/сетевые</i>	5
<i>Действие/делать</i>	11	обеспечение	5
<i>Общество/общественное</i>	10	мир	5
<i>государь</i>	7	интересы	5
<i>могущество</i>	7	знания	5
<i>правительство</i>	7	свободы	4
воля	6	насилие	4
управлять	6	консенсус	4
интересы	5	способность	4
разум	5	управление	4
подчинение	5	национальные	4
договор	4	коммуникации	4
демократия	4	порядок	3
политический	4	ответственность	3
человек	4	исторический	3
жизнь	4	влияние	3
согласие	4	мощь, мощный	3
добродетель	3	<i>электронное</i>	3
защита	3	<i>транснациональное</i>	3
централизация	3	стабильное	3
поддержка	3	ресурсы	3
республика	3	поддержка	3
авторитет	3	легитимность	3
нравственный	3	контроль	3
благо	3	информация, информаци- онный	3
безопасность	3	глобальный/глобализация	3
природа	3	возможности	3
обязанности	3	игры	2
забота	2	централизация	2
принуждение	2	ценности	2
прогресс	2	устойчивое	2
соглашение	2	традиционное/традиции	2
суверенитет	2	суверенитет	2
доверие	2	развитие	2
<i>революция</i>	2	принуждение	2
уважение	2	сохранение	2
страна	2	симуляции	2
<i>размеры</i>	2	симулякры	1
		партнёрство	1

Полученные данные были визуализированы в виде облака тегов (Рис. 1), отражающего частоту распространения в дискурсе модернизма лексем, связанных с концептом «сильное государство».

Рисунок 1. Результаты контент-анализа текстов трудов представителей модернизма

Одно из ключевых направлений в нарративе модернизма связано с рассуждениями просветителей о правовых аспектах политики и управления, «хороших законах», способных укрепить государство изнутри²², которые не могут быть абстрактным, отвлечённым средством управления, должны соответствовать национальным особенностям, «природе и принципам... правительства и правления; ...физическим свойствам страны, её климату»²³. Закон в трудах просветителей выступает инструментом защиты «как народа, так и государя: одного – от жестокостей тирании, другого – от ужасов восстания»²⁴, достижения справедливости, социального компромисса, единства общества, как гарант прав и свобод, ограничения «произвола»²⁵. Реализация обозначенных целей способствует укреплению государства изнутри, а значит, делает его сильным. Идея эффективности закона связывается философами эпохи Просвещения и Нового времени с достижением в обществе справедливости, рассматриваемой как условие, «предшествующее установлению положительного закона»²⁶, фактор усиления государства изнутри²⁷. Ещё один параметр оценки качества закона и силы государства в дискурсе Просве-

²² Токвиль 1992: 36–37.

²³ Монтескье 1999: 44, 198, 204, 259.

²⁴ Антология (Гельвеций) 1997: 448, 450.

²⁵ Монтескье 1999: 166.

²⁶ Монтескье 1999: 12; Спенсер 1908: 60.

²⁷ Антология (Блэз) 1997: 343.

щения и Нового времени – обеспечение властью свобод граждан, «зависящих главным образом от доброкачественности... законов»²⁸.

К. Шмитт определял пространство свободы «как то, что ему [гражданину] в состоянии гарантировать сильное государство», ассоциируемое в концепциях модернистов с «политическим единством». Единство в дискурсе модернизма рассматривается как «высшая ценность»²⁹, являющаяся важным условием сохранения внутренней силы государства. Шмитт различает механизмы обеспечения единства в обществе «сверху (через приказ и власть) и снизу (гомогенность народа)», фокусирует внимание на рисках «ослабления государства изнутри» и рассматривает сохранение «демократической однородности субстанции» как превентивную меру, противовес центробежным тенденциям³⁰.

Одним из оснований единства общества является социальный консенсус, фундированный на принципе «общественного соглашения» (договора), границ которого «верховная власть не переступает и не может переступать какой бы неограниченной, священной, неприкосновенной она ни была», целью которого является «сбережение и благоденствие членов политической ассоциации»³¹. Вышеназванные принципы обладают интегративным потенциалом, поскольку «эти законы и соглашения... соответствуют ему [общему интересу]...» и «олицетворяют хорошую форму [правления]»³².

Спектр характеристик сильного государства, обусловленных либеральной традицией, дополняют традиционные представления о силе как физическом, военном превосходстве. Так, сила государства в концепции Монтескье определяется способностью государства обеспечить защиту от внешних врагов³³. В схожем ключе силу понимал М.М. Сперанский: «воинская сила есть верх и утверждение всех других сил государственных. И сие не только в отношении к внешней безопасности, но и в отношении к внутренней силе правительства»³⁴. Н.А. Бердяев полагал, что «всё решается реальной силой», рассматривал её как источник власти: «никакая власть не создавалась формально, её всегда создаёт сила»³⁵.

В зеркале либеральных теорий понятия сила, сильная власть зачастую подменяются определением эффективная и состоят в добросовестном исполнении своих функции по отношению к обществу, «в осуществлении того, что здравый разум считает полезным для всех, ибо именно то государство будет наиболее мощным и наиболее своенравным, которое зиждется на разуме и направляется им»³⁶. В данном контексте

²⁸ Монтескье 1999: 137, 165.

²⁹ Шмитт 2010: 246, 247.

³⁰ Там же: 102.

³¹ Антология (Руссо) 1997: 430–431, 437

³² Антология (Гельвеций) 1997: 458.

³³ Монтескье 1999: 119, 120–121.

³⁴ Сперанский 2010: 382–383, 385.

³⁵ Бердяев 1991: 42.

³⁶ Спиноза 1957. Т. 2.

понятие «сила» обретает расширенную трактовку, основывается как на объективных, так и на субъективных параметрах оценки силы, включающих умение сочетать в государстве свободу, значительный рост населения, изобилие, согласие и безопасность, удовлетворённость общественным положением; справедливую организацию общества, сохранение суверенитета, интересов нации и др.

В лоне модернизма складывались и развивались альтернативные идейные течения и направления – утопизм, социализм, в которых понятие «сильное государство» ассоциировалось с уменьшением неравенства в обществе, обеспечением населения всем необходимым³⁷, гарантией «равных прав, обоюдных выгод, взаимопомощи как основания соглашения, плодами деятельности которого являются свобода, справедливость, мир, согласие, счастье»³⁸.

Отдельное внимание в политической мысли модернизма отводится национальному государству, оформление которого приходится на данный период, обосновывается тезис, что «государь силён лишь силой своей нации; нация сильна лишь мудростью своего управления; люди, которым поручено это управление, должны быть взяты из среды нации»³⁹. Данное направление научной мысли получило продолжение в концепции национального интереса Г. Моргантау, который исследовал категории «национальная власть», «национальный характер», «национальная мораль»⁴⁰. На тесную связь «национального» и «государственного» указывал П.Б. Струве: «Нация есть, прежде всего, культурная индивидуальность, а самое государство является важным деятелем в образовании нации, поскольку оно есть культурная сила. Всякая крупная нация стремится создать себе государственное тело»⁴¹.

Представители русской политической мысли, наряду с физическими и материальными аспектами, особое внимание уделяли морально-нравственным составляющим понятия «сильное государство» – «внутреннему и моральному подчинению, признанию государственного могущества как общественной ценности»⁴²; «духовно-государственному авторитету», «достоинству», «правоте» власти, её «способности импонировать гражданам»⁴³. Сильная власть в восприятии И.А. Ильина – это «религиозно-убедительная», «автономная», «национальная власть, преданная историческому делу», являющаяся «волевым центром страны и имеющая свои законные пределы»⁴⁴. М.М. Сперанский определял силу государства как «массу всех его сил моральных и физических»⁴⁵.

³⁷ Антология (Мабли) 1997: 397.

³⁸ Антология (Марат) 1997: 509.

³⁹ Антология (Гельвеций) 1997: 452.

⁴⁰ Morgenthau 1948: 73, 96, 100.

⁴¹ Струве 1908.

⁴² Струве 1908.

⁴³ Ильин 1992: 318.

⁴⁴ Там же: 319.

⁴⁵ Сперанский 2010: 382–383, 385.

Таким образом, сложившийся в политическом дискурсе модернизма мировоззренческий остов сильного государства включает широкий спектр понятий, представляющих различные интеллектуальные традиции философии Просвещения и Нового времени; значительная часть из них носит константный характер, сохраняя свою актуальность на этапе постмодернизма. Контент-анализ текстов постмодернизма⁴⁶ позволил выделить совокупность характеристик сильного государства, сложившуюся под влиянием либерализма – закон, легитимность, гражданское общество, свободы и пр.; идейных течений постмодернизма (сетевой теории, синергетического направления, конструктивизма и структурализма и пр.) – символ, симулякр, «языковые игры», сети/сетевой, партнёрство, согласование, знание/информация, глобализация и пр., а также традиционных представлений, ассоциируемых с сильным государством – насилие, контроль, принуждение, господство, порядок, управление, мощь, централизация и др.

Сравнительный анализ данных, полученных по итогам проведения контент-анализа текстов модернизма и постмодернизма (Табл. 1), позволяет выделить ряд тенденций: прежде всего, усложнения и семантического расширения понятия «сильное государство» в дискурсе постмодернизма; трансгрессивности ряда идейно-смысловых составляющих кон-цепта «сильное государство»; ревизии отдельных либеральных понятий и идей и их адаптации к новым условиям. Инструментом визуализации данных тенденций стало облако тегов, составленное нами на основе материалов проведённого контент-анализа (Рис. 2), отражающего удельный вес лексических единиц в семантическом поле к словосочетанию «сильное государство».

Рисунок 2. Результаты контент-анализа текстов трудов представителей Постмодерна

⁴⁶ В процессе контент-анализа обработано 12 единиц текстов (П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж-Ф. Лиотара, М. Фуко, Ф. Фукуямы и др.), выявлено 610 лексем (словоформ), связанных со словом «сильное государство».

В частности, в политическом дискурсе постмодернизма получают развитие и продолжение идеи единства, «социально-политической сплочённости странь», поддержания национальной идентичности⁴⁷, согласия, социального консенсуса, достигаемого «главным образом через систему образования», воздействия на когнитивные структуры сознания с целью закрепления идеи согласия как нечто непреложного⁴⁸, легитимности власти, составляющих фундамент сильного государства. Сила государства в дискурсе постмодернизма раскрывается также через призму «законов», «обеспечение правления которых внутри страны...» рассматривается как атрибут сильного государства⁴⁹.

Наряду с константными характеристиками сильного государства в нарративе Постмодерна появляются новые интеллектуальные интенции, отличающиеся ревизией подходов к оценке сильного государства, пересмотром сущности базовых категорий политики, принципов функционирования политической власти, государства в современных условиях. Одним из факторов модификации традиционного понимания «сильного государства» стало влияние «глобализационных тенденций», которые «подорвали традиционно сильные стороны государств, в частности, монополию на законное применение силы внутри своих границ, сделали их более уязвимыми... породили новые формы транснациональных субъектов», получивших новую власть над государствами⁵⁰.

Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, М. Фуко акцентируют внимание на изменении сущности и базовых оснований государственной власти, которая в меняющемся мире оказывается «лишённой политического измерения», «всемогущества деспотического надзора», становится «фикцией политического универсума», «объектом общественного спроса», зависимым от массового потребления и не являющегося «субъектом насилия»⁵¹. Фуко в противовес традиционным представлениям о централизации, иерархичности, моноцентричности властных отношений интерпретирует власть как «сеть активных взаимоотношений», которая имеет «дисперсный характер, рассеяна во всем обществе и представлена массой разнонаправленных волей, из которых каждая имеет свою стратегию»⁵², деперсонализирована, «отправляется самопроизвольно и бесшумно»⁵³. Бурдьё рассматривает отношения подчинения в обществе через призму «символической власти», «символической силы», интерпретируя их как «когнитивные акты, которые... приводят в действие когнитивные структуры, категории восприятия»⁵⁴ посредством символов. Символический способ функционирования власти постмодерна становится формой политиче-

⁴⁷ Stivachtis 2019.

⁴⁸ Бурдьё 2016: 189, 289, 318, 326.

⁴⁹ Фукуяма 2006: 21, 26.

⁵⁰ Hammond 2014: 4.

⁵¹ Бодрийяр 2015: 40, 45.

⁵² Фуко 2005: 9, 12.

⁵³ Фуко 2015: 133.

⁵⁴ Бурдьё 2016: 318–319.

ского манипулирования, ассоциируемой в дискурсе постмодернизма с понятиями «симулякры», «симуляция», «эра симуляции», «всемогущество симулякров»⁵⁵.

Образ сильного государства, складывающегося в дискурсе постмодернизма, носит конъюнктурный характер, что находит отражение в изменении параметров оценки последнего под воздействием ситуативных факторов. Трансформация глобального миропорядка в постбиполярном мире, рост очагов напряжённости в мире, попытки вмешательства политических гегемонов во внутренние дела суверенных государств выдвигают на первый план такие аспекты сильного государства, как успешная защита независимости, эффективное обеспечение безопасности, способность противостоять внешнему давлению, «обладание мощным потенциалом вооружений и сильными Вооружёнными силами»⁵⁶; «действия в собственных политических интересах», «большой политический вес на международной арене»⁵⁷. Ряд представителей западного научного сообщества силу государства связывают с «максимизацией своей доли в мировой власти»⁵⁸, оказанием «содействия демократии, самоуправлению и правам человека не только внутри собственных границ, но и в других, менее организованных и более опасных странах»⁵⁹.

Состояние бифуркации общественного развития, вызванное с изменением миропорядка и глобальной нестабильностью, формируют пул требований к внутриполитической деятельности государства. В их числе – способность обеспечить стабильность, устойчивое развитие, социальное благополучие; «создавать условия роста экономических возможностей»⁶⁰, «мощь людских ресурсов»; доминирование в информационной сфере; наличие «цивилизационного кода, принимаемого населением»⁶¹; «эффективное выполнение государством своих функций в основных сферах жизни общества»⁶². Дополняет спектр требований обеспечение «высокого уровня безопасности от политического и преступного насилия, политических и гражданских свобод, ...мирное разрешение политических разногласий»⁶³. Среди прочих параметров оценки сильного государства постмодернисты выделяют открытость демократических процессов; наличие демократичной процедуры выборов, «обратной связи», сильного гражданского общества, сохранение паритетности и политической субъектности государств в условиях «авторитарного либерализма», связанного с «ростом участия в политике транснациональных

⁵⁵ Бодрийяр 2015: 6–7, 10.

⁵⁶ Понкин 2018: 64.

⁵⁷ Малиновский 2021: 506, 507–508, 523.

⁵⁸ Mearsheimer 2001.

⁵⁹ Фукуяма 2006: 158–159, 199–200.

⁶⁰ Bonefeld 2012: 633–656.

⁶¹ Tsygankov 2015: 3; Понкин 2018: 64.

⁶² Rice 2008: 3.

⁶³ Chaplin 2016: 1, 3.

корпораций, способных подчинить своим интересам политическое пространство малых и средних стран»⁶⁴.

На фоне усиления глобализационных тенденций, кризиса либерализма, деуниверсализации либеральных ценностей в политическом дискурсе постмодернизма набирает популярность направление, связанное с изучением национальных ценностей, традиций как факторов сильного государства, способного «продвигать свою [национальную] культуру, ценности в мире», использовать имеющийся исторический опыт для укрепления государственности, «правильно оценивать свои возможности соразмерно своему национальному опыту и месту в глобальной системе»⁶⁵. Важной в данном логическом ключе представляется идея П. Бурдые о «варьировании» понятия «сила государства» «от одной национальной версии к другой»⁶⁶.

Интерес исследователей постмодернизма вызывают национальные модели формирования сильных государств в Индии, Китае, странах Ближнего Востока, общим фундаментом построения которых является архетипическая матрица развития восточного типа государственности, основанная на идеях «централизации власти, государственного контроля над обществом», «дисциплинарного государства»⁶⁷, предпочтительности политического принуждения социальной кооптации⁶⁸, доминирование государства над обществом. Таким образом, политический дискурс постмодернизма представляет собой сложный конгломерат идей, подходов, идеологических направлений, формирующих широкое смысловое поле сильного государства.

Проведённый диахронический анализ концепта «сильное государство» позволяет говорить о многомерности, динамичности, конъюнктурности изучаемого феномена, его семантическом развитии в темпоральном измерении, смысловом расширении и усложнении, наполнении новыми смыслами в политическом дискурсе постмодернизма при сохранении устоявшейся системы константных понятий и идей.

Смысловое содержание понятия «сильное государство» эволюционирует от либерального мейнстрима к более сложной семантической конструкции, структуру которой составляют либеральные, нелиберальные, традиционные, постмодернистские элементы; демонстрирующей смещение акцентов с физических и материальных проявлений силы к субъективным составляющим, в числе которых – умение использовать исторический опыт, политические традиции для решения административных задач («сила в традициях»), сохранение национально-государственной идентичности и др.

⁶⁴ Gabrisch 2023: 1, 2, 13.

⁶⁵ Tsygankov 2015: 3, 8.

⁶⁶ Бурдые 2016: 27.

⁶⁷ Sherman 2022.

⁶⁸ Chien-wen Kou 2024: 21-22; Sherman 2022.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 1: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Отв. ред. А.А. Мигولاتев. М.: Мысль, 1997 [Antologiya mirovoi politicheskoi mysli: V 5 t. T.1: Zarubezhnaya politicheskaya mysl': istoki i evolyutsiya (Anthology of world political thought: Foreign political thought: origins and evolution) / Ed. by A.A. Migolattev. T. 1. Moscow: Mysl', 1997].
- Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс – ХДС-пресс, 1991 [Berdyayev N. Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy (New Middle Ages. Reflections on the fate of Russia and Europe) Moscow: Feniks – KhDS-press, 1991].
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с франц. А. Качалова. М.: «ПОСТУМ», 2015 [Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyatsii (Simulacra and simulations) / Per. A. Kachalova. Moscow: «POSTUM», 2015].
- Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / Пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016 [Burd'e P. O gosudarstve: kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989-1992) (On the State: a course of lectures at the College de France (1989-1992)) / Per. s fr. D. Kralechkina i I. Kushnarevoi. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2016].
- Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: «Весь мир», 2004 [Giddens E. Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn' (The slipping world: how globalization is changing our lives). Moscow: «Ves' mir», 2004].
- Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: ТИД Амфора, 2007 [Dugin A.G. Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperii. Ocherki geopolitiki XXI veka (Postmodern geopolitics. Times of new empires. Essays on geopolitics of the 21st century). Saint-Petersburg: TID Amfora, 2007].
- Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи. 1948-1954 гг.. Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992 [Ilin I.A. Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii (Our tasks. Historical fate and future of Russia). Stat'i. 1948-1954 gg. tt. T. 1. Moscow: MP «Rarog», 1992].
- Ирхин Ю.В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2014. 1. С. 13–25. [Irkhin Yu.V. Postmodernistskaya metodologiya analiza i proektirovaniya politiki (Postmodern methodology of analysis and policy design) // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Sotsial'no-kommunikativnye nauki». 2014. 1. P. 13–25].
- Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: «Алетейя», 1998 [Liotar Zh.F. Sostoyanie postmoderna (The state of postmodernity) / Per. s frants. N.A. Shmatko. Moscow: In-t eksperimental'noi sotsiologii; Saint-Petersburg: «Aleteiya», 1998].
- Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // RUDN Journal of Law. 2021. 25/3. С. 506–526. [Malinovskii A.A. Kontsept «sil'noe gosudarstvo» v politiko-pravovom izmerenii (The concept of a «strong state» in the political and legal dimension) // RUDN Journal of Law. 2021. 25/3. P. 506-526].
- Мартьянов В.С. Историческое становление и трансформация политического нарратива Модерна. Дисс. д-ра... н., 2023 [Mart'yanov V.S. Istoricheskoe stanovlenie i transformatsiya politicheskogo narrativna Moderna (Historical formation and transformation of the political narrative of Modernity). Diss. d-ra... n., 2023].
- Монтескье Ш-Л. О духе законов / Пер. А.В. Матешук. М.: Мысль, 1999 [Montes'k'e Sh-L. O duhe zakonov (About the spirit of laws) / Per. A.V. Mateshuk. Moscow: Mysl', 1999].
- Понкин И.В. Сильное государство // Право и государство. 2018. 1–2. С. 53–70. [Ponkin I.V. Sil'noe gosudarstvo (Strong State) // Pravo i gosudarstvo. 2018. 1–2. P. 53–70].
- Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Собрание сочинений. В 2 тт. М., 1957. Т. 2. С. 5–284 [Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskii traktat (Theological and political treatise) / Sobranie sochinenii. v 2 t. Moscow, 1957. T. 2. P. 5-284].
- Спенсер Г. Личность и государство / Пер. М.Н. Тимофеевой, под ред. В.В. Битнера. СПб.: «Вестник Знания», 1908 [Spenser G. Lichnost' i gosudarstvo (Personality and state) / Ed. by V.V. Bitnera; per. M.N. Timofeevoj. Saint-Petersburg: Izd-vo «Vestnik Znaniya», 1908].
- Сперанский М.М. О силе правительства // Сперанский М.М. Избранное / Сост. В.С. Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с. [Speranskii M.M. O sile pravitel'stva (On the strength of government) // Speranskii M.M. Izbrannoe / Sost. V.S. Parsamov. Moscow: ROSSPEN, 2010. 776 p.].

- Струве П.Б. Орывки о государстве и нации // «Русская Мысль», кн. V. 1908. URL: http://az.lib.ru/s/struwe_p_b/text_1908_otryvki_o_gosudarstve_olderfo.shtml [Struve P.B. Otryvki o gosudarstve i natsii (Passages on State and Nation). «Russkaya Mysl'», kn.V. 1908. - http://az.lib.ru/s/struwe_p_b/text_1908_otryvki_o_gosudarstve_olderfo.shtml.
- Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992 [Tokvil' A. Demokratiya v Amerike (Democracy in America). Moscow: Progress, 1992].
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015 [Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tюр'my (Supervise and punish. The Birth of Prison) / Ed. by I. Borisova; per. s frants. V. Naumova. Moscow: «Ad Marginem Press», 2015].
- Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб: Наука, 2005 [Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lektzii, pročitannyyi v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu (It is necessary to defend society: a course of lectures given at the College de France in the 1975–1976 academic year). Saint-Petersburg: Nauka, 2005].
- Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI в. М.: АСТ Хранитель, 2006 [Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo; Upravlenie i mirovoy poriyadok v XXI veke (Strong State. Governance and world order in the 21st c.). Moscow: AST Khranitel', 2006].
- Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. О.В. Кильдошова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдошов. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010 [Shmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma (State and political form) / Per. s nem. O.V. Kil'dyushova; sost. V.V. Anashvili, O.V. Kil'dyushov. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vysshei shkoly ekonomiki, 2010].
- Bonefeld W. Freedom and the Strong State: On German Ordoliberalism // New Political Economy. 2012. 17/5. P. 633-656.
- Chaplin J. Why a strong state needs a strong civil society – in the West and in China // Ethics in Brief. 2016, 22/1. URL: <https://kirbylaingcentre.co.uk/wp-content/uploads/2021/01/22.1Ei-BChaplin.pdf>
- Chien-wen Kou. The reshaping of the Chinese party-state under Xi Jinping's rule: A strong state led by a political strongman // Political and social control in China. The consolidation of single-party rule / Ed. by Hillman B. and Chien-wen Kou. Australian national university, ANU PRESS, 2024. P. 21-52. https://www.researchgate.net/publication/379299163_The_reshaping_of_the_Chinese_party-state_under_Xi_Jinping%27s_rule_A_strong_state_led_by_a_political_strongman.
- Gabrisch H. Neoliberalism, Strong State and Democracy. 2023, May. URL: https://www.researchgate.net/publication/370612764_Neoliberalism_Strong_State_and_Democracy
- Hammond Ch. Confronting Transnational Threats; Strong State Strategies of Cooperation with Weak States and Effectiveness: Dissertation. City University of New York (CUNY), 2014. https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1291&context=cc_etds_theses
- Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton, 2001. URL: <https://s.ameelbhfaure.com/wp-content/uploads/2015/10/s2-mearsheimer-2001.pdf> (Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1948.
- Muslu F. Strong State vs Weak Society. 2013. P. 1-22. URL: <https://izu.edu.tr/docs/default-source/sosyal-bilimler-dergisi/2013-bahar-say%4%B1-2.pdf> (May, 2024).
- Rice S.E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. Washington, DC: The Brookings Institution, 2008.
- Sherman T.C. Nehru's India: A History in Seven Myths. Princeton University Press, 2022. - <https://doi.org/10.2307/j.ctv2fwfzqt> (May, 2024).
- Stivachitis Y. Political (In)Security in the Middle East // Regional Security in the Middle East: Sectors, Variables and Challenges, 2019. - <https://www.e-ir.info/pdf/78436> (May, 2024).
- Tsygankov A. A Strong State: Theory and Practice in the 21st Century // Valdai Papers. 2015. 15. https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai_paper_15_a_strong_state_theory_and_practice_in_the_21st_century/

Шмелева Ольга Юрьевна, доктор политических наук, доцент, Нижегородский государственный национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, кафедра политологии, доцент, o_shmeleva1977@mail.ru

Шмелев Антон Павлович, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, кафедра истории и теории международных отношений, a.shmelev1975@gmail.com

«Strong State» Concept in Political Discourse of Modernism and Postmodernism: Paradigm Shift Semantics

The article attempts to conceptualize the notion of «strong state». Having discourse and content analysis of electronic texts of the Modern and Postmodern eras applied a set of «strong government» cognition features and characteristics is defined, implicit meaning, contented in these notions, is disclosed, a cross-section of the main perceptions towards strong state in a diachronic aspect is formed, the interpretation of national, political and cultural differences/features and the meaning of “strong state” are examined. The authors focus on the issue of semantic modifications, modulations (semantic development), changes in ideological and semantic content and connotations of the concept of «strong state» in the narratives of modernism and postmodernism under the influence of not only global trends, but features of internal and external environment. The article defines the conclusion of pluridimensionality, dynamism and trend chasing of the «strong state» concept, its complication, reassessment in the frameworks of new historical conditions, submission of new meaning in postmodern political discourse, shifting emphasis from physical and material manifestations of power to subjective components, including the ability to use historical experience and traditions in the solution process of governmental issues, preserving traditional values, national and state identity.

Key words: *modernism, postmodernism, strong state, paradigm, political discourse, semantics, connotations, narrative, semantic modulation*

Shmeleva Olga, *Doctor of Political Science, assistant professor of Political Studies Department, Institute of international relations and world's history, Lobachevsky University, o_shmeleva1977@mail.ru*

Shmelev Anton, *Candidate of Historical Science, assistant professor of History and Theory of International relations Department, Institute of international relations and world's history, Lobachevsky University, a.shmelev1975@gmail.com*

С.В. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ, А.Б. СТРАХОВ, А.Р. БОРОНИН

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТИШИНА» В РУССКОЙ ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XI – НАЧАЛА XIII В.¹

Статья посвящена одной из базовых категорий русской духовно-политической мысли – «тишина». «Тишина» определялась как некоторое духовное состояние, так и социально-политический идеал, которым должны руководствоваться правители в своей деятельности. Однако на протяжении долгого времени значения этого понятия изменялись, в зависимости от контекста на первый план выходили отдельные его смысловые аспекты. В связи с этим важно проследить смысловое содержание понятия «тишина», зарождение этого понятия в русской мысли и его развитие на раннем этапе. Для этого был проведен контент-анализ сохранившихся русских текстов домонгольского периода, выделена специфика словоупотребления, предложена авторская схема содержания и развития понятия. Выяснено, что на данном этапе тишина означала состояние мира, невмешательства извне во внутренние дела Руси, время созидательного труда и мирного бытия под защитой Бога, что приобрело особую важность после установления ордынского ига.

Ключевые слова: тишина, духовно-политическая мысль, традиционные ценности.

Одной из важнейших ценностных духовно-политических категорий, присутствующих в отечественном идейно-политическом дискурсе на протяжении всего времени существования российской государственности, было понятие «тишина» (варианты: «тишь», «тихая», «тихий», «тихое», «тихо», «тихость»). В многовековой отечественной духовно-политической и литературно-художественной традиции это понятие (во всех вариантах) сохраняло не только обычные значения («спокойствие», «отсутствие звука», «медленный»), но имело гораздо более глубокое смысловое содержание: в этом понятии выражено традиционное православное представление об идеальном общественном устройстве. Еще в XIX в. митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) отмечал, что «тихая и безмятежная жизнь», «Словом Божиим поставлена в всегда желаемый образец земного человеческого благополучия»².

Источником православных представлений о «тишине», как своеобразном идеальном социально-политическом состоянии человеческого общества можно считать слова пророка Исайи: «В тишине и уповании крепость ваша» (Ис. 30:15). Эта мысль получает свое развитие в 1 Послании Тимофею апостола Павла: «Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Исторические модели российской государственности: аксиологические константы в конкретно-политических условиях», № FZNF-2024-0011, рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024030100143-7-5.6.1).

² Филарет (Дроздов), митр. 1888: 13. См. также: Русские ценности 2024: 30–31.

безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:1–4).

В дальнейшем образ «тишины» был представлен как в византийской, так и в славянской литургической традиции в «тайной» ходатайственной молитве (*intercessio*), содержащей перечисление священником имен святых, поминовения живых и усопших верных, церковных иерархов, светских правителей, а также моления о разных нуждах церковной общины³. В свою очередь, ходатайственная молитва – часть евхаристической молитвы (анафора), являющейся центральной молитвой Божественной литургии и возглашаемой священником в тот момент, когда происходит чудо преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы⁴.

Как показал Н.Д. Успенский, несмотря на то, что «со стороны содержания молений, интерцессии – самая неустойчивая часть анафоры, что объясняется изменениями исторических, политических и прочих обстоятельств, в которых протекала жизнь Церкви в разное время», образ «тишины» содержится в древнейших вариантах интерцессии, в частности, в т.н. Климентовой литургии, известной с IV в.: «Еще молим Тебя, Господи, о царе и о тех, кто у власти, и о всем воинстве, дабы они были благосклонны к нам, *мы же, в тишине и единомыслии проводя все время жизни нашей*, прославляли Тебя Иисусом Христом, упованием нашим (выделено нами. – авт.)»⁵. С того времени образ «тишины» обязательно присутствует в византийской, позднее и в русской богослужебной практике, причем как в Литургии Иоанна Златоуста, которая совершается в большую часть дней богослужебного года в Православной Церкви, так и в Литургии Василия Великого, которая совершается только десять раз в году. Так, в славянской рукописи XIV в., содержащей тексты обеих Литургий, в ходе интерцессии священник в одном из ходатайств в том числе возглашает: «Да и мы в тишине его, тихо и безмолвно житие проживем во всяком благоверии и чистоте» (Литургия Иоанна Златоуста); «Да во тишине его тихо и безмолвно житие проживем, во всяком благочестии и чистоте» (Литургия Василия Великого)⁶.

Как показал М. Скабалланович, начиная с XV в. образ «тишины» появляется и в составе сугубой ектении, т. е. в «усиленной» молитве, которую диакон (или священник) возносит ко Господу не тайно, но перед собравшимися в храме мирянами. В частности, в некоторых славянских рукописных и московских печатных изданиях XVII в. приводилось следующее молитвенное вознесение: «Еще молимся милости Божии о помощи и о поспешении и о укреплении и о пособлении и о сподоблении еже на враги победа и одоление благовернаго и христолюбиваго царя и великаго князя (имярек), воинству о благопробывании, *о мире и о*

³ См.: *Intercessio* 2010: 117–118.

⁴ См.: Желтов 2001: 179–289.

⁵ Успенский 1975: 80.

⁶ Афанасьева 2015: 313–314; 342–343.

тишине и о устройении и оставлении грехов всего православнаго христианства рцем вси» (выделено нами. – авт.)⁷.

Впрочем, подобное символическое толкование слов «тишина», «тишь», «тихий» и др. могло иметь истоками и иные сюжеты Священного Писания. В данном случае, стоит обратить внимание на сюжеты, связанные с усмирением Господом морских волн и установлением тишины. Вот, к примеру, что говорится в Псалтири: «Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он вывел их из бедствия их. Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают» (Пс. 106:28–29). Еще в начале V в. свт. Иоанн Златоуст, комментируя эти слова Псалтири отметил, что «Он [Господь] только пожелал – и положил конец бедствиям, и вместо бури явилась пристань... Эта пристань, очевидно, Его Царство...»⁸. Как можно заметить, свт. Иоанн Златоуст уподобляет тишину, установленную после «превращения» бури, Царствию Небесному, как образу идеального мироустройства. Сюжет с усмирением волн и установлением «великой тишины» затем повторяется в Евангелиях (см.: Мф. 8:22–27; Мк. 4:35–41; Лк. 8:22–25).

Учитывая тот факт, что Божественная литургия – это главнейшее христианское богослужение, включающее в себя таинство Евхаристии, а Псалтирь сразу же после принятия новой веры стала любимым чтением русских христиан, можно утверждать, что понятие «тишина» (варианты: «тишь», «тихая», «тихий», «тихое», «тихо», «тихость») в значении «идеальное социально-политическое состояние общества» стало постоянно присутствовать в духовной жизни и духовно-политической практике русских православных христиан с момента принятия христианства. Однако было бы упрощением говорить, что, во-первых, в русской духовно-политической традиции присутствовало только указанное значение понятия «тишина», и, во-вторых, что это значение сразу же стало господствующим в духовно-политическом сознании православных христиан Русской земли. В этом отношении важно рассмотреть начальный период генезиса понятия «тишина» в отечественной духовно-политической традиции XI – начала XIII века.

В качестве основной базы исследования эволюции понятия «тишина» в его разных значениях выступили древнерусские тексты разных жанров, созданные в период XI – начала XIII в., опубликованные в различных изданиях (всего 74 текста). Кроме того, путем контент-анализа в древнерусском (XI–XIV вв.) корпусе Национального корпуса русского языка было исследовано 22 текста XI – начала XIII в. (для анализа частоты употребления были выбраны слова «тишина», «тишь», «тихая»,

⁷ Толковый типикон 2004: 572, 574–575. Нужно отметить, что в наше время это молитвословие возглашает диаконом (или священником) во время чтения сугубой ектении в следующем варианте: «Еще молимся о Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». См.: Полный православный молитвослов для мирян. 2003: 356.

⁸ Творения Иоанна Златоуста 1899: 775.

«тихий», «тихое», «тихо», «тихость»). Таким образом всего было изучено 96 текстов. В 32 текстах присутствовало однократное или многократное использование слов «тишина», «тишь», «тихая», «тихий», «тихое», «тихо», «тихость». Проведенное исследование показало, что в период XI – начала XIII в. в древнерусских текстах можно выделить семь основных аспектов понятия «тишина» (во всех вариантах):

1) тишина (тихо, тихость, тихое), как спокойствие, медлительность, неторопливость.

2) тишина (тихо, тихое), как спокойствие в море, т. е. значение, перешедшее из библейских текстов, приобретающее особое звучание в свете принятия Русью христианства;

3) тишина (тихость, тихое) как духовный подвиг, безмолвие;

4) тишина (тихость, тихо, тихое, тихий) как одна из характеристик идеального образа христианина;

5) тишина (тихо, тихость), как отсутствие войны, мир;

6) тишина (тихо, тихое), как внутренний покой и благосостояние государства.

7) тишина, как идеальное социально-политическое устройство.

Только в первом значении понятие «тишина» не несет какой-либо духовной, социальной или политической нагрузки, и именно в этом значении данное понятие (во всех вариантах) употребляется в древнерусских текстах чаще всего – более 20 упоминаний⁹. В свою очередь, шесть из семи значений понятий «тишина», «тихая», «тихое», «тихо», «тихость» представляют собой характеристику некоего идеального состояния природы, общества или человека.

Библейский сюжет с усмирением волн и установлением «великой тишины», т.е. «превращения» бури в «тишину» как образа идеального мироустройства, появляется и в памятниках древнерусской литературы (7 упоминаний), в первую очередь, в переводных сочинениях. Следовательно, реальный образ погодного затишья приобрел духовно-политический смысл, использовался в соответствующих аналогиях в т.ч. нравственного характера. Так, именно в значении «хорошая погода» слово «тишина» используется в сборнике изречений «Пчела»: «Ластовици тишиноу намъ проповѣдають весною, а моудраѣ словеса беспечалье»; «Акоже пловоуще въ тишинѣ и боурные пристрой готовы имѣють, такоже и бѣгати моудрии оуготовиша себѣ помощникъ оубожеству»¹⁰ и т.д. Примечательно, что словом «тишина» было переведено греческое «εὐδία», которое в прямом смысле означает «тихая погода»: «Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет *ведро*, потому что небо красно / ο δε αλοκριθεις ειπεν αυτοις οψιαι γενομενης λεγετε ευδια πυραζει γαρ ο ουρανος» (Мф. 16:2), но имеет и переносное значение покоя, спокойствия. Таким образом, можно предположить, что греческая многозначность

⁹ См., напр.: Ипатьевская летопись, 2001: 637–638.

¹⁰ Древняя русская Пчела, 1893: 154; 177; 189.

термина *εὐδία*, прошедшего через обработку христианскими смыслами, нашла плодородную почву в комплексном значении русского слова «тишина», чем определила его особую значимость в русской мысли. Значение «хорошая погода» встречается в других переводных памятниках, например, в «Чудесах Николы Мирликийского», известных в русской письменной традиции как отдельный литературный памятник с XII в.¹¹

Сюжеты с успокоением разбушевавшегося моря присутствуют и в апокрифических сочинениях, имевших хождение в древнерусском обществе. Так, в «Слове о сошествии Иоанна Крестителя во ад» рассказывается о том, как Иисус Христос «запретил» морскую бурю, устроенную дьяволом, который пытался погубить Сына Божия, и установил в ответ на дьявольские козни «великую тишину»: «И бысть тишина велия»¹². Интересный разворот этот сюжет получает в другом апокрифе, в «Слове об успении Богородицы»: апостол Матфей получил скорбную весть о грядущей кончине Пресвятой Богородицы находясь в бушующем море, но внезапно его осенило светлое облако, смирило мутные воды («волнение мутное на тихость преврати»), и, вознеся Матфея, поставило вместе другими апостолами перед Богородицей¹³.

Присутствуют сюжеты с усмирением волн и в собственно русских сочинениях. В частности, в Повести временных лет в рассказе об осаде русами Константинополя, размещенном под 866 г.¹⁴ Но, наверное, самое оригинальное изложение этого сюжета принадлежит Клименту Смолятичу, который в своем «Послании» утверждает, что Господь на две недели «утишает» морские волны ради рождения и возрастания птенца мифической птицы алкион. Поведав эту историю, Климент Смолятич делает более чем нравоучительный вывод: «Се бо есть и намъ на поучение... Нас же дѣля что не имать сътворити прѣславно, яко по образу Божию и по подобию быхом, елма же птица дѣля мала тако велико гордое море дрѣжаться, посрѣдѣ зимы тихо стати повелѣно»¹⁵.

И совсем уже духовное прочтение сюжета об усмирении бури возникает в «Похвале преподобному Феодосию Печерскому», которое содержится в Киево-Печерском патерике (Слово 11). Обращаясь к преподобному Феодосию, автор Похвалы воспринимает библейский образ морской бури как «бурю мысленую» и просит святого Феодосия: «Направи нас къ пристанищу тихому, и бурю мысленую утиши»¹⁶.

Несколько меньшее число использования понятия «тишина», как характеристики одного из монашеских духовных подвигов – безмолвия (5 упоминаний). Два определения тишины как безмолвия содержатся в Студийском уставе, появившемся на Руси примерно в 1060–1070-е гг.,

¹¹ Чудеса Николая Мирликийского, 1999: 224–226.

¹² Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад, 1999: 268.

¹³ Слово об успении Богородицы, 1999: 296.

¹⁴ Ипатьевская летопись, 2001: 16.

¹⁵ Послание Климента Смолятича, 1997: 138.

¹⁶ Киево-Печерский патерик, 1997: 344.

и связаны с молитвенным обращением: «О прѣ(ж)почивъши(х) оцѣи и братиѣа нашеѣа всеѣа по имени покоѣа тишины бл(ж)нныѣа пама(т) ихъ...»¹⁷; «еще молимъса о рабѣ Бжїи альзїи покоѣа тишинъ»¹⁸. Простое молчание, проходя через духовный опыт, становится покоем, христианским идеалом личного спасения. Именно Студийский устав стал основой для монашеского устройства по всей Руси, во многом определив ее духовное, культурное и интеллектуальное развитие. Кроме того, о «тишине», «тихости» и др. как характеристике подвига безмолвия рассказывают Жития Василия Нового, Андрея Юродивого, Изборник 1076 г.¹⁹

В древнерусских текстах присутствует определенное число упоминаний тишины (тихость, тихо, тихое, тихий) как одной из характеристик образа идеального христианина (9 упоминаний). Несколько раз это понятие использует прп. Нестор Печерский, автор Жития Феодосия Печерского, именно как свидетельство святости героя своего повествования, т.е. подчеркивая идеальный характер образа святого старца²⁰. О том же напоминает и Повесть временных лет, вознося хвалу прп. Феодосию Печерскому после рассказа о его праведной кончине: «Молчаньѣ възлюбивъ, Бѹ послужилъ їеи в тишинѣ, въ мнишьскомъ житїи...»²¹.

В Киево-Печерском патерике, как известно, повествуется о множестве святых иноков, прославивших эту обитель своей праведной жизнью. И как некоторый итог подобного рода сюжетов звучит восклицание, в котором дословно повторяется фраза из 1 Послания Тимофею апостола Павла: «Разумѣй же, брате, колика слава и честь монастыря того! И постидѣвся, покайся и извол и си тихое и безмятѣжное житие, к немуже Господь призвал тя есть»²².

Как идеальное духовное состояние человека «великая тишина» понимается в переводном Житие Марии Египетской: «И тишина велиа в бурения мѣсто бываше ми»²³. А одним из первых русских князей, заслуживших именование «тихим» за свою христианскую жизнь, был владими́ро-во́лыньский князь Ярополк Изяславич, убитый подосланным убийцей в 1086 г. «Такъ баше блжнныи съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ»²⁴.

Настоящим христианином, в соответствии с христианскими нормами прожившим свою жизнь, считался и тот, кто «тихо» окончил свои дни. В летописях эти факты оговаривались особо. Причем, интересно, что в изученных в ходе данного исследования текстах таких сообщений совсем немного: в Лаврентьевской летописи подобного рода эпитет используется дважды: по отношению к киевскому князю Всеволоду Яро-

¹⁷ Студийский устав, 2001: 404.

¹⁸ Там же: 414.

¹⁹ Житие Василия Нового, 2018; Молдован, 2000; Изборник 1076 г. 2009.

²⁰ Житие Феодосия Печерского, 1997: 362, 374, 404.

²¹ Лаврентьевская летопись, 2001: 213.

²² Киево-Печерский патерик, 1997: 360.

²³ Житие Марии Египетской, 1999: 206.

²⁴ Лаврентьевская летопись, 2001: 207.

славичу, сыну Ярослава Владимировича Мудрого, и по отношению к великому князю владимирскому Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо²⁵. Примечательно, что сообщения о тихой кончине князей содержатся только в Лаврентьевской летописи, которая переписывалась в Северо-Восточной Руси, вероятнее всего, по заказу великого князя Михаила Ярославича Тверского. Ипатьевская летопись, создаваемая в Киеве, с южнорусскими продолжениями и Новгородская 1-я летопись не используют подобные эпитеты. Вероятно, это можно связать с тем, что в Северо-Восточной Руси еще со времен великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского складывается особая традиция восприятия правителя как центральной политической фигуры, что было не актуально в Киеве, где из-за постоянной борьбы князя регулярно менялись, и в Новгороде, где князь был лишь приглашенным полководцем и судьей.

Помимо уже названных, понятие «тишина» приобретает в летописях еще и двойное политическое значение – как мир и как внутреннее благополучие (15 упоминаний). В двух редакциях Повести временных лет дословно приводится одно и то же сообщение под 1026 годом: «Ярославъ совокупи воѡа многы и приде Киеву и створи миръ с брато(м) свои(м) Мьстиславомъ оу Городьца и раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю. Ярославъ приѡа сю сторону а Мьстиславъ вну и начаста жити мирно и в братолюбьствѣ и оуста оусобица и матежь и бы(с) тишина велика в земли»²⁶. Это хронологически первое по ходу изложения событий использование понятия «тишина» в политическом значении. Возникает вопрос, почему именно в этом случае, когда конфликт между князьями удалось разрешить миром, упомянута «тишина»? Ведь до того Русь пережила две междоусобицы, однако их разрешение не было названо «тишиной». Можно сделать предположение, что именно бескровность разрешения спора по поводу киевского престола, при которой единство земли не было нарушено, а русские войска не понесли потерь, привело к обоюдному удовлетворению Ярослава и Мстислава Владимировичей, установило крепкий мир и стало образцом для выхода из подобного рода конфликтов.

При описании последующих событий тишина как мир и благополучие встречается в Новгородской первой летописи при описании противостояния князей Юрия Долгорукого и Изяслава Давыдовича в 1155 г.²⁷ Фактически здесь повторяется ситуация бескровного разрешения конфликта, хотя и на менее выгодных условиях для одной из сторон, чем это было у Ярослава и Мстислава Владимировичей, что позволяет назвать автору наступивший мир «тишиной». Стоит отметить, что данная запись сделана в середине XIII в. Можно предположить, что к этому времени духовно-политическое понимание «тишины» уже окончательно закрепилось в русском лексиконе.

²⁵ Там же: 217, 437.

²⁶ Лаврентьевская летопись, 2001: 149; см. также Ипатьевская летопись, 2001: 137.

²⁷ Новгородская 1-я летопись, 2000:

Более активно понятие «тишина» использовалось в Южной Руси. В Киевской летописи, продолжении Повести временных лет, при описании междоусобицы 1158–1161 г., в уста одного из князей вкладывается следующая фраза: «А брате не лиха хотя тобѣ боронно не ходити но хотя ти добра и тишины земли Рускыѣ»²⁸. «Добро» и «тишина» становятся вместе, но не являются полными синонимами. Если добро подразумевает материальное благополучие, то «тишина» в данном случае становится идеалом мирного бытия. При этом для автора они идут вместе, и одно без другого не представляется возможным.

В Галицко-Волынской летописи, охватившей события 1200–1299 гг., лаконичная констатация «тишина бысть» отмечает 1214, 1218 и 1267 гг. Об установившейся «тишине» «по все землѣ» сообщает запись под 1261 г.²⁹ Примечательно, что «тишину» отмечает новгородский летописец в 1260 г.: «Бы(с) тишина все лѣ(т)»³⁰. Тишина в этих записях становится идеальным состоянием, в котором отсутствует война, конфликты, неурожай и стихийные бедствия, само слово описывает некое состояние внутреннего и внешнего покоя, который становится достижим как в целом в мирное время (записи до монголо-татарского нашествия), так и в периоды тяжелого кризиса и частичной утраты суверенитета.

Интересно, что понимание тишины как благополучия нашло свое отражение и в переводных памятниках, например, в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Аще оурканови кореніе есте, то въ вбилии и оу тишинѣ поживете, свое стажаніе имуще, и въ свои(х) домехъ веселашеса»³¹. При этом переводчик переводит словом «тишина» не греческое «εὐδία», как компилятор «Пчелы», а «ἡσυχία», т.е. «уединение». Позже слова «исихия», «исихазм» станут обозначать православную традицию мистического безмолвия.

В приведенных выше примерах «тишина» как мир и «тишина» как спокойствие и благополучие могут быть не в полной мере разделены, а ключевой аспект выделяется скорее по контексту. Более четкое и однозначное разделение этих аспектов, «тишина» не как мир, но как благополучие, прослеживается в Житии Авраамия Смоленского, созданном примерно во время ордынского нашествия. Автор, некий Ефрем, который, по мнению исследователей, «был весьма начитанным книжником»³², трижды употребляет слово «тишина»:

1. «Сей такому дару и труду Божественныхъ писаний и прилежа, и почитая, и како бы свой корабль своя душа съ Божию помощію съблности многихъ бурь и волнь, реку напастей отъ бѣсовъ и отъ чловѣкъ, съ упованиемъ непогружену отъ сихъ бѣдъ оногo пристанища спасенаго дойти и в тишину Небеснаго Иерусалима Бога нашего приити»³³;

²⁸ Ипатьевская летопись, 2001: 500.

²⁹ Там же: 848.

³⁰ Новгородская 1-я летопись, 2000:

³¹ История Иудейской войны, 2004: 83.

³² Буланин, 1987: 126.

³³ Житие Авраамия Смоленского, 1997: 36.

2. Кричаниемъ Богу припадая помиловати люди своя, отвратити гнѣвъ Свой и послати милость Свою, и належашимъ бѣдъ избавити ны, и миръ и тишину подати молитвами Пречистыя Дѣвы Богородица и всѣхъ святыхъ»³⁴;
3. «Велиа благодать Божиа на градъ, вся просвѣщаючи, и веселящи, и хранящи, избавляючи, тишину же и мир, и всѣхъ благыхъ на многа лѣта подаючи, и еще не оскудѣти имать молитвами Святя Богородица и преподобнаго ради Авраамия и всѣхъ святыхъ Его»³⁵.

Во втором и третьем рассуждениях «тишина» и «мир», хотя и связаны, но не тождественны, так как иначе Ефрем не стал бы выделять какое-либо из слов. Следовательно, «тишина» означает что-то отличное от мира. Подтверждение того, что «тишина» в Житии означает именно спокойствие и благополучие, находится в первой цитате. Ведь Небесный Иерусалим – это христианский образ победившего Царства Божия, место, в котором нет и не может быть мира, так как в нем не может быть войны и завершилась всякая история. Следовательно, «тишина» – это образ райского блаженства, абсолютного спокойствия и благополучия.

Как можно заметить, в XI – начале XIII в. христианское миропонимание все более и более становилось главной составляющей духовно-политического сознания людей того времени. Именно в этот период русские церковные и светские мыслители разрабатывают целое учение о смысле деятельности и предназначении правителя православного государства³⁶. Во второй половине XII в. было создано «Слово о князьях», неизвестный автор которого призывает князей одуматься, прекратить усобицы и, на примере черниговского князя Давыда Святославича (ум. 1123 г.), рисует образ идеального православного правителя, умеющего жить в мире и любви, творящего добро, оберегающего своих близких и свою землю, держащего свое слово, и потому «въ велице тишине бысть княжение его»³⁷. В данном тексте впервые в русской духовно-политической мысли понятие «тишина» приобретает в полном виде значение идеального результата правления русского князя. Таким образом, традиционное православное представление о тишине, как идеальном социально-политическом устройстве, из литургической традиции переходит в русскую духовно-политическую традицию, и в полном смысле приобретает черты общественного идеала.

Понятие «тишина» в русской духовно-политической мысли даже на этапе ее зарождения отличалось сложным многосоставным содержанием. Начинаясь как поэтический образ, связанный с морем, тихой погодой, пройдя через христианское переосмысление, «тишина» стала

³⁴ Там же: 38, 40.

³⁵ Там же: 54.

³⁶ Перевезенцев, 2023: 153–179.

³⁷ Слово о князьях, 1997: 228.

конкретным политическим явлением, проектом и идеалом. Понятие «тишина» в XI – начала XIII века можно определить как состояние мира, невмешательства извне во внутренние дела Руси, время созидательного труда и мирного бытия под защитой Бога, в итоге – как общественный идеал. Особую остроту образ «тишины» обрел в годы ордынского нашествия и установления ига; хотя в текстах этого периода специфическая рефлексия по поводу утери «тишины» не прослеживается, частота употребления этого слова позволяет предполагать, что «тишина» обрела особую ценность и определила цели русской политики на годы вперед. В дальнейшем, на протяжении многих веков русские книжники будут постоянно выделять тех русских правителей, кто, по их мнению, пусть и на короткий срок, но обеспечил своим подданным жизнь в «тишине»³⁸. Впрочем, бытование и развитие этой важной категории русской духовно-политической мысли в XIV–XVII вв. и тем более после петровских преобразований требуют отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афанасьева Т.И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015. Приложение. С. 313–314; 342–343. [Afanas'eva T.I. Liturgii Ioanna Zlatousto i Vasiliya Velikogo v slavyanskoj tradicii (po sluzhebnikom XI–XV vv.) (Liturgies of John Chrysostom and Basil the Great in the Slavic tradition (according to service books of the 11th–15th centuries)). М., 2015. Prilozhenie. S. 313–314; 342–343].
- Буланин Д.М. Ефрем // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л.: Наука, 1987. С. 126–128. [Bulanin D.M. Eftrem (Ephraim) // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Вып. 1. Л.: Nauka, 1987. S. 126–128].
- Древняя русская Пчела по пергаменному списку / Изд. В. Семенова. СПб., 1893. (СОРЯС. Т. 54. № 4). [Drevnyaya russkaya Pchela po pergamenному spisku (Ancient Russian Bee according to the parchment list) / Izd. V. Semenova. SPb., 1893. (SORYAS. T. 54. № 4)].
- Желтов М.С. Анафора // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 179–289. [Zheltov M.S. Anafora (Anaphora) // Pravoslavnaia enciklopediia. T. 2. М., 2001. S. 179–289].
- Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. С. 30–65. [Zhitie Avraamiya Smolenskogo (Life of Abraham of Smolensk) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 5. SPb.: Nauka, 1997. S. 30–65].
- Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе / Изд. подг. Т.В. Пентковская, Л.И. Щеголева, С.А. Иванов. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. [Zhitie Vasiliya Novogo v drevnejšem slavyanskom perevode (The Life of Vasily the New in the oldest Slavic translation) / Izd. podg. T.V. Pentkovskaya, L.I. SHCHegoleva, S.A. Ivanov. М.: Izd. dom YASK, 2018].
- Житие Марии Египетской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 190–215. [Zhitie Marii Egipetskoj (Life of Mary of Egypt) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 2. SPb.: Nauka, 1999. S. 190–215].
- Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 352–433. [Zhitie Feodosiya Pecherskogo (Life of Theodosius of Pechersk) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. SPb.: Nauka, 1997. S. 352–433].
- Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 296–489. [Kievo-Pecherskij paterik (Kiev-Pechersk Patericon) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. SPb.: Nauka, 1997. S. 296–489].
- Изборник 1076 г. 2-е изд., перераб. и доп. // Изд. подг. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольщенко. Под ред. А.М. Молдована. Т. 1–2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. [Izbornik 1076 g. 2-e izd., pererab. i dop. (Izbornik 1076, 2nd ed., revised

³⁸ См.: Рогожский летописец, 1922: 44; Летописный сборник, 1863: 417; Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича, 1999: 206–224; Чин поставления на царство, 2004: 132–133, 121–122 и др.

- and expanded) // *Izd. podg. M.S. Mushinskaya, E.A. Mishina, V.S. Golyschenko. Pod red. A.M. Moldovana. T. 1–2. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2009.*].
- Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. [Ipat'evskaya letopis' (Ipatiev Chronicle) / Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2001.].
- «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Makeeva, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. [«Istoriya Iudejskoj vojny» Iosifa Flaviya: Drevnerusskij perevod (“History of the Jewish War” by Josephus: Old Russian translation) / *Izd. podgot. A.A. Pichkhadze, I.I. Makeeva, G.S. Barankova, A.A. Utkin. T. 1. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004.*].
- Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. [Lavrent'evskaya letopis' (Laurentian Chronicle) / Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 1. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2001.].
- Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб., 1863. [Letopisnyj sbornik, imenuemyj Tverskoj letopis'yu (Chronicle collection called the Tver Chronicle) // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 15. SPb., 1863].
- Молдован А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. [Moldovan A.M. «Zhitie Andreya Yurodivogo» v slavyanskoj pis'mennosti (“The Life of Andrei the Fool” in Slavic writing). M.: Azbukovnik, 2000.].
- Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. 2-е изд., испр., доп. М.: Квадрига, 2023. [Perevezenцев S.V. Russkie smysly: Duhovno-politicheskie ucheniya Rossii X–XVII vv. v ih istoricheskom razvitií (Russian meanings: Spiritual and political teachings of Russia in the 10th–17th cc. in their historical development). 2-e izd., ispr., dop. M.: Kvadriga, 2023.].
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // *Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113–133.* [Perevezenцев S.V., Puchnina O. E., Strahov A.B., SHakirova A.A. K voprosu o metodologicheskikh principah izucheniya rossijskikh bazisnyh tradicionnyh cennostej (On the issue of methodological principles for studying Russian basic traditional values) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sociologiya i politologiya. 2021. T. 27. № 4. S. 113–133.*].
- Полный православный молитвослов для мирян. 5-е изд., пер. и доп. М., 2003. [Polnyj pravoslavnyj molitvoslov dlya miryan (Complete Orthodox prayer book for the laity). 5-e izd., per. i dop. M., 2003.].
- Послание Климента Смолытича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 118–141. [Poslanie Klimenta Smolyaticha (Message from Kliment Smolyatich) // *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. SPb.: Nauka, 1997. S. 118–141.*].
- Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. [Rogozhskij letopisec (Rogozhsky chronicler) // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 15. Vyp. 1. Pg., 1922.].
- Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой / Авт. С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, Т.В. Евгеньева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, И.С. Палитай, Д.Д. Тулегенова, Н.С. Скипин, А.Р. Боронин, А.А. Шакирова, Е.А. Турков. М.: Квадрига, 2024. [Russkie cennosti: Tradicionnye smysly i ih otrazhenie v soznanii sovremennoj molodezhi: Kollektivnaya monografiya (Russian values: Traditional meanings and their reflection in the consciousness of modern youth) / Pod red. S.V. Perevezenцева, A.V. Seleznevoj / Avt. S.V. Perevezenцев, A.V. Selezneva, T.V. Evgen'eva, O.E. Sorokopudova, A.B. Strahov, I.S. Palitaj, D.D. Tulegenova, N.S. Skipin, A.R. Boronin, A.A. SHakirova, E.A. Turkov. M.: Kvadriga, 2024.].
- Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб.: Наука, 1999. С. 206–224. [Slovo o zhitii velikogo knyazyza Dmitriya Ivanovicha (A word about the life of Grand Duke Dmitry Ivanovich) // *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 6. SPb.: Nauka, 1999. S. 206–224.*].
- Слово о князях // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 226–229. [Slovo o knyaz'yah (A word about princes) // *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. SPb.: Nauka, 1997. S. 226–229.*].

- Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 262–275. [Slovo o soshestvii Ioanna Krestitelya vo ad (The Word about the Descent of John the Baptist into Hell) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 3. SPb.: Nauka, 1999. S. 262–275.]
- Слово об успении Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 292–305. [Slovo ob uspenii Bogorodicy (Word on the Dormition of the Virgin Mary) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 3. SPb.: Nauka, 1999. S. 292–305.]
- Студийский устав // Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 368–420. [Studijskij ustav (the Studite rule) // Pentkovskij A.M. Tipikon patriarha Aleksiya Studita v Vizantii i na Rusi. M., 2001. S. 368–420.]
- Толковый типикон: Объяснительное изложение Типикона. С историческим введением // Сост. М. Скабалланович. М., 2004. [Tolkovoj tipikon: Ob"yasnitel'noe izlozhenie Tipikona. S istoricheskim vvedeniem (Explanatory Tipikon: Explanatory presentation of the Typikon. With historical introduction) // Sost. M. Skaballanovich. M., 2004.]
- Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12-и тт. Т. 5. Кн. 2. СПб.: С.-Петербург. Духовной Академии, 1899. [Tvorenija svyatogo otca nashego Ioanna Zlatousty, arhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode: v 12-i tomah (The works of our holy father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, in Russian translation: in 12 vols). T. 5. Kn. 2. SPb.: S.-Peterb. Duhovnoj Akademii, 1899.]
- Успенский Н.Д. Анафора (Опыт историко-литургического анализа) // Богословские труды. 1975. Вып. 13. С. 80. [Uspenskij N.D. Anafora (Opyt istoriko-liturgicheskogo analiza) (Anaphora (Experience of historical and liturgical analysis)) // Bogoslovskie trudy. 1975. Vyp. 13. S. 80].
- Филарет (Дроздов), митр. Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных: Мысли, вкратце извлеченные из проповедей Филарета Митрополита Московского. М., 1888. [Filaret (Drozdov), mitr. Hristianskoe uchenie o carskoj vlasti i ob obyazannostyah vernopoddannyh: Mysli, vkratce izvlechennye iz propovedej Filareta Mitropolita Moskovskogo (Christian teaching about royal power and the duties of loyal subjects: Thoughts briefly extracted from the sermons of Philaret, Metropolitan of Moscow). M., 1888.]
- Чудеса Николая Мирликийского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 316–243. [Chudesa Nikolaya Mirlikijskogo (Miracles of Nicholas of Myra) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 2. SPb.: Nauka, 1999. S. 316–243.]
- Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых / Сост., авт. вст.ст., комм. Г.В. Талина / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Соц.-полит. мысль, 2004 [Chin postavleniya na carstvo carya i velikogo knyazya Fedora Alekseevicha i fragmenty China postavleniya na carstvo carya i velikogo knyazya Aleksey Mihajlovicha (The rite of installation of the Tsar and Grand Duke Fyodor Alekseevich to the kingdom and fragments of the rite of installation of the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich) // Samoderzhavnoe carstvo pervyh Romanovyh / Sost., avt. vst. st., komm. G.V. Talina / Pod. red. S.V. Perevezenceva. M.: Soc.-polit. mysl', 2004.]
- Intercessio // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 117–118. [Intercessio (Intercessio) // Pravoslavnaya enciklopediya. T. 23. M., 2010. S. 117–118].

Сергей Вячеславович Перевезенцев, д.и.н., главный научный сотрудник, Научно-проектный отдел, Научно-инновационное управление, ГАУГН, профессор, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; serg1380@yandex.ru

Страхов Александр Борисович, канд. полит. н., ведущий научный сотрудник, Научно-проектный отдел, Научно-инновационное управление, ГАУГН, специалист по учебно-методической работе, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; falconian@yandex.ru

Боронин Артем Романович, младший научный сотрудник, Научно-проектный отдел, Научно-инновационное управление, ГАУГН, студент, факультет политологии, МГУ имени М. В. Ломоносова; boronin.artem@gmail.com

The Evolution of the Concept of "Silence" in the Russian Spiritual and Political Tradition of the XI — Early XIII Century

The article is devoted to one of the basic categories of Russian spiritual and political thought - silence. Silence defined both a certain spiritual state and a socio-political ideal that rulers should be guided by in their activities. However, over time, the meanings of this concept have changed, depending on the context, some of its semantic aspects have come to the fore. In this regard, it is important to trace the semantic content of silence, the origin of this concept in Russian thought and its development at an early stage. For this purpose, a content analysis of the preserved Russian texts of the pre-Mongol period was carried out, the specifics of word usage were highlighted, and the author's scheme of the content and development of the concept was proposed. It was found out that at this stage silence meant a state of peace, non-interference from outside in the internal affairs of Russia, a time of creative work and peaceful existence under the protection of God, which became especially important after the establishment of the Horde yoke.

Keywords: *silence, spiritual and political thought, traditional values.*

Sergey V. Perevezentsev, *Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, the Scientific and Design Department of the Scientific and Innovative Management, the State Academic University of Humanities, Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; serp1380@yandex.ru*

Aleksandr B. Strakhov, *PhD in Political Science, Leading Researcher, the Scientific and Design Department of the Scientific and Innovative Management, the State Academic University of Humanities, Specialist in Educational and Methodical work, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; falconian@yandex.ru*

Artyom R. Boronin, *Junior Researcher, the Scientific and Design Department of the Scientific and Innovative Management, the State Academic University of Humanities, Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; boronin.artem@gmail.com*

ХАРИЗМА И ТРОН: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРЕТЕНИИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В НАРОДНЫХ РУССКИХ СКАЗКАХ

Статья посвящена выяснению важности и значимости личных качеств царя в структуре традиционных народных представлений о сакральной природе власти. Источниковой базой исследования служат народные русские сказки (группа волшебных сказок, содержащих наиболее архаичные политические представления) из полного собрания А.Н. Афанасьева. Автором произведена классификация сказочных сюжетов по статусу претендентов на трон и способов получения ими царской власти. Выделено четыре пути к трону: наследование, избрание в соответствии со знаменем, царевичество и женитьба на царевне. Установлено, что свадьба играет в вопросе обретения престола главную роль, но представляет собой не только ритуал вступления во взрослую жизнь, но и полное смертельных опасностей испытание. Женитьба на царевне и завоевания царства являются главными условиями вступления претендента на престол. На основании проделанного анализа сделан вывод о том, что народное сознание придает решающее значение в обретении и удержании власти наличию у сказочного героя харизмы – способности использовать внутренние или внешние сверхъестественные силы. По заключению автора, такие народные представления о субъекте власти восходят архаическому образу вождя-жреца, чья связь с миром сверхъестественного является неотъемлемым условием обеспечения блага всего общества.

Ключевые слова: политическая антропология, народное сознание, царская власть, сакральная власть, харизма, архаические представления, вождь-жрец, сказка.

В современной исторической, социологической и политологической литературе, рассматривающей эволюцию традиционных народных представлений, особое место занимает вопрос об интерпретации населением власти. Исследователи практически единодушны в оценках, указывая на то, что власть всегда определялась нашими предками как нечто сакральное¹. Трактовка сакральности предполагала, во-первых, божественную, а не человеческую природу власти (сверхъестественную сущность) и, во-вторых, фигуру правителя в качестве проводника высшей священной воли. Но если в оценках учёными первого компонента народных представлений о сакральности царит консенсус, то относительно второго тезиса, их мнения решительно расходятся. Одни считают, что традиционное общественное сознание признавало сакральной любую обличенную властью фигуру, то есть личность на троне значения не имела. По мнению других – народ считал, что посредником в реализации божественной воли может быть далеко не каждый правитель, но лишь тот, кто в состоянии продемонстрировать наличие у него харизмы – способности использовать внутренние или внешние сверхъестественные силы.

Каждая из групп исследователей апеллирует к определенному набору исторических текстов, но и те, и другие практически всегда игнорируют фольклорный материал, особое место в котором занимает народная русская сказка.

¹ Буганов 2002; Вилков, Захарова 2010; Лукин 2000; Успенский, Живов 1996.

Игнорирование сказок как источника информации объяснима. В первых, затруднена идентификация времени их создания. Систематический сбор и классификация аутентичного фольклорного материала относится лишь ко второй половине XIX в.², однако датировать народные произведения этим периодом абсолютно неверно. В основе сказок (мы будем говорить о волшебных сказках, как отражающих наиболее древние представления) находится архаическое ядро, вокруг которого располагаются более поздние слои. Именно этим можно объяснить тот факт, что змей Горыныч и меч-кладенец соседствуют в волшебных сказках с пушкой, губернатором и даже газетой. В интерпретациях архаического ядра современные исследователи расходятся. Сторонники исторического подхода видят в сказках причудливое отображение реального прошлого, прежде всего, расселение восточных славян и их борьбу с врагами³. Приверженцы антропологического подхода считают волшебные сказки интерпретациями первобытных обрядов и родоплеменных социальных практик⁴. Наконец, сторонники психоаналитического подхода выделяют в сказках архетипы – восходящие к древности образы и сюжеты, выступающие шаблонами восприятия и подсознательными регуляторами индивидуального и коллективного поведения современных людей⁵.

Во-вторых, трудность использования сказок как источника информации обусловлена тем, что они представляют собой не один, а множество текстов, каждый из которых, в свою очередь, распадается на фрагменты, порой механически между собой соединенные. Не всегда ясны современнику и детали предания, в связи с чем, «русская народная сказка выглядит как зашифрованное послание от древних предков к потомкам»⁶. Однако именно эта функция передачи традиционных ценностей от поколения к поколению придаёт сказке значение, которое для национального самосознания трудно переоценить⁷.

Итак, решая вопрос о том, какое место в структуре сакральной власти по народным представлениям принадлежит правителю, мы займёмся поиском и дешифровкой архаических политических сюжетов и образов в волшебных сказках. Наиболее продуктивным представляется не изучение образов царей или королей, уже имеющих власть, но исследование лиц, только претендующих на трон. Разворачивание именно таких сюжетов позволяет получить ответ на вопрос о значимости или незначимости харизмы государя в структуре власти. Претендентов на власть, встречающихся в волшебных народных сказках, можно разделить на две категории: простолюдины и наследники («царевичи», «королевичи»).

² Самой известной из попыток сбора и систематизации сказок является трёхтомный труд А.Н. Афанасьева, на который мы и будем ссылаться, указывая номер сказки из сборника (см. Народные русские сказки 1985–1986).

³ Рыбаков 1994: 590–596.

⁴ Пропп 2021, Мелетинский 2005, Нежинская 2024.

⁵ Сергеева 2016, Шомова 2016.

⁶ Папина 2017: 34.

⁷ Национально-государственная идентичность 2023.

Первая категория представлена чаще всего младшими *крестьянскими или купеческими сыновьями*. Они носят имя Иван, зачастую с добавлением слова «дурак». Объясняя характеристики сказочного героя, исследователь Е.М. Мелетинский выдвинул теорию о том, что длительное время в славянском обществе был распространён минорат - передача наследства младшему сыну. Старшие, более взрослые сыновья выделялись из патриархальной семьи и обзаводились собственными хозяйствами и семьями. Младший же проживал с родителями, был их наследником, хранителем очага и традиций. К числу важнейших обязанностей младшего сына относились забота о стареющих родителях, их похороны и почитание памяти. Переход от родовой к соседской общине изменил ситуацию. Распространение получил принцип равенства наследников. Но при новом порядке старшие сыновья порой стремились обмануть и даже убить младшего, чтобы присвоить себе его долю имущества. Поддержка младшего сына общественным мнением, симпатия сказочника к обездоленному определялась Е.М. Мелетинским как народная ностальгия по древним патриархальным порядкам⁸.

Именуемое место именование младшего сына «дураком» и «запечником» только подтверждает теорию Е.М. Мелетинского. Во-первых, описание героя напрямую указывает на его связь с печью, являвшуюся сердцем крестьянского дома и олицетворением родного очага. Во-вторых, понятие «дурак» относится вовсе не к умственным способностям младшего сына. При тщательном анализе сказочных текстов становится очевидно, что синонимизация дурака и глупца происходит в результате отождествления образа Ивана в волшебной сказке с героем более поздней, бытовой сказки. В последней, действительно, дураком назван персонаж, совершающий глупые, нелепые поступки (№ 400-404). В волшебной сказке всё не так: дурак – это тот, кто ведёт себя по-другому, то есть нестандартно. «Иван-дурак волшебной-фантастической сказки, – пронизательно замечает исследователь фольклора Н.В. Новиков, – вовсе не дурак в прямом смысле этого слова, а искусно замаскированный идеальный герой»⁹.

Представитель второй категории претендентов на власть также чаще всего именуется Иваном, но имеет благородное происхождение – является единственным или младшим *сыном царя или короля*¹⁰. Здесь следует отметить, что концепция Е.М. Мелетинского о народной симпатии к младшему сыну как утратившему прежние привилегии, в отношении царевича не работает. При наследовании престола в древности действовал иной принцип – майората – передачи трона старшему сыну как наиболее взрослому и потому лучше подготовленному к исполнению важных для всего общества функций военного вождя и судьбы. Сказочная история Ивана-царевича, получившего престол вопреки принципу старшинства,

⁸ Мелетинский 2005: 56–135.

⁹ Новиков 1974: 114.

¹⁰ Ковалев 2024: 49–58.

выглядит как легитимация нарушения порядка престолонаследия. В этой связи при анализе сказок весьма важным представляется установить причину, вызвавшую необходимость оправдать нарушение древнего обычая.

Анализ волшебных сказок позволяет выделить несколько допустимых, с точки зрения народного сознания, способов получения власти. Одни из них присущи только царевичам, другие – только простолподидам, третьи имеют универсальный характер. Иногда разные способы получения власти комбинируются.

Первым из методов достижения трона является *наследование*. Такой способ обретения трона чаще всего встречается в тех сказках, где царевич является единственным сыном в семье. «Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич»; «Вскоре царь умер, сыну своему царство оставил» (№ 161, 207). Однако получение трона часто становится для царевича началом испытаний. Ему требуются недюжие способности, чтобы справиться с нахлынувшими бедами: набраться сил и разгромить подступающие войска агрессивных соседей, избавиться от мачехи, которая завела себе любовника и хочет извести молодого и неопытного правителя и т.п. Поскольку государь молод и слаб, обычно его защитником становится обладающий сверхъестественными способностями опекун. «Царь с царицею достигли древних лет, заболели и не чают уж выздороветь; призывают Ивана-царевича и наказывают: "Когда мы помрём, ты во всём слушайся и почитай Катому-дядьку дубовую шапку; станешь слушаться – счастлив будешь, а захочешь быть ослушником – пропадёшь как муха"» (№ 198).

В том случае, если наследников трона оказывается несколько, стареющий царь устраивает сыновьям испытания, обещая отдать престол победителю. Впрочем, при ближайшем рассмотрении предложение старика оказывается плутовством, поскольку те волшебные предметы, которые победитель должен принести отцу связаны со здоровьем или молодостью – молодильные яблоки, живая вода или жар-птица, ворующая золотые (возможно, те самые молодильные) яблоки из царского сада. Очевидно, в силу этого обстоятельства, старшие сыновья в сказках и не торопятся выполнять волю родителя. Успехов добывается младший из братьев, который добывает источники молодости, за что умерщвляется старшими братьями, воскресает, восстанавливает справедливость и обьявляется наследником (№ 168, 171-177).

Другим способом сделаться царём являются *выборы*, победителя которых определяют по божественному знамению: самовоспламеняющейся свече или особой примете. «...Народ думал думушку крепкую, и такую думу, что царь их умер, а они не знали, кого царем выбрать, и уговорились между собою так: который человек прежде придёт к ним в градские ворота, то того и царём сделать над собою. И как на ту пору Иванушка пришёл во градские ворота, тогда весь народ закричал: «Вот идёт наш царь!» — и старейшины подхватили Иванушку под руки, и повели в

царские чертоги, и облекли его в царские ризы, и посадили на царский престол, и начали все ему кланяться яко истинному царю своему и спрашивали от него разных приказов» (№ 196).

«В городе, куда увезена Елена Прекрасная, помер царь... а царей у них выбирали так: кто войдёт в церковь со свечкой и коли свеча сама затеплится, тому и царём быть. Все перепробовали своё счастье, свеча ни у кого не затеплилась. Елена Прекрасная... берёт в руки свечу и идёт в церковь; только взошла в церковь, у ней тотчас свеча и затеплилась. Все обрадовались и посадили её на царство» (№ 314).

Третий способ восхождения на трон связан исключительно с воцарением простолодина и представляет собой *убийство прежнего правителя*. Сказок такого рода насчитывается немного и во всех из них убитый государь (чтобы показать иноземный характер происходящего он именуется королём) рисуется крайне отталкивающим персонажем. Он хочет завладеть женой героя, поэтому даёт ему невыполнимые задания. Когда же извести подданного не удаётся, правитель переходит к откровенной агрессии. «Король пуще разгневался, приказал собрать войско и идти на взморье, сад дотла разорить, дворец на мелкие части разбить, а самого стрельца и его жену лютой смерти предать». Увидев это, стрелец с помощью волшебства создает войско, которое вступает в бой с королевской ратью. «Король видит, что его армия бежит, бросился было сам войско останавливать — да куда! Не прошло и полчаса, как его самого убили. Когда кончилось сражение, собрался народ и начал стрельца просить, чтобы взял в свои руки все государство. Он на то согласился и сделался королем, а жена его королевою» (№ 212). В другой сказке надуманным основанием для смертного приговора герою становится задержка в выполнении королевского поручения. «Дурак видит, что дело к расплате идёт, и крикнул: «Эй, дубинка, бей-колоти!». Дубинка бросилась, раз-другой ударила и убила злого короля до смерти. А дурак сделался королём и царствовал долго и милостиво» (№ 216).

Из всех трёх описанных в сказках способов обретения престола самыми поздним по времени возникновения является, очевидно, наследование. Но даже оно предполагает наличие у молодого правителя качеств, необходимых для противодействия внутренним или внешним врагам. В историях же с наследованием короны в результате победы в конкурсе отцовских заданий вопрос о сверхспособностях будущего правителя проявляется особенно ясно: чтобы стать наследником, царевичу нужно не только добыть волшебные предметы, но вернуться в мир живых из царства мёртвых.

Сказочные сюжеты, связанные с избранием правителя, продиктованы, вероятнее всего, представлениями о справедливости и воздаянии, характерными для народного христианства. Царский трон становится для героев своего рода компенсацией за перенесённые ранее страдания: изгнанный из родного дома ребенок получает царский дворец, проданная в неволю женщина — свободу. Однако и в этих сказочных сюжетах

не обходится без наличия у героев волшебных свойств, помощников или предметов. Так Иванушка был изгнан матерью за то, что съел изжаренную ей для любовника волшебную утку, на которой имелась надпись: «Ежели кто ту уточку съест, тот царь будет». У будущей невольницы Елены Прекрасной имелся брат, который мог превращаться в сокола и исполнять сложные задания. Таким образом, царями избираются не обычные людьми, но обладающие харизмой.

Самым древним способом получения короны следует, видимо, признать цареубийство. Здесь о наличии у героя волшебных предметов говорится прямо – именно за ними посылает король простолюдина в иное царство. Более того, само убийство злодея-правителя как раз и происходит с помощью предмета, добытого героем: волшебного топора или дубинки. В целом же сюжет с убийством прежнего царя и заменой его новым восходит к описанным антропологами первобытным верованиям в то, что слабеющий вождь-жрец, от сакральных способностей которого, как считало племя, зависела его судьба, должен быть умерщвлён более сильным соперником. «[Предавая богочеловека смерти, – писал исследователь магии и религии Дж. Фрэйзер, – верующие выигрывали в двух отношениях. Во-первых, они перехватывали его душу и передавали ее подходящему преемнику. Во-вторых, ко времени умерщвления крепость его тела – а вместе с ним и всего окружающего мира – еще не пришла в упадок. Таким образом, убивая человекобога в расцвете сил и передавая его дух могучему преемнику, первобытный человек предупреждал все опасности»¹¹.

Итак, во всех сказочных сюжетах про наследование, выборы и убийство царя в явной или неявной форме проявляются народные представления о том, что у нового правителя должна быть связь с миром сверхъестественного, то есть харизма.

Главное место среди методов получения трона занимает *женитьба на царевне*. Подавляющее большинство волшебных историй напрямую связывает обретение власти и заключение брачного союза. Женитьба, таким образом, выступает универсальным приёмом вступления на трон. Свадьба легитимирует приход к власти и царевича, и простолюдина; сочетается и с наследованием, и с избранием, и с цареубийством. Тесная связь женитьбы с воцарением младшего сына понятна. Согласно традиционным представлениям, вступление в брак свидетельствовало о том, что человек является взрослым и дееспособным. Сам свадебный ритуал подчёркивал переход личности в новое состояние, был наполнен символикой смерти юноши и девушки как подростков и рождения их как взрослых¹². В сказках свадьба будущего правителя представляется, впрочем, отнюдь не торжественным обрядом, но полным опасностей приключением, в котором жениху, чтобы достичь успеха, необходимо проявить все свои лучшие качества. Тот или иной сценарий «свадебного квеста» в сказочных произведениях определяется несколькими факторами.

¹¹ Фрэйзер 2017: 288.

¹² Мадлевская. Русский свадебный обряд...

Во-первых, значение имеет *фигура претендента*: является ли он наследным царевичем или простолюдином. Различие в статусах женихов проявляется прежде всего в характере выпавших на их судьбу испытаний. Наиболее распространенной сценой, предшествующей свадьбе царевича, является спасение невесты в бою с опасными врагами, первое место среди которых занимает многоголовый змей (№ 139, 162, 171, 176, 206).

В битву с противником вступает и герой-простолюдин, но рассказы о его поединках встречаются существенно реже, чем другой сюжет, вообще отсутствующий в историях с королевичами: женитьба в результате оказания услуг царю. Зятем и наследником правителя герой из народа становится, вылечив царевну, в т.ч. совершив обряд экзорцизма, переночевав и, тем самым, расколдовав окаменелый замок, оказав королю волшебную помощь в войне и пополнении казны (№ 115, 120–122, 154, 218, 271–275, 208, 270, 278). Нехарактерно для царевича и прохождение такого предсвадебного испытания как выполнение заданий и разрешение загадок царевны. Под предлогом необычайной легкости предлагаемых задач жених перепоручает их выполнение своему слуге-волшебнику. У жениха-простолюдина заместителей, обладающих сверхъестественными способностями, нет, поэтому ему самому приходится демонстрировать свое превосходство над невестой (№ 198–200, 240, 236, 237, 239).

Сравнительно мало распространен в волшебных сказках и сюжет с выполнением женихом-царевичем заданий будущего тестя. Как правило помощником в таких делах у него становится сама невеста (№ 219, 222, 314). Простолюдин, напротив, для того, чтобы войти в царскую семью вынужден с помощью волшебных предметов или помощников выполнять, казалось бы, невыполнимые задания: поцеловать царевну, сидящую в высокой башне, угадать тайну наследницы, рассмешить несмеяну, построить летучий корабль или дворец с хрустальным мостом, принести царю забытое им за тридевять земель оружие (№ 170, 179–183, 238, 298, 297, 144, 190–191, 259) и т.п. При этом простолюдин вынужден не только выполнять задания, но и бороться с предубеждениями и кознями царевны и/или её отца. Сказка фиксирует крайнее недовольство родителя царевны тем фактом, что жених имеет низкий социальный статус: «Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться» (№ 144). Ещё более раздражающим правителя фактом является взаимная симпатия жениха и невесты. В сказке про Емелю король хочет казнить героя, но тот чудесным образом влюбляет в себя царевну. «Стала она отца просить, чтобы отдал её за дурака замуж. Отец рассердился, обвенчал их и велел посадить обоих в бочку, бочку засмолить и пустить на воду» (№ 166). Иногда даже женитьба на младшей дочери царя и вхождение простолюдина в царскую семью не завершает его испытаний. Чтобы продемонстрировать свое превосходство неофит разрабатывает план мести. Он решает сложные задания царя, но отдаёт добытые трофеи старшим зятям в обмен на их пальцы рук и

ног, а также на вырезанные со спины ремни. Спустя время простолоудин демонстрирует царю отрезанные части тел и открывает истину. «Царь не знал, как его угостить и как пожаловать; отдал ему всё царство, а других зятьев за то, что обманывали, велел расстрелять» (№ 183).

Вторым фактором, обеспечивающим специфику развития свадебной истории, является *способ заключения брака*. Здесь сказка в причудливой форме воспроизводит весь спектр реальных приемов обретения невесты от самых архаичных до более поздних и цивилизованных¹³.

Наиболее древним из способов заключения брака следует признать прямое насилие над невестой. Такой сюжет встречается в сказках, связанных с добычей источников молодости. Младший из царевичей, отправившихся на поиски, достигает дворца царь-девицы, похищает у нее молодильные яблоки и/или живую воду, а также вступает со спящей в сексуальные отношения. Рассчитанная, в том числе и на детскую аудиторию, сказка стыдливо обходит описание этого момента, однако результат говорит сам за себя. Спустя три года царь-девица приплывает на кораблях с двумя маленькими детьми и требует «выдать ей виноватого», грозя царству войной и разорением. Царь посылает старших братьев, успевших ранее отнять у Ивана-царевича волшебные предметы и представить себя их добытчиками, но дети царь-девицы с позором изгоняют лжецов. Лишь приход настоящего героя исправляет ситуацию. «Иван-царевич пришел на корабль, с царь-девицею обнялся, в уста поцеловался; она корабль от берегу отвалила и пошла в дивье царство, вышла за него там замуж, и стали они жить да быть» (№ 175).

Столь же древним способом заключения брака, описанным во множестве сказок, является похищение невесты («умыкание»). Жenu таким образом добывает царевич-герой, или слуга по его приказу (№ 219, 222, 224, 225, 145, 158, 170). Последний вариант является для царя самым опасным, поскольку между похитителем и царевной часто возникает симпатия, приводящая в конечном счете к свержению не проявившего героизм царя. В одной из сказок добытая царевна требует от слуги и царя выкупаться в кипящем молоке, что завершается смертью государя и торжеством героя-похитителя. «Царь-девица выступила из терема, взяла доброго мольца за руку и сказала: «Ведаю я всё: не царь, а ты мои слова исполнял; я за тебя замуж иду!» (№ 170).

Тема устранения престарелого правителя и захват трона претендентом, проявившим сверхспособности, порой смягчается сказителем: царь добровольно уступает герою трон и похищенную невесту. Так, например, происходит в сказке о семи Симеонах. «Только царевна не пошла за царя взамуж: он был уж стар. Он её и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит: «За того, кто меня воровал!»... Царь, не говоря больше ни слова, приказал их обвенчать; потом сам захотел на покой, Семёна поставил на своё место» (№ 145).

¹³ Омелянчук 2010: 15–29; Нежинская 2024: 294–300.

Более поздние договорные способы заключения брака находят отражение в волшебных сказках значительно реже, возможно, потому что явно не указывают на наличие у жениха харизмы. Исключение составляет лишь такой специфический прием обретения жены как «отработка» – труд героя, не имеющего средств для выкупа невесты, в хозяйстве будущего тестя. Здесь, впрочем, сказитель сталкивается со сложной проблемой: необходимостью закамуфлировать тот факт, что царевич занят не соответствующей его статусу работой. Выходом из сложившейся ситуации в сказках выступает введение в повествование персонажа, поменявшего ролью с наследником. Сказка начинается с того, что королевский сын за опасный проступок изгоняется из царства вместе со своим воспитателем-дядькой. Однако коварный слуга под угрозой смерти требует от наследника смены ролей: «Спустился [королевич] в колодезь, а дядька захлопнул его крышкою и говорит: «Не выпущу! Будь ты слугой, а я — королевичем». Нечего делать, королевич согласился и дал ему в том расписку своей кровью; потом поменялись они платьями и отправились дальше» (№ 123). Вскоре самозванец втирается в доверие к царю иного государства, а настоящий королевич работает сначала на кухне, а затем на конюшне. Лишь нашествие врага позволяет герою продемонстрировать свою богатырскую сверхсилу, восстановить справедливость, расправиться с самозванцем и жениться на царевне.

С прибытия в другую страну начинается и история купеческого сына, который одевает на голову бычий пузырь и устраивается на королевские поля пугалом. Также, как и в предыдущем случае, требуется нашествие врага, чтобы герой показал своё истинное лицо, проявил волшебную силу, женился на царевне и получил трон (№ 190, 191).

Третьим фактором, определяющим разворачивание сюжета с заключением брака, является *тип будущей семьи* в зависимости от места совместного проживания супругов. Жених-простолюдин после свадьбы всегда остаётся править государством жены. У королевича оказывается больше возможностей. Он может выбирать: стать наследником тестя или вернуться с молодой супругой для воцарения в своем отечестве. Создание неолокальной семьи описывается редко, в основном в сказках про изгнанных или наказанных царевичей, которым приходится отыскивать или волшебным образом создавать для себя новое государство (№ 163, 164, 204, 284, 314). Вместе с тем, число случаев, когда государь начинает править в новом царстве, превышает число сюжетов его возвращения домой. Возможным объяснением данного феномена является средневековые представления о том, что взойти на трон можно только завоевав царство¹⁴.

Обзор факторов, определяющих сценарий женитьбы и последующее воцарения королевича окажется неполным без исследования *поведения невесты*, которая в одних сказках выступает кроткой и доброй, а

¹⁴ Горский 1999: 30.

в других – мстительной и коварной; предстает то дево́й в беде, то воительницей-богатыркой. «Царевна, – пишет В.Я. Пропп, – не может быть изучена без её отца, момент брака не может быть изучен вне момента воцарения героя. Царевна, ее отец и жених могут образовать различные "треугольники сил". Завоеванная или насильно добытая царевна заодно со своим отцом играет против героя и пытается его извести. Но возможна и другая комбинация: царевна вместе с героем играет против своего отца и иногда лично убивает старого царя»¹⁵.

Наибольшие проблемы жениху доставляет та невеста, которая требует выполнения её заданий. Даже жилище такой потенциальной супруги выглядит зловеще. «Дворец её [Елены Премудрой] словно жар горел – был он вылит из чистого серебра и золота; у ворот на железных спицах торчало одиннадцать голов богатырских. Призадумался Иван, добрый мóлодец: “Одиннадцать голов на спицы подняты; моя, верно, будет двенадцатая!”» (№ 237). Кроме того, успешное разрешение героем всех загадок ещё не является гарантией победы над царевной. Если же задания невесты-богатырки разрешал не сам царевич, а его волшебный помощник, замена претендента на трон требуется и в первую брачную ночь (№ 136, 199). Вскрывшийся вскоре обман королевна воспринимает как оскорбление. «Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозный царь её обманом взял, что сила у него не великая, что люди над нею насмеяются: Никита-де с царевною три ночи спал! Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокою мечь» (№ 199). Воспользовавшись ситуацией и избавившись от волшебного мужнина помощника, она низводит супруга до статуса свинопаса. Лишь после того, как помощнику удаётся возвратиться к хозяину и силой «укротить» богатырку, царевна признает верховенство мужа над собой и над государством.

Не менее драматично развиваются события и в случае женитьбы на царевне простолюдина. Человек неболагородного происхождения, пусть и выполнивший сложные задания, приходится не по нраву молодой жене. Выведав секрет мужа и похитив у него волшебные предметы, королевна бросает супруга или отдает приказ убить суженного. Чтобы вернуть себе жену и власть простолюдину, так же, как и в предыдущем случае, приходится «укрощать» царевну: превращать супругу на время в кобылицу или «лечить» железными прутьями (№ 190, 191, 197, 192, 193, 208, 209).

Анализ сказочных сюжетов про женитьбу на царевне позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, сватовство и свадьба подчеркивают, что царевич является человеком взрослым и обладает опытом для того, чтобы выполнять те обязанности, которые может возложить на него община как на правителя: бороться с врагом и регулировать социальные конфликты в случае их возникновения. Во-вторых, новый правитель имеет связь с миром сверхъестественного, откуда заполучил волшебные свойства, предметы или помощников, позволившие ему выйти с честью из смертельного испытания.

¹⁵ Пропп 2021: 547–548.

Подводя итоги анализу сюжетов и образов волшебной русской сказки, посвященных обретению власти, следует сделать вывод, о том, что, трактуя царскую власть как сакральную, народное сознание однозначно указывает на необходимость наличия, и у претендентов, и у правителей, особых сверхъестественных качеств – харизмы.

Такие представления восходят, очевидно, к описанным антропологами первобытным взглядам на вождя как на жреца, который может договориться со сверхъестественными силами о благополучии племени: прекращении стихийных бедствий, эпидемий, неурожая и голода. Утрата правителем чудесного свойства, предмета или помощника приводит и кутрате властного статуса. На смену потерявшему харизму правителю приходит новый, демонстрирующий наличие у него сверхъестественных качеств, необходимых для осуществления власти.

Фольклор обычно облакает процесс смены власти в форму рассказа о том, как новый претендент на престол проходит серию тяжелых испытаний и с помощью своих сверхспособностей побеждает опасных врагов, а порой даже саму смерть. Успешное завершение приключений влечет за собой женитьбу, замену прежнего царя и восхождение героя на трон.

Таким образом, архаичные представления о сакральности власти, скрытые в сюжетах волшебных русских сказок, однозначно указывают на значимость личных качеств царя как проводника божественной воли. Несмотря на сформированность такого рода взглядов в глубокой древности, выявленная особенность, думается, присуща и современному политическому сознанию россиян.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Буганов А.В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX — начала XX веков // Куда идёт Россия? Формальные институты и реальные. М., 2002. С. 253–260. [Buganov A.V. Otnoshenie k russkim saryam v narodnom soznanii XIX- nachala XX vekov (Attitude to Russian tsars in the popular consciousness of the XIX-early XX centuries)// Kuda idyot Rossiya? Formal'nye instituty i real'nye. Moscow, 2002. P. 253-260].
- Вилков А.А., Захарова Т.И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов: Наука, 2010. 200 с. [Vilkov A.A., Zaharova T.I. Sakral'nye osnovaniya vlasti v politicheskoy zhizni Rossii (Sacral bases of power in the political life of Russia). Saratov: Nauka, 2010. 200 p.]
- Горский А.А. Представления о «Царе» и «Царстве» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества. М., 1999. Вып. 2. С.17-37 [Gorskij A.A. Predstavleniya o «Care» i «Carstve» v srednevekovoj Rusi (do serediny XVI v.) (Representations of "Tsar" and "Kingdom" in medieval Russia (up to the middle of the 16th century)) // Car' i carstvo v russkom obshchestvennom soznanii. Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva. Moscow, 1999. Vyp. 2. P.17-37].
- Ковалев А.Е. Представители царской семьи в курских народных сказках // Курское слово. 2024. № 29. С. 49–58 [Kovalev A.E. Predstaviteli carskoj sem'i v kurskih narodnyh skazkah (Representatives of the royal family in Kursk folk tales) // Kurskoe slovo. 2024. № 29. P. 49–58].
- Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 294 с. [Lukin P.V. Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoj vlasti v Rossii XVII veka (People's perceptions of state power in 17th c. Russia.). Moscow: Nauka, 2000. 294 p.]

- Мадлевская Е.Л. Русский свадебный обряд // Фольклор и фольклористика в СПбГУ [Сайт] <https://folk.spbu.ru/Reader/madlev.php?rubr=Reader-lectures> [Madlevskaya E. L. Russkij svadebnyj obyriad (Russian wedding ceremony) // Fol'klor i fol'kloristika v SPbGU [Website] <https://folk.spbu.ru/Reader/madlev.php?rubr=Reader-lectures>
- Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.-СПб: Академия Исследований культуры, Традиция, 2005. 240 с. [Meletinskij E.M. Geroj volshebnoj skazki (The hero of a fairy tale). Moscow - Saint Petersburg: Akademiya Issledovaniy kul'tury, Tradiciya, 2005. 240 p.]
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3-х тт. М.: Наука, 1985-1986. [Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva (Folk Russian fairy tales by A.N. Afanas'ev): V 3-h tt. Moscow: Nauka, 1985-1986].
- Национально-государственная идентичность: методологические и исторические и аспекты / Биринчи Э., Зверева М.С., Капицын В.М. и др. // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 1 [Nacional'no-gosudarstvennaya identichnost': metodologicheskie i istoricheskie i aspekty (National-State Identity: Methodological and Historical Aspects) / Birinchy E., Zvereva M.S., Kapitsyn V.M. i dr. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2023. № 1].
- Нежинская У. Недетские сказки. Тайные смыслы народных текстов. М.: АСТ, 2024. 320 с. [Nezhinskaya U. Nedetskie skazki. Tajnye smysly narodnyh tekstov (Unchildish fairy tales. Secret meanings of folk texts). Moscow: AST, 2024. 320 p.]
- Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука. 1974. 256 с. [Novikov N.V. Obrazy vostochnoslavyanskoj volshebnoj skazki (Images of East Slavic magic fairy tales). Leningrad: Nauka. 1974. 256 p.]
- Омельяничук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков. Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2010. 118 с. [Omel'yanchuk S.V. Brak i sem'ya v Drevnej Rusi IX-XIII vekov (Marriage and Family in Ancient Russia IX-XIII centuries). Vladimir: Izdatel'stvo Vladimirsogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 118 p.]
- Папина М. О. Герои русских народных сказок: связь с древним миром и его обычаями // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 1. С. 32-34. [Papina M. O. Geroi russkih narodnyh skazok: svyaz' s drevnim mirom i ego oby chayami (Heroes of Russian folk tales: connection with the ancient world and its customs) // Tradic ionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii. 2017. № 1. P. 32-34].
- Пропп В. Исторические корни волшебной сказки // Пропп В. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: КоЛибри, 2021. С. 163–635 [Propp V. Istoricheskie korni volshebnoj skazki (The historical roots of the fairy tale) // Propp V. Morfologiya volshebnoj skazki; Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Moscow: KoLibri, 2021. P. 163-635].
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с. [Rybakov B.A. YAzychestvo drevnih slavyan (Paganism of the ancient Slavs). Moscow: Nauka, 1994. 608 p.]
- Сергеева А.А. Дорога в тридесятое царство: Славянские архетипы в мифах и сказках: В 2-х тт. М.: Клуб Касталия, 2016 [Sergeeva A.A. Doroga v tridesyatoe carstvo: Slavyanskie arhetipy v mifakh i skazkakh (The Road to the Tertieth Kingdom: Slavic Archetypes in Myths and Fairy Tales): V 2-h tt. Moscow: Klub Kastaliya, 2016].
- Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 202-337. [Uspenskij B.A., Zhivov V.M. Car' i Bog (semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii) (The Tsar and God (semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia) // Uspenskij B.A. YAzyki russkoj kul'tury, 1996. P.202-337]
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Академический проект, 2017. 799 с. [Frezer Dzh. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii (The Golden Bough. A research of magic and religion) / per. s angl. Moscow: Akademicheskij proekt, 2017. 799 p.]
- Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М. Изд/ дом Высшей школы экономики, 2016. 262 с. [Shomova S.A. Ot misterii do strit-art. Oчерki ob arhetipah kul'tury v politicheskoy kommunikacii (From Mystery to Street Art. Essays on cultural archetypes in political communication). Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. 262 p.]

Абрамов Андрей Вячеславович, кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, abram-off@mail.ru

Charisma and the Throne: Representations about the Acquisition of Royal Power in Russian Folk Tales

The article is devoted to finding out the importance and significance of the tsar's personal qualities in the structure of traditional folk ideas about the sacral nature of power. The source base of the research is folk Russian fairy tales (a group of magic tales containing the most archaic political notions) from the complete collection of A.N. Afanasyev. The author classifies fairy tale stories according to the status of pretenders to the throne and the way they obtained royal power. Four ways to the throne are identified: inheritance, election in accordance with the omen, tsareucide and marriage to a tsarevna. It is established that the wedding plays a major role in the issue of acquiring the throne. It not only a ritual of entry into adulthood, but also full of mortal dangers test. Marriage to the tsarevna and conquest of the kingdom are the main conditions for the accession of the pretender to the throne. The author concludes that the folk consciousness attaches decisive importance in gaining and retaining power to the presence of charisma - the ability to use internal or external supernatural forces to gain the throne. According to the author's conclusion, such folk ideas about the subject of power go back to the archaic image of the chief-priest, whose connection with the world of the supernatural is an indispensable condition for ensuring the good of the whole society.

Keywords: *Political anthropology, popular consciousness, tsar, royalty, royal power, sacral power, charisma, archaic representations, leader-priest, fairy tale*

Abramov Andrei Vyacheslavovich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Comparative Political Science Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, abram-off@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ И РУССКИХ ФРАНЦУЗАМИ В ДОПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД¹

Русско-французские культурные связи на протяжении истории носили неоднородный характер, от почти полного их отсутствия в раннее Новое время, до откровенной галломании в XIX в., от военных столкновений в эпоху Наполеоновских войн и Крымской войны, до «сердечного согласия» в годы Первой и Второй мировой войны. Одной из самых интересных для кросс-культурных исследований становится эпоха накануне петровских реформ. Именно в XVII–XVIII вв. происходит не только «переоткрытие» России, но и вслед за усилением ее роли в европейской политике, формируется политический миф о «варварской» стране, представляющей угрозу всей Европе. Важным для деконструкции генезиса взаимного восприятия двух стран становится дискурсивный анализ текстов, появившихся в этот период. К числу таких можно отнести «Парижский словарь Московитов» Ж. Соважа (1586), «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» Ж. Маржерета (1607), «Записки о Московии» Ф. Де ла Невилля (1698). На основе анализа данных источников удастся показать общую панораму дискурса о России и русских, закрепившегося в языке французского общества той поры. Появившиеся еще в XVI–XVII вв. стереотипы взаимного восприятия продолжают оказывать влияние на внешнеполитические отношения двух стран. При этом, на протяжении истории взаимное влияние двух культур друг на друга было так велико, что правильное понимание самих себя без осознания «Другого» стало попросту невозможно.

Ключевые слова: Россия, Франция, дискурс, кросс-культурные исследования, стереотипы, фобии, политические мифы, значимый «Другой».

Русско-французские культурные связи имеют длинную и неоднородную историю, начиная с первых контактов в XI в.², но в силу длительного ордынского владычества, Московская Русь долгое время находилась на периферии европейской политики. В Центральной и Юго-Восточной Европе доминировали Габсбурги и Ягеллоны, в то время как Москва вела борьбу за объединение земель, ранее входивших в состав Киевского государства. Московское государство, занятое внутренними проблемами, не вызывало у Старого Света, и, в частности, у Франции, серьезного интереса³. Ситуация начала постепенно меняться с конца XV – начала XVI в., а в западноевропейской литературе появляются впечатления путешественников (Ж. де Ланноа, А. Контарини, С. Мюнстера, А. Кампенского и др.) впервые посетивших Россию⁴. Одна из самых интересных для кросс-культурных исследований – эпоха накануне петровских реформ⁵, так как именно в XVII–XVIII вв. происходит своеобраз-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (МГУ имени М.В. Ломоносова).

² Черкасов 2010: 6.

³ Линькова 2014: 62.

⁴ Подробнее см.: Черникова 2019: 62–125; Великая Русь рыцаря де Ланноа; Скржинская 1971; Таньшина 2020: 17.

⁵ Выделить «допетровский период» в отдельный этап развития русско-французских связей позволяет их периодизация в работах: Веденина 2017: 65–74; Загряжкина 2008: 5.

ное «переоткрытие» России для европейского общества, а вслед за усилением ее роли в международной политике, формируется политический миф о «варварской» стране, представляющей угрозу всей Европе.

Самый ранний этап становления русско-французских отношений пришелся на XVII – начало XVIII в. В это время русско-французские отношения носили скорее ситуативный характер⁶. В отличие от Англии, Франция не была торговым партнером России, вследствие чего французы были не частыми гостями при московском дворе. Ф.Ф. Мартенс так характеризовал причину столь низкого уровня дипломатических контактов двух стран: «политические интересы России и Франции совершенно не сходились между собою в XVI и XVII веках: друзья Франции были заклятыми врагами России, и наоборот, естественные враги Франции были ближайшими друзьями Московского государства»⁷.

Московское государство заявляет о себе в полный голос в годы Ливонской войны (1558–1583), что стало катализатором «переоткрытия» России для Европы⁸. Именно в этот период обеспокоенные продвижением Московского царства к своим восточным границам, западные историки и дипломаты сконструировали политический миф о «варварской России»⁹. Как пишет Т.В. Черникова: «В XVI в. очень быстро стал оформляться стереотип Московии как страны “неевропейской и нецивилизованной”. Такой взгляд присутствовал в подавляющем большинстве записок этого времени»¹⁰. Но Россия быстро превращалась в важную силу на политической карте Европы. В.Н. Козулин приводит такие факты из истории русско-французских отношений той поры: «... в 70-х гг. XVI в. гугенот Юбер Ланге... писал...: “Если какой-то новой силе суждено возвыситься в Европе, это – московской”. О важности торговли с Россией писал в своей депеше от 23 марта 1575 г. к французскому королю Генриху III его посол в Копенгагене Шарль Данзей (Danzay). По его словам, только обеспечив себе такие же льготы, какими пользовались англичане, “французские купцы могут быть покойны насчет своих дел”, “ибо с москвитами плохо шутить”»¹¹.

Видимо, вняв подобным советам своих приближенных, Генрих III распоряжается организовать торговое посольство в Россию. В 1586 г. трое французских купцов, среди которых был и автор будущего «Парижского словаря Московитов» Жан Соваж, посетили Холмогоры и Архангельск, где «были любезно приняты архангельским воеводой»¹². Миссия окончилась успехом – французским купцам было разрешено торговать в Архангельске наравне с англичанами.

⁶ Таньшина 2020: 21.

⁷ Мартенс 1902: 3–5.

⁸ Ливонской войне и мифам, возникшим в европейской историографии вокруг нее, посвящена интересная дискуссия: Филошкин и др. 2004: 42–48.

⁹ Подробнее см.: Филошкин 2018.

¹⁰ Черникова 2019: 66.

¹¹ Козулин 2016: 79.

¹² Цит. по.: Козулин 2016: 79.

Важным для деконструкции генезиса взаимного восприятия двух стран становится дискурсивный анализ текстов, появившихся в этот период. К числу таковых можно отнести «Парижский словарь Московитов» Ж. Соважа (1586)¹³. Известны две версии этого словаря, несущественно отличающиеся друг от друга. Обе версии представляют собой копии с третьей, утраченной, рукописи¹⁴. В современной науке идут дискуссии об авторстве текста¹⁵, но в данной статье мы будем придерживаться версии, высказанной Б.А. Лариным, согласно которой автором «Словаря» был именно Ж. Соваж. «Парижский словарь Московитов», по сути, является первым словарем-разговорником русского языка конца XVI в. И несмотря на разногласия исследователей, априорным остается одно – составлял его француз, что и позволяет обращаться к данному источнику в наших исследовательских целях.

«Словарь» состоит из 621 двуязычной французско-русской словарной строки, или «статьи». Значительная часть «Словаря» представляет собой ответы на вопросы, объединенные в тематические группы и отвечающие нуждам торговли и официальных сношений. Несмотря на ряд лингвистических неточностей и ограниченность этого источника его первоочередной утилитарной задачей, «Словарь» позволяет не только воссоздать образ русского общества, но и проследить генезис некоторых культурных представлений французов о России и русских.

По мнению исследователей, Соваж мог быть причастен и к созданию еще одного письменного источника¹⁶. Как со «Словарем», так и с текстом, повествующим о путешествии Соважа, есть определенные сложности. В настоящий момент известно три версии рассказа Соважа, имеющие определенные отличия друг от друга, что вызывает вопросы об их подлинности¹⁷. Текст о путешествии дает больше информации о восприятии русской культуры французами. Соваж подробно описывает географические и климатические особенности, рисует картины жуткой зимы, покрывающей снегом дома и города. Пишет он и о другом популярном мифе – чрезмерном пьянстве русских: «(6) Item, когда мы подошли к таможене и заплатили пошлину, слуги коменданта принесли месье Коласу большую кадку из красного дерева, вмещавшую в себя больше двенадцати кувшинов. Кадка была полна грубого темного пива, более крепкого, чем вино, и следовало ее осушить. И поверьте, что месье Колас и дю Реннель были более раздражены тем, что вынуждены столько пить, чем тем, что пришлось отдать столько денег; поскольку, чтобы тебя отпустили, нужно либо осушить эту кадку, либо притвориться пьяным. Таков местный обычай»¹⁸.

¹³ Boyer 1905.

¹⁴ См.: Un vocabulaire français-russe 1905: 435–495; Ларин 1948; Ларин 2002.

¹⁵ См. например: Осипов 2009.

¹⁶ Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Дьепского 1841: 223–230.

¹⁷ Подробнее см.: Vianey 2012: 59.

¹⁸ Цит. по.: Виане 2017: 62–63.

Можно утверждать, что Соваж развивал и подкреплял уже сложившееся стереотипное мнение о Московском государстве. В подтверждение данной позиции можно привести слова Л.В. Щербаковой: «Чаще всего в исследуемый период европейцы получают информацию о России из сочинений своих сограждан, непосредственно посещавших Московское государство. Подобные сочинения получают в тот период широкое распространение и колоссальную популярность. Нередко европейцы в своих произведениях пытаются сравнить наблюдаемые явления с тем, что о них писали предшественники. Но иногда авторы беззастенчиво копируют целые отрывки из произведений, даже не проводя необходимого критического анализа отбираемых фактов»¹⁹.

Еще один важный источник, помогающий сформировать картину взаимного восприятия двух культур, это «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского с описанием всего достопамятного и трагического, случившегося в правление четырех императоров, а именно с 1590 по сентябрь 1606 года» Жака Маржерета²⁰.

Маржерет был профессиональным наемным солдатом, который с 1600 по сентябрь 1606 г. состоял на службе в России. В Москве Маржерет командовал пехотной ротой, а с приходом к власти Лжедмитрия I становится начальником одного из отрядов гвардии. Лжедмитрия Маржерет именовал не иначе как «Императором». Со смертью «Императора Дмитрия Иоанновича» и приходом к власти Василия Шуйского, Маржерет покидает Россию и отправляется во Францию, где был принят королем Генрихом IV, поручившим Маржерету письменно изложить все, что тот узнал о Московии.

Издание книги было осуществлено в крайне сжатые сроки: в середине сентября 1606 г. Маржерет был еще в России, а в марте 1607 г. он уже получил привилегию на издание книги. Книга вызвала интерес во всех слоях французского общества. Интерес французского двора к Московскому государству был обусловлен тем, что Генрих IV (с подачи министра герцога Сюлли) вынашивал т.н. «Великий замысел» по созданию союза европейских государств под эгидой Франции, куда планировал привлечь и Россию. Про Московию, или «Великую Россию» в этом проекте было сказано: «Эти огромные земли, имеющие не менее шестисот лье в длину и четырехсот в ширину, населены в значительной части идолопоклонниками, в меньшей части – схизматиками, как греки или армяне, но с тысячью суевренных обычаев, которые лишают их почти всякого сходства с нами. Помимо этого, они принадлежат Азии столько же, сколько и Европе, и их следует рассматривать почти совершенно как варварскую страну и относить к тому же роду, что и Турцию, хотя уже пятьсот лет мы числим их среди христианских держав»²¹. Таким обра-

¹⁹ Щербакова 2011: 130.

²⁰ Маржерет 2007.

²¹ Mémoires de Maximilien de Béthune 1767: 247–251.

зом, предвзятое отношение французского двора к России фиксируется еще до появления труда Маржерета.

Широкий интерес к книге Маржерета среди простых парижан был обусловлен тем, что описываемые события в России были отчасти аналогичны тем, что происходили в самой Франции в конце XVI века. Именно в силу исторических и политических параллелей, книга и стала интересна современникам. Более того, по-видимому, Генрих IV видел в Лжедмитрии I самого себя²². Скорее всего это и обуславливает то, что большую часть книги Маржерета занимает описание личности «императора Дмитрия» и попытки его оправдания.

Обращает на себя внимание отсутствие в книге четкой структуры, наличие ошибок и логических нестыковок. Но это несколько не смущало ни самого автора, ни читателей. Если учесть, что Маржерет был наемным солдатом, не имеющим соответствующего образования, а книга была написана в кратчайшие сроки, то указанные противоречия становятся понятны.

В самом начале, в обращении к королю, автор говорит о том, что его задачей является «исправить ошибку многих, считающих Венгрию границей Христианского мира. Ибо доподлинно могу сказать, что Россия, описанием коей я предпринимаю по поручению Вашего Величества, – один из надежнейших редутов Христианского мира, ибо эта Империя, эта страна более обширна, могущественна, населена и изобильна, чем думают, и лучше вооружена и защищена против скифов и иных магометанских народов, чем считают многие. Абсолютная власть государя в своем государстве внушает страх и почтение подданным, а внутри страны хороший порядок и управление защищают ее от постоянных варварских набегов»²³. На первый взгляд, может показаться, что Маржерет положительно относится к России, ставя ее в один ряд с католическим миром. Но это вовсе не так. Автор лишь противопоставляет Россию остальному «варварскому», мусульманскому и иудейскому миру, явно преследуя конъюнктурные политические цели, о которых было сказано ранее.

В частности, в тексте книги мы видим авторские сентенции, которые прямо высмеивают православие. Так, например, при попытках доказать подлинность «императора Дмитрия», Маржерет пытается объяснить его скептическое отношение к православной религии, тем, что сам «Дмитрий» побывал в Польше, «свободной стране», где познакомился с положениями «подлинно христианских знаний» и познал «смысл догматов веры». В качестве обоснования правомерности такого замечания автор книги приводит пример дьяка Постника Дмитриева, который побывав с посольством Бориса Федоровича в Дании и «узнав отчасти», что такое протестантская религия, по возвращении «среди близких друзей» критически отзывался о православной вере²⁴.

²² Пирлинг 1902: 193–194.

²³ Маржерет 2007: 115.

²⁴ Маржерет 2007: 182.

Как и в большинстве сочинений иностранцев, участвовавших в интервенции в Россию в начале XVII в., сочинение Маржерета содержит антирусские выпады. Но подобные выпады осуществляются автором и по отношению к другим народам, в т.ч. немцам («ливонцам») ²⁵.

При этом, как уверен Маржерет, он вовсе не выступает против русских как таковых, но скорее выступает на стороне тех, кто пытается их «цивилизовать». Об этом Маржерет пишет в заключительной части своего сочинения, выдавая свои мысли за мысли царя Бориса Годунова: «Ведь Борис Федорович... ненавидел не столько их, сколько их пороки, и так мало преуспел в их исправлении. Как же мог Димитрий, который отчасти узнал свет, некоторое время воспитывался в Польше – свободной стране – и среди знатных, по меньшей мере не желать как-то исправить и цивилизовать своих подданных?» ²⁶.

«Отсталость» русской культуры предстает перед Маржеретом в следующих явлениях. Во-первых, русские являются самой мнительной и недоверчивой нацией на свете: «Все выезды из страны закрыты так плотно, что покинуть ее без дозволения Императора невозможно; до сих пор не бывало, чтобы они выпускали кого-нибудь из тех, кто носит оружие, я же был первым. Даже если ведется война против Поляков, ни одного Поляка они на нее не пошлют, хотя их и немало, но отправляют их на границы Татарии, и так же они поступают с другими имеющимися среди них нациями, из опасения, что указанные инородцы сбегут или перейдут на сторону врага» ²⁷. Несомненно, что эта «мнительность» в условиях Смутного времени, когда осуществлялась открытая интервенция, является логичным и закономерным явлением.

Во-вторых, русские, в первую очередь дворянство, описываются Маржеретом как изобретательные взяточники: «... Им дозволено в продолжение недели по Пасхе принимать небольшие подарки в придачу к яйцам, когда они целуются» ²⁸. При этом Маржерет видимо сознательно игнорирует тот факт, что как в католичестве, так и в православии принято делать подарки на Пасху.

В-третьих, удивляет автора и то, что «... меж ними совсем не бывает дуэлей», а если произойдет дуэль между иностранцами, и если одна из сторон будет ранена... его наказывают как убийцу и ничто не служит для него оправданием» ²⁹. Подобное правовое урегулирование споров кажется Маржерету странным, тогда как в «цивилизированной» Франции широко применялся институт дуэлей.

Наконец, по мнению Маржерета, все русские без различия заражены пороком пьянства, причем самого неумеренного ³⁰.

²⁵ Маржерет 2007: 130

²⁶ Маржерет 2007: 182.

²⁷ Маржерет 2007: 132.

²⁸ Маржерет 2007: 134.

²⁹ Маржерет 2007: 164.

³⁰ Маржерет 2007: 122.

Но две самые негативные черты русских, отчетливо высказанные Маржеретом, – это невежество и грубость нравов. Об этом он наиболее резко говорит ближе к концу своего сочинения, в том месте, где пытается оправдать Лжедмитрия от упреков в неуважении русских обычаев: «Этому не нужно удивляться, особенно если принять во внимание нравы и образ жизни, так как они грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести, содомиты и запятнаны бесчисленными другими пороками и грубостью»³¹. В этих словах Маржерета чувствуется не просто преувеличение, но и оскорбление, что может быть объяснено тем, что сам он сражался против русских и оценивал их, соответственно, как врагов.

Можно согласиться, что «сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его книги»³². В тексте автора встречаются разные сюжеты — от относительно нейтрального описания до демонизации России. При этом, как пишет В.П. Трыков, «важнейшим маркером “варварства” становится не религиозный компонент, а невежество русских». В целом, книга Маржерета стала важным этапом в эволюции образа России и русских, от части варварского мира к «отсталой» части мира христианского.

Третьим источником, благодаря анализу которого видна общая панорама дискурса о России и русских, закрепившегося в языке французского общества в рассматриваемый период, стали «Записки о Московии» Фуа де ла Невилля. Невилль был французским дипломатом, с 1680-х гг. поступившим на службу к польскому королю. Именно в этом качестве с августа по декабрь 1689 г. он посетил Москву. Результатом этой миссии и стали «Записки о Московии», которые вышли в свет под названием «Любопытное и новое известие о Московии, содержащее: Современное состояние этого государства. Экспедиции москвитов в Крым в 1689 г. Причины последних смятений. Их нравы и религия. Рассказ о путешествии Спафария в Китай сухопутным путем» в 1698 г. в Париже у книгоиздателя Пьера Обуэна³³.

«Записки» дают панораму внутренней и внешней политики страны накануне петровских реформ. В своей книге Невилль описывает не только важные политические события (мятеж Хованских, крымские походы Голицына, бегство Петра в Троицкий монастырь и т.д.), которые он наблюдал лично, но и известных исторических деятелей эпохи. События, описываемые в «Записках», послужили историческим источником для многих художественных произведений — от либретто оперы Мусоргского «Хованщина», до романа Алексея Толстого «Петр I».

Политическая ангажированность автора чувствуется при описании даже самых незначительных сторон повседневной жизни. Так, описывая московские церкви «куполообразной формы» и признавая их

³¹ Маржерет 2007: 182.

³² Мезин 2003: 335.

³³ Neuville 1994.

красоту и великолепие, автор «Записок» в то же время не упустил возможности подчеркнуть их мрачный вид³⁴. С самого начала книги автор достаточно четко выражает свое отношение к русскому народу: «Он (польский король – В.Б.) оказал мне честь, предложив мне это поручение, что удивило меня, поскольку я уже путешествовал туда и не раз испытал подозрения этих варваров»³⁵. Невилль пишет: «Я неоднократно заявлял, что в моем лице нарушаются права человека, что я слишком хорошо видел, что король Польши был дезинформирован, когда, назначая меня на эту миссию, уверял меня, что москвиты больше не варвары, что мне настолько неуютно в их стране, что я пожалел, чтобы мне не было позволено купить разрешение вернуться домой»³⁶.

Все что можно противопоставить европейской действительности выставляется автором в негативном свете. Он старается подчеркнуть варварские нравы русского народа: «Москвиты любят ходить пешком и передвигаются очень быстро, так как их экипажи находятся в плачевном состоянии. Летом большинство из них передвигаются по городу верхом на загнанных лошадях, а впереди всегда идут пешком их слуги с непокрытыми головами. ... Имеется в Москве и несколько карет французского образца, которые богатые люди заказывали из Голландии и Данцига. Царские же кареты очень стары, причина этому та, что они сами таковых не покупают, так как надеются получить их в подарок от иностранных государей или посланников»³⁷.

Невилля можно считать одним из зачинателей тенденции негативного отношения к России. По сравнению с предыдущими источниками, Невилль говорит о «варварстве» русских как априорной черте. Можно сказать, что именно его книга стала кульминационным моментом, в создании «варварского» образа России в представлении Запада, в частности – в восприятии французов.

Можно резюмировать, что образ России в коллективном сознании французов начал складываться еще задолго до установления прочных взаимных контактов, а в средневековом французском эпосе уже существовали первичные модели восприятия России³⁸. Французы практически ничего не знали о России и ее жителях. При этом рассматриваемые источники были сформированы уже в рамках определенной парадигмы отношения к русским.

В XVII в. во Франции складывается представление, что Московия, хоть и христианская, но, все же «варварская» страна, являющаяся для Франции цивилизационно «Чужой». Французы хоть и высокомерно

³⁴ Де ла Невилль 2009.

³⁵ Neuville 1994: 1.

³⁶ Neuville 1994: 37.

³⁷ Neuville 1994: 58

³⁸ По наблюдению Т.Ю. Загрязкиной, речь идет об образе полусказочной, покрытой флером магии и таинственности страны. См.: Загрязкина 2008: 6–7.

смотрели на «периферийный» вариант православного христианства, в то же время не представляли Россию какой-либо отдельной цивилизацией.

Соит отметить и то, что авторы проанализированных текстов, как и любой другой человек, соприкоснувшийся с новым и непривычным, испытывали тревогу, выставляя это «новое» в негативном свете³⁹. Негативное восприятие русского могло формироваться также иностранцами, жившими в России в немецких слободах. Последнее можно объяснить самим характером населения этих слобод, где помимо добровольно прибывших иностранцев жили и пленные военнослужащие. При этом, не смотря на все «негативное», что было известно о «варварской» России, в конце XVII века в Московское государство продолжали прибывать иностранцы, в т.ч. французы, добавляя свои мнения и впечатления к уже сложившимся у европейцев представлениям о стране.

Проанализированные источники позволяют лишь пунктирно наметить общую панораму дискурса о России и русских, закрепившегося в языке французского общества той поры. Конечно, перечисленные тексты не являются единственными в своем роде, а дальнейшее изучение темы требует более пристального приближения. Но одно можно сказать наверняка. Во многом появившиеся еще в XVI–XVII вв. стереотипы взаимного восприятия оказались крайне устойчивыми и продолжают оказывать влияние на внешнеполитические отношения двух стран⁴⁰. При этом, на протяжении истории взаимовлияние двух культур было так велико, что правильное понимание самих себя без осознания значимого «Другого»⁴¹, каковыми друг для друга стали Россия и Франция, попросту невозможно. Все это намечает горизонты для дальнейших исследований темы взаимного восприятия России и Франции.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Болдин В.А., Карипов Б.Н., Ширинянц А.А. «Значимый другой»: размышления над книгой «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2022. 1080 с., илл.» // Уральский исторический вестник. 2022. № 4(77). С. 188–191. [Boldin V.A., Karipov B.N., Shirinyants A.A. «Znachimyj drugoj»: razmyshleniya nad knigoy «"Kul'tura duha" vs "Kul'tura razuma": intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekah / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. – M.: Akvilon, 2022. 1080 s., ill.» ("The significant other": reflections on the book ""The Culture of Spirit" vs "The Culture of Reason": Intellectuals and Power in Britain and Russia in the 17th–18th cc. / Ed. by L.P. Repina. – Moscow: Aquilo, 2022. 1080 p., ill.") // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2022. № 4(77). P. 188–191].
- Веденина Л.Г. Франция и Россия: транскультурное и межъязыковое взаимодействие (XI–XXI вв.) // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Ч. I. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 65–74. [Vedenina L.G. Franciya i Rossiya: transkul'turnoe

³⁹ В данном контексте проанализированные источники можно рассмотреть и через призму теории «этнотекста». Его функция – сглаживание образа России и русских, еще век назад казавшихся дикарями, но постепенно превратившихся хоть и в «удивительных», но не столь страшных чужаков. О теории «этнотекста» см.: Bouvier, Ravier 1976: 207–212.

⁴⁰ См.: Ширинянц, Сорокопудова 2014; Сорокопудова, Ширинянц 2022; Промыслов 2016; d'Encausse 2019 и др.

⁴¹ О концепции значимого «Другого» см.: Журавлева, Фоглесонг 2006: 233–281; Болдин, Карипов, Ширинянц 2022: 188–191. и др.

- i mezh"yazykovoe vzaimodejstvie (XI–XXI vv.) (France and Russia: transcultural and interlingual interaction (11th–21st cc.)) // *Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiiya obucheniya*. Part I. Moscow: MGIMO-Universitet, 2017. P. 65–74].
- Великая Русь рыцаря де Ланноа // Образовательный портал «Слово» [сайт]. [Velikaya Rus' gusarya de Lannoa (The Great Russia of Knight de Lannoa)] // *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»* [sajt]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/47459.php>
- Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М.: НЛЮ, 2017. [Vianey B. Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu. Otkrytie Arktiki francuzami v XVI veke (Jean Sauvage's Travel to Muscovy in 1586. The Discovery of the Arctic by the French in the 16th c.). Moscow: NLO, 2017].
- Де ла Невилль Ф. Француз в «стране варваров» // *История*. 2009. № 13. [De la Neville F. Francuz v «strane varvarov» (A Frenchman in "The Land of barbarians")] // *Istoriya*. 2009. №13. URL: http://his.1september.ru/view_article.php?ID=200901304.
- Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Русский «Другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // *Американский ежегодник*. 2004. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 233–281. [Zhuravleva V.I., Foglesong D.S. Russkij «Drugoj»: formirovanie obraza Rossii v Soedinennyh Shtatah Ameriki (1881–1917) (The Russian "Other": The formation of the image of Russia in the United States of America (1881–1917)) // *Amerikanskij ezhegodnik*. 2004. Moscow: IVI RAN, 2006. P. 233–281].
- Загряжкина Т.Ю. Русско-французские культурные связи // *Франция и Россия: культурные контакты: Сборник статей / Под ред. Т.Ю. Загряжкиной*. М., 2008. С.5–47. [Zagryazkina T.Y. Russko-francuzskie kul'turnye svyazi (Russian-French cultural ties) // *Franciya i Rossiya: kul'turnye kontakty: Sbornik statej / Ed. by T.Y. Zagryazkina*. Moscow, 2008. P. 5–47].
- Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Дьепского, в 1586 году // *Русский вестник*. Т. 1. Вып.1. 1841. С. 223–230. [Zapiska o puteshestvii v Rossiyu Zhana Sovazha D'ep'skogo, v 1586 godu (A note on the travel to Russia by Jean Sauvage of Dieppe, in 1586) // *Russkij vestnik*. Vol.1. Issue 1. 1841. P. 223–230].
- Козулин В.Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI — начало XVII в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2016. №2. С.78–86. [Kozulin V.N. Zarozhdenie russko-francuzskih otoshnenij i pervye predstavleniya russkikh o Francii (konec XVI – nachalo XVII v.) (The birth of Russian-French relations and the first Russian ideas about France (late 16th - early 17th centuries)) // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. №2. P.78–86].
- Ларин Б.А. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига: Издание Латвийского Госуниверситета, 1948. [Larin B.A. Parizhskij slovar' moskovitov 1586 g. (Parisian Dictionary of Muscovites, 1586). Riga: Izdanie Latvijского Gosuniversiteta, 1948].
- Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: СПбГУ, 2002. [Larin B.A. Tri inostrannyh istochnika po razgovornoj rechi Moskovskoj Rusi XVI-XVII vekov (Three foreign sources on the colloquial speech of Muscovite Russia in the 16th–17th centuries). St. Petersburg: SPbGU, 2002].
- Линькова Е.В. К вопросу о формировании образа России в Западной Европе // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2014. №4. С.51–59. [Lin'kova E.V. K voprosu o formirovanii obraza Rossii v Zapadnoj Evrope (On the formation of the Russian image in Western Europe) // *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 2014. №4. P.51–59].
- Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М.: Языки славянских культур, 2007. [Margeret J. Sostoyanie Rossijskoj imperii. Zh. Marzheret v dokumentah i issledovaniyah (Teksty, kommentarii, stati) (The State of the Russian Empire. J. Margeret in documents and research (Texts, comments, articles)) / Ed. by A. Berelovitch, V.D. Nazarov, P.Yu. Uvarov. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007].
- Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами. Т. XIII: Трактаты с Францией. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А.Бенке), 1902. [Martens F.F. Sbranie traktatov i konvencij Rossii s inostrannymi derzhavami. T. XIII: Traktaty s Franciej (Collection of Treaties and Conventions of Russia with Foreign Powers. Vol. XIII: Treaties with France). St. Petersburg: Tip. M-va putej soobshcheniya (A.Benke), 1902].
- Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. [Mezin S.A. Vzglyad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I (A View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I). Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2003].

- Осипов И.А. Описание Российского государства XVI века: влияние картографических материалов на нарративные источники. Сыктывкар, 2009. [Osipov I.A. Opisaniye Rossijskogo gosudarstva XVI veka: vliyaniye kartograficheskikh materialov na narrativnye istochniki (Descriptions of the Russian State in the 16th Century: the Influence of Cartographic Materials on Narrative Sources). Syktyvkar, 2009].
- Пирлинг П. Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1902. [Pierling P. Iz Smutnogo vremeni. Stat'i i zametki (From the Time of Troubles. Articles and Notes). St. Petersburg: Izdanie A.S.Suvorina, 1902].
- Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016. [Promyslov N.V. Francuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremya vojny 1812 goda (French Public Opinion about Russia on the Eve and During the War of 1812). Moscow: ROSSPEN, 2016].
- Скржинская Е.С. Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей XV в. Л.: Наука, 1971. [Skrzhinskaya E.Ch. Barbaro i Kontarini o Rossii: k istorii italo-russkikh svyazej XV v. (Barbaro and Contarini about Russia: on the History of Italian-Russian Relations in the 15th century). Leningrad: Nauka, 1971].
- Сорокопудова О.Е., Ширинянц А.А. Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке. Статья вторая // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. [Sorokopudova O.E., Shirinyants A.A. Russkij vopros: francuzskaya rusofobiya v XIX veke. Stat'ya vtoraya (The Russian Question: French Russophobia in the 19th c. The second article) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2022. № 4].
- Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. СПб: Евразия, 2020. [Tan'shina N.P. Rusofily i rusofoby: prikluycheniya francuzov v nikolaevskoj Rossii (Russophiles and Russophobes: Adventures of the French in Nicholas I's Russia). St. Petersburg: Evraziya, 2020].
- Филошкин А., Богатырев С., Граля И., Лепявко С., Селарт А., Станцелис В., Хорошкевич А., Янушкевич А. Первая война России и Европы // Родина. 2004. №12. С. 42–48. [Filyushkin A., Bogatyrev S., Gralya I., Lepyavko S., Selart A., Stancelis V., Horoshkevich A., Yanushkevich A. Pervaya vojna Rossii i Evropy (The First War between Russia and Europe) // Rodina. 2004. №12. P. 42–48].
- Филошкин А.И. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного. М.: НЛЮ, 2018. [Filyushkin A.I. Pervoe protivostoyaniye Rossii i Evropy. Livonskaya vojna Ivana Groznogo (The First Confrontation between Russia and Europe. The Livonian War of Ivan the Terrible). Moscow: NLO, 2018].
- Черкасов П.П. Россия и Франция: 300 лет совместной истории // Экономические стратегии. 2010. №10. С.6–14. [Cherkasov P.P. Rossiya i Franciya: 300 let sovmestnoj istorii (Russia and France: 300 Years of Joint History) // Ekonomicheskie strategii. 2010. №10. P. 6–14].
- Черникова Т.В. «Открытие России» в сочинениях иностранцев XV–XVI вв. // Люди и тексты. Исторический альманах. 2019. № 13. С. 62–125. [Chernikova T.V. «Otkrytie Rossi» v sochineniyah inostrancev XV–XVI vv. ("Discovery of Russia" in the Works of Foreigners of the 15th- 16th cc.) // Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah. 2019. № 13. P. 62–125].
- Ширинянц А.А., Сорокопудова О.Е. Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2. [Shirinyants A.A., Sorokopudova O.E. Russkij vopros: francuzskaya rusofobiya v XIX veke (The Russian Question: French Russophobia in the 19th Century) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2014. № 2].
- Щербакова Л.В. Иностранные свидетельства о нравах и психологии русского народа со второй половины XV по конец XVII века // Вестник АГТУ. 2011. №2. С.129–136. [Shcherbakova L.V. Inostrannye svidetel'stva o nraвах i psihologii russkogo naroda so vtoroj poloviny XV po konec XVII veka (Foreign Testimonies about the Mores and Psychology of the Russian People from the Second Half of the 15th to the End of the 17th century) // Vestnik AGTU. 2011. №2. P. 129–136].
- Boyer P. Un vocabulaire français-russe de la fin du XVIe siècle. Paris: E.Leroux, 1905.
- Bouvier J-C., Ravier X. Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France // Le monde alpin et rhodanien. Grenoble, 1976. №1–2. P. 207–212.
- d'Encausse Hélène Carrère. La Russie et la France: De Pierre le Grand à Lénine. Fayard, 2019.
- Mémoires de Maximilien de Béthune, duc de Sully, principal ministre de Henri le Grand. Nouvelle édition, revue et corrigée. T. VIII. L., 1767.

Neuville F. A curious and new account of Muscovy in the year 1689. Ed. by L. Hughes. London: School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1994.

Un vocabulaire français-russe de la fin du XVIIe siècle extrait du Grand Insulaire d'André Thevet manuscrit de la bibliothèque nationale publié et annoté par Paul Boyer. Paris: Imprimerie Nationale - Ernest Leroux, 1905.

Vianey B. Tout autour du voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586. Moscou, Tezaurus, 2012.

Болдин Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, boldin.v.a@gmail.com

The Perception of Russia and Russians by the French in the Pre-Peter the Great Era: a Discourse Analysis

Throughout history, Russian-French cultural relations have been varied, ranging from a near-absence during the early modern period to outright Gallomania in the 19th c. These relations have included both military conflicts, such as during the Napoleonic Wars and the Crimean War, and the Entente alliance during the First and the Second World Wars. One of the most interesting periods for cross-cultural studies is the time leading up to Peter the Great's reforms, when Russia's role in European affairs increased. During this period, Russia was "rediscovered" by the West, and a political myth of a "barbaric" Russia was created. Therefore, it is essential to analyze texts from this period in order to understand how mutual perceptions between Russia and France evolved. Among these texts are "Dictionnaire Muscovite" by J. Sauvage (1586), "The Russian Empire and Grand Duchy of Muscovy" by J. Margeret (1607) and "A Curious and New Account of Muscovy in the Year 1698" by F. de La Neuville (1698). Analysis of these sources can give a general overview of the discourse about Russia and Russians in French society during that time. In many ways, the stereotypes that emerged during the 16th and 17th cc. continue to influence foreign policy relations between our countries. At the same time, the interaction between Russian and French cultures has been an important part of their common history. So, it is impossible to fully understand one's own identity without considering the influence of "significant Others".

Keywords: *Russia, France, discourse, cross-cultural studies, stereotypes, phobias, political myths, significant "Other".*

Boldin Vladimir A., PhD in Political science, Assistant, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. boldin.v.a@gmail.com

**«АЩЕ ЖЕ ПОХОЩЕТСЯ СЛАВНОГО»
УЧРЕЖДЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК В КОНТЕКСТЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.**

В статье рассматривается процесс институционализации политического образования и политических наук в России первой четверти XVIII в., завершившийся созданием Академии наук и Академического университета. Первое знакомство с политическим образованием произошло в Славяно-греко-латинской академии и Гимназии Посольского приказа. В ходе коллегияльной реформы предлагалось внедрить политическое и юридическое образование. Данные проекты не были реализованы, однако они определили характер преподавания политики в Академическом университете, который отвечал просветительской программе Петра I, ориентированной в том числе на формирование новой бюрократии, задачам укрепления придворного общества и идеям политико-теологического синтеза. Длительные поиски профессора политики для Академии наук завершились тем, что должность профессора морали и политики (моральной философии) занял Х.Ф. Гросс, который в 1725 г. объявил курс этики «по книге Пуфендорфской, яже о должности человека и гражданина». Таким образом, труды С. фон Пуфендорфа стали основным учебным пособием по политическим наукам в этот период. Заданные Академическим университетом ориентиры надолго определили траекторию развития политического образования в России.

Ключевые слова: Петр I, Академия наук, Академический университет, Академия политики, политика, политические науки, политическое образование.

Процесс институционализации политического образования в средневековой Европе можно отсчитывать с введения изучения трактата Аристотеля «Политика» в образовательные программы университетов – Венского (1389), Пражского (1390), Гейдельбергского (около 1390) и т.д. Вплоть до конца XVII века политическая наука сохраняла тесную связь с аристотелевской традицией: вместе с этикой и экономикой она входила в раздел практической философии и была ориентирована на получение практических знаний (φρόνησις в аристотелевской классификации знания). По мере отхода от латинского политического метаязыка (в Центральной Европе это произошло в XVII–XVIII вв.) дифференцируется семантическое наполнение понятия «политика», и соответствующая область знания приобретает национальную специфику¹. В этом контексте происходит складывание в России не только собственного политического языка², но и политического образования. В данной статье рассматриваются основные этапы институционализации политического образования: от проектов 1700-х гг. до включения политических наук в программу Академического университета.

Процесс организации первого российского высшего учебного заведения был запущен братьями Иоанникием и Софронием Лихудами в 1685 г. Опираясь на аристотелевскую традицию, они успели внедрить

¹ Leonhard 2007.

² Бугров, Киселев 2016; Ширле 2018; Лаборатория понятий... 2022.

в образовательную программу Московской академии преподавание натуральной философии³. Ни в академии Лихудов, ни в Славяно-греко-латинской академии практическая философия, в частности политика, не преподавались⁴. Феофилакт Лопатинский, начавший читать курс философии в 1704 г., не стал включать политику в свой курс⁵, однако ряд преподавателей проявили интерес к этой дисциплине. Иосиф Туробойский, префект академии в 1703–1704 гг., в описании триумфальных ворот, воздвигнутых академией к торжественному въезду Петра I в Москву 19 декабря 1704 г., упомянул, что «по всех христианских от ига варварского свободных странах... в академиях и всяких школьных собраниях... не токмо духовное, но и политичное учение сияет»⁶. Далее он сообщил, что это характерно и для реформированной в начале XVIII в. Славяно-греко-латинской академии: «в новосозданной царствующаго великаго града Москвы академии... не токмо в божественных писаниях, но и в мирских историях, и всяких политичных обыкновениях российских юнош, наставляти нам повелено есть»⁷. Пока не удалось выявить сведений о реализации царского повеления о «политичном учении» в академии в первой четверти XVIII века.

Впервые политические науки планировалось ввести в программу Гимназии Посольского приказа. Еще в 1703 г. ее учитель, пастор Эрнест Глюк сообщил, что может преподавать довольно много предметов, включая политику⁸, но сведений о преподавании им политики нет. Скорее всего он занимался преподаванием иностранных языков, знание которых тогда было наиболее востребовано. 25 февраля 1705 г. царь передал для школы Глюка двор Нарышкиных на Покровке и поручил преподавать в школе иностранные языки и «философскую мудрость»⁹.

Глюк составил «Приглашение к российским юношам аки мягкой к всяческому изображению угодной глине» со списком учителей, включая Иоганна Рейхмута¹⁰, который должен был преподавать в гимназии этику, политику, латинскую риторику и историю. Рейхмут был учителем и ректором школы при лютеранской церкви Петра и Павла в Немецкой слободе Москвы, а позже стал священником этой церкви. Он упоминается только в каталоге преподавателей, но его имя не фигурирует среди учителей школы Посольского приказа в других документах. Либо это

³ Chrissidis 2016: 140–143.

⁴ Политика также отсутствует, в программе тех дисциплин, которым неизвестный преподаватель академии предлагал обучить царевича Алексея. Эта программа изложена в «Действе о семи свободных науках», которое ученики академии могли показать Петру I и царевичу Алексею между 4 декабря 1702 и 1 февралем 1703 г. (Ранняя русская драматургия... 1974: 127–192, 483–491).

⁵ Феофилакт Лопатинский 1997: 210.

⁶ Панегирическая литература... 1979: 154.

⁷ Там же: 154–155.

⁸ О немецких школах в Москве... 1907: 47.

⁹ Там же: 50.

¹⁰ Там же: IX.

был рекламный трюк, чтобы привлечь учеников, либо Рейхмута пригласили, но в связи со смертью Э. Глюка 5 мая 1705 г. кадровая политика изменилась, и руководство гимназии отказалось от услуг Рейхмута.

Дальнейшие попытки ввести политическое образование связаны с образовательными проектами 1710-х гг. К этому времени Петр I довольно хорошо представлял себе суть высшего образования. Вопросы создания академии и университета он обсуждал в 1711 г. с Г.Ф. Лейбницем, основателем Академии наук в Берлине (Научного общества курфюрста Бранденбургского). Посредником в переговорах Петра с Лейбницем был Г. фон Гюйссен, руководивший обучением царевича Алексея, в т.ч. в области политических наук. Еще в 1707 г. Гюйссен писал Лейбницу о том, что его поддержка необходима для развития истории и политики в России¹¹. Ко времени возникновения первого проекта введения политического образования уже появились проекты А.А. Курбатова и Ф.С. Салтыкова¹². В 1715–1718 гг. возник проект организации Академии политики – «Проект для институции Академии политики»¹³. Автор проекта неизвестен. По мнению А.И. Андреева, им мог быть переводчик Посольского приказа¹⁴, но великолепное знание современного европейского высшего образования указывает на иностранного автора¹⁵, возможно, обучавшегося в университете, а язык проекта свидетельствует, что перед нами перевод.

Суть проекта заключалась в том, что изучение политики невозможно без изучения всего комплекса дисциплин, принятых в европейских университетах, поэтому необходимо создать «публичной», «регулярной и порядочной» университет с полным набором предметов. Помимо дисциплин, преподаваемых на четырех традиционных факультетах (богословском, философском, медицинском и юридическом), рекомендовалось ввести специальные дисциплины (арифметику, геометрию, астрономию, морское дело). Выбрав в качестве образца иезуитские университеты, автор проекта предлагает укомплектовать штат преподавателей за счет образованного духовенства «из чинов монастырских»¹⁶. Основной корпус учащихся должны составить дворяне, которых дополняют представители других сословий. По наблюдению А.Ю. Андреева, «проект отличало четкое представление об организации университетов в Западной Европе и одновременно о тех конкретных государственных задачах (наполнение образованными чиновниками создаваемых коллегий, магистратов, посольств и т.д.), которые они могут решать в России»¹⁷.

¹¹ Korzun 2013: 105–109.

¹² Павлов-Сильванский 1897: [паг. 1] 18–19, 23–24, 33, 36–37, 61–62, [паг. 2] 8–11, 52–53; Рождественский 1912: 76–77.

¹³ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 8; Рождественский 1912: [паг. 3] 3–6.

¹⁴ Андреев 1947: 288.

¹⁵ Андреев 2009: 160.

¹⁶ Согласно проекту Ф.С. Салтыкова, в монастырях следовало учредить учебные заведения и библиотеки (Павлов-Сильванский 1897: [паг. 2] 8–9, 42).

¹⁷ Андреев 2009: 162.

Возможно, еще одним источником «Проекта для институции Академии политики» (по крайней мере на уровне названия) могла быть французская Академия политики, о которой писали в различных изданиях 1712–1719 гг.¹⁸ Руководил академией министр иностранных дел Ж.-Б. Кольбер, маркиз де Торси, поэтому ее иногда называют академией де Торси. Французская академия мыслилась прежде всего как кружок для дипломатов, где они могли говорить о политике без участия представителей верховной власти. Образовательный аспект, видимо, сначала имел второстепенное значение, но предполагалось, что впоследствии он может стать ключевым¹⁹. В отличие от академии де Торси, российская Академия политики задумывалась в первую очередь как высшее учебное заведение.

В 1710-е гг. над своим образовательным проектом работал Гюйссен. Согласно его автобиографии, Петр I поручил ему подготовить проекты, относящиеся к устройству коллегий и социальной структуры общества. Гюйссен рассмотрел проблему шире и предложил заняться «учреждением школ, гимназий и академий для морских и сухопутных кадетов, а также для искусств и наук; создание общества ученых людей в области юриспруденции, математики и истории, чтобы переводить и издавать специальную литературу; построить публичную библиотеку и художественную палату и кабинет естественной истории; улучшить книгопечатание... развивать мануфактуры, ремесла и искусства»²⁰. От этого времени дошел только один проект Гюйссена октября 1713 г. — создания Фискал-коллегии, хотя, по мнению С. Корзун, Гюйссен должен был подготовить и другие проекты из перечисленных в его автобиографии²¹. Ряд проектов подготовки чиновников появился в связи с коллегиальной реформой. Только в одном анонимном проекте, рекомендовавшем учредить Наук-коллегиум и академию, упоминалось о необходимости «молодым людям» изучать дисциплины «оc натуре (натуральные права) и политика»²².

Проекты этого времени не были реализованы, за исключением проекта Г. Фика. Именно на его проекте, в котором, кстати, политические науки не упоминались, Петр I поставил резолюцию о создании Академии наук²³.

В первой половине 1720-х гг. появилось три проекта преподавания политических наук. Первый из них принадлежит перу архиепископа Феофана Прокоповича, который включил в «Духовный регламент»

¹⁸ Truillier 1996.

¹⁹ По наблюдению Ж. Делойе, академия де Торси в большей степени существовала на бумаге, чем в реальности (Deloye 2022).

²⁰ Haven 1776: 324; Пекарский 1862: 101.

²¹ Korzun 2013: 208–214.

²² Воскресенский 1945: 271. Сохранился также немецкий оригинал проекта, авторство которого ошибочно приписывается Лейбницу (Лейбниц 1873: 368).

²³ Ларина 2015.

проект организации Духовной академии. Согласно его замыслу, в академии должны были читать краткий курс политики С. фон Пуфендорфа («еще она потребна судится будет») – «Политика краткая Пуфендорфова», под которой подразумевался его трактат «О должности человека и гражданина»²⁴. Второй проект принадлежит И.Л. фон Люберасу, который предложил включить в учебную программу Кадетского корпуса курс политики²⁵. Третий проект связан с организацией Академии наук. 13 января 1724 года Петр I подписал «определение об Академии», а 22 января утвердил проект положения об учреждении Академии наук и художеств и университете при ней, составленный лейб-медиком императора Л.Л. Блюментростом. Сенатский указ об учреждении Санкт-Петербургской Академии наук вышел 28 января. Планировалось открыть в Академическом университете юридический факультет и класс «гуманиора, история и права», в котором одному профессору поручить читать «право натуры и публичное, купно с политикою и этикою (ндравоучением)», а также, «еще же похощется славного» обучать «правам искусного человека»²⁶.

В ходе формирования Академического университета число профессоров было увеличено. Однако Блюментрост так и не смог найти профессора политики: ему не подошли кандидатуры, подобранные профессором Лейпцигского университета И.Б. Менке, поэтому он предложил профессуру по морали и политике Г.Б. Бильфингеру²⁷. Последний заключил контракт на должность профессора логики, метафизики и морали²⁸, но в итоге стал профессором физики. Курс политики не взяли ни профессор натурального и публичного права И.С. Бекентштейн, ни профессор физики Г.Б. Бильфингер, ни его ученик Х.Ф. Гросс, приехавший в Санкт-Петербург в качестве студента и назначенный 24 ноября 1725 г. экстраординарным профессором моральной философии, вероятно, в связи с завершением диссертации²⁹. Пожалуй, именно Гросс ближе всего подошел к преподаванию политики, поскольку стал читать курс этики («по книге Пуфендорфской, яже о должности человека и гражданина»)³⁰, как ранее описал преподавание политики Феофан Прокопович. С этого времени труды Пуфендорфа стали одним из основных пособий по политическим наукам в Академическом университете.

²⁴ Верховской 1916: 442.

²⁵ Федюкин, Лавринович 2015: 282, 284.

²⁶ Уставы Российской академии наук... 1999: 42, 45; Материалы для истории Императорской Академии наук... 1885: 57–58.

²⁷ Копелевич 1977: 68, 72–73.

²⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук... 1885: 94.

²⁹ Там же: 159, 169–172, 175; Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук... 1897: 2–3.

³⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук... 1885: 169; Unveröffentlichte Briefe... 1928: 612.

В царствование Петра I был подготовлен ряд проектов по обучению политическим наукам. Если на начальном этапе предлагалось преподавать политику в существующих учебных заведениях (Славяно-греко-латинской академии и Гимназии Посольского приказа), то в 1710-е гг. была осознана необходимость создания новых учебных заведений. Образовательные проекты чаще всего были ориентированы на решение отдельных задач, стоявших перед российской властью в том числе при реализации коллегиальной реформы. Проект Академии наук и Академического университета сумел объединить основные идеи предшествующих проектов. В нем обнаруживается влияние и политико-теологического синтеза Г.В. Лейбница, подхваченного и Феофаном Прокоповичем, и просветительской программы Петра I, ориентированной в том числе на формирование новой бюрократии, и представлений о придворном обществе как ключевом институте раннего Нового времени³¹. Решая столь разные задачи, Академический университет сыграл важную роль в политическом образовании российской элиты XVIII в.³² Заданные этим университетом ориентиры надолго определили траекторию развития политических наук в России.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей / Под ред. А.И. Андреева. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 284–333 [Andreev A.I. Osnovanie Akademii nauk v Peterburge (Foundation of the Academy of Sciences in St. Petersburg) // Petr Velikii: Sbornik statei / Ed. by A.I. Andreev. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947. P. 284–333].
- Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с. [Andreev A.Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy (Russian Universities of the 18th – the First Half of the 20th Century in the Context of the University History of Europe). Moscow: Znakh, 2009. 640 p.].
- Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с. [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka (Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th Century Russian Political Culture). Ekaterinburg: Ural University Press, 2016. 480 p.].
- Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России: Исследование в области истории русского церковного права. Т. 1: Исследование. Ростов н/Д: Тип. М.И. Гузмана, 1916. [Verkhovskoi P.V. Uchrezhdenie Dukhovnoi kollegii i Dukhovnyi reglament: K voprosu ob ot-noshenii tserkvi i gosudarstva v Rossii: Issledovanie v oblasti istorii russkogo tserkovnogo prava (The Establishment of the Spiritual College and the Spiritual Regulations: On the Question of the Relationship between Church and State in Russia: Research in the Field of the History of Russian Church Law). Vol. 1: Issledovanie. Rostov na Donu: Tip. M.I. Guzmaha, 1916. 686 p.].
- Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 602 с. [Voskresenskii N.A. Zakonodatel'nye акты Petra I: Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki (Legislative Acts of Peter the First: Editions and Draft of Laws, Notes, Reports, Petitions and Foreign Sources). Vol. 1: Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945. 602 p.].

³¹ Ospovat 2022.

³² Костина 2018.

- Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1977. 212 с. [Kopelevich Yu.Kh. Osnovanie Peterburgskoi Akademii nauk (Foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences). Leningrad: Nauka, 1977. 212 p.]
- Костина Т.В. Подготовка элит Российской империи в учебных заведениях Академии наук (1726–1805 гг.) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. Кн. 1. 2-е изд., испр. СПб.: Реноме, 2018. С. 207–302 [Kostina T.V. Podgotovka elit Rossiiskoi imperii v uchebnykh zavedeniakh Akademii nauk (1726–1805 gg.) (Training of Elites of the Russian Empire in Educational Institutions of the Academy of Sciences (1726–1805)) // Aktual'noe proshloe: vzaimodeistvie i balans interesov Akademii nauk i Rossiiskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v. Ocherki istorii: In 2 vols. / Ed. by I.V. Tunkina. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg: Renome, 2018. P. 207–302].
- Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века: Коллективная монография / Под ред. С. В. Польского и В. С. Ржеуцкого. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с. [Laboratoriya ponyatii: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: Kollektivnaya monografiya (Laboratory of Concepts: Translation and Languages of Politics in Russia in the 18th Century: Collective Monograph) / Ed. by S.V. Pol'skoi, V.S. Rzheutskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 576 p.]
- Ларина Я.И. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Науч. ред. И.И. Федюкин, М.Б. Лавринович. М.: Новое изд-во, 2015. С. 70–98 [Larina Ya.I. Osmyslenie roli obrazovaniya v gosudarstvennom stroitel'stve: proekty Genrikha Fika pervoi chetverti XVIII veka (Understanding the Role of Education in State Building: Heinrich Fick's Projects in the First Quarter of the 18th Century) // "Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...": Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka / Ed. by I.I. Feduykin, M.B. Lavrinovich. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2015. P. 70–98].
- Лейбниц Г.В. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / [Подгот.] В.И. Герье. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. 372 с. [Leibniz G.V. Sbornik pisem i memorialov Leibnitsa, odnosyashchikhsya k Rossii i Petru Velikomu (Collection of Leibniz's Letters and Memorials Relating to Russia and Peter the Great). St. Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1873. 372 p.]
- Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 1: 1716–1730. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1885. 732 с. [Materialy dlya istorii imperatorskoi Akademii nauk (Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences). Vol. 1: 1716–1730. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1885. 732 p.]
- О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): Документы московских архивов, / Собранные С.А. Белокуровым и А.Н. Зерцаловым. М.: Тип. Штаба Моск. военного округа, 1907. 290 с. [O nemetskikh shkolakh v Moskve v pervoi chetverti XVIII v. (1701–1715 gg.): Dokumenty moskovskikh arkhivov [About German Schools in Moscow in the First Quarter of the 18th Century (1701–1715): Documents from the Moscow Archives] / Eds. by S.A. Belokurov, and A.N. Zertsalov. Moscow: Tip. Shtaba Moskovskogo voennogo okruga, 1907. 290 p.]
- Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. 227 с. [Pavlov-Sil'vanskii N.P. Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra: Opyt izucheniya russkikh proektov i neizdannye ikh teksty (Projects of Reforms in the Notes of Peter's Contemporaries: The Experience of Studying Russian Projects and Their Unpublished Texts). St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1897. 227 p.]
- Панегирическая литература петровского времени / Подгот. В.П. Гребенюк; Под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979. 311 с. [Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni (Panegyric Literature in the Age of Peter the Great) / Eds. V.P. Grebenyuk, and O.A. Derzhavina. Moscow: Nauka, 1979. 311 p.]
- Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1862. 578 с. [Pekarskii P.P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom (Science and Literature in Russia under Peter the Great). Vol. 1. St. Petersburg: Tovarishestvo "Obshchestvennaya pol'za", 1862. 578 p.]
- Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 1: 1725–1743. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897. 878 с. [Protokoly zasedaniy konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 goda. T. 1: 1725–1743. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897. 878 с.]

- konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 goda (Protocols of the Meetings of the Conference, the Imperial Academy of Sciences from 1725 to 1803). Vol. 1: 1725–1743. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1897. 878 p.]
- Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы / Под ред. А.С. Демина. М.: Наука, 1974. 583 с. [Rannyaia russkaya dramaturgiya (XVII – pervaya polovina XVIII v.). P'esy shkol'nykh teatrov Moskvy [Early Russian Dramaturgy (the 17th – the First Half of the 18th Century). Plays of School Theaters in Moscow] / Ed. A.S. Demin. Moscow: Nauka, 1974. 583 p.]
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 370. Оп. 1. Д. 8. [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA) (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 370. Op. 1. D. 8].
- Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 728 с. [Rozhdestvenskii S.V. Oчерki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vekakh (Essays on the History of Public Education Systems in Russia in the 18th–20th Centuries). Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova, 1912. 728 p.]
- Уставы Российской академии наук, 1724–1999 / Сост. Б.В. Левшин и др. М.: Наука, 1999. 285 с. [Ustavy Rossiiskoi akademii nauk, 1724–1999 [Statutes of the Russian Academy of Sciences, 1724–1999] / Ed. by B.V. Levshin et al. Moscow: Nauka, 1999. 285 p.]
- Федюкин И.И., Лавринович М.Б. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Науч. ред. И.И. Федюкин, М.Б. Лавринович. М.: Новое изд-во, 2015. С. 264–316 [Fedyukin I.I., Lavrinovich M.B. Sukhoputnyi Kadetskii korpus v Sankt-Peterburge (1730-e) i ego berlinskii proobraz (Land Cadet Corps in St. Petersburg (1730s) and its Berlin Prototype) // “Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...”: Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka / Eds. I.I. Fedyukin, and M.B. Lavrinovich. Moscow: Novoe izd-vo, 2015. P. 264–316].
- Феофилакт Лопатинский. Избранные философские сочинения / Сост., вступит. ст. и пер. А. В. Панибратцева. М.: ИФРАН, 1997. 219 с. [Feofilakt Lopatinskii. Izbrannye filosofskie sochineniya (Selected Philosophical Works) / Ed. by A.V. Panibrattsev. Moscow: IFRAN, 1997. 219 p.]
- Ширле И. Понятие политического в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 2. С. 7–33. [Schiele I. Ponyatie politicheskogo v Rossii XVIII v. (The Concept of the Political in Russia in the 18th Century) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2018. No. 2. P. 7–33].
- Chrissidis N.A. An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 319 p.
- Deloye J. Écriture du groupe et institution. Retour sur l'Académie politique de Torcy // Les Dossiers du Grihl. 2022. No. 15–1: Écriture du groupe. Écriture en groupe. URL: <http://journals.openedition.org/dossiersgrihl/8959>
- Haven P. von. Nachrichten von dem Baron von Huyssen // Magazin für die neue Historie und Geographie. 1776. Nr. 10. S. 317–326.
- Korzun S. Heinrich von Huynsen (1666–1739). Prinzenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2013. 270 S.
- Leonhard J. Politik – ein symptomatischer Aufriss der historischen Semantik im europäischen Vergleich // “Politik”: Situationen eines Wortgebrauchs in Europa der Neuzeit / Hg. W. Steinmetz. Frankfurt am Main: Campus, 2007. S. 75–133.
- Ospovat K. Sovereignty and the Politics of Knowledge: Royal Society, Leibniz, Wolff, and Peter the Great's Academy of Sciences // Enlightenment at Court: Patrons, Philosophes and Reformers in Eighteenth-century Europe / Eds. T. Biskup, B. Marschke, A. Pečar, and D. Tricoire. Liverpool: Liverpool University Press, 2022. P. 259–280.
- Truillier G. La première école d'administration: l'Académie politique de Louis XIV. Genève: Droz, 1996. 199 p.
- Unveröffentlichte Briefe aus der Gründungszeit der Akademie der Wissenschaften zu Leningrad / Hg. J. Becker // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N.F. 1928. H. 2. S. 605–618.
- Топычканов Андрей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник ИРИ РАН; topychkanov@gmail.com

“If Something Glorious is Desired”: the Establishment of the Academy of Sciences in the Context of the Institutionalization of Political Education in Russia in the First Quarter of the 18th Century

The article examines the process of institutionalization of political education and political sciences in Russia in the first quarter of the 18th century. This process finished with the creation of the Academy of Sciences and the Academic University. The first acquaintance with political education took place in the Slavic-Greek-Latin Academy and the Gymnasium of the Posolsky Prikaz (The Chancellery of Foreign Affairs). During the collegial reform, some projects to introduce political and legal education appeared. These projects were not implemented, but they determined the nature of political education at the Academic University, which responded to 1) the educational program by Peter the Great, oriented, among other things, towards the formation of a new bureaucracy, 2) the tasks of strengthening the court society, and 3) the ideas of political and theological synthesis. As a result of long search for a professor of politics for the Academy of Sciences, H.F. Gross took the chair of professor of morals and politics (moral philosophy) and announced in 1725 a course in ethics “according to Pufendorf’s book *On the Duty of Man and Citizen*.” Thus, the works by S. von Pufendorf became the main textbook on political science in that period. The guidelines set by the Academic University determined the trajectory of development of political education in Russia for a long time.

Keywords: *Peter the Great, Academy of Sciences, Academic University, Academy of Politics, politics, political science, political education.*

Andrey V. Topychkanov, *Kandidat in History, Senior Research Fellow, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; topychkanov@gmail.com*

К.М. АНДЕРСОН, М.С. ЗВЕРЕВА, О.А. ПАК

РЕСПУБЛИКАНЕЦ ПРИ ДВОРЕ САМОДЕРЖЦА ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПЕРЕПИСКЕ Ф.С. ЛАГАРПА И АЛЕКСАНДРА I¹

В статье рассматривается степень влияния швейцарского просветителя Фредерика Лагарпа на формирование политических взглядов Александра I. Обширная переписка, которая велась между двумя лицами, является важным источником по истории общественной мысли России и Запада. В историографии отношении к Лагарпу воспринималось неоднозначно, поскольку, будучи республиканцем, он служил самодержавному монарху.

Ключевые слова: Лагарп, Александр I, общественная мысль России, общественная мысль Франции, Французская революция, Просвещение.

Он был не робкого десятка, и всё же на душе было беспокойно: путь Фредерика Сезара де Лагарпа лежал в Санкт-Петербург, сиятельный город, волей судьбы занесённый в сумеречные земли, столь непохожие на горы Швейцарии. Россия пугала, но и притягивала многих европейцев, отправлявшихся в нее ради интереса «философского», а чаще – материального, ибо в Европе роились байки о баснословных состояниях, выпавших на долю баловней судьбы в этой дикой, но богатой стране. Впрочем, даже на фоне небывалых историй, случившееся с Лагарпом выглядело неправдоподобно. Он ехал, чтобы занять должность при императорском дворе; правда, ему было невдомёк, какую именно. Он мог только предполагать, что его, как и большинство заезжих швейцарцев, скорее всего призовут в домашние учителя.

В ту эпоху, прозванную «веком Просвещения», слыть человеком образованным было не только модно, но и выгодно. Преображающаяся Европа, а за ней и Россия, всё отчётливей отходили от допотопного образа жизни, опиравшегося на незыблемость бытия и страх перед неизведанным. Хозяйство, в котором прежде обходились немудрёным скарбом, стало требовать хитроумных орудий и механизмов. Вырос спрос на людей не просто грамотных, а образованных; всезнайка-энциклопедист становился социальным эталоном. Однако получить знания было далеко не просто: общество, а точнее государство не располагало необходимыми средствами, дабы предоставить всем желающим место за партой. На первый план вышла «частная инициатива», смягчившая потребность в училищах. В моду вошло обзаводиться иноземными менторами для привития знаний недорослям из состоятельных семей. Особо ценились швейцарцы: усердные, добропорядочные,

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024022700618-9-5.6.1.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

чуждые мелочных пороков; бережливые, но не задирающие цену, говорящие на французском не хуже ветреных французов – но по крайней мере не устраивающие революций. Долгое время в России образование развивалось стихийно, а именовавшие себя таковыми учителя не всегда отличались грамотностью и трезвостью мышления – да и баре норовили нанять работников «числом поболее, ценою подешевле». Впрочем, о жаловании Лагарп мог не беспокоиться: знатная дама, пожелавшая с ним встретиться, была императрицей и самодержицей российской.

Как известно, Екатерина, следуя канонам Просвещения, считала, что невозможно создать благополучное государство без воспитания его граждан, в первую очередь элиты, то есть дворянства. Соответственно, попечение властей распространялось прежде всего на образовательные учреждения для дворянского сословия.

Воплощением этих идей усердно занимался И.И. Бецкой², личный секретарь императрицы и президент Академии художеств. Воспитание новой «породы» просвещенных людей, хранящих верность престолу и Отечеству, было для него главной дидактической задачей. Не были забыты выходцы из низших сословий. Так в 1764 г. был открыт Воспитательный дом для подкидышей и беспризорных. В нём дети должны были обучаться не только грамоте, но и ремёслам³. Значительным был вклад Бецкого и в развитие в России женского образования. В 1764 г. было открыто в Санкт-Петербурге Воспитательное общество благородных девиц, которое впоследствии стало называться Смольным институтом. Предполагалось, что девочек, поступивших в это заведение в возрасте 5–6 лет, будут обучать иностранным языкам, основам этикета, живописи и музыке. В данном случае акцент делался не на приобретение профессии, а на то, что впоследствии эти девочки станут жёнами и матерями. Уже в следующем году в Институте было открыто мещанское отделение, которое также должно было готовить девушек не только к семейной жизни, но и к ведению домашнего хозяйства⁴.

Под особым надзором находилось воспитание будущих офицеров. Бецкой исходил из того, что офицер обязан быть эталоном образованности и культуры. При участии императрицы Бецким был разработан новый устав для Сухопутного шляхетского корпуса, в котором он использовал идеи Ж. Ж. Руссо о том, что воспитанники должны быть защищены от дурного влияния общества⁵. Соответственно, мальчики должны были поступать в корпуса как можно в более раннем возрасте, а их общение с родителями надлежало свести к минимуму.

На всём протяжении правления Екатерины сохранялось внимание и к развитию образования для низших сословий. Так в 1772 г. было открыто Коммерческое училище, которое было ориентировано на образо-

² Бецкой 1789: 5–6.

³ Попов 2015: 29.

⁴ Болгова 2010: 135.

⁵ Попов 2015: С. 30.

вание для детей купцов. Однако лишь в 1786 г. была создана единая централизованная система народных училищ. Несмотря на развитие образовательных учреждений, для дворянства значительную роль продолжало играть домашнее обучение, которое осуществлялось наставниками, нередко иностранцами по происхождению, не обладающими нужными компетенциями. В русской литературе образчиком псевдопедагога стал учитель француз, бывший парикмахер, камердинер, а то и коммивояжер, мало что способный дать воспитаннику в плане образования. Лагарп выгодно отличался от шарлатанов школьных дел.

До отъезда в Московию Лагарп вёл жизнь активную по меркам несуетной Швейцарии. Выходец из «хорошей» семьи, вхожий в местный бомонд, он старательно отстаивал интересы своего кантона Во, заслужив отменную репутацию. Имея диплом доктора права Тюбингенского университета, Лагарп не тяготел к «чистой» науке (и всё же был связан с обществами «любителей словесности»). Вероятно, швейцарец не имел амбициозных планов, довольствуясь тем, чем одаривала местная общественная жизнь, лишённая вселенского размаха. Словом, это был человек Просвещения – разбирающийся в науках, политике, крепко державшийся республиканских принципов; не достигший высот Вольтера или Руссо, но имевший своё взвешенное суждение по любому поводу. Вероятно, он разделял азбучный постулат просветителей: «человек есть продукт обстоятельств», и это подтверждалось его жизнью.

В начале 1780-х годов случай свёл его с младшим братом Александра Ланского, состоявшим тогда в фаворитах Екатерины Великой. Отчего Лагарп взялся обучать нового знакомого французской речи доподлинно неизвестно, но в итоге швейцарец получил предложение перебраться в Россию, где ему обещали безбедную жизнь и достойное занятие. Его определили учителем французского языка к великому князю Александру – в нём императрица видела противовес своему сыну Павлу, отношения с которым были весьма неприязненные. Не отставала от царственных особ в мизантропии и свита, напоминавшая серпентарий: сквозь сияние позумента, змейкой увивавшего телеса вельмож, проступала тень дворцовых переворотов и царевубийств.

Лагарп был не очень сведущ в русской истории, но, несомненно, слышал о судьбе Петра III, в которой бабушка Александра сыграла не самую благовидную роль. Человек рассудительный, швейцарец не ворошил прошлого и не ввязывался в закулисные интриги. Он дорожил воистину сказочным жребием, внезапно пожалованным фортуной: часто ли провинциалу выпадает возможность стать ментором наследника величайшей державы и, подобно Аристотелю, возвращать нового Македонского? Может питомец Лагарпа, обретя точку опоры в знании, усвоенном на уроках, перевернет мир, установив разумный порядок, приведя род людской к благоденствию? Но для начала следовало подготовить цесаревича к взрослой жизни.

Придворная публика по обыкновению присматривалась к новому обитателю, пытаясь угадать, чем он может быть опасен или полезен. Кое-кто любопытствовал, чему может научить российского «принца» чужеземец, не владеющий русским языком, профан в истории страны, её обычаях, чуждый православной веры – а может и вовсе безбожник. Смущали и республиканские нотки, пробивавшиеся в разговорах; естественные для Женевы или Берна, но не для единовластной России. Впрочем, пока не прогремела буря во Франции, сама Екатерина общалась с вольнодумцами, а запрещённый «Дух законов»⁶ был её настольной книгой (которую после падения Бастилии она убрала в шкаф). Философское фрондёрство покамест дозволялось, и Лагарпу казематы не грозили. Он пользовался расположением императрицы и сердечной привязанностью своего воспитанника – Великого князя Александра⁶.

Причудливо складывались отношения ученика и учителя, ставшего своего рода конфидентом Александра. Они были проникнуты взаимной симпатией, и Лагарп целенаправленно укреплял их. Назначенный преподавателем французского языка, он медленно расширил круг предметов, взяв на себя и другие науки. Сергей Салтыков, отвечавший за образование великих князей, но не очень разбиравшийся в высоких материях, тому не противился. Не возражала и императрица, ознакомившаяся с педагогической программой. Её не смутило намерение Лагарпа вести занятия по естественным и «вольным» наукам, ибо «энциклопедизм» отвечал духу времени, да и обходился дешевле. Оттеснив коллег от подопечного, и тем самым ограничив его круг общения, Лагарп получил возможность усилить влияние на Александра. Не имевший педагогического опыта, швейцарец искал свои приёмы воздействия. К примеру, совершив нечто предосудительное, Александр был должен письменно изложить мотивы своего поведения. «Объяснительная» была не покаянной грамотой, а своего рода исповедью, создавав-

⁶ Его рождение в 1777 г. стало радостным событием для императрицы. Ее отношения с сыном были натянутыми, а во внуке она увидела будущего преемника, способного продолжить ее преобразования. Воспитание Александра полностью было взято под надзор императриц Екатерины. Дитя века Просвещения, она направляла обучение внука в русло представлений эпохи, стремясь выпестовать человека, смыслящего в науках, сторонящегося неправды и полагающегося на разум и совесть, без которых ему не обрести чувства справедливости, столь важного для монарха. Она лично отбирала учителей и, подчас даже правила их программы. Екатерина II продолжала играть значительную роль в жизни внука вплоть до своей смерти. Она состояла с ним в регулярной переписке. Именно она подобрала ему невесту, дочь маркграфа бранденбургского Луизу Августу, в православии Елизавету Алексеевну (Труайя 1997: 25–29). По мере взросления, юноша начал сближаться с отцом, что также влияло на его характер и привязанности. Наследник всё больше увлекался военным делом. В письмах Лагарпу Александр признавался, что у него остаётся мало времени на учёбу. Ему приходилось лавировать между отцом и бабушкой, при этом он любил обоих, хотел им угодить (Дёмкин 2012: 35–38). Возможно, отмечавшаяся «покладистость», или «гибкость» императора сложилась не без влияния Лагарпа, прививавшего ему уважение к чужому мнению, даже противоположному собственным взглядам.

шей крепкие связи между юношей и его «духовником». Отношения с самого начала были доверительными, в известной степени дружескими, долговечными, продолжавшимися не одно десятилетие. Став императором, Александр прилюдно говорил, что всем обязан своему учителю.

Можно по-разному толковать историю этой связи, но кажется, стоит обратиться к обстоятельствам жизни Александра, на долю которого выпало немало печалей. Смерть деда Петра III, к коей была причастна бабушка Екатерина Великая; сложные отношения с отцом, по сути, отгороженным от света всё той же Екатериной; наконец, странная смерть отца, в естественность которой верилось слабо. Словом, Александру, человеку мягкому, чуть романтического склада, с детства не хватало мужского участия, что восполняло общение с Лагарпом. Не всегда они могли встречаться вживую и, к великой радости историков, им приходилось доверяться бумаге, в результате чего сложилась внушительная коллекция писем, ныне хранящаяся в нескольких архивах⁷.

Однако вопрос о подоплёке отношений Лагарпа и Александра не главная из проблем: создаётся впечатление, что с первым историки обходились не всегда справедливо. Фредерик Лагарп обрёл славу прежде всего, а может быть и преимущественно, как воспитатель и корреспондент российского императора. Именно это обстоятельство порой затеняет другие достижения самобытного мыслителя и политика. Вряд ли кому-нибудь придёт в голову провозгласить главной заслугой Вольтера его переписку с Екатериной II. Между тем, эпистолярное наследие Лагарпа в глазах многих исследователей имеет ценность только благодаря именам августейших корреспондентов. Однако письма Лагарпа интересны сами по себе, как памятник просветительской мысли, в котором отразились важнейшие события эпохи, в том числе и Французская революция. Его письма послужили одним из источников, на основе которых в России, точнее в её придворных кругах, формировалось отношение к событиям, развернувшимся во Франции, и к их последствиям.

Тема Французской революции проходит через всю переписку Лагарпа с Александром I, однако историк, вознамерившийся обратиться к этому сюжету, оказывается в затруднительном положении. В письмах Лагарпа нет сколь-нибудь пространных, обстоятельных размышлений о

⁷ Формирование архива, содержащего сведения о русском периоде деятельности Фредерика-Сезара Лагарпа, началось сразу после смерти Александра I. Его брат Николай I отправил в Швейцарию все письма и документы, которые принадлежали Лагарпу. В свою очередь, тот вернул их в Россию, сняв копии, а также предоставив копии писем самого Александра I, чем заслужил благодарность нового российского императора. Документы поступили на хранение в архив Министерства иностранных дел, чьи фонды теперь являются частью Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Подлинники императорских писем оставались в собственности наследников Ф. С. Лагарпа, пока в 1868 г. не были переданы в дар будущему императору Александру III, В 1899 г. интерес к переписке своего предка с Лагарпом проявил и последний российский император Николай II, в результате чего часть документов была передана в его личную библиотеку (Рыженков 2009: 172-184).

революции. Тонкие намёки, оценки, читаемые между строк, не столь откровенный, но глубокий анализ последствий (в первую очередь внешнеполитических) революции – вот весь материал, который даёт переписка в распоряжение исследователя. Тем не менее, на основании этих косвенных доказательств можно составить цельную картину.

Если бы Лагарп пережил годы революции во Франции, он скорее всего иначе воспринял бы произошедшие события. Но с 1784 г. по 1795 г. он жил в России, и потому взирал на революцию несколько отстранённо. Он не упоминает ни конкретных событий, ни «вождей» революции. Переписка с Александром началась, когда улёгся накал страстей (1795); да и обсуждать с августейшей особой темы деликатные, например, террор, было бы невежливо. Революция предстает у Лагарпа скорее как проблема общеполитическая, нежели конкретно-историческая. По сути, он следует собственному совету, данному Александру: «Время, в которое вы живете, подаёт примеры, кои никогда не забудутся; размышляйте над ними с желанием извлечь из них пользу»⁸. Таким поучительным примером и является французская революция.

Согласно Лагарпу, существует два проявления естественной тенденции общества к постоянному совершенствованию: реформа, проводимая сверху, и революция. Для швейцарца не стоял вопрос о том, какой путь предпочтительней. Важнее было другое – какой из них возможен в конкретной ситуации. В России преобразования мог осуществить его воспитанник, опираясь на поддержку заинтересованных в изменении существующих порядков слоёв, (офицерская молодежь, буржуазия среднего достатка и т.п.)⁹. Причём Лагарп предлагал не модель «просвещенного абсолютизма», а скорее конституционной, если угодно – демократической монархии. «Троны прочны, когда они покоятся на твёрдой основе – конституции, освящающей права и подданных, и правителей», – писал он Александру в 1818 г.¹⁰

Показательно, что Лагарп усердно старался помочь сближению России с США, искренне полагая, что две эти страны более других способны, идя разными путями, прийти к единой цели – совершенной организации общества, учитывающей «естественные права» человека. В тех случаях, когда невозможно безболезненное, мирное переустройство общественных институтов, мешающих совершенствованию индивида, а тем более попирающих «естественные права», то насилие вполне оправдано и закономерно. «Свобода, – поучал Лагарп Александра, – есть самое великое благо, дарованное человеку, и даже то право, о котором не написали якобинцы в 1793 г. – право на сопротивление тирании, есть самое священное из всех прав»¹¹.

⁸ Correspondance 1978: 107.

⁹ Correspondance 1978: 316–318.

¹⁰ Correspondance 1980: 180.

¹¹ Correspondance 1978: 529.

Одарённый учитель, исповедующий лучшие педагогические принципы Просвещения, Лагарп старался не навязывать своего мнения, но исподволь, тактично побуждал ученика прийти к определённым выводам. Расставаясь в 1795 г. с Александром, швейцарец составляет для него перечень книг, достойных прочтения. В этом списке есть две любопытных черты. Во-первых, среди авторов преобладают те, кого в 90-е гг. XVIII в. в России почитали за инспираторов и духовных отцов Французской революции, (Вольтер, Руссо, Мабли и т.д.). Среди небольшого числа книг, посвящённых непосредственно революции, нет ни работ Бёрка, ни сочинений кого-либо из откровенных противников революции. Во-вторых, среди перечня книг, состоявшего приблизительно из 40 названий, около 10 заглавий содержит слово «революция» (Рене Верто «Революции в правлении Рима», «Революции в Швеции», «Революции в Португалии», Рамсэй «История американской революции», Карло Денина «Революции в Италии» и т.д.). Обилие книг, посвященных революциям, должно было, видимо, подводить к мысли о том, что в них нет ничего необычного и испокон веков они были естественным средством прогресса. Французская революция, по мнению Лагарпа, была неизбежна, закономерна, а потому – оправдана, следовательно, с переменами, которые она произвела, необходимо смириться. «Новые институты, – писал Лагарп в 1820-е гг., – вытеснившие старые злоупотребления, отвечают потребностям нации и подлинной цивилизации... Здравая политика, в соответствии с велениями высшей справедливости, не допускает даже частичного восстановления старых институтов именно потому, что они принадлежат старому режиму»¹². Другими словами, каждая революция есть шаг вперёд и уже потому не заслуживает осуждения.

О самих событиях во Франции Лагарп говорит скупой, сдержанно, ибо для него важнее итог, а не само их развитие. Он упоминает эпоху террора, но полагает, что сей страшный период был во многом инспирирован англичанами, так же, как и война в Вандее. Делясь своими наблюдениями о положении дел в Европе, Лагарп пишет в 1797 г.: «Люди, наиболее славные своими достоинствами и просвещённостью, погибли, нравственность поражена до самых своих основ и то, что от неё уцелело едва позволяет избегать того взрыва страстей, который приведёт к совершеннейшему распаду обществ»¹³. Но в этих бедствиях Лагарп винит не революцию, а войны, направленные против неё.

Конечно, сведения о революции Лагарп получал в основном из книг и газет, а если учесть, что Петербург питался новостями, поставившимися преимущественно эмигрантами-роялистами, то следует признать, что швейцарец не только сумел воспротивиться всеобщему настрою охаять революцию (что, несомненно, помогло бы его карьере), но и по мере возможности защищал её тем, что хотя бы не осуждал.

¹² Correspondance 1980: 447.

¹³ Correspondance 1978: 180.

Вероятно, на него подействовала и та озлобленность, которую открыто проявляли к нему эмигранты, обосновавшиеся в Петербурге и повесившие на него ярлык «якобинца». Знакомство с реальной Францией, а не образом, созданным публицистами, несколько разочаровало Лагарпа. Оказавшись в 1797 г. в Париже, он не без удивления отметил, что большая часть жителей столицы погрязла в безнравственности. Нувориши, нажившие скандальным образом состояния, «в большей степени аристократы, нежели их предшественники»¹⁴. «Вы не поверите, – пишет Лагарп, – но здесь есть женщины, почитающиеся порядочными, всё одеяние которых состоит из панталон телесного цвета и прозрачных батистовых платьев, позволяющих разглядывать все их формы». Но и в этой распущенности, противной его нравственным устоям, Лагарп усматривает не плод революции, а скорее накипь, приставшую к высоким принципам, воплотить которые пытались французы. Отбрасывая то, что, по его мнению, являлось случайным Лагарп создавал достаточно условный образ революции, в котором очень многое напоминало сугубо философскую модель «века Просвещения».

Своеобразие Лагарпа, пожалуй, состоит в том, что в революции он пытался найти черты просветительского идеала, ей же самой разрушенного. Революция лишь отчасти повлияла на его судьбу и, быть может, поэтому он оказался одним из немногих живых хранителей просветительского мифа о благодатных революциях¹⁵. Не многим грешил против истины Адам Чарторыйский, давая Лагарпу характеристику: «Нам казалось, что Лагарп не заслуживает той репутации, которой он пользовался у императора. Он принадлежал к поколению людей, вскормленных иллюзиями XVIII в., тех людей, которые верили, что с помощью их доктрин, нового философского камня, всё можно объяснить и что сакраментальных фраз достаточно, чтобы изменить мир»¹⁶.

История отношений юного Великого князя и его наставника Фредерика-Сезара Лагарпа привлекала многих историков. При этом оценки степени влияния швейцарского воспитателя и его значимость для формирования характера будущего императора и его политического идеала могли быть весьма различными у отдельных исследователей.

Весьма негативной была оценка роли Лагарпа в воспитании цареви́ча со стороны такого знаменитого историка как В.О. Ключевский. Воспитание Лагарпа характеризовалось им как «нескладное». Сам же швейцарский наставник назывался фанатиком-теоретиком¹⁷. Помимо этого, критиковал Ключевский Лагарпа и непосредственно как педагога, который не умел разбираться в чувствах воспитанника, а также формировал у него комплекс неполноценности. Результатом такого воспита-

¹⁴ Correspondance 1978: 191-192.

¹⁵ Correspondance 1978: 28.

¹⁶ Князь Адам Чарторыйский.

¹⁷ Ключевский 2012: 286.

ния стало то, что Александр I вырос человеком, считающим себя по своим нравственным качествам гораздо выше окружения, но при этом не предпринимавшим никаких шагов для развития общества в соответствии с положительными идеалами.

А. А. Кизеветтер полагал, что Лагарп искренне стремился привить своему воспитаннику определённые принципы, которые, основывались на идеалах философии Просвещения и должны были помочь ему в решении практических проблем, которые неизбежно ждали главу государства. Однако результативность воспитания Кизеветтер оценивал как достаточно низкую¹⁸. Историк полагал, что благодаря Лагарпу будущий император усвоил теоретически многие понятия, такие как свобода, равенство. Однако он ценил их как нечто отстранённое, красивое, но при этом не имеющее отношения к практической стороне жизни и политики. Соответственно, Александр I вовсе не стремился на практике к реализации тех идей, которые ему пытался привить наставник.

Подобную позицию во многом разделял такой исследователь как Великий князь Н. М. Романов, который был автором многих трудов по периоду правления своего предка. Историк соглашался с тем, что в юности на Александра I наибольшее влияние оказали два человека: его бабушка императрица Екатерина и наставник Лагарп. Однако и Романов считал, что хотя юный Александр и был восприимчив к тем идеям, которые ему старался донести воспитатель, усвоил он их весьма поверхностно, они не стали теми принципами, которые определяли в дальнейшем его политику.

Гораздо более положительную оценку можно обнаружить в работе французского исследователя А. Труайя. Он полагал, что Лагарпу удалось привить своему воспитаннику любовь к народу, искреннее стремление заботиться о благе общества. При этом Лагарп описывался историком как человек вполне прагматичный, понимающий, что далеко не все идеи можно немедленно воплотить в жизнь. Об этом свидетельствует, в частности, то, что он не рекомендовал своему воспитаннику отказываться от самодержавной формы правления¹⁹. Схожей была позиция и другого иностранного исследователя – Дж. Хартли. Историк полагала, что именно Лагарп оказал значительное влияние на формирование мировоззрения будущего императора. При этом положительно исследователь оценивала и педагогические методы, и приёмы швейцарца. Важнейшим результатом воспитания Хартли считала то, что Лагарпу удалось показать царевичу опасность деспотизма и тирании²⁰. Впоследствии Александр I стремился действовать, исходя из данного понимания, хотя и не всегда мог воплощать эти принципы на практике.

Уделял внимание своему соотечественнику и такой исследователь правления Александра I как А. Валлотон. Он стремился показать, что

¹⁸ Кизеветтер 1997: 75–77.

¹⁹ Труайя 1997: 13–14.

²⁰ Хартли 1998: 78.

хотя Лагарпа справедливо считают республиканцем, его идеи были далеки от наиболее радикальных представителей революционной Франции, таких как Робеспьер. Валлотон полагал, что Лагарпа вполне можно считать по политическим воззрениям либералом и сторонником демократической формы правления²¹. При этом важным моментом исследователь считал и то, что швейцарец при этом сохранял верность христианскому идеалу. Соответственно, именно такой набор ценностей он стремился передать своему воспитаннику. Во многом подобная точка зрения разделялась отечественным биографом Александра I А. Н. Сахаровым. Историк полагал, что главной задачей Фредерик-Сезар считал воспитание из юных великих князей достойных граждан²².

Соответственно, он стремился привить юношам представление о необходимости уважительного отношения к личности. Одновременно с этим можно говорить и о большом вкладе Лагарпа в развитии любознательности воспитанников, понимании ими важности образования и науки. Таким образом, Сахаров полагал, что именно благодаря Лагарпу, Александр I на протяжении всей жизни в целом разделял идеалы философии Просвещения.

Можно отметить также исследования А. Ю. Андреева. В них проводится мысль о том, что Лагарп придерживался достаточно четкой воспитательной концепции, однако далеко не всегда она оказывалась реально применимой в условиях России²³. Схожие оценки высказывал и Н. М. Начапкин, полагавший, что Фредерик-Сезар внёс свой вклад в развитие модернизационных процессов в России²⁴.

История Лагарпа уникальна, трудно найти примеры парадоксального влияния радикальной системы взглядов на идеи, основанные на противоположных принципах. Можно предположить, что в реальной политической жизни, в сфере ее интеллектуальной составляющей, барьеры между течениями порой теряют непереходимость, открывая дорогу новым, синкретическим учениям, сочетавшим разнородные начала, к примеру христианство и социализм.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андреев А. Ю. Формирование воспитательной концепции Ф. С. Лагарпа: европейские идеалы и русская практика // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. С. 58–73. [Andreev A. Ju. Formirovanie vospitatel'noj koncepcii F. S. Lagarpa: evropejskie idealy i russkaja praktika (Formation of the educational concept of F. S. Lagarp: European ideals and Russian practice) // Vestnik PSTGU. Serija 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2016. P. 58–73].

Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества, конфирмованное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня // Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоего пола благородного и мещанского юношества, с прочими в пользу общества установлениями. СПб., 1789. Т. 1. С. 5-6. [Beckoj I.I. General'noe uchrezhdenie o vospitanii обоего pola junoshestva,

²¹ Валлотон 1991: 91.

²² Сахаров 1998: 46.

²³ Андреев 2016: 60.

²⁴ Начапкин 2018: 135.

- konfirmovannoe Eja Imperatorskim Velicestvom 1764 goda marta 12 dnja (General Institution for the education of both sexes of youth, confirmed by Her Imperial Majesty in 1764 March 12 days) // *Sobranie uchrezhdenij i predpisanij, kasatel'no vospitanija v Rossii, oboego pola blagorodnago i meshhanskago junoshestva, s prochimi v pol'zu obshhestva ustanovlenijami*. SPb., 1789. T. 1. P. 5-6].
- Болгова А. М. Создание учебно-воспитательных учреждений для подготовки людей «Третьего чина» в ходе образовательных реформ Екатерины II // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2010. № 12. С. 133–141. [Bolgova A. M. Sozdanie uchebno-vospitatel'nyh uchrezhdenij dlja podgotovki ljudej «Tret'ego china» v hode obrazovatel'nyh reform Ekateriny II (The creation of educational institutions for the training of people of the "Third rank" during the educational reforms of Catherine II) // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija*. 2010. № 12. P. 133–141].
- Валлотон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991. 397 с. [Valloton A. Aleksandr I (Alexander I). Moscow: Progress, 1991. 397 p.].
- Дёмкин А. В. Дней Александровых прекрасное начало. Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 389 с. [Djomkin A. V. Dnej Aleksandrovych prekrasnoe nachalo. Vnutrennjaja politika Aleksandra I v 1801-1805 gg. (The Alexander's Days are a great start. The internal policy of Alexander I in 1801-1805). Moscow: Kuchkovo pole, 2012. 389 p.].
- Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 480 с. [Kizevetter A. A. Istoricheskie siluety (Historical silhouettes). Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. 480 p.].
- Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М.: Русская панорама, 2012. 504 с. [Kljuchevskij V.O. Lekcii po istorii Zapadnoj Evropy v svjazi s istoriej Rossii (Lectures on the history of Western Europe in connection with the history of Russia). M.: Russkaja panorama, 2012. 504 p.].
- Князь Адам Чарторижский. Воспоминания и письма. [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/6317525/60232226/&art=6317525&user=199522618&uilang=ru&catalit2&track_reading&fb3_master=#back_430_62
- Начапкин М. Н. Роль Ф.-С. Лагарпа в образовании Александра I и подготовке реформ по модернизации консервативных устоев Российской империи // *Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории*. 2018. Вып. 20: Запад, Восток и Россия: социальные и политические проекты прошлого. С. 127–139. [Nachapkin M. N. Rol' F.-S. Lagarpa v obrazovanii Aleksandra I i podgotovke reform po modernizacii konservativnyh ustoev Rossijskoj imperii (The role of F.-S. Lagarpe in the education of Alexander and the preparation of reforms to modernize the conservative foundations of the Russian Empire) // *Zapad, Vostok i Rossija: Voprosy vseobshhej istorii*. 2018. Vyp. 20: Zapad, Vostok i Rossija: social'nye i politicheskie projekty proshlogo. P. 127-139].
- Попов М. Е. Вклад И. И. Бецкого в развитие отечественного просвещения // *KANT*. 2015. № 4. С. 27–31. [Popov M. E. Vklad I. I. Beckogo v razvitie otechestvennogo prosveshhenija (I. I. Betsky's contribution to the development of national enlightenment) // *KANT*. 2015. № 4. P. 27-31].
- Рыженков М. Р. Ф. С. Лагарп - воспитатель будущего российского императора Александра I. По документам Российского государственного архива древних актов // *Вестник архивиста*. 2009. № 4. С. 172–184. [Ryzhenkov M. R. F. S. Lagarp - vospitatel' budushhego rossijskogo imperatora Aleksandra I. Po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov (F. S. Lagarp - educator of the future Russian Emperor Alexander I. According to the documents of the Russian State Archive of Ancient Acts) // *Vestnik arhivista*. 2009. № 4. P. 172–184].
- Сахаров А. Н. Александр I. Москва: Наука, 1998. 287 с. [Saharov A. N. Aleksandr I (Alexander I). Moskva: Nauka, 1998. 287 p.].
- Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М.: Молодая гвардия, 1997. 320 с. [Truajja A. Aleksandr I, ili Severnyj Sfinks (Alexander I, or the Northern Sphinx). Moscow: Molodaja gvardija, 1997. 320 p.].
- Хартли Дж. М. Александр I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 320 с. [Hartli Dzh. M. Aleksandr I (Alexander I). Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 320 p.].
- Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I, sui vie de la correspondance de Frédéric-César de La Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie. Publ. par J.C. Biaudet et F. Nicod. 3 vols. Vol. 1. 1785–1802. Neuchâtel: La Baconnière.1978.

Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I, sui vie de la correspondance de Frédéric-César de La Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie. Publ. par J.C. Biaudet et F. Nicod. Vol. 3. 1815–1824; 1788–1837. Neuchâtel: La Baconnière. 1980.

Андерсон Кирилл Михайлович, к.и.н., доцент, профессор, факультет политологии, МГУ им М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, kiranderson@mail.ru

Зверева Мария Семеновна, аспирант, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, mariaszvereva@yandex.ru

Пак Олег Александрович, аспирант, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, pakpolit@yandex.ru

A Republican at the Court of the Autocrat: the French Revolution in the Correspondence of F.S. Lagarpe and Alexander I

The article is devoted the influence of the Swiss educator Fredrik La Harp on the formation of the political views of Alexander I. The extensive correspondence that was conducted between the two individuals is an important source on the history of public thought in Russia and the West. In historiography, the attitude towards La Harpe was perceived ambiguously, because, being a republican, he served the autocratic monarch.

Keywords: *La Harpe, Alexander I, social thought of Russia, social thought of France, French Revolution, Enlightenment.*

Anderson Kirill M., Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; kiranderson@mail.ru

Zvereva Maria S., Postgraduate student Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; mariaszvereva@yandex.ru

Pak Oleg A., Postgraduate student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; pakpolit@yandex.ru

ОБЩИННОСТЬ КАК ЦЕННОСТНАЯ КОНСТАНТА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИСТОРИОСОФИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Одна из исходных установок историософии славянофилов заключалась в стремлении выявить т.н. «начала» – изначальные субстанциональные особенности того или иного народа, разворачивающиеся в процессе его исторического развития и в решающей мере это развитие определяющие. Одним из таких «начал» в исторической судьбе русского народа славянофилы считали общинность. Поставив вопрос о российской самобытности, они именно в этом контексте открыли для науки и общественной мысли русскую общину-мир. В статье исследуется славянофильская трактовка взаимосвязи общины как института и общинности как ценностной константы российской цивилизации в работах основных идеологов славянофильства (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова). Славянофилы в рамках своей парадигмы выделили и осмыслили такие содержательные параметры общины (а все эти параметры носят ярко выраженный ценностный характер), как общинно-уравнительное землевладение с ментальным неприятием частно-индивидуальной собственности на землю, трудовое право на землю, отсутствие иерархии, равенство домохозяев, взаимопомощь, мирское самоуправление, внутренняя правда и обычное право. Общинность как ценностная константа российской цивилизации противопоставлялась славянофилами западному индивидуализму, «эгоизму собственности», не без оснований рассматривалась как возможная гарантия от «язвы пролетариата». Славянофилы предложили плодотворный подход к общине на разных этапах российской истории, тонко подметили и интерпретировали отличия русской (славянской) общины от западноевропейских аналогов.

Ключевые слова: общинность, славянофилы, община-мир, общинное землевладение, трудовое право на землю, Земля и Государство, внутренняя правда, обычное право, самоуправление, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков.

В фундаментальном издании «Современная политическая наука: методология» в очерке о цивилизационной парадигме утверждается, что проблема российской цивилизационной самобытности была поставлена одним из создателей концепции локальных цивилизаций («культурно-исторических типов») Н.Я. Данилевским¹. Думается, что в истории социально-политической мысли, причем не только российской, славянофилы вообще (а Н.Я. Данилевский – из т.н. «поздних» славянофилов) могут с полным основанием считаться основоположниками цивилизационного подхода вообще и, в особенности – применительно к изучению России. Исходный базовый постулат славянофилов в дискуссиях с западниками – утверждение и обоснование цивилизационной самобытности России вкупе с отрицанием универсальности западноевропейского пути развития. Тем самым подразумевается многообразие (поливариантность) цивилизационного развития человечества. «Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны, - так формулировал кредо славянофилов К.С. Аксаков. – Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения

¹ Современная политическая наука 2019: 30.

и на основании их судить о ней»². Одна из исходных методологических установок историософии славянофилов заключалась в стремлении выявить т.н. «начала» - изначальные субстанциональные особенности того или иного народа, разворачивающиеся в процессе его исторического развития и в решающей мере это развитие обуславливающие. Эти «начала», в сущности, представляют собой оригинальный сплав (культурно-цивилизационный код) идей, ценностей и институтов, формирование и воспроизводство которого обусловлено совокупным и долговременным действием конкретных религиозно-конфессиональных (они в историософии славянофилов на первом месте, как и для многих последующих теоретиков локальных цивилизаций), географических, природно-климатических, хозяйственно-экономических, политических и культурно-психологических факторов. Живучесть культурно-цивилизационного кода на протяжении «времени большой длительности» (Ф. Бродель), его очевидная значимость и консолидирующая, пожалуй, даже – идентифицирующая, роль для конкретного народа, общества, страны-цивилизации, роль вышеотмеченных факторов – все это и составляет предмет цивилизационного анализа. Наиболее значимые фигуры среди славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, несколько позднее – Н.Я. Данилевский) едва ли не первыми в мировой социально-политической мысли дали блестящие образцы такого анализа, причем не только России и Запада.

А.С. Хомяков считал общинность одним из «начал» бытия русского народа, и в этом с ним были согласны все славянофилы. Согласно Хомякову, общинность – релевантная соборности как православному идеалу³ субстанциональная характеристика социальной «земной» жизни русского народа, социальное выражение сущности русского народного духа⁴. Общинность – ценностная константа, которая, в понимании Хомякова, базируется на соборном духе православия как истинного христианства, ну а практически, в реальной жизни – на общине, которую в народе издревле называли «мир» и которая прошла, не сильно меняясь, через многие столетия в качестве сельской, волостной, а до определенного момента – и городской, посадской, соседской самоуправляющейся организации податного (тяглового) населения, крестьян и посадских людей. В своем поиске особой субстанции в русской истории славянофилы, похоже, «попали в десятку». Именно славянофилы открыли для науки и общественной мысли русскую общину-мир. Отрицать живучесть общины в истории нашей страны совершенно невозможно. Стартовав в догосударственную эпоху как славянская земледельческая, она дожила до сталинской коллективизации в виде традиционной сельской общины (сельского или земельного общества на языке тогдашних официальных

² Аксаков 2009: 303.

³ Горелов 2017: 86–87.

⁴ Воронин 2003: 272.

документов). В русской деревне 1920-х годов в числе выборных или очередных (замещаемых в порядке очереди) должностей общинного самоуправления фигурирует десятский или «очередной», – должность, известная еще в средневековой русской общине⁵.

Иногда можно встретить утверждение, что честь «открытия» русской общины как крестьянского мира принадлежит прусскому социологу и этнографу А. Гакстгаузену, который, по поручению царского правительства, изучал аграрный строй России в первой половине 1840-х годов и вскоре выпустил в Берлине книгу «Исследование внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Даже К. Маркс в свое время пытался уязвить А.И. Герцена, что тот якобы обнаружил русскую общину не в России, а на страницах книги Гакстгаузена⁶. Тогда как сам Герцен вспоминал, что И.В. Киреевский «в начале сороковых годов проповедывал сельскую общину, мир и артель» и «научил Гакстгаузена понимать их»⁷.

Прусский исследователь вовсе не открыл славянофилам глаза на общину, он сам был немало поражен тем твердо установленным фактом, что в русской сельской общине наделными, т.е. собственно крестьянскими землями владела и распоряжалась община-мир, соседское крестьянское сообщество (А.С. Хомяков бы назвал ее «товариществом»). Распоряжалась даже в рамках помещичьего имения и формально под «крышей» феодальной частной собственности, а уж тем более – в государственной деревне. Русские крестьяне не знали и, похоже, не очень-то и хотели частной собственности на землю будь то в варианте индивидуальной (хутор или отруб) или же семейно-дворовой собственности. Крестьянин пользовался наделом, предоставляемым общиной. Община – те же крестьяне, главы дворов, собравшиеся на сход, – периодически осуществляла уравнительные переделы пахотных угодий, как правило, с учетом соотношения внутри каждой крестьянской семьи едоков и работников. С выделяемым наделом увязывался и размер платежа со двора в рамках взимаемой с общины по подушным раскладам податной суммы. Уравнительный принцип наделения каждого крестьянского двора земельным участком под пашню (наделом) при безусловности коллективного распоряжения всеми общинными угодьями, трудовое право на землю (если обрабатываешь ее своим трудом) – несомненные установки русской крестьянской ментальности и обычного права. Среди славянофилов наиболее четко специфику русского общинного землевладения акцентировал Ю.Ф. Самарин, особо подчеркивая три принципа: земельные наделы пропорциональны трудовым силам семей; исключаются крайние формы неравенства в собственности и потреблении; землей не владеет тот, кто не может или не хочет ее обрабатывать своими силами⁸.

⁵ Данилова 1994: 253.

⁶ Маркс 1961: 116.

⁷ Герцен 1956: 163.

⁸ Аникин 1990: 206.

Эти общинные принципы имеют ярко выраженный ценностный характер: «Право на труд на земле – высшая правда и справедливость. Распоряжение земельными участками может быть связано лишь с вложенным трудом. На страже подобной практики стояло обычное право и вся система отношений в общине»⁹.

А для европейца середины XIX века это было удивительно. На западе Европы уже в раннем средневековье фиксируется община-марка, соседское сообщество крестьян (непосредственных производителей), для которого, в отличие от предшествующей общины древних германцев, уже была характерна частная собственность (аллод) главы семьи-двора на пахотную землю с наследованием по принципу майората в сочетании с общинным владением пастбищами, лесами, лугами и др. угодьями (альменда). А русская община, по мнению известного медиевиста, академика С.Д. Сказкина, на всем протяжении своего существования сохранила принцип периодического уравнительного передела¹⁰. Историки Л.В. Данилова и В.П. Данилов высказываются осторожнее по поводу периода существования именно передельной общины: земельные переделы в общине получили распространение на исходе средневековья и в новое время в связи с демографическим ростом и появлением первых признаков земельной тесноты в центре России, с ростом крупного феодального землевладения и усилением крепостнических отношений¹¹. Как справедливо отметил С.Д. Сказкин, западноевропейскому ученому такое (т.е. периодические уравнительные переделы земли) «... кажется настолько невероятным, что он либо начисто отрицает возможность частого перехода земли из одних рук в другие в порядке получения своей доли, как это имеет место при уравнительно-передельных формах, либо отодвигает такую форму владения на доисторические времена»¹².

В 1847 г. Ю.Ф. Самарин критиковал западника К.Д. Кавелина за недооценку общинного начала в истории. Он подчеркивал, что не столько община и общинный быт как таковые специфичны для России – община существовала в свое время и на западе Европы, сколько – укорененность, мощь и развитие общинного начала¹³. В 1856 г. западник Б.Н. Чичерин поставил проблему преемственности конкретных форм общины на разных этапах отечественной истории. Справедливо отмечая различия и эволюцию форм и функций общины в разных сословных группах в разные периоды, Б.Н. Чичерин склонялся к абсолютизации этих различий. Акты государственной власти разных веков нашей истории по оформлению конкретного функционала и статуса общины, ее взаимоотношений с коронной администрацией он интерпретировал как создание общины каждый раз заново, «устройство правительством» ее чуть ли не «с нуля», «с

⁹ Данилов 1996: 27–28.

¹⁰ Сказкин 1973: С. 64.

¹¹ Данилов 1996: 28.

¹² Сказкин 1973: 57.

¹³ Шапиро 1993: 386.

чистого листа» под влиянием государственных, преимущественно - фискально-полицейских интересов¹⁴. А историк славянофил И.Д. Беляев в своем разборе сочинения Б.Н. Чичерина обосновал преемственность непрерывной истории (континуитет) русской (изначально – славянской) общины, генетически связанной с предыдущими стадиями¹⁵. Общинная организация русских крестьян не была новообразованием, «правительственным устройением», созданием крепостников-землевладельцев, фискально-крепостническим учреждением. Хотя, вне всякого сомнения, она была встроена и в структуру управления феодального вотчинного или помещного владения, и в структуру государственной администрации в качестве ее низового звена.

В своей работе «О сельской общине» А.С. Хомяков сформулировал характерную и значимую для славянофилов историческую установку: «... всякое государство или общество гражданское состоит из двух начал: из живого исторического, в котором заключается вся жизненность общества, и из рассудочного, умозрительного, которое само по себе ничего создать не может, но мало-помалу приводит в порядок, иногда отстраняет, иногда развивает основное, т.е. живое начало»¹⁶. Община в исторической философии славянофилов и была «живым историческим началом» России, которое усилиями государственной власти (со времен Петра эти усилия надо относить, по мнению Хомякова, к началу умозрительному) «иногда» развивалось: «Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из его же развития может развиваться целый гражданский мир»¹⁷. Идеолог славянофилов называл мирское устройство общины «чем-то прекрасным и драгоценным для всего человечества», видел историческое призвание России в том, чтобы стать представительницей общинного начала для всего мира, возвести общинность до общечеловеческого принципа¹⁸. В работе даются существенные характеристики общины, раскрывающие содержание общинности как ценностной константы российской цивилизации. Так, Хомяков отмечает индивидуалистическое устройство западного общества и связывает в большей степени с ним, нежели с развитием капитализма, возможность пролетариата: «был ли бы, однако, пролетариат возможен, если бы сельская община существовала по-нашему?»¹⁹. Европейскому индивидуалистическому обществу Хомяков противопоставляет «общинное товарищество». В общине практически невозможна нищета, и она в этом отношении более эффективна, чем любые социальные практики западных стран. Русская община решает задачу, над которой безуспешно трудятся лучшие головы Запада. В общине возможна только временная нищета,

¹⁴ Чичерин 1856.

¹⁵ Беляев 1856.

¹⁶ Хомяков 2010: 128.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Горелов 2017: 92.

¹⁹ Хомяков 2010: 129.

поскольку «... все члены общины суть товарищи и пайщики». Общинное начало в своем тексте Хомяков называет «товарищесственным началом».

Индивидуализм, разъединенность, «эгоизм собственности», характерные для Запада, чреватые полным оскудением нравственных начал. Конечно, как либерал, Хомяков оговаривается, что он не восстает ни против собственности, ни против ее эгоизма, но «... если, кроме эгоизма собственности, ничто не доступно человеку с детства, он будет окончательно не то чтобы дурной человек, а безнравственно тупой человек: он одурет». А воспитание в общине, в коллективе – совсем другое дело: «Слышать только о деле общем и потом в нем участвовать, слышать с детства суд и расправу, видеть, как эгоизм человека становится беспрестанно лицом к лицу с нравственной мыслию об общем, о совести, законе обычном, вере и подчиняться этим высшим началам, это – истинно нравственное воспитание; это – просвещение в широком смысле, это развитие не только нравственности, но и ума»²⁰. Позднее, в работе «К сербам. Послание из Москвы» Хомяков ярко разовьет и подтвердит мысль о благотворности практики общинного самоуправления и социализации в условиях общины-мира: «Где сход сельский или городской решает дела, там уже с ранних лет воспитывается в человеке здоровое понятие о законности и справедливости, развивается разумное суждение и уничтожается губительное и весьма обыкновенное у многих народов равнодушие к общему делу. Сход мирской есть для народа училище, которое выше всякого книжного воспитания и никакую книжную мудростью не заменяется. Мирскими сходами были спасены дух и разум русских крестьян, несмотря на рабство, в которое заковал их несправедливый закон»²¹.

Трактруя общинность как отличительное свойство нашего народа, определившее его историю²², славянофилы на контрасте акцентировали индивидуализм как специфику западной цивилизации. «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности... Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостью...»²³. По мнению И.В. Киреевского, частная личная самобытность – это основа западного развития. А в допетровской России индивидуальной обособленности неоткуда было возникнуть и укрепиться. Русский мир – это сосуществование и развитие маленьких локальных общинных миров: «Человек принадлежал миру, мир ему»²⁴. Показателен в этом отношении обычай мирского согласия (принятия решений единогласно) на общинных сходах – на крестьянских сходах обсуждение обычно не прекращалось до

²⁰ Там же: 130.

²¹ Там же: 269.

²² Шапиро 1993: 393.

²³ Хомяков 2010: 341.

²⁴ Там же: 342.

тех пор, пока оставался хоть один сомневающийся. А.С. Хомяков ставил такое единогласие выше принципа формальной демократии, когда большинство навязывает свою волю меньшинству. В послании «К сербам» он подчеркнул, что таков издревле славянский обычай: «От немцев перешел к славянам обычай считать голоса, как будто бы мудрость и правда всегда принадлежали большему числу голосов, тогда как действительно большинство зависит весьма часто от случая. Рассудите еще и о том, что где дела идут на решение большинством, в людях пропадает или, по крайней мере, слабеет желание убедить своих братьев, а следовательно, слабеет и самое стремление к согласию в совести и разуме»²⁵.

С традицией общинного землевладения Киреевский связывал то обстоятельство, что в старой России не сложилось аналогичного западному понятия частной собственности. Понятие о святости и неприкосновенности частной собственности, по его мнению, чужды старой русской жизни, поскольку, с одной стороны, это плод индивидуализма, которым проникнута вся западноевропейская жизнь, а, с другой стороны, - следствие усвоения Западом римского права. Безусловная частная собственность в московской Руси была исключением, право на владение землей с крестьянами для служилых людей (дворян) возникало и оформлялось как следствие и обеспечение службы государю. В отношении тяглого сословия, в особенности - в части поземельных отношений в русской крестьянской общине довольно точно существо дела (цивилизационные различия России и Запада) отражает следующее утверждение Киреевского: «Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества»²⁶.

Свое видение истории древней Руси и Хомяков, и Киреевский строили, беря за основу общину-мир, но в восприятии Хомякова с общиной, «областной земщиной», были связаны центростремительные тенденции древнерусских земель: «Области жили жизнью отдельною, самобытною. Новгород не был врагом Киева. Киев своею силою не отстаивал Новгорода. Народ не просил единства, не желал его. Внешняя форма государства не срослась с ним, не проникла в его тайную душевную жизнь»²⁷. Тенденцию к государственно-политическому единству Руси Хомяков был склонен связывать с княжеско-дружинной элитой и духовенством. Киреевский представлял древнюю Русь как «бесчисленное множество маленьких общин», небольшие общины, основанные на общем землевладении, согласии, общих обычаях: «... эти маленькие миры, или согласия, сливаются в другие, большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее огромное согласие всей Русской земли...»²⁸. Православное

²⁵ Там же: 269.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же: 45.

²⁸ Там же: 427.

христианство и церковь обеспечивали согласие как основу единства: «...распространяли повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение в обычай, который заменял закон...»²⁹. Благодаря православию и церкви отдельные общины соединились в более крупные образования, устроенные на тех же, земских, основаниях. Вся Русская земля была одной большой общиной, связанной общностью земли, веры и обычаев³⁰.

Принципиальное значение имеет указание славянофилов на обычай, на обычное право, на его место и роль в русской жизни. Уже в своей статье «О старом и новом», одном из первых славянофильских текстов, Хомяков отметил, что прежде, как и теперь в России фиксируется «... постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными»³¹. Закон, по мнению Хомякова, мог быть лучше или хуже обычая, но он, как правило, редко исполнялся. Киреевский справедливо отмечает, что старорусское право не знало формальной логичности и отвлеченного рационализма римского права. Оно было обычным правом, основанном на традиции, вырастающим из норм внутриобщинной жизни, передающихся из поколения в поколение. «Закон в России, - подчеркивает мыслитель, - не изобретался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами, не обсуждался глубокомысленно и красноречиво в каком-нибудь законодательном собрании и не падал потом как снег на голову посреди всей удивленной толпы граждан, ломая у них какой-нибудь уже заведенный порядок отношений. Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге, уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, возшел в народные нравы и в народный быт»³². Впоследствии на приоритет обычного права как цивилизационную особенность России не раз обращали внимание и писатели, и историки³³. Обычное право не совпадает полностью по содержанию, но частично, пожалуй, пересекается с одним из важнейших понятий историософии славянофилов – понятием внутренней правды. Это понятие использовали в своих трудах и Хомяков, и Киреевский, но основной вклад в его разработку внес К.С. Аксаков. Славянскую общину К.С. Аксаков определяет как союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом (живущий по внутренней правде) и «обычаем общественным»³⁴.

Противопоставление Аксаковым внутренней правды и внешней – это, в известном смысле, еще одна линия цивилизационного различия

²⁹ Воронин 2003: 277.

³⁰ Славянофильство 1992: 99.

³¹ Хомяков 2010: 38.

³² Там же: 428.

³³ Кузьмин 1993: 24.

³⁴ Аксаков 2009: 335.

России и Запада. Внутренняя правда означает совесть, нравственное чувство, добро. Внешняя правда – закон, юридические нормы и государственные установления. В человеке внутренняя правда проявляется как голос совести, в обществе – как система ценностей, воплощенных в религии, традиции, обычаях. Внешняя правда – это право и государственное принуждение. Русский народ на своем историческом пути движим внутренней правдой. Западные привержены внешней. У истоков западных государств лежала враждебность и завоевание. Власть явилась к западным народам как враждебная сила, подчинившая их силой. Государство и право, внешняя правда, стали там единственным сдерживающим и консолидирующим фактором, иначе и быть не могло ввиду отсутствия нравственного единства, враждебности между завоевателями и завоеванными. Западная социальная жизнь тяготела к формально-юридической регламентации, к торжеству внешней правды. У нас же «... власть явилась, как званый гость, по воле и убеждению народа».³⁵ Народ призвал Власть (Государство), не смешивая его с общинным строем, с нравственным внутренним началом³⁶. Народ и Власть, Земля и Государство в русской истории мирно сосуществуют и взаимодействуют. Земля – это «неопределенное и мирное состояние народа», объясняет Аксаков. В чем-то, однако, вполне определенное – это общинно-организованный народ, живущий по внутренней правде,³⁷ это система соподчиненных общин (И.Я. Фроянов) в период домонгольской Руси, в период Московского государства – система тяглых общин, сельских, волостных и посадских миров, с ответственным и четко функционирующим общинным земским самоуправлением. Русский народ, по своему характеру, «неполитический», некогда поручил добровольно призванной Властью государственные заботы – по возможности, без вмешательства во внутреннюю «земскую» жизнь народа – и с тех пор подключался к этим заботам только по призыву Власть. Сам «государить» он никогда не стремился. Отношения Земли и Государства, в отличие от Запада, не нуждались в каком-либо правовом оформлении, в гарантиях договорно-конституционного характера. Внутренняя социальная жизнь народа регулировалась морально-религиозными нормами и обычным правом, строилась на основе внутренней правды, которая не распространялась Аксаковым на политику и государство. Внутренняя правда ориентировала на абсолютно земные ценности и совершенно земную деятельность – землепашество, ремесло, торговлю, семейную жизнь. При этом – возвышая неполитическую «простую» будничную жизнь с ее повседневными заботами едва ли не до сакрального уровня³⁸. «Земля или народ пахал, промышлял и торговал; государство поддерживал он деньгами и в случае нужды становился под знамена. Он составлял сам собою одно огромное целое, для

³⁵ Аксаков 1997: 788.

³⁶ Славянофильство 1992: 47.

³⁷ Аксаков 2009: 300.

³⁸ Славянофильство 1992: 52–53.

которого необходимо было государство, чтобы можно было жить ему своей жизнью и хранить безмятежно, беспрепятственно свой древний быт и свою веру. Государь, первый защитник и хранитель земли, поддерживал общинное начало, и народ под верховной властью государя управлялся сам собою. Сельские общины выбирали своих старост, целовальников и других чиновников. Иногда государь призывал землю на совет и делал ее участницей дел политических»,³⁹ - такой Аксаков рисует традиционную модель взаимодействия Земли и Государства (Власти) в России. Попутно уточнив понятие Земли именно как общинно-организованного самоуправляющегося народа.

А.С. Хомяков обращал внимание на то, что и германские народы, подобно славянам, знали общину, знали принципы единогласия и круговой поруки. Но германская община отличалась от славянской весьма существенно, и отличие определялось тем, что германцы жили завоеваниями, а славяне – земледелием⁴⁰. К.С. Аксаков подхватил и развил это положение. Община германцев была иерархически выстроенным кровнородственным объединением, ориентированным на войну как основное занятие. Такой общине (роду) не были присущи собственно общинный быт и общинный дух. В ней не было свободы, самоуправления и совещательности. В ней имело место полное подчинение сородичей власти родового старейшины. А община славян была именно соседским (территориальным) союзом семей, ориентированным на земледелие как основное занятие. В ней не было патриархального деспотизма, родовой иерархии, торжествовало равенство домохозяев, самоуправление и «советное» начало. В полемике с С.М. Соловьевым по вопросу о «родовом быте» славян К.С. Аксаков, умело работая с историческим материалом, убедительно доказал, что у славян не прослеживается родовая (кровнородственная) общинная организация, а напротив, отчетливо просматривается соседская община как территориальный союз семей: «...перед нами выступает в самом отдаленном времени общинное устройство, знакомая сходка и знакомое единогласие»⁴¹. И сегодня для исторической науки актуален и имеет большое значение его вывод о том, что славяне изначально – наименее патриархальный (родовой), наиболее семейный и наиболее общинный народ⁴².

В современной отечественной исторической науке эти общинные подходы К.С. Аксакова и других славянофилов восприняты и плодотворно развиваются (А.Г. Кузьмин, И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко и др.). Современные историки подтверждают, что в основе социальной организации славянских племен лежала территориальная община, отличавшаяся, во-первых, отсутствием иерархии от кровнородственной общины германцев, и, во-вторых – отсутствием мелкорестьянской частной

³⁹ Аксаков 2009: 309.

⁴⁰ Славянофильство 1992: 14–15.

⁴¹ Аксаков 2009: 365.

⁴² Там же: 407.

собственности на землю от общины-марки. Государственность домонгольской Руси представляла собой земли (княжества, волости) как союзы соподчиненных общин во главе со старшей вечевой общиной (стольным городом). Княжеская власть функционировала во взаимодействии с общинно-вечевым самоуправлением земли.

Славянофилы правильно подметили и связали с территориально-соседским характером общины и земледелием как основным занятием такие черты славянского характера, как склонность (если не сказать – страсть) к общению, отсутствие аристократического презрения к другим народам и чувства этнического превосходства. В отличие от голландца или англичанина в колониях, русский в Сибири часто говорит по-якутски или по-бурятски, казак берет жену в чеченском ауле, крестьянин женится на татарке или мордовке.⁴³ В своем послании «К сербам» А.С. Хомяков обращается к братьям-славянам к таким советом: «Во всех других землях ввелось такое злое начало, что иной считается благородным, иной низким по крови: «такой-то мне не равен», или «такой-то не может быть в нашем круге, потому что он низкого происхождения», или «такой-то не смеет свататься за мою дочь, потому что он неблагородного дома» и так далее. Из великой неправды возникает великое общественное зло: гордость мнимо высших, злоба и зависть мнимо низших и, следовательно, раздоры и слабость общественная. Пусть это зло останется при тех, у которых оно уже существует и проистекло из истории. Не прививайте себе болезни, от которой вас Бог избавил! Не забывайте примера Польши, вам единокровной! Там немногие тысячи считали себя народом, а народ считали стадом, едва достойным имени человеческого; и вот, несмотря на все свои ратные подвиги, на все свое мужество, на свою славу, государство Польское пало. Не забывайте такого урока!»⁴⁴

В историософии славянофилов общинность убедительно обоснована как одно из «начал» российской цивилизации, которое, с одной стороны, выражает нашу цивилизационную специфику, а, с другой – ее обуславливает. Общинность как ценностная константа российской цивилизации противопоставлялась славянофилами западному индивидуализму, «эгоизму собственности», не без оснований рассматривалась как возможная гарантия от «язвы пролетариата». Все основные содержательные аспекты общинности в работах мыслителей славянофильского направления были отмечены и соответствующим образом интерпретированы: общинно-уравнительное землевладение с ментальным неприятием частно-индивидуальной собственности на землю, трудовое право на землю, отсутствие иерархии, равенство домохозяев, взаимопомощь, мирское самоуправление, внутренняя правда и обычное право. В работах славянофилов предложен плодотворный исторический подход к общине на разных этапах отечественной истории, тонко подмечены отличия русской (славянской) общины от западноевропейских аналогов. С тех пор

⁴³ Славянофильство 1992: 17.

⁴⁴ Хомяков 2010: 254.

общинность остается, пожалуй, «неубиенной козырной картой» в системе аргументации всех отечественных, и не только, интеллектуалов, разделяющих представление о цивилизационной самобытности России. Трудно отделаться от ощущения, что пророчества А.С. Хомякова об историческом предназначении России поднять общинность как ценностную константу и принцип жизнеустройства до общечеловеческих высот, о том, что община промышленная будет продолжением и развитием общины земледельческой⁴⁵, в известной степени исполнились в XX столетии. История советского общества наиболее ярко и выпукло проявила общинность как «начало» российской цивилизации. Советский строй на практике, хоть зачастую и в далеких от идеала формах, тем не менее реализовал в национальном масштабе и в условиях догоняющей модернизации характерное для традиционной крестьянской общины обостренное стремление к социальной справедливости, коллективизму, правде и равенству, и это кардинальный факт колоссального исторического значения. Советский коммунистический проект представлял собой попытку ответа российской цивилизации на вызов современности – ответа на основе сохранения и воспроизводства самобытной идентичности. Вряд ли случайно, что эстафету советского проекта подхватили страны и цивилизации, для которых общинность тоже не пустой звук.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксаков К.С. Государство и народ. / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009 [Aksakov K.S. Gosudarstvo i narod. (The State and the people) / Отв. ред. О.А. Platonov. М.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2009].
- Аксаков К.С. О том же // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. III. Политическая мысль в России: X – первая половина XIX в. М.: Мысль, 1997. С. 787–791. [Aksakov K.S. O tom zhe. (About the same thing) // Antologiya mirovoi politicheskoi mysli. V 5 t. T. III. Politicheskaya mysl' v Rossii: X – pervaya polovina XIX v. М.: Mysl', 1997. P. 787–791].
- Аникин А.Б. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990 [Anikin A.B. Put' iskanii: sotsial'no-ekonomicheskie idei v Rossii do marksizma. (The Path of Search: Socio-economic ideas in Russia before Marxism). М.: Politizdat, 1990].
- Беляев И.Д. Обзор исторического развития сельской общины в России. Соч. Б. Чичерина: Разбор И.Д. Беляева. М.: тип. А. Семена, 1856. [Belyaev I.D. Obzor istoricheskogo razvitiya sel'skoi obshchiny v Rossii. (Overview of the historical development of rural communities in Russia) Soch. B. Chicherina: Razbor I.D. Belyaeva. М.: tip. A. Semena, 1856].
- Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том девятый. Былое и думы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956 [Gertsen A.I. Sbranie sochinenii v tridsati tomakh. Tom devyatyi. Byloe i dumy. (Collected works in thirty volumes. Volume nine. The past and thoughts.) – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956].
- Горелов А.А. А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Знание, понимание, умение. 2017. №2. С. 78–97. [Gorelov A.A. A.S. Khomyakov: uchenie o sobornosti i russkaya obshchina (the doctrine of conciliarity and the Russian community) // Znanie, ponimanie, umenie. 2017. №2. P. 78–97].
- Воронин И.А. Глава 11. Исторические концепции славянофилов // Историография истории России до 1917 г. В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2003. Т.1 [Voronin I.A. Glava 11. Istoricheskie kontseptsii slavyanofilov (Historical concepts of the Slavophiles) // Istoriografiya istorii Rossii do 1917 g. V 2 t. / Pod red. M.Yu. Lachaevoi. М.: Gumanit. izd. Tsentri VLADOS, 2003. T.1].

⁴⁵ Там же: 133.

- Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994 [Danilova L.V. Sel'skaya obshchina v srednevekovoi Rusi. (A rural community in medieval Russia) M.: Nauka, 1994].
- Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) Материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, 1996 [Danilov V.P., Danilova L.V. Krest'yanskaya mental'nost' i obshchina // Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX–XX vv.) (Peasant mentality and community // Mentality and agrarian development of Russia (XIX – XX centuries) Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1996].
- Кузьмин А.Г. Истоки русского национального характера // Русский народ: историческая судьба в XX веке – М.: TOO «АНКО», 1993. С. 22–38. [Kuz'min A.G. Istoki russkogo natsional'nogo kharaktera (The origins of the Russian national character) // (Russkii narod: istoricheskaya sud'ba v KhKh veke – M.: TOO «ANKO», 1993. P. 22–38)].
- Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 19. М.: Гос. издательство политической литературы, 1961 [Marks K. Pis'mo v redaktsiyu «Otechestvennykh zapisok» (Letter to the editorial office of "Domestic notes") // Marks K. i Engel's F. Soch. Tom 19. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961].
- Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века // Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М.: Наука, 1973 [Skazkin S.D. Ocherki po istorii zapadnoevropeiskogo krest'yanstva v srednie veka (Essays on the history of the Western European peasantry in the Middle Ages) // Skazkin S.D. Izbrannye trudy po istorii. M.: Nauka, 1973].
- Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект-Пресс, 2019 [Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya (Modern Political Science: Methodology) / Отв. red. O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. M.: Izdatel'stvo «Aspekt-Press», 2019].
- Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Вып. 1. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР, 1991 [Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaya i liberal'naya utopiya v rabotakh Andzheya Valitskogo. (Slavophilism and Westernism: Conservative and Liberal Utopia in the works of Andrzej Walicki) Вып. 1. Referativnyi sbornik. M.: INION AN SSSR, 1991].
- Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Вып. 2. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР, 1992 [Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaya i liberal'naya utopiya v rabotakh Andzheya Valitskogo. (Slavophilism and Westernism: Conservative and Liberal Utopia in the works of Andrzej Walicki) Вып. 2. Referativnyi sbornik. M.: INION AN SSSR, 1992].
- Хомьяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 [Khomyakov A.S., Kireevskii I.V. Izbrannye sochineniya (Selected writings). M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010].
- Чичерин Б.Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. №1. [Chicherin B.N. Obzor istoricheskogo razvitiya sel'skoi obshchiny v Rossii (Overview of the historical development of rural communities in Russia) // Russkii vestnik. 1856. №1.].
- Шаширо А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Изд.-во «Культура», 1993 [Shapiro A.L. Russkaya istoriografiya s drevneishikh vremen do 1917 g. (Russian historiography from ancient times to 1917). M.: Izdatel'stvo «Kul'tura», 1993].
- Яхшиян Олег Юрьевич**, к.и.н., доцент, Государственный университет управления, кафедра государственного управления и политических технологий, yakhshiyam@mail.ru
- Бронников Иван Алексеевич**, к. полит. н., доцент, кафедра российской политики, МГУ им. М.В. Ломоносова, ivbronn@gmail.com

Community as a Value Constant of Russian Civilization in the Historiosophy of the Slavophiles

One of the initial methodological guidelines of the historiosophy of the Slavophiles was the desire to identify the so-called "beginnings" - the original substantial features of a particular people unfolding in the process of its historical development and determining this development to a decisive extent. Slavophiles considered communality to be one of such "principles" in the historical fate of the Russian people. They were the first to raise the question of Russian

identity, and it was in this context that they opened the Russian community (mir) to science and public thought. The article examines the Slavophile interpretation of the relationship between the community as an institution and community as a value constant of Russian civilization, examines the main aspects and manifestations of community in the works of the main ideologists of Slavophilism (A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky and K.S. Aksakov). The Slavophiles, within the framework of their paradigm, identified and comprehended such meaningful characteristics of the community (and all these characteristics are valuable) as communal equalization of land ownership with mental rejection of private-individual ownership of land, labor law on land, lack of hierarchy, equality of householders, mutual assistance, secular self-government, internal truth and customary law. Communalism as a value constant of Russian civilization was opposed by Slavophiles to Western individualism, "egoism of property", and was considered, not without reason, as a possible guarantee against the "ulcer of the proletariat". In the works of Slavophiles, a fruitful historical approach to the community at different stages of national history is proposed, the differences between the Russian (Slavic) community and its Western European counterparts are subtly noted and interpreted.

Keywords *communalism, Slavophiles, community-world, communal land ownership, labor law on land, Land and the State, internal truth, customary law, self-government, A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov*

Oleg Yurievich Yakhshiyani, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, State University of Management, Department of Public Administration and Political Technologies, yakhshiyani@mail.ru*

Bronnikov Ivan Alekseevich, *Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Department of Russian Politics, ivbronn@gmail.com*

Б.А. ПРОКУДИН

МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В статье предпринята попытка определить основные методы историко-политологического анализа произведений русской художественной литературы, которую нельзя изучать и классифицировать по аналогии с социально-политической публицистикой. Выявление, реконструкция общественного идеала в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы XIX в., а также изучение их воздействия на читателей и социально-политическую жизнь России требует, по меньшей мере, применения шести специальных методов, разработанных в рамках историко-политологического подхода: формального метода, исторического метода, биографического метода, метода реконструкции социально-политических взглядов писателя, метода рецептивного анализа, а также ретроспективного метода.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, политическая текстология, общественный идеал.

Актуальность комплексного изучения общественных идеалов в русской художественной литературе XIX в. (прежде всего, эпохи Великих реформ) в рамках гуманитарного знания обусловлена, прежде всего, масштабностью ее влияния на историческое развитие страны во второй половине XIX в. В тот период литература (а затем и сопутствующая ей критика) стала одним из основных способов политического участия граждан в жизни общества. Выявление особенностей социально-политической мысли в литературе, поиск и реконструкция общественного идеала в художественной литературе – задача политико-текстологического и историко-политологического анализа¹.

Общественный идеал в художественной литературе – это представление о наиболее совершенном общественном строе. Идеал общественного устройства интегрально включает в себя экономический, политический, социальный, этический и др. идеалы. Употребление понятия интегрального идеала связано с тем, что в художественных произведениях, как правило, общественный идеал не представлен в своей полноте и нуждается в реконструкции.

Главная особенность выявления и историко-политологического анализа общественного идеала в художественной литературе заключаются в том, что его нельзя изучать и классифицировать по аналогии с общественным идеалом, выраженным в социально-политических трактатах или публицистике. Художественные произведения невозможно распределить по трем группам: с либеральным общественным идеалом, консервативным или радикальным – в соответствии с главными политическими

¹ Теоретической основой данного исследования является историко-политологический подход к изучению текстов, разработанный на кафедре истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством профессора А.А. Ширинянца. См.: Андерсон К.М. 2014: 110-136.

направлениями времени и пристрастиями того или иного автора, так как в одном произведении могут быть выражены не только разные, но и антагонистически противостоящие, противоборствующие идеалы. Кроме того, художественное произведение в идейном плане чаще всего не является собой прямое выражение политических пристрастий автора. Итак, историко-политический анализ общественного идеала в «политических» романах XIX в. требует применения комплексного метода, включающего приемы формального, исторического, биографического, ретроспективного, рецептивного методов, а также метода реконструкции социально-политических взглядов писателя.

Формальный метод предполагает анализ текста и формальное выявление общественных идеалов с точки зрения исследователя. Если в романе сосуществуют нескольких общественных идеалов, формальный метод анализа текста позволяет выявить их черты и составить «картину идей» с точки зрения современного ученого-исследователя. Это необходимо для того, чтобы избежать ошибки, которую совершают порой ученые, пытаясь дать романам однозначное идеологическое определение. Тогда как задача романа, в отличие от программной статьи или политического манифеста, может состоять не столько в том, чтобы утверждать правоту одного общественного идеала, сколько – исследовать художественными средствами взаимодействие существующих на тот момент идеалов, часто предоставляя читателю сделать окончательное заключение о них. Формальный метод дает нам возможность лучше понять идейный замысел автора и его социально-политическое содержание.

Пример – роман И.С. Тургенева «Дым» (1867). Тургенев был, пожалуй, наиболее последовательным либералом среди всех крупных русских писателей. В «Дыме» он впервые позволил себе достаточно резкие политические высказывания, причем сделал то, чего в предыдущих романах пытался не делать, – одному из персонажей вложил в уста мнение о текущих событиях и исторической роли России, близкое к тому, какое имел сам. Однако считать, что роман выражает общественный идеал либерализма было бы серьезным упрощением его социально-политического содержания. В романе «Дым» Тургенев прибегнул к несвойственному ему жанру сатиры, деятели русской революционной эмиграции и реакционеры-крепостники изображены здесь в тонах памфлета. В советское время, выявляя идейное содержание романа, литературоведы спорили, кого же больше всех высмеивает либерал-Тургенев. В 1920–1930 гг. преобладало мнение, что «лондонскую эмиграцию», Герцена и Огарева². В 1940–1950 гг. – что «основной удар» направлен против группы менее известной «гейдельбергской эмиграции»³. По мнению исследователей 1960–1970-х, «главным» объектом сатиры в «Дыме» были отнюдь не революционеры, а «дворянское общество, вплоть до высших сфер»⁴.

² См.: Векслер 1935: 70.

³ См.: Бялый 1947: 88–102.

⁴ См.: Винникова 1971: 207.

Но если мы предположим, что Тургенев в романе дал высказаться своим идейным оппонентам и в то же время предъявил им свое представление об общественном идеале, то, вооруженные знаниями истории социально-политической мысли, мы сможем рассмотреть за «сатирами» довольно сложную систему общественных взглядов 1865–1867 гг. суть которой, по Тургеневу, состояла в «опасном» слиянии славянофилов, почвенников и представителей «революционной эмиграции» в некую антизападническую коалицию «самобытников», которая защищает экономически отсталую сельскую общину, отвергает достижения западной цивилизации и единым фронтом противостоит либеральным реформам в России. И обобщенной программе «самобытников» Тургенев в романе противопоставил столь же обобщенную программу западничества. Причем, персонажа Потугина, высказывающего эту программу, он в письмах называет «ограниченным» западником, подчеркивая, с одной стороны, утопичность идей его «радикального» западничества, с другой, – указывая на дистанцию между собой и этим персонажем. Одним словом, «Дым» в идейном плане представляет собой нечто большее, чем выражение общественного идеала либерализма конца 1860-х гг. И уж точно, больше, чем прямое выражение политических пристрастий автора.

Исторический метод подразумевает рассмотрение общественно-политической позиции писателя и восприятие его произведений в контексте исторических событий, состояния общественного устройства страны, популярности тех или иных социально-политических идей и учений. Общественный идеал в художественной литературе невозможно изучать без знания исторического контекста эпохи. На протяжении практической всей второй половины XIX в. в России существовала довольно строгая цензура, не позволявшая говорить о многих важных вопросах развития России напрямую. И писатели, стремящиеся писать о современности, активно прибегали к иносказанию.

Приведем в качестве примера роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863). В 1886 г. профессор И.Ф. Цион в антинигилистической статье, написанной для «Русского вестника», обратил внимание на особенность творчества Чернышевского. Если француз или немец спросит вас, кто такой Чернышевский, писал Цион, «вы ему ответите и скажете, что Чернышевский написал плохой, по мнению самих же нигилистов... роман *“Что делать?”*», сделавшийся, однако, евангелием нигилистов».

Действительно, это произведение воспринималось почти всеми как революционное, хотя в романе, написанном в тюрьме, нет ни одного упоминания таких слов как «революция», «революционер», «революционная организация», даже – «социализм». Цион размышляет о непостижимом для иностранцев «парадоксе Чернышевского», который на пяти сотнях страниц своего «плохого» романа описывает очередную историю любовного треугольника с какими-то фиктивными браками, инсценированным самоубийством, плюс к этому, довольно долго и скучно рассказывает об

экономических выгодах совершенно безобидных кооперативных мастерских, однако на «каждой странице» своих статей 1880-х гг., издаваемых за границей, революционеры-народники П.Л. Лавров, Л.А. Тихомиров и С.М. Степняк-Кравчинский «называют нигилистов и террористов учениками Чернышевского» и «исполнителями его наставлений»⁵.

Действительно, без знания исторического контекста совершенно нет возможности понять, каким образом роман, прошедший двойную цензуру и легально опубликованный в литературном журнале, оказался «вдохновляющим» для террористов-бомбометателей⁶. И не одного поколения. В 1904 г. В.И. Ленин скажет, что Чернышевский «увлек (в революционную деятельность. – *Б.П.*) моего брата, он увлек и меня» и «под его влиянием [“Что делать?”] сотни людей делались революционерами»⁷.

Кроме того, в ситуации с Чернышевским, который под строгим цензурным надзором не мог писать свободно, кажется, недостаточно просто знать исторический контекст, чтобы распознать социально-политическое содержание его романа. Требуется нечто большее, нужно правильно понимать тот «эзопов язык», которым владел автор, быть дешифровщиком. «О многих взглядах его нужно было догадываться, – замечал Ленин, – но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках»⁸.

Ленин, русские революционеры и многие советские литературоведы пытались «расшифровать» статьи Чернышевского и его роман как послание, четкое наставление. Но если мы посмотрим на роман «Что делать?» не только как на послание современникам, а как на размышление о возможных сценариях жизни своих героев, представителей молодого поколения русского пореформенного общества, мы можем увидеть, что Чернышевский рассматривает два варианта, две стратегии социального поведения. Первая – мирное встраивание «новых людей» в наличную социально-политическую действительность, создание ими производственных ассоциаций на началах коллективизма, влияние своим примером и образом мыслей на общественное мнение в стране, в результате которого и возникнут предпосылки для «медленного прогресса». Чернышевский намекнул в своем романе и на возможность другого сценария. Если правительство откажется от либерального курса, свернет реформы, продолжит подавлять любое инакомыслие, в том числе будет преследовать вполне легальные попытки молодых людей выстраивать новые хозяйственные отношения, ответом будет революция.

Нужно сказать, что представители разных поколений поняли Чернышевского по-разному. Сразу после выхода романа в 1863 г., когда исход Великих реформ еще не был до конца ясен, идея создания мирных

⁵ См.: Цион 1886: 776.

⁶ См.: Шириняц 2012: 38–49.

⁷ См.: Валентинов 1976: 647–648.

⁸ Там же: 649.

производственных организаций нашла самый горячий отклик в среде молодежи. Однако после того, как Каракозов в 1866 г. осуществил первое покушение на Александра II и правительство ответило на это самыми суровыми мерами, когда процесс радикализации народнических организаций было уже не остановить, читатели романа видели в нем только вдохновляющий пример революционера Рахметова и призыв к восстанию, высказанный эзоповым языком⁹.

Таким образом, исторический метод часто оказывается необходим не только для того, чтобы распознать социально-политические смыслы, заложенные автором в художественное произведение, но и правильно понять, какие смыслы угадывали в нем разные поколения читателей.

Биографический метод предполагает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте обстоятельств жизни писателя. Общественный идеал в художественном произведении сложно реконструировать, не представляя себе особенностей жизненного пути писателя. Ярким примером, демонстрирующим, что без знания биографии автора и его менявшихся взглядов мы можем превратно понять социально-политическое содержание произведения, является роман Н.С. Лескова «Некуда». Этот роман был напечатан в 1864 г. и содержал карикатурные образы нигилистов, имеющих узнаваемые прототипы. Дело в том, что Лесков в начале своей литературной деятельности попал под влияние «крайних социалистов», некоторое время находился с ними в близких отношениях, но потом рассорился. И все его прежние друзья оказались выведены в романе «Некуда» самым нелюбимым образом. Помимо прочих в романе присутствовал персонаж Белоярцев (его прототип – В.А. Слепцов), который основал жилищную коммуну, подражая героям романа «Что делать?». Роман Чернышевского был напечатан годом раньше. Однако основным мотивом Белоярцева для создания коммуны, по Лескову, была не потребность трудиться и помогать людям, а властолюбие и желание удовлетворить свою «половую чувствительность». Коммуна Белоярцева распалась после полугода беспорядочной жизни и постоянных склок маленького кружка якобы прогрессивных единомышленников, которые на деле оказались не только не способными трудиться, но даже поддерживать небольшое совместное хозяйство. Черную работу за «социалистов» выполняла прислуга.

Разумеется, публика увидела в романе «Некуда» пасквиль на «прогрессистов», а поступок автора, окарикатурившего вчерашних друзей, казался таким неэтичным, что еще долгие годы «Некуда» воспринимался как донос. В советском литературоведении роман «Некуда», дискредитирующий идеи Чернышевского, был записан в «реакционные». Поразительно, но обратившись к публицистике Лескова, мы обнаружим, что он выступал в поддержку Чернышевского и искренне считал, что сам развивает главную идею романа «Что делать?». В частности, в 1863 г.

⁹ Drozd 2001: X.

Лесков написал хвалебную рецензию на «Что делать?». С его точки зрения после выхода романа Тургенева «Отцы и дети» в России появилось много молодых людей, которые хотели быть такими, как Базаров. Но одни копировали лучшее, что в нем было, стремились самообразовываться и приносить помощь людям. Их Лесков уважительно называет «настоящими» нигилистами. А другие, которых, к несчастью, оказалось значительно больше, «уродцы российской цивилизации», были способны только воспроизводить грубость и нетерпимость, называя это «нигилизмом». По Лескову эта «ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек» искажила «здоровый тип Базарова и опрофанировала идеи нигилизма»¹⁰. Заслуга Чернышевского, по мнению Лескова, состоит в том, что он показал, какими на самом деле должны быть «настоящие» нигилисты: они «трудятся до пота», испытывают «уважение к взаимным естественным правам» и стремятся «дать благосостояние возможно большему числу людей»¹¹.

Интересно, что в своей рецензии Лесков назвал Чернышевского «нигилистом-постепеновцем», «постепеновцем» он считал и себя. Лесков был убежден, что вместо «пошлого отрицания всего» – любых авторитетов, религии, семьи и всего общественного уклада, – необходимы постепенные мирные преобразования. И Чернышевский призывает в своем романе отнюдь не к разрушению всего, он призывает «заводить мастерские». Отличие романов «Что делать?» и «Некуда», по мнению Лескова, состояло в том, что Чернышевский утверждал мысль о необходимости честного труда, исключительно показывая положительный пример идеальных «новых людей», сам же он работал в этом же направлении «от противного», разоблачая «шальных шавок» нигилизма. Лесков был убежден, что, критикуя «большое» в русском обществе и утверждая «здоровое», роман служил общественному прогрессу. Таким образом, анализ общественно-политических идей романа «Некуда» в контексте обстоятельств жизни Лескова помогает лучше понять общественный идеал «постепеновства», высказанный на страницах романа.

Метод реконструкции социально-политических взглядов писателя предполагает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте социально-политической публицистики автора, писем и воспоминаний, показывающих эволюцию его убеждений. Метод реконструкции взглядов писателя, меняющихся под влиянием различных социально-политических учений и идей, тесно связан с биографическим методом исследования общественного идеала, выраженного в произведениях художественной литературы. Очевидно, что на протяжении всей их жизни на авторов «политических» романов оказывает воздействие существующее «поле идей». Лучший пример – романы Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1875–1877) и «Воскресение» (1899). Случай Толстого уникален. Общественный идеал, выраженный в

¹⁰ См.: Лесков 1984: 52, 53.

¹¹ Там же: 55.

его романах, претерпел кардинальные изменения. Герои его ранних произведений, в которых исследователи видят alter ego писателя, были убеждены в особом предназначении дворянства, призванного сыграть ключевую роль в истории России, а в поздних – они полностью отрицают традиционный уклад жизни дворянства. Сам Толстой, по словам С.А. Венгерова, превращается в писателя-дворянина, «разрушившего социологическое оправдание своего класса»¹².

Рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870 гг., взгляды на сельское хозяйство и развитие России нашли отражение на страницах романа «Анна Каренина», а свой идеал дворянина Толстой воплотил в образе Константина Левина. Рассуждения Толстого о тех же вопросах в 1890 гг. нашли отражение в романе «Воскресение», а идеал дворянина – в образе Дмитрия Нехлюдова.

Мировоззренческие изменения Толстого кажутся кардинальными, писатель с довольно консервативными взглядами вдруг к пятидесяти годам становится анархистом. Однако перечитывая его ранние произведения, мы постоянно наталкиваемся на зачатки тех самых идей, которые Толстой будет проповедовать последние тридцать лет своей жизни. Еще в 1862 г., когда Толстой занялся устройством школ в своем имении и начал издавать педагогический журнал «Ясная поляна», на страницах этого журнала он писал о «бесчестности» богатства, необходимости материального равенства и т.д. Тогда Толстой был в шаге от того, чтобы начать свой «проект опрощения», но победил «семейный проект», частью которого было накопление богатства. И в этот период, когда в семье один за другим рождались дети, Толстой пытался стать «добрым баринном», хорошим помещиком. От мучивших его совесть вопросов он «отгородился» концепцией «ответственности к земле». Ее в завершенном виде высказывает герой романа «Анна Каренина» Константин Левин. По мнению Левина, несмотря на очевидную сословную несправедливость, ему самому необходимо оставаться «хорошим помещиком» и, к сожалению, эксплуататором, ради стабильности российского общества и блага крестьян.

Взгляды Левина – это лишь промежуточный итог художественного осмысления Толстым общественного идеала, от которого он откажется уже через несколько лет после выхода в свет романа «Анна Каренина», когда у него случилось «религиозное перерождение», после которого Толстой не мог уже идти на компромиссы с совестью. Герой романа «Воскресение» Нехлюдов понимает, что жить за счет крестьян, чтобы их защищать – лицемерие, его долг – отдать крестьянам всю землю. Он убежден что наличие земли в собственности помещика «ужасно и никак не может и не должно быть»¹³, потому что именно собственность на землю является причиной рабства и неравенства в обществе.

В романах «Анна Каренина» и «Воскресение» обнаруживаются черты двух совершенно разных общественных идеалов: «охранительного» и

¹² См.: Венгеров 1919: 96.

¹³ Толстой 1936: 218.

«анархистского». Первый в идейном отношении можно назвать консервативным, опирающимся на традицию и опыт предыдущих поколений. В романе «Воскресение» на смену идеи «обязанности помещика к земле» приходит евангельская идея об «обязанности» отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитом русского крестьянства». Роман «Воскресение» был задуман, помимо всего, чтобы донести эти идеи до широкого круга читателей. Поэтому изучение эволюции взглядов и убеждений Толстого дает нам возможность лучше понять социально-политическое содержание его произведений.

Метод рецептивного анализа подразумевает, в частности, работу с самыми разными документами и текстами, отражающими восприятие произведения и его социально-политических идей в обществе. Прежде всего, надо подчеркнуть, что общественный идеал в произведениях художественной литературы второй половины XIX в. невозможно изучать отдельно от возникавшей вокруг них журнальной полемики. В 1850–1860 гг. литературная критика имела в России такой высокий авторитет, что художественные произведения очень многими читателями воспринимались сквозь призму критических отзывов на них. В ситуации острой идейной борьбы по вопросам развития страны представителям разных идеологических направлений иногда приходилось выступать в «бои за произведение», навязывая читателям «правильный» способ их прочтения. И, по сути, – «правильную» интерпретацию общественного идеала.

В конце 1850-х, в период гласности, мы наблюдаем удивительный факт. Представители двух противоборствующих общественных направлений: радикальные разночинцы («революционные демократы») и славянофилы (шире – консерваторы) одинаково восторженно приветствовали публикацию «Семейной хроники» С.Т. Аксакова (1856), причем восприятие и интерпретация этого литературного произведения была совершенно противоположной. Первые увидели в тексте доказательства для обличения отживших крепостнических порядков, другие – выразительное описание старинного традиционного уклада, основу вековых хозяйственных отношений в России. В таких интерпретациях «Семейная хроника» вдруг получила серьезное политическое содержание. А дискуссия о книге – общественное значение. По сути, шла борьба за «правильное» восприятие произведения его читателями¹⁴.

Толчком к политизации «Семейной хроники» стала статья Н.А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы» в журнале «Современник» (1858). Она была одной из первых попыток открыто осмыслить явление крепостничества, осудить его, когда вопрос освобождения крестьян был еще далек от своего разрешения. Книга Аксакова о XVIII в. оказалась для Добролюбова актуальным произведением, на материалах которого можно со всех сторон показать уродливые проявления крепостничества. Нетерпение Добролюбова из-за чересчур медленного хода преобразований отразилось в заостренных до несправедливости выводах

¹⁴ Подробней см.: Прокудин, Прокудина 2019: 213–230.

статьи¹⁵. «Семейная хроника» для читателей «Современника» стала произведением, обличающим старые порядки, хотя сам Аксаков едва ли мог назваться писателем-обличителем.

Такое прочтение «Семейной хроники» никак не могло понравиться славянофилам и представителям консервативного направления. Восстановить «истинный» смысл произведений Аксакова взялся С.П. Шевырев в статье «Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова», опубликованной в журнале «Русская беседа» в 1858 г. В этой статье Шевырев настаивал на том, что Добролюбов «совершенно не понял духа произведений писателя». Аксакову, по мнению Шевырева, в беспокойное время удалось создать «спокойно-эпическое представление старой Русской жизни» без произнесения суда над ней, удалось в образах старины напомнить читателям о вечных человеческих ценностях¹⁶.

Ответ Шевырева Добролюбову показывает, насколько консервативному мыслителю казалась опасной тотальная критика прошлого, ведь полная дискредитация патриархальных устоев, в свою очередь, неминуемо привела бы к разрушительным последствиям. Таким образом, полемика «Современника» и «Русской беседы» о сочинениях Аксакова имела для представителей радикального и консервативного направлений принципиальное политическое значение. Именно поэтому анализ текстов, отражающих восприятие произведения и его общественно-политических идей критикой и читателями, оказывается необходим для понимания того влияния, который роман оказывал на общественное развитие.

Ретроспективный метод представляет анализ воздействия литературного произведения на взгляды читателей и его вклада в развитие общественно-политических идей в широком историческом плане, на разных этапах жизни страны. Одно из отличий «политических» романов от произведений социально-политической мысли и публицистики заключается в том, что для разных поколений читателей те или иные идеи (часто – независимо от желания автора) могут становиться более актуальными и востребованными, или, наоборот, перестать волновать их вообще. Это связано с самой сутью художественной литературы, которая, в отличие от публицистики, дабы не превратиться в памфлет, не пытается давать конкретных ответов на общественные вопросы. Причем художественная литература исследует социально-политическую реальность с разных сторон, по сути, предлагая читателю самому сформировать свое мнение об этой реальности. Именно это делает бытование романов в читательской среде непредсказуемым. В связи с конкретными историческими событиями может меняться не только читательское мнение о героях и «смысле» произведения, но одни идеи могут вдруг выходить на первый план, приобретая неожиданную актуальность, другие – уходить в тень.

¹⁵ Lorenz 2013: 67–88.

¹⁶ См.: Шевырев 1858: 69.

Соответственно – черты разных общественных идеалов, взятых из романов, могут восприниматься читателями в качестве желаемых и воздействовать на формирование общественной повестки дня.

Кроме исторического контекста, на восприятие литературного произведения может влиять и изменение социального состава его читателей. Произведения «дворянской» литературы, написанные как будто дворянами для дворян, могли быть совершенно иначе прочитаны, например, представителями разночинной интеллигенции. Лучший пример – «Кто виноват?» А.И. Герцена, появившийся сначала в журнале «Отечественные записки» (1845–1846), а потом напечатанный отдельным изданием (1847). Роман произвел сильное впечатление на российскую публику, журнальные критики и простые читатели на протяжении второй половины XIX в. искали ответ на вопрос, заявленный в названии романа.

Первоначально роман Герцена имел конкретного адресата – людей «своего круга», образованных дворян, так называемых «представителей передовых убеждений» 1840 гг. Можно утверждать, что важнейшей для них была социально-политическая линия романа и связанная с ней тема «лишнего человека». С таким человеком они могли себя ассоциировать. И главным был вопрос, почему Бельтов, главный герой, казалось бы, человек образованный, искренне желающий приносить пользу, оказался несовместим с уездным городом NN? Почему он не пригоден ни к какому делу? По сюжету Бельтов вернулся из заграницы в Россию, чтобы баллотироваться на выборах в дворянское собрание и приносить пользу людям, но проиграл и оказался на родине «лишним человеком». В момент написания романа Герцен был убежден, что в несовместимости Бельтова и мира города NN виновато, прежде всего, его воспитание и дворянская система образования, полностью оторванная от российской действительности. Человеку, воспитанному на Плутархе и героических историях о Французской революции, русское самодержавие казалось грубой деспотией, а крепостное право – унижительным рабством. И любое сотрудничество со «старым режимом» было невозможно. Герцен считал, что такая образовательная система сделала «лишними людьми» многих представителей его поколения: Н.П. Огарева, Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского, М.А. Бакунина, людей, которые не видели возможности взаимодействовать с «режимом» по этическим соображениям. И образ Бельтова, человека с «болезненной потребностью дела» и одновременно «отсутствием всякого практического смысла» должен был, по мысли Герцена, явиться отрицательным примером¹⁷.

¹⁷ Интересно, что в монографии «Об открытии возможности. Жизнь и мысль Александра Герцена», написанной ученицей Исая Берлина – А. Келли в 2016 г., борьба с романтизмом так же называется основной темой романа. В разделе о «лишнем человеке» Келли пишет: «Герцен определяет основную болезнь века как разрыв между теорией и жизнью, но отвергает мнение романтиков, что их отчуждение является признаком принадлежности к духовной элите. До определенной степени, в своих затруднениях виноваты сами романтики. Это доминирующая тема романа “Кто виноват?”». См.: Kelly 2016: 167–168.

Но прошло время, и в 1850–1860 гг. круг читателей романа пополнился разночинцами, для которых дворянская проблематика была гораздо менее актуальна. Кроме того, снятие цензурных запретов привело в конце 1850-х к оживленной дискуссии по большому кругу проблем, касавшихся путей развития России. Одним из «жгучих вопросов» того времени стал женский вопрос. И более важной для новых читателей оказалась семейная линия романа. В 1841–1845 гг. на фоне семейного кризиса были сформулированы основные положения первого русского «феминизма» («женского вопроса»). Основная идея состояла в том, что «в новом обществе» женщина должна быть на равных вовлечена в общественные дела¹⁸. Эти идеи были перенесены в роман довольно замысловатым образом, не были высказаны напрямую. Но под влиянием появившегося «женского вопроса» даже завуалированные идеи Герцена приобрели влияние на общественно-политическую жизнь¹⁹. М. Горький в начале XX в. писал об огромном значении этого романа «в истории развития русского общества», прежде всего, постановкой вопроса о положении женщины.

Выводы. Подводя итог, отметим, что методология историко-политологического анализа художественных произведений опирается на теоретические положения политической науки, интегрирует инструментальные возможности литературоведения, философии, культурологии. Выявление, реконструкция общественного идеала в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы второй половины XIX в., а также изучение их воздействия на читателей и социально-политическую жизнь России требует, применения специальных методов: формального метода, исторического метода, биографического метода, метода реконструкции социально-политических взглядов писателя, метода рецептивного анализа, а также ретроспективного метода.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон К.М. и др. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 110–136. [Anderson K.M. i dr. Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskije nauki, 2014. № 4. S. 110–136.]
- Бялый Г.А. «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестник ленинградского государственного университета, 1947. № 9. С. 88–102. [Byalyy G.A. «Dym» v ryadu romanov Turgeneva // Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1947. № 9. S. 88–102.]
- Валентинов Н. (Н.В. Вольский). Из книги «Встречи с В.И. Лениным» // В.И. Ленин о литературе и искусстве. Издание пятое. М.: «Художественная литература», 1976. С. 647–650. [Valentinov N. (N.V. Vol'skiy). Iz knigi «Vstrechi s V.I. Leninym» // V.I. Lenin o literature i iskusstve. Izdaniye pyatoye. M.: «Khudozhestvennaya literatura», 1976. S. 647–650.]
- Векслер И.И. И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2-е изд. Л.-М.: Изд-во Академии наук СССР, 1935. 96 с. [Veksler I.I. I.S. Turgenev i politicheskaya bor'ba shestidesyatykh godov. 2-ye izd. L.-M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1935. 96 s.]
- Венгеров С.А. Героический характер русской литературы // Венгеров С.А. Собрание сочинений. Т. 1. Издание второе. Пг., Издательство «Свечо», 1919. С. 5–176. [Vengerov S.A. Geroicheskiy kharakter russkoy literatury // Vengerov S.A. Sobraniye sochineniy. T. 1. Izdaniye vtoroye. Pg., Izdatel'stvo «Svetoch», 1919. S. 5–176.]

¹⁸ Герцен 1954: 347.

¹⁹ Подробней см.: Прокудин 2018: 224–238.

- Винникова Г.Э. Тургенев и Россия. М.: «Советская Россия», 1971. 336 с. [Vinnikova G.E. Turgenev i Rossiya. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1971. 336 s.]
- Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 201–417. [Gertsen A.I. Dnevnik 1842–1845 // Gertsen A.I. Sobr. soch.: V 30 t. T. 2. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. S. 201–417.]
- Лесков Н.С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 48–56. [Leskov N.S. Nikolay Gavrilovich Chernyshevskiy v yego romane «Chto delat'?» (Pis'mo k izdatel'yu «Severnoy pchely») // N.S. Leskov o literature i iskusstve. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984. S. 48–56.]
- Прокудин Б.А. Феминистская повестка первого русского политического романа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2018. № 44. С. 224–238. [Prokudin B.A. Feministskaya povestka pervogo russkogo politicheskogo romana // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, 2018. № 44. S. 224–238.]
- Прокудин Б.А., Прокудина Д.А. «Семейная хроника» С.Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2019. № 52. С. 213–230. [Prokudin B.A., Prokudina D.A. «Semeynaya khronika» S.T. Aksakova kak patriarkhal'nyu ideal krepostnogo stroya i prigovor yemu: istoriko-politologicheskii analiz // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, 2019. № 52. S. 213–230.]
- Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936. С. 3–445. [Tolstoy L.N. Voskreseniye // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t. T. 32. Voskreseniye. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1936. S. 3–445.]
- Цион И.Ф. Нигилисты и нигилизм // Русский вестник, 1886. № 6. С. 750–826. [Tsion I.F. Nigilisty i nigilizm // Russkiy vestnik, 1886. № 6. S. 750–826.]
- Шевырев С.П. Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа, 1858. Ч. I-II. Кн. 10. Критика. С. 63–92. [Shevryev S.P. Detskiye goda Bagrova vnuka, sluzhashchiye prodolzheniem Semeynoy Khroniki, S. Aksakova // Russkaya beseda, 1858. Ch. I-II. Kn. 10. Kritika. S. 63–92.]
- Ширинянц А.А. Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2012. № 1. С. 38–49. [Shirinyants A.A. Russkoye obshchestvo i politika v XIX veke: revolyutsionnyy nigilizm // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki, 2012. № 1. S. 38–49.]
- Lorenz S. Realist Convictions and Revolutionary Impatience in the Criticism of N.A. Dobrolybov // The Slavic and East European Journal, 2013. Vol. 57. № 1 (LXVIII). P. 67–88.
- Drozd A. Chernyshevskii's What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2001. 332 p.
- Kelly A. The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016. 608 p.

Прокудин Борис Александрович, доктор исторических наук, доцент, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; probor@bk.ru

Methods of Historical and Political Analysis of the Public Ideal in Russian Literature

The article describes the main methods of historical and political analysis of works of Russian literature. The public ideal in literature cannot be studied by analogy with the public ideal in journalism. The public ideal can be reconstructed in literature using six special methods. The first is the formal method, the second is the historical method, the third is the biographical method, the fourth is the method of reconstructing the socio-political views of the writer, the fifth is the method of receptive analysis, the sixth is the retrospective method.

Keywords: *Ivan Turgenev, Leo Tolstoy, Alexander Herzen, Nikolai Chernyshevsky, political textology*

Boris Prokudin, Doctor of History, Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; probor@bk.ru

ИДЕИ А. ЧАЯНОВА В ИСТОРИИ АГРАРНОЙ МЫСЛИ РОССИИ

В статье рассказывается об идеях одного из ключевых теоретиков аграрной мысли в России XX в. А.В. Чаянова. В статье показывается, как Лига аграрных реформ в России оказалась перед выбором, развивать ли трудовое крестьянское хозяйство в стране или пойти по американскому пути поддержки фермерского хозяйства. Чаянов настоял на выборе первого пути, сформулировав идею о том, что крестьянское хозяйство ищет не прибыль, но ориентируется на доход, а также мысль о том, что крестьянин самим фактом своего существования препятствует развитию капиталистического сельского хозяйства. Чаянов уже в своей первой работе «Кооперация в сельском хозяйстве Италии» предположил, что крестьянину нужно снять с себя «ярмо посредников и перекупщиков». Крестьянин может сделать это при помощи кооперации. Кооперация позволяет преодолеть изъяны разделения труда и сократить путь крестьянина к потребителю. Для этого, говорил Чаянов, крестьянству нужно по-новому организовать сельскохозяйственное производство, обобществляя в нем такие функции, которые можно обобществить.

Ключевые слова: кооперация, артель, община, крестьянское хозяйство, семейное трудовое хозяйство, философия хозяйства, моральная экономика.

Соприкасаясь с духовным наследием России XIX–XX вв., нельзя не заметить людей, которые в поисках постоянного самообновления учились испытывать мир не системой категорий, а собственной жизнью. К таким людям относился и Александр Васильевич Чаянов. Он родился в Москве 29 января 1888 г. Его отец происходил из крепостных крестьян Владимирской губернии, затем он разбогател и переехал в Москву. В 1906 г. Чаянов поступил учиться в сельскохозяйственный институт (Петровская академия). В этом году вышла работа патриарха аграрной мысли России И.А. Стебута. Чаянову особенно нравились две его мысли. «Желаете поддержать нравственность в народе – поддержите семью, – писал Стебут, – желаете сохранить в целостности здоровую семью – поддержите деревню и сельское хозяйство. Желаете поддержать деревню и сельское хозяйство – поддержите женское воспитание и женское сельскохозяйственное образование»¹. Обращаясь к образованным людям, Стебут говорил: «Бросьте этот город, да ступайте работать в деревню... внесите в нее свет и русский народ, которому Вы послужите таким образом, останется Вам благодарным, а Вы найдете в такой работе нравственное самоудовлетворение»². В Петровской академии Чаянов дружил с Н.И. Вавиловым и преподавателем академии Н.Н. Худяковым. Я буквально дрожал от охватившего меня волнения по поводу раскрывшихся передо мной философских горизонтов, – вспоминал позднее Чаянов о своих беседах с преподавателями академии. В 1910 г. он заканчивает институт, и по ходатайству Фортунатова его оставляют в институте

¹ Стебут 1957: 614.

² Стебут 1906: 69.

для подготовки к научной и преподавательской деятельности с годовой стипендией в 700 руб. В 1911 г. Чаянов уезжает за границу, где ему разрешено посетить любые города Западной Европы. Здесь он начинает писать книгу «Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства». В 1917 г. Чаянов входит в Лигу аграрных реформ и на короткое время становится заместителем министра Временного правительства. В 1918 г. он становится профессором Петровской академии. В 1937 г. Чаянов был расстрелян как враг народа.

Чаянов был не только экономистом, но еще и писателем, автором мистических повестей. Повесть Чаянова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» послужила толчком для написания М. Булгаковым романа о дьяволе «Мастер и Маргарита». Главный персонаж повести Чаянова носит фамилию Булгаков.

У Чаянова было два псевдонима – Иван Кремнев и Ботаник Х. Когда Чаянова объявили врагом народа и книги его стали изымать из библиотек и магазинов, то произведения, которые он подписывал как Иван Кремнев, изъяли, а те, что подписывал, как Ботаник Х, оставили, ибо следователи не знали, что это тоже псевдоним Чаянова. Повесть Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», в которой он предсказал, что в Москве будет взорван Храм Христа Спасителя, изъяли, а пять повестей, подписанных Ботаником Х, остались лежать в букинистических магазинах и после расстрела Чаянова. Повесть «Путешествие...» вышла в 1920 г., храм взорвали в 1931 г.

Многие из нас, говорил Чаянов в работе «Что такое аграрный вопрос?», думают, что прежде всего нужно воплотить в жизнь социальные идеи своего мирозерцания. Некоторые предлагают запретить частную собственность в земельных отношениях. Для них освободить землю от собственника – значит решить аграрный вопрос. Не все были согласны с таким решением. Чаянов полагал, что земля принадлежит не государству, а народу, который ею пользуется, но не владеет. Он не собственник, потому что не может быть собственности на воздух и свет. А вот организация пользования землей может быть общинной, подворной, крупным товариществом. Землей пользуются безвозмездно. Налога на землю быть не должно. Налог может быть только на хозяйство. При этом маломощным хозяйствам должна оказываться помощь при запашке земли и уборке урожая. Для хозяйств должны быть обеспечены ссуды, дешевый кредит. Социалисты требовали национализации земли с тем, чтобы земля принадлежала государству, а не народу. Некоторые выступали за муниципализацию земельной ренты. Чаянов говорил: любые теоретические схемы «можно освоить до конца, только переводя их из мира понятий в мир живых представлений»³. Никаких уездных и волостных способов решения аграрного вопроса не может быть. «Вишневые сады, – говорил Чаянов, – не должны быть вырубле-

³ Чаянов 1917: 49.

ны. Конные заводы и племенные стада не могут быть распроданы и уничтожены. Поля селекционных хозяйств... не должны быть засеяны засоренным овсом»⁴. Земельная реформа не должна заниматься разделом богатств между различными социальными группами.

В 1917 г. возникла Лига аграрных реформ. В нее входили представители различных политических движений, также профессора Стебут и Чайанов. В Лиге были сильны позиции государственников, для которых решить аграрный вопрос означало организовать сельское хозяйство как отрасль государственного хозяйства на одних и тех же условиях с другими отраслями промышленности. Чайанов писал: «Мы, социальные строители сегодняшнего дня, не отрицаем, конечно, великого значения этих социальных идей, но мы в то же время не можем принять их как исходный пункт при решении аграрного вопроса»⁵. Почему? Потому что, говорит Чайанов, у человека есть разум, но в мире есть еще и стихия. Причины движения стихии находятся в самой стихии, а не в разуме, поэтому требуется анализ фактического положения дел в сельском хозяйстве. Нужно хорошо понимать недостатки в организации производства и возможные пути его развития. «Понятие развития производительных сил по отношению к сельскому хозяйству может быть выражено как улучшение условий и способов приложения народного труда к земле, увеличивающее производительность этого труда»⁶.

При этом Чайанов понимает увеличение народного богатства не так, как было принято до него. Оно начисляется не на единицу капитала или земельной площади, а на живого человека. В сельском хозяйстве важна не капиталоемкость, а его трудоемкость, говорит Чайанов. В связи с этим возникает проблема распределения дохода в сельском хозяйстве. В силу социального разделения труда в создании конечного продукта крестьянина принимает участие агроном, рабочий, коммерсант, инженер, служащий, банкир, транспортировщики. Как между ними нужно распределить национальный доход? Обычно он распределяется так, что крестьянину ничего не достается. В ходе аграрной реформы, полагал Чайанов, необходимо сделать так, чтобы большая часть продукта принадлежала крестьянину, а не посредникам.

Одной из основных идей Чайанова является идея трудового кооперативного хозяйства. Трудовое кооперативное хозяйство, согласно Чайанову, должно лечь в основу аграрного строительства России, и ему должны быть переданы все земли страны. Передача эта должна совершаться на основе государственного плана земельного устройства, разработанного при учете особенностей отдельных районов России.

В начале XX в. русский крестьянин понял, что плуг лучше сохи, молотилка и веялка лучше цепи и лопаты, шестиполье с посевом клевера лучше трехполья. Государственные банки стали давать ссуды кре-

⁴ Там же: 58.

⁵ Там же: 13.

⁶ Там же: 16.

дитным товариществам крестьян. «Крестьянская Россия, – пишет Чаянов, – сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию»⁷.

Крестьянин открывает для себя новые источники дохода, выращивая на продажу лен, подсолнух, свеклу и другие технические культуры. Многие крестьяне, имея кровавые мозоли на руках, не могли прожить на своей земле. И все-таки «наша родина, – пишет Чаянов, – переживает сейчас возрождение села... пройдет еще одно-два десятилетия, и русская деревня зацветет народным благополучием»⁸. Возрождение села Чаянов связывал с идеей развития в России кооперации.

Кооперация – это сообщество людей в общем трудовом или производственном процессе. Сама идея кооперации зародилась в Европе. Ее развивали Р. Оуэн и Ш. Фурье. Оуэн полагал, что характер человека зависит от среды и воспитания. Причину бедственного положения рабочих в Англии он объяснял их чрезмерным размножением. Чтобы контролировать человека, нужно контролировать его среду и воспитание. Оуэн создал фабрику, где стал заботиться о наемных рабочих. Социальный эксперимент Оуэна привлек внимание великого князя Николая Павловича, будущего царя России Николая I. Великий князь посетил фабрику и предложил Оуэну взять с собой 2 млн избыточных англичан и переселиться вместе с ними в Россию. Оуэн не согласился.

Фурье придумал теорию фаланстеров, в которой согласуются, с одной стороны, обязанности, продиктованные обществом, а с другой – страсти человека. Как их совместить? Фурье полагал, что если взять 300 семей по отдельности, то мы получим 300 плохих сараев, если семьи объединить, то мы получим одно большое и красивое здание на всех. Каждый в нем найдет себе место. Общий доход Фурье предлагал делить так: пять частей за труд, четыре части за капитал, три за талант. Фурье – сын купца. Однажды его отец сделал попытку обмануть покупателя. Фурье было пять лет, но он это заметил и раскрыл обман. Его, конечно, высекли, но вывод Фурье о том, что человечество находится в неудовлетворительном состоянии и требуются новые социальные эксперименты, был хорошо принят в России.

Еще будучи студентом, А. Чаянов написал работу «Кооперация в сельском хозяйстве Италии». Согласно Чаянову, кооператив был хорош уже одним тем, что устранял нужду в посредниках и перекупщиках. Кооперация, на его взгляд, нужна была для того, чтобы крестьянин научился обобществлять такие функции своего семейного трудового хозяйства, которые можно было бы обобществить. «Но напрасно бы мы приписали кооперации универсальное значение, она, – писал Чаянов, – дает благоприятные условия только тем, кто еще может встать на ноги, то есть средним классам общества...»⁹. Если крестьянин экономически

⁷ Чаянов 1914: 3–4.

⁸ Там же: 15.

⁹ Чаянов 1909: 5.

уже стоит на собственных ногах, то ему может помочь и кооперация. А если он экономически не самостоятелен, то кооперация ему не поможет. «Для низших слоев общества кооперация еще не дала ключа в царство небесное», – писал Чаянов¹⁰. Для тех, кто экономически не самостоятелен, может быть предназначена коллективная аренда.

После 1905 г. «крестьянская кооперация, – пишет Чаянов, – покрыла собой нашу деревню и переродила ее»¹¹. Столыпин, говорит Чаянов, запутал земельные отношения тем, что крестьянство, реализуя его план, купило в частную собственность многие миллионы десятин земли. Русская кооперация уже имела в своем распоряжении, по словам Чаянова, один миллиард рублей. В 1912 г. Россия продала на мировых рынках зерна на 550 млн. руб. сахара – на 36 млн. руб., спирта – на 8 млн. руб., масла, сыра и прочего – на 70 млн. руб., мяса и сала – на 8,5 млн. руб., кожи и шкур – на 70 млн. руб., яиц – на 85 млн. руб., лесных материалов – на 155 млн. руб.

Возрождению русской деревни помешала Первая мировая война. С началом войны резко возросли цены, рынок охватил паралич. Если нет рынка, то возникает его паллиатив – государственный аппарат, но государственный аппарат не смог заменить рынок. В 1915 г. правительство стало раскулачивать крестьян, то есть закупать хлеб у них принудительным порядком по твердым ценам. О том, что из этого получилось, Чаянов рассказывает в своей работе «Продовольственный вопрос». Прежде всего, от правительства «бежал» хлеб. Правительство требовало от крестьянина 1 руб. 20 коп. за пуд, а перекупщики ему платили 3 руб. 20 коп., а правительству они предлагали его уже за 4–5 руб. Правительство ввело хлебную повинность, зерновую разверстку. Это было последнее распоряжение царского правительства.

После начала войны у России оставалось только одно открытое окно в Европу – Архангельск. Но в этот порт вела лишь узкоколейная дорога. Более того, зимой замерзало и это окно в Европу. Куда нужно было девать продукцию сельского хозяйства? Военные закупки товаров не могли компенсировать утраченные европейские рынки. Русской армии не нужны были ни лен, ни пенька, ни битая птица, ни лесные материалы. В итоге в стране стали падать цены на сельскохозяйственные продукты. За пуд масла крестьянин получал 6 руб., десяток яиц стоил 4 коп., на хлеб долгое время вообще не было никакой цены. Помимо этого, начались перебои с поставками продуктов по железной дороге, которая обслуживала в первую очередь потребности армии. Сельское хозяйство стало испытывать нехватку рабочих рук, особенно на юге России. На севере мужчины по обыкновению занимались промыслом, а женщины – сельским хозяйством. Спасли положение дел, считает Чаянов, различные формы кооперации трудового крестьянского хозяйства. Спасительным стало то, что Чаянов называл, моральной экономикой.

¹⁰ Там же: 7.

¹¹ Чаянов 1917: 13.

В основе идеи моральной экономики лежит философская мысль о том, что человек является двусторонним существом. С одной стороны, он не может не воображать, а с другой – он не может жить вне ассоциации людей. Чтобы воображать, человеку нужно быть одному, чтобы вступать в коммуникацию с другими, нужно отказываться от воображения. Под моральной экономикой Чайнов имеет в виду, прежде всего, психологию трудового семейного хозяйства. В этом хозяйстве доминируют народные, то есть никем не писанные, правила, вернее, представления о том, что законно и что незаконно, что справедливо и что несправедливо. Несправедливо, как говорит Чайнов в повести «Путешествие...», когда неравным предлагается равное. С экономической точки зрения, в моральной экономике самым важным является не прибыль, а средство существования для семьи, то ее валовый продукт.

Моральная экономика в России изначально была связана с артелью как одним из способов жизни людей. Артели известны в России с XIV в. Это древнее явление народной жизни. Слово артель происходит от глагола «ротиться», обещать, клясться. «Артель» и «рота» – однокоренные слова. В артели соблюдается принцип «один за всех, все за одного», круговая порука. Тюркский корень «орта» означает община. В артели, в общине людей объединяет не интерес, а общий тип жизни.

В 1912 г. Чайнов формулирует свою главную аграрную мысль в работе «Очерки по теории трудового хозяйства». Он пишет: «Задача трудового хозяйства – доставление средств существования хозяйствующей семье, и поэтому экономическая деятельность в нем направляется соизмерением степени удовлетворения потребностей с тягостью добытия средств существования, а вовсе не исканием высшего % на капитал или высшей оплаты труда»¹². Придавая этой мысли математическую форму, Чайнов введет две пересекающиеся кривые. Одну из них он назовет «тягостность приобретения рубля», другую – «полезность приобретенного рубля». Механическое веретено, говорит Чайнов, погубило ручное прядение. Костромская пряжа, работая 14 часов и сбывая свой продукт по цене фабричной пряжи, могла заработать 8 коп. В этих условиях никакая конкуренция невозможна. Ручной ткач попадает в зависимости еще от перекупщика. Фабрикант, имеющий двигатель в 100 лошадиных сил, может в 10 раз увеличить свое производство и установить двигатель в 1000 лошадиных сил. И это будет технический прогресс. Крестьянин, задумав увеличить свои посевы в 10 раз, должен завести, не одну, а 10 лошадей. Себестоимость работы уменьшится незначительно. Природа ставит предел укрупнению.

Природа крестьянского хозяйства заключена в собственном труде хозяина. Там, где доминирует собственный труд, там доминирует потребительский бюджет хозяйствующей семьи. А нетрудовое хозяйство полностью использует вложенный в него капитал. Оно желает полу-

¹² Чайнов 1912: 19.

читать максимальную прибыль на него. В трудовом хозяйстве иногда выгоднее пользоваться меньшей прибылью на капитал, если есть возможность полнее использовать рабочую силу семьи и в итоге добиться большего прироста средств существования. «С точки зрения наибольшей производительности интересы трудового хозяйства являются в гораздо большей степени совпадающими с интересами всего народного хозяйства в целом, чем интересы хозяйства капиталистического»¹³.

Чаянов приводит пример. Он говорит, что культура льна трудоемкая, а культура овса менее трудоемкая. Она требует на десятину 20 рабочих дней, а лен – 100. Овес дает чистый доход 15 руб., лен дает – 5 руб. Стоимость труда в культуре овса 20 руб., а при культуре льна – 100 руб. Прочие издержки по льну 10 руб., по овсу – 5 руб. То есть валовый доход по льну составляет 115 руб., из них 100 руб. – стоимость труда, 10 руб. – прочие расходы, 5 руб. – прибыль. Валовый доход по культуре овса – 40 руб., из них стоимость труда – 20 руб., 5 руб. – прочие издержки, 15 руб. – чистый доход. Капиталист предпочтет сеять овес, крестьянин – лен. «Таковы основания, заставляющие нас предпочесть трудовое крестьянское хозяйство капиталистическому»¹⁴.

Для трудового крестьянского хозяйства качественная (натуральная) характеристика продукта важнее его количественной (абстрактно-денежной) характеристики, которая связывает трудовое хозяйство с рынком, тогда как натуральная связывает его со средствами существования семьи. Достоинство трудового крестьянского хозяйства Чаянов видит в том, что оно позволяет удерживать возможно большую массу рабочей силы на земле, создавая новые рабочие места. Тогда же как фермерский способ ведения хозяйства выдавливает массу крестьян для работы в городе, превращая остающихся в деревне в наемных рабочих.

В работе «Опыт изучения изолированного государства» Чаянов показывает, что, если бы развитие общества начиналось с высокого процента городского населения, то оно при поддержке обществом трудового крестьянского хозяйства непременно бы упало до меньшего процента городского населения. Если предположить, что городское население с начала момента развития составляет 58%, то оно в изолированном государстве постепенно понизится, по расчетам Чаянова, до 24 %, то есть в обществе будут преобладать крестьяне¹⁵. По сути, Чаянов предсказывает, что человечеству предстоит момент, когда оно будет выбирать не между капитализмом и социализмом, а между двух путей – национально-культурным или глобалистским. Социализм для Чаянова – то же, что и капитализм – глобалистский, индустриальный проект развития человечества. На этом пути доминирует город и исчезает деревня, побеждает труд наемный, исчезает семейный. Модель

¹³ Чаянов 1917: 28.

¹⁴ Там же: 29.

¹⁵ Чаянов 1923: 132.

Чаянова предполагает иной, некапиталистический и несоциалистический путь развития человека. На нем исчезает город, а не деревня.

Для Чайнова семейное трудовое хозяйство – это не веберовский рациональный субъект. Оно ведет себя не так, как ему предписывает абстрактный теоретический разум, а так, как ему предписывает опыт и практический разум. Об этом свидетельствуют провалы экономической политики в России в начале XX в. в области сельского хозяйства. Чайнов говорит о неудачных попытках внедрить новую технику в крестьянское хозяйство, повысить в нем производительность труда, увеличить товарность производства, ибо все эти попытки неизменно наталкивались на нелогичные действия семейного трудового хозяйства. Обо всем этом Чайнов рассказывает в «Путешествии...». В крестьянском хозяйстве был избыток хлеба, но крестьяне не везли его на рынок. Если у них увеличивалась производительность труда, то они не спешили зарабатывать деньги. Крестьяне просто меньше работали. Отмечая этот факт, друг Чайнова Н. Кондратьев ввел даже понятие «инертности» как свойства русского способа хозяйствования на земле. Крестьянин подчиняется какому-то особому типу рациональности. Но крестьяне, говорит Чайнов, это не «птицы небесные». «Каждый крестьянин не отказался бы ни от хорошего ростбифа, ни от граммофона, ни даже от пакета акций “Ойл Шелл Компании”, если бы к тому представился случай. К сожалению, в массе такого случая не представляется, и каждая копейка достается крестьянской семье тяжелым напряженным трудом»¹⁶.

Стараясь выявить логику развития крестьянского хозяйства, Чайнов создает теорию трудопотребительного баланса. Согласно этой теории, максимизации подлежит не прибыль, а полезность. Поведение крестьянина определяется также выбором между отдыхом и доходом. Фермер решает, какую долю дохода потреблять, а какую продавать на рынке для приобретения промышленных товаров. Крестьянское хозяйство является двойственным. Оно производит и одновременно потребляет то, что производит. У него две логики – производителя и потребителя. С одной стороны, оно хочет добиться максимизации доходов, а с другой – оно хочет добиться простого благосостояния семьи. На кривой тяжести его труда всегда найдется такой момент, когда отдышки семьи будет полагаться выше всякой полезности потребительских благ. Кооператив, равно как и старорусский способ хозяйствования в виде артели, не может иметь каких-то собственных интересов. Общество отличается от кооперации и от артели тем, что у общества в целом всегда есть собственные интересы. Кооператив же отличается тем, что у него нет интересов, «лежащих вне интересов создавших его членов»¹⁷. Он ответственен непосредственно перед ними и только перед ними. В крестьянском хозяйстве важно соотношение «едаков к работникам».

¹⁶ Чайнов 1989: 209.

¹⁷ Там же.

В момент, когда в производство вовлекаются худшие естественные условия, производительность труда падает. Капиталист, говорит Чаянов, старается не допустить падения производительности труда и увеличивает расходы. Он стремится приобрести новую технику, при помощи которой производительность сохраняется, но заработная плата рабочего падает. Для трудового хозяйства проблема же возникает, когда обнаруживается, что в хозяйстве много едоков и мало работников. Увеличение числа работников связано в трудовом хозяйстве с количеством детей в семье, которые, подрастая, постепенно переходят в ряд работников. Затем трудовое хозяйство начинает делиться, учреждается новая семья, и у этого деления нет предела. Фермерское хозяйство превращает крестьянина в батрака, в наемного работника, не имеющего связи с землей. Пределом этого типа хозяйствования является автоматическая система машин с элементами искусственного интеллекта.

В «Очерках по экономике сельского хозяйства» Чаянов рассматривает не просто факты, он полагает, что трудовое крестьянство – это особая субъективность, особая психология, и наука должна изучать эту психологию, которая позволяет обосновать объективность своего объекта. Психология крестьянина отличается от психологии наемного работника тем, что крестьянин склонен к дисциплинированному энтузиазму. Эта его склонность одновременно объясняет и то, что, чем выше производительность труда, тем меньше работают в трудовом хозяйстве.

В статье «Значение машины в трудовом и капиталистическом хозяйстве» Чаянов анализирует применение машин крестьянами и приходит к выводу, что в мелких хозяйствах они почти не применяются, в средних – их применение достигает максимума, в крупных – они применяются меньше, но с большим коэффициентом. Подмеченная Чаяновым особенность говорит о том, что трудовое крестьянство является серьезным препятствием для распространения капитализма в земледелии. Семейное хозяйство сопротивляется глобализации экономических процессов, показывая свою внутреннюю независимость от товарно-денежных отношений. Капитализация сельского хозяйства ведет к гибели деревни, к раскрестьяниванию семейного труда. Напротив, семейное трудовое хозяйство непременно ведет к декапитализации деревни.

Согласно Чаянову, община, артель и кооперация принадлежат не социальным формациям, а земледельческой цивилизации; не цивилизации города и наемного труда, а цивилизации деревни и трудовой семьи. В России с низкой плотностью населения и обширными территориями транспортные издержки составляют, по Чаянову, до 50% в цене продукта. В «Путешествии...» Чаянов рассматривает общину и семейно-трудовое хозяйство как формы организации, противостоящие и капитализму, и социализму, и относятся скорее к крестьянскому типу цивилизации. Трудовое крестьянское хозяйство предполагает неперенное присутствие у человека чувства хозяина. На этом чувстве строится, по словам Чаянова, экономика трудового семейного хозяйства. Помимо

этого, у крестьянина должно еще быть и чувство реальности, и чувство самого себя. Чувствовать реальность для него означает ощущать ритм природы. Чувство себя означает необходимость быть в порядке перед самим собой. Не будучи простой силой природы, крестьянин участвует в жизни природы. Для него трудовое хозяйство – это образ жизни, а не бизнес. По сути дела, в повести «Путешествие...» Чайнов излагает ценностные основы аграрной экономики. В семейно-трудовом хозяйстве Чайнов видит «утверждение старых вековых начал, испокон веков бывших основой крестьянских хозяйств»¹⁸. В силу потребительского характера трудового хозяйства его экономика ограничивает использование гербицидов, пестицидов, ядохимикатов и искусственных удобрений. Крестьянин готов создавать натуральный продукт. Промышленное производство пищевых продуктов готово создавать его химические аналоги. Чайнов предлагает нам сделать выбор в пользу крестьянской цивилизации. В своей повести он хочет перенести нас в страну утопическую, то есть несуществующую. В ней герой повести Иван Кремнев говорит, что только по недоразумению идеологов люди разрушают семью, чтобы разрушить буржуазный строй, запрещают домашнее питание, чтобы укрепить в человеке социалистические начала общежития, строят дома-общежития, в которых нет места кухне, убивают у человека чувство хозяина, чтобы вместе с ним убить капитализм.

Герой повести верит, что социализм будет побежден «грядущей, неизвестной нам революцией», которая учредит новую крестьянскую республику, которая, в свою очередь, отменит все города больше 20 тысяч населения¹⁹. Трудовое крестьянское хозяйство, заключает Чайнов, «это есть естественное состояние человека, из которого он был выведен демоном капитализма»²⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Стебут И.А. Избранные сочинения: в 2 т. Т.2. М.: Сельхозгиз, 1957. 631 с. [Stebut I.A. Izbrannye sochineniya: v 2 t. T.2. (Selected works: in 2 vols. 2). M.: Sel'hozgiz, 1957. 631 s.]
- Стебут И.А. Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1906. 69 с. [Stebut I.A. Neskol'ko myslej i soobrazhenij po povodu agrarnogo voprosa. (Several thoughts and considerations on the agrarian question). Sankt-Peterburg: tip. V.F. Kirshbauma, 1906. 69 s.]
- Чаянов А.В. Война и крестьянское хозяйство. М.: т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 16 с. [Chayanov A.V. Vojna i krest'yanskoe hozyajstvo. (War and peasant farming). M.: t-vo I.N. Kushnerev i K°, 1914. 16 s.]
- Чаянов А.В. Кооперация в сельском хозяйстве Италии. М.: тип. Ф.Я. Бурче, 1909. 18 с. [Chayanov A.V. Kooperatsiya v sel'skom hozyajstve Italii. (Cooperation in agriculture in Italy). M.: tip. F.Ya. Burche, 1909. 18 s.]
- Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство в Швейцарии. М., 1912. 24 с. [Chayanov A.V. Krest'yanskoe hozyajstvo v Shvejtsarii. (Peasant farming in Switzerland) M., 1912. 24 s.]
- Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избр. тр. М.: Экономика, 1989. 491 с. [Chayanov A.V. Krest'yanskoe hozyajstvo: Izbr. tr. (Peasant farming: Selected works of). M.: Ekonomika, 1989. 491 s.]

¹⁸ Чайнов 1981: 51

¹⁹ Там же: 21.

²⁰ Там же: 51.

Чаянов А.В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1924. 152 с. [Chayanov A.V. Ocherki po ekonomike trudovogo sel'skogo hozyajstva. (Essays on the economics of labor agriculture). M.: Novaya derevnya, 1924. 152 s.].

Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Нью-Йорк: Серебряный век, 1981. 93 с. [Chayanov A.V. Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoj utopii. (The journey of my brother Alexei to the country of peasant utopia). N'yu-York: Serebryanij vek, 1981. 93 s.].

Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? М.: Универс. б-ка, 1917. 64 с. [Chayanov A.V. Chto takoe agrarnyj vopros? (What is the agrarian question?). M.: Univers. b-ka, 1917. 64 s.].

Гиренок Федор Иванович, д. филос. н., профессор, заведующий, философский факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; girenok@list.ru

Ростова Наталья Николаевна, д. филос. н., профессор, философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; nrostova@yandex.ru

A. Chayanov's Ideas in the History of Agrarian Thought in Russia

The article describes the ideas of one of the key theorists of agrarian thought in Russia of the XX century, A.V. Chayanov. The article shows how the League of Agrarian Reforms in Russia was faced with a choice whether to develop a working peasant economy in the country or follow the American path of supporting farming. Chayanov insisted on choosing the first path, formulating the idea that the peasant economy is not looking for profit, but is focused on income, as well as the idea that the peasant by the very fact of his existence hinders the development of capitalist agriculture. Already in his work, «Cooperation in agriculture in Italy» he proposed that the peasant should take off the «yoke of intermediaries and resellers». The peasant can do this with the help of cooperation. Cooperation makes it possible to overcome the shortcomings of the division of labor and shorten the path to the consumer. To do this, Chayanov said, the peasantry needs to organize agricultural production in a new way, generalizing such functions in it that can be generalized.

Keywords: *cooperation, artel, community, peasant economy, family labor economy, philosophy of economy, moral economy*

Girenok Fyodor I. Doctor of Philosophy, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; e-mail: girenok@list.ru

Rostova Natalia N. Doctor of Philosophy, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; e-mail: nrostova@yandex.ru

ИДЕЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ СМЫСЛА И КОНЦА ИСТОРИИ Н.А. БЕРДЯЕВА¹

Исследование посвящено истории идеи технологического будущего как духовной истории человечества в контексте историософии Н.А. Бердяева. В статье сопоставляются и диалогически совмещаются идеи Бердяева о «конце» истории и будущем техники, которая приводит к возникновению нового типа общества и человека. Авторы доказывают, что проективные выводы о технологическом будущем Бердяева являются не только своевременными для актуальной технологической рефлексии в условиях стремительной роботизации и дигитализации всех жизненно важных сфер общества, но и возвращают к пониманию роли и значения человека в развитии истории духа. По мнению авторов, именно этот аксиологический компонент насыщенности технологических изменений и трансформация самой антропологии остаются без внимания со стороны активистов глобального технологического дизайна. Поэтому изучение интеллектуальной истории на основе работ Бердяева переводит план темпорального измерения в сферу культуры духа, олицетворяющую собой ту «вечность», которая составляет метафизический смысл самой истории. Особое внимание сосредоточивается вокруг идеи Бердяева об «антигуманистичности» машины и ее негативного воздействия на «гуманистическое мирозерцание», «гуманистический идеал человека и культуры». Выводы исследования направлены на обоснование тезиса о необходимости поиска гуманитарного основания цифровой трансформации общества, переоценки смысловой направленности в связи «человек-машина» и «машина-человек», что способствует преодолению эсхатологии технологического пути истории и превращению истории в торжество человеческого разума.

Ключевые слова: философия Н.А. Бердяева, гуманизм, эсхатология истории, метафизика техники, человек и машина, технологическое будущее.

Один из крупнейших отечественных методологов науки, изучающий вопросы философии техники, В.М. Розин², еще в 2006 г. отмечал, что актуальные проблемы философии переходят в план осознания и оценки техники как фундаментальной основы новой реальности, в которой онтологическое и антропологическое образуют невиданную ранее соразмерность гения человеческого ума и духа. По мнению Розина техника попадает в поле философской рефлексии в XX в., поскольку ранее она понималась в большей мере как вспомогательный инструмент экономической и хозяйственной жизни: не техника, но экономика и хозяйство стояли в центре внимания.

Еще в середине XX в. зарубежная философия рассматривала технику в связи с перспективами научно-технического развития и прогнозирования возможных сценариев будущего человечества, но к концу XX – началу XXI в. вопросы техники, цифровых технологий, искусственно-

¹ Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта «Образ технологического будущего России: цивилизационные основы проектирования и реализации» (№ FZUG-2024-000 5) при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

² Розин 2006.

го интеллекта переходят в авангард исследовательских и методологических поисков социальности в условиях цифровизации. В эпоху модерна начинает доминировать социально-технологический дискурс, посредством которого начинают интерпретировать различные общественные процессы. И как следствие, потребности в технологической трансформации общества, как отмечали многие философы XX в. в стратегической перспективе снижают значимость ценностно-нормативных оснований общества, игнорируют традиционные цивилизационные составляющие действующих социальных институтов и отношений.

Справедливо, в середине XX в., когда только формировался данный технологический дискурс, Г.Ф. Юнгер отмечал, что последний опасен своим стремлением подавить и подчинить любые социокультурные и духовные основания общественных систем, стать новой технологической догмой развития человечества: «по своей жесткости и эффективности этот догматизм не уступает теологическому... Не знание как таковое, а вера в это знание делает технократов догматиками. Непоколебимая вера в то, что с помощью машин будут разрешены все трудности, которые в будущем могут встать перед человечеством»³.

В этой связи, по-особому актуальными и методологически прорывными становятся тексты самого раннего периода философской рефлексии техники как феномена культуры и цивилизации, среди которых в российской традиции гуманитарного знания по праву лидирующее положение занимает философия техники Н.А. Бердяева.

Программная для этой проблемы работа Бердяева «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)»⁴ была опубликована в 1933 г. в журнале «Путь». Концептуально этот очерк является воплощением историософии, и в этом смысле, философия техники, философия истории и философия будущего как эсхатологии образуют ту самую историю идеи, идеи-формы (А. Лавджой⁵, например, идея-форма и пафос эзотеричности), которая воплощена в интеллектуальной деятельности множества исследователей прошлого и настоящего, в символическом поведении поколений миллениалов, зумеров (также «Homelanders», «Homeland Generation» или «New Silent Generation») и поколения, рожденного в XXI в. – «Generation Alpha». При всей радикальности современных межгенерационных отношений это одна форма технократического сознания, мистическим предчувствием рождения которого обладал Бердяев. Поэтому применительно к моменту истории «здесь и сейчас» бердяевская философия есть не что иное, как пролегомены к науке о технике в ее историософском измерении.

Бердяев начинает свой очерк с утверждения пантехнократического характера о том, что техника определяет судьбу человека и судьбу культуры, обуславливая веру в ее сверхъестественное могущество, по-

³ Юнгер Ф.Г. 2002: 7.

⁴ Бердяев 1933.

⁵ Лавджой 2001.

скольку в представлениях «современного цивилизованного человека» «техника производит настоящие чудеса». Притягательность техники завораживает человека на столько, что он превращает ее из средства в цель жизни, тогда как цель жизни всегда, по мнению философа, должна оставаться в области духа. Именно такая магия и волшебство «технического» гения окончательно уводят человека от понимания и стремления к цели жизни в ее духовном понимании. Несмотря на то, что в истории цивилизации человек осознает себя именно как *homo faber*, он должен рассматривать техническое «орудие» как средство извлечения пользы из того, что гетерогенно «духу и смыслу».

Историософский смысл техники проявляется тогда, когда мы понимаем ее в контексте возникновения культуры, ибо культура есть не что иное, как создание искусственной среды. В этом начале культуры заключен и ее конец, т.к. «вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели»⁶. Это означает, что в результате подавления естественной среды агрессивным распространением искусственной, культура перерождается «во что-то иное, на культуру не похожее». Возникает противоречие: преобладание технической, искусственной формы над естественной, органической сменяется усилиями к возвращению, как если бы человек стремился вернуться к «утраченному раю».

Сегодня положения, сформулированные Бердяева, стали идейно-концептуальной для описания прихода общества от одного технологического уклада, к принципиально иному. Человеческое стремление создать и усовершенствовать искусственную среду своей жизнедеятельности привело к новому «фазовому переходу», когда одна искусственная среда обитания, начинает вытеснить другую. Так, концепт «четвертая промышленная революция» описывает процесс смены одного технологического цикла, на принципиально другой технологический уклад жизнедеятельности общества, цивилизационную фазу развития на социализно-технологический этап. Последняя порождает новое измерение жизнедеятельности человека и общества, а именно – социотехническую реальность (цифровое техно-виртуальное сообщество). При этом социотехническая реальность должна поэтапно становится доминирующей/ведущей в мыследеятельности человека, отдельных социальных групп и общества в целом. Например, молодое поколение уже сегодня получает когнитивный, коммуникативный, эмоциональный и другой опыт преимущественно посредством цифровых посредников и в контексте цифровых интеракций. Развитие GPT-чатов, индивидуальных цифровых помощников, различных систем искусственного интеллекта имитирующих социально значимые виды деятельности (воспитательные, образовательные, досуговые и проч.) формируют принципиально иную среду жизнедеятельности человека и функционирования технологий. Человек как бы теряет «социокультурный рай» своего существо-

⁶ Бердяев 1933: 6.

вания, заменяя его новыми искусственно созданными социально-технологическими режимами сосуществования человека и машин.

Вообще, история идеи «утраченного рая» обладает большим морфологическим разнообразием, как в философии, так и в искусстве, науке, религии, экономике, политике, праве. Для Бердяева она сосредоточена в контексте историософии, такой формы измерения бытия человечества, при котором время – отрезок между прошлым и будущим – подчиняется логике прогрессивного развития.

В работе «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы»⁷ автор рассуждает о том, что глубинное понимание сущности истории как развития духа возникает в переломные моменты, когда ощущение катастрофы сгущает временные отрезки и заставляет человека чувствовать свою беспомощность, а, значит, осознавать необходимость в спасительном участии Бога. По отношению к своему историческому времени, времени рождения ноуменально-феноменальной реальности техники и машины, он пишет: «Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется... И темп этот не может быть назван иначе, как катастрофическим. Открылись вулканические источники в исторической подпочве. Все заколебалось, и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения “исторического”»⁸.

Ощущение катастрофичности сопрягается с метафизической неразрешимостью вопроса о цели технологического прогресса: несет ли в себе машина потенциальную опасность для человечества, либо она демонстрирует величие человека как творца, созданного по образу Божьему. Из общего эсхатологического контекста историософии становится очевидным, что в восприятии Бердяева, технический прогресс – это и есть самое стремительное и самое решительное движение человечества к своей гибели. Но гибели «ветхого человека», которым он стал в результате грехопадения. Поэтому вера в технический прогресс есть ни что иное, как очередная утопия, еще одна попытка человека обрести «утраченный рай» без Бога. И в этой утопической эйфории человечество приближает свой конец в историческом завершении времен.

Для историософии Бердяева чрезвычайно важным является смысл толкования времени, который отличается от существующей традиции темпорального или континуального измерения реальности, прежде всего тем, что время определяется им в сравнении с вечностью, в паре отношений прошлого и будущего: «Время, – пишет Бердяев, – есть как бы отрицание вечности, есть некоторое состояние, никаких корней в вечной жизни не имеющее»⁹.

⁷ Бердяев 1923.

⁸ Бердяев 1923: 8.

⁹ Бердяев 1923: 79.

Сама же история может быть представлена как борьба вечного и того, что временно, что по сути является иллюзией, ибо онтологически не существует прошлое, которого уже нет, будущее, которое еще не наступило, а настоящее столь краткотечно, что не имеет плотной онтологической структуры. Будущее противопоставляется прошлому и в точке их антиномического противопоставления случается миг настоящего, поэтому время превращается «в некий призрак»: «нет прошлого, нет настоящего и нет будущего». Соответственно времени тоже нет, исчезает любая реальность, обнаруживающая себя во времени. «Во времени обнаруживается злое начало, смертоносное и истребляющее, потому что, поистине, смерть прошлого, которую несет всякое последующее мгновение, повержение его в тьму небытия, которое несет всякое свершение во времени, и есть начало смерти. Будущее есть убийца всякого прошлого мгновения; злое время разорвано на прошлое и будущее, в середине которого стоит некая неуловимая точка. Будущее пожирает прошлое для того, чтобы потом превратиться в такое же прошлое, которое в свою очередь будет пожираемо последующим будущим. Разрыв между прошлым и будущим есть основная болезнь, основной дефект, основное зло времени нашей мировой действительности»¹⁰. Поэтому появление времени означает приход смерти.

Из подобной историософской трактовки времени выводится тезис о том, что основным «пороком» теории прогресса является «нерешенность проблемы времени». Иначе говоря, желание человека заполучить «рай на земле» и стремление цивилизации к прогрессу никогда не будут успешными, поскольку они осуществляются во времени, тогда как история ведет к вечности, к победе над временным, к преодолению разрыва частей – прошлого, настоящего, будущего – единого целого. И технический прогресс неизбежно обернется катастрофой, в которой умрет все, что было «заражено» временем и наступит вечность, не требующая для себя никакого движения, никакого развития, ни войн, ни революций.

Идея технического прогресса как эсхатологического пути истории человечества подчеркивает грустную иронию Бердяева о вере человека в собственное могущество, которое, в действительности, всегда превращается в рабство, в зависимость от вещей. Вот и новая эра машин и техники способствует закреплению человека в цепочке производства бездушных механизмов. Важным аспектом возникающего техномерного бытия человека выступает производство продуктов, при котором «вещь ставится выше человека», а вместе с этим символическое бытие культуры превращается в реалистическую действительность, ничего неотображающий мир, отрывающий человека не только от культуры, но и от природы. В таком «пустом» и лишенном сакральных смыслов мире, человек становится творцом организаций, т.е. ремесленником механизмов. Стоит отметить, что Бердяев весьма специфически тракту-

¹⁰ Бердяев 1923: 86.

ет «организацию», сравнивая ее с «организмом», созданным Творцом. Если «организм» есть полноценное и равноценное бытие, рожденное и наделенное способностью к рождению, то «организация» есть мертворожденный механизм как целое, части которого не способны к воспроизведению, она также не может «расти и развиваться».

Как пишет Бердяев, «Механизм составляется с подчинением его определенной цели, но он не рождается с присущей ему целью. Часы действуют очень целесообразно, но эта целесообразность не в них, а в создавшем и заведшем их человеке. Организованный механизм в своей целесообразности зависит от организатора. Но в нем есть инерция, которая может действовать на организатора и даже поработать его себе»¹¹. В основе естественной жизни организмов заключен высший и вечный порядок природы, который не способна унаследовать техника. Там, где господствует техника, нет эволюционного порядка, там происходят изменения, причем происходят они скачками, путем революций, войн, конфликтов, которые и означают развитие как качественный переход от одной организованной формы к другой. Если природа изменяется-движется-развивается в формах поступательно, плавно, эволюционно, то техника является прорывом изобретательной творческой активности человека в его стремлении произвести новые «организации». Поэтому, резюмирует Бердяев, *«Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности»*¹², при которых техника знаменует собой историю разрыва «плоти и духа», «Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные»¹³.

Обнаружив скрытые силы эволюции «организма» и революции «организации», Бердяев выводит эсхатологические перспективы одного и другого: подобно бунту человека против Бога, ознаменовавшего путь грехопадения и перспективу смерти, мир технических «организмов» (= «организаций») восстает против своего создателя (=изобретателя) путем суверенизации и манифестации воли к конечной в пространстве и времени вещи-механизма. Стремительное высвобождение машины из плена человеческого творения превращает ее в некую сущность, которая уже не повинуется человеку и «диктует свои законы».

В этом моменте мысль Бердяева становится пророческой, он пишет так, как если бы предчувствовал роковую угрозу роботизации – «Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя все буду делать, ты же можешь пропадать»¹⁴.

¹¹ Бердяев 1933: 9.

¹² Бердяев 1933: 10.

¹³ Бердяев 1933: 11.

¹⁴ Бердяев 1933: 11.

Далее он усугубляет аргументацию, демонстрируя «логику» мышления машины, которая стремится сделать человека своим подобием, превратить «организм» в «организацию», лишив изобретателя способности к творению. И уж совсем пророчески звучат предостережения философа о том, что «изобретательность человека в орудиях разрушения очень превышает изобретательность в технике медицинской, целительной. Легче оказалось изобрести удушливые газы, которыми можно истребить миллионы жизней, чем способ лечения рака или туберкулеза. Организм человека оказывается беззащитным перед собственными изобретениями человека. Открытия, связанные с органической жизнью, гораздо более трудны, чем открытия, связанные с миром неорганическим, где мы вступаем в мир чудес»¹⁵.

Оглядываясь назад, когда человечество испытало на себе не только силу оружия массового уничтожения, техногенные кризисы, пандемийные угрозы, но и стремительно шагнуло в сферу бionических технологий, можно с уверенностью говорить о справедливости тех опасений, которые словно мистическое откровение, составили основу философской рефлексии техники в начале XX в.

Сегодня, например, можно фиксировать, что машинный тренд развития ведет к разрушению ценностно-нормативных и социокультурных основ общественной системы, традиционных институтов и структур, формирует принципиально иную субъективность человека и его виртуальную идентичность. Как итог: виртуализированный и симулятивный коммуникативный опыт формирует новые социотехнические ценности и правила взаимодействия, модели взаимодействия с реальными или виртуальными объектами.

Для достижения этих целей распространяется миф об универсальности и объективности разнообразных алгоритмических систем, согласно которому только инновационные машинные технологии смогут обеспечить справедливость, искоренить различные формы дискриминации и злоупотребления. Беспристрастные и надежные машины освободят людей от господства властных элит, различных теневых структур управления и контроля, обеспечат идеальный порядок в обществе.

Эта цифровая мифологизация выступает легитимирующей основой для формирования устойчивого представления у человека об экзистенциальной необходимости данных машинных технологий и алгоритмических систем, формирует социальное доверие к ним. Все это маскирует тот факт, что машины и алгоритмы обучаются на конкретном социокультурном материале, «впитывая» все предрассудки, когнитивные модели, поведенческие паттерны или получают неполную или искаженную информацию. В литературе данные цифровые эффекты обозначаются как «машинные предубеждения». Соответственно на практике данные машины осуществляют свою автономную экспертную

¹⁵ Бердяев 1933: 13.

деятельность и алгоритмическую регламентацию разнообразных процессов в соответствии со сформированными в рамках машинного обучения предрассудками, штампами, паттернами формируя определенную мировоззренческую систему и мотивационную структуру.

Во второй главе очерка «Человек и машина» техника и, созданная на ее основе действительность, сравниваются Бердяевым с изменениями, которые произошли в истории цивилизации с появлением искусства. Автор отмечает, что искусство не принадлежит природе и заключает человека в мир искусственной символической реальности, которая воздействует на него и меняет. Оставаясь в мире символической реальности, человек постигает мир в образах, знаках, идеях. Однако, в отличие от символической реальности искусственных форм, техническая реальность более непосредственна, материальна и агрессивна в степени своего воздействия. Так, техника способна влиять и менять искусство, но не наоборот – «техника перерождает самое искусство». И вновь, почти в гностическом откровении, Бердяев заглядывает в будущее, отмечая зарождающуюся страсть человека к экранной визуализации. Он пишет, что кинематограф преодолевает замкнутые пространственно-временные границы и направляется «к огромным массам всего человечества, всех частей света, всех стран и народов». Таким образом, он становится «орудием» объединения человечества, которое может быть направлено в любых целях – во благо и во зло людей.

Квинтэссенцией мыслей Бердяева становится призыв «создавать философию техники», в которой было бы возможным осознать ее духовное, судьбоносное, экзистенциальное содержание, поскольку в ней выражена извечная тема отношения духа к материи, иррационального к рациональному. Поэтому для Бердяева философия техники является своего рода апологией философии духа, т.к. господство материализма в мире техники и машин может казаться «гибелью духа и разума», это своеобразная «эсхатология техники». Причем эсхатологичность заключается в том, что человечество переходит на качественно иной метафизический уровень развития, характеризующийся разрывом с «землей» как символом корней, материнства, отечества, культура «земли» погибает и превращается в планетарную цивилизацию. В этом новом измерении земли как планеты, летящей в бесконечное пространство, человек испытывает ранее не известные ему переживания собственной экзистенции, в которой прежний космос с землей в центре сменяется космосом вечности и бесконечности.

Техническая экспансия овладевает пространством и временем в невероятных масштабах, преобразуя локальные социальные связи и отношения в глобальные организации. Поэтому техника обуславливает активное развитие коммуникации, расширение всякой ограниченности, индивидуализации, она, по справедливому мнению Бердяева, обезличивает всякое творчество и деятельность, так как срачиваясь с производством, обслуживает интересы и потребности анонимных масс.

В третьей главе автор поднимает вопрос о влиянии техники на эмоциональную сферу человека. Тема сердечности, особенного душевно-духовного отношения к миру – это центральная проблема русской философии, и для Бердяева она решается в связи с демиургическим состоянием духа. Именно дух, а не душа, получают мощь и силу, когда используют технику и машину в качестве орудия овладения миром. Поэтому ослабление душевных чувств даже «мирного ученого» может превратить в тирана, «державшего в своей власти все человечество» при обладании секретом технических изобретений.

Здесь он аксиологически достраивает свою концепцию, описывая фантазийную утопию, по сути, ставшую реальностью спустя сто лет. «Настанет время, – пишет Бердяев, – когда будут совершенные машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве и достигать максимальных результатов. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненужностью и невозможностью для них органического дыхания и кровообращения. Фабрики будут производить товары с большой быстротой и совершенством. Автомобили и аэропланы будут летать. Через Т.С.Ф. по всему миру будут звучать музыка и пение, будут воспроизводиться речи прежних людей. Природа будет покорена технике. Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет, не будет органической жизни. Этот страшный кошмар иногда снится»¹⁶.

Техногенный апокалипсис, описанный Бердяевым, обостряет тему нравственного и религиозного отношения к научным достижениям, без которых человечеству действительно угрожает смерть от собственных честолюбивых планов. Автономия техники грозит человечеству переходом «к небытию в техническом совершенстве», чтобы избежать такой участи, необходимо придерживаться духовных ценностей жизни и, прежде всего, ценностей христианских. Ощущая и осознавая свою связь с Богом, человек избежит технического апокалипсиса. В этом, по мнению философа, и заключается различие «эсхатологии христианской и эсхатологии технической».

Заключительная, четвертая глава очерка посвящена философской и религиозной антропологии. По мнению Бердяева, новая техническая действительность вступает в острое противоречие с «душевной организацией человека», которая изначально ему присуща, и это противоречие заключается в постепенном превращении человека в обезличенную машину. Здесь философские рассуждения совпадают с теми идеями, которые позже озвучил постмодернизм касательно деконструкции личности и «смерти субъекта»; размывание границ личности происходит и в обществе техногенного типа, которое буквально не позволяет человеку быть целым, оно дробит его на части согласно иерархии потребно-

¹⁶ Бердяев 1933: 25–26.

стей, предлагает функциональное замещение, вначале социальным двойником, а с переходом к информационной и постинформационной эпохе цифровым аналогом «субъекта» персональных данных.

Если «ветхий человек» идентифицировал себя с подобием Божьего образа, то в результате перехода к «новому человеку» мы обнаруживаем иной тип идентичности – машинный. «Происходит дегуманизация человека. Ставится вопрос: быть или не быть человеку, не старому человеку, который должен преодолеваться, а просто человеку»¹⁷. Что же остается вместо человека? – Машина, уподобившаяся человеку. И в этой фатальности, как считает Н.А. Берев, виноват сам обездушевшийся человек: когда-то он был «рабом природы» и вел героическую борьбу за свое выживание, в результате чего появились государства, власть, классы теперь же он стал «рабом машины», создав общество, обслуживающее технологические интересы. Общество, построенное на основе власти машины и техники, нацелено на научно-техническое господство, подавляющее человеческую свободу и независимость мощной силой своего тотального распространения. И только осознание человеком себя как духовного и свободного, высвобождает из технического рабства; возвращает все к социальному порядку, установленному человеком и для человека. В основе же этого социального порядка заложен порядок, при котором человек остается свободным и занимает положение «выше всех природных и общественных сил». Поэтому, завершает свою мысль Бердяев, «то, что освобождало человека, должно быть принято, и отвергнуто то, что его поработало»¹⁸.

Незначительные нотки религиозного оптимизма затихают на фоне общей концепции метафизики истории, которая завершается неизбежным и трагическим концом. Трагичность истории заключена в том, что человечество, желая вернуть «утраченный рай», все более и более изобретательно в попытках социального переустройства, подчинения природных сил, управления физическими процессами, но оно безрезультатно в достижении поставленных целей. Однако эсхатология истории не означает ее бессмысленности, так как иным способом, вне истории, человек не в состоянии постичь тайну перехода в вечность. Комментируя идею Н.А. Бердяева об истории как «неудаче духа», современный автор Л.Г. Зимовец отмечает, что «Посюсторонняя неудача истории не означает какой-то предельной потусторонней неудачи, а указывает лишь на то, что человечество призвано к высшей реализации своих потенций»¹⁹. Поэтому не только история, но и все, что внутри нее случается, в том числе и технический прогресс, имеют положительный смысл в своем конце. Таким образом, конец истории превращается в судьбу человечества и мира преображенного, но не уничтожимого.

¹⁷ Бердяев 1933: 31.

¹⁸ Бердяев 1933: 36.

¹⁹ Зимовец 2010: 34.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–37 // <http://www.odinblago.ru/path/38/1> [Berdyayev N.A. Chelovek i mashina (problema sociologii i metafiziki tekhniki) (Man and the machine (the problem of sociology and metaphysics of technology))] // Put'. 1933. 38. Pp. 3-37].
- Бердяев Н.А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923 [Berdyayev N.A. Smysl istorii: opyt filosofii chelovecheskoj sudby. (The Meaning of History: Experience of the Philosophy of Human Destiny). Berlin: Obelisk, 1923. 273 p.].
- Зимовец Л.Г. Н.А.Бердяев о смысле истории // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2010. № 4. С. 31–43 [Zimovec L.G. N.A.Berdyayev o smysle istorii (Berdyayev on the meaning of history) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. 2010. 4. P. 31–43].
- Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги. 2001. 376с. [Lavdzhoj A. Velikaia tsep' bytiya: Istoriya idei (The Great Chain of Being: The History of the Idea). M.: Dom intellektual'noj knigi. 2001. 376 p.].
- Розин В.М. Понятие и современные концепции техники. М.: Институт философии РАН, 2006. 255 с. [Rozin V.M. Ponyatie i sovremennye koncepcii tekhniki (Concept and Modern Concepts of Technology). M.: Institut filosofii RAN, 2006. 255 p.].
- Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. СПб.: Владимир Даль, 2002. 558 с. [YUnger F.G. Sovershenstvo tekhniki (Sovershenstvo tekhniki). SPb.: Vladimir Dal', 2002. 558 p.].

Мамычев Алексей Юрьевич, д. полит. н., к. юр. н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий, лаборатория социально-экономических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет; mamychev@yandex.ru

Мордовцева Татьяна Васильевна, д. культурологии, профессор, Таганрогский институт управления и экономики, ведущий научный сотрудник, Лаборатория социально-экономических и политико-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет; mtvtaganrog@yandex.ru

The Idea of the Technological Future in the Context of the Meaning and End of History by N.A. Berdyayev

The study is devoted to the history of the idea of technological future as the spiritual history of mankind in the context of N.A. Berdyayev's historiosophy. The authors compare and dialogically combine Berdyayev's ideas of the "end" of history and the future of technology, which leads to the emergence of a new type of society and man. The projective conclusions about the technological future by Berdyayev are not only timely for the current technological reflection in the context of rapid robotization and digitalization of all vital spheres of society, but also return to the understanding of the role and significance of man in the the history of the spirit. According to the authors, it is this axiological component of the saturation of technological change and the transformation of anthropology itself that remain unnoticed by activists of global technological design. Therefore, the study of intellectual history on the basis of the works of N.A. Berdyayev transfers the plane of the temporal dimension to the sphere of the culture of the spirit, which embodies the "eternity" that constitutes the metaphysical meaning of history itself. Particular attention is focused on the idea of N.A. Berdyayev about the "anti-humanism" of the machine and its negative impact on the "humanistic worldview", "the humanistic ideal of man and culture". The conclusions of the study are aimed at substantiating the thesis of the need to search for a humanitarian basis for the digital transformation of society, to reassess the semantic orientation in the relationship between "man-machine" and "machine-man", which contributes to overcoming the eschatology of the technological path of history and turning history into the triumph of the human mind.

Keywords: *philosophy of N.A. Berdyayev, humanism, eschatology of history, metaphysics of technology, man and machine, technological future.*

Alexey Mamychyev, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Head of the Laboratory of Socio-Economic Political and Legal Studies, Vladivostok State University, mamychev@yandex.ru

Tatyana V. Mordovtseva, Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, Leading Researcher, the Laboratory of Socio-Economic and Political-Legal Studies, Vladivostok State University, mtvtaganrog@yandex.ru

**«ИЗ-ЗА РОССИИ МЫ ЧАСТО НЕ ВИДИМ РУСИ...»
РОССИЯ И РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ
В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ С.Н. ДУРЫЛИНА**

В статье реконструируются представления писателя, философа, богослова, искусствоведа С.Н. Дурьлина (1886–1954) о России и специфике русского национального сознания. На основании его художественных, публицистических и религиозно-философских работ делается вывод о том, что для Дурьлина характерно глубоко православное мировосприятие – символичное, образное, интуитивное, не отрицающее роль разума в познании, но утверждающее его принципиального ограниченные возможности в постижении мира. Специфическими чертами русского национального сознания, которые, по его мнению, определяют отношение русского человека к государству, истории и смыслу бытия России являются апокалиптичность, пасхальность, особое внимание к отдельному человеку, важность индивидуального при осознании неразрывности соборной связи с целым, восприятие всего в мире как живого, в том числе – народа, Церкви, России, первостепенное значение внутреннего над внешним, постоянная устремленность к горнему идеалу, смирение и мудрость в принятии несовершенного земного мира, «тишина» – как идеал христианского общежития. Можно сказать, что Дурьлину свойственен консервативный взгляд на мир в том смысле, что на первый план выходит важность истории, традиции, культуры, веры, сохранения своего особенного, а значит истинного в жизни общества и государства.

Ключевые слова: *Россия, Святая Русь, Китеж, С.Н. Дурьлин, религиозная философия, православие, русское национальное сознание, эсхатология.*

Имя Сергея Николаевича Дурьлина (1886–1954) сегодня становится известным все более широкому кругу читателей. Длительное время фигура Дурьлина была незаслуженно забыта и известна лишь узким специалистам. Однако за последние двадцать лет издано и переиздано много работ и архивных материалов, его личности и творчеству посвящены научные статьи, монографии¹. Между тем полноценного комплексного анализа его творческого наследие еще не получило. Как в силу того, что далеко не все работы Дурьлина уже опубликованы, многое остается еще в архивах, в т.ч. в мемориальном доме-музее в Болшево, так и по причине широты и разноплановости тем, проблем и даже жанров, которыми отличается его интеллектуальное творчество. В советское время Дурьлин был известен в основном как театровед и критик², сегодня в биографической литературе его характеризуют как писателя, философа, искусствоведа, археолога, этнографа, богослова, педагога, современника многих выдающихся людей «серебряного века».

Дурьлина, без сомнения, можно отнести к незаурядным личностям, его жизнь с ранних лет характеризовалась интенсивным интеллек-

¹ Сергей Дурьлин и его время... 2010; 2011; Топорова 2014; Коршунова 2021.

² В 1940–50 гг. Дурьлин был широко известен и признан как ученый. Ему без защиты было присвоено звание доктора филологических наук. Дурьлина даже включили в число специалистов, которым зарубежные газеты могли заказывать статьи. См. подробнее: Монах Варфоломей (Чернышев Сергей Николаевич) 2022: 163.

туальным поиском, его до конца дней интересовали глубинные сущностные вопросы бытия, ответы на которые он искал в разных сферах – литературе, философии, искусстве, православии. Складывается ощущение, что за свою одну жизнь Дурылин прожил несколько очень насыщенных и разных жизней: очень плодовитый писатель, автор многочисленных рассказов, повестей, романов, пьес и стихов, литературный и театральный критик, изучал археографию и иконопись в университете, пережил в юности увлечение революционными и богоборческими идеями Ф. Ницше и М. Штирнера, в 1904-1907 гг. неоднократно подвергался обыскам, трижды был арестован, несколько раз сидел в тюрьме и отбывал наказание в ссылках, пришел к принятию священства, дважды просил и так и не получил благословения на монашеский постриг.

Вокруг Дурылина сформировался круг интеллектуалов, его дом в Болшево стал центром притяжения театральной Москвы, писателей, художников, музыкантов. Дурылин был близко знаком с А. Белым, Вяч. Ивановым, Б.Л. Пастернаком, В.Я. Брюсовым, М.В. Нестеровым, В.Ф. Эрном; встречался, хотя и однократно с Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, А.А. Блоком; его учениками были И.В. Ильинский, С.И. Фудель.

Его художественная литература, теоретические труды, комментарии, дневники и эпистолярное наследие представляют собой целостную мировоззренческую систему. Сегодня творчество Дурылина активно исследуется, поскольку представляет собой уникальный интеллектуальный срез исторической эпохи в ее идейном, культурологическом, нравственном, эстетическом и философском преломлениях. Как отмечают практически все исследователи, теоретические работы Дурылина находятся на стыке богословия и философии, философии и литературы, искусствоведения и литературы, а значит весьма сложно поддаются категоризации и строгому анализу в рамках какой-то одной сферы.

Это понимал и сам Дурылин, смиренно и скромно оценивая себя: «Было ли у меня творчество? – была ли у меня и самая жизнь? Я – никто: я – “не”, “не” и “не”: не ученый, не писатель, не поэт, хотя я и написал ученые статьи, и был писателем, и слагал стихи, я – никакой профессионал. Никакое профессиональное дело не сделано мною в жизни»³. Если писателем и литературным критиком Дурылина можно назвать с полным основанием, то богословом и религиозным философом он являлся лишь отчасти и с оговорками. Еще сложнее отнести его к социально-политическим мыслителям, хотя в его творчестве, безусловно, содержится оригинальный и при этом глубоко национальный идеал того, как должна быть устроена общественная жизнь, рассуждения о том, что такое Россия, в чем ее сущность, задачи и каково ее место в истории.

Эти суждения «рассыпаны» по всем сочинениям Дурылина, «программного» текста, где была бы изложена система его социально-политических представлений, нет. Однако представляется возможной и важ-

³ Дурылин 2006: 95.

ной реконструкция его воззрений относительно судеб русского народа и России, ее истории, настоящего и перспектив развития.

Дурылину выпало жить в очень сложное историческое время, когда происходили кардинальные и драматические трансформации общественной, политической жизни страны и личных судеб многих людей. Необходимость осмысления происходящего привела Дурылина к главному выводу – мы слишком мало знаем самих себя. В работе «Начальник тишины» он пишет: «В нашем восприятии родина всегда двойится – до противоположности, до несоединимости, – на Россию и Русь. Как хорошо знаем мы первую и как мало вторую!»⁴. Здесь уместно вспомнить мнение А.С. Пушкина, который, к слову, для Дурылина был особенно значимой фигурой, который указывал, что и собственно Россию-то в России не знают. В записке «О народном воспитании» (1826), адресованной императору Николаю I, он писал: «Россия слишком мало известна русским», и предлагал учредить специальные кафедры изучения отечественной истории, законодательства и статистики⁵.

Для Дурылина, человека с глубоко христианским мировоззрением, в основании разрыва между Россией и Русью лежит непонимание и утрата сакральных смыслов общественного бытия. «Что, если, в действительности-то, и есть только одна Россия, Русь же, особенно с прибавкой: святая – лишь мечта, славянофильский призрак, православный самообман, националистическая ложь? Достаточно одного примера, чтобы показать, как близки мы к такому заключению. Святая Русь – это Россия в храме, на молитве, перед образом, Россия с восковой свечкой в руке, с радостью и упованием о Христе в сердце, с ведением Его – в разуме, с устремлением своей воли к Его воле: “да будет воля Твоя”. Где ж эта Русь – в нашей новейшей истории, в государственном действовании, в нашем общественном сознании, в философском построении, в литературе, в искусстве?»⁶, – писал Дурылин в перерыве между двумя русскими революциями в 1916 г.

Будучи признанным знатоком русской литературы, вдумчивым комментатором произведений М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, он с горечью отмечает, что вина за разрыв между Россией и Русью лежит и на русских писателях. «Признается обычно, что русская литература – выразительница нашей русской подлинности, нашего русского лица. Так ли это? До чего было мало храма в русской литературе! Не оттого ли большинству писателей и читателей наших Россия всегда представлялась только Гоголевской Россией, населенной городничими, помещиками, мужиками Глеба Успенского, чиновниками Щедрина, интеллигентами Чехова, а Тютчевская Русь – Русь преподобного Серафима и прибегавшей к нему миллионной верующей России – казалась праздным славянофильским вымыслом, религиозно-романтической мечтой, мессиани-

⁴ Дурылин 2000: 291.

⁵ Цит по: Русские ценности... 2024: 305.

⁶ Дурылин 2000: 291-292.

стическим вздором!»⁷. В более радикальном виде мысль о том, что Россию «убила» литература, когда вместо созидания и развития предлагала только сатиру и очернение, была высказана еще раньше В.В. Розановым⁸, с которым Дурьлин был хорошо знаком.

Дурьлин считал, что русская литература не давала истинно народного идеала, не «воспитывала» нравственно и формировала в интеллигентском сознании искаженное представление о России и ее народе. По мнению Дурьлина, карикатурные образы пьющих, алчных, страдающих мужиков, купцов, помещиков, интеллигентов выгнели реальные примеры людей веры и мысли – А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, Киреевских, Аксаковых, и людей веры и воли – святых подвижников, монахов, старцев. «Неполноценность, неполнота, явная недостаточность той России, которую открывали Гоголь и шедшие за ними, сопровождалась губительной неполнотой нашего восприятия и представления России. Мы сузили, обескрылили, обездушили Россию, сведя ее всю на Российскую империю, нуждающуюся в реформах, конституции и интеллигентах. Именно эту Россию, – на самом деле лишь часть подлинной России, – мы знаем по преимуществу, если не исключительно, именно от нее страдаем, мучаемся ее судьбами, огорчаемся ее неудачами, и когда нам кажется, что эта Россия гибнет, когда ей угрожает смертельная опасность, нам представляется, что гибнет вся Россия. <...> Мы забываем, что за этим дном, за этой мутной толщей русской эмпирики политической, государственной, социальной, общественной, начинается подлинная русская глубина – начинается Церковь, начинается русский народ, живущий в Церкви и церковно, как часть Церкви Христовой, т. е. часть Тела Христова. Из-за России мы часто не видим Руси, но оттого мы не видим по-настоящему и России»⁹.

Почти притчей выглядит у Дурьлина символический пример такой раздвоенности сознания. Описывая урожайное лето 1915 г. на севере и в средней России, он пишет, что пока «интеллигенция» прагматично подсчитывала прибыль и издержки – политико-экономический потенциал, простой народ радовался хлебу насущному и воспринимал урожай как знамение Божией милости: «Россия учитывала, сколько уродится пудов, сколько потребуется вагонов, какие будут неполадки на железных дорогах, какие спекуляции создадутся на почве урожая, как будет действовать или бездействовать правительство, – Русь же радовалась, что Бог не до конца забыл ее, не до конца, не до смерти казнит ее, а вот шлет ей земную раду – золото урожая, но она – только предвестие иной радости: золота небесного, пребывания в милости и любви Господней»¹⁰.

В объединении России и Руси по Дурьлину главное предназначение и смысл существования русского народа. Секулярный рационали-

⁷ Дурьлин 2000: 292.

⁸ Русская социально-политическая мысль ... 2018: 116–121.

⁹ Дурьлин 2000: 295–296.

¹⁰ Дурьлин 2000: 299.

стический пусть прогресса, который выбрала Европа, не подходит для России. Это становится особенно очевидным в периоды социальных потрясений, как, например, Первая мировая война 1914–1918 гг. «Культура, как строительство человеческого благополучия и спокойствия, как организация общественной свободы человечества, — вот что стало на место Бога в Зап. Европе, вот что заняло в сознании и чувстве европейца то место, которое прежде принадлежало религии и вере. Представлялось, что человечество удобно, прочно и легко устроилось без веры и Бога, что самая культура есть уже осуществленное добро в истории: представлялось всем, что нравственная сила культурного воздействия на человечество заменила с успехом силу воздействия религиозного; казалось, без веры и Бога человечество стало добрее и гуманнее, чем когда было с ними. И вдруг, как удар грома при безоблачном небе, прозвучал страшный голос войны. Культурнейшая страна Европы вдруг явила не ожидавшееся от нее добро в истории, а крайнюю, еще невиданную степень зла, — зла тем более злого, чем более откровенного, уверенного в своей правоте, не ищущего никакого прикрытия в мнимом добре»¹¹.

В лекции с говорящим названием «Лик России. Великая война и русское призвание», которую Дурылин читал в Костроме, Рыбинске и Москве в 1914–1916 гг., он писал, что все самое тайное и прекрасное, что составляет самое существо народа раскрывается «во дни торжеств и бед народных»¹². Понимая предназначение России, его христианского народа, в том, чтобы служить приуготовлению царства Божия, Дурылин соответственно интерпретировал и Божий замысел о «доле участия России в общечеловеческой работе, направленной на рост добра в мире, на преобразование человечества». По мнению Дурылина, представление «о русском народно-государственном призвании с еще неоцененным глубокомыслием и широтой было развито славянофилами — И. Киреевским, Хомяковым, К. Аксаковым, Ю. Самариным»¹³.

Дурылин указывал, что идеальное, а значит нравственное, не может быть изъято из жизни как человека, так и государства, просто потому что это составляет самое существо жизни — единство духовного и телесного, идеального и реального. «Что с отдельным человеком, то и с целым народом, хотя область поведения первого обнимается понятием „этика“, второго — „политика“. Полное разделение между нравственностью и политикой, — писал Вл. Соловьев, — составляет одно из господствующих заблуждений и зол нашего века»¹⁴. Он считал, что победа в любой войне достигается не только силой оружия, но прежде всего силой духа, правдой, во имя которой ведется война: «Только тот воистину побеждает, кто знает, во имя чего он ведет войну, кто знает свое призвание и ведает, что оно ведет его к целям благим и нравственно-высоким»¹⁵.

¹¹ Дурылин 1916: 38.

¹² Дурылин 1916: 24.

¹³ Дурылин 1916: 6.

¹⁴ Дурылин 1916: 5.

¹⁵ Дурылин 1916: 3.

Для Дурылина очевидно, что истинные смыслы человеческой деятельности находятся ни в ратных подвигах, ни в завоевании славы, золота или других стран. Для него идеалом народной жизни в соответствии с христианским ее пониманием являются образы русских богатырей Миккулы Селяниновича, богатыря-пахаря, богатыря мира, «не вложившего в руку свою никакого оружия, не пролившего ни капли крови»¹⁶, и Ильи Муромца – защитника родной земли, который символизирует, что Россия никогда не вела наступательных войн, а только оборонительные.

Осознание своего исторического пути, предпочтение его другим для России по Дурылину заключается в следующей формуле: «Нельзя делать добра в истории из побуждений тщеславия и гордости; нельзя гордиться своим добрым деланием; нельзя, не очистившись самому, приступать к спасению других. За грехи народа, не раскаявшегося в них, он лишается исторической удачи, его делание становится бесплодным, его историческая работа оказывается ненужной и вредной – и сам он находится на краю гибели»¹⁷.

Особенно мрачный тон размышлений Дурылина можно отчасти объяснить историческим контекстом, подобные настроения и образы можно встретить и в работах его современников, например, «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918) В.В. Розанова, «На пиру богов» (1918) С.Н. Булгакова и др. Однако Дурылину принадлежит оригинальная, почти парадоксальная интерпретация истории и значения апокалиптических ожиданий в России. Так, распространенной является точка зрения, что ожидание конца мира совпадает с какими-либо историческими катастрофами, тогда как Дурылин отмечает, что ни в период татаро-монгольского ига, ни в тяжелые годы Смуты этой идеи еще нет, напротив, Русь крепла духовно и государственно. При этом идеи о приходе антихриста же появляются во время (и вопреки) увеличивающегося могущества и роста России¹⁸. Для Дурылина очевидна связь между материальным благополучием, довольством и самообольщением, нравственным и религиозным оскудением общества.

Само сохранение и существование идеала Святой Руси для Дурылина уже означает надежду на будущее спасение: «Святая Русь не значит вовсе, что Русь святая, что святость уже достигнута, идеал осуществлен, – как раз наоборот: Русь святая потому, что она живет идеалом святости, что в этот идеал вмещена для нее вся правда земная и небесная. Это – не святость, это – воля к святости, это – всенародная жажда „ясного мира святости“ вместо смутного мира народного и личного греха»¹⁹.

Одна из самых известных легенд в русской культуре – о невидимом святом граде Китеже, тесно связана с именем Дурылина, поскольку он концептуализировал архетип «Китежа» в литературе «серебряного

¹⁶ Дурылин 1916: 28.

¹⁷ Дурылин 1916: 31.

¹⁸ См. подробнее: Резвых 2015: 83-94.

¹⁹ Дурылин 1916: 34-35.

века». Самая ранняя литературная форма китежской легенды содержится в «Китежском летописце» XVII в., а в ее основе – предания XIII в.²⁰ Сюжет легенды хорошо известен и широко исследован²¹ – во время нашествия Батгя молитвами жителей был спасен от разорения и поругания город Китеж, который целиком ушел под воду озера Светлояр, где он пребывает и поныне, обнаруживая себя колокольным звоном только истинно верующим людям. Как справедливо отмечает В.П. Шестаков, «для русской поэзии XIX–XX вв. образ легендарного града Китежа и сокрывшего его озера Светлояр – одна из популярных тем, связанных с идеей национального самосознания»²².

Сама легенда получила наибольшее распространение в среде старообрядцев-бегунов. По мнению Д.В. Семикопова, «как Небесный Иерусалим – Царство Божие, так Китеж – Святая Русь старообрядцев. <...> В силу того, что как легендарный Китеж стал невидимым, избежав уничтожения от хаоса кочевых орд монголов, так и Святая Русь стала невидимой, не подчинившись «антихристовым» реформам Никона»²³. Здесь важно отметить, что в среде бегунов антихрист считался не конкретным лицом, но духом времени, воплощенным в государственных и церковных структурах, а следовательно – земной Церкви нет, и Святой Руси – нет, и единственным путем спасения является убежание от них.

В 1911–1913 гг. Дурьлин тесно общался с П.П. Карпушиным и Н.Г. Сутковым – сторонниками учения А.М. Добролюбова о «невидимой Церкви», о прямом, без обрядов и таинств, общении с Богом. Летом 1912 г. Дурьлин провел на озере Светлояр «Китежскую ночь» (с 22 на 23 июня, в праздник Владимирской иконы Божьей Матери), когда там с незапамятных времен собирается множество взыскующих Града Небесного. И хотя сторонником добролюбовского учения он не стал, опыт пребывания на озере оказал значительное влияние на мировоззрение Дурьлина, и в дальнейшем он совершал поездки по старообрядческим местам Заволжья и Калужской губернии. Свою интерпретацию легенды Дурьлин изложил в работе «Церковь невидимого града: Сказание о граде Китеже» (1913), которая получила широкое распространение в интеллектуальной среде, в т.ч. высокую оценку Императора Николая II за то, что показывала Россию, в которой «есть не только бедность и глупость, не только хлыстовство и [воры-]интенданты, а есть еще подлинное богатство, о коем мы и не подозреваем»²⁴.

Примечательным текст Дурьлина делает его акцент на религиозном сознании русского народа, которое, по его мнению, до сих пор хорошо не понято и не изучено. Западничество интересовалось только «внешним» в общественной жизни – политическим, а славянофильство,

²⁰ Подробнее см.: Шешунова 2005: 12–23.

²¹ См.: Карлсон 2011; Комарович 1936; Брагинская 1999; Курдин, Кудряшов 1996.

²² Шестаков 1995: 23.

²³ Семикопов 2012: 67.

²⁴ Цит по: Голлербах 2000: 314.

сознавая безмерное значение православия для бытия русского народа, так и не понял сущности народной веры во Христа – «В чем основной смысл православия русского народа, в чем он православен был на протяжении его исторического существования, каковы черты православного лика русского народа? – Эти страшные для нашего сознания вопросы были как бы обойдены славянофилами»²⁵, – пишет Дурьлин. Между тем именно в сказании о Китеже «не точно и не совершенно, но с чрезвычайной действенной силой и глубиной» воплощен «опыт народной души о Церкви»²⁶. Народная душа, по мнению Дурьлина, всегда стремится к идеалу, всегда «жаждала и жаждет бытия в Церкви и мыслит свое бытие как пребывание в церкви видимой и непрестанное общение с Церковью невидимой – в молитве и вере»²⁷. Полнота веры, любви и благодати, недостижимая в видимой Церкви, все равно для русского человека характеризует истинную соборную жизнь во Христе. То есть Китеж является выражением народной веры в Церковь святую, идеальную, в коей живут только праведники, и только праведникам, отринувшим от себя все земное, доступен путь туда²⁸.

Несмотря на то, что сюжет «потерянного» земного рая встречается во многих культурах²⁹, важно отметить существенные для рассуждений Дурьлина черты легенды о Китеже. Во-первых, это принципиальная возможность возрождения – Китеж не погиб, а скрылся в водах Светлояра – стал невидимым до поры до времени, но всегда готов принять тех, кто чист душой и крепок верой. Во-вторых, Китеж как остров святости скрыт не в наказание за людские грехи подобно Атлантиде, а, напротив, по молитве и Божьей милости как чудо спасения от монголо-татар. И в-третьих, сами жители града – праведники, ведь Китеж – остров блаженных, чьи молитвы были услышаны Господом. Неслучайно, что в конце 1960-х архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) назвал тайную жажду правды и веры «светлоярским сознанием в народе»³⁰. По его мысли, воплотившаяся в легенде «победная сокровенность добра» придала ей историсофское звучание: сказание о «городе людей, соблюдавших правду Божию и не отдавших святую веру на поругание», стало в XX в. «выражением самой русской культуры»³¹. Описанный Дурьлиным Китеж – особое сакральное пространство. По выражению А.В. Михайловского, это «топос, где мистическая Церковь формирует богочеловеческий социум. <...> “Русский народ”... как бы поднимается над простой совокупностью различных социальных групп, даже над своим национальным измерением, и образует новую социальную реальность

²⁵ Дурьлин 2000: 77.

²⁶ Дурьлин 2000: 81.

²⁷ Дурьлин 2000: 81.

²⁸ Семикопов 2012: 73.

²⁹ См., напр.: Михайловский 2019: 86–98.

³⁰ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский 1992: 509–510.

³¹ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский 1992: 509.

народа иного порядка, ассоциированную со святыми и праведными и переживаемую в актуальном опыте богоприсутствия»³².

В XX в. поиски сокровенного на Руси Божьего Града оказываются востребованным в среде русской интеллигенции уже не столько в связи с оценкой последствий церковного раскола, сколько с осмыслением революции. С одной стороны, образ утраченного Китежа позволяет отразить общественное отношение к историческим трансформациям. Здесь принципиальным вопросом является – противостоят и отрицают ли друг друга совершенно Русь реальная и Русь идеальная. Дурьлин стоит на позиции, что вовсе нет и для установления идеала Святой Руси не нужно уничтожать реальную Русь-Россию. С другой стороны, Китеж выступает как символ сохранения – невидимой Святой Руси и Руси реальной, исторической, но утраченной в революции. Кстати, особенно выраженным этот символический смысл легенды станет позднее в творчестве русской эмиграции – у И.А. Бунина, И.С. Шмелева, И.А. Ильина и др.³³.

Для Дурьлина образ Китежа неразрывно связан с образом Св. Софии, об этом в 1915 г. он прочел доклад «Град Софии: Царьград и св. София в русской народном религиозном сознании». София для Дурьлина – величайшая идея «всечеловеческой и вселенной собранности»³⁴, поскольку храмы Софийские предназначались для «всемірного братства и соборном объединении единовѣрных, воплощали собою чествование высшей мысли, высшей мудрости в смысле христианском: они вещали, что мудрость состоит в спасении всего міра, в установлении мира всего міра»³⁵. «Совершенная Церковь земная, как возлюбленная Христа, как чистая Его невеста, и есть „душа неизглаголанного девства“, св. София, „неимуца скверны или порока“ или нечто от таковых, Міровая Душа и Душа всего человечества. Этой Церкви-Софии, невесте Христовой, поклоняется доселе русский народ, ее чтит он в граде Китеже и в видимой Церкви»³⁶. Важным для Дурьлина здесь является именно тождество образа Софии и Церкви³⁷.

Характерно, что к легенде о Граде Китеже и сущности русского национального сознания Дурьлин возвращается и в дальнейшем, например, в работе «Рихард Вагнер и Россия: о Вагнере и будущих путях искусства» (1813), в статьях «Сказание о невидимом граде Китеже» (1916), «Начальник тишины» (1916), «В те дни» (1922). Художественное оформление она получает в романе «Колокола» (1951), где главным действующим лицом является звон колоколов, гибель которых символизирует гибель России, то есть зримого Китежа. Уходя под воду, Русь гибнет, но

³² Михайловский 2019: 93.

³³ Семикопов 2012: 75.

³⁴ Дурьлин 2000: 161-162.

³⁵ Кожевников 1899: 480-481.

³⁶ Дурьлин 2000: 125-126.

³⁷ Коршунова 2021: 40.

сохраняет надежду на будущее воскресение³⁸. Для Дурылина очевидно, что в легенде о Китеже выражен образ народного мифомышления, репрезентирующий русскую картину мира и национальный образ мира³⁹.

Не претендуя на полноценный анализ интеллектуального наследия Дурылина, тем не менее можно отметить широкими мазками основные черты его мировоззренческой позиции в отношении сущности России и русского народа, его взгляда на социально-политическую проблематику. Прежде всего принципиально то, что для Дурылина характерно глубоко православное мировосприятие – а значит символичное, образное, интуитивное, не отрицающее роль разума в познании, но утверждающее его принципиально ограниченные возможности в постижении мира.

Отсюда вытекают и те специфические черты, которые Дурылин видит в русском национальном сознании и которые, по его мнению, определяют отношение русского человека к государству, истории и смыслу бытия России. Обращение к народному, глубинному пониманию мира в противовес поверхностным, но «громким» увлечениям, свойственным интеллигенции. Апокалиптичность и пасхальность как сущностные свойства русского взгляда на человека, общество и историю. Особое отношение к личности, внимание к отдельному человеку, важность индивидуального при осознании неразрывности соборной связи с целым. Восприятие всего в мире как живого – одухотворенными, а значит наделенными силой свободы воли для Дурылина являются народ, Церковь, сама Россия. Первостепенное значение внутреннего над внешним, постоянная устремленность к горнему идеалу, смирение и мудрость в принятии несовершенного земного мира, «тишина» – как идеал христианского общежития. Феномен «внутренней эмиграции» при уважении внешних форм, принципиальный отказ от посюсторонней борьбы в виде революции и любого радикализма.

Можно сказать, что Дурылину самому, как и русскому народу в его интерпретации, свойственен консервативный взгляд на мир в том смысле, что на первый план выходит важность истории, традиции, сохранения своего особенного, а значит истинного в жизни общества и государства. Сохранение истории, культуры, веры, не забвение, а, напротив, память – как отдельного человека, так и русского народа и России в целом, по Дурылину, единственная основа жизни и действительного созидания, не гарантирующая, но дающая надежду на спасение.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Дно Светлояра // Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск: «Святой остров», 1992 [Arkhiiepiskop Ioann San-Frantsisskii. Dno Svetloyara (The bottom of the Svetloyar) // Arkhiiepiskop Ioann San-Frantsisskii. Izbrannoe. Petrozavodsk: «Svyatoi ostrov», 1992].

³⁸ Гладкова 2013: 103-106.

³⁹ Коршунова 2021: 40.

- Брагинская Н.В. Затонувший город: стратегема или мифологема? // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 25–37 [Braginskaya N.V. Zatonuvshii gorod: strategema ili mifologema? (The Sunken City: a strategeme or a mythologeme?) // Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika: Sbornik k 70-letiyu Vyacheslava Vsevolodovicha Ivanova. M.: OGI, 1999. P. 25–37].
- Галкин А.Б. Послесловие. Родом из детства // Дурьлин С.Н. В родном углу. М.: Никея, 2018 [Galkin A.B. Posleslovie. Rodom iz detstva (Afterword. Originally from childhood) // Durylin S.N. V rodnom uglu. M.: Nikeya, 2018].
- Гладкова Е.В. Легенда о Китеже и концепция времени в романе-хронике С.Н. Дурьлина «Колокола» // Вестник КГУ. 2013. № 4. С. 103–106 [Gladkova E.V. Legenda o Kitezh e i kontseptsiya vremeni v romane-khronike S. N. Durylina «Kolokol a» (The Legend of Kitezh and the concept of Time in S. N. Durylin's Chronicle novel "The Bells") // Vestnik KGU. 2013. № 4. P. 103-106].
- Голлербах Е.А. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.: «Алетей», 2000 [Gollerbakh E.A. K nezri-momu gradu. Religiozno-filosofskaya gruppy «Put'» (1910-1919) v poiskakh novoi russkoi identichnosti (To the invisible city. The religious and philosophical group "Path" (1910-1919) in search of a new Russian identity.). SPb.: «Aleteya», 2000].
- Дурьлин С.Н. Град Софии // Дурьлин С.Н. Русь прикровенная. М.: «Паломник», 2000 [Durylin S. N. Grad Sofii (Sofia City) // Durylin S. N. Rus' prikovennaya. M.: «Palomnik», 2000].
- Дурьлин С.Н. Апокалипсис и Россия // Резвых Т.Н. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С. Н. Дурьлина // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 3 (59) [Durylin S.N. Apokalipsis i Rossiya (The Apocalypse and Russia) / Rezyvkh T.N. «Apokalipsis i Rossiya»: eskhatologicheskaya tema u S. N. Durylina // Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. 2015. № 3 (59)].
- Дурьлин С.Н. В родном углу. М.: «Никея», 2018 [Durylin S.N. V rodnom uglu (In my native corner). M.: «Nikeya», 2018].
- Дурьлин С.Н. В своем углу. М., 2006 [Durylin S.N. V svoem uglu (In my corner). M., 2006].
- Дурьлин С.Н. Лик России. Великая война и русское призвание. М.: «Творческая мысль», 1916 [Durylin S.N. Lik Rossii. Velikaya voyna i russkoe prizvanie (The face of Russia. The Great War and the Russian Vocation). M.: «Tvorcheskaya mysl'», 1916].
- Дурьлин С.Н. Начальник тишины // Дурьлин С.Н. Русь прикровенная. М.: «Паломник», 2000 [Durylin S.N. Nachal'nik tishiny (The head of silence) // Durylin S.N. Rus' prikovennaya. M.: «Palomnik», 2000].
- Дурьлин С.Н. Сударь-кот // Дурьлин С.Н. Тихие яблони. М.: «Никея», 2015 [Durylin S.N. Sudar'-kot (Monsieur the Cat) // Durylin S.N. Tikhie yabloni. M.: «Nikeya», 2015].
- Дурьлин С.Н. Церковь невидимого града // Дурьлин С. Н. Русь прикровенная. М.: «Палом-ник», 2000 [Durylin S.N. Tserkov' nevidimogo grada (Church of the Invisible City) // Durylin S. N. Rus' prikovennaya. M.: «Palomnik», 2000].
- Карлсон И. Поиски Руси невидимой: Китежская легенда в русской культуре. 1843-1940. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2011 [Karlson I. Poiski Rusi nevidimoi: Kitezhskaya legenda v russkoi kul'ture. 1843-1940 (The Search for Invisible Russia: The Kitezh Legend in Russian Culture. 1843–1940). Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2011].
- Кожевников В.А. Северно-русские думы и впечатления // Русский вестник. 1899. № 10 [Kozhevnikov V.A. Severno-russkie dumy i vpechatleniya (North Russian thoughts and impressions) // Russkii vestnik. 1899. № 10].
- Комарович В.Л. Китежская легенда: опыт изучения местных легенд. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936 [Komarovich V.L. Kitezhskaya legenda: opyt izucheniya mestnykh legend (Kitezh legend: the experience of studying local legends). M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1936].
- Коршунова Е.А. Вариации русского модернизма: С.Н. Дурьлин. Москва: Берлин: «Директ-Медиа», 2021 [Korshunova E.A. Variatsii russkogo modernizma: S.N. Durylin (Variations of Russian Modernism: S.N. Durylin). Moskva; Berlin: «Direkt-Media», 2021].
- Курдин Ю.А., Кудряшов И.В. «Китежская легенда» в интерпретации В.Г. Короленко («В пустынных местах») и П.И. Мельникова-Печерского («В лесах») // Короленковские чтения. 15–16 окт. 1996. Тезисы докладов научно-практической конференции. Глазов, 1996. С. 6–9 [Kurdin Yu.A., Kudryashov I.V. «Kitezhskaya legenda» v interpretatsii V.G.

- Korolenko («V pustynnykh mestakh») i P.I. Mel'nikova-Pecherskogo («V lesakh») ("The Kitezh Legend" as interpreted by V.G. Korolenko ("In Deserted Places") and P.I. Melnikov-Pechersky ("In the Woods")) // Korolenkovskie chteniya. 15–16 okt. 1996. Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii. Glazov, 1996. P. 6–9].
- Михайловский А.В. Китеж - незримый град Руси // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Филология. Филология. 2019. № 1 (25). С. 86–98 [Mikhailovskii A.V. Ki-tezh - nezrimyi grad Rusi (Kitezh - the invisible city of Russia) // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya. 2019. №1 (25). P. 86–98].
- Монах Варфоломей (Чернышев Сергей Николаевич). Сергей Николаевич Дурьлин – ученый и тайный священник советской эпохи // Ипатьевский вестник. 2022. № 2. С. 157–181 [Monakh Varfolomei (Chernyshev Sergei Nikolaevich). Sergei Nikolaevich Durylin – uchenyi i тайnyi svyashchennik sovetskoj epokhi (Sergey Nikolaevich Durylin is a scientist and a secret priest of the Soviet era) // Ipat'evskii vestnik. 2022. № 2. P. 157–181].
- Резвых Т.Н. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С.Н. Дурьлина // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Филология. 2015. №3 (59). С. 83–118 [Rezyvkh T.N. «Apokalipsis i Rossiya»: eskhatalogicheskaya tema u S. N. Durylina ("Apocalypse and Russia": S.N. Durylin's Eschatological theme) // Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. 2015. №3 (59). P. 83–118].
- Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: В.В. Розанов / Под ред. А.А. Ширинянца; авт.-сост. О.Е. Пучнина, А.А. Ширинянц. М.: Издательство Московского университета, 2018 [Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX – nachala XX veka: V.V. Rozanov (Russian socio-political thought of the XIX – early XX century: V.V. Rozanov) / Pod red. A.A. Shirinyantsa; avt.-sost. O.E. Puchnina, A.A. Shirinyants. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018].
- Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М.: «Квадрига», 2024 [Russkie tsennosti: Traditsionnye smysly i ikh otrazhenie v soznanii sovremennoy molodezhi (Russian values: Traditional meanings and their reflection in the minds of modern youth): Kollektivnaya monografiya / Pod red. S.V. Perevezentseva, A.V. Seleznevoi. M.: «Kvadriga», 2024].
- Семикопов Д.В. Град Китеж – потерянный рай? (Легенда о граде Китеже в богословском и религиозно-философском аспектах) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2012. № 10. С. 63–77. [Semikopov D.V. Grad Kitezh – poteryannyi rai? (Legenda o grade Kitezhe v bogoslovskom i religiovedcheskom aspektakh) (Is the city of Kitezh a lost paradise? (The legend of the City of Kitezh in theological and religious aspects))] // Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii. 2012. № 10. P. 63–77].
- Сергей Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред., предисл. А. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010 [Sergei Durylin i ego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya (Sergey Durylin and his time: Research. Texts. Bibliography). Kn. I: Issledovaniya / Sost., red., predisl. A. Reznichenko. M.: Modest Kolerov, 2010].
- Сергей Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. II: Тексты. Библиография / Сост., ред., предисл. А. Резниченко. М.: Российский издательский дом «Регнум», 2011 [Sergei Durylin i ego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya (Sergey Durylin and his time: Research. Texts. Bibliography). Kn. II: Teksty. Bibliografiya / Sost., red., predisl. A. Reznichenko. M.: Rossiiskii izdatel'skii dom «Regnum», 2011].
- Топорова В.Н. Сергей Дурьлин. М.: «Молодая гвардия», 2014 [Toporova V.N. Sergei Durylin (Sergey Durylin). M.: «Molodaya gvardiya», 2014].
- Шестаков В.П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры: Учеб. пособие. М.: «ВЛАДОС», 1995 [Shestakov V.P. Eskhatalogicheskie motivy v legende o grade Kitezhe (Eschatological motives in the legend of the City of Kitezh) // Shestakov V. P. Eskhatalogiya i utopiya: Ocherki russkoi filosofii i kul'tury: Ucheb. posobie. M.: «VLADOS», 1995].
- Шешунова С.В. Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64, № 4. С. 12–23 [Sheshunova S.V. Grad Kitezh v russkoi literature: paradoksy i tendentsii (The City of Kitezh in Russian Literature: paradoxes and trends) // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2005, T. 64, № 4. P. 12–23].

Сорокопудова Ольга Евгеньевна, к. полит. н., старший научный сотрудник, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; o.srkpdv@gmail.com

Тальская Ольга Дмитриевна, к. полит. н., старший преподаватель, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; ollytalsky@gmail.com

“Because of Russia, We Often Do Not See Russia...”: Russia and Russian National Consciousness in S.N. Durylin’s Religious and Philosophical Works

The article attempts to reconstruct the social and political ideas of Sergei Durylin, a Russian writer, philosopher and art historian (1886-1954), and explores his views on the essence of Russia and the Russian national consciousness. On the basis on Durylin's artistic, journalistic, and religious-philosophical writings the authors conclude that his worldview is deeply rooted in Orthodoxy and can be described as symbolic, figurative, intuitive one and based on a belief in the limited role of reason in understanding the world. According to Durylin, Russian national consciousness is determined by apocalypticism, paschalism, a special attention to the individual, and importance of the individual in realizing the indivisible connection with the whole. It also includes a perception of everything in the world as alive, including people, the Church, and Russia itself. The article highlights the primary importance of the internal over the external in the ideas of Durylin, its constant aspiration to the high ideal, humility and wisdom in accepting the imperfect earthly world, and ‘silence’ as the ideal of Christian community life. Durylin's worldview is a conservative one that emphasizes history, tradition, religion, preserving a unique (and therefore the true) identity within society and the state.

Keywords: *Russia, Holy Russia, Kitezh, S.N. Durylin, religious philosophy, Orthodoxy, Russian national consciousness, eschatology*

Olga Ev. Sorokopudova, PhD in Political Sciences, Senior Researcher of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University; o.srkpdv@gmail.com

Olga D. Talskaya, PhD in Political Sciences, Senior Lecturer of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University; ollytalsky@gmail.com

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В СССР И НА КУБЕ О СХОДСТВЕ ОНТОЛОГИИ СОЦИАЛИЗМА ВО ВЗГЛЯДАХ Н. ХЕССИНА И Э. ГЕВАРЫ

В статье поставлена цель впервые в историографии сравнить онтологию социализма во взглядах Э. Гевары и Н.В. Хессина. Оба мыслителя сформулировали то противоречие, с которым столкнулись как СССР, так и Куба в попытках преодолеть проблемы капитализма и построить социалистическое общество. История дискуссий по политэкономии в 1960-х гг. в СССР и на Кубе рассмотрена с опорой на работы их участников. В ходе сравнительного анализа сделан вывод о том, что теоретическое положение, выдвинутое Хессиним об «экономической клеточке», состоявшее в том, что исходным производственным отношением социализма является планомерная организация общественного производства, во многом перекликалось с точкой зрения, которую отстаивал Гевара в ходе экономической дискуссии на Кубе в первой половине 1960-х гг. Он подчеркивал ключевую роль категории централизованного планирования для социализма. Показано, что политэкономия в СССР и на Кубе продолжала опираться на категории товарного хозяйства, основанного на обособленности производителей, однако само строительство социализма предполагало снятие этой обособленности. Оба мыслителя сумели сформулировать это объективное противоречие в одно и то же время. Впервые установлено, что программная статья Хессина об «экономической клеточке» была практически сразу после выхода в СССР опубликована на Кубе в журнале, изданием которого занимался Гевара.

Ключевые слова: Э. Гевара, Н.В. Хессин, политэкономия, онтология социализма, товарное производство, закон стоимости, планирование, экономическая клеточка.

Цикличность развития капитализма в XXI в. вызвала внезапную волну интереса к идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, в противовес разочарованию в них, свойственному девяностым годам XX в. Сегодня марксистское направление активно развивается в соответствии с изменившимися реалиями, что не снижает степени значимости классического марксизма для тех, кто занимается неомарксизмом, постмарксизмом и т.д.¹ На этом фоне несколько теряется то, что практика СССР и других стран социалистического лагеря позволила положить начало еще одному вектору развития политической экономии. Помимо осмысления и критики капитализма политическая экономия включает в себя исследование качественно нового коммунистического способа производства.

Предметом статьи являются наработки советской и кубинской политэкономии: обратимся к истории политэкономических дискуссий в СССР и на Кубе и проанализируем некоторые сходства проблематик и концепций этих дебатов. Мы изучим дискуссии по проблеме «экономической клеточки» социализма в СССР в 1960-х гг. Далее изучим опыт Кубы, менее продолжительный, но не менее интересный, и исследуем «великую дискуссию» (el gran debate – исп.) по экономике на Кубе. В работе проводится сравнение позиций двух ключевых представи-

¹Buzgalin, Kolganov 2021; Harvey 2020.

телей этих дискуссий: в случае советской – Н.В. Хессина, в случае кубинской – Эрнесто Гевары. Статья обращается к категориальному аппарату политической экономии и источниковой базе ряда работ ключевых участников дискуссии. Цель исследования – прояснение сходства и различия позиций Николая Хессина в СССР и Эрнесто Гевары на Кубе.

Эти дискуссии практически не анализировались в литературе. Экономические дебаты на Кубе были предметом исследования², однако, в основном зарубежных ученых. Дискуссия советских экономистов об «экономической клеточке» или исходном отношении способа производства в литературе практически не получила освещения³. Сравнительный анализ выраженных в этих дискуссиях идей, их значение в контексте современной им эпохи и их роль в политэкономии социализма позволяет ответить на новый политико-философский вопрос: какие онтологические особенности социализма (или обществ, которые пытались его строить) отражены в обеих дискуссиях?

Стоит учесть, что в рамках развития политической экономии социализма в СССР в более ранние годы шла серьезная теоретическая полемика (особенно в 1920-х гг.). Впоследствии, несмотря на ограничения идеологического характера, дискуссии не были свернуты, их очередной виток пришелся на затянувшееся (и прерванное Великой Отечественной войной) обсуждение готовящегося учебника по политэкономии, который был опубликован в 1954 г⁴.

В начале 1960-х гг. в СССР сложились предпосылки для возобновления активных теоретических дискуссий о политэкономии социализма. Важным фактором стала эволюция организации хозяйства в СССР в сторону децентрализации (особенно реформа управления промышленностью 1957 г. и разработка реформы Либермана-Косыгина). Начало 1960-х гг. отмечилось усилением ориентации на рентабельность производства, что постепенно превращалось в прямое оперирование капиталистическими категориями. Это входило в противоречие с теоретическими наработками, которые в процессе обсуждения учебника по политэкономии и проблемы преодоления товарного производства были сформулированы И.В. Сталиным, который утверждал: «совершенно не правы те товарищи, которые заявляют, что поскольку социалистическое общество не ликвидирует товарные формы производства, у нас должны быть якобы восстановлены все экономические категории, свойственные капитализму: рабочая сила, как товар, прибавочная стоимость, капитал, прибыль на капитал, средняя норма прибыли и т.п. Эти товарищи смещивают то-

² За рубежом экономическая дискуссия на Кубе освещалась в ряде монографий, в том числе посвященных идейному наследию Эрнесто Гевары: Pericás 2014; Tablada 1987, Yaffe 2009. На русском языке: Арабаджян 2021; Платошкин 2017.

³ Вопросы проработки проблематики «клеточки» социализма касаются Рудакова (2014: 95), Корчагина (2005: 111). Несколько более подробно о том, какие точки зрения в рамках дискуссии по вопросу исходного отношения социализма отстаивали в дальнейшем разные советские ученые, пишет Ушакова (1985: 27–28).

⁴ Островитянов и др. 1954.

варное производство с капиталистическим производством и полагают, что раз есть товарное производство, то должно быть и капиталистическое производство. Они не понимают, что наше товарное производство коренным образом отличается от товарного производства при капитализме⁵. Пытаясь обосновать отличие товарного производства при социализме, Сталин не отрицал, что в перспективе товарное производство *per se* должно быть преодолено. Однако основные тренды научно-практической мысли в СССР отдалялись от этой позиции.

Показательной стала статья Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия», вышедшая в газете «Правда» в 1962 г. В работе предлагалось выбрать рентабельность («прибыль в процентах к производственным фондам») ⁶ ключевым показателем оценки деятельности предприятий и фактором, определяющим премирование работников. Предлагалось наделить производственные единицы большей самостоятельностью и расширить их полномочия по окончательному формированию плана (определение штата, зарплат, себестоимости и др.). В статье фактически из дуализма – сосуществования товарности и плановости при утверждении особого характера товарного производства – выводится и особый характер других категорий, которые могут и должны быть использованы в социалистическом производстве для повышения эффективности: «наша прибыль не имеет ничего общего с капиталистической. Сущность таких категорий, как прибыль, цена, деньги, у нас совсем иная, и они с успехом служат делу строительства коммунизма»⁷.

Постепенно возможности использования категориального аппарата для описания товарного производства расширились. Принцип хозяйственного расчета предлагалось напрямую увязать с прибыльностью производства. И хотя формально оговаривалось, что это не только не противоречит, но совместимо и даже органически присуще социализму, на практике мотивация работников предприятия и самой производственной единицы стимулировала рыночный характер взаимодействия с другими участниками экономических отношений. Вместо того, чтобы преодолевать товарный характер производства, этот тип ведения хозяйства стимулировал обособленность производственных единиц, обретавших свои интересы, которые могли конфликтовать с интересами других предприятий и общества. Это подрывало возможность планомерно координировать действия хозяйственных агентов.

Эта проблема была осмыслена и сформулирована в более явном виде Н.В. Хессиным. Хотя он не был практиком, контекст этих имеющих прямое практическое значение для развития социалистической экономики СССР преобразований явно влиял на теоретические наработки сотрудника экономического факультета МГУ.

⁵ Сталин 1952.

⁶ Либерман 2016: 431.

⁷ Либерман 2016: 427.

В данном контексте закономерным является фокус исследований Хессина – проблемы метода и категорий «Капитала». В 1964 г. вышла программная работа ученого «Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса»⁸, где были исследованы ключевые категории, выведенные Марксом. В июле этого же года в журнале «Вопросы экономики» была опубликована статья «Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма»⁹. В 1966 г. Хессин защитил докторскую диссертацию, посвященную принципиально важной проблеме – товарному производству, на этот раз уже в контексте развития идей Лениным («Вопросы теории товарного производства в трудах В.И. Ленина»).

Объективное накапливание проблем в процессе строительства социализма в СССР (в том числе проблема эффективности), столкновение плановых начал с элементами, присущими товарному хозяйству, интенсификация последних, их усиливающаяся интеграция в план, вызывали необходимость артикуляции этого противоречия. Хессин попытался сформулировать более общий подход к онтологии социализма, а для этого ему понадобилось ответить на вопрос, что представляет собой товарное производство, чем является товар и что дает это знание в теоретической проработке проблем социализма.

В этих работах Хессин подчеркивает, что именно товар является «клеточкой» капитализма, исходным простейшим отношением, которое содержит в себе в зародышевой форме все дальнейшие противоречия капиталистического способа производства. Товарное производство он определяет как обособленность производителей, для которой характерны анархия хозяйственной жизни и установление пропорциональности, «учета и распределения общественного труда» случайным образом, посредством рыночного обмена. Регулятором в последнем выступает закон стоимости. При этом подчеркивается стихийность учета и распределения труда, которые происходят уже после вынесения товара на рынок, а также указывается, что «действие закона стоимости неизбежно ведет к дифференциации товаропроизводителей»¹⁰. В связи с этим Хессин приходит к заключению о том, что «по сравнению со всеми предшествующими капитализму формами учета и распределения общественного труда закон стоимости выступает как более прогрессивная форма, содействующая развитию производительных сил, росту производительности общественного труда. Однако это форма не вечная и не идеальная. Она уступит место более совершенной, планомерно организованной коммунистической форме»¹¹.

Ученый вышел на противоречие планомерности и функционирования закона стоимости, связанного с товарным хозяйством. В начале

⁸ Хессин 1964.

⁹ Хессин 2017.

¹⁰ Хессин 1964: 158.

¹¹ Хессин 1964: 159.

1960-х гг. Хессин писал о возможности и необходимости применения метода Маркса к изучению способов производства и выведению их системы категорий. В этом пункте позиция Хессина и ряда советских ученых (т. н. школа «планомерников», возглавляемая Н.А. Цаголовым, которая впоследствии вступила в дискуссии с «рыночниками», лидером которых был Я.А. Кронрод) противостояла мнению К.В. Островитянова, одного из авторов учебника 1954 г., считавшего, что социализм имеет собственную логику, и метод Маркса неприменим к его изучению¹².

Н.В. Хессин показал, что товар не просто так является точкой отсчета при изучении капитализма. Именно товарное отношение, с одной стороны, содержит в себе противоречия последующих феноменов (и категорий), которые составляют систему капитализма. С другой стороны, товарное отношение, будучи как исходным, так и всеобщим отношением капитализма, обеспечивает связь всех хозяйствующих объектов в условиях общественного разделения труда, чем одновременно гарантирует пропорциональное распределение самого общественного труда, хотя и непрямым образом.

Таким образом, попытка применения метода Маркса к социализму приводит Хессина к выводу о том, что «клеточкой» социализма, его первым, исходным отношением является «планомерная организация общественного производства». Этот подход в 1960-х гг. разделялся не всеми экономистами. Существовали предложения рассматривать в качестве «клеточки» общественную собственность на средства производства, основной экономической закон и др.¹³ Однако Н.В. Хессин показывал, что именно планомерная организация общественного производства обеспечивает специфически социалистическое «соединение производителей со средствами производства»¹⁴.

Победа кубинской революции в 1959 г. привела к качественно новому этапу развития страны. Новые власти еще до официального провозглашения социалистического характера революции (16 апреля 1961 г.) предприняли ряд радикальных мер, которые благоприятствовали переходу к социалистическому строительству (в т.ч. проведение аграрной реформы и национализаций в сфере производства). Ф. Кастро уже в августе 1960 г. признавал, что Куба «фактически идет к социалистическому пути развития»¹⁵, но осознавал, что прямое заявление об этом было преждевременным (требовалось подготовить массы). Вскоре марксизм-ленинизм официально стал основой выстраивания новых общественных отношений.

Но четкого видения того, как осуществлять планирование экономики у руководства Кубы не было. Это породило необходимость изучения существующих моделей планирования и обсуждения их примене-

¹² Хессин 2017: 116.

¹³ Хессин 2017: 123.

¹⁴ Хессин 2017: 126

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0104. Оп. 16. П. 116. Д. 4. Л. 68.

ния на Кубе с учетом ее специфики. Обсуждение вылилось в серьезную дискуссию. Эрнесто Гевара, возглавивший Министерство промышленности, стал одним из ее основных участников.

Практическое воплощение дискуссия получила в основах кубинской экономики. Так, в рамках Министерства промышленности Гевара предлагал опираться на систему бюджетного финансирования, действие которой распространилось на предприятия, входившие в компетенцию Министерства, а также в дальнейшем на Министерство транспорта и Министерство сахарной промышленности. В то же время Национальным институтом аграрной реформы (НИАР), которым руководил Карлос Рафаэль Родригес, предлагалось внедрять самофинансирование предприятий (близкое советскому хозрасчету). Помимо НИАР, самофинансирование работало на предприятиях, входивших в компетенцию Министерства внешней торговли.

В дискуссии участвовал ряд кубинских практиков и теоретиков в области экономики. Точку зрения Гевары разделяли министр финансов Луис Альварес Ром и его заместитель Марио Родригес Эскалона, соратники Министерства промышленности Орландо Боррего, позднее возглавивший Министерство сахарной промышленности, и Алексис Кодина Хименес, руководивший одним из подотчетных Министерству промышленности предприятий, а также экономист Центрального комитета планирования Мигель Коссио Вудворд. Странниками самофинансирования выступали министр внешней торговли Альберто Мора, президент Национального Банка Марсело Фернандес Фонт, директор управления финансами и ценами в НИАР Хоакин Инфанте Угarte¹⁶. К дискуссии подключились и зарубежные теоретики: позицию Гевары разделял Эрнест Мандель, позицию Родригеса – Шарль Беттельхейм.

Дискуссия затрагивала разные вопросы, для нашего исследования стоит уделить внимание планированию. Странники самофинансирования не отрицали необходимости планирования, но настаивали на его децентрализованном характере и допускали использование закона стоимости в рамках плана, а также оперирование категориальным аппаратом, выведенным Марксом в ходе изучения капитализма. Они предлагали расширить возможности производственных единиц по самостоятельному принятию решений по финансовым вопросам. Это приводило и к центральному положению материальных стимулов.

Странники системы бюджетного финансирования настаивали на централизованном планировании и неприменимости категорий, выведенных в «Капитале» в рамках строительства социализма. Они не допускали финансовой самостоятельности предприятий, настаивали на значительном ограничении роли и функций банковской системы, на финансировании производственных единиц через бюджет и на преобладании моральных стимулов.

¹⁶ С полемическими статьями, вышедшими в ходе дискуссии, можно познакомиться в Guevara 2006b.

Так, кубинская экономика стала воплощением дуализма тех противоположных начал (планомерности и рынка), противоречие между которыми высветилось в СССР и интенсифицировалось к 1960-м гг. Причем кубинская экономическая дискуссия привела к тому, что это противоречие было четко сформулировано. Посмотрим, как это сделал Гевара в одной из статей, где он показывал, что социалистическое планирование онтологически не может включать в себя рыночные начала: «Мы отрицаем возможность сознательного использования закона стоимости, исходя из отсутствия свободного рынка, который автоматически отражал бы противоречия между производителями и потребителями; отрицаем применимость категории товара в отношениях между государственными предприятиями и считаем все эти предприятия и учреждения частью большого единого предприятия – государства»¹⁷. «Закон стоимости и план – это два понятия, связанные противоречием и его решением; <...> централизованное планирование – это способ бытия социалистического общества»¹⁸, его определяющая категория; тот рубеж, где человеческое сознание достигает наконец возможности обобщить и направить экономику к своей цели – полному освобождению человеческой личности в рамках коммунистического общества»¹⁹.

Гевара, во-первых, четко указал на противоречие между законом стоимости, который выведен из товарного производства, и планом, принципиально выходящим за пределы анархии рынка и «окольного пути» распределения общественного труда. План – это снятие проблемы обособленности производителей, то есть преодоление товарного характера хозяйства, которое обрело качество всеобщего общественно-противоречия при капитализме, причем снятие сознательное. Во-вторых, хотя и не формулируя тезис через понятие «клеточки», Гевара уловил центральный характер категории планирования для социалистического способа производства.

Отметим коренное убеждение Че в том, что планирование должно быть централизованным. По большому счету, Э. Гевара предвидел изменение функций государства в социалистическом обществе. Из аппарата принуждения оно должно было стать всеохватывающим предприятием, где производство осуществляется благодаря автоматизированной системе планирования. Э. Гевара придавал большое значение математическим методам, бухгалтеру, статистике, линейному программи-

¹⁷ Гевара 2006: 396.

¹⁸ Даже сама формулировка о «способе бытия социалистического общества» похожа на то, как будет позднее рассуждать Н.В. Хессин о применении историко-генетического метода к изучению социализма: «Планомерность – способ существования непосредственно-общественного труда. В масштабе всего общественного производства, а отдельные предприятия являются его частями, не может быть планомерного производства в масштабе всего народного хозяйства без планомерного производства на социалистических предприятиях» (Хессин 1975: 22). Безусловно, и само содержание близко идеям Гевары из приводимой цитаты.

¹⁹ Гевара 2006: 396.

рованию, рационализации и автоматизации управления и производства, учету и контролю. Будущая система планирования, по Э. Геваре, должна была представлять собой автоматизированную систему разработки плана и контроля его выполнения через единый центр, который был бы связан со всеми производственными единицами и обеспечивал тем самым координацию всей хозяйственной деятельности в стране²⁰.

Конечно, ставка на автоматизацию для Кубы 1960-х гг. была невозможной в силу объективной недоступности технологий. Тем не менее, интересно, что в таком прогнозе, образе будущего, Че совпадал с тем, что пытались осуществлять советские коллеги-специалисты в области кибернетики (вспомним разработку ОГАС и АСПР).

Исследование дискуссий по политэкономии, которые проходили в СССР и на Кубе примерно в одно и то же время, отражает сходство проблематик и точек зрения участников, несмотря на различие контекста и их опыта. Советские экономисты имели за своими плечами несколько десятилетий опыта строительства социализма, а также накапливали знания в рамках теоретической проработки ключевых вопросов онтологии социализма. Кроме того, в СССР с 1920-х гг. в рамках Института марксизма-ленинизма шло детальное изучение работ Маркса и Энгельса, разрабатывались разные варианты переводов, исследовались и публиковались неопубликованные произведения (например, знаменитые и популярные сегодня «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» были опубликованы лишь в начале 1930-х гг. как раз благодаря работе советских марксоведов²¹).

Революционные власти Кубы только вставляли на путь социалистического строительства. Их знакомство с опытом стран социалистического лагеря и работками в области теории шло ускоренным темпом, и это приносило плоды. Эволюция социалистических практик привела к их теоретико-методологическому осмыслению, поскольку возникла конкретная историческая необходимость изучить противоречивые изменения, происходившие внутри социалистического общества.

Кубинская действительность, как и советская, вскрыла противоречие онтологии социалистического общества в его становлении. Попытка совмещения плана и рыночного механизма – закона стоимости – была охарактеризована Геварой как противоречие, в котором централизованное планирование (ключевая категория) должно было снять хаотичность рынка и обособленность производителей. Это может показаться удивительным, но приведенные нами строки были опубликованы в журнале «Nuestra Industria: Revista Económica» в феврале 1964 г., буквально несколькими месяцами ранее выхода в свет статьи Хессина о

²⁰ Borrego 2001: 299–300.

²¹ Первая полная публикация работы на немецком языке вышла в 1932 г. как часть издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языке оригинала, в котором участвовал Институт Маркса, Энгельса и Ленина под руководством Д.Б. Рязанова и В.В. Адоратского. Marx 1932. S. 29–172.

«клеточке» социализма. Тогда же советский экономист работал над проблемами товарного производства, указывая его историческую роль в качестве генетического начала, приведшего к развитию капитализма.

Хотя о прямом контакте между двумя мыслителями достоверных сведений нет, вероятнее всего, уже после формулирования идеи о централизованном планировании как ключевой категории социализма, Че ознакомился с той самой программной статьей Хессина. Об этом свидетельствует то, что перевод этой статьи²² был опубликован в журнале Министерства промышленности «*Nuestra Industria: Revista Económica*», в №9 за 1964 г. (октябрь). Интересно, что вышедшая в июле 1964 г. статья быстро дошла до кубинцев и была переведена и опубликована в том же 1964 г. Э. Гевара лично изучал разные политэкономические материалы и подбирал статьи для публикации в ключевом министерском журнале. Статья Хессина, во многом отражавшая те же идеи, которые формулировал Гевара, по всей видимости, стала объектом повышенного интереса революционера, поэтому столь быстро вышла и на Кубе.

Выводом из этих разрабатываемых в один и тот же исторический момент теоретических положений, является то, что невозможно последовательно интегрировать элементы товарного производства в планомерно организованную систему общественных отношений. В 1950-х гг. в СССР товар и товарное производство в социализме рассматривались как качественно изменившиеся категории, и, вероятно, так оно и было: становлению социализма характерна переходность самих категорий меняющегося способа производства. Но дальнейшее развертывание социализма должно было привести к угасанию категорий товарного хозяйства, поэтому их намеренное использование внутри социалистического производства нарушало саму логику социалистических отношений. Это стимулировало общественные отношения, характерные для капиталистического способа производства, то есть попытка работать над проблемами социализма с помощью рыночных инструментов подрывала планомерность как качественно иную характеристику социализма. В этом смысле и Хессин, и Гевара заключили бы, что «лечить» план рынком невозможно в силу их генетической противоположности.

В этом контексте логично, что в конце жизни, уже покинув пост министра промышленности и начав реализовывать замысел по экспорту революций, Э. Гевара возвращался к проблематике онтологии социализма. Хотя у него не было ни времени, ни возможности изложить свои взгляды систематически, он продолжал изучать современную литературу, в том числе по марксизму. Среди прочего, в 1965–1966 гг. Гевара изучал тот самый учебник по политической экономии (4-ое переработанное издание в переводе на испанский, вышедшее в 1963 г.) и оставил в связи с этим ряд критических заметок, которые были опубликованы только в начале XXI в.²³ Будучи неудовлетворенным содержа-

²² Jessin 1964.

²³ Guevara 2006a

нием учебника (туда были включены положения о возможности использования категорий товарного производства в рамках социализма, что противоречило взглядам Че об онтологии социализма как первой ступени коммунизма), Гевара задумывал разработать альтернативный учебник по политической экономии. Позднее он выдвинул тезис о том, что в СССР наличествовали тенденции возврата к капитализму²⁴.

Таким образом, отталкиваясь от накопленного предыдущими теоретиками и практиками марксизма опыта Э. Гевара и Н. Хессин, исследовали одно и то же материальное противоречие окружающей их действительности, становившееся все более явным в силу развития самого предмета исследования. Осмысливая это противоречие, они смогли его сформулировать и выразить свое отношение к нему. В связи с этим сходство их позиций, буквально совпавшее по времени, стало отражением в мышлении онтологических противоречий, которые возникли при попытках построить общество, где товарное хозяйство перестает быть основой развития, с использованием рыночных инструментов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арабаджян А.З. Позиция Эрнесто Гевары в экономической дискуссии на Кубе в 1960-е гг. // Диалог со временем. 2022. №70. С. 136–151. [Arabadzhyan A.Z. Poziciya Ernesto Gevary v ekonomicheskoy diskussii na Kube v 1960-e gg. (Ernesto Guevara's Position in the Economic Debate on Cuba in 1960-s) // Dialogue with Time. 2022. №70. P. 136–151].
- Гевара Э. О системе бюджетного финансирования // Тарасов, А. (Сост.). Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006. С. 375–407. [Guevara E. O sisteme byudzhnetogo finansirovaniya. (On the Budgetary Finance System) // Tarasov, A. (Comp.) Stat'i, vystupleniya, pis'ma. (Articles, Speeches, Letters). Moscow: Kul'turnaya Revoliutsiya, 2006. P. 375–407].
- Корчагина З. А. Рынок и план в современной экономике // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2005. №2. С. 110–120. [Korchagina Z.A. Rvnoik i plan v sovremennoy ekonomike. (Market and Plan in Contemporary Economy) // Bulletin of Moscow State University. Series 6. Economics. 2005. №2. P. 110–120].
- Либерман Е. Г. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. №17 (3). С. 420–433. [Liberman E.G. Plan, pribyl', premiya. (Plan, Profits, Bonuses) // The Journal of Economic History and History of Economics. 2016. №17(3). P. 420–433].
- Островитянов К.В., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А., Лаптев И.Д., Кузьминов И.И., Гатовский Л.М. Политическая экономия: учебник. М.: Политиздат, 1954. [Ostroviyanov K.V. et al. Politicheskaya ekonomiya: uchebnik. (Political economy: manual). Moscow: Politizdat, 1954].
- Платошкин Н.Н. Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 2017. [Platoshkin N.N. Che Guevara. (Che Guevara). Moscow: Molodaya Gvardiya, 2017].
- Рудакова И. Е. Наследство, которое стоит приумножать (о некоторых научных исследованиях кафедры политической экономии МГУ в 1960–1990 гг.) // Философия хозяйства. 2014. №5. С. 92–101. [Rudakova I.E. Nasledstvo, kotoroe stoit priumnozhat' (o nekotorykh nauchnykh issledovaniyakh kafedry politicheskoy ekonomii MGU v 1960–1990 gg.). (A legacy that is worth multiplying (on some scientific research of the Department of Political Economy of Moscow State University in 1960-1990) // Philosophy of the Economy. 2014. №5. P. 92–101].
- Сталин И.В. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. 1952. [Stalin I.V. Zamechaniya po ekonomicheskim voprosam, svyazannym s novabr'skoy diskussiej 1951 goda. (Remarks on Economic Questions Connected with the November 1951 Discussion). 1952. URL: <https://petroleks.ru/stalin/16-6.php>
- Ушакова Э.Т. Непосредственно общественный характер труда и планомерность. Томск: Изд-во Томского университета, 1985. [Ushakova E.T. Neposredstvenno obshchestvennyj

²⁴ Guevara 2006a: 31

- harakter truda i planomernost'. (Directly Social Nature of Labor and Planning). Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1985].
- Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М.: Издательство Московского университета, 1964. [Khessin N.V. Voprosy teorii tovara i stoimosti v «Kapitale» K. Marksa. (Problems in Theory of Commodity and Value in K. Marx's "Das Kapital"). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1964].
- Хессин Н.В. Об историко-генетическом подходе к изучению социализма. М.: Изд-во Московского университета, 1975. [Khessin N.V. Ob istoriko-geneticheskom podhode k izucheniyu socializma. (Towards the Historical-Genetic Approach to Investigating Socialism). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1975].
- Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономики социализма // Вопросы политической экономики. 2017. № 3. С. 117–131. [Khessin N.V. Ponyatie «ekonomicheskaya kletochka» i ego metodologicheskoe znachenie dlya politicheskoy ekonomii socializma. (The Concept of the "Economic Cell" and its Methodological Significance for the Political Economy of Socialism) // Problems in Political Economy. 2017. №3. P. 117–131].
- Borrego O. Che: El camino del fuego. La Habana: Imagen Contemporánea, 2001.
- Buzgalin A., Kolganov A. Twenty-first century capitalism: Critical post-Soviet Marxist reflections. Manchester University Press, 2001.
- Guevara E. Apuntes críticos a la economía política. Bogotá: Ocean sur, 2006a.
- Guevara E. El gran debate sobre la economía en Cuba. Melbourne: Ocean Press, 2006b.
- Harvey D. The Anti-Capitalist Chronicles. London: Pluto Press, 2020.
- Jessin N. El concepto de Célula Económica y su significación metodológica para la Economía Política del Socialismo // Nuestra Industria: Revista Económica. 1964. №9. P. 41–57.
- Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 // Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt.I. Bd 3. Die heilige Familie und Schriften von Marx von Anfang 1844 bis Anfang 1845. Berlin: MARX-ENGELS-VERLAG G. M. B. H., 1932. S. 29–172.
- Pericás L. B. Che Guevara y el debate económico en Cuba. La Habana: Casa de las Américas, 2014.
- Tablada C. Acerca del pensamiento económico de Ernesto Che Guevara. La Habana: Casa de las Américas, 1987.
- Yaffe H. Che Guevara. The Economics of the Revolution. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2009.
- Арабаджян Александра Завеновна, к.и.н., н.с., ИМЭМО РАН; aleche28@gmail.com*

Discussions on Political Economy in the USSR and Cuba Towards the Resemblance of the Views on the Ontology of Socialism of Nikolay Khessin and Ernesto Guevara

The aim of the article is to conduct a comparison, for the first time in historiography, of the ontology of socialism in the views of E. Guevara and N. Khessin. Both thinkers formulated the inherent contradiction that both the USSR and Cuba faced in their attempts to overcome the problems of capitalism and build a socialist society. We examine the history of political economy discussions in the 1960s in the USSR and in Cuba using the works of their participants. The comparative analysis leads to the conclusion that the theoretical position put forward by N. Khessin regarding the "economic cell," which posited that the fundamental production relation of socialism is the systematic planned organization of public production, resonated significantly with the perspective advocated by Ernesto Guevara during the economic debate in Cuba in the early 1960s. The Latin American revolutionary emphasized the central role of centralized planning in socialism. We show that political economy in the USSR and in Cuba continued to rely on the categories of commodity economy based on the separation of producers; however, the construction of socialism presupposed the abolition of this separation. Khessin and Guevara were able to articulate this objective contradiction at approximately the same time. The paper uncovers that Khessin's seminal article on the "economic cell" was published in a journal in Cuba edited by E. Guevara almost immediately after its release in the USSR.

Keywords: E. Guevara, N. Khessin, political economy, ontology of socialism, commodity production, law of value, planning, economic cell.

Alexandra Arabadzhyan, PhD in History, Research Fellow at the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the RAS, aleche28@gmail.com

**«УПРАВЛЯТЬ — ЗНАЧИТ ПРЕДВИДЕТЬ»
В.Г. АФАНАСЬЕВ О НАУЧНОМ УПРАВЛЕНИИ ОБЩЕСТВОМ**

1960–1980-е гг. – важный период в истории советских исследований политики – время, когда получили развитие подходы, положенные в основу методологии постсоветских исследований, время институционализации советской политологической традиции. Ее отличительные черты: во-первых, бросающаяся в глаза фрагментарность предметного поля советской «политологии» (оно формировалось под влиянием нескольких дисциплин); во-вторых, отчётливая связь науки и практики государственного управления, выраженная в интеграции академических институтов и университетов в систему интеллектуального обеспечения государственной политики; в-третьих, дискурсивное оформление запроса власти на контроль, «управляемость» общественно-политическими отношениями, принимавшего различные концептуальные формы. Одной из таких форм стала концепция «научного управления обществом», базирующаяся на системном и кибернетическом подходах, оказавших значительное влияние на формирование мышления о политике и управлении, о возможностях регулирования общественно-политических процессов. Постановка этих вопросов запустила ряд исследований, в которых учёные пытались найти устойчивые факторы, влияющие на принятие решений и предложить чёткую организацию информационного обеспечения государственной политики. Позднее это направление стало одним из магистральных в общественно-политических исследованиях. Его развитием занимались группы учёных, координируемые Академией общественных наук при ЦК КПСС. Среди них наиболее заметной стала фигура академика Виктора Григорьевича Афанасьева (1922–1994), руководившего разработкой концепции «научного управления обществом». Статья посвящена анализу этой концепции. Актуальность обращения к трудам В.Г. Афанасьева обусловлена потенциалом концепции «научного управления обществом», составлявшей одну из идеологических основ советской государственности. Авторы рассматривают развитие концепции в контексте советских исследований политики и их адаптации к запросам власти.

Ключевые слова: В.Г. Афанасьев, политическая наука в СССР, история политической науки России, научное управление обществом, системный подход.

История советских исследований политики периода 1960–1980-х гг. как научно-исследовательского направления на сегодняшний день представляется малоизученным, но важным этапом развития знаний об общественно-политических процессах, протекающих в советском обществе¹. Это время, когда формировались подходы к изучению проблем политического поведения, сознания и культуры, выстраивались объяснительные концептуальные модели систем управления и политики. Сегодня парадоксальной выглядит ситуация, когда с одной стороны идейное наследие советского периода должным образом не отрефлексировано, не описано и не классифицировано, когда накопленный опыт анализа общественно-политических процессов остаётся фрагментированным. С другой стороны, наблюдая за актуальной общественно-политической

¹ Подробнее об этом см.: Гуторов, Ширинянц 2020; 2021; Соболев 2019а; 2022а; Соболев, Филимонов 2022; Соболев, Ширинянц 2016; Шутов, Соболев; Brown 1974; 1984; 1986; Hill 1980; Malcolm 1984; Skilling 1963; Theen 1971.

повесткой, можно увидеть множество примеров, когда советские практики управления и политики, инкорпорированы в политический процесс и государственное строительство, а тема «советского» не сходит со страниц публицистических изданий и постоянно присутствует в дискурсе. Причины этого – состоят ли они в недостатке объективности или в чрезмерном влиянии либеральной мысли конца 1980–1990-х гг. – предмет отдельного анализа. Здесь, забегаая несколько вперёд, отметим, что идейные истоки популярных сегодня как в научном, так и в публичном дискурсе концепций экспертократии, управляемости и координации политики, а также цифрового управления – можно найти в работах советских политологов².

Выступая с докладом в 1983 г. на Пленуме ЦК КПСС, генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов среди прочего откровенно отметил, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности»³. Применительно к истории советских исследований политики ситуация на текущий момент, спустя 40 лет, не сильно изменилась. И задача исследователя истории политической науки в СССР в данном случае состоит в том, чтобы осмыслить и переосмыслить прежние концепции, описания и подходы как с современных позиций, так и в сравнительной перспективе, с учётом мирового опыта – для формирования полноценной картины становления исследований политики в России.

Актуальность подобного исследования обусловлена как специальными задачами истории политических наук и осмысления советского опыта политического теоретизирования, так и более широким контекстом – вопросами оценки советского опыта, практик и наследия в современном геополитическом контексте. В современном обществе знания, полученные в рамках социально-гуманитарных наук, играют ключевую роль в формировании представлений о социальной реальности, выступая основой процесса её конструирования. По крайней мере, именно на этой позиции базируется теоретическая социология знания, согласно которой реальность общества неотделима от знаний о нём.

Одной из заметных черт советской политологии является связь науки и практики государственного управления, выраженная в интеграции академических институтов и университетов в систему интеллектуального обеспечения государственной политики. Здесь же, если вынести за скобки официальную риторику марксизма-ленинизма, чётко прослеживается дискурсивное оформление запроса партийных и государственных органов на контроль за информационными потоками, прогнозирование и управляемость общественными процессами. Запрос на поддержание определённого общественно-политического порядка, получивший

² О роли советников и консультантов и их участии в принятии государственных и политических решений см.: Соболев 2018; Соболев 2019b; Соболев 2022b.

³ Андропов 1983: 294.

в научной литературе наименование «гоббсовой проблемы»⁴, является постоянным для всех форм властно-политической организации.

Период советских исследований политики второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. не является исключением, его специфическими чертами стали активное обращение к системному подходу, кибернетике и организационной теории – ведущим на тот момент подходам в мировой науке, глубоко проникшим во многие сферы жизни общества: от военно-промышленного комплекса до религиозных сообществ⁵. Активное развитие системный подход и кибернетика в СССР получают в начале 1960-х гг., когда в условиях усложнения структуры общества формируются задачи по эффективному управлению этой структурой; попутно решаются вопросы ограниченности информации и ресурсов⁶. Теоретические исследования по данным направлениям вели И.В. Блауберг⁷, В.А. Лекторский⁸, В.Н. Садовский⁹, Г.П. Щедровицкий¹⁰, Э.Г. Юдин¹¹.

Постепенно, в 1960–1970-х гг. под влиянием системной методологии, кибернетики и организационной теории учёные, изучавшие политические аспекты общественной жизни, стали адаптировать эти подходы и разрабатывать концептуальные модели управления политическими процессами: изучать факторы, влияющие на принятие решений, подходы к организации информационного обеспечения государственной политики, базирующиеся на эмпирических (*конкретных*, в советской терминологии) социологических исследованиях. В отношении влияния советских научных результатов в этой области на мировые тренды (и наоборот) отметим, что интерес к советской модели организации общественно-политического порядка был значительным: сравнительному анализу советских и западных подходов к вопросам политического управления и администрирования, принятия решений и участия экспертов в этих процессах посвящены специальные обзоры в научных журналах¹².

Использование системного подхода и кибернетики в моделировании общественно-политических процессов, включая попытки создать подобные модели для Советского Союза, стало точкой пересечения научных интересов отечественных и западных исследователей политики. В определённой мере это позволило уйти, с одной стороны, от ценност-

⁴ Например, см.: Корбут 2013: 9–26.

⁵ См.: Хестанов 2020: 77–98.

⁶ Напомним, что в центре системного анализа находится проблема управления сложными системами, в том числе такими, как общество; управляемость – как свойство системы, её способность под влиянием управляющих воздействий переходить за конечное время в необходимое состояние – рассматривается, в свою очередь, в контексте вопросов целостности системы, её связности, организации информационных потоков, контроля и обратной связи.

⁷ Блауберг, Юдин 1973.

⁸ Лекторский, Садовский 1960: 67–79; Лекторский 2008: 13–16.

⁹ Садовский 1972: 78–88.

¹⁰ Щедровицкий 1964.

¹¹ Юдин 1978.

¹² См., напр.: Schwartz 1973: 233–264; Schwartz 1974a: 146–183.

но нагруженных подходов советологии, построенных на основе западной либеральной традиции и специфическим образом воспринимающих советскую политическую систему. С другой стороны, от подходов, также опирающихся на западный опыт – теорию бюрократии и групп интересов, которые не обладали достаточной объяснительной способностью и не принимались отечественными учёными как релевантные и подходящие для описания общественно-политических процессов в СССР. Наконец, от подходов, изучающих только формальные государственные институты – классический институционализм, – которые также не позволяли зафиксировать и проанализировать суть происходящих изменений в обществе. В конечном итоге, как отмечает Д.В. Шварц, оба взгляда на советскую реальность – и советский и западный – оказались неполными¹³. Соответственно отчётливо встал вопрос: как изучать принятие решений и формирование политики в СССР?

Ответ был предложен в рамках системного подхода и кибернетики, которые не делали столь явного акцента на политической философии и ценностях советского государственного строя, а предлагали сосредоточить внимание исследователя на том, что можно назвать теорией среднего уровня – теме организации и качества информационных потоков внутри системы, влияния этих потоков, их содержания, на принятие решений и формирование политики. Кибернетика, таким образом, переключает внимание с критики общественно-политического строя на способность системы (государства/партии) и её компонентов генерировать, обрабатывать, передавать и использовать информацию, которую она получает из внешнего окружения, в ходе своей внутренней работы, а также в процессе взаимодействия с внешней средой.

Разработка концептуальной модели общественно-политического процесса с позиций системной теории и кибернетики становится одним из магистральных направлений исследований политики в Советском Союзе. Развитием этого направления занимались группы учёных, координируемые Академией общественных наук при ЦК КПСС. Среди них наиболее заметной стала фигура академика АН СССР Виктора Григорьевича Афанасьева (1922–1994), руководившего разработкой концепции «научного управления обществом».

Концепция «научного управления обществом», развитием которой занималась исследовательская группа под руководством академика В.Г. Афанасьева, была одной из наиболее проработанных моделей советского общественно-политического процесса и стала ответом на утилитарный запрос государственной власти к учёным – «разработать теоретические проблемы научного управления обществом и выработать соответствующие практические рекомендации» – следовало из постановления ЦК КПСС, принятого в 1967 г., озаглавленного как «О мерах

¹³ Schwartz 1974b: 230.

по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»¹⁴.

Отсылка к этому постановлению, приведённая в одной из основных работ В.Г. Афанасьева, иллюстрирует отношение автора и его исследовательской группы к вопросам роли экспертов в управлении общественно-политическими процессами. Эта роль является одной из ключевых в формировании политики и более предметно рассматривается в работе «Научное управление обществом: опыт системного исследования»¹⁵. Разработанная концепция описывает советское (социалистическое) общество в терминологии системного подхода: как *динамическую, цельную, саморегулирующуюся систему, с механизмами реакции на внутренние и внешние вызовы, позволяющими поддерживать качественное состояние системы и выполнять стоящие перед ней задачи.*

Центральное понятие исследования – «система» – описывается как «совокупность объектов, взаимодействие которых вызывает появление *новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым, образующим систему компонентам.* Связь между компонентами системы настолько тесна, существенна, что изменение одного из них вызывает изменение других, а нередко и системы в целом. Наличие столь тесного взаимодействия, *органичной* связи компонентов и служит основанием того, что во взаимодействии со средой система всегда выступает как нечто единое, обладающее качественной определенностью»¹⁶ (курсив наш – авт.).

Опираясь основными понятиями системного подхода и кибернетики так же, как и ряд его западных коллег, В.Г. Афанасьев расставляет акценты, свойственные советскому подходу к управляемости общественно-политическими процессами. Выше уже отмечалось, что избранный советскими учёными подход переключает внимание исследователя с нормативной теории и критики общественно-политического строя на вопросы *работоспособности* системы, исправности *структуры*, системной *функциональности*. Как пронизательно замечает в своём сравнительном анализе западного и советского подходов к управляемости Д.В. Шварц, «избранная для решения общественно-политических задач кибернетика, действительно имеет дело с процессами и методами, она не ставит под вопрос ценностную базу общества»¹⁷.

Таким образом, концептуальную рамку в советском случае задают исторический материализм и марксистско-ленинское учение, дающие «определённость» и перспективу. Учёный, исследующий общественно-политический процесс, занимается вопросами «разрешённых» к изуче-

¹⁴ Афанасьев 2023: 4.

¹⁵ Афанасьев 1968. Впервые данные идеи В.Г. Афанасьева выдвинул уже через год, после выхода постановления ЦК КПСС. В статье цитируется современное переиздание этой книги: Афанасьев 2023.

¹⁶ Афанасьев 1981: 19.

¹⁷ Schwartz 1973: 245.

нию в советской системе теорий среднего уровня, касающихся информационных потоков и обратной связи, накопления данных, на основе которых принимаются решения, формируются и задаются цели государственных отраслевых политик. Подобный подход, избранный группой В.Г. Афанасьева для работы над концепцией, отчасти снимает вопросы, связанные с идеологической нагрузкой.

Переходя к структуре и основным понятиям концепции «научного управления обществом», обратим внимание на само понимание *управления*: во-первых, «управлять обществом научно, – пишет В.Г. Афанасьев, – это значит выявлять прогрессивные тенденции общественного развития и направлять, то есть планировать, организовывать, регулировать и контролировать, его движение в соответствии с этими тенденциями»¹⁸. Во-вторых, задачей управляющей системы является идентификация противоречий в общественном развитии, выявленных в ходе мониторинга тенденций этого развития, сопутствующее разрешение этих противоречий (сегодня это можно отнести к управлению рисками). В-третьих, это единство общественно-политического порядка: задачи управления состоят в том, чтобы его обеспечивать, поддерживать и устранять факторы, нарушающие структуру и функционал системы («возмущающие воздействия»). Завершает это описание отсылка к необходимости с помощью научных методов познания выявлять и фиксировать важные для принятия решений закономерности общественного развития¹⁹.

Концепция «научного управления обществом», адаптируя системный подход, делает акцент не на идеальном состоянии *равновесия* системы²⁰, а на достижении её *оптимального*, заданного управляющим субъектом состояния: «Высшей, конечной целью управления, выраженной в самой общей форме, – отмечает В.Г. Афанасьев, – является оптимизация функционирования системы, получение возможно большего полезного эффекта при наименьших усилиях и затратах»²¹. Данный тезис отличает подход автора от подходов западных коллег и подчёркивает его прикладной характер. Равновесие в концепции «научного управления обществом» – базовое условие, но не конечная цель; это задача, которую должны решать «политические администраторы» – те, кто координирует общественно-политические процессы, – через влияние на массовое сознание, через работу с ценностями и культурными традициями, чтобы в конечном итоге достигнуть социального единства и солидарности мыслей и поступков людей²². В конечном итоге это должно привести к высочайшей степени социальной интеграции, установлению связей между людьми, которые, в свою очередь, делают систему устой-

¹⁸ Афанасьев 2023: 111.

¹⁹ См. подробнее: Афанасьев 2023: 112.

²⁰ Акцент на идеальном состоянии равновесия характерен для теоретиков системного подхода в западных политологических исследованиях, например, в концепциях Д. Истона или К. Дойча.

²¹ Афанасьев 2023: 30.

²² См.: Афанасьев 2023: 93.

чивой и стабильной в целом: «вне человека немислимы социальные системы..., – подчёркивает В.Г. Афанасьев, – каждый человек управляет, поскольку какой бы высокий пост он ни занимал, он управляется обществом в целом, всеми членами общества в лице его представительных органов... человек не живет вне коллектива, системы, и в этом смысле, как компонент системы, каждый человек управляем»²³.

Достижение этих задач возможно, с одной стороны, в условиях высокой управляемости и концентрации ресурсов. С другой стороны, единство общественно-политического порядка и способность направлять поведение людей с тем, чтобы они выполняли поставленные задачи эффективно, предполагает, тем не менее, определённый уровень автономии. В связи с чем в условиях республиканской формы организации государственных институтов, выделяются *принципы централизации и децентрализации*. Поэтому В.Г. Афанасьев и его коллеги подчёркивают, что в условиях «централизованного планового начала» важным (и трудным) является вопрос о соотношении этих принципов в процессах принятия решений и формирования политики: «одно дело – выработка, а другое – принятие решений. В процессе выработки решений необходима широкая демократия, обсуждение, всесторонний анализ управленческих решений. В принятии же решений на первое место выступает централизм, личная ответственность руководителя»²⁴.

Одно из достоинств концепции «научного управления обществом» – понимание управления в более широком смысле, чем просто «государственное управление»: благодаря применению системно-кибернетического подхода и, с другой стороны – опоре на изучение советского опыта (повседневного и общественно-политического) концепция отечественных учёных оказывается перспективной для изучения политических и властно-управленческих процессов²⁵. Методологическая основа данной концепции, в конечном итоге отсылает нас к современным научным темам легитимности, власти/знания, управления поведением и идентичностями, координации политики – области исследований правительственности²⁶. Современный подход к этим темам коррелирует с широким пониманием задач управления, предложенным в «научном управлении обществом»: управление должно реагировать на вызовы и давление внешней среды, чтобы поддерживать устойчивость системы, причём не только на уровне политики – управление проникает в экономику и социальную сферу, направляет и контролирует повседневную жизнь людей, решая задачи координации поведения и формирования идентичностей.

Как отмечает Д.В. Шварц, «контроль» – одно из неотъемлемых понятий концепции «научного управления обществом» – в какой-то момент в концепции В.Г. Афанасьева становится едва ли не идентичным

²³ Афанасьев 2023: 105.

²⁴ Афанасьев 2023: 261.

²⁵ Подробнее см.: Schwartz 1973: 245.

²⁶ Например, см.: Дин 2016.

понятию управления, наряду с понятиями менеджмента или администрирования, что сближает отечественную концепцию с зарубежными подходами К. Дойча (образ политики как самоуправляющейся системы²⁷) и А. Этциони (концепт активного общества²⁸)²⁹. Однако само качество контролирующей функции изменилось, поскольку во второй половине XX в. в СССР под влиянием урбанизации и индустриализации поменялось восприятие государства, партии и политического лидерства, что, в свою очередь, повлекло изменение взглядов на то, как необходимо было решать проблемы и контролировать общественно-политические процессы. Акцент сместился на поиск механизмов народной поддержки и обеспечения этого процесса, установления отношений кооперации. Контроль в общественно-политических процессах был направлен на нивелирование резких социальных различий, достижение социальной однородности, развитие механизмов саморегуляции советского общества, формирование «коммунистической культуры».

В советских условиях применение кибернетического подхода к концептуальному проектированию подчеркнуло необходимость активной работы ещё на одном направлении – в области организации информационных процессов. И здесь на первый план выходят понятия «информации» и «обратной связи», связанные с задачей «рациональной организации информационных процессов». Решение этой задачи позволяет сделать систему более чуткой по отношению к колебаниям и давлению внешней среды, снять проблему так называемой «перегрузки» управляющей системы, когда большое количество информационных сигналов на «входе» системы тормозит процессы принятия решений, формирования политики и снижает способности системы к целеполаганию. Как пишет сам В.Г. Афанасьев, «одним из самых существенных признаков процесса управления является непрерывная циркуляция информации не только между системой и окружающей ее средой, но и между ее составными частями, компонентами... Благодаря обмену информацией системы в целом с окружающей средой, а также компонентами системы и может осуществляться их взаимодействие, в результате чего сохраняется устойчивость, целостность системы»³⁰. Понятие «обратной связи» в этой структуре отсылает к важности контроля получаемых эффектов от принятых решений и при необходимости их коррекции: «успешное управление может осуществляться только в том случае, если управляющая система будет получать информацию об эффекте, достигнутом тем или иным действием объекта управления, о достижении (или недостижении) цели»³¹.

Рациональная организация информационных процессов и «обратной связи», организация и контроль управляющей системы отсылает

²⁷ См.: Deutsch 1963.

²⁸ См. подробнее: Etzioni 1968.

²⁹ См.: Schwartz 1974b: 228–247.

³⁰ Афанасьев 2023: 28–29.

³¹ Афанасьев 2023: 30.

нас к последнему (но не по своей значимости) компоненту концепции – роли экспертов в поддержании «обратной связи» и управлении общественно-политическими процессами в целом. В системе эта роль важна, но при этом инструментальна: в соответствии с концепцией «научного управления обществом» экспертное сообщество предоставляет центрам, принимающим решения, жизненно важную для работы системы информацию³². Как отмечает В.Г. Афанасьев, информация, предоставляемая для принятия решений и формирования политики, должна быть *конкретной*: «главное в управлении – конкретность, совокупность конкретных фактов, не разрозненных, бессвязных, а систематизированных, обобщенных, научно обоснованных». Поэтому неотъемлемым компонентом властно-управленческой системы, по мнению В.Г. Афанасьева и его исследовательской группы, является организация научной системы социальной информации, предоставляющей необходимые сведения для принятия решений. Здесь авторы концепции подчёркивают функцию социологического знания, а точнее – конкретных социологических исследований – которые помогают «раскрыть анатомию и физиологию социальной системы... тенденции ее развития»³³, воплощая фразу и принцип «управлять – значить предвидеть».

Развивая советский подход к исследованию управления общественно-политическими процессами, – «научное управление обществом» – В.Г. Афанасьев и его коллеги предпринимают попытку, действуя в русле господствующих концепций исторического материализма и марксистско-ленинского учения, предложить теорию среднего уровня, инструментальную и способную фиксировать и описывать процесс политического развития, управлять им и прогнозировать будущие изменения. В основу разработки «научного управления обществом» были положены системный подход, кибернетическая и организационная теория, которые сделали предложенную отечественными учёными концепцию не только достаточно перспективной для изучения властно-управленческих процессов в СССР, но и вписали её в контекст мировых научных исследований в данной области.

Таким образом, на примере исследования идейно-теоретического наследия В.Г. Афанасьева показана актуальность изучения работ советских политологов. Это представляется важным и в контексте того, что интерес к советской модели организации общественно-политического порядка как в поле практической политики, так и в поле теории остаётся значительным. Кроме того, концептуальные модели политики, предложенные советскими исследователями, были интересны их коллегам далеко за пределами СССР. И это только один из многочисленных сюжетов истории советских исследований политики в 1960–1980-х гг...

³² Подробно о роли экспертов в интеллектуальном обеспечении политического процесса в работе члена научной группы В.Г. Афанасьева В.Н. Шубкина: Шубкин 1970.

³³ Афанасьев 2023: 279.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1983. 320 с. [Andropov Yu.V. Izbrannye rechi i stat'i (Selected Speeches and Articles). Moscow: Politizdat, 1983. 320 p.]
- Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1968. 384 с. [Afanas'ev V.G. Nauchnoe upravlenie obshchestvom: opyt sistemnogo issledovaniya (Scientific Management of Society: Experience of System Research). Moscow: Politizdat, 1968. 384 p.]
- Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: опыт системного исследования. М.: ЛЕНАНД, 2023. 400 с. [Afanas'ev V.G. Nauchnoe upravlenie obshchestvom: opyt sistemnogo issledovaniya (Scientific Management of Society: Experience of Systemic Research). Moscow: LENAND, 2023. 400 p.]
- Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. 432 с. [Afanas'ev V.G. Obshchestvo: sistemnost', poznanie i upravlenie (Society: Consistency, Cognition and Management). Moscow: Politizdat, 1981. 432 p.]
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с. [Blauberger I.V., Yudin E.G. Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda (The Formation and Essence of a Systematic Approach). Moscow: Nauka, 1973. 270 p.]
- Гуторов В.А., Ширинянец А.А. Интерпретации коммунизма и посткоммунистических трансформаций в России: современные теоретические дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. 23/4. С. 525–544 [Gutorov V.A., Shirinyants A.A. Interpretatsii kommunizma i postkommunisticheskikh transformatsii v Rossii: sovremennye teoreticheskie diskussii (Interpretation of Communism and Post-Communist Transformations in Russia: Modern Theoretical Discussions) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. 23/4. P. 525–544].
- Гуторов В.А., Ширинянец А.А. О некоторых особенностях теоретических дискуссий о коммунизме в XXI веке (размышления о книге Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия / Авт. кол.: П.П. Апрышко и др. М.: Мир философии: Алгоритм, 2019. 495 с.) // Вопросы философии. 2020. 9. С. 64–74 [Gutorov V.A., Shirinyants A.A. O nekotorykh osobennostyakh teoreticheskikh diskussii o kommunizme v XXI v. (razmysleniya o knige Kommunizm. Antikommunizm. Rusofobiya / Avt. kol.: P.P. Apryshko i dr. M.: Mir filosofii: Algoritm, 2019. 495 s.) // Voprosy filosofii. 2020. 9. P. 64–74].
- Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / под науч. ред. С.М. Гавриленко. М.: Дело, 2016. 591 с. [Din M. Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh (Governmentality: Power and Governance in Modern Societies) / Ed. by S.M. Gavrilenko. Moscow: Delo, 2016. 591 p.]
- Корбут А.М. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. 2013. 1–2. С. 9–26 [Korbut A.M. Gobbsova problema i dva ee resheniya: normativnyi poriyadok i situativnoe deistvie (Hobbesian Problem and Its Two Solutions: Normative Order and Situational Action) // Sotsiologiya vlasti. 2013. 1–2. P. 9–26].
- Лекторский В.А. Деятельностный подход: начало и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. 1(75). С. 13–16 [Lektorskii V.A. Deyatel'nostny podkhod: nachalo i perspektivy (The Activity Approach: Beginning and Prospects) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. 1(75). P. 13–16].
- Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. 8. С. 67–79 [Lektorskii V.A., Sadovskii V.N. O printsipakh issledovaniya system (On the Principles of Systems Research) // Voprosy filosofii. 1960. 8. P. 67–79].
- Садовский В.Н. Общая теория систем как метатеория // Вопросы философии. 1972. 4. С. 78–88 [Sadovskii V.N. Obshchaya teoriya sistem kak metateoriya (General Theory of Systems as a Meta-Theory) // Voprosy filosofii. 1972. 4. P. 78–88].
- Соболев В.А. История политической науки в России. М.: Издательство Московского университета, 2022а. 200 с. [Sobolev V.A. Istoriya politicheskoi nauki v Rossii (History of Political Science in Russian). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2022a. 200 p.]
- Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий о политической роли интеллектуалов и их участии в принятии государственных и политических решений // SCHOLA-2022: сб. научных статей факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова / под ред. А.Ю. Шугова и А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского уни-

- верситета, 2022b. С. 28–31 [Sobolev V.A. F.M. Burlatskii o politicheskoi roli intellektualov i ikh uchastii v prinyatii gosudarstvennykh i politicheskikh reshenii (F.M. Burlatsky about Political Role of Intellectuals and Their Participation in Government and Political Decision-Making) // SCHOLA-2022: sbornik nauchnykh statei fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova / Ed. by A.Yu. Shutov, A.A. Shirinyants. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2022b. P. 28–31].
- Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М.: Издательство Московского университета, 2019a. 224 с. [Sobolev V.A. F.M. Burlatskii (1927–2014): Zhizn' i trudy. Stanovlenie politicheskoi nauki v SSSR (F.M. Burlatsky (1927–2014). Life and Works. The Formation of Political Science in the USSR). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019a. 224 p.].
- Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий об элите, политическом лидерстве и экспертах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019b. 15/4. С. 566–579 [Sobolev V.A. F.M. Burlatskii ob elite, politicheskom liderstve i ekspertakh (F.M. Burlatsky about Elite, Political Leadership and Experts) // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2019b. 15/4. P. 566–579].
- Соболев В.А. Феномен политических советников и консультантов в творчестве Ф.М. Бурлацкого // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. 3. С. 102–110 [Sobolev V.A. Fenomen politicheskikh sovetnikov i konsul'tantov v tvorchestve F.M. Burlatskogo (The Phenomenon of Political Advisers and Consultants in the Creative Heritage of F.M. Burlatsky) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2018. 3. P. 102–110].
- Соболев В.А., Филимонов К.Г. Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалева // Вестник Томского государственного университета. 2022. 474. С. 161–168 [Sobolev V.A., Filimonov K.G. Sovetskaya politologicheskaya traditsiya v universitetakh: o politike i politicheskoi nauke v rabotakh A.M. Kovaleva (The Soviet Political Science Tradition in Universities: Politics and Political Science in the Works of A.M. Kovalev) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. 474. P. 161–168].
- Соболев В.А., Ширинянц А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. Special issue. С. 25–42 [Sobolev V.A., Shirinyants A.A. F.M. Burlatskii i stanovlenie politicheskoi nauki v SSSR (F.M. Burlatsky and Formation of Political Science in the USSR) // Politicheskaya nauka. 2016. Special issue. P. 25–42].
- Хестанов Р.З. Кибернетическое движение в перспективе различия аналогового и цифрового // Логос. 2020. 30/3(136). С. 77–98 [Khestanov R.Z. Kiberneticheskoe dvizhenie v perspektive razlichiya analogovogo i tsifrovogo (The Cybernetics Movement from the Perspective of the Analog/Digital Distinction) // Logos. 2020. 30/3(136). P. 77–98].
- Шубкин В.Н. Социологические опыты: методологические вопросы социологических исследований. М.: Мысль, 1970. 285 с. [Shubkin V.N. Sotsiologicheskie opyty: metodologicheskie voprosy sotsiologicheskikh issledovaniy (Sociological Experiments: Methodological Issues of Sociological Research). Moscow: Mysl', 1970. 285 p.].
- Шутов А.Ю., Соболев В.А. Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. 71. С. 28–38 [Shutov A.Yu., Sobolev V.A. Stanovlenie politicheskoi nauki v SSSR: k 30-letiyu ofitsial'nogo priznaniya (Formation of Political Science in the USSR: To the 30th Anniversary of Official Recognition) // Dialog so vremenem. 2020. 71. P. 28–38].
- Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Знание, 1964. 48 с. [Shchedrovitskii G.P. Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya (Problems of Methodology of System Research). Moscow: Znanie, 1964. 48 p.].
- Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с. [Yudin E.G. Sistemnyi podkhod i printsip deyatelnosti: metodologicheskie problemy sovremennoi nauki (System Approach and Principle of Activity: Methodological Problems of Modern Science). Moscow: Nauka, 1978. 391 p.].
- Brown A.H. Political Science in the Soviet Union: A New Stage of Development? // Soviet Studies. 1984. 36/3. P. 317–344.
- Brown A.H. Political Science in the USSR // International Political Science Review. 1986. 7/4. P. 443–481.
- Brown A.H. Soviet Politics and Political Science. London: Macmillan, 1974. 128 p.
- Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: Free Press, 1963. 316 p.

- Etzioni A. *The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes*. New York: Free Press, 1968. 698 p.
- Hill R.J. *Soviet Politics, Political Science and Reform*. New-York: M.E. Sharpe, 1980. 221 p.
- Malcolm N. *Soviet Political Scientists & American Politics*. N.Y.: St. Martin's Press, 1984. 225 p.
- Schwartz D.V. Decision-making, Administrative Decentralization, and Feedback Mechanisms: Comparisons of Soviet and Western Models // *Studies in Comparative Communism*. 1974a. 7/1–2. P. 146–183.
- Schwartz D.V. Information and Administration in the Soviet Union: Some Theoretical Considerations // *Canadian Journal of Political Science*. 1974b. 7/2. P. 228–247.
- Schwartz D.V. Recent Soviet Adaptations of Systems Theory to Administrative Theory // *Journal of Comparative Administration*. 1973. 5/2. P. 233–264.
- Skilling G. In Search of Political Science in the USSR // *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. 1963. 29/4. P. 519–529.
- Theen R.H.W. Political Science in the USSR: “To Be, or Not to Be” Some Reflections on the Implications of a Recent Soviet Critique of American Political Science // *World Politics*. 1971. 23/4. P. 684–703.

Соболев Владимир Андреевич, кандидат политических наук, доцент, кафедра истории и теории политики, МГУ имени М.В. Ломоносова; sobvlad1992@yandex.ru
Филимонов Кирилл Геннадьевич, специалист, кафедра истории и теории политики, МГУ имени М.В. Ломоносова; kirill.filimonov.msu@yandex.ru

“To Manage Means to Foresee”

V.G. Afanasiev on Scientific Management of Society

The 1960s–1980s is an important period in the history of Soviet political studies – a time when the approaches and styles of thinking that form the basis of the methodology of post-Soviet studies were developed, a time of institutionalization of the Soviet political science tradition. What are the distinctive features of this tradition? First, it is the conspicuous fragmentation of the subject field of Soviet “political science”: it was formed under the influence of several disciplines. Secondly, it is the clear connection between science and the practice of public administration, expressed in the integration of academic institutions and universities into the system of intellectual support for public policy. Finally, it is the discursive formalization of the authorities' request for control, “manageability” of social and political relations, which took various conceptual forms. One of these forms was the concept of “scientific management of society” based on systemic and cybernetic approaches, which had a significant impact on the formation of thinking about politics and management, about the possibilities of regulating socio-political processes. In more practical terms, the statement of these questions launched a number of studies, in which scientists tried to find sustainable bases and factors influencing decision-making and to propose a clear organization of information support of public policy. Later, this direction became one of the main directions in socio-political research. It was developed by groups of scientists coordinated by the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee. The most notable among them was the figure of Academician of the USSR Academy of Sciences Viktor Grigorievich Afanasyev (1922–1994), who led the development of the concept of “scientific management of society”. The proposed article is devoted to the intellectual history and content of this concept, which is detailed in the works of V.G. Afanasyev. The relevance of addressing this material is due to the potential of the concept of “scientific management of society”, which in its time formed one of the ideological foundations of the Soviet statehood. The authors consider the development of the concept in the context of Soviet studies of politics and their adaptation to the demands of power.

Keywords: *V.G. Afanasyev, political science in the USSR and Russia, Soviet political scientists, scientific management of society, system approach, manageability.*

Vladimir Sobolev, PhD (Pol. Sci.), Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; sobvlad1992@yandex.ru

Kirill Filimonov, Specialist of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; kirill.filimonov.msu@yandex.ru

О МЕТАМОРФОЗАХ КЛАССИЧЕСКОГО БУДДИЗМА В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ РОССИИ*

Статья посвящена буддизму как одной из традиционных конфессий и неотъемлемой части культурно-исторического наследия народов России. Ставятся вопросы об исторических условиях и современных траекториях изменения традиционных форм учения, культовых практик и институциональных форм буддизма в российском социокультурном пространстве. Рассматриваются как доминантные мировоззренческие ориентиры российского буддизма, так и важнейшие сдвиги, обусловленные спецификой рецепции им классических образцов и процессами адаптации к таким актуальным мировым процессам, как медиатизация и цифровизация религии, размывание конфессиональных границ и микширование вероисповедных ориентиров, рост социальной и политической активности религиозных организаций.

Ключевые слова: история религий России, буддизм, сангха, культурный ландшафт, поликонфессиональный ландшафт, медиатизация религии.

Россия выступает как уникальный поликонфессиональный ландшафт, сформировавшийся в результате длительного процесса микширования на территории страны различных религиозных традиций. Слово «ландшафт», заимствованное из немецкого языка и укоренившееся наряду с художественно-эстетическим лексиконом (где оно практически синонимично «пейзажу») в понятийном аппарате наук о земле, обычно используется для обозначения относительно однородной территории, которая обладает особыми чертами и в силу этого может быть выделена из окружающей среды. В начале XX в. этот термин стали применять за пределами географии, в результате чего в социогуманитарных дисциплинах появились такие его вариации, как «духовный ландшафт», «индустриальный ландшафт», «политический ландшафт», «национальный ландшафт» и др. В этом ряду особое место занимает понятие «культурный ландшафт», введенное в документах ЮНЕСКО в 1990-е гг. для обозначения природно-антропогенных комплексов, сформированных в результате преобразования человеком окружающей среды и приобретших настолько высокую социокультурную, политическую и экономическую значимость, что потребовало признания их одним из элементов культурного наследия¹.

Развертывание изучения культурных ландшафтов привело к формированию относительно автономного направления религиозоведческих

*Статья написана в рамках реализации проекта 23-Ш02-13 «Полиморфизм буддизма в социокультурном пространстве России» Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

¹ В 1992 г. был зафиксирован статус культурного ландшафта как объекта наследия и в «Список Всемирного наследия» были включены 700 объектов из 115 стран. Через несколько лет в документах, принятых по результатам совещаний европейских стран, было введено требование юридической гарантии их охраны. Ведение 2001: 7–14.

исследований, сосредоточенного на выявлении, описании и анализе территориального расположения институтов, распределения сфер влияния и структуры расселения последователей различных религий, их взаимодействия и взаимовлияния в общем социокультурном и политико-правовом пространстве. В рамках этого направления конфессиональный ландшафт рассматривается как многослойная динамичная среда, в которой располагаются материальные объекты определенной конфессии, живут и отправляют культовые действия носители религиозности, возникает и воспроизводится религиозная идентичность и сохраняются связанные с нею пласты культурной памяти (в т.ч. почитаются сакральные места и актуализируется связанная с ними символика), а также создаются и функционируют объединения верующих и организационные структуры, выполняющие нормативно-регулятивные функции в данной религиозной традиции.

В социокультурном пространстве России можно выделить как исторически сложившиеся конфессиональные плиты, пределы которых заданы ареалами компактного проживания носителей определенной религии, так и обширные контактные зоны со значительной степенью религиозной мозаичности². К числу важнейших элементов современного поликонфессионального ландшафта страны относится буддизм. Эта древнейшая из мировых религий занимает на карте религий России три конфессиональные плиты (территории Бурятии, Калмыкии и Тывы), но также присутствует в контактных зонах, локализованных в мегаполисах.

Буддизм – одна из традиционных конфессий и неотъемлемая часть культурно-исторического наследия народов России. Первые свидетельства о буддийских общинах на территории современной России связаны с государством Бохай, которое существовало на землях Приморья и Приамурья в VII–X вв. Во второй половине XVII в. активизировался процесс переселения в Прибайкалье и Забайкалье бурят-монгольских племен³, вслед за ними в пределы России двинулись многочисленные проповедники буддизма из Тибета и Монголии, деятельность которых способствовала постепенному утверждению учения Будды среди новых российских подданных. После заключения Кяхтинского договора 1727 года, формально установившего границу между Россией и Китаем, началась официальная регламентация положения буддистов в России⁴.

С тех пор буддийское сообщество в нашей стране заняло прочные позиции в социокультурном пространстве и превратилось в заметную по количеству адептов общину (сангху). На сегодняшний день в Российской Федерации зарегистрировано 295 буддийских организаций, из

² См.: Горина 2012: 8–13.

³ В 1608 г. калмыки получили право кочевать на окраинах России, в 1640 г. буддизм был признан официальной религией их улусов, а в 70-х гг. XVII в. объединившее эти улусы Калмыцкое ханство вошло в состав российского государства.

⁴ Первым нормативным актом российского правительства после Кяхтинского договора стала «Инструкция пограничному дозорщику Фирсову» 1728 г. С.Л. Владиславича-Рагузинского (1669–1738). См.: Инструкция... 1875: 27–37.

которых 279 существуют в статусе религиозных, 23 – общественных и 13 – некоммерческих. Зарегистрированные буддийские религиозные организации представлены в 26 регионах России, большая их часть приходится на Бурятию (79), Калмыкию (45), Тыву (29) и Москву (28)⁵. В них насчитывается около 1 млн чел., причем более 80% верующих составляют представители народов, исторически исповедовавших буддизм, – буряты, калмыки и тувинцы. Остальные 20% приходятся на мигрантов из стран Южной Азии и Дальнего Востока (китайцев, вьетнамцев, корейцев и пр.), а также представителей этнических групп, не связанных изначально с буддийской этнокультурной традицией.

Судьбы буддизма в России во многом обусловлены его историей, которая определила специфику его институционализации. Особенностью этой конфессии является многовариантность и многообразие организационных форм существования сангхи. В данной религиозной традиции не возникло единой организационно оформленной инстанции, которая могла бы служить центром институциональной структуры и исключительным источником легитимных интерпретаций учения. По сути, история сангхи с момента возникновения буддизма представляла собой поиски компромисса между централизацией и плюрализацией, стремлением определить те критические значения, которые ограничивают степень унификации, с одной стороны, и пределы дисперсии, с другой. Эти поиски проявлялись в непрерывающемся процессе саморефлексии и реформирования, будь то организационного или идейного.

В современном российском буддизме, как и в его классической версии, нет единой институциональной структуры. Несмотря на то, что в последние десятилетия предпринимаются значительные усилия по централизации и контролю за деятельностью буддийских религиозных организаций, пока переломить эту традицию не удалось. В настоящее время в конкурентном отношении к друг другу действуют несколько крупных централизованных организаций: «Сангха России», «Майдар» и «Объединение Буддистов Бурятии» в Бурятии; «Объединение буддистов Калмыкии», «Буддийский Союз Калмыкии», «Объединение традиционных буддийских общин» и «Геден Шеддуп Чой Корлинг» в Калмыкии; Российская Ассоциация Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью и «Гурбан Эрдэни (Три драгоценности)» с центром в Санкт-Петербурге; Центральное духовное управление буддистов, «Дже Цонкапа» и Ассоциация буддийских общин «Арья Сангха» – в Москве. Существуют также Центральное духовное управление буддистов Республики Алтай и Управление Камбы-Ламы Республики Тыва⁶.

С точки зрения вероучительной традиции буддизм отличается принципиально инклюзивным – толерантным и всеобъемлющим – ха-

⁵ «Реестр некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации» по состоянию на 15.04.2024 г. Данных о количестве религиозных групп и не официально действующих общин не имеется.

⁶ Там же.

рактором. Исторически это проявлялось в том, что по мере распространения буддизма за пределы ареала возникновения в изначальную совокупность его вероучительных положений постоянно инкорпорировались различные элементы иных религиозных традиций – как архаичных, добуддийских верований, так и представлений более развитых религий, представленных на соответствующих территориях⁷. Понятие «ортодоксии» в буддийской традиции отсутствует. Авторитет вероучения всегда поддерживался и поддерживается сегодня усилиями многочисленных, в том числе синтетических, школ и течений, каждая из которых по-своему трактует буддийские заповеди, опираясь на различные источники комментаторского и хроникального характера.

Современный российский буддизм – пестрое образование. В нем представлены различные направления: от традиционных школ тхеравада и гелуг до так называемого «светского буддизма», позиционирующего себя не как религию, а как философское учение, научную доктрину или же психотерапевтическую практику, обучающую самоконтролю и духовному самосовершенствованию. Такое разнообразие во многом связано с множественностью каналов рецепции буддизма. Во-первых, это «азиатский вектор» – продолжающееся влияние, идущее со стороны зон бытования классического буддизма, т.е. Индии, Китая, Монголии, Шри-Ланки, Кореи, Японии, Бирмы и проч. Общины, следующие традициям этого вектора, как правило, склонны к автаркии, вероучительной самодостаточности, сосредоточенности на следовании учительному авторитету духовного лидера конкретной школы.

Во-вторых, довольно активно проявил себя «западный вектор» – рецепция буддизма в тех вариациях, которые стали результатом его освоения в рамках западноевропейской или североамериканской культуры. В СССР этот вторичный по сути процесс «буддизации» активизировался в 1960-х гг., когда в среде интеллигенции возник не только исследовательский интерес к истории и священным текстам конфессии, послуживший стимулом к формированию мощной буддологической научной школы, но и расхожая мода на медитативные практики и адаптированные интерпретации вероучительных положений. В частности, востребованной для неофитов, социализация которых проходила вне буддийских традиций, оказалась версия необуддизма, которую предложил Бидия Дандарон (1914–1974), соединивший тибетскую традицию с элементами европейской философии. Этот вектор привнес в буддийскую среду рационалистическую оптику, требующую критического срав-

⁷ «В Бурятии, – отмечает, к примеру, Т.Е. Житенев, – как и повсюду, буддийский культ вступал во взаимодействие с традиционными культовыми системами, трансформируясь под воздействием местных архаических верований: почитания духов земли, гор, рек и деревьев, культа святых мест. ...В результате долгого сосуществования с шаманизмом тувинский буддизм перенял его традиции: культ оваа – духов-хозяев местности; культ ээренов – семейных охранителей. В буддийских церемониях наряду с ламами нередко принимали участие шаманы, а в хурээ существовала особая категория духовных лиц – бурхан боо («ламы-шаманы»).» (Житенев 2011: 194, 195).

нения различных трактовок вероучительных положений и отсеивания всего не удовлетворяющего принятым критериям оценивания⁸. В результате, в противовес установкам классической традиции, в российском буддизме возникла конкурентная среда с противостоянием различных школ, обвиняющих друг друга в «неподлинности»⁹.

И в-третьих, это «медиаектор», сформировавшийся в последние десятилетия в ходе процессов цифровизации религии. Во многом именно он ответственен за то, что число последователей буддизма в нашей стране растет за счет жителей мегаполисов, которые, как правило, рассматривают его в качестве некоей дополнительной религиозной практики, которую можно сочетать с «базовой» конфессиональной идентичностью. Специфика данного канала обусловлена тем, что в цифровом пространстве причудливо сочетаются информационные потоки, относящиеся и к традиционным, и к не вполне традиционным, и к совсем нетрадиционным версиям буддизма, – от официальных сайтов буддийских организаций до видеороликов блоггеров¹⁰. Еще десять лет назад исследователи отмечали: «Буддизм занимает прочные позиции в сети Интернет, перешагнув собственно религиозные границы и приобретя черты массовой культуры. Буддийские идеи и символы проникли в пространство массмедиа, фильмов и популярной литературы, зачастую лишись при этом значительной доли своего изначального содержания»¹¹.

К услугам тех, кто интересуется буддийской проблематикой, имеется множество сайтов, блогов, видеороликов, электронных версий книг. При этом наиболее востребованными, «рейтинговыми», оказываются те, что способны вызвать острую реакцию аудитории, и потому имеющие в качестве приоритетов производство сенсации и креативную подачу. Поэтому доверие к медиа-источникам относительно: такие знания о буддийской религии зачастую зависят лишь от эффективности цифровых технологий или от успешности демонстрации их полезности для решения жизненных проблем. А в роли комментаторов нередко оказываются весьма спорные фигуры. В результате происходит примитивизация представлений о классических религиозных учениях и практиках, а погружение в буддийскую традицию носит весьма поверхностный характер. Все это даже позволяет говорить о десакрализации буддизма или о распространении некоей псевдобуддистской религиозности¹².

Такое положение дел актуализирует проблему воспроизводства и трансляции буддийской традиции. Исследователи отмечают, что сегодня в целом уровень буддийского образования в России не очень высок,

⁸ См.: Coleman 2001; Buddhism in the Modern World 2003.

⁹ См., напр.: Маслов 2024: 12–14.

¹⁰ См.: Ян Бо, Чжан Ливэй 2022.

¹¹ Актамов, Бадмацыренов, Цыремпилов 2015: 125.

¹² Об этом заявил в своем докладе «Современный буддизм в России: распространение, практики, влияние» лидер Санкт-Петербургской буддийской общины «Тхеравада.ру» Топпер Панныявудхо бхиккху. См: Топпер Панныявудхо 2024.

несмотря на рост числа буддистских школ¹³, В России образовательную деятельность на уровне высшего духовного учебного заведения осуществляют. Буддийская теологическая академия имени Д.-Д. Этигэлова (Санкт-Петербург), Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева (Республика Бурятия) и Агинская Буддийская Академия (Забайкальский край)¹⁴. Но тенденция равнения на зарубежные образцы по-прежнему доминирует. Отечественные буддисты, как правило, ориентируются на Индию, Китай и Монголию: их духовные центры не только обладают более высоким вероучительным авторитетом, но и считаются матричными для культовой практики, что во многом связано с самопозиционированием данных стран¹⁵. В связи с этим отечественный Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям выдвигает в качестве одной из важнейших задач укрепление позиций России как одного из мировых лидеров в сфере буддийского образования и реализацию просветительских проектов, предусматривающих производство и распространение в медиасреде достоверных сведений о буддизме.

Необходимо подчеркнуть, что многообразие религиозно-культурных наслоений, разнонаправленность векторов рецепции и существование в условиях растущего «информационного шума» не только не повлекли за собой прерывание классической традиции буддизма, но, напротив, способствовали сохранению преемственности с ней даже в неблагоприятных исторических условиях. Буддизм не превратился в конгломерат не связанных друг с другом конфессиональных образований и не перерос в качественно новую религиозную систему, оторвавшуюся от первопрототипа и приобретшую самоценность. Даже с учетом институциональной и вероучительной раздробленности можно с полным правом говорить о наличии единого комплекса представлений и поведенческих нормативов, которые освящаются и направляются буддийской традицией в широком ее понимании, обеспечивая воспроизводство буддизма как религиозной системы.

¹³ Как минимум 17 заведений, именующие себя академиями и буддистскими институтами, подали заявки на признание их в качестве учебных заведений. В основном они пытаются добиться, чтобы их признали учреждениями, имеющими право вести деятельность в области дополнительного профессионального образования, но некоторые претендуют на статус университета полного цикла. – Маслов 2024: 10.

¹⁴ См.: «Реестр некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации» по состоянию на 15.04.2024 г.

¹⁵ Так, Индия заявляет о себе как о центре буддийской мировой цивилизации в целом и образцовом анклав буддийского образования, имеющем очень давние традиции обучения монашеского типа, рассчитанного на многие годы. Получение буддийского образования именно в Индии является очень престижным для российских буддистов, потому что здесь проживает в изгнании Далай-лама XIV, существует большое представительство тибетской общины и тибетского монашества, имеются центры обучения буддизму тхеравады, махаяны, ваджраяны, а также комбинированные центры, где изучаются все направления буддийского учения. Кроме того, здесь имеются центры смешанного монашеско-мирского типа, а также светские высшие учебные заведения, дающие возможности приобщиться к буддизму. См.: Сафронова. 2024.

К числу базовых оснований буддийской традиции можно отнести мировоззренческий приоритет «мира внутри», т.е. стремление к достижению гармонии человека с меняющимся миром, а не к активным социальным преобразованиям; самоидентификацию авторов комментариев к канонической литературе – в том числе и современных – как хранителей учения во всем ареале его распространения; единство требований к устройству монастырских комплексов и образу жизни монахов, включая иерархические градации по степени посвященности; наличие устойчивых стереотипов в культовой практике и обрядах жизненного цикла мирян. Безусловную значимость имеет общая направленность в миропонимании, основой которого служит ориентация на прошлое как на некий недостижимый образец и отношение к новому как к искажению этого образца. При этом желаемое движение к первоисточнику оказывается не механическим восстановлением пройденного, а творческим процессом, в котором стремление к идеалу требует отточить до совершенства каждое слово и каждую мысль. Именно поэтому в буддизме приверженность классическому эталону служит фундаментальной системой защиты накопленных ценностей, но при этом ни в коей мере не исключает необходимости адаптации к меняющимся историческим условиям. Правда, важным условием таких изменений выступает связь с буддийскими первоосновами – т.е. отказ от кардинальной перестройки традиции в пользу выработки защитных механизмов, направленных на максимальную приспособляемость к актуальному контексту лишь на основе совершенствования уже существующего.

Такие мировоззренческие установки послужили фундаментом взаимодействия буддийского сообщества с российским государством. С одной стороны, эти отношения базировались на заложенном в буддийском миропонимании принципе лояльности к светской власти¹⁶. В соответствии с данным принципом существование большого благоустроенного государства рассматривалось как обязательное условие благоденствия верующих, а правитель империи воспринимался как податель благ, власть которого носила сакральный характер (даже если этот человек не был буддистом). Деяния такого правителя трактовались как справедливые в своей основе. Если же они шли вразрез с интересами сангхи, исправлять данные погрешности следовало не путем открытого сопротивления, а с помощью разного рода мер косвенного воздействия, обозначаемых буддийским термином *упайя* – «искусные методы».

С другой стороны, перед Россией, как и перед любым крупным государством, на территории которых проживают представители разных укладов и культурных традиций, стояла задача достижения внутренней замиренности, установления и поддержания единства общества. Начиная с XVIII в. – и особенно со второй половины столетия – власти Российской империи в духе восприятия государства как «цветущего сада»,

¹⁶ См.: Религия в истории народов России и Центральной Азии 2014: 66–70.

в котором мудрый правитель сохраняет и даже развивает культурное и конфессиональное многообразие, стремились вписать религиозные институты буддизма в общую конфигурацию государственного управления и поставить их под свой контроль. Адаптивный потенциал буддизма немало способствовал успеху таких усилий – к началу XIX в. буддизм получил статус дозволенной религии¹⁷. Власти поощряли обращение в буддизм бурят, исповедовавших язычество (шаманизм), и даже обеспечивали ламам-миссионерам в ходе этого процесса содействие полиции. Буддийское духовенство, в свою очередь, легитимировало политику государства – российские цари, начиная с Екатерины II, были признаны воплощением богини Сааган Дара Эхэ («Белой Тары»), избавительницы от всех опасностей.

Разумеется, сотрудничество властей государства, где православие официально являлось «первенствующей» религией, с неправославными (и тем более нехристианскими) конфессиями имело свои пределы. Данные пределы отчетливо выявились в первой половине XIX в. К этому времени последовательное развитие начал «регулярного государства», заложенного в основу имперского административного механизма, привело к усилению бюрократического контроля над религиозным многообразием России. Предметом опасений со стороны властей были связи российских буддистов с центрами данной религии за рубежом, прежде всего, в Монголии и на Тибете. В правительственных кругах в этой ситуации развернулись острые дискуссии относительно того, какую стратегию избрать по отношению к буддизму – подвергнуть ограничениям перед лицом предполагаемых угроз целостности государства или продолжить политику терпимости, дабы не вызывать раздражения у подданных на восточной окраине и не подорвать их основы их религиозного мирозерцания, рассматриваемого властями в качестве одной из главных основ поддержания общественной стабильности. Итогом длительных споров стало принятие в 1853 г. правительственного документа «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири»¹⁸, отразившего компромиссный подход к проблеме иноверия: с одной стороны,

¹⁷ Так, уже в 1732 г. тибетский монах Нгаванг Пунцок был объявлен властями главой буддийских духовных лиц Забайкалья (с титулом главного ламы, или *ширтеуя*). В 1741 г. был введен штат утвержденных государством буддийских духовных лиц (лам) в количестве 150 человек. Штатные ламы наделялись рядом привилегий, в частности, освобождались от выплаты дани. А в 1764 г. статус главы буддистов Забайкалья был значительно повышен: он стал носителем титула Бандидо Хамбо-лама, т.е. «верховный ученый первосвященник» и, соответственно, обладателем не только административной, но и духовной власти. С середины XVIII в. с одобрения российских властей в Забайкалье разворачивается строительство монастырей-дацанов, ставших центрами распространения буддизма, которое приобрело особенно масштабный характер к концу столетия. См.: Цыремпилов 2013: 39–90.

¹⁸ Документ, содержащий 61 параграф, был составлен на основе проекта, предложенного генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским (1808–1889), утвержден императором 15 мая 1853 г. и действовал вплоть до 1917 г. См.: Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири 1904: 79–90.

он ужесточал контроль над функционированием буддийских религиозных структур; с другой, – закреплял их юридический и социальный статус в правовом поле империи.

В XIX в. по единодушному мнению исследователей начался период «буддийского возрождения», связанный с активизацией реформаторско-обновленческих настроений в конфессии. Ответом на них стал рост интереса к данной конфессии: буддизм начинает рассматриваться не только в качестве одной из «экзотических» религий восточных окраин, но и как носитель важных духовных начал, представляющих ценность в общегосударственном масштабе, и как средство укрепления политического и идеологического влияния России за рубежом. В то же время, опасения относительно того, что эта религия распространяет свое влияние слишком активно и в этом отношении является соперником православия, продолжали нарастать. Связанные с этим тревоги подогревались существенно упрочившимся к концу столетия трансграничными связями российских буддистов, которые, как полагали некоторые современники, могли стать каналом проникновения в России иностранных идеологических влияний и послужить основой шпионажа (в частности, со стороны Японии)¹⁹. Однако в целом традиции взаимоотношений имперского государства с сангхой – особенно после манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» (1905), – создали к началу XX в. достаточно прочную основу для мирного конструктивного взаимодействия.

В советский период власти страны взяли курс на подчинение религиозных институтов жесткому контролю со стороны государства. Вероятно, именно в этот период был запущен процесс политизации отечественного буддизма, послуживший основанием раскола в его среде. Это выразилось не только в неоднозначности реакции буддийского сообщества на события Октябрьской революции и гражданской войны, но и в конкретных шагах, предпринимаемых его лидерами. Так, приверженцы обновленчества выдвигали идею сотрудничества с советской властью и декларировали единство с материализмом и коммунизмом²⁰, в то время как часть духовенства требовала возврата к чистоте веры и ухода из «извративших ее» официальных дацанов. В результате произошел раскол между желающими отделиться от России и теми, кто по-прежнему связывал будущее буддизма с российским государством. Антисоветские настроения в буддийской среде в 1930-х гг. послужили поводом для ужесточения антирелигиозных мер, в результате чего были закрыты все

¹⁹ Так, в Забайкалье активно издавались книги на монгольском и тибетском языках, высшим духовным лидером тувинских буддистов был глава ламаизма Монголии, и высшее богословское образование они также получали в Монголии. У монголов была заимствована — в некоторыми коррективами — иерархическая система духовенства, принятая в Тыве. См.: Сафронова 2010: 140–165.

²⁰ К примеру, глава обновленческого движения в Бурятии Агван Лобсан Доржиев (1853–1938), назначенный представителем Далай-Ламы в Советской России и ставший главой всесоюзного буддизма, заявлял, что буддизм является марксистским учением. См.: Сафронова 2010: 160.

дацаны и духовные школы, арестованы, высланы из страны или казнены ламы. В годы Великой Отечественной войны раскол в буддийском сообществе возобновился. На оккупированных территориях буддийские институты были восстановлены, часть духовенства стала сотрудничать с фашистскими властями, другая оказалась в жесткой оппозиции к ним²¹.

В послевоенное время буддистская традиция сохранялась преимущественно в формате неинституционализированных, «домашних» практик на территориях традиционных конфессиональных плит, но все же политика в отношении религиозных организаций стала менее жесткой: были открыты Иволгинский и Агинский дацаны в Бурятии (на других территориях, в частности, в Калмыкии и Тыве, этого не произошло), принято «Положение о буддийском духовенстве в СССР»²², создано Центральное духовное управление буддистов – организация, посредством которой власти могли взаимодействовать с адептами восточной религии. Конец 1980-х гг. ознаменовался существенным переломом в отношении российских властей к религии, который был связан с отказом от советской модели конфессиональной политики и с выстраиванием нового курса взаимодействия государственных институтов с религиозными объединениями. Началась активизация религиозной жизни, в том числе резко увеличилось число буддийских общин: только за 1991–1995 гг. их общее количество выросло в 7,7 раз, или на 675%²³.

Буддизм вошел в этот период не только вместе с основными религиозными традициями России – православием, исламом, иудаизмом, но и с растущим множеством иных вероисповеданий, каждое из которых стремилось утвердить себя в качестве универсально значимого или, по крайней мере, социально признанного. Российский религиозный ландшафт в последние десятилетия стал более разнообразным и многослойным, сузились ареалы конфессиональных плит, существенно возросла степень религиозной мозаичности. Дисперсность российского религиозного спектра увеличивается в силу проникновения в сферу влияния исторически сложившихся религиозных практик различных заимствованных версий традиционных учений и сгенерированных религиозных продуктов. Нельзя игнорировать и тот факт, что буддизм, как и другие традиционные конфессии, оказался перед вызовом разнонаправленных тенденций: размывания конфессиональных границ и микширования вероисповедных ориентиров, с одной стороны, и стремления к аутентичности и защиты «подлинных основ» от религиозных «новообразований», с другой. При этом практически все сведения, связанные с религией – начиная с информации о религиозных учениях, практиках и институтах и заканчивая данными о материальных ресурсах религиозных организаций или культурных ориентирах и политической позиции отдельных духовных лидеров – вовлекаются в качестве аргументов в конкурентное

²¹ См.: Бакаева 1994.

²² Положение о буддийском духовенстве (ламстве) в СССР.

²³ Дашковский, Дворянчикова 2021: 147.

поле «рынки религий». Все это повышает уровень конфликтности в межрелигиозных отношениях. С учетом роста активности религиозных организаций во всех сферах социальной жизни и вовлечения религиозных укладов в сферу светской культуры это придает особую остроту и актуальность задачам выработки действенных консенсусных стратегий и поддержания гражданской солидарности и единства при «встрече конфессий» в социокультурном пространстве страны. При решении этих задач опыт инклюзивной и толерантной классической буддийской традиции может оказаться бесценным.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цыремпиллов Н.В. Российский буддизм в интернет-измерении // *Власть*. 2015. № 7. С. 125–130 [Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsyrempilov N.V. Rossiiskii buddizm v internet-izmerenii (Russian Buddhism in the Internet dimension) // *Vlast'*. 2015. № 7. S. 125–130].
- Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1994. 127 с. [Bakaeva E.P. Buddizm v Kalmykii (Buddhism in Kalmykia). Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994. 127 s.].
- Веденин Ю.А. Культурные ландшафты как объект культурного и природного наследия // *Известия АН. Серия: Географическая*. 2001. № 1. С. 7–14 [Vedenin Yu.A. Kul'turnye landschafty kak ob'ekt kul'turnogo i prirodnogo naslediya (Cultural landscapes as cultural and natural heritage sites) // *Izvestiya AN. Seriya: Geograficheskaya*. 2001. № 1. S. 7–14].
- Горина К.В. Конфессиональное пространство: понятие и его структурные элементы // *Система ценностей современного общества*. 2012. № 24. С. 8–13 [Gorina K.V. Konfessional'noe prostranstvo: ponyatie i ego strukturnye elementy (Confessional space: the concept and its structure elements) // *Sistema tsennostei sovremenogo obshchestva*. 2012. № 24. S. 8–13].
- Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. // *Народы и религии Евразии*. 2021. Т. 16. № 4. С. 140–153 [Dashkovskii P.K., Dvoryanchikova N.S. Gosudarstvennoe regulirovanie deyatel'nosti religioznykh obshchin v Zapadnoi Sibiri v kontekste konfessional'noi politiki Rossii v 1992–2000 gg. (State regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of Russia's confessional policy in 1992–2000) // *Narody i religii Evrazii*. 2021. T. 16. № 4. S. 140–153].
- Житенев Т.Е. Буддизм в России: вехи истории // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2011. № 7. С. 192–203 [Zhitenev T.E. Buddizm v Rossii: vekhi istorii (Buddhism in Russia: milestones of history) // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva*. 2011. № 7. S. 192–203].
- Инструкция пограничному дозору Фирсову // *Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Сообщ. В.Н. Баснина. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: В университетской типографии (Катков и К°), 1875. С. 27–37 [Instruktsiya pogranichnomu dozorshchiku Firsovu (Instructions to the border patrol officer Firsov) // *Istoricheskaya zapiska o kitaiskoi granitse, sostavlennaya sovetnikom Troitsko-Savskogo pogranichnogo pravleniya Sychevskim v 1846 godu / Soobshch. V.N. Basnina. Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete. M.: V universitetskoj tipografii (Katkov i Ko), 1875. S. 27–37*].*
- Маслов А.А. Традиции и специфика развития буддизма в России // *Религиоведческий альманах*. 2024. №1 (12). С. 8–16. [Maslov A.A. Traditsii i spetsifika razvitiya buddizma v Rossii (Traditions and features of the development of Buddhism in Russia) // *Religiovedcheskii al'manakh*. 2024. №1 (12). S. 8–16.].
- Положение о буддийском духовенстве (ламстве) в СССР // *Государственный архив Республики Бурятия*. Ф. Р-248. Оп. 4с. Д. 71. Л. 56–60. [Polozhenie o buddiiskom dukhovenstve (lamstve) v SSSR (The Statute of the Buddhist clergy (Lamasery) in the USSR) // *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya*. F. R-248. Op. 4s. D. 71. L. 56–60.].

- Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири // Забайкальская духовная миссия (1681–1903): Очерк из истории православной миссии в Восточной Сибири / Сост. прот. А. Никольский. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1904. С. 79–90 [Polozhenie o lamaiskom dukhovenstve v Vostochnoi Sibiri (The Statute of the Lamai clergy in Eastern Siberia) // Zabaikal'skaya dukhovnaya missiya (1681–1903): Ocherk iz istorii pravoslavnoi missii v Vostochnoi Sibiri / Sost. prot. A. Nikol'skii. M.: Pechatnya A.I. Snegirevoi, 1904. S. 79–90].
- Полунов А.Ю. От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2022. № 6. С. 196–207 [Polunov A. Yu. Ot Urmii do Urgi: vzaimootnosheniya s narodami Vostoka v russkom obshchestvennom soznanii kontsa XIX – nachala XX v. (From Urmia to Urga: relations with the peoples of the East in the Russian public consciousness of the late XIX – early XX centuries) // Rossiiskaya istoriya. 2022. № 6. S. 196–207].
- Реестр некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij>. [Reestr nekommercheskikh organizatsii Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii (Register of non-profit organizations of the Ministry of Justice of the Russian Federation). <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskikh-organizacij>].
- Религия в истории народов России и Центральной Азии / Материалы II Международной научной конференции / Под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2014. 378 с. [Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii (Religion in the history of the peoples of Russia and Central Asia.) / Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / Pod red. P.K. Dashkovskogo. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 378 s.].
- Сафронова А.Л. Буддийская система образования в Индии: Традиции и новации на родине учения // Религиоведческий альманах. 2024. №1 (12). С. 73–79. [Safronova A.L. Buddiiskaya sistema obrazovaniya v Indii: traditsii i novatsii na rodine ucheniya (The Buddhist education system in India: traditions and novations in the homeland of teaching) // Religiovedcheskii al'manakh. 2024. №1 (12). S. 73–79.].
- Сафронова А.Л. Буддийский мир Южной Азии: традиции и интерпретации. М.: Ключ-С. 2023. 256 с. [Safronova A.L. Buddiiskii mir Yuzhnoi Azii: traditsii i interpretatsii (The Buddhist World of South Asia: Traditions and interpretations). M.: Klyuch-S. 2023. 256 s.].
- Сафронова Е.С. Буддизм в России (российские буддологи о буддизме в России) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 140–165 [Safronova E.S. Buddizm v Rossii (rossiiskie buddologi o buddizme v Rossii) (Buddhism in Russia (Russian Buddhologists on Buddhism in Russia)) // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2010. № 1. S. 140–165].
- Топпер Панныаувдох. Современный буддизм в России: распространение, практики, влияние. Лекция в Свято-Филаретовском институте. Москва, 24.04.2024. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/live/KAQE03f-eme?si=EbPQw0kYBV969vCK> [Topper Pann'yaavudkho. Sovremennyi buddizm v Rossii: rasprostranenie, praktiki, vliyanie. (Modern Buddhism in Russia: dissemination, practices, influence). Lektsiya v Svyato-Filaretovskom institute. Moskva, 24.04.2024].
- Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. 338 с. [Tsyrempilov N.V. Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiiskaya obshchina v Rossii (XVIII – nachalo XX v.) (Buddhism and the Empire. Buryat Buddhist community in Russia (XVIII – early XX century)). Ulan-Ude: Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN, 2013. 338 s.].
- Ян Бо, Чжан Ливэй. Буддизм в киберпространстве: состояние и проблемы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2022. № 16 (2). С. 83–96 [Yan Bo, Chzhan Livei. Buddizm v kiberprostranstve: sostoyanie i problemy (Buddhism in Cyberspace: Status and problems) // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2022. № 16 (2). S. 83–96].
- Buddhism in the Modern World: Adaptation of an Ancient Tradition / Ed. by S. Heine, C. Prebish. N.Y.: Oxford University Press, 2003. 304 p.
- Coleman J.W. The New Buddhism: The Western Transformation of an Ancient Tradition. N.Y.: Oxford University Press, 2001. 272 p.

Бойцова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; *olga.boitsova@gmail.com*.

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *polunov@spa.msu.ru*.

Сафронова Александра Львовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; *al-safr@yandex.ru*.

On The Metamorphoses Of Classical Buddhism in the Multi-Confessional Landscape Of Russia

The article is devoted to Buddhism as one of the traditional Russian confessions and an inalienable part of the cultural and historical heritage of the peoples of Russia. Questions are raised about the historical conditions and modern tracks of change in traditional forms of Buddhism in the Russian socio-cultural space. Both the dominant ideological guidelines of Russian Buddhism and the most important shifts caused by the specifics of its reception of classical examples and the processes of adaptation to such current world processes as the mediatization and digitalization of religion, the blurring of confessional boundaries and mixing of religious guidelines, the growth of social and political activity of religious organizations are considered.

Keywords: *history of religions in Russia, Buddhism, Sangha, cultural landscape, multi-confessional landscape, mediatization of religion.*

Olga Yu. Boytsova, Dr. Sc. (Political Science), Professor, Faculty of Philosophy, M.V. Lomonosov Moscow State University; *olga.boitsova@gmail.com*.

Alexander Yu. Polunov, Dr. Sc. (History), Professor, School of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University; *polunov@spa.msu.ru*.

Alexandra L. Safronova, Dr. Sc. (History), Professor, Institute of Asian and African Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University; *al-safr@yandex.ru*.

К. ЯМАМОТО, Д.Ю. КУРГИНОВА

«СОВЕРШЕННЫЙ В ДРЕВНЕМ БУСИДО» ИДЕОЛОГ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ РОНИНОВ ТОЯМА МИЦУРУ¹

Тояма Мицуру (1855–1944) – известный японский политический деятель, один из основоположников азиатизма и создатель политического общества Гэнъеся. При этом вопрос о его политических взглядах в отечественной науке до сих пор остается не раскрытым. Цель статьи – проанализировать философское наследие Тоямы Мицуру, а также сформулировать его социально-политическое учение. Кроме того, с помощью историко-политологического и политико-текстологического анализа авторы предпринимают попытку оценить роль Тоямы Мицуру в социально-политических процессах Японии эпох Мэйдзи, Тайсё и Сёва. В рамках исследования рассматриваются работы, хранящиеся в фондах библиотек Университета префектуры Симанэ и других учреждений и ранее не вводившиеся в отечественный научный оборот.

Ключевые слова: континентальные ронины, Тояма Мицуру, Гэнъеся, история социально-политических учений, Японская империя, азиатизм.

С середины XIX до начала XX в. Японии удалось пережить уникальные в мировой истории метаморфозы, которые впоследствии начнут называть «возникновением» совершенно иной страны. Так, ещё в 1853 к берегам пролива Урага прибыли корабли commodора США Мэтью Перри, обнажив недостаточные силы сёгуната Токугава оказать сопротивление Западу и продолжить курс на изоляцию. А уже XX в. Япония открывала победоносной войной с Россией и в 1918 г. стала единственной представительницей не «белой расы» на Парижской конференции в Версале². Страна восходящего солнца менялась так быстро, что, как отмечает канадский исследователь Г. Э. Норман, было совершенно неясно «когда маленький сосед и соперник превратился из обедневшего феодального государства в военно-морскую и колониальную державу первого ранга»³. В 1909 достижения страны в работе «50 лет новой Японии» обобщит маркиз Окума Сигэнобу⁴. Среди побед будет также успешное преодоление слабого и закостеневшего сёгуна-та⁵. Для самурайского сословия реставрация Мейдзи стала настоящим вызовом. Так, в 1869 г. оно и вовсе было упразднено: среднее и мелкое самурайство объединили в нетитулованное дворянство (сидзоку)⁶. Однако, если одним его членам удалось найти себе место в «новой Япо-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (МГУ им. М.В. Ломоносова).

² Подробнее см.: Shimazu 1998: 2.

³ Norman, Woods 2000: 5.

⁴ Окума Сигэнобу (1838–1922) – министр иностранных дел Японии (1888–1889, 1896–1897, 1898, 1915), премьер-министр Японии (30 июня 1898– 8 ноября 1898, 1914–1916). В 1889 г. стал жертвой террористического нападения члена Гэнъеся Курусимы Цунэки, бросившего бомбу в его экипаж.

⁵ Fifty Years of New Japan 1909: 95.

⁶ Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo: Kodansha, 1993. P. 1399.

нии» и принять активное участие в реформах как, например, ханбацу сэйфу («клановое правительство, 藩閥»⁷, то появились и те, кто не успел или не пожелал встроиться в новую систему социальных отношений.

В результате, среди бывшего самурайства образовался специфичный слой «ронинов» в нестандартном понимании данного термина. Если ранее «ронином» считался самурай, оставшийся без господина в связи с различными обстоятельствами (смерть, немилость и т.п.) и ставший странником⁸, то после 1869 г. это становится политической позицией.

Так, особое место в истории Японии занимает движение «континентальных ронинов» (大陸浪人), странствовавших или проживавших на территориях материкового Китая, Маньчжурии, Сибири и Корейского полуострова, которые разделяли идеи национализма и внешней экспансии⁹. Некоторые из них имели свой бизнес, открывали образовательные учреждения, преподавали или даже занимались криминальной деятельностью. Как отмечал Асидзу Узухико¹⁰: «происхождение, генеалогия, мысли и действия этих людей были разнообразны»¹¹. Формально они не служили Японской империи и не имели никаких официальных должностей, но играли существенную роль в реализации внешней политики. Ведь именно через них налаживались связи с политическими лидерами на материке и доставлялись актуальные разведанные. Причем, «число так называемых континентальных ронинов, которые мечтали о великом и вели свободолубивую деятельность, ошеломляет»¹².

Одной из главных причин возникновения «континентальных ронинов», несомненно, стали «дебаты о завоевании Кореи» (征韓論), которые отразили внутренние разногласия японского общества по отношению к вопросам дальнейшего развития страны: либо по пути внутренней модернизации, либо (по разным причинам) экспансии на материк. Пиком конфликта стало антиправительственное восстание под руководством маршала Сайго Такамори (1877), которое поддержало мелкое и среднее самурайство. И, хотя волнения были подавлены, они стали стимулом к созданию различных политических обществ, объединявших сторонников оппозиционных взглядов. Зачастую в них состояли «соси» (壯士) – молодые люди, профессиональные политические

⁷ Ханбацу сэйфу – уловное название для олигархии периода Мэйдзи (или «клановое правительство», «феодалная клика»), занимавшая ключевые правительственные должности во время реформ.

⁸ Japan. An Illustrated Encyclopedia 1993: 1275.

⁹ Там же.

¹⁰ Асидзу Удзухико (1909–1992) – японский мыслитель и идеолог националистического движения. Родился в префектуре Фукуока. Странник традиционного консервативного синтоизма. Тем не менее, в годы Второй мировой войны был арестован за статьи, содержавшие критику союза Японии и Германии, а также кабинета Хидеки Тодзё. После Второй мировой войны был главным редактором синтоистского журнала «Дзиндзя Синпо». Видный лидер движения за защиту национального устройства и святых.

¹¹ 葦津 珍彦 1984: 5.

¹² Там же.

активисты, принимавшие участие в движении за свободу и гражданские права, усилившегося в 1880-е. Они критиковали «клановое правительство», требовали создать парламент, призывали к свободе слова и собраний, а также к пересмотру неравных договоров с Западными державами, унижавшими Японию.

Впоследствии многие соси выбрали путь служения стране в качестве континентальных ронинов. Многие из них состояли в специальных «патриотических обществах», через которые они получали финансовую поддержку и связывались с Японией. В число таких организаций входило и общество Гэньеся («Общество черного океана»), созданное японским азиатистом Тоямой Мицуру. К 1920-м гг. они буквально «окутали» своими «сетями» весь Дальневосточный регион. Подробное описание их деятельности можно найти в документах Российской разведки о другой организации этого типа – Тоа-Добункай (東亜同文会), хранящихся в ГА РФ: «...установлено, что в 1900-х гг. организовано японское Восточно-Азиат-ское общество «Тоа-Добункай». <...> В 1906 г. общество насчитывало 1369 членов, в том числе 74 иностранца. Общество Тоа-Добункай» ставило своей целью содействие развитию самосознания азиатских народов и их сплочению. Цель эта достигалась глубоким изучением экономического, политического положения, состояния военных сил, быта и религии стран Дальнего Востока. Проводилось изучение путем организации специальных командировок членов общества в различные государства Азии, посредством организации сети школ, издательств газет и журналов, частных торговых фирм и предприятий»¹³.

Духовным наставником большинства континентальных ронинов, несомненно, стал Тояма Мицуру (1855–1944). Для сторонников он был не просто учителем, а «живым святым». Например, таким его запомнил Юмэно Кюсаку¹⁴, записавший беседы с «добродушным стариком»: «Он гигант мира ронинов, скрытый за кулисами истории Мэйдзи. Он движущая сила политики после реставрации Мэйдзи. Не было ни одного премьер-министра в сменявших друг друга кабинетах, который бы не замирал при взгляде на него»¹⁵. «Совершенный в древнем бусидо»¹⁶, «великий Востока»¹⁷, «куромаку»¹⁸, отец японского радикального на-

¹³ ГА РФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 545. Справка о шпионской деятельности Восточно-Азиатского общества «Тоа-Добункай». 1900–1905 гг.

¹⁴ Юмэно Кюсаку (1889–1936) – японский писатель, сын члена Гэньеся Сигэмару Сугиямы. Творчество Юмэно продолжает пользоваться популярностью и в современной Японии.

¹⁵ 玄洋社怪人伝 — 頭山満とその一派 2013: 13.

¹⁶ Оценка, которую дал Тояме Мицуру видный политический деятель эпохи Мэйдзи Тэмин Накаэ. Цит. по: 嵯峨 隆2021: 7.

¹⁷ 葦津 珍彦1984: 10.

¹⁸ Куромаку – понятие, обозначающее влиятельную политическую фигуру, незаметно манипулирующую событиями из-за кулис. Аналогично русскому выражению «серый кардинал». По мнению американских журналистов Д. Каплана и А. Дубро, Тояма был наиболее известным из довоенных куромаку. См: Каплан, Дубро 2000. С. 17.

ционализма»¹⁹ – всё это характеристики, которые позволяют нам говорить о масштабе личности Тоямы и её значимости для истории.

При этом, ключевой проблемой является то, что, несмотря на всё влияние Тоямы на политическую мысль Японии XX века, он не был «пишущим» и «издающимся» философом. В частности, это подчеркивает исследователь Сага Такаши²⁰: «Тояма не оставил после себя никаких прижизненных систематических записей, а «беседы» – только то, что было записано окружавшими его людьми»²¹. Также, биограф замечает: «Другая проблема наследия Тоямы заключается в том, что он ничего не написал, и многие его высказывания не могут быть датированы»²². Кроме того, часть источников была утеряна в результате бомбежки г. Фукуока, где находился штаб Гэньеся в период Второй мировой войны²³. В связи с этим исследователям не остается ничего иного кроме как собирать воедино фрагменты мыслей и действий Тоямы, а также смотреть на его учение сквозь призму работ последователей, следовавших заветам «национального самурая».

Значительное влияние на взгляды Тоямы оказала просветительница Такаба Осаму²⁴, воспитавшая в своей частной школе много известных «кокуши» (国士, людей, пожертвовавших жизнями ради родины)²⁵. Среди её учеников деятели патриотического движения – Хираока Котаро²⁶, Кихейта Синдо²⁷, Хакода Рокусукэ²⁸, Такэбэ Косиро²⁹. Даже спустя годы Такаба продолжала курировать их деятельность: например, когда между Хакодой и Хираокой произошел спор по поводу названия общества (Тояма занял посредническую позицию), она направила им гневное письмо, в котором наставляла молодых людей: «Вы спорите о мизерном названии. Это прискорбно для меня <...> Будущие поколения будут смеяться над вами»³⁰. В итоге вопрос о названии Гэньеся был разрешен.

¹⁹ Linkhoeva 2020: 23.

²⁰ Сага Такаши (1952–н.в.) — японский политолог. Почетный профессор Университета префектуры Сидзуока. Сфера исследований: китайская политическая история и история политической мысли.

²¹ 嵯峨 隆2021: 10.

²² Там же.

²³ 石瀧 豊美1997: 増補版へのまえがき.

²⁴ Такаба Осаму (1831–1891) – женщина-офтальмолог. Родилась на территории современной префектуры Фукуока. Сторонница конфуцианских взглядов. В 1873 г. открыла собственную школу и помимо медицинской практики стала заниматься преподаванием. Подозревалась в причастности к восстанию самураев в Фукуокахан. Зачастую выступала посредником в спорах Гэньеся.

²⁵ О роли Осаму Такабы в становлении членов Гэньеся см.: 石瀧 豊美1997: 191–192.

²⁶ Котаро Хираока (1851–1906) – первый глава Гэньеся, парламентарий и член Тоа-Добункан.

²⁷ Кихейта Синдо (1851–1925) – второй глава Гэньеся, парламентарий.

²⁸ Рокусукэ Хакода (1855–1888) – политический деятель Движения за свободу и права народа.

²⁹ Косиро Такэбэ (1846–1877) – участник восстания самураев Фукуоки, был схвачен и умер в возрасте 31 года.

³⁰ Цит. по: 嵯峨 隆2021: 37.

С другой стороны, не менее важным для понимания становления идей Тоямы является влияние на него Сайго Такамори. Сам ронин высоко ценил вклад Сайго в историю: «Ещё в начале периода Мэйдзи он стремился к построению Большой Азии и пытался остановить формирование южных территорий России³¹, устанавливая хорошие отношения с Хань и Цин»³². Более того, согласно исследователю Такаши Сага, можно говорить о том, что Тояма во многом опирался на теорию «завоевания Кореи» Такамори. Он исходил из его идеи мирного объединения Азии и предотвращения западного вторжения, а в качестве идеала видел сильную и справедливую страну, продвигающую свою культуру в слабых и меньших странах³³. Известно, что в декабре 1879 г. Тояма даже посетил бывшую резиденцию Такамори в Кагосиме и, несмотря на его смерть, сказал: «Даже если тело Сайго-сенсея умерло, его дух никогда не умрет. Я пришел встретиться с духом Сайго-сенсея»³⁴. Вместе с тем он разделял и позицию Такамори относительно самобытного развития Японии. По мнению Тоямы, Япония должна модернизироваться для самозащиты, но не уподобиться западным державам.

Концепцию Тоямы можно назвать синтезом конфуцианства, синтоизма и буддизма. Вместе они обретают синергетический эффект и рождают гармоничный «японский дух». Проводником данного «духа» на земле является Император (Сын Небес), обожествленный в соответствии с синтоистской традицией: «Сын Небес – самый драгоценный живой Бог во Вселенной. И из всего сущего нет ничего, что не принадлежало бы Сыну Небес»³⁵. По отношению к нему следует вести себя по правилам конфуцианства, с «сыновьей почтительностью»: «Умереть ради Сына Небес – величайшая честь для подданного. Мы должны всегда выполнять свои обязанности как японские подданные, чтобы не нарушать дарованные Сыном Небес благословления <...> вы никогда не должны уставать и, независимо от того, какой работой вы заняты, вы никогда не должны жаловаться. Надо просто усердно заниматься своей работой, осознавая, что вы гражданин Японии»³⁶. Также, существует «путь Императора», высшее и универсальное учение, включающее в себя все существующие: «стремление Шакьямуни к Чистой Земле и любовь Христа – все это части пути Императора»³⁷.

Тояма уверен, что у Японии есть «великая миссия перед миром»: «Япония должна стать центром нравственности. <...> Для этого надо сначала решить китайский вопрос, воплотить в жизнь тройственный

³¹ В оригинальном тексте употребляется: «спуститься на юг» (南下), что подразумевает экспансионистскую политику Российской империи.

³² Цит. по: 嵯峨 隆2020: 86.

³³ Там же.

³⁴ 嵯峨 隆2021: 38.

³⁵ 玄洋社怪人伝 — 頭山満とその一派2013: 44.

³⁶ Там же.

³⁷ Цит по: 嵯峨 隆2021: 38.

пакт между Японией, Маньчжурией и Китаем, а также построить на Востоке идеальную страну человечности, справедливости и морали, присоединив к ней Индию. Китай – страна, где изначально зародилась нравственность <...> Индия – родина Будды и исток буддизма»³⁸. Его паназиатский призыв сводился к следующему тезису: «Моральное обязательство японского народа – освободить Китай, где родился Конфуций, и Индию, где родился Будда, от жалкого состояния, то есть от рабства белых людей»³⁹. Но Тояма подчеркивает, что страна должна сохранять своё достоинство, а не просто завоевывать чужие территории. Ведь грабеж и воровство – это позор для нации⁴⁰. Так, политический проект мыслителя, за реализацию которого впоследствии и возьмутся континентальные ронины, заключается в духовной экспансии: «Япония будет продвигаться к этой цели [прим. Д.К. – реализации пути Императора], распространяя сначала дух пути Императора на Восток, а затем и по всему миру. Мы, японцы, должны стремиться реализовать идеал «Единой мировой семьи» как великую миссию, данную нам небесами»⁴¹.

Однако препятствием для реализации пути Императора могут стать «белые державы» и особенно преклоняющиеся перед ними японские политики. Конечно, Тояма отмечает, что победа в русско-японской войне изменила ситуацию в Азии в лучшую сторону: «Хотя после русско-японской войны это прекратилось, тирания белых людей в Японии существует уже давно»⁴². Причиной этого было то, что после революции Мэйдзи правительственные чиновники безоговорочно боялись белых и стремились заполучить их расположение. Он уверен: Япония совершила роковую ошибку, ударившую по престижу страны, – склонилась перед иностранцами» с самого начала⁴³. Запад же, в свою очередь, недооценивал Японию. Так же поступала и Россия (прим. Д.К. – Тояма рассматривал Россию как часть «белого», западного мира). Моментом расплаты для неё стала русско-японская война: «После тяжелого поражения от Японии в русско-японской войне русские поняли, что недооценили Японию в прошлом. Теперь, когда Россия вновь воюет против сильнейшей страны Евразии – Германии, они осознали, что без поддержки Японии им не сохранить свою национальную жизнеспособность, взялись за руки с Японией и появилось русско-японское соглашение»⁴⁴. А ведь это, замечает Тояма, та Россия, которая посеяла в рядах японских чиновников невероятную панику после инцидента в Оцу: «Они (прим. Д.К. – чиновники) были в большом смятении, гадая, не повернут ли русские в любой момент свои войска на Японию и не сокру-

³⁸ 玄洋社怪人伝 — 頭山満とその一派2013: 44.

³⁹ Там же. 45.

⁴⁰ Там же. 44.

⁴¹ Там же. 45.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ 頭山満 2007: P. 124.

шат ли её»⁴⁵. Известно, что накануне русско-японской войны Тояма даже лично посетил Ито Хиробуми и угрожал ему за предполагаемую симпатию к России⁴⁶.

Данные высказывания Тоямы во многом перекликаются с проблемой, описанной японским исследователем Наоко Шимадзу в работе «Япония, раса и равенство», посвященной инициативе, выдвинутой Японией на Парижском конгрессе в 1918 г. Так, в начале XX в. модернизировавшая Япония попала в двойственное положение. С одной стороны, она стала самым сильным государством Востока, лидером Азии. С другой стороны, получила статус великой державы Запада, который пока был для неё совершенно новой ролью. Из-за этого она скорее была «неуверенной державой», чувствительной к критике мирового сообщества. Такая постановка вопроса породила ряд противоречий в японской внутренней политике между прозападной и пан-азиатистской группами⁴⁷. Единомышленники Тоямы считали, что следует перестать оглядываться в своих действиях на Запад и ждать его одобрения, так как Япония давно стала достаточно сильной, чтобы действовать в собственных интересах и побеждать. Не последним аргументом, который звучал с их стороны после 1906 г., была победа в русско-японской войне, носившая в таком прочтении цивилизационный характер расового противостояния. Более того, для Тоямы дихотомия Запад-Восток неразрешима, первый губителен для второго. Он уверен, «безрассудное усвоение материалистических уроков Запада»⁴⁸ – вот самая большая опасность для Востока.

Инструментом, с помощью которого Тояма претворял свой политический проект в жизнь, стала организация Гэнъёся, естественно выросшая примерно в 1879–1880 гг.⁴⁹ из более раннего общества Коёся (高陽社), созданного в русле Движения за свободу и права народа (自由民権運動)⁵⁰. Через неё он не только объединял сторонников внутри Японии и координировал действия континентальных ронинов, но и поддерживал связи с другими азиатскими лидерами. Среди людей, с которыми Тояма встречался для оказания поддержки под эгидой «азиатской солидарности», можно встретить таких известных политических деятелей и мыслителей, как Ким Ок Гюн⁵¹, Пак Ён Хё⁵², Сунь Ятсен⁵³,

⁴⁵ Там же. Р. 125.

⁴⁶ Linkhoeva 2020: 23.

⁴⁷ Shimazu 1998. Р. 2.

⁴⁸ Цит. по: 嵯峨 隆2020: 86.

⁴⁹ Дата основания Гэнъёся до сих пор остается предметом споров исследователей. Однако наиболее достоверной историческими материалами является гипотеза о том, что общество было учреждено в 13 г. Мэйдзи (1880), так как она подтверждается «Уведомлением о создании Гэнъёся» того же года. – 石瀧 豊美1997:増補版へのまえがき.

⁵⁰ Движение за свободу и права — общее название для совокупности разнородных групп и обществ, возникших в Японии в период Мэйдзи и выступавших за принятие Конституции и создание парламента.

⁵¹ Ким Ок Гюн (1851–1894) – корейский политик, выступавший за модернизацию и вестернизацию Кореи. Важно заметить, что содействие Ким Ок Гюну в 1885 г. стало

Эмилио Агинальдо⁵⁴ и Рабиндранат Тагор⁵⁵. При этом активность Гэнься не ограничивалась рамками буддистской цивилизации. Особенно ярким в данном случае является пример сотрудничества общества с татарским политиком Абдурашидом Ибрагимовым⁵⁶, тщательно исследованный востоковедом Л.Р. Усмановой⁵⁷. Весьма занимательным фактом является и встреча Тоямы с «олненным королем Сахалина» купцом Д. П. Винокуровым, в 1925 г. эмигрировавшим на Южный Сахалин (Карафуту) и выступавшего за освобождение Восточной Сибири Японией с последующим созданием Якутской Республики⁵⁸. Более того, с 1901 г. Тояма покровительствовал националисту Утиде Рёхэю и помогал ему в руководстве Амурским обществом (Кокурюкай), известном своими шпионскими операциями, а также пропагандой настолько ярого экстремизма, что даже накануне русско-японской войны правительство было вынуждено запретить его издание «Известия Кокурюкай» (или: Известия Амурского общества, Кокурюкай Кайхо)⁵⁹.

В современной историографии вопрос о взглядах и идеях Тоямы остается дискуссионным. Так, после окончания Второй мировой войны общепринятой точкой зрения стала позиция, согласно которой его следует считать идеологом японского фашизма и империализма. Главным её сторонником был канадский ученый Герберт Э. Норман. В своей работе «Гэнься: исследование истоков японского империализма» он описывает Тояму как жестокого выходца из простого народа: «Его чувство юмора, если судить даже по самым грубым проявлениям японской деревенщины, в его вкусах и манерах является грубо скатологическим (грубо непристойным – прим. Д.К.); он имеет поразительное сходство с «лучшим» нацистским типом»⁶⁰. Кроме того, ряд исследователей и публицистов рассматривают его личность сквозь призму связи с япон-

отправной точкой для реализации паназиатского проекта Тоямы. Тогда он начал продвигать «теорию японо-корейских соотечественников» и призывал страны к сотрудничеству. Но, как замечает исследователь Сага Такаши, после провала реформаторского движения в Корее, интерес Тоямы к Корее угас и сместился в сторону «китайского вопроса». 嵯峨 隆2020: 86.

⁵² Пак Ён Хё (1861–1939) – корейский политик, премьер-министр королевства Чосон (4 января 1895–7 мая 1895). После аннексии Кореи – советник японского Генерал-губернатора Кореи.

⁵³ Сунь Ятсен (1866–1925) – китайский революционер, основатель партии Гоминьдан. Первый президент Китайской Республики.

⁵⁴ Эмилио Агинальдо (1869–1964) – филиппинский революционер, политик и первый президент Филиппин (1899–1901).

⁵⁵ Рабиндранат Тагор (1861–1941) – индийский общественный деятель, писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе (1913).

⁵⁶ Абдурашид Ибрагимов (1857–1944) – религиозный деятель, сторонник идей панисламизма. Родился в Российской империи и происходил из семьи сибирских татар. Некоторое время проживал в Японской империи.

⁵⁷ Усманова 2023: 98–112; Усманова 2010: 177–188.

⁵⁸ Morris-Suzuki 2020: 178.

⁵⁹ Танака 2012: 401.

⁶⁰ Каплан, Дубро 2000: 11

ской мафией якудза. В схожем ключе о нем пишут, как о главе криминальной группировки, американские журналисты Дэвид Э. Каплан и Алек Дубро: «Статьи устава Гэньёся были сформулированы весьма расплывчато: почтение к императору, любовь и уважение к нации и защита народных прав. <...> Используя средства, накопленные вымогательством и рэкетом, Тояма и его последователи из Общества темного океана развернули кампанию запугиваний, террора, политических убийств, преследовавшую цель достижения принципиального иного социального порядка в Японии»⁶¹. Закономерно, негативно оценивается и движение континентальных ронинов: «Агенты общества направлялись в качестве шпионов в Китай <...>. Там содержались школы, воспитавшие целые поколения ультранационалистов, ставших частью разветвленной шпионской сети в дальневосточном регионе»⁶².

С другой стороны, японским академическим сообществом активно предпринимаются попытки пересмотра «одностороннего» взгляда на личность Тоямы Мицуру, на движение континентальных ронинов и азиатизм в целом. Вяпонской историографии в пересмотре оценок азиатизма новаторскую роль сыграл литературовед Ёсими Такэути (1910–1977). В статье «Японский азиатизм» (1963) он признал идейное влияние азиатистов на империалистическую экспансию Японии в другие азиатские страны, однако сделал акцент на иных аспектах данной идеологии: выражения солидарности и сопротивления азиатских народов и собственного мировоззрения Востока в противодействие Западу. С точки зрения Такэути, процесс модернизации страны неизбежно сопровождается экспансионизмом, так что японский империализм не объясняется направлением Гэньёся или Кокурюкай. По его мнению, дело в том, что экспансионизм превзошел антизападный или азиафильский характер⁶³. Японский азиатизм, вопреки американской историографической традиции, начинают пересматривать как идейное течение, не являвшееся однородным. Оно состояло из множества мыслителей, зачастую по-разному, видевших паназиатский проект: были сторонники расовой теории (Коноэ Ацумаро, Танака Морихей, Кита Икки), азиатского монроизма (Канкичи Кодера), этического империализма (Кадзутани Укита), революционной теории (Миядзаки Тотен) и др.

Следовательно, «имперский азиатизм» Тоямы является лишь одним из направлений. В частности, японский исследователь Сага Такаши в работе «Мицуру Тояма. Реальность азиатизма» (2020) вступает в дискуссию с Норманом, утверждая, что национализм не всегда является злом, его надо мыслить в контексте: «Точка зрения, подобная точке зрения Нормана, и полностью отрицающая его характер – это интерпретация действий и заявлений Мицуру с позиции, которая рассматривает

⁶¹ Каплан, Дубро 2000: 11

⁶² Каплан, Дубро 2000: 11

⁶³ 竹内好1993: 287-354.

национализм как зло без каких-либо предварительных условий. Это субъективная оценка»⁶⁴. Критикуя Нормана, японец также подчеркивает роль канадцев в оккупации Японии союзными войсками. Позицию Саги можно охарактеризовать как попытку посмотреть на азиатизм «сверху». Учение Тоямы для него – часть развития политической мысли Японии, причем, в сравнении с другими концепциями, представленными в его обзорной работе «Полная история азиатизма», не самая радикальная.

Несомненно, более предвзято к вопросу оценки наследия Тоямы подходит современный националист и публицист Асидзу Удзухико в книге «Великий азиатизм и Мицуру Тояма» (1965). Он обращается к проблеме трансформации традиционных японских ценностей. Асидзу вспоминает времена Второй мировой войны, которые ему довелось пережить в детстве, взаимовыручку и «духовные основы», существовавшие в обществе. В связи с этим исследователь указывает на необходимость «переоценки того, что культивировал японский народ наших (японской нации – прим. Д.К.) делов и прадедов»⁶⁵. Данная работа Асидзу также переиздавалась в 1984, 2008 и 2021 гг. Мыслитель активно выступает против осуждения личности Тоямы и движения континентальных ронинов, считая их героями: «Континентальные ронины, которые были чистейшими наследниками идеалов японского народа во времена Мэйдзи, которые посвятили свою жизнь благородным и великим идеалам, закончив свою жизнь в служении Азии и Японии, даже не заботясь о своей семье – они оставили след в истории японского народа, которым мы должны вечно гордиться»⁶⁶.

Примечательно, что на сегодняшний день, несмотря на различные интерпретации исторических фактов, память о деятелях Гэнъеся в г. Фукуока сохраняется. Специально с этой целью был создан Мемориальный зал Гэнъеся, собирающий документы, фотографии и данные об обществе. Он просуществовал вплоть до 2008 г. В нём проводились лекции и поминальные службы. До 2020 г. Мемориальным залом издавалось собственное периодическое издание. Своим долгом сотрудники музея считали изучить историю родного региона, правильно понять ее и передать общественности⁶⁷. Впоследствии материалы Гэнъеся были переданы на хранение в городской музей Фукуоки, здание общества оказалось снесено, а на его месте установили памятник.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Справка о шпионской деятельности Восточно-Азиатского общества «Тоа-Добункай». 1900–1905 гг. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 545. [Spravka o shpionskoj deyatel'nosti Vostochno-Aziatskogo obshchestva «Toa-Dobunkai». 1900–1905 gg. (The report on the espionage activities of the East Asian Society "Toa-Dobunkai") Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R5325. Op. 4. D. 545.]

⁶⁴ 嵯峨 隆2020: 86.

⁶⁵ 葦津 珍彦1984: preface.

⁶⁶ 葦津 珍彦1984: 8.

⁶⁷ 「玄洋社記念館とは」 / 『玄洋社記念館』 . URL: <https://genyosha.jp/>

- Каплан Д., Дубро А. Якудза. Очерки японского криминального подполья / перевод А. Н. Карнеев // *Афро-азиатский мир в XX в.: Власть и насилие*. 2000. №1. С. 7–28. [Kaplan D., Dubro A. Yakudza. Ocherki yaponskogo kriminal'nogo podpol'ya / perevod A. N. Karneev (Yakuza: Japan's Criminal Underworld/ translated by A.N. Karneev) // *Afro-aziatskij mir v XX v.: Vlast' i nasilie*. 2000. №1. P. 7–28.].
- Танака Т. Утида Рёхеи: взгляд на Россию // *Ежегодник Японии*. 2012. Т. 41. С. 401. [Tanaka T. Utida Ryohei: vzglyad na Rossiyu (Ryōhei Uchida: A Look at Russia) // *Ezhegodnik Japōniia*, no. 41 (2012): 390–412].
- Усманова Л.Р. Японские националисты и российские мусульмане в совместном паназиатском проекте: роль Абдурашида Ибрагимова // *Ежегодник Японии*. 2023. Т. 52. С. 98–112. [Usmanova L.R. Yaponskie nacionalisty i rossijskie musul'mane v sovместnom panaziatskom proekte: rol' Abdurashida Ibragimova (Japanese Nationalists and Russian Muslim in a Common Pan-Asiatic Project: The Role of Abdurashid Ibragimov) // *Ezhegodnik YaPōniya*. 2023. Vol. 52. P. 98–112].
- Усманова Л.Р. «Он выступал как просветитель, преследующий цели пробуждения мусульман Азии» (Р. Ибрагимов в Японии) // *Гасырлар авазы — Эхо веков*. 2010. №1/2. С. 177–188. [Usmanova L.R. «On vystupal kak prosvetitel', presleduyushchij celi probuzhdeniya musul'man Azii» (R. Ibragimov v Yaponii) (“He acted as an educator pursuing the goals of awakening the Muslims of Asia” (R. Ibragimov in Japan)) // *Gasyrlar avazy — Ekho vekov*. 2010. №1/2. P. 177–188].
- Naoko Shimazu. *Japan, Race and Equality. The Racial Equality Proposal of 1919*. New York: Routledge, 1998.
- Linkhoeva T. *Revolution Goes East: Imperial Japan and Soviet Communism*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020.
- Morris-Suzuki T. *On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders*. Canberra: Anu Press, 2020.
- Japan's Emergence As a Modern State: Political and Economic Problems of the Meiji Period / Ed. by E. Herbert Norman, Lawrence T. Woods. Vancouver: UBC Press, 2000.
- Fifty Years of New Japan (Kaikoku Gojūnen Shi) / comp. by Count Shigenobu Okuma // English version edited by Marcus B. Huish. London: Smith, Elder & Co, 1909.
- Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo: Kodansha, 1993.
- 葦津 珍彦 『大アジア主義と頭山満』日本教文社、1984年 [Ashizu Uzuhiko. “Greater Asianism and Mitsuru Toyama”. Nihon Kyobunsha: 1984].
- 『西洋社怪人伝 — 頭山満とその一派 / 頭山満、の野半介、杉山茂丸、内田良平、夢野久作』書肆心水、2013年 [“Mysterious people of Genyosha — Mitsuru Toyama and his group / Toyama Mitsuru, Matono Hansuke, Sugiyama Shigemaru, Uchida Ryohei, Yumeno Kyusaku”. Shoshi Shinsui: 2013].
- 嵯峨 隆 『頭山満 — アジア主義者の実像』筑摩書房、2021年 [Saga Takashi. Mitsuru Toyama — The real Asianist. Chikuma Shobo: 2021].
- 石瀧 豊美 『西洋社発掘 もう一つの自由民権』西日本新聞社、1997年 [Ishitaki Toyomi. “Genyosha Excavation: Another Freedom and Civil Rights. Nishinippon Shimibun: 1997].
- 嵯峨 隆 『アジア主義全史』筑摩書房、2020年 [Saga Takashi. “Complete History of Asianism”. Chikuma Shobo: 2020].
- 頭山満 『頭山満直話集』書肆心水、2007年 [Toyama Mitsuru. Toyama Mitsuru 's stories collection. Shoshi Shinsui: 2007].
- 、1993年、竹内 好 『日本のアジア主義』筑摩書房287-354頁 [Takeuchi Yoshi. "Japan's Asianism". Chikuma Shobo: 1993. pp. 287-354].
- 「西洋社記念館とは」 / 『西洋社記念館』 . URL: <https://genyosha.jp/> ["What is Genyosha Memorial Hall?"/ "Genyosha Memorial Hall". URL: <https://genyosha.jp/>]

Ямамото Кенсо, доктор философии (Ph.D.), профессор, Университет префектуры Симанэ, kenso.yamatoto@gmail.com

Кургунова Дарья Юрьевна, студент магистратуры, факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; стажер-исследователь, Университет префектуры Симанэ, kukurg@rambler.ru

**"The Perfect in Ancient Bushido":
Toyama Mitsuru, The Ideologist of the Continental Ronin's**

Toyama Mitsuru (1855–1944) was a famous Japanese politician, one of a founder of asiaticism and the father of a political society Genyosha. However, the question about his views is still remains unanswered in Russian scientific society. The aim of this paper is to examine a philosophical heritage of Toyama Mitsuru and summarize it in a coherent socio-political doctrine. Moreover, the study was designed to determine the effect of Toyama personality on socio-political processes of Meiji, Taisho and Showa Japan, applying historical-political analysis and political-textual analysis. The researches is based on works from Shimane Prefecture University Library Funds and other institutions that have never been introduced into Russian scientific circulation before.

Keywords: *continental ronins, Toyama Mitsuru, Genyesya, history of social and political doctrines, Japanese Empire, asianism, pan-asianism, great asianism.*

Yamamoto Kenso, PhD, professor, Prefectural University of Shimane
kenso.yamamoto@gmail.com

Daria Yurievna Kurginova, Graduate student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; researcher, Prefectural University of Shimane, *ku-kurg@rambler.ru*

«ЕСЛИ НЕ ПОКАЕТЕСЬ»: ЯДЕРНАЯ УГРОЗА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕОРИИ МАРТИНА УАЙТА

В статье рассматриваются взгляды Мартина Уайта (1913–1972), одного из основателей так называемой «английской школы» международных отношений, на политические вызовы ядерной эпохи. Доминирующая интерпретация мысли Уайта, популяризованная Х. Буллом, делает акцент на скептическом отношении британского теоретика к перспективам радикальной трансформации международной политики под влиянием любых новых технологий. Действительно, Уайт указывал на сохранение в ядерную эпоху основополагающих причин войны: «гоббсианского» страха государств друг перед другом и идеологических размежеваний. Однако эта интерпретация неполна. Во-первых, Уайт, как и его американские коллеги-современники Г. Моргентау и Р. Нибур, признавал, что ядерное оружие актуализировало запрос на мировое государство и изучал возможные сценарии его формирования, хотя в итоге и счёл их маловероятными. Во-вторых, под влиянием своих христианских теологических убеждений, Уайт рассматривал возникновение атомной бомбы как следствие глубокого духовного упадка некогда христианской цивилизации, подлинным ответом на который могли стать только покаяние и проповедь. В соответствии с этим, в ситуации потенциальной военной угрозы Уайт полагал подчинение агрессору с готовностью к последующему ненасильственному сопротивлению предпочтительным по сравнению с оборонительным применением ядерного оружия.

Ключевые слова: *Мартин Уайт, ядерное оружие, гоббсианская анархия, мировое государство, христианская теология, английская школа международных отношений, международная политическая теория.*

Мартин Уайт (1913–1972) – один из основателей так называемой «английской школы» международных отношений, обычно упрощенно характеризуемой как вариант «среднего пути» между реализмом и идеализмом-либерализмом¹. Преподававший в 1950-е международные отношения в Лондонской школе экономики, в 1960-е ставший заведующим кафедрой истории в новом Университете Сассекса, неизменный член Британского комитета по теории международной политики с момента его основания в 1959 г. и до своей смерти в 1972 г.², Уайт значительно повлиял на последующие поколения британских (и не только) международныхников. В данной статье будет рассмотрен один частный сюжет из интеллектуального наследия Мартина Уайта – его теоретические взгляды на проблему ядерного оружия в международной политике.

«Как и многие его современники, он был потрясен применением атомной бомбы и крайне встревожен как началом холодной войны, так и угрозой ядерного Армагеддона»³, – так недавно охарактеризовал отношение Уайта к ядерному оружию Иэн Холл, наверное, крупнейший на сегодняшний день исследователь интеллектуального наследия британского международника. Бывший коллега Уайта по Британскому комите-

¹ Об истории «английской школы» см.: Миронов 2017; Dunne 1998.

² Hall 2006: 8-10.

³ Hall 2022: vii.

ту по теории международной политики Майкл Ховард уточнял: «Будучи христианином и некогда пацифистом, Уайт мучительно размышлял над проблемой ядерного оружия, но никогда не позволял ей полностью овладеть его мыслями. Он рассматривал её в контексте международного порядка и справедливости...»⁴. Однако в существующих работах по международно-политической теории ядерного оружия мы встречаем имена Рейнгольда Нибура, Ганса Моргентау, Джона Херца, Бертрана Рассела, Джонатана Шелла⁵ – но не имя Мартина Уайта. И, напротив, в большинстве исследований международно-политической мысли Уайта проблематика ядерного оружия либо вообще не поднимается⁶, либо удостоивается, в лучшем случае, пары общих предложений.

Это пустое пространство образовалось, не в последнюю очередь, под влиянием Хэдли Булла, чья интерпретация мысли Уайта долгое время была – а во многом и сегодня остаётся – доминирующей⁷. Во введении к изданному им уже после смерти Уайта сборнику работ последнего «Системы государств» Булл писал: «Склонность Уайта рассматривать международную политику через призму повторяющихся паттернов обуславливала его неизменно подозрительное отношение к утверждениям, что какое-то новое или кажущееся новым явление (ядерное оружие, научный прогресс, мировое общественное мнение, развитие коммуникаций) вот-вот трансформирует международную систему»⁸. Ту же точку зрения Булл, в соавторстве с Карстеном Хольбраадом, развивал и во введении к расширенной версии «Силовой политики»: «в работах Мартина Уайта главный акцент сделан не на элементах изменения в международных отношениях, а на элементах преемственности»⁹. Изменения последних лет, среди которых и «распространение ядерного оружия», как утверждали Булл и Хольбраад, становились для Уайта лишь поводом «привести новые иллюстрации», никак не затрагивая «основную нить аргументации»¹⁰. В том же ключе описывал позицию Уайта по вопросу ядерного оружия и американский международник Кеннет Томпсон¹¹. В результате взгляд на Мартина Уайта как теоретика, отрицавшего возможность трансформации международных отношений под воздействием ядерной угрозы, закрепился уже по обе стороны Атлантики.

Не вступая пока в прямой спор с этой интерпретацией, лишь отметим, что Уайт, в отличие от вопросов общественного мнения, коммуникаций, или, к примеру, международной торговли, проблемам ядерного оружия и контроля над вооружениями в расширенной версии «Силовой

⁴ Howard 2005: vii.

⁵ Craig 2003; Deudney 2007: 244–264; 2019; Munster, Sylvest 2016; 2021.

⁶ Миронов 2013; 2017; Bull 1976; Dunne 1998: 47–70; Hall 2014; Nicholson 1981.

⁷ Hall 2006: 11.

⁸ Bull 1977: 9.

⁹ Bull, Holbraad 1978: 9.

¹⁰ Ibid: 11.

¹¹ Thompson 1980: 56–57.

политики» всё же посвятил отдельную главу¹². Более того, в вышедшем в прошлом году сборнике ранее не публиковавшихся работ Уайта по вопросам внешней политики и политики безопасности мы находим сразу четыре статьи, прямо посвященные влиянию ядерного оружия на международные отношения¹³. Это подводит к мысли, что даже если в итоге Мартин Уайт и приходил к выводу о незначительном влиянии ядерного оружия на фундаментальную природу международной политики, то этот вывод достигался в результате длительных размышлений, развернутой аргументации и диалога с другими точками зрения. Соответственно, весь этот комплекс аргументации уже сам по себе представляет исследовательский интерес. А, возможно, более внимательное изучение вопроса позволит и уточнить доминирующую интерпретацию, сложившуюся под влиянием Булла.

Применительно к международно-политической мысли Уайта в целом такое уточнение уже было осуществлено Иэном Холлом в его фундаментальной монографии «Международная мысль Мартина Уайта»¹⁴, однако Холл не выделяет отношение Уайта к ядерному оружию в отдельный сюжет, в результате чего целостная картина по данному вопросу не складывается, несмотря на разбросанные по тексту релевантные комментарии. Вместе с тем Холл выявляет важный факт: на осмысление Уайтом ядерного оружия (как, впрочем, и на всю его международно-политическую теорию) существенно влияли его христианские убеждения и теологические взгляды¹⁵. В условиях текущей актуализации ядерной проблематики в международных отношениях, а также наблюдаемой склонности к осмыслению этой проблематики в (квази)теологическом ключе, в том числе, со стороны светских авторов, обращение к мысли Мартина Уайта может представлять не только архивный интерес.

Отметим сначала те аспекты мысли Уайта, которые послужили основой для интерпретации Булла. Действительно, в ряде работ 1950-х – начала 1960-х гг. он очень сдержанно оценивал возможность изменения международной политики под влиянием ядерной угрозы. Так, в эссе «Выгода, страх и слава: размышления о природе международной политики», написанном в 1955 г.¹⁶, Уайт характеризовал такие представления как «адаптацию старых иллюзий, надежду на то, что раз политические трудности не исчезли в результате социальной эволюции, от них можно избавиться взмахом технологической волшебной палочки»¹⁷. В статьях «Привел ли научный прогресс к качественным, а не только количе-

¹² Wight 1978: 278-288.

¹³ Wight 2023: 102-147.

¹⁴ Hall 2006.

¹⁵ Ibid: 36-40.

¹⁶ Wight 2022: 155-172. Это эссе затем частично легло в основу лекции, прочитанной в том же году на радио BBC, и опубликованной сначала в журнале *The Listener*, а затем и в качестве главы о войне в расширенной версии книги «Силовая политика». См.: Wight 1978: 136-143.

¹⁷ Wight 2022: 171.

ственным изменениям в международной политике?»¹⁸ и «Политические последствия ядерного оружия»¹⁹, написанных в 1960 году и во многом пересекающихся содержательно, он подробно разбирает предполагаемые изменения, которые, согласно другим теоретикам (в частности, Джону Херцу²⁰), произошли под влиянием ядерного оружия.

Из семи предполагаемых изменений – конец территориальной непроницаемости государств, исчезновение различий между великими и малыми державами, конец решающего значения промышленной мощи, окончательная победа наступательных возможностей над оборонительными, окончательная победа сухопутной мощи над морской, конец политики баланса сил, конец войны как инструмента политики – он соглашается только с двумя (снижением роли промышленности и победой суши над морем), при этом признавая решающую роль ядерного оружия только в первом случае.

Государства, утверждает Уайт, всегда были проницаемы для транснациональных идеологических движений и «доктринальных войн», а в политико-стратегической сфере о каком-то приближении к идеалу территориальной непроницаемости можно было говорить лишь применительно к горстке великих держав²¹. Как максимум, великие державы в ядерную эпоху столкнулись с тем же, что все прочие государства испытывали всегда. Это, однако, отнюдь не означает стирания различий: даже при широком распространении ядерного оружия одно лишь владение им не сделает государство автоматически великой державой, поскольку не все владеющие будут способны самостоятельно его производить, а также – что ещё важнее – не все будут одинаково уязвимы к его применению. «Ключевым критерием великодержавного статуса сегодня я бы назвал способность выдержать ядерную атаку, избежав полного уничтожения и социального коллапса»²². А это повышает значение таких факторов как размер территории, численность населения, боевой дух и социальная сплоченность и, в свою очередь, как раз снижает значение уровня промышленного развития²³. Здесь мы видим, что Уайт, по крайней мере в этот период, не считал неизбежным следствием ядерной войны тотальную катастрофу, приводящую к полному исчезновению человеческой цивилизации. В 1955 г. он подчеркивал, что «ученые сами ещё не достигли согласия по поводу последствий» ядерной войны, и допускал возможность лишь ограниченного применения ядерного оружия в случае «очередной всеобщей войны»²⁴.

¹⁸ Wight 2023: 102-119.

¹⁹ Ibid: 120-133.

²⁰ Представляется, что книга Херца «Международная политика в атомный век», вышедшая в 1959 г., стимулировала Уайта систематизировать свои размышления. Он также написал на неё рецензию, см.: Wight 1960a.

²¹ Wight 2023: 109-110, 121-122.

²² Ibid: 124.

²³ Ibid: 111, 124-126.

²⁴ Wight 2022: 172.

Возвращаясь к перечню предполагаемых изменений, которые разбирает Уайт: превосходство наступления над обороной вряд ли можно назвать окончательным, поскольку «гонка вооружений предполагает постоянную возможность технологического прорыва»²⁵ – и по той же причине ядерное оружие не заморозило баланс сил²⁶. Суждение же Уайта о триумфе сухопутной силы над морской во многом воспроизводит маккиндеровскую логику «хартленда» (на которую он прямо ссылается), отводя тем самым ядерному оружию роль лишь «ускорителя», но не основной причины этой тенденции²⁷.

Всё это, однако, вторичные сюжеты по сравнению с главным вопросом: сделало ли ядерное оружие войну невозможной? Уайт неоднократно ссылается на мнение, что ответ на этот вопрос положительный²⁸ – чтобы затем это мнение опровергнуть. Логика его рассуждения показательна и заслуживает того, чтобы привести достаточно пространную цитату: «Аргумент, что ядерное оружие произвело решающее изменение в международной политике, стал бы намного более убедительным, если бы можно было показать, что правительства и народы теперь боятся войны больше, чем они боятся друг друга. Если бы это было так, в международных отношениях действительно произошла бы революция: гоббсианская безвыходная ситуация [the Hobbesian predicament] разрешилась бы, и мы бы вступили в новый мир политики. Однако всё свидетельствует против этого. Судя по всему, внешняя политика любой страны и подавляющая часть избирателей в любой стране исходят из того, что потенциальный враг страшнее, чем ядерная война»²⁹.

В доказательство последнего тезиса Уайт постоянно приводил британское официальное заявление по вопросам обороны 1955 года, в котором утверждалась предпочтительность «угрозы физического опустошения» в сравнении с «настроениями покорности перед лицом воинствующего коммунизма»³⁰. Он полагал, что такие воззрения характерны «практически для любой современной державы и совершенно точно для всех великих держав»³¹. Вместе с тем, данный аргумент обосновывает сохранение осмысленности – и потому возможности – только *оборонительной* войны. Но как такая война вообще может начаться? Уайт не разъясняет это напрямую, но отдельные его тезисы содержат достаточно прозрачные указания. Во-первых, в атмосфере страха и обостренного идеологического противостояния возможна превентивная ядерная война, вызванная подозрениями в неминуемом вражеском нападении

²⁵ Wight 2023: 112.

²⁶ Ibid: 126.

²⁷ Ibid: 113-114. К тому же, как указывает в 2023 году редактор сборника Дэвид Йост, Уайт опирался на вскоре устаревшие характеристики дальности ракет морского базирования.

²⁸ Wight 2023: 115-119, 128-132; Wight 1992: 229-232; Wight 1978: 142-143.

²⁹ Wight 2023: 131.

³⁰ Ibid: 131. Он также цитировал это заявление в: Wight 1992: 230-231.

³¹ Wight 1992: 231.

нии³². Во-вторых, возникает опасная диалектика ядерной и конвенциональной войны: «Чем более невероятна ядерная война, тем более вероятны войны неядерные, подпольные или полуофициальные, как единственные отдушины для политических страстей и изменений; но чем более часты и жестоки неядерные войны, тем выше опасность ядерной войны. Это ключевая дилемма»³³.

Итак, мотивы войны – «страх и доктринальные убеждения»³⁴ – никуда не исчезли, а провести жесткую границу между ядерной и конвенциональной войной невозможно. Поэтому даже в ядерную эпоху, хотя «конкретные войны и можно предотвратить», в целом «война неизбежна»³⁵. Иначе говоря, «произошло лишь количественное изменение, не качественное»³⁶. В полном соответствии с этим выводом, Уайт проводит в своих работах многочисленные параллели между ядерной и до-ядерной эпохами: советско-американская гонка ядерных вооружений схожа с англо-германским соперничеством на море перед Первой мировой войной³⁷; а аргументы о немислимости войны из-за роста разрушительности вооружений, сегодня высказывающиеся в связи с ядерным оружием, ранее уже выдвигались из-за самолетов-бомбардировщиков, скорострельной артиллерии и малокалиберных винтовок³⁸.

Если бы анализ ядерной проблематики Уайтом ограничивался вышеприведенными рассуждениями, то интерпретацию Булла следовало бы признать полностью корректной и органичной. Однако всё обстоит несколько сложнее.

Уже в работах 1950-х гг. Уайт, хотя и обращает внимание на наличие не-катастрофических сценариев ядерной войны, учитывает и возможность полного уничтожения участвующих в ней стран. Это, в свою очередь, вынуждает его признать определенную новизну сложившейся ситуации. Готовность правителей и народов предпочесть войну и гибель поражению и подчинению неприятелю – феномен исторически знакомый, Уайт приводит здесь в качестве примеров битву при Фермопилах, осаду Хартума в ходе восстания махдистов (1884–1885), битву при Аламо в ходе войны за независимость Техаса (1836)³⁹. Однако в этих и подобных им случаях речь всё же шла о гибели части политического сообщества (как правило, даже части войск) во имя защиты сообщества как целого, что, как отмечает Уайт, делает эти примеры не вполне уместными в контексте ядерной войны, которая может означать как раз таки гибель всего сообщества⁴⁰. В целом, два сколь-нибудь похожих

³² Wight 2023: 129.

³³ Ibid: 128. Аналогичный тезис см.: Wight 1978: 143.

³⁴ Wight 1978: 142.

³⁵ Ibid: 143.

³⁶ Wight 2023: 132.

³⁷ Wight 1978: 248

³⁸ Wight 1960b: 45.

³⁹ Wight 2023: 116, 132.

⁴⁰ Ibid: 117.

случая – не просто коллективной гибели сообщества, но «гибели, осознанно призванной на свою голову вследствие стойкости духа либо фанатизма» – Уайт находит только в античности: а) гибель Карфагена и б) разрушение Иерусалима и Второго Храма в ходе Первой Иудейской войны⁴¹. Ни в Новое время, ни в Средневековье ничего сопоставимого он не видит, в результате чего заключает: «...можно сказать, таким образом, что, поскольку считается возможным, что при определенных обстоятельствах правительства могут предпочесть ядерную войну альтернативному ходу событий, в международной политике сложилась новая ситуация; или же, что некоторые прецеденты политического поведения, которые не имели значения с конца дохристианской эры, теперь, возможно, вновь приобрели определенную актуальность»⁴².

Будучи глубоко христианским мыслителем⁴³, Уайт едва ли одобрительно смотрел на подобную актуализацию античной доблести. Косвенно о его отношении свидетельствует замечание, что два упомянутых примера коллективной гибели «в целом, кажется, не вызывали восторженных комментариев последующих поколений историков»⁴⁴.

Карибский кризис заставил ещё серьезнее задуматься о возможных последствиях ядерной войны. В начале эссе «Война и мир: гоббсианская безвыходная ситуация», написанного в 1963 г., Уайт признаётся, что в октябре 1962 года познал «новое измерение ужаса» из-за мысли, что в случае ядерной войны «больше не будет Природы»⁴⁵. В отличие от поэтов периода Первой мировой войны, которые могли противопоставлять гибели людей и разрушению городов «постоянство и неизменность Природы», жертвы ядерной войны будут лишены даже этого утешения: «Не будет больше маков. Не будет жаворонков. Не будет зеленой травы. Только черная выжженная земля до самого горизонта»⁴⁶. Трудно представить, чтобы такие размышления не заставили человека искать выход из ядерного тупика. И Уайт искал.

Уайт известен, среди прочего, своей концепцией «трёх традиций», которая видит историю международной теории как спор и переплетение трёх направлений мысли: реалистской (гоббсианской), рационалистской (гроцианской) и революционистской (кантианской). В его текстах с 50-х годов и вплоть до самой смерти в 1972 видны периодические попытки найти выход в гроцианской традиции, которая смягчает суровую гоббсианскую анархию представлениями о выработке государствами некоей минимальной общей морали, их сотрудничестве на основе этой морали и общих интересов, ограничении насилия. Применительно к ядерному оружию такой подход подразумевал, в первую

⁴¹ Ibid: 118.

⁴² Ibid: 118.

⁴³ Hall 2006: 21-42.

⁴⁴ Wight 2023: 118.

⁴⁵ Ibid: 134.

⁴⁶ Ibid: 134.

очередь, «доктрину ограниченной войны»⁴⁷. Однако Уайт тут же сам признавал, что практическая проблема рационалистской теории заключается в невозможности надежно убедиться, что противник следует тем же принципам самоограничения, что, в свою очередь, порождает страх и готовность к превентивному удару⁴⁸. Кроме того, общая мораль – во многом продукт относительной безопасности, тогда как взаимное ядерное сдерживание покоится на взаимной уязвимости. Это вынуждало Уайта подозревать, что в ядерную эпоху грозили либо обречены на превращение в гоббсианца, либо могут сохранить свои принципы, только становясь на позицию радикального ненасилия в духе Ганди⁴⁹.

В конечном счёте Уайт не видел возможности выйти из ядерного тупика при сохранении межгосударственной системы. Про Договор о нераспространении ядерного оружия он писал, что «внутри него затаилось мировое правительство в зародыше», однако оно обречено на неудачу, поскольку переворачивает с ног на голову порядок действий: эффективный контроль над вооружениями «не может предвдвять политическое объединение мира, а может только последовать за ним»⁵⁰. Но как такое объединение может произойти? Уайт отмечал, что «один из очень немногих разумных аргументов в пользу мирового государства был выдвинут Миддлтоном Марри, когда у США была атомная монополия» – и этот аргумент предусматривал силовое принуждение к объединению в случае необходимости⁵¹. Однако после исчезновения ядерной монополии в 1949 г. этот путь оказался закрыт. Здесь любопытно отметить, что начиная с 1948 г. Уайт неоднократно писал о возможном возникновении единого мирового государства не для предотвращения, но *вследствие* ядерной мировой войны: «Кто бы ни вышел победителем [из Третьей мировой войны], Россия или США, он создаст на руинах мировое государство»⁵². С течением времени, впрочем, это рассуждение стало сопровождаться выразительными уточнениями: «при условии сохранения достаточного уровня социальной организации»⁵³; «либо [война] уничтожит всю цивилизованную жизнь»⁵⁴.

Попыткой мирного объединения был для британского теоретика «План Баруха» второй половины 1940-х гг., предусматривавший создание наднационального агентства по контролю за атомной энергией, которое Уайт вновь называет «мировым правительством в зародыше»⁵⁵. Однако это было предложение со стороны США, сделанное с позиции

⁴⁷ Wight 1992: 231. См. также: Wight 2022: 142.

⁴⁸ Wight 1992: 231.

⁴⁹ Wight 2005: 16. Ганди же Уайт относил уже к революционистской традиции, но в «перевернутом» (т.е., ненасильственном) изводе. См.: Wight 2005: 122.

⁵⁰ Wight 1978: 288.

⁵¹ Wight 1960b: 40-41.

⁵² Wight 1948: 32.

⁵³ Wight 2022: 180.

⁵⁴ Wight 2023: 80.

⁵⁵ Wight 1978: 279.

силы в условиях атомной монополии и призванное закрепить американское доминирование. Уайт отмечает, что «история не даёт оснований верить» в реализуемость таких инициатив ввиду их неприемлемости для держав-конкурентов⁵⁶.

Может ли оказаться успешной подобная инициатива, но выдвинутая в условиях равноправных отношений между ядерными сверхдержавами? С конца 1950-х гг. мы видим в работах Уайта размышления о возможности формирования де-факто «всемирной власти» путём установления устойчивой советско-американской «диархии»⁵⁷, но в поздней статье «Треугольники и дуэли», написанной в 1972 г. за несколько месяцев до смерти, эта идея по-прежнему фигурирует лишь в статусе осторожного предположения⁵⁸. В других работах Уайт отмечал, как в 1960-е гоббсианская логика «жизненно важных интересов» [vital interests] закрепились, в т.ч. в договорах по контролю над ядерным оружием, в виде положений о возможности выхода из договора при возникновении угрозы этим интересам⁵⁹. Оставалось непонятным, как в этих условиях сверхдержавы могли бы преодолеть взаимное недоверие и страх.

Иэн Холл также утверждал, ссылаясь на неопубликованную статью «Бог в эпоху ядерной войны»⁶⁰, что мировое государство виделось Уайту ещё и нежелательным, а при определенных условиях даже менее предпочтительным, чем ядерная война⁶¹. Можно предположить, что эта мысль в какой-то момент рассматривалась Уайтом, но была отвергнута. Во-первых, мы не находим её следов ни в одном из опубликованных текстов: ни в более ранних, ни в более поздних. Во-вторых, если одним из возможных последствий ядерной войны является, опять же, мировое государство (что, как мы видели выше, Уайт допускал), предпочтение одного другому не вполне логично. В-третьих, в одной из более поздних (1972 года) статей мы читаем: «появление атомной энергии в 1945 г. наконец создало условия, при которых господство единственной державы над всей системой государств стало возможным и *желательным*»⁶². В любом случае, было ли оно желанным или пугающим, подобное господство рассматривалось Уайтом как весьма маловероятное.

Итак, ни гроианское самоограничение, ни всемирная власть не были реалистичными путями преодоления гоббсианского безвыходного положения в ядерную эпоху, следовательно, мир не был надежно гаран-

⁵⁶ Ibid: 280.

⁵⁷ Wight 2022: 180-181; Wight 2023: 141.

⁵⁸ Wight 1977: 194.

⁵⁹ Wight 2023: 152-153, 172.

⁶⁰ Текст датирован февралём 1963 года. См.: Hall 2006: 171n26.

⁶¹ Hall 2006: 109-110. К сожалению, этот текст, в отличие от разбиравшихся международно-политических статей Уайта по ядерной проблематике, остаётся неопубликованным до сих пор, и получить к нему доступ при написании настоящей статьи не удалось. Это в некоторой степени ограничивает приводимый анализ.

⁶² Wight 1977: 193. [Курсив мой. – Е.У.]

тирован и всегда висел на волоске. Что это означало? «В международных отношениях у каждой страны всегда было, в принципе, две альтернативы миру. Одна из них – подчинение, другая – война»⁶³. Как мы уже видели, Уайт считал, что правительство и большинство граждан любой великой державы в подобной ситуации по-прежнему выберут войну. Осталось попытаться выяснить, к чему склонялся сам Уайт.

Здесь самое время отметить, что в 1930-е гг. Уайт стал пацифистом, а во Вторую мировую войну отказался служить в армии по религиозным основаниям. В официальном заявлении на получение статуса отказника по соображениям совести он писал: «единственный метод, который может полностью преодолеть иррациональные и демонические силы зла, нашедшие своё наиболее полное выражение в нацистской Германии – это Голгофа и катакомбы»⁶⁴. До какой степени пацифистские воззрения Уайта в целом изменились в более зрелом возрасте, по-прежнему до конца не ясно⁶⁵. Однако по интересующему нас сюжету имеющиеся свидетельства указывают скорее на преемственность.

Особый интерес в этой связи представляет статья «Церковь, Россия и Запад» (1948). Она начинается с радикального утверждения: «Третья мировая война, с человеческой точки зрения, неизбежна. <...> [Она] будет вестись с полномасштабным применением атомного оружия <...> и с минимальными моральными ограничениями»⁶⁶. Однако, продолжает Уайт, предостережение «если не покается» (Лк 13:5) превращает прогноз в пророчество, а утверждение неизбежности «с человеческой точки зрения» не учитывает «не поддающийся расчету фактор божественной благодати»⁶⁷. Ядерное оружие при таком взгляде на вещи тоже приобретает пророческое значение: «неотвратимость суда никуда бы не исчезла и без атомной бомбы, но трудно представить себе что-либо меньшее, чем атомная бомба, что могло бы заставить нас осознать эту неотвратимость»⁶⁸. Угроза ядерной войны становится для Уайта, очередным – и наиболее ярким – свидетельством всеобщего отступничества христианской цивилизации⁶⁹. А единственным подлинным ответом на эти события со стороны церкви и всех, кто к ней принадлежит, оказываются покаяние, проповедь благой вести, и пророческое обличение мира⁷⁰. Причем, из-за слабости и разделенности «институциональной Церкви» на первый план должна выйти «мистическая Церковь», «смещающая фокус с 13 главы Послания к Римлянам на 13 главу Откровения»⁷¹.

⁶³ Wight 2023: 115.

⁶⁴ Цит. по: Dunne 1998: 65n23.

⁶⁵ Thomas 2001: 920.

⁶⁶ Wight 1948: 31.

⁶⁷ Ibid: 32-33.

⁶⁸ Ibid: 41.

⁶⁹ Ibid: 26-28.

⁷⁰ Ibid: 43-45.

⁷¹ Ibid: 45. По всей видимости, имеются в виду, в первую очередь, следующие стихи (приводятся в Синодальном переводе): «Всякая душа да будет покорна высшим

В свете приведенных теологических рассуждений проясняется смысл следующих строк из эссе «Война и мир», написанных в мае 1963 года (то есть, во время ненасильственных протестов чернокожего населения Юга США, возглавляемых Мартином Лютером Кингом): «Вместо смерти выбрать жизнь в коммунистической стране – должно означать выбрать, с полным осознанием этого, перспективу коллективного пассивного сопротивления в коммунистической стране. Вот что означает подчинение. Будущее человеческого рода, возможно, заключено в том, что чернокожие в последнее время делают в Бирмингеме, штат Алабама – и в надежде, что этот путь может стать универсальным»⁷². Выбор Мартина Уайта, вероятно, плохо подходил для эксплицитного отстаивания на заседаниях Британского комитета по теории международной политики, что и может объяснять некоторую туманность его текстов. Приведенные свидетельства, вместе с тем, недвусмысленны: перед лицом ядерной угрозы его личным выбором – и предпочитаемым им коллективным выбором церкви – была не война, а подчинение с перспективой ненасильственного сопротивления новым властям.

Будучи рассмотрены в изоляции от их теологического измерения, взгляды Мартина Уайта на проблему ядерного оружия иллюстрируют те же самые дилеммы и противоречия, с которыми сталкивались другие мыслители того периода: спекуляции о не-катастрофическом характере ядерной войны против необходимости учитывать худшие возможные сценарии; надежда на стратегии ограниченной войны против сомнений в способности контролировать эскалацию; убеждение в необходимости политического объединения мира против неверия в возможность такого объединения. Как показал, к примеру, в своём блестящем исследовании Кэмпбелл Крэйг, мысль Моргентау и Нибура металась между этими противоположностями, не в состоянии найти успокоение⁷³. То же можно сказать и про Мартина Уайта.

Если же принимать в расчет теологическое измерение теории Уайта, то обнаруживается, что именно в нём его мысль, в конечном счете, находила опору и, до некоторой степени, успокоение. Следует также отметить своеобразие теологического осмысления Уайтом ядерного оружия: поскольку все формальные институты – и политические, и церковные – обвинены (либо, как минимум, заподозрены) в отступничестве, здесь нет даже и следа мысли о «священной войне»; при этом, серьезное погружение в эсхатологию не выливается в фанатичную апокалиптику (как, к примеру, у американских протестантов-фундаменталистов), а, напротив, оборачивается указанием на необхо-

властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1); «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых» (Откр 13: 10).

⁷² Wight 2023: 143.

⁷³ Craig 2003.

димось покаяния ради предотвращения худшего. Дальнейшее сопоставление Уайта и других мыслителей в этой плоскости, которую можно условно обозначить как «политическая теология ядерного оружия», выглядит перспективным направлением для будущих исследований.

В свою очередь, в более социологическом ключе можно было бы поставить следующий вопрос: в какой степени такое – при всех оговорках, весьма «пораженческое» – мышление Уайта было обусловлено общей интеллектуальной атмосферой пост-имперской Британии, потерявшей былое величие и, что не менее важно, во многом делегировавшей свою оборону ядерному зонтику США?

Это последнее обстоятельство следует иметь в виду и при размышлениях об актуальности взглядов Уайта на ядерное оружие сегодня. Впрочем, вне зависимости от нашего суждения об актуальности его *выводов*, суть проблемы и обрисованный им набор альтернатив едва ли существенно изменились. В любом случае, международно-политическая мысль Мартина Уайта о ядерном оружии представляет собой любопытный эпизод интеллектуальной истории XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Миронов В.В. Мартин Уайт и вопросы изучения Английской школы теории международных отношений // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 53–57 [Mironov V.V. Martin Uait i voprosy izucheniya Angliiskoi shkoly teorii mezhdunarodnykh otnoshenii (Martin Wight and the Problems of Studying the English School of International Relations) // Vestnik Omskogo universiteta. 2013. No. 1. P. 53–57].
- Миронов В.В. Очерки развития Английской школы международных отношений. Омск: Изд-во ОмГУ, 2017 [Mironov V.V. Ocherki razvitiya Angliiskoi shkoly mezhdunarodnykh otnoshenii (Essays on the Development of the English School of International Relations). Omsk: Izd-vo Omskogo universiteta, 2017].
- Bull H. Martin Wight and the Theory of International Relations: The Second Martin Wight Memorial Lecture // British Journal of International Studies. 1976. 2/2. P. 101–116.
- Bull H. Introduction: Martin Wight and the Study of International Relations // Systems of States / M. Wight. Leicester: Leicester University Press, 1977. P. 1–20.
- Bull H., Holbraad C. Introduction // Power Politics / M. Wight. New York: Holmes & Meier Publishers, 1978. P. 9–22.
- Craig C. Glimmer of a New Leviathan: Total War in the Realism of Niebuhr, Morgenthau, and Waltz. New York: Colombia University Press, 2003.
- Deudney D.H. Bounding Power: Republican Security Theory from the Polis to the Global Village. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007.
- Deudney D.H. Going Critical: Toward a Modified Nuclear One Worldism // Journal of International Political Theory. 2019. 15/3. P. 367–385.
- Dunne T. Inventing International Society: A History of the English School. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1998.
- Hall I. The International Thought of Martin Wight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
- Hall I. Martin Wight, Western Values, and the Whig Tradition of International Thought // The International History Review. 2014. 36/5. P. 961–981.
- Hall I. Foreword // International Relations and Political Philosophy / M. Wight. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. vii–x.
- Howard M. Foreword // Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini / M. Wight. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. v–viii.
- Munster R. van, Sylvest C. Nuclear Realism: Global Political Thought during the Thermonuclear Revolution. New York: Routledge, 2016.
- Munster R. van, Sylvest C. Nuclear Weapons, Extinction, and the Anthropocene: Reappraising Jonathan Schell // Review of International Studies. 2021. 47/3. P. 294–310.

- Nicholson M. The Enigma of Martin Wight // Review of International Studies. 1981. 7/1. P. 15–22. DOI:10.1017/S0260210500115098
- Thomas S.M. Faith, history and Martin Wight: the role of religion in the historical sociology of the English school of International Relations // International Affairs. 2001. 77/4. P. 905–929. DOI: 10.1111/1468-2346.00225
- Thompson K.W. Masters of International Thought: Major Twentieth-Century Theorists and the World Crisis. Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1980.
- Wight M. The Church, Russia and the West // The Ecumenical Review. 1948. 1/1. P. 25–45.
- Wight M. Review of: International Politics in the Atomic Age. By John H. Herz // American Political Science Review. 1960a. 54/4. P. 1057.
- Wight M. Why Is There No International Theory? // International Relations. 1960b. 2/1. P. 35–48.
- Wight M. Systems of States. Leicester: Leicester University Press, 1977.
- Wight M. Power Politics. New York: Holmes & Meier Publishers, 1978.
- Wight M. International Theory: The Three Traditions. New York: Holmes & Meier, 1992.
- Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Wight M. International Relations and Political Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2022.
- Wight M. Foreign Policy and Security Strategy. Oxford: Oxford University Press, 2023.

Учаев Евгений Иванович, преподаватель, кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, член РОИИ; eugeneuchaev@gmail.com

“Except ye repent”: Nuclear Threat in the International Thought of Martin Wight

The paper analyzes Martin Wight’s views regarding the impact of nuclear weapons on international relations. The dominant interpretation of Wight’s thought, popularized by Hedley Bull, focuses on his skepticism towards the ability of any new technology to bring about major transformation of world politics. Indeed, Wight pointed out that atomic power leaves intact the fundamental motives for war: Hobbesian fear inherent in the states-system, and doctrinal strife. However, this interpretation is incomplete. First, similar to his US contemporaries Hans Morgenthau and Reinhold Niebuhr, Wight acknowledged the demand for world state created by the nuclear weapons and contemplated possible world-state formation scenarios. He concluded, however, that all such scenarios were unfeasible. Second, influenced by his Christian theological convictions, Wight considered the advent of nuclear weapons to be the result of “spiritual apostasy” of a once Christian civilization, which could only be remedied by repentance and proclaiming the gospel. Accordingly, in the case of a potential war, Wight saw submission to aggressor followed by non-violent resistance as preferable to the defensive use of nuclear weapons, although he did not directly advocate this as a policy option.

Keywords: Martin Wight, nuclear weapons, Hobbesian predicament, world state, Christian theology, English school of IR, international political theory.

Yevgeny I. Uchaev, Lecturer, World Politics Department, MGIMO University, Moscow; eugeneuchaev@gmail.com

ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ ИДЕЙ НЕОРЕАКЦИОНИЗМА ОТ «МАНИФЕСТА ФОРМАЛИСТА» ДО «ТЁМНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Целью данной работы является выявление особенностей эволюции неореакционных (NRx) идей, а также определение содержательного фундамента идей неореакционизма в иных идеологических измерениях. Актуальность выбранной проблематики обусловлена её сравнительно малой изученностью, а также недостаточной аналитической полнотой существующих оценок данного идейного течения со стороны представителей академического сообщества. В качестве ключевых источников исследования авторы использовали «Манифест формалиста» американского правового теоретика Кёртиса Ярвина, ставшего важным драйвером в развитии новой идеологической конструкции, а также «Тёмное просвещение» и «Киберготика» британского философа Ника Ланда, что позволило исследовать особенности второго этапа развития идей неореакционизма. В исследовании проведен анализ взаимосвязи идей неореакционизма с иными идеологическими направлениями. Основывая свою работу на модели семиосферы Ю.М. Лотмана и опираясь на принципы критического дискурс-анализа академических работ, авторы определили содержательные этапы эволюции NRx-идей и выдвинули тезис о наличии содержательных различий в идеях К. Ярвина и Н. Ланда. Сделан вывод о существовании в современном неореакционизме основных и периферийных идей. Особое внимание в работе уделено акселерационистской и технодетерминистской составляющей идейной базы неореакционизма, которая актуализируется в условиях современных технологических трансформаций.

Ключевые слова: неореакционизм, NRx, Кёртис Ярвин, Ник Ланд, акселерационизм, Тёмное просвещение.

Интенсивный научно-технический прогресс тесно связан с активным преобразованием современной политической и социально-экономической действительности. Учёные до сих пор ведут спор о том, что первично среди причин этих преобразований – проникновение цифровых коммуникаций, нейросетевых алгоритмов, сквозных технологий «умного города», искусственного интеллекта, Интернета вещей в общество либо же, наоборот, сами социальные трансформации и лежащее в их основе разделение труда, провоцируют новые технологические метаморфозы. В любом случае, современная сложная социотехническая реальность, в которой социальное уже не может существовать без технологической сферы, приводит к новым вызовам, политическому экспериментированию, исчезновению ранее популярных идеологий и зарождению новых идеологических конструктов. По этой причине предлагаемая читателям статья посвящена истории эволюции идей относительно нового и во многом противоречивого политического течения, связанного с технологическими трансформациями и недостаточно исследованного в российской политической и исторической науке – неореакционизма.

В качестве методологической линзы данная работа опирается на модель семиосферы Ю.М. Лотмана¹ и принципы критического дискурс-

¹ Лотман 2022: 195.

анализа академических работ, а также неореакционных текстов-первоисточников. Применение модели семиосферы было направлено на отделение основных идей неореакционеров от их периферийных идей.

Одним из основателей неореакционизма считается американский программист, блогер и политический теоретик Кёртис Гай Ярвин, известный своими радикальными взглядами на политику и государственное управление. Его идеи связаны с глубокой критикой современных либеральных демократий, а сам К. Ярвин предлагает радикальные альтернативные существующим формы политического устройства. Отметим, что политические взгляды Ярвина не являются жёстко статичными и претерпели определённую эволюцию с 24 апреля 2007 года, когда он выпустил свой «Манифест формалиста» под псевдонимом Mencius Moldbug. В этом политическом документе были предложены центральные идеи неореакционизма (NRx), получившие в дальнейшем своё развитие. Первоначально К. Ярвин называл свою идеологию *формализмом*, а его целью было проектирование ненасильственного способа взаимодействия людей, так как насилие, как производное конфликта и неопределённости, остаётся, по его мнению, основной проблемой человека. В соответствии с позицией К. Ярвина, организованное насилие необходимо рассматривать прежде всего как инженерную, а не моральную проблему. И для решения данной проблемы следует отбрасывать все те меры, которые её не решают. Таким образом, в ранних текстах К. Ярвина мы можем проследить логику прагматизма².

Основа идейного корпуса К. Ярвина выстраивается вокруг критики американской системы политической власти. В своём манифесте Ярвин отталкивается от ключевой идеи о том, что Соединённые Штаты – лишь большая и старая корпорация, а их граждане – корпоративные крепостные. Но эта корпорация, владеющая множеством активов, не обладает чётким представлением, что с ними делать, а также имеет долги. В качестве выхода из ситуации лидер неореакционизма сначала предлагает определить реального обладателя политической власти в стране, чтобы затем провести реформу – перераспределить акции среди организаций в этой большой корпорации, переведя её долговые обязательства в оборотные инструменты: «...формалист счастлив, если право собственности и контроль – это одно и то же»³.

В тексте манифеста очевидно влияние либертарианской мысли, отдающей предпочтение корпоративной власти и управлению развитием общества. Неслучайно ряд авторов напрямую связывает неореакционизм с развитием либертарианства⁴. Тем не менее в последующих публикациях Ярвина появляются всё более существенные отличия неореакционных идей от либертарианства. С одной стороны, терминология, стилистика, язык, используемые в неореакционных текстах, значительно

² Mencius Moldbug April 24, 2007.

³ Там же.

⁴ Smith, Burrows 2021: 144.

коррелируют с терминологией, стилистикой и языком технократизма, однако с другой стороны, неореакционеры не только находят вдохновение в моделировании цифрового технологического будущего, но также обращаются к прошлому. Так, Р. Топинка уточняет, что неореакционеры не просто критикуют настоящее, но и призывают восстановить некоторые формы утраченной политики прошлого⁵. Это, к примеру, видно в их попытках переосмыслить парадигму камерализма.

Уже в «Манифесте формалиста» приводится критика демократии, как разрушительной, неэффективной системы управления, а демократической политики – как символического насилия. По сути, К. Ярвин осуществляет свои рассуждения в рамках *неокамералистского подхода*, который обладает определенной спецификой, заключающейся, по мнению Э. Джонса, в том, что, в отличие от традиционного прусского камерализма XIX в. (совершенствование государственного управления, исходя из функционального принципа, финансового учёта), неокамерализм означает преобразование государства, его институтов, граждан, капитала в корпорацию, в которой осуществляется технократический контроль всех видов капитала – интеллектуального, социального и физического⁶. К. Ярвин предлагает модель управления, основанную на концепции суверенных корпораций. Само государство должно функционировать как коммерческая корпорация, где главный исполнительный директор несёт полную ответственность за управление и его результаты. Такая корпорация должна быть прибыльной и эффективной, управляя своей территорией и населением с максимальной производительностью и минимальными затратами. Неокамерализм Ярвина базируется на том, что каждый акционер получает право голоса в зависимости от его доли в государстве и участвует в избрании управленцев – генерального директора и совета директоров. Генеральный директор в неокамералистском государстве – это нечто среднее между краткосрочным президентом при демократии и наследственным монархом с непостоянными полномочиями (например, Илон Маск или Стив Джобс).

Изложенные в манифесте предложения по неокамералистским преобразованиям довольно эклектичны и лаконичны, но, вместе с тем, составляют смысловое ядро всех дальнейших развиваемых неореакционных идей. Критикуя демократию (Ярвин подвергает резкой критике демократические системы, утверждая, что они склонны к коррупции, неэффективности и политической нестабильности, а демократическое управление слишком подвержено влиянию популизма и краткосрочным интересам избирателей, что приводит к ухудшению управления и принятию ошибочных решений), автор манифеста рассматривает в качестве гипотетического сценария её замены фрагментацию крупных национальных государств на множество независимых городов-государств или корпоративных территорий, апеллируя к политической модели Синга-

⁵ Topinka 2019: 17.

⁶ Jones 2019: 185-186.

пура, Дубая, Гонконга⁷, но управляемых корпорациями либо учитывающих организацию анонимной общественной собственности.

После выхода «Манифеста формалиста» взгляды К. Ярвина продолжали свою эволюцию. В своём тексте «Jaroslav Našek and the kernel-monitor meme» от 28 апреля 2007 года, как программист, он продолжает применять техническую терминологию в своём критическом анализе текущей политической действительности. Так, по его мнению, существует «ядро» (kernel), которое состоит из двух частей: набора полученных человеком убеждений о реальном мире, определяемых им истинными либо ложными, а также действий (справедливых либо несправедливых)⁸. Скопированные от кого-то идеи (мемы) в своё «ядро» человек получает посредством «монитора» (monitor) - институтов, организаций, которым доверяет. В описываемой им схеме «ядром» является религия, а «монитором» – церковь. Но уже на следующий день в новом тексте «Terminology and an open floor»⁹ К. Ярвин отказывается от «монитора» в пользу термина «ретранслятор» (repeater), в качестве примера которого он называет не только церковь, но и Википедию. По его мнению, «ретранслятор» — это организация, распространяющая «пакеты» – шаблоны утверждений, связанные с «прототипами» самих «ядер», означающих паттерны согласия между разными социальными группами¹⁰. В соответствии с представлениями К. Ярвина, сами «ретрансляторы» делятся на «незаинтересованные» (успех которых зависит только от потребителей и популярности прототипа ядра) и «заинтересованные» (успех которых связан с их скрытыми мотивами, характером распространяемых ими убеждений и внешними силами), а неверное восприятие реальности порождает токсичные «пакеты».

С 2008 г. Ярвин начинает разрабатывать другую важнейшую неореакционную идею – идею «собора» (Cathedral). «Собор», согласно его видению, состоит из аккредитованных университетов и авторитетной прессы (медиа): первые участвуют в формулировании государственной политики, вторая управляет общественным мнением: «Это даже не организация в общепринятом, иерархическом смысле этого слова. Это истинная одноранговая сеть, что делает её чрезвычайно устойчивой»¹¹. Рассматривая идею «собора», мы можем отметить как весьма примечательный факт, что Ярвин также стоял у истоков Urbit, децентрализованной платформы одноранговой сети¹², где изначальное деление пользователей в виде модели «цифрового феодализма» (суверенитета в виде «поскутного одеяла») предполагало «герцогов», «графов» и «лордов», а само виртуальное пространство делилось на «галактики», «звёзды» и

⁷ Mencius Moldbug April 24, 2007; January 8, 2009.

⁸ Mencius Moldbug April 28, 2007.

⁹ Mencius Moldbug April 29, 2007.

¹⁰ Mencius Moldbug May 6, 2007.

¹¹ Mencius Moldbug June 5, 2008.

¹² Smith, Burrows 2021: 153.

«планеты». Здесь важно отметить, что отдельные авторы обвиняют основателя неореакционизма в симпатиях к расизму, приводя существенное количество аргументов. Так, например, Адам Риджо пишет: «Ярвин открыто выступает за авторитарное правление белой технократической бизнес-элиты»¹³. А вселенная Urbit, по оценке Харрисона Смита и Роджера Барроуза, является не воплощением мечты о децентрализации, а лишь отражением реального иерархического порядка, обусловленного концентрацией собственности в руках владельцев проекта¹⁴.

В восьмой главе своей работы «An open letter to open-minded progressives» Ярвин предлагает трансформировать американский политический режим, ликвидировав «собор» с помощью «перезагрузки», соотносимой им с перезагрузкой или заменой операционной системы на компьютере. Эта идея также связана с неокамерализмом, неслучайно Ярвин чётко отделяет перезагрузку от революции, отмечая, что «...это восстановление надёжного, эффективного и ответственного правительства»¹⁵. При этом он рассуждает о двух возможных вариантах такой перезагрузки. В случае мягкой перезагрузки происходит разделение государства и образования, но это окончательно не разрешает проблему восстановления «собора». Вариант жёсткой перезагрузки (аппаратного сброса) предпочтителен для Ярвина и подразумевает под собой люстрацию всех государственных служащих (за исключением самых необходимых, но лояльных сотрудников технического персонала и силовиков), национализацию всех средств массовой информации, организаций, университетов, занятых в формировании общественного мнения, разработке и реализации государственной политики. Такой аппаратный сброс, по мнению Ярвина, необходимо осуществить в один шаг, чтобы не допустить возрождение «собора» и политики как формы парламентского правления.

Важную роль в смене режима Ярвин отводит *управляющему*, исполнительному директору (receiver), или монарху. Управляющий получает абсолютные политические, военные и экономические ресурсы (силу фиатной валюты) с целью финансовой реструктуризации правительства в такую структуру, которая будет приносить своим бенефициарам максимальные дивиденды. Решения управляющего обладают окончательным статусом, а сам он – абсолютным авторитетом, но, вместе с тем, он – лишь наёмный работник¹⁶. При этом управляющего выбирает корпоративный орган, регулятор (совет директоров), избираемый так называемыми попечителями. Ярвин сознательно постулирует необходимость и целесообразность жёсткого ограничения избирательных прав институтом попечителей, аргументируя это существование актуальной проблемы некомпетентности рядового гражданина-избирателя в сфере государственного управления. Попечителями могут стать активные,

¹³ Riggio 2016: 39.

¹⁴ Smith, Burrows 2021: 156.

¹⁵ Mencius Moldbug June 5, 2008.

¹⁶ Там же.

способные взять на себя ответственность кандидаты. По сути, в социальной сфере Ярвин поддерживает идею меритократии, придерживаясь позиции, согласно которой общество должно предоставлять равные возможности для всех, но не гарантировать равенство результатов. Ярвин также выступает против социальных программ, которые, по его мнению, приводят к зависимости и снижают мотивацию к труду.

В целом следует отметить, что политический проект Ярвина представляет собой радикальную альтернативу современным либеральным демократическим системам. Он предлагает децентрализацию и фрагментацию государства, демонтаж демократических институтов, а также активное использование технологий для управления. Несмотря на контroversиальность и критику, идеи Ярвина по-прежнему привлекают внимание и обсуждение в кругах, заинтересованных в реформировании существующих политических систем. При этом его концепция продолжает свою эволюцию и в настоящее время, а сам автор развивает собственные идеи относительно смены американской политической власти.

Однако идеи неореакционизма стали развиваться по параллельным траекториям и другими учёными, в первую очередь – Ником Ландом, работам которого, как нам представляется, следует уделить внимание для более глубокого понимания эволюции идей неореакционизма.

Британский политический философ Ник Ланд придал важный импульс идейно-теоретической эволюции неореакционизма. Вместе с тем анализ работ Ланда не позволяет видеть в нём обычного последователя Ярвина, лишь дополнившего его модель политического будущего человечества. Ланд прошёл собственный путь к политической теории *акселерационизма*, сторонники которой выступают за ускорение техносоциальных процессов в рамках существующего капитализма для радикальных социальных трансформаций. При этом оба представителя неореакции ссылаются на эссе американского бизнесмена Питера Тилиа «The Education of a Libertarian»¹⁷, в котором тот признавался, что больше не верит в то, что демократия и свобода совместимы.

Н. Ланд стал идейным вдохновителем движения кибернетической культуры Cybernetic Culture Research Unit (CCRU) на втором этапе его существования (1996–2003). Этот экспериментальный коллектив исследователей культуры сложился и действовал (1993–1996) на базе Уорикского университета по инициативе Сэди (Сары) Плант, проводившей исследования в области киберфеминизма. Входящие в CCRU студенты и исследователи (Марк Фишер, Иэн Грант, Кодво Эшун) обсуждали вопросы кибернетики, киберпанка, культуры, научной и готической фантастики, опираясь на труды постструктуралистов: философов Жюль Делёза, Жана-Франсуа Лиотара, психоаналитика Феликса Гваттари.

Важной вехой развития неореакционной идеи является публикация Н. Ландом в 2012 г. эссе «*Dark Enlightenment*» («Тёмное просвещение»),

¹⁷ Thiel 2009.

сопоставимого по своей программной значимости с «Манифестом формалиста» К. Ярвина. Концепция «Тёмного просвещения» берет свои истоки в движении контрпросвещения, возникшем в конце XVIII в. в качестве реакции на идеи эпохи Просвещения. Контрпросвещение критиковало рационализм, универсализм и идею прогресса, выдвигая на передний план культурный релятивизм, историзм и пессимизм, а его основоположниками стали такие мыслители, как Жозеф де Местр, Эдмунд Бёрк и Иоганн Георг Гаман¹⁸. Ещё одним важным источником вдохновения для «Тёмного просвещения» является традиционалистская мысль, особенно в лице таких авторов, как Жюль де Монтань и Рене Генон, которые подчеркивали важность сохранения традиционных социальных и религиозных структур в противовес модернистским тенденциям, акцентируя своё внимание на ценностях, передаваемых из поколения в поколение, и на важности духовного и культурного наследия¹⁹. Также одной из ключевых концепций в философии Ланда является *гиперверие* (*hyperstition*). Эта идея, впервые представленная в 1990-х гг. в рамках CCRU, напрямую связывает воображаемое и реальное – определенные нарративы и вымышленные концепции могут становиться реальными через их культурное и социальное внедрение, т.е. нарративы и концепции, которые изначально являются фиктивными, могут оказывать реальное влияние на мир, изменяя его структуру и динамику²⁰. Гиперверие имеет сильные связи с кибернетикой, особенно в контексте обратных связей и саморегулирующихся систем. В связи с этим Ланд рассматривает гиперверие как своего рода кибернетический процесс, где информация и нарративы действуют как сигналы, которые могут изменять поведение систем и приводить к новым реальностям. Это подразумевает, что культурные и информационные артефакты могут оказывать непосредственное воздействие на социальные и технические системы²¹.

Эссе Ланда состоит из десяти частей. Оно начинается с критики несовершенства демократии («Политические агенты, наделённые временными полномочиями благодаря многопартийным демократическим системам, имеют подавляющий (и явно непреодолимый) стимул грабить общество с максимально возможной быстротой и всесторонностью»²²) и поиска ответа на этот вызов в виде концентрированной отсылки к базовым тезисам Ярвина – формализации политической власти (идентификации правящего класса), неокамерализму (эффективизации управления на основе корпоративных принципов) и описанию «собора».

По сути, Ланд в своем «Тёмном просвещении» собрал и прокомментировал разные, зачастую разбросанные по блогам и текстам, интервью – противоречивые, острополемичные рассуждения основателя нео-

¹⁸ Berlin 1997.

¹⁹ Guenon 2001.

²⁰ Land 2012.

²¹ Land 2014.

²² Land 2012.

реакционизма К. Ярвина, соединив его неокамерализм со своим акселерационизмом. Это касается тем власти, политкорректности, ненависти, религии, моральной полярности, белой расы и расизма, кризиса городов, размежевания городского населения, преступности, технологий. Н. Ланд сводит эти темы к фундаментальной проблеме кризиса западной цивилизации и нового варварства: «В большей части западного мира, напротив, варварство стало нормой... Хищники контролируют общественное пространство, парки превращаются в смертельные ловушки, агрессивная угроза прославляется как «отношение», приобретение собственности - это удел мошенников (или грабителей), стремление к образованию высмеивается, а некриминальная предпринимательская деятельность презируется как нарушение культурных норм»²³.

Одним из центральных тезисов «Тёмного просвещения» является критика современных либеральных демократий. Ланд утверждает, что демократическая система склонна к саморазрушению из-за своих внутренних противоречий, а сама демократия приводит к популизму, коррупции и упадку общественной морали, так как избиратели склонны выбирать лидеров, обещающих немедленные выгоды, а не долгосрочные решения. Констатируя и анализируя многие негативные тенденции, существующие в западной цивилизации, Ланд уделил в части 4с эссе пристальное внимание политической концепции «выхода» (exit). Согласно этой концепции, вместо того чтобы заикливаться на инакомыслии внутри системы, несогласный и недовольный должен пользоваться свободой – выходом из самой системы. Эндрю Джонс в этой связи полагает, что если основным вкладом К. Ярвина в неореакционную мысль была идея «собора», то вкладом Н. Ланда стала идея «выхода», которую он понимает через принципы акселерационизма и детерриторизации²⁴.

Хотя в сочинениях Ярвина есть мысли по поводу «выхода», Ланд всё же существенно развил эту идею в своих публикациях, напоминая о сохранившейся традиции англоязычных сообществ по разрешению конфликтов – индивидуализму, территориальному расколу вместо революционных изменений: «Когда англоговорящие люди расходятся во мнениях, они часто стремятся размежеваться в пространстве. Вместо целостного решения (смены режима) они следуют по пути множественной нерешительности (через разделение режима), множа формы правления, локализуя власть и диверсифицируя системы управления. Даже в своей нынешней, сильно ослабленной форме эта антидиалектическая, десинтетическая предрасположенность к социальной дезагрегации находит выражение в упорной, шепчущей враждебности к глобалистским политическим проектам и в рудиментарном влечении к федерализму (в его расщепляющем смысле)»²⁵.

²³ Land 2012.

²⁴ Jones 2019: 177-178.

²⁵ Land 2012.

Чтобы лучше понять причины увлечённости Ланда критикой демократии, темами акселерационизма, трансгуманизма, киборгизации, дегуманизации, следует обратить внимание на его заинтересованность проблемами расы. Рассматривая историю межрасовых отношений, как сконструированный американский политико-моральный миф, Ланд ходит по тонкой грани этой темы: «Расовая идентичность скрупулёзно каталогизируется в целях социальной защиты, выявления преступлений на почве ненависти и разрозненных исследований воздействия, обращая внимание на группы с целью “позитивной дискриминации”, “позитивных действий” или “поощрения разнообразия”...»²⁶. Причём, стилистика текста Ланда создаёт ощущение двусмысленности мнения автора по этому поводу. Так, в другом месте Ланд отрицает социальное равенство между людьми: «Люди не равны, они развиваются неодинаково, их цели и достижения не равны, и ничто не может сделать их равными. Субстанциальное равенство не имеет никакого отношения к реальности...»²⁷. Возможно, по этой причине современная неореакционная идея ближе к правому, а не к левому (Н. Срничек) акселерационизму.

Неслучайно концепция «Тёмного просвещения» подвергается серьёзной критике со стороны различных философских и политических лагерей. Либеральные и прогрессивные мыслители указывают на антидемократическую и антигуманистическую природу идей Ланда, обвиняя его в элитаризме и культурном пессимизме. Так, профессор Роджер Берроуз прямо критикует неореакционизм за опасные неофашистские способы мышления, евгеническую философию²⁸, ссылаясь на идею *гиперрасизма* (hyper-racism) Ланда, согласно которой в будущем в условиях техно-коммерческих процессов может произойти распад человечества на генетически самофильтрующуюся элиту и остальное население, а также за поддерживаемую им идею гиперверия (hyperstition) – конструирования вымышленных сущностей или вымышленных социальных образов, которые способны вызывать приток инвестиций, развивать капитализм и могут стать частью реальности²⁹. Существует мнение, что неореакционеры в своих работах целенаправленно возрождают представления XIX века о расовом вырождении и расе как цивилизационном показателе, описывая утраченное прошлое и нападая на настоящее³⁰. Некоторые исследователи также отмечают, что теории Ланда могут служить оправданием для авторитарных и националистических режимов³¹.

Тем не менее, следует отметить ряд интересных идей Ланда, связанных с технологическим развитием современного государства и общества. Так, оттолкнувшись от идеи «собора» Ярвина, Ланд не только

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Burrows 2018.

²⁹ Там же.

³⁰ Topinka 2019.

³¹ Stanley 2018.

видит идеологическую основу осуществляющего контроль над сознанием человека медиа-академического комплекса в «стандартной социальной научной модели» (SSSM), но и, как последовательный акселерационист, в части 4f эссе он усматривает в исторической динамике и современном научно-техническом прогрессе подрыв идеологической платформы «собора», рассуждая о приближении «бионического горизонта» – порога новой эволюционной фазы, финального слияния культуры и природы, «при котором популяция становится неотличимой от своей технологии»³². Ланд размышляет о спровоцированном ошибками агентов «собора» «негативном теологическом событии» – включении человечества в техносферу и вытеснении технологиями сакрализованной и фиксированной биологической идентичности человека. При этом важно подчеркнуть, что Ланд также развивает теорию катастрофического техноэкономического детерминизма, согласно которой технологический прогресс и экономические силы неизбежно ведут к радикальным изменениям в обществе, часто вопреки человеческой воле. Ланд утверждает, что попытки контролировать или замедлить этот процесс обречены на провал и могут привести к катастрофическим последствиям³³.

Между тем к таким выводам Ланд пришёл независимо от Ярвина. Об этом свидетельствует его повышенное внимание к философии постструктурализма, научной фантастике и кибернетике. Действительно, влияние творчества постструктуралистов Жюль Делёза, Феликса Гваттари, идей математика Норберта Винера и фантаста Уильяма Гибсона на акселерационистские идеи Ланда заметно в разных его публикациях ещё задолго до написания им «Тёмного просвещения». К примеру, Ланд в работах 1990-х большое значение в радикальном преобразовании общества и политики оставляет кибернетике, цифровым технологиям и искусственному интеллекту. Он считает, что машины производят собственную тотальность, процессы, перепрограммирующие реальность, в которой человек может замениться репликантом или *techno sapiens*³⁴. Таким образом, в своей политической философии Ланд делает шаг от идеи монарха/исполнительного директора Ярвина к идее трансгуманизма.

В новой реальности – *Киберии*, состоящей из кибернавтов, согласно Ланду, прекратит существование прежняя модель политической власти, так как традиционное политическое господство превратится в контроль, основанный на принципах кибернетической функциональности машин. Попытки же инструментально (технологически) расширить традиционное господство лишь ещё больше его подрывают³⁵. В аспекте мета-научной системы контроля Ланд рассматривает искусственный интеллект, дегуманизацию и возможную пост-биологическую машинизацию. К таким мрачным выводам Ланд приходит, изучая развитие капитализма

³² Ланд 2012.

³³ Ланд 2014

³⁴ Ланд 2018: 35.

³⁵ Ланд 2018: 40-42.

и капитала в сторону автоматизации, нечеловеческой философии производства, цифровой коммерциализации, нейтрализации ценностей, а также выявляя формирующиеся технологиями киберположительные обратные связи дальнего действия, вызывающие разрушительные, фатальные изменения в обществе и природе человека (тогда как киберотрицательные обратные связи, наоборот, стабилизируют процессы). Примером киберположительных обратных связей являются гиперверия.

В части 4е своего эссе Ланд предлагает три сценария развития политической реальности: Модерн 2.0, Постмодерн и Западный Ренессанс³⁶. Примером ухода от европоцентричного развития – *Модерна 2.0* – для Ланда служит Китай, в который он в своё время переехал жить из Великобритании. Сценарий *Постмодерна* станет, по мнению Н. Ланда, «тёмным веком» – продолжением мальтузианских ограничений существующей модели западного общества. Тогда как сценарий *Западного Ренессанса* предполагает «жёсткую перезагрузку» социума. Для выхода западного общества из кризиса Ланд предлагает замену представительной демократии конституционным республиканизмом, сокращение государственного аппарата (по сути, идея неокамерализма), упразднение центральных банков и восстановление твёрдых (драгоценных) денег, демонтаж макроэкономических регуляторов.

Идеологическая концепция Н. Ланда представляет собой важный и провокационный вклад в современную политическую философию. Её критика либеральной демократии, акцент на техноэкономическом детерминизме и защита культурного релятивизма бросают вызов традиционным представлениям о прогрессе и развитии общества. Несмотря на противоречивость и наличие значительного числа авторитетных критиков в академической среде, идеи Ланда продолжают влиять на политическую мысль и формировать дискуссии о будущем человечества, оказывая значительное влияние на развитие альтернативных правых и неореакционных движений в политической сфере.

Своеобразной точкой отсчёта первого периода неореакционизма можно считать публикацию «Манифеста формалиста» Ярвина 24 апреля 2007 г. На том этапе большое значение получили тезисы, связанные с неокамерализмом. К началу второго периода развития неореакционизма логично отнести публикацию политического эссе «Тёмное просвещение» Ланда (2012). В академической среде существует широко распространённая позиция, согласно которой современный неореакционизм («Тёмное просвещение») является в значительной степени переосмыслением неокамералистской идеи Ярвина посредством акселерационистской рамки³⁷. В основном это предположение отражает суть эволюции неореакционных идей. Вместе с тем ситуация с развитием неореакционизма

³⁶ Land 2012.

³⁷ Burrows 2019: 249-259.

не так однозначна. Н. Ланд, стараясь упорядочить рассредоточенные по разным материалам, блогам, интервью идеи, тезисы К. Ярвина, стал не просто его продолжателем. Пройдя собственный путь от экспериментальной площадки CCRU к неореакционизму, Ланд развил отдельные идеи Ярвина со свойственным ему своеобразием.

В настоящее время к другим идейным сторонникам неореакционизма мы можем отнести бизнесмена Питера Тилиа, теоретика политической экономики Пэтри Фридмана³⁸. Есть даже попытки связать идейный корпус «Тёмного просвещения» с творчеством некоторых современных российских писателей (например, Виктора Пелевина)³⁹. С другой стороны, в своё время дискуссии вызвала книга Филиппа Сэндифера «Neoreaction: A Basilisk»⁴⁰, автор которой отнёс к неореакционерам специалиста в области искусственного интеллекта Элизера Юдковски⁴¹. Это показывает всю сложность и неоднозначность неореакционизма для современного политологического исследования.

Используя методологическую призму семиосферы Ю.М. Лотмана, важно сделать несколько выводов.

Во-первых, к основным идеям неореакционизма, несмотря на его эклектичность и проделанный им относительно короткий путь развития (2007–2024), следует отнести следующие:

- резкое неприятие демократии;
- тезис о существовании «собора» (медиа-академического комплекса, осуществляющего контроль над сознанием человека);
- неокамерализм (совершенствование политического управления, исходя из функционального принципа, финансового учёта, корпоративного опыта);
- акселерационизм (ускорение техно-социальных процессов в рамках существующего капитализма для радикальных социальных трансформаций, использование технических терминов - «перезагрузка» и др.);
- идею «выхода» (ухода недовольных своим положением из существующей системы, организация новых городов-государств и т.п.).

Во-вторых, в неореакционизме существует значительный блок периферийных идей, посредством которых он может быть связан с иными идейными полюсами – от либертарианства до праворадикальных течений. Среди них можно назвать гипотезу о манипуляции сознанием посредством «ядра» и «ретранслятора», сценарий правителя-монарха и «цифрового феодализма», гиперверие, опасный сценарий гиперрасизма, а также недостаточно проработанные техно-футуристические модели. Однако, так как неореакционизм – сравнительно современное идейное направление, то невозможно полностью отметить риск радикализации

³⁸ Smith, Burrows 2021: 145.

³⁹ Vinokur 2023: 631-633.

⁴⁰ Riggio 2016: 38-39.

⁴¹ Sandifer 2017.

(вплоть до усиления неорасизма и неофашизма) – перехода ряда его периферийных идей на уровень основных.

Хотя мы можем заметить у Н. Ланда и К. Ярвина серьёзные различия в стиле, приёмах построения текстов, оба представителя неореакционизма в логике своей аргументации используют один и тот же принцип: они сначала критикуют существующую демократическую систему власти, а затем переходят через детализацию отдельных проблем общества к предложениям в области социально-политических преобразований. Важно признать, что неореакционизм в своём становлении и критике современных политических институтов многое сохранил от либертарианской идеи, сочетая это с постулатами социального неравенства и антидемократизма. Однако, дальнейшее развитие NRx-идей представляется нам многовариантным, а современные процессы интенсивных технологических трансформаций выступают, по нашему мнению, существенным фактором актуализации «технологической компоненты» неореакционизма и, в особенности, акселерационизма.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ланд Н. Киберготика. Соч. в 6 т. Т. 2 / Пер. с англ. Д. Хамис и др. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 208 с. [Land N. Kibergotika. Soch. v 6 t. T. 2. /Per. s angl. D. Hamis i dr. (Cybergothic). Perm': Gile Press, 2018. 208 s.].
- Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 448 с. [Lotman YU. Vnutri mysl'yashchih mirov (Inside thinking worlds). SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. 448 s.].
- Berlin I. *Against the Current: Essays in the History of Ideas*. London: Pimlico, 1997. 410 p.
- Burrows R. On Neoreaction // *The Sociological Review*. 2018. URL: <https://thesociologicalreview.org/collections/undisciplining/on-neoreaction/>
- Burrows R. Urban futures and the Dark Enlightenment: A brief guide for the perplexed // Jacobs K., Malpas J. (eds). *Philosophy and the City: Interdisciplinary and Transcultural Perspectives*. London: Rowman and Littlefield. 2019. P. 245-258.
- Guénon R. *The Crisis of the Modern World*. Hillsdale, NY: Sophia Perennis, 2001. 120 p.
- Jones A.W. *The Kids are Alt-Right: The Intellectual Origins of the Alt-Right*. A dissertation submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy graduate program in political science. Toronto, Ontario: York University, 2019. 297 p.
- Land N. *Fanged Noumena. Collected Writings 1987—2007. Second Edition*. Falmouth, UK: Urbanomic / Sequence Press; 2012. 670 p.
- Land Nick. *The Dark Enlightenment*. 2012. URL: <https://www.thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-by-nick-land/>
- Land N. *Templexity: Disordered Loops through Shanghai Time*. Shanghai: Urbanatomy Electronic, 2014. 48 p.
- Mencius Moldbug. A formalist manifesto. April 24, 2007. URL: <https://www.unqualified-reservations.org/2007/04/formalist-manifesto-originally-posted/>
- Mencius Moldbug. Jaroslav Hašek and the kernel-monitor meme. April 28, 2007. URL: <https://www.unqualified-reservations.org/2007/04/jaroslav-haek-and-kernel-monitor-meme/>
- Mencius Moldbug. Terminology and an open floor. April 29, 2007. URL: <https://www.unqualified-reservations.org/2007/04/terminology-and-administrivia/>
- Mencius Moldbug. Two kinds of repeaters. May 6, 2007. URL: <https://www.unqualified-reservations.org/2007/05/two-kinds-of-repeaters/>
- Mencius Moldbug. An Open Letter to Open-Minded Progressives. June 5, 2008. URL: <https://www.unqualified-reservations.org/2008/06/ol8-reset-is-not-revolution/>
- Mencius Moldbug. A Gentle Introduction to Unqualified Reservations. January 8, 2009. URL: <https://www.unqualified-reservations.org/2009/01/gentle-introduction-to-unqualified/>

- Riggio A. The Violence of Pure Reason: Neoreaction: A Basilisk // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2016. №9. P. 34-41.
- Sandifer P. Neoreaction: A Basilisk. Ithaca, NY: Eruditorum Press, 2017. 336 p.
- Smith H., Burrows R. Software, Sovereignty and the Post-Neoliberal Politics of Exit // Theory, Culture & Society. 2021. Vol. 38. Iss. 6. P. 143-166. DOI: 10.1177/0263276421999439.
- Stanley J.: How Fascism Works: The Politics of Us and Them. N.Y.: Random House, 2018. 218 p.
- Thiel Peter. The Education of a Libertarian. April 13, 2009. URL: <https://www.cato-unbound.org/2009/04/13/peter-thiel/education-libertarian/>
- Topinka R. «Back to a Past that Was Futuristic»: The Alt-Right and the uncanny form of racism //b2o: an online journal. 2019. URL: <https://eprints.bbk.ac.uk/id/eprint/28019/1/Topinka-b20-author-copy.pdf>
- Vinokur M. Victor Pelevin and the Aesthetics of Neoreaction // The Russian Review. 2023. Vol. 82. Iss. 4. P. 631-648

Володенков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор, кафедра государственной политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, s.v.cyber@gmail.com

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент, кафедра истории и теории политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, s.n.fedorchenko@mail.ru

The Evolutionary History of Neoreactionary Ideas from the "Formalists' Manifesto" to the "Dark Enlightenment"

The aim of this work is to identify the characteristics of the evolution of neoreactionary (NRx) ideas and to determine the substantive foundation of neoreactionary ideology in other ideological dimensions. The relevance of the chosen topic is due to its relatively low level of study and the insufficient analytical completeness of existing assessments of this ideological movement by members of the academic community. As key sources of the research, the authors utilized the "Formalists' Manifesto" by American right-wing theorist Curtis Yarvin, which became a significant driver in the development of a new ideological construct, as well as "The Dark Enlightenment" and "Cyber-Gothic" by British philosopher Nick Land, what allowed for an exploration of the peculiarities of the second stage of the evolution of neoreactionary ideas. The study analyzes the relationship of neoreactionary ideas with other ideological directions. Basing the work on M.Yu. Lotman's semiosphere model and relying on the principles of critical discourse analysis of academic works, the authors identified the substantive stages in the evolution of NRx ideas and posited the existence of substantive differences in the ideas of Curtis Yarvin and Nick Land. The study also concludes the existence of core and peripheral ideas in contemporary neoreactionary thought. Special attention is given to the accelerationist and technodeterminist components of the ideological base of modern neoreactionism, which are becoming increasingly relevant in the context of contemporary technological transformations.

Keywords: neoreactionism, NRx, Curtis Yarvin, Nick Land, The Dark Enlightenment, accelerationism.

Sergey Volodenkov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, s.v.cyber@gmail.com

Sergey Fedorchenko, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, s.n.fedorchenko@mail.ru

ИСТОРИЯ КАК ПОЛЕ ИСПЫТАНИЯ БИОПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ¹

Историю биополитики часто представляют как развитие либеральной фукокианской (или фукольдианской) традиции, не анализируя влияние исторических событий на трансформацию биополитических идей. В фокусе внимания статьи предстанет воздействие конфликтов и макрособытий на разных социокультурных площадках на развитие биополитических идей. Первая линия анализа посвящается развитию фукокианской версии биополитики (от М. Фуко до «демократической биополитики» на Западе) и описывает испытания биополитических идей в версии Дж. Агамбена, связанные с пандемией COVID-19. Во время пандемии Агамбен подвергся обструкции со стороны коллег-философов, поскольку настаивал на необходимости защиты личности в условиях государственного биополитического контроля. Уделяется внимание социальным конфликтам и социальному давлению, которые сопутствуют кризисным явлениям и способны повлиять на ученых, вынуждая их отказаться от собственных идей или сохранить верность позиции ценой изоляции и осуждения обществом. Вторая линия анализа посвящена становлению биополитических идей в СССР и в постсоветской России, получивших толчок к развитию в конце XX в. благодаря первым научным биополитическим семинарам на биологическом факультете МГУ. На примере российской биополитики показано, как макрособытия и социокультурный контекст определяют развитие биополитических идей. В заключительной части охарактеризованы задачи, стоящие перед обществами и государствами, которые будут направлять развитие биополитики в ближайшем будущем.

Ключевые слова: *биополитика, Агамбен, Фуко, биобезопасность, социальное давление в науке.*

Социальный институт науки в сознании общества предстает как нечто незыблемое, создающее, или даже добывающее «объективное научное знание» из видимой и невидимой окружающей реальности. Добытое знание, «научные идеи», складываются в стройные монолитные научные теории, зафиксированные в научных трудах и воспроизводящиеся в университетских учебных программах. В то же время, с точки зрения исследователей в области методологии науки, структура научного знания («научных теорий») сложна, а кроме привычных элементов (понятийного аппарата, феноменов, категорий, логики теории и т.п.) в структуре теории есть «скрытая область», содержащая личностный и групповой компоненты². Это значит, что на создание теорий влияет не только развитие содержательных, технологических аспектов, но и личные усилия автора, а также более или менее поддерживающее его окружение. Особенно видно действие личностных и групповых компонентов в становлении теорий социально-гуманитарной сферы, когда идентификация и означивание какого-либо изучаемого феномена (и далее – развитие сформулированного направления исследований в указанном ключе) напрямую зависит от компетентности, креативности и социальной стой-

¹ Исследование выполнено в рамках гос. задания «Биополитические технологии в современной России: угрозы и стратегии» Н-024-0_2023-2025.

² Юревич 2003: 8.

кости ученого. Личностное и социальное, играющие весомую, но «скрытую» роль в становлении научной теории, образуют самостоятельный вектор анализа в историческом контексте: жизни как индивидуального, так и группового субъектов научной деятельности встроены в исторические события, взаимодействуют в историческом контексте, зависят и/или деформируются в исторических условиях.

Работа опирается на микроподход в историческом исследовании³ и выборочно анализирует биополитические концепции в исторической динамике. В фокусе внимания – фукоинанская⁴ линия биополитики (включая концепцию Дж. Агамбена, пережившую особые испытания во время пандемии COVID-19), а также советская и постсоветская/российская биополитики. Цель статьи – проанализировать биополитические концепции в контексте определенных исторических условий, описать социальный пласт, повлиявший на личностное и групповое измерения научного (биополитического) знания, оценить потенциал развития биополитических идей, связанный с историческим развитием общества.

Среди авторов, заложивших фундамент современной биополитики, часто упоминают:

- Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), предложившего в «Истории животных» определение человека как «общественного (политического) животного»⁵;
- Рудольфа Челлена, который использовал термин «биополитика» в 1920-е и рассматривал государство в качестве квази-биологического объекта⁶;
- Роберта Морли, который в 1938 г. написал эссе о биополитике⁷;
- Линтона Колдуэлла, чья статья о биополитике (1964), стала программной для развития биополитических исследований⁸.

Эта логика раскрывает пошаговое движение в области интеграции биологического и социального, в т.ч. зависимость от развития как биологических, так и социальных наук. «Переворот» в биополитической проблематике был совершен во второй половине XX в. на фоне упадка «государства всеобщего благосостояния», расцвета неоконсервативного дискурса в странах Запада и формирования нелиберальной модели социально-экономического развития в 1980-е гг. Принципиально новая концепция биополитики, сформулированная Фуко, отражала трансформации, переживаемые западными обществами того периода. В фокусе биополитических проблем оказались отношения человека и власти/государства, которое управляет самой жизнью⁹.

³ Могильницкий 2009.

⁴ В научных исследованиях используется две версии обозначения биополитики, разрабатываемой Фуко – «фукоинанская» (от русскоязычной формы произношения фамилии) и «фуколдианская» (производная от ее французского написания – Foucault). В статье используется версия, ориентированная на русскоязычное произношение.

⁵ Шафигуллин 2012: 501.

⁶ Фомин-Шахов 2013: 123.

⁷ Morley 1938.

⁸ Caldwell 1964; Чешко, Глазко 2009: 38.

⁹ Фуко 2007; Фуко 2010 и др.

Таким образом, к XXI в. сложились основные традиции в изучении биополитики:

- биополитика, интегрирующая основы политического и социального, а также этологический подход к деятельности человека;
- биополитика как властная практика и «приватизация» властью «голой жизни» или человеческого капитала (фуконианское направление);
- политизация и секьюритизация биологического измерения в жизни общества¹⁰.

Все «биополитики» между собой дискурсивно не связаны, а исследователи, как правило, не ссылаются на работы друг друга. Первое направление исследует человека как продукт биологической эволюции. Оно развивается разными школами: американской (Л. Колдуэлл, Т. Виджел и др.), германской (П. Майер, В. Тённесманн и др.), греческой (А. Влавианос-Арванитис и др.), российской (М.В. Гусев, А.В. Олескин и др.)¹¹. Второе направление рассматривает биополитику как особую властную практику. Кроме «классической» версии М. Фуко в рамках этой традиции представлены идеи Дж. Агамбена, Ж. Бодрийяра, А. Негри, М. Хардта. Третье направление разрабатывает проблемы безопасности и биоэтики, формирующие действия власти, являющиеся ответами на вызовы со стороны современной науки и биомедицинских технологий (суррогатное материнство, проблемы эвтанази, киборгизация человеческого тела, генная инженерия, биологическое оружие и т.п.).

Упомянутые направления вполне линейно представляют историческую логику: если первое направление продолжает развитие социо-биологических и этологических идей, второе – сцеплено с аналитикой, рожденной в XX в., третье, вбирая различные временные пласты из области развития биоэтики, ориентировано на современные биотехнологии и биотехнологии будущего. Подобное формальное описание развития биополитических идей скрывает те испытания, которые выпадают на долю авторам концепций в связи с контекстом их развития. Рассмотрим подробнее несколько примеров, раскрывающих специфику влияния различных исторических детерминант на авторов биополитики и их идеи.

Дж. Агамбен стал известен, критикуя курс «безопасность превыше всего» западноевропейских стран и США после терактов 2001 г. Режим «чрезвычайного положения» он назвал наступлением на права и свободы личности¹². Развивая концепцию Фуко, Агамбен исследовал юридическо-институциональный и биополитический аспекты власти, а также их взаимодействие. В его понимании цель политики в современном государстве – воспроизводство «голой жизни». Человек исключен из политического поля и превращается в *homo sacer*, жизнь и смерть которого целиком зависит от воли «суверенной власти». Государство становится «тотальным», исчезают границы между нормальным и ненормальным.

¹⁰ Радина 2017: 100.

¹¹ Олескин 2001: 121.

¹² Агамбен 2011: 10.

«Суверен» стремится создать условия, при которых он получит возможность в любой момент решать, когда жизнь больше не имеет значения¹³.

Теракты в США в 2001 г., COVID-19 и анализ этих событий Агамбенom и другими исследователями подтвердили право его концепции на жизнь и ошибочность некоторых выводов классической биополитики. В частности, Фуко предсказывал постепенный отказ власти от «модели проказы» – маргинализации, исключения и преследования. На смену должна была прийти «модель чумы», отражающая «позитивные» технологии власти – включение, накопление знаний и наблюдение¹⁴. В реальности произошло обратное, на что и указывал Агамбен в заметках по теме коронавируса. Среди единогласия интеллектуалов позиция Агамбена оказалась для многих шоком. Когда в Италии ввели полный локдаун из-за коронавируса, он охарактеризовал принятые правительством решения как «безумные, иррациональные и совершенно необоснованные»¹⁵. Проецируя свою версию биополитики на происходившие события, Агамбен отмечал, что обществу внушили культ «голой жизни» и страх перед неизвестностью. Он критиковал чрезвычайное положение, объявленное рядом правительств (в особенности, итальянским) за расплывчатые правовые формулировки, оставлявшие большое пространство для злоупотреблений. Агамбен сделал пессимистичный вывод о «конце эпохи буржуазных демократий» и наступлении темных времен для личных свобод, на которые теперь «может быть наложено какое угодно ограничение»¹⁶. С обострением кризиса и появления первых критических реакций на его высказывания Агамбен не отказался от убеждений. По его мнению, риск утраты жизни (реальный или мнимый) в сознании современного человека победил все социальные связи, законы и личные свободы¹⁷.

Позиция Агамбена подверглась жёсткой критике. Против него выступили такие мыслители, как С. Жижек и Ж.-Л. Нанси, которые заявили о преуменьшении угрозы коронавируса и конспирологии вокруг принятых государством ограничений¹⁸. Агамбена требовали «отгородить от общества»¹⁹, называли «популистом»²⁰, «параноиком», тревожно напоминающим «правого чудака»²¹, а его антиэтатистские взгляды – «либертарианской фантазией»²². При этом в период пандемии полемика имела, скорее, публицистический и эмоциональный характер. Критика агамбеновской биополитики строилась преимущественно на апелляции к здравому смыслу и заключениям медицинских организаций (например, ВОЗ).

¹³ Антипов 2019: 179.

¹⁴ Фуко 2005: 71.

¹⁵ Агамбен 2022: 11.

¹⁶ Агамбен 2022: 41.

¹⁷ Агамбен 2022: 113.

¹⁸ van den Berge 2020: 4; Antoniol 2022: 262.

¹⁹ van den Berge 2020: 4.

²⁰ Schubert 2022: 101.

²¹ Kotsko 2022.

²² Bratton 2021.

Особое место занимал тезис о том, что комментариями Агамбена пользуются правые политики, антипрививочники и сторонники теорий заговоров что априори должно подтверждать ошибочность его взглядов. Если судить по риторике в прессе, философская среда однозначно отвергла доводы Агамбена²³. Отсюда может сложиться впечатление, что Агамбен попал в изоляцию, а его концепция была опровергнута. Но когда коронавирус перестал быть в центре общественного внимания, дискуссия о биополитике вернулась в научную плоскость.

В академическом дискурсе критика Агамбена сосредоточилась на его интерпретации биополитики Фуко. С. Прозоров, рассматривая отношение между «суверенной властью» и «голой жизнью – центральными понятиями агамбеновской концепции, приходит к выводу, что связь между ними невозможна, так как они принадлежат разным плоскостям (соответственно, эмпирической и трансцендентальной). Отсутствие связи подчеркивает возможность человека сопротивляться власти, освободиться от положения *homo sacer*, что в размышлениях Агамбена не просматривается²⁴. Б. Браттон характеризует концепцию Агамбена как проявление неолиберального мышления, «негативную биополитику», которая не предлагает никаких позитивных альтернатив. Он призывает использовать опыт пандемии, чтобы выработать новаторские биополитические решения с целью улучшения жизни человека. Браттон видит в коронавирусе окно возможностей для биополитики, а не причину для беспокойства о свободах личности²⁵. П. Горби критикует Агамбена за «скатывание» в «страх перед государством», который мешает правильно анализировать действительность. Он отмечает новое для Агамбена обращение к хайдеггеровскому «страху», которым тот объясняет бессилие человека и причину его подчинения биовласти в период пандемии²⁶.

Тем не менее, Агамбен не был одинок в своей позиции по COVID-19. Как отмечают некоторые исследователи, пандемия коронавируса служит лишь аналитической линзой для подтверждения концепции, так же, как у Фуко опыт борьбы с проказой и чумой в Средние века – для описания видов биополитических технологий. Критический посыл Агамбена лежит глубже²⁷. Т. Грин и Т. Фази предполагают, что реакция правительства на распространение вируса основана на самом пессимистичном прогнозе развития, а не реальном положении дел. Ущерб, нанесённый «голой жизни» в результате ограничений, это «жертва будущего во имя настоящего»²⁸. Хан Бён-Чхоль считает, что «истерия выживания» обесчеловечила социум. Вирус стал «зеркалом», отразившим суть современного общества – иррациональный страх перед смертью и жизнь в по-

²³ “Non solo Agamben”... 2021

²⁴ Prozorov 2023: 78.

²⁵ Hall 2022: 3.

²⁶ Gorby 2023.

²⁷ Lewis 2022: 202.

²⁸ Green, Fazi 2023: 341.

стоянном состоянии войны²⁹. М. Льюис полагает, что в период пандемии смерть стала «публичной, исключительно осязаемой» и усиливалась средствами массовой информации, хотя каждый год «люди тысячами уходят из жизни», и это не вызывает такой реакции. Жёсткие ограничения имели двойственный характер: работа из дома была «прерогативой среднего класса», а многочисленные работники «систем жизнеобеспечения» были лишены такой привилегии, исключены из этой схемы, чтобы обеспечить выживание «голой жизни». Льюис полагает, что оппоненты Агамбена не разглядели в его замечаниях выступление против политики, которая сводит жизнь человека к «голому» существованию³⁰.

В период пандемии агамбеновская биополитика испытала серьёзную проверку на прочность. Немало учёных, прежних соратников Агамбена, изменили позицию и отвергли его концепцию. Ранее эта версия биополитики не встречала подобной критики. Агамбен не изменил своим взглядам. Поднятые им проблемы сохраняют актуальность: несмотря на завершение острой фазы коронавируса, нарративы и ограничения того времени всё ещё стоят на повестке дня³¹.

История становления биополитических идей в российской науке имеет свою специфику, хотя и подчиняется глобальным тенденциям. Советская наука, пользуясь марксистской философией, считала человека продуктом общественных отношений и не уделяла особого внимания его биологической природе. На закате существования СССР взгляд на сущность человека подвергся переоценке. Исследователи отказались от марксизма, видя в его релятивизме препятствие для взвешенного анализа индивида и его места в обществе. Изучение влияния биологических факторов позволило преодолеть дисбаланс, созданный господством марксистской картины мира в советской науке.

Впервые проблематику биополитики обозначили в 1988 г. на Биологическом факультете МГУ. По инициативе профессора М.В. Гусева и под руководством А.В. Олескина стартовал первый научный семинар «Биозитика–биополитика–биотехнология» (впоследствии «Биополитика») ³². В центре внимания биополитики советского периода находилась непосредственно биология во взаимодействии с науками о человеке и обществе. Усилиями А.Т. Зуба, М.В. Гусева и А.В. Олескина «российская биополитика» обрела вес в академическом сообществе³³. Биологам, стоявшим у истоков развития российской школы, идеи Фуко оказались не очень близки. Влияние сильной естественнонаучной школы задало этический и медицинский вектор развития биополитической традиции³⁴.

Развитие биополитических идей в России в конце XX – нач. XXI в. происходило в сотрудничестве с международными исследовательскими

²⁹ Han 2021: 120.

³⁰ Lewis 2022: 218.

³¹ ВОЗ призвала... 2024; В Петербурге продлили... 2024.

³² Памяти профессора М.В. Гусева...

³³ Зуб 1987; Гусев 1991.

³⁴ Кавтарадзе и др. 2002: 59-60.

организациями, что сказалось на содержании публикаций того периода. Наибольшее внимание уделялось изучению экологических и этических аспектов биополитики³⁵. Особым примером в этой области служит сотрудничество российских исследователей с Международной биополитической организацией (Biopolitics International Organization – сокр. BIO), основанной в Афинах в 1985 г. В качестве целей данная организация выдвигает, например, развитие международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, сохранение экологической безопасности, разработку международного законодательства о биологических правах и обязанностях человека по отношению к окружающей среде³⁶.

Конец XX в. можно назвать наиболее активным периодом сотрудничества BIO и Российской Федерации. Ежегодно проходили совместные научные мероприятия, расширялась публикационная активность, обкатывались новые идеи и концепции. В образовательные программы некоторых университетов вводились дисциплины по биополитике. Первое совместное с BIO мероприятие состоялось в 1991 г. в формате греко-советского культурного симпозиума «Интегрированные системы экологического мониторинга», организованное BIO и советским посольством в Афинах по случаю визита научно-исследовательского судна «Алексей Крылов»³⁷.

Заметным событием сотрудничества с BIO стало проведение первой международной молодежной биос-олимпиады в 1996 г. в Санкт-Петербурге, которая затем стала проводиться ежегодно³⁸. Усилиями профессора СПбГТИ А.И. Шишкина были организованы молодёжные биос-школы, первая из которых открылась в 1992 г. Целью этой инициативы было приобщение молодежи к решению экологических проблем и распространение культуры бережного обращения с природой. В период 1992–2015 гг. было проведено 60 таких школ, в которых приняли участие более 2 500 студентов³⁹. В 1999 г. в России прошел крупный международный форум «Биополитика Миллениум» и торжественная церемония вручения премии «Биос»⁴⁰.

По итогам стажировки в BIO А.В. Олескин вместе с А. Влавианос-Арванитисом написали книгу «Биополитика. Биокружение. Биосиллабус»⁴¹. Она заложила фундамент для распространения биополитических знаний в рамках университетского образования. Постепенно расширялась география университетов, в учебные планы которых были включены лекционные курсы по биополитике. Биоэтика вошла в качестве обязательных дисциплин в учебные планы многих медицинских вузов⁴².

³⁵ Тищенко 2020; и др.

³⁶ A brief history of B.I.O.

³⁷ Boiko 1993; Bio News 1996: 20.

³⁸ Youth Bios Olympiads and Bios Schools.

³⁹ Bio News 2003: 3.

⁴⁰ Bio News 2000: 7.

⁴¹ Влавианос-Арванитис, Олескин 1993.

⁴² Олескин 2007.

В XXI веке биополитическая проблематика в поле российских социально-гуманитарных исследований охватила все направления биополитической мысли: анализировались взаимосвязи биологического и социального, биологического и политического⁴³, развивалось фуконианское направление исследований⁴⁴, однако наиболее активно – проблемы биополитической безопасности, включая вопросы биоэтики⁴⁵.

Особое место в развитии идей биополитики с акцентом на биоэтике, занимает активность Института философии РАН, ориентированного на анализ социально-политических последствий развития современных технологий и биомедицинских технологий⁴⁶. Также в работах Б.Г. Юдина, П.Д. Тищенко и других исследователей ИФРАН широко рассматривалась тема «биовласти» в контексте развития биомедицинских технологий⁴⁷. Проблематизация начала и конца человеческого существования, демаркации нормы и патологии, различения морального и аморального, легального и криминального в первое десятилетие XXI в. воспринимались как философские проблемы. Б.Г. Юдин и его коллеги заложили основы изучения специфических эффектов биовласти в зонах конфликта биомедицинского и морального дискурса. Критический анализ современности российскими философами способствовал многоаспектному пониманию реальной практической биополитики. Это отразилось на академических дискуссиях об этических моментах принимаемых властями ограничительных мер во время пандемии COVID-19. Основной акцент был сделан на гуманитарной оценке инноваций в медицине и этических аспектах противовирусных мер и ограничений⁴⁸.

В ближайшие десятилетия биополитическая проблематика будет оставаться в приоритете развития социально-гуманитарного исследовательского поля, поскольку в осмыслении ключевых вызовов современности – от проблем миграции до искусственного интеллекта, включая угрозы биотехнологий – именно теоретический аппарат биополитики дает аналитические инструменты для поиска оптимальных решений.

То, что науку создают люди – очевидно. Идея о том, что науку создают люди в определенных исторических условиях, как минимум требует иллюстративного материала. В данной статье представлены две линии анализа, одна из которых посвящена описанию событий, связанных с биополитическими идеями фуконианского направления во время пандемии коронавируса, а вторая коротко представляет логику развития биополитических идей в СССР и России («на сломе эпох»). Обе линии анализа сосредоточены на личностном и социальном факторах в разви-

⁴³ Radina 2022; Зуб 1987; и др.

⁴⁴ Скопин 2019; и др.

⁴⁵ Прозорова, Рыхтик 2020; Тищенко 2020; и др.

⁴⁶ Белялетдинов 2022; и др.

⁴⁷ Тищенко 2020; Юдин 2011; и др.

⁴⁸ Брызгалина 2020; Попов, 2022; и др.

тии биополитических идей, при этом социальное окружение ученых может быть непринимаящим и даже агрессивным, что было показано на примере научных дискуссий о позиции Дж. Агамбена во время пандемии. Его коллеги-философы могли отмолчаться, иронично высмеять «ригидность» несогласного, но предпочли прямые нападки и оскорбления, пытаясь изменить позицию Агамбена. Что двигало критикующим экспертным сообществом? Почему так важно было сокрушить старого философа, и почему Агамбен не изменил своих убеждений? На наш взгляд, эти вопросы требуют самостоятельного анализа.

Линия анализа советской и российской биополитики раскрывается с точки зрения конкретных персоналий, создания социальных сетей взаимодействия между учеными. На первый взгляд, временное отставание в развитии идей российской биополитики незначительно: российские исследователи уже в конце XX в. активно подключились к разработке биополитической проблематики. В XXI в. расширилось проблемное поле российской биополитики, особую роль стали играть вопросы, связанные с безопасностью и биотехнологиями, с биологическим оружием. Однако научные дискуссии, подобные схватке о репрессиях и «голой жизни», о страхе перед биополитикой государства, в российском научном сообществе не состоялись. В настоящее время российские исследователи разрабатывают аспекты «позитивной биополитики» и ориентированы на сотрудничество с государством.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Агамбен Дж. Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 148 с. [Agamben Dzh. Homo sacer: Suverennaya vlast' i golaya zhizn' (Homo sacer: Sovereign power and bare life). М.: Evropa, 2011. 148 p.]
- Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022. 144 с. [Agamben Dzh. Kuda my prishli? Epidemiya kak politika (Where are we now? The epidemic as politics). М.: Nookratiya, 2022. 144 p.]
- Белялетдинов Р.Р. Биоэтика и цифровое принуждение: уважение персональной автономии во время пандемии // Современные проблемы социотехноантропосферы / Отв. ред. В.Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2022. С. 207–226 [Belyaletdinov R.R. Bioetika i tsifrovoye prinuzhdenie: uvazhenie personal'noi avtonomii vo vremya pandemii (Bioethics and digital coercion: respecting personal autonomy during a pandemic) // Sovremennyye problemy sotsiotekhnoposfery / Отв. ред. V.G. Budanov. Kursk: Universitetskaya kniga, 2022. P. 207-226].
- Брызгалина Е.В. Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля // Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 41–56 [Bryzgalina E.V. Bioetika pandemii: abris problemnogo polya (Bioethics of the pandemic: an outline of a problem field) // Chelovek. 2020. T. 31. № 4. P. 41-56].
- Влавианос-Арванитис А., Олескин А.В. Биополитика. Биоокружение. Биосиллабус. Афины: Биополитическая Интернациональная Организация, 1993. 180 с. [Vlavianos-Arvanitis A., Oleskin A.V. Biopolitika. Biookruzhenie. Biosillabus (Biopolitics. Bioenvironment. Biosyllabus). Afiny: Biopoliticheskaya Internatsional'naya Organizatsiya, 1993. 180 p.]
- В Петербурге продлили антикоронавирусные ограничения // РБК. 29.03.2024 года [V Peterburge prodlili antikoronavirusnyye ogranicheniya (Anticoronavirus restrictions have been extended in St. Petersburg) // RBK. 29.03.2024 goda]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66065eb59a7947244d3898cf>.
- ВОЗ призвала прививаться и носить маски из-за роста заболеваемости COVID // РБК. 5.01.2024 года [VOZ prizvala privivat'sya i nosit' maski iz-za rosta zabolevaemosti COVID (WHO urged to vaccinate and wear masks due to increased incidence of COVID) // RBK. 5.01.2024 goda]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/659859a59a79478596517c0a>.

- Гусев М.В. К обсуждению вопроса об антропоцентризме и биоцентризме // Вестник Московского ун-та: Серия 16. Биология. 1991. № 1. С. 3–6 [Gusev M.V. K obuzhdeniyu voprosa ob antropotsentrizme i biotsentrizme (Towards a discussion on anthropocentrism and biocentrism) // Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya 16. Biologiya. 1991. № 1. P. 3–6].
- Зуб А.Т. Биополитика: методология социального биологизма в политологии // Логика, методология и философия науки. Материалы к VIII Международному конгрессу по логике, методологии и философии науки. М., 1987. Вып. 3 [Zub A.T. Biopolitika: metodologiya sotsial'nogo biologizma v politologii (Biopolitics: methodology of social biology in political science) // Logika, metodologiya i filosofiya nauki. Materialy k VIII Mezhdunarodnomu kongressu po logike, metodologii i filosofii nauki. M., 1987. Vyp. 3.].
- Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А., Олескин А.В., Перелет Р.А., Боголюбов С.А., Борейко В.Е. Социально-экономические и правовые основы сохранения биоразнообразия. М.: НУМЦ, 2002 [Kavtaradze D.N., Ovsyannikov A.A., Oleskin A.V., Perelet R.A., Bogolyubov S.A., Boreiko V.E. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye osnovy sokhraneniya bioraznobraziya (Socio-economic and legal bases of biodiversity conservation). M.: NUMTs, 2002].
- Могильницкий Б.Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного ун-та: История. 2009. № 2(6). С. 14–21 [Mogil'nitskii B.G. Makro- i mikropodkhody v istoricheskom issledovanii (istoriograficheskii rakurs) (Macro- and micro-approaches in historical research (historiographical perspective))] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya. 2009. № 2/6. P. 14–21].
- Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. Философские, политологические и практические аспекты. М.: Ин-т философии РАН, 2001. 508 с. [Oleskin A.V. Biopolitika. Politicheskii potentsial sovremennoi biologii. Filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty (Political potential of modern biology. Philosophical, political science and practical aspects). M.: Institut filosofii RAN, 2001. 508 p.]
- Олескин А.В. Биополитика: курс лекций. М.: Научный мир, 2007. 356 с. [Oleskin A.V. Biopolitika: kurs lektsii (Biopolitics: a course of lectures). M.: Nauchnyi mir, 2007. 356 p.]
- Памяти профессора М.В. Гусева. М.В. Гусев и семинар “Биополитика” // Научно-образовательный портал «Фундаментальная экология» [Pamyati profesora M.V. Guseva. M.V. Gusev i seminar “Biopolitika” (In memory of Professor M.V. Gusev. M.V. Gusev and the Biopolitics Seminar) // Nauchno-obrazovatel'nyi portal «Fundamental'naya ekologiya»]. URL: <http://www.sevin.ru/fundecology/biopolitics/bp05-2.html>.
- Попов Д. Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 2. С. 82–104 [Popov D. Vita COVIDa kak biopoliticheskaya modal'nost' zhizni v pandemii (Vita of COVID as a biopolitical modality of life in a pandemic) // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2022. T. 21. № 2. P. 82–104].
- Прозорова М.Г., Рыхтик М.И. Безопасность человека в условиях развития биотехнологий: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 41–45 [Prozorova M.G., Ryhtik M.I. Bezopasnost' cheloveka v usloviyakh razvitiya biotekhnologii: postanovka problemy (Human safety in the context of biotechnology development: problem statement) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2020. № 4. P. 41–45].
- Радина Н.К. Психология и биополитика: о перспективах междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 98–109 [Radina N.K. Psikhologiya i biopolitika: o perspektivakh mezhdistsiplinarnykh issledovanii (Psychology and biopolitics: perspectives for interdisciplinary research) // Psikhologicheskii zhurnal. 2017. T. 38. № 6. P. 98–109].
- Скопин Д. Управление умершими: дисциплина и биополитика // Логос. 2019. Т. 29. № 2 (129). С. 82–103 [Skopin D. Upravlenie umershimi: distsiplina i biopolitika (Managing the dead: discipline and biopolitics) // Logos. 2019. T. 29. № 2 (129). P. 82–103].
- Тищенко П.Д. “Время убивать, и время врачевать”: человек в ситуации пандемии COVID-19 // Человек. 2020. Т. 31. № 6. С. 31–49 [Tishchenko P.D. “Vremya ubivat', i vremya vrachevat'”: chelovek v situatsii pandemii COVID-19 (“Time to kill, Time to heal”: human beings in a COVID-19 pandemic situation) // Chelovek. 2020. T. 31. № 6. P. 31–49].
- Фомин-Шахов О. Биополитический контроль элит // Развитие и экономика. 2013. № 8. С. 118–129 [Fomin-Shakhov O. Biopoliticheskii kontrol' elit (Biopolitical control of elits) // Razvitie i ekonomika. 2013. № 8. P. 118–129].
- Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учеб. году. СПб.: Наука, 2005. 432 с. [Fuko M. Nenormal'nye: Kurs lektsii, pročitannykh v

- Kollezh de Frans v 1974-1975 uchebnom godu (Insane: A course of lectures delivered at the Collège de France during the academic year 1974-1975.). SPb.: Nauka, 2005. 432 p.]
- Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 450 с. [Fuko M. Psikhiatricheskaya vlast': Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1973-1974 uchebnom godu (Psychiatric power: A course of lectures delivered at the Collège de France during the academic year 1973-1974). SPb.: Nauka, 2007. 450 p.]
- Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб., 2010. 448 с. [Fuko M. Rozhdenie biopolitiki: Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978-1979 uchebnom godu (The birth of biopolitics: A course of lectures delivered at the Collège de France during the academic year 1978-1979). SPb., 2010. 448 p.]
- Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска): учебное пособие. М.: РГАУ-МСХА, 2009. 319 с. [Cheshko V.F., Glazko V.I. High Hume (biovlast' i biopolitika v obshchestve riska): uchebnoe posobie (High Hume (biopower and biopolitics in a risk society): a textbook.). М.: RGAU-MSKhA, 2009. 319 p.]
- Шафигуллин В.А. Из истории развития биополитических знаний // Ученые записки Казанской государственной Академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2012. Т. 212. № 4. С. 499-503 [Shafigullin V.A. Iz istorii razvitiya biopoliticheskikh znaniy (From the history of the development of biopolitical knowledge) // Uchenye zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi Akademii veterinarnoi meditsiny im. N.E. Baumana. 2012. T. 212. № 4. P. 499-503].
- Юдин Б.Г. Человек как объект технологических воздействий // Человек. 2011. № 3. С. 5-20 [Yudin B.G. Chelovek kak ob'ekt tekhnologicheskikh vozdeistvii (Human being as an object of technological influences) // Chelovek. 2011. № 3. P. 5-20].
- Юревич А.В. Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 5-13 [Yurevich A.V. Struktura psikhologicheskikh teorii (The structure of psychological theories) // Psikhologicheskii zhurnal. 2003. T. 24. № 1. P. 5-13].
- A brief history of BIO // Biopolitics International Organisation: official website. URL: <https://biopolitics.gr/biowp/who-we-are/about-bio/>.
- Antoniol V. Biopolitics Beyond Foucault. A Critique of Agamben's Analysis of the Pandemic // Soft Power. 2022. Vol. 9. № 2. P. 260-278.
- Bio News. 1996. № 6.
URL: <https://biopolitics.gr/biowp/wp-content/uploads/2013/04/bionews6.pdf>.
- Bio News. 2000. № 22.
URL: <https://biopolitics.gr/biowp/wp-content/uploads/2013/04/Bionews22.pdf>.
- Bio News. 2003. № 34.
URL: <https://biopolitics.gr/biowp/wp-content/uploads/2013/04/bionews34.pdf>.
- Boiko V.A. Mutual Understanding and Interdependence // Biopolitics. The bio-environment: Bio-diplomacy and international cooperation / ed. by A. Vlavianos-Arvanitis. Athens: B.I.O., 1993. URL: <https://biopolitics.gr/publications/diplomacy/bio-diplomacy-and-international-cooperation-hellenic-russian-symposium-1991/mutual-understanding-and-interdependence/>.
- Bratton B. Agamben WTF, or how philosophy failed the pandemic // Verso. 28 July 2021. URL: <https://www.versobooks.com/blogs/news/5125-agamben-wtf-or-how-philosophy-failed-the-pandemic>.
- Caldwell L.K. Biopolitics // Yale Review. 1964. № 54. P. 1-16.
- Gorby P. The biopolitics of fear: assessing Agamben's analysis of the COVID-19 lockdowns // Distinktion: Journal of Social Theory. 2023.
URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1600910X.2023.2254010>.
- Green T., Fazi T. The Covid Consensus: the global assault on democracy and the poor – a critique from the left. London: Hurst Publishers, 2023. 2nd ed. 540 p.
- Hall C. Ambivalent thinking amid pandemic biopolitics // European Journal of Political Theory. 2022. P. 1-9.
- Han Byung-Chul. Capitalism and the death drive. Cambridge: Polity Press, 2021. 150 p.
- Kotsko A. What Happened to Giorgio Agamben? // Slate. 20 February 2022. URL: <https://slate.com/human-interest/2022/02/giorgio-agamben-covid-holocaust-comparison-right-wing-protest.html>
- Lewis M. Review Essay. Giorgio Agamben, Where are we now? & Other Writings // Journal of Italian Philosophy. 2022. Vol. 5. P. 200-241.

- Morley R. *Bio-politics: An Essay in the Physiology, Pathology and Politics of the Social and Somatic Organism*. London: Dent, 1938. 264 p.
- Non solo Agamben?: oltre 100 filosofi contestano il loro collega e firmano un documento a favore di Green pass e vaccini – Il testo // *Il Fatto Quotidiano*. 15 October 2021. URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2021/10/15/non-solo-agamben-oltre-100-filosofi-contestano-il-loro-collega-e-firmano-un-documento-a-favore-di-green-pass-e-vaccini-il-testo/6356547/>.
- Prozorov S. A farewell to homo sacer? Sovereign power and bare life in Agamben's coronavirus commentary // *Law and Critique*. 2023. Vol. 34. № 1. P. 63-80.
- Radina N.K. Who is advocated by public activists creating Change.org petitions to protect animals // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2022. Т. 13. № 4. С. 124–143.
- Schubert K. PrEP als demokratische Biopolitik. Zur Kritik der biopolitischen Repressionshypothese – oder: die pharmazeutische Destigmatisierung des Schwulseins // *Jahrbuch Sexualitäten* / Ed. R. Nicolaysen. Göttingen: Wallstein, 2020. P. 91-125.
- van den Berge L. Biopolitics and the Coronavirus: Foucault, Agamben, Žižek // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2020. Vol. 49. № 1. P. 3-6.
- Youth Bios Olympiads and Bios Schools // *Biopolitics International Organisation: official website*. Available at: <https://biopolitics.gr/biowp/youth-bios-olympiads>

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор, ННГУ имени Н.И. Лобачевского, radina@yandex.ru

Рыхтик Михаил Иванович, доктор политических наук, профессор, ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор, РУДН, mrykhtik@yandex.ru

Усачев Сергей Владимирович, аспирант, младший научный сотрудник, ННГУ имени Н.И. Лобачевского, usach.ser@gmail.com

History as a Test Field for Biopolitical Ideas

The history of biopolitics is often presented as a development of the liberal Foucauldian tradition, without analysing the impact of historical events on the transformation of biopolitical ideas. This article focuses on the impact of conflicts and macro-events in different socio-cultural arenas on the development of biopolitical ideas. The first line of analysis is devoted to the development of the Foucauldian version of biopolitics (from M. Foucault to "democratic biopolitics" in the West) and describes the trials of biopolitical ideas in J. Agamben's version related to the COVID-19 pandemic. During the pandemic, Agamben was obstructed by fellow philosophers because he insisted on the need to protect individual rights in the context of state biopolitical control. The article pays attention to the social conflicts and social pressures that accompany crises and can influence scientists to abandon the original coordinates of their own ideas or to maintain their position at the cost of isolation and social condemnation. The second line of analysis is devoted to the formation of biopolitical ideas in the USSR and post-Soviet Russia, which received an impetus for development in the late 20th c. thanks to the first scientific biopolitical seminars at the Faculty of Biology of Moscow State University. Using the example of Russian biopolitics, it is shown how macro-events and socio-cultural context determine the development of biopolitical ideas. To conclude, the article characterises the challenges facing societies and states that will guide the development of biopolitics in the near future.

Keywords: *biopolitics, G. Agamben, M. Foucault, biosecurity, social pressure in science*

Nadezhda K. Radina, Doctor of Science in Politics, Candidate of Science in Psychology, Professor, Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky, radina@yandex.ru

Mikhail I. Rykhtik, Doctor of Science in Politics, Professor, Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky. Professor, RUDN University, mrykhtik@yandex.ru

Sergey V. Usachev, PhD student, Junior researcher, Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky, usach.ser@gmail.com

С.И. БЕЛОВ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РАМКАХ ИГРОВОЙ ФРАНШИЗЫ CALL OF DUTY ФИГУРЫ ПАМЯТИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ¹

Представленное исследование посвящено изучению эволюции мемориального нарратива игровой серии Call of Duty в отношении событий Великой Отечественной войны. Теоретико-методологическая база работы выстраивается за счет комбинирования функционального и культурно-семиотического подходов к изучению социальной памяти, а также сочетании структурного, диахронного и синхронного анализа. Автором выделены ключевые фигуры памяти в рамках мемориального нарратива игр, изучены обстоятельства их происхождения, проанализирована содержательная сторона соответствующих образов (включая аспекты репрезентации смыслов и ценностей), изучены тенденции их эволюции в рамках развития франшизы. Дана оценка потенциала применения видеоигр как элемента системы социально-культурных мемориальных практик.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, видеоигры, Call of Duty, фигуры памяти, социальная память.

Современная массовая культура является совокупностью эстетических решений и коммуникативных практик, связанных с развитием массовых сфер творчества (литература, кино, музыка, видеоигры и др.) в их популяризации и коммерциализации в современном социальном пространстве. Наличие у нее ярко выраженных коммерческой и развлекательной составляющих зачастую способствует тому, что массовую культуру воспринимают в сугубо деполитизированном ключе. Однако последнее предполагает вульгаризацию данного понятия.

Как отмечал Т. Парсонс, к числу базовых функций политической системы относится воспроизводство образца, обеспечивающее сохранение запаса прочности социальности. Ее реализация предполагает регулярную ретрансляцию набора парадигмальных смыслов и ценностей, выступающих в качестве первоосновы для воспроизводства в обществе моделей типичного социального поведения². При этом, согласно позиции Д. Истона, транслируемые обществу ценности и заданные ими шаблоны поведения должны восприниматься его членами как обязательные для выполнения, чтобы обрести полноценное регуляторное качество. Однако последнее не предполагает формализации посредством создания репрессивных институтов³. Согласно позиции, сформулированной представителями политико-культурного подхода (С. Верба,

¹ Проект «Потенциал геймификации в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности в молодежной среде» FFFM-2024-0026 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

² Парсонс 1997.

³ Истон 2015.

Д. Дивайн, М. Дюверже), система ценностных представлений формируется на основе эксплуатации ресурсов ориентационного уровня политической системы, которая включает в себя не только когнитивный, но и аффективный и ценностный компоненты, предназначенные для воздействия на коллективное сознание посредством экспрессивной символики. Эффект воздействия которой наиболее велик в случае, когда соответствующие знаковые конструкции продвигаются косвенным образом, в ненавязчивой форме, в первую очередь – в рамках индустрии развлечений⁴. При этом вовсе не обязательно наличие такого фактора, как целенаправленная реализация государством символической политики в сфере массовой культуры. Экспрессивная символика сама по себе является вторичным знаковым продуктом, формируясь под влиянием господствующих в обществе коллективных представлений и действующей модели макросоциальной идентичности за счет действия эффекта эмоционального заражения⁵.

Таким образом, продукция массовой культуры, даже созданная в чисто коммерческих целях, в априорном порядке является инструментом продвижения социальных и политических смыслов и ценностей.

Последнее закономерно обуславливает высокий уровень интереса экспертного сообщества к теме воздействия продукции массовой культуры на восприятие и, как следствие, политическое поведение. В значительной степени этот интерес концентрируется на вопросах, связанных с воздействием произведений массовой культуры на социальную память, и в первую очередь на такой ее сегмент, как конвенциональные представления большинства представителей конкретного сообщества относительно общего прошлого. Однако при этом внимание исследователей, как правило, традиционно концентрируется на классических форматах массовой культуры. В результате значительные ее пласты используются в качестве эмпирического материала лишь в ограниченном формате.

Наглядным примером может служить такое быстро развивающееся направление массовой культуры, как видеоигры. В рамках серии исследований, проведенных ВЦИОМ в 2019 г., 41% респондентов сообщили о том, что их дети или внуки играют в видеоигры. При этом 34% участников опроса, относящиеся к возрастной группе 18–24 лет указали, что у них есть брат или сестра, проводящие время за видеоиграми. Около 20% совершеннолетних россиян используют видеоигры как одну из форм досуга. Исследование также позволило установить, что в течение недели геймеры проводят за играми в среднем 5 часов. Еще большей популярностью видеоигры пользуются среди респондентов в возрасте 18–24 лет: 40% из них проводят за видеоиграми 8 часов в неделю⁶. По данным ис-

⁴ Алмонд, Верба 2010; Дюверже 2011; Devine 2013.

⁵ Шюц 2004; Бергер, Лукман 1995.

⁶ На игре: социальные эффекты компьютерной игромании.

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-igre-soczialnye-effekty-kompyuternoj-igromanii?ysclid=lue3sfjh32465633839>; Видеоигры – и кто в них играет?

следовательской компании DFC Intelligence, на 2020 г. в мире насчитывается более 3,1 млрд геймеров. К 2023 г. этот показатель увеличился до 3,7 млрд.⁷ За счет этого видеоигры потенциально превращаются в один из наиболее действенных инструментов символической политики и одной из ее частных форм – политики памяти.

Однако зарубежные исследователи изучают использование видеоигр как инструмента символической политики преимущественно вне контекста эксплуатации образов прошлого⁸. В то же время работы, посвященные непосредственно репрезентации образов прошлого в видеоиграх, затрагивают преимущественно вопросы их исторической достоверности, наличия в повествовании разработчиков четких причинно-следственных связей в рамках позиционирования исторического процесса, способности игровых нарративов разрушать мемориальный конформизм широких масс населения⁹.

Российские исследователи в последние годы достаточно активно освещают практики мемориального позиционирования в играх, однако соответствующие нарративы рассматриваются скорее с позиции исторической науки (с точки зрения их достоверности) либо в ключе изучения пропагандистских дискурсов глорификации (прославления) и демонизации. Методы и формы позиционирования не получают освещения с точки зрения закономерностей формирования и коррекции социальной памяти¹⁰. В аналогичном ключе мемориальные нарративы видеоигр анализируются в работах, посвященных практике позиционирования исторических образов стран и народов¹¹.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, при которой использование видеоигр как инструмента формирования и коррекции представлений об историческом процессе исследуется вне контекста теории социальной памяти. Отдельно необходимо отметить, что в рамках такого направления исследований, как в digital memory studies, охватывающего вопрос о роли цифровых технологий в формировании и коррекции социальной памяти, тема использования ресурса видеоигр на данный момент разработана достаточно слабо. Большинство исследователей, занимающихся изучением digital memory studies в ключе анализа содержания и динамики мемориальных дискуссий в онлайн-сообществах, роли сетевых ресурсов в системе мнемонических акторов, эксплуатации мемом и иных развлекательных форматов в конструировании исторических нарративов, законодательного регулирования реализации политики памяти в Интернет-пространстве, конвертации традиционных

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/videoigry-i-kto-v-nikh-igraet>

⁷ Исследование DFC Intelligence: аудитория пользователей видеоигр в мире достигла 3,7 млрд человек. <https://habr.com/ru/news/729130/>

⁸ Ash 2009; Furman, Musgrave 2017; Lawler, Smith 2021; Mead 2013; Melissinos 2013

⁹ Bogost 2007; Pöttsch, Sösler 2019; Chapman 2013; Ramsay 2015; Reisner 2016.

¹⁰ Верч, 2019; Федорченко, 2020; Черный 2017.

¹¹ Белянцев, Герштейн 2010. Политика памяти; Калмыков 2014; Кострова, Маркухова 2019; Ющалкина 2017.

мемориальных практик в онлайн-формы и т.д. Вопрос об использовании видеоигр в рамках реализации политики памяти находится на периферии сферы их научных интересов¹². Все это убедительно свидетельствует в пользу необходимости проведения дополнительных изысканий в области воздействия видеоигр на представления российских геймеров о событиях коллективного прошлого.

Первооснову социальной памяти макросоциальной группы представляет собой «миф основания» – исторический фрейм, обозначающий знаковое событие или комплекс в прошлом сообщества, которое определило его современный облик, задало ключевые ценности и смыслы социума и сформировало для него перспективу определенного будущего¹³. В случае современной России в этом качестве выступает история Великой Отечественной войны в трактовке, близкой к официальному историческому нарративу Советского Союза. Последнее обусловлено тем, что социальная память россиян фокусируется преимущественно на событиях советского периода, среди которых Великая Отечественная война наделяется наибольшим значением. Для большинства россиян она выступает в качестве важнейшего события в национальной истории. Ее образ также отличается широчайшая репрезентация в рамках семейной памяти. Восприятие событий войны внутри широких слоев населения в целом носит консенсусный характер. Заимствованная у СССР модель позиционирования событий войны включает в себя продвижение тезиса о мессинской роли советского народа, что служит основой для обоснования ингруппового фаворитизма россиян. Кроме того, большинство населения признает достоверность транслируемого государством образа войны¹⁴.

Выстраивание «мифа основания» на основе исторических событий осуществляется в первую очередь посредством эксплуатации т.н. «фигур памяти» в соответствии с общими закономерностями функционирования систем коллективных представлений о прошлом. М. Хальбвакс – основоположник функционального подхода к интерпретации социаль-

¹² Память в Сети 2023.

¹³ Schopflin 1997.

¹⁴ «Бессмертный полк»: помним, гордимся, участвуем!»: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115698>; «Великая Отечественная война в семейной памяти»: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaja-otechestvennaja-voina-v-semeinoj-pamjati>; «Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке»: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke>; «Гордость и идентичность»: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>; «Историческая память»: <https://www.levada.ru/2020/06/22/istoricheskaya-pamyat/>; К 75-ой годовщине окончания Великой Отечественной войны. Что люди знают о Великой Отечественной войне? <https://fom.ru/Proshloe/14392>; Какие даты российской истории мы считаем важнейшими? И какие – знаем? <https://fom.ru/Proshloe/11896>; Память о войне: история и мифы. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-vojne-istoriya-i-mify>; «Сожалеете ли вы о распаде СССР?»: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-voisproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/>; «Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе»: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-voisproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/>.

ной памяти – настаивал, что память нельзя рассматривать как свойство, присущее лишь индивидуумам. В качестве ее носителя могут выступать микро- и макросоциальные общности, наделенные способностью накапливать воспоминания и подвергать их реконструкции. При этом социальную память отличают избирательный характер и схематизм. Она абсорбирует преимущественно факты и события, обладающие существенным значением для широких слоев населения, и реконструирует их с относительно низкой степенью детализации (с точки зрения профессионального историка). Унифицированный характер нарратива социальной памяти обеспечивает наличие механизма мемориальных рамок. Последние представляют собой совокупность дискурсивных практик, формирующих «канон» изложения общей истории. Мемориальные рамки выступают в качестве средства коррекции картины прошлого на индивидуальном уровне: большинство членов социальной корпорации адаптируют собственные воспоминания и представления о прошлом к содержанию мемориальных рамок. Ключевую роль в системе мемориальных рамок играют «фигуры памяти» – символы, отображающие ключевые события прошлого либо их активных участников. «Фигуры памяти» выступают в качестве центра кристаллизации наиболее значимых событий в истории сообщества в рамках сложной образной системы. «Фигура памяти» зачастую обладают сакральным характером и назидательной коннотацией, поскольку демонстрируют собой примеры моделей поведения, одобряемых либо отвергаемых обществом¹⁵.

По мнению другого представителя функционального подхода П. Нора, одним из важных факторов формирования коллективной системы представлений о прошлом служит т.н. «долг памяти». Он представляет собой, с одной стороны, комплекс обязательств, подразумевающих необходимость почитания предков, принесших жертву ради существования сообщества, либо пострадавших от рук врага и оставшихся неогомщенными. С другой стороны, долг памяти находит выражение в чувстве вины, связанном с забвением значимого момента прошлого в какой-либо период. В целом он представляет собой некий императив справедливости, предписывающий членам сообщества извлечь уроки из прошлого и добиваться от носителей власти конкретных шагов по исполнению долга: публичного признания преступлений прошлого, мемориализации жертв и т.д.¹⁶

Долг памяти предполагает наличие обязанности почитать определенные символы прошлого со стороны каждого индивида, идентифицирующего себя как члена сообщества. В случае, когда речь идет о «памяти жертв», «долг памяти» также включает в себя обязательство добиваться компенсации понесенного урона и извинений от врага либо его прямых или символических наследников. Культивация символики мученичества играет большое значение как в формировании коллективной

¹⁵ Хальбвакс 2007.

¹⁶ Nora 2001.

памяти конкретной макросоциальной группы, так и взаимоотношений между сообществами на мемориальном поле. Наличие исторического нарратива «мученического характера» чаще всего подразумевает требования интеграции соответствующих сюжетов в исторический нарратив на общенациональном и международном уровне. Зачастую такого рода требования неприемлемы для стороны, выступающей в роли палачей в рамках «мученической традиции». Наличие развитых представлений о «долге памяти» может играть в жизни общества как позитивную, так и деструктивную роль. В частности, в гипертрофированной форме «долг памяти» вынуждает акторов экстраполировать образ врага на его наследников, подпитывает реваншистские идеи и способствует развитию различных форм шовинизма и радикального национализма¹⁷.

П. Бурдые, исследовавший социальную память в ключе культурно-семиотического подхода, выделил внутри системы политических практик деятельность по производству способов оценки и осмысления социальной реальности, детерминирующую борьбу за доминирование в публичном пространстве определенной модели интерпретации. С этой точки зрения социальная память представляет собой систему знаний, смыслов и ценностей, воплощенных в виде символов-носителей и связанной с ними системы ритуалов. Содержательная сторона памяти формируется в процессе конфликта между разными системами символического позиционирования, отражающими борьбу за власть в рамках групп интересов внутри сообщества¹⁸. Комбинируя данные подходы, мы можем заключить, что фигура памяти в произведениях массовой культуры, основанных на историческом сеттинге, представляет собой значимый инструмент формирования коллективных представлений о событиях прошлого, включая «миф основания».

На сегодняшний день события Великой Отечественной войны получили наиболее широкое освещение в рамках мировой гейм-индустрии в играх франшизы Call of Duty. В первую очередь необходимо отметить, что разработчики игр данной серии при обращении к теме Второй мировой войны сосредоточили внимание на освещении двух конкретных фигур памяти – Сталинградской битвы и Берлинской операции.

В игре «Call of Duty» (2003) образ Сталинградской битвы формировался преимущественно за счет эксплуатации негативных стереотипов, сконструированных ранее в иных произведениях массовой культуры, например фильма «Враг у ворот» (2001). Создатели этой кинокартины использовали в качестве основы сценария книгу «Сталинград» британского историка Э. Бивора (который также выступил консультантом в ходе съемок фильма). Последний, являясь профессиональным военным, не имеет базового исторического образования, работал именно в рамках научно-популярного жанра, а до публикации первых монографий на историческую тематику работал преимущественно над художественной

¹⁷ Федорова 2019: 134.

¹⁸ Бурдые 2007.

литературой. Его авторитет как историка среди широкой общественности сформировался преимущественно за счет коммерческого успеха нескольких научно-популярных работ, специфика которых заключалась в акцентировании внимания на эпизодах аномийного поведения военнослужащих в период Второй мировой войны. При этом значительную часть своей историографической концепции Э. Бивор позаимствовал из некритически воспринятых исследований периода холодной войны, испытывавших на себе сильное влияние политической конъюнктуры.

Следствием этого стало выстраивание образов, формирующих фигуру памяти Сталинградской битвы, за счет таких приемов, как стигматизация («наклеивание ярлыков»), дегуманизация и демонизация. При этом соответствующие приемы использовались именно для создания образов, имеющих отношение к советской стороне. На практике это проявилось, например, в таких элементах сюжета, как массовая отправка в бой безоружных солдат (при наличии вооруженных заградительных отрядов), расстрелы военнослужащих «комиссарами», необходимость ликвидировать политрука для прохождения миссии и т.д.

Битва за Берлин в игре позиционируется иным образом. Эпизоды аномийного поведения среди красноармейцев и командиров отсутствуют. Захват столицы Германии обозначается именно как завершение войны. При этом игрок участвует в рамках управления персонажем в воссоздании штурма рейхстага. Также разработчики приписывают советским персонажам искренний позитивный настрой по отношению к западным союзникам. В частности, в виртуальный дневник одного из них занесена запись следующего содержания: «Сегодня я перебрался через немецкую реку Эльба и пожал руку американскому солдату. Хотя я и не понимал, что он говорил, я подумал, что встретил брата и, по моему, он почувствовал то же самое».

В рамках игры «Call of Duty. World At War» (2008 г.) разработчики демонстрируют игрокам случаи аномийного поведения советских военнослужащих. Однако они охватывают не насилие со стороны командования к личному составу, а эпизоды чрезмерно жестокого отношения к противнику (вплоть до сожжения живьем сдающихся в плен солдат вермахта). Однако такого рода действия получают эмоциональное обоснование, поскольку мотивируются террором со стороны оккупантов, в том числе – по отношению к членам семей персонажей. Ключевым элементом позиционирования советских персонажей становится их жертвенность (что проявляется, например, в таких репликах, как «Путь к нашей великой Победе был устлан телами павших, но это было необходимо» или «Если кишка тонка убивать за Родину, то докажи, что готов умереть за неё!») в сочетании с беспощадностью к противнику и стремлением отомстить («Сегодня мы славно отомстили врагу за себя, за Родину-мать!», «Убедитесь, что эти твари мертвы!», «Фюрер приказал защищать город старикам, подросткам, раненым. Если они хотят постоять за Германию – они умрут за Германию! Дом за домом, очи-

стим город от крыс!», «Просит пощады?! А он пощадил наш народ!», «Видишь, как всё изменилось: теперь это их территория, их народ и их кровь» и др.). Это можно было бы объяснить стремлением к реализму, однако в случае американских персонажей игры мы наблюдаем подчеркнuto гуманное отношение к противнику даже на фоне того, что представители стран «оси» подвергают военнoслужущих США пыткам (японский офицер выжигает глаз сигаретой американскому пленному).

Жестокость советских солдат и офицеров прямо обозначается одним из персонажей как «зверство», однако обозначается, что часть военнoслужущих выступали против этих практик. При этом жестоко обращавшиеся с противником красноармейцы в итоге выражают сожаление о гибели условных «диссидентов».

Можно предположить, что это заимствованные в редуцированном виде элементы историографической концепции Э. Бивора. Последний приписывает Красной армии массовые преступления против гражданского населения Германии, объясняя поведение военнoслужущих как стремлением отомстить за урон, причиненный оккупантами народам СССР, так и воздействием пропаганды, дегуманизовавшей немецкую сторону. Принципиальным отличием игры от «историографического первоисточника» в данном случае является то, что насилие осуществляется в отношении немецких военнoслужущих, а не гражданских.

В игре «Call of Duty: Black Ops» (2010 г.) производится дoстраивание образа боевых действий на Восточном фронте. События разворачиваются во времена холодной войны. В рамках развития сюжета подчеркивается, что многие ветераны войны в итоге были осуждены и отправлены в лагеря по политическим мотивам, после чего некоторые из них приняли участие в восстаниях заключенных. Этот тезис манифестируется в речи одного из ключевых советских персонажей франшизы – Виктора Резнова: «Пришло время выступить против тех, кто поработил нас! Да познают они мужество русского народа! Мы все проливали кровь за Родину! Мы откликнулись на её зов без сомнения, мы отдали свою молодость, мы свои сердца, свои души ради её спасения! Мы сражались бок о бок против фашистов! Мы ползли по кровавой грязи, по безводным пескам ради нашей победы! Не ради наград! Ни ради славы! Ради правого дела! Мы жаждали мести! Когда Берлин пал, чем отплатили нам вожди? Вместо благодарности нас ждали подозрения и преследования! В глазах наших вождей мы были поражены капиталистической заразой. Нас оторвали от любимых и бросили сюда! Сюда, в это ужасное место! Здесь мы томились, не надеясь на спасение! Пока плоть не начала слезать с костей. Мы смотрели, как наши товарищи умирали от болезней! Нас избивали, но не сломали! Сегодня, наши жестокие, бесчестные вожди получал наше послание! Товарищи, Воркуту охватит пламя!».

В игре Call of Duty: Vanguard (2021 г.) произошло еще более радикальное переформатирование подхода к позиционированию событий Великой Отечественной войны. Во-первых, количество фигур памяти

сократилось до одной, нарратив сократился до одной Сталинградской битвы. Во-вторых, советские персонажи были показаны в исключительно позитивном ключе, в т.ч. за счет деполитизации и демонстрации повседневности на микросоциальном (семейном) уровне. В-третьих, в игре широко демонстрировались сцены насилия немецких войск в отношении мирного населения. Ранее эпизоды такого рода обозначались в рамках повествования лишь через рассказы персонажей. В-четвертых, была впервые предпринята попытка сконструировать образ героя на основе прообраза реального участника Великой Отечественной войны – снайпера Л.М. Павличенко. Последнее в итоге способствовало тому, что нарратив игры начал во многом соответствовать героическому мономифу.

Таким образом, в рамках серии Call of Duty в качестве ключевых фигур памяти, связанных с событиями Великой Отечественной войны, выступают в первую очередь события Сталинградской битвы и Берлинской операций. Их позиционирование по большей части было задано ключевыми трендами в развитии научно-популярной модели интерпретации событий войны в США и Великобритании, заданными коммерчески успешными работами Э. Бивора и связанными с ними произведениями. Модальность образов советской стороны постепенно смещалась в сторону глорификации, снижения степени политизации и рационализации эпизодов аномийного поведения, и в итоге сместилась в сторону мономифа с центральным образом героя. Последнее во многом сопровождалось сменой ценностно-смысловой мотивации представителей советской стороны. Если в первой части франшизы власти СССР были показаны скорее как «еще большее зло, нежели Германия», а у советских военнослужащих не было никаких четких мотивов, помимо индивидуального выживания, то затем его заменили противодействие геноциду оккупантов и месть за их преступления, спасение семей и сохранение привычно уклада жизни.

В целом игры серии отличают высокий уровень эмоциональной и ценностно-смысловой наполненности. Однако их потенциал как инструмента коррекции представлений о событиях Великой Отечественной войны во многом зависит от такой важной переменной, как наличие у конкретного геймера представлений о значимости и содержании «долга памяти». Которые, как правило, сильно зависят от качества предшествующей мемориальной социализации.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2010. № 2 (57). С. 122–144. [Almond G. A., Verba S. Grahdanskaya kul'tura (Podkhod k izucheniyu politicheskoi kul'tury) (Civil culture (Approach to the study of political culture)) // Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz». 2010. № 2 (57). P. 122–144].
- Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. [Berger, P., Lukman, T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya (Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge). M.: Medium, 1995].

- Верч Т. Нескончаемая война с отголосками и призраками: коллективная память, национальная идентичность и новый фронт американских фильмов и видеоигр // Историческая экспертиза. 2019. № 4 (21). С. 25–41. [Verch T. Neskonchaemaya voyna s otgoloskami i prizrakami: kolektivnaya pamyat', natsional'naya identichnost' i noviy frontir amerikanskikh fil'mov i videoigr (The Endless War with Echoes and Ghosts: Collective Memory, National Identity and the New Frontier of American Films and Video Games) // Istoricheskaya ekspertiza. 2019. № 4 (21). P. 25–41].
- Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 5. С. 206–217. [Dyuverzhe M. Politicheskie instituty i konstitutsionnoe pravo (Political institutions and constitutional law) // Sotsiologiya vlasti. 2011. № 5. P. 206–217].
- Истон Д. Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 5. С. 17–37. [Iston D. Podkhod k analizu politicheskikh sistem (Approach to the analysis of political systems) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2015. № 5. P. 17–37].
- Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. [Pamyat' v Seti: tsifrovoy povорот v memory studies (Memory on the Web: a digital turn in memory studies): sbornik statei pod red. A. F. Pavlovskogo i A. I. Millera. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2023].
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. [Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv (The system of modern societies). M.: Aspekt-Press, 1997].
- Федорченко С.Н. Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. № 5. Том 3. С. 427–438. [Fedorchenko S.N. Interpretatsiya sobytiy Velikoi Otechestvennoi voyny v komp'yuternykh igrah: riski i perspektivy legitimatsii rezhima cherez politiku pamyati // Postsovetskie issledovaniya. 2020. № 5. Tom 3. P. 427–438].
- Черный С.Ю. Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект "Europa Universalis IV") // Шаги-Steps. 2017. Т. 3. № 2. С. 77–96. [Chernyi S.Yu. Konstruirovaniye proshlogo v videoigrakh: igrok kak potrebitel' i soavtor istoricheskogo narrativu (proekt "Europa Universalis IV") (Constructing the past in video games: the player as a consumer and co-author of the historical narrative (project "Europa Universalis IV")) // Shagi-Steps. 2017. T. 3. № 2. P. 77–96].
- Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. [Shyuts A. Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom (Favorites: a world glowing with meaning). M.: ROSSPEN, 2004].
- Ash J. Emerging spatialities of the screen: video games and the reconfiguration of spatial awareness // Environment and Planning A. 2009. № 41(9). P. 2105–2124.
- Bogot I. Persuasive games: The expressive power of video games. Cambridge, England: MIT Press, 2007.
- Devine D. J. America's Way Back: Freedom, Tradition, Constitution. Wilmington, ISI Books, 2013.
- Furman D., Musgrave P. Synthetic Experiences: How Popular Culture Matters for Images of International Relations // International Studies Quarterly. 2017. Vol. 61. Issue 3. P. 503–516.
- Lawler J., Smith S. Reprogramming the History of Video Games: A Historian's Approach to Video Games and Their History // International Public History. 2021. Vol. 4. N 1. P. 47–54.
- Mead C. War Play: Video Games and the Future of Armed Conflict. Boston: Eamon Dolan/Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
- Melissinos C. The Art of Video Games: From Pac-Man to Mass Effect. New York: Welcome Books, 2013.
- Pötzsch H., Šisler V. Playing Cultural Memory: Framing History in Call of Duty: Black Ops and Czechoslovakia 38-89: Assassination // Games and Culture, 2019. N 14(1). P. 3–25.
- Ramsay D. Brutal games: Call of duty and the cultural narrative of World War II // Cinema Journal. 2015. N 54, 94 – 113.
- Reisner C. "The Reality Behind It All Is Very True": Call of duty: Black ops and the remembrance of the cold war. Playing with the past: Digital games and the simulation of history. New York, NY: Bloomsbury. 2016. P. 247–260.
- Schopflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths // Myths and nationhood. N.Y.: Routledge, 1997. P. 19–35.

Белов Сергей Игоревич, доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН; доцент, факультет политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; *Belov2006S@yandex.ru*

History of the Great Patriotic War Within the Call of Duty Game Franchise Figures of Memory and Their Evolution

The presented research is devoted to the study of the evolution of the memorial narrative of the Call of Duty game series in relation to the events of the Great Patriotic War. The theoretical and methodological basis of the work is built by combining functional and cultural-semiotic approaches to the study of social memory, as well as a combination of structural, diachronic and synchronic analysis. The author has identified the key figures of memory within the memorial narrative of games, studied the circumstances of their origin, analyzed the content side of the corresponding images (including aspects of the representation of meanings and values), and studied the trends of their evolution within the development of the franchise. The potential of using video games as an element of the system of socio-cultural memorial practices is assessed.

Keywords: *Great Patriotic War, video games, Call of Duty, social memory, figures of memory.*

Belov Sergey, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, e-mail: *Belov2006S@yandex.ru*

А.А. Мелконян, А.Г. Мурадян, В.Г. Торосян

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРМЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В статье представлен процесс становления исторических текстов в армянских источниках начиная с древнейших времен и до XIV в. н.э. Началом этого процесса условно можно считать появление наскальной живописи – петроглифов – на территории Армянского нагорья с VII тысячелетия до н.э. В дальнейшем подобные тексты встречаются в урартских клинописях начиная с IX в. и до конца VII в. до н.э. Классический этап ранних исторических текстов начинается с создания армянской письменности в 405 г., что нашло отражение в трудах армянских историков V века (Золотой век) Корюна, Агатангелоса, Мовсеса Хоренаци, Фавстоса Бузанда, Егнеше, Лазаря Парпеци. Многие обязательные параметры, характерные для исторических текстов греко-латинской историографии, находим в фундаментальном труде Мовсеса Хоренаци «История Армении». Его труд имеет четкую композицию и является первым систематизированным изложением армянской истории с древнейших времен до середины V в. В нем уделяется особое внимание использованию и всестороннему анализу разных источников, подчеркивается необходимость указания точной хронологии. Расцвет историографии на данном историческом отрезке положительно сказался на развитии исторических текстов последующих периодов.

Ключевые слова: *исторический текст, наскальная живопись, урартские клинописи, древняя и раннесредневековая Армения, Мовсес Хоренаци, Золотой век.*

Каждая сфера науки имеет определенные методы представления своих достижений как научному сообществу, так и широким кругам общественности. Историческая наука в основном представляет свои научные результаты в виде исторических текстов, описывающих те или иные события, процессы, явления и т.д., и необходимым условием для этого является формирование текстов как системы.

Попытаемся в общих чертах рассмотреть процесс становления исторических текстов на территории Армении в древний период на основании первичных его модификаций. Параллельно процессу формирования Homo Sapiens имело место накопление эмпирического знания об окружающем мире, что привело к необходимости создания исторических и повествовательных текстов. Первоначальной формой такого мифического, символического текста явилась наскальная живопись, получившая развитие на территории Армянского нагорья¹ начиная с VII тыс. до н.э. В современной Армении найдено около 13 тысяч петроглифов. Последние в основном были выявлены в высокогорье: на склонах горных хребтов Гехамы, Вардениса, Зангезура, Сюника, Вайка и Карвачара. В Западной Армении они найдены в горах Шатаха и Кордука².

¹ Мартиросян 1970: 384; Тохатян 2011: 169-179; Tokhatyan 2015: 184-205.

² Армянское нагорье являет собой единое целое, где четко прослеживается непрерывность антропологической и этнокультурной картины в пространстве (400.000 км²) и во времени (сотни тысяч лет).

Петроглифы имеют огромное познавательное значение в качестве историко-культурного первоисточника дописьменного периода, весьма красноречиво отражающего далекое прошлое. Они повествуют о жизни и видах деятельности человека, о верованиях, древних обычаях и ритуалах наших предков. В них нашли отражение также мифы и легенды. Наскальная живопись как форма человеческого познания и коммуникации, осуществляя функции выражения, накопления и передачи информации и эмоциональной составляющей жизни, тем самым обеспечивала связь поколений, преемственность жизненного опыта, менталитета и культуры. Разумеется, петроглифы нельзя считать историческими текстами, однако, несомненно, эти рисунки могли стать для них основой.

В 1967 г. архитектором Суреном Петросяном на вершине Варденисского перевала (2410 м) были выявлены древние изображения созвездий – огромные каменные плиты с высеченными на них кольцами³. Будучи установлены на краю древнего караванного пути (ветвь Шелкового Пути), защищенного крепостями и соединяющего бассейн озера Севан с долиной реки Арпа, они служили ориентирами в данной местности. Известный специалист в области истории астрономии, профессор Беник Туманян в 1969 г. идентифицировал эти изображения с зодиакальными созвездиями Льва, Стрельца и Скорпиона⁴. В 1994 г. Карен Тохатян астрономическим методом определил их возраст – XXVII–XXV вв. до н.э.⁵ В течение десятилетий были обнаружены древнейшие обсерватории и строения, датируемые III тыс. до н.э.: Мецамор⁶ (1967), Севсар⁷ (1968), Зорацкар-Караундж⁸ (1986), Когес⁹ (1990).

Огромный массив армянских петроглифов в целом представляет природу, повседневную жизнь человека, результаты его деятельности и его внутренний мир. Петроглифы богаты идеографической символикой, среди них выделяются знаки, напоминающие буквы, но не являющиеся компонентами письма, фонетическими символами. Наблюдается их некое сходство со знаками ряда систем письменности, в частности, хеттолувийских идеограмм, выражающих звук или слог. В наскальных рисунках Армении насчитывается около 100 типов знаков, подобных буквам армянского, финикийского, арамейского, греческого, латинского и других алфавитов. Будучи не в состоянии объективно раскрыть тайны природы, первобытный человек создавал мифологические образы, передавая их из поколения в поколение до тех пор, пока не были найдены первые знаковые письменные записи¹⁰, т.е. иероглифы и клинопись.

³ Петросян 1990: 111.

⁴ Туманян 1972: 107-108.

⁵ Тохатян 2011: 171-172.

⁶ Ханзаян, Мкртчян, Парсамян 1973.

⁷ Петросян 1990: 109.

⁸ Парсамян 1985: 101-103; Геруни 1998: 307-328.

⁹ Тонакян, Тохатян 1991: 31-34.

¹⁰ Лахвицкий 2010: 137.

Характерно, что на одной из глиняных плит VI в. до н.э., найденной на территории Ирака и ныне хранящейся в Британском музее, имеется изображение, фактически являющее собой одну из самых древних карт мира, на которой обозначены три государства того времени: Вавилон, Ассирия и Урарту-Армения¹¹. Армения упоминается во многих источниках соседних государств и народов, начиная с III тыс. до н.э. Можно констатировать, что именно к этому историческому отрезку и восходит формирование исторических текстов – шумеро-аккадских, вавилонских, урартских¹², арамейских и других.

Как известно, одной из первых систем письменности на Земле являются шумеро-аккадские клинописи Месопотамии, датируемые III–II тыс. до н.э. В них сохранились интересные данные о жителях древнейшей страны Армянского нагорья – государства Аратга. В Библии, в истории о Всемирном потопе, повествуется о стране Арарат¹³. И в данном случае исторический текст связан с описанием сотворения мира, в частности, описанием роли горы Арарат в спасении человечества от неминуемой гибели. В дальнейшем исторические тексты появляются в ассирийских, хеттских и урартских клинописях. Они в основном идентичны, так как представляют собой отчеты царей о своих походах, завоеваниях, строительной деятельности, составленные в официальном стиле. Как правило, тексты начинаются с упоминания имени царя и его «славных» предшественников, при этом особо подчеркивается, во имя какого бога они совершают этот поход либо предпринимают строительство городов или каналов. К таким текстам относятся и надписи исторического памятника, известного под названием «Халдийские ворота» или «Дверь Мгера»¹⁴, где представлена мифология, составленная по волеизъявлению Ванского царя Ишпуини (конец IX в. до н.э.). В начале текста указано, что цари Ишпуини и Менуа посвящают эти «ворота» (надпись, высеченную в скале в форме ворот) «Богу Халди».

Самая пространная урартская клинообразная надпись – Хорхорская летопись (в юго-западной стороне крепости Ван) дает нам общее представление о военно-политических деяниях царя Аргишти I¹⁵.

В одной из клинописных надписей известного урартского царя Аргишти I в связи с основанием города Эребуни (ныне Ереван) в 782 г. до н.э. читаем следующее: «Халдиевым величием Аргишти, сын Менуа, эту крепость величественно построил, установил имя Эр(е)буни. (Стране) Биайнили (да будет) могущество, (странам) вражеским – усмирение. Аргишти говорит: Земля пустынной была, (я) совершил подвиги

¹¹ Галчян 2018: 37.

¹² Об урартских клинообразных надписях подробно см.: Арутюнян 2001.

¹³ В Библии Армения, под названием «Арарат», упоминается пять раз: Бытие, 8:4, 4-я книга Царств, 19:37; Книга Товита, 1:24; Книга пророка Исаии, 37:38; Книга пророка Иеремии, 51:27.

¹⁴ Арутюнян 2001: 42-52.

¹⁵ Арутюнян 2001: 155-183.

могучие здесь. Халдиевым величием Аргишти, сын Менуа, – царь могущественный, царь (страны) Биайнили, правитель Тушпы города»¹⁶.

Характерной чертой клинописных текстов является наличие кратких, хронологических летописей, оставленных царями Ассирии, Хатти, Урарту и других древних государств. Со времен Араратского царства – Урарту сохранилось более 1000 клинописей, высеченных на камнях, глиняных черепках, а также около 1500 иероглифов.

Создание классических исторических текстов связано с греко-латинской историографией, основоположником которой является отец греческой истории Геродот (V в. до н.э.). Последнего историки по праву считают создателем исторических текстов. В труде Геродота «История» представлена концепция исторических текстов с введением, основным текстом и выводами. Общая концепция исторической науки, равно как и научные методы текстологии, выдвинутые Геродотом, позднее были использованы такими видными представителями греко-латинской историографии, как Ксенофонт, Страбон, Плутарх, Дион Кассий, Плиний Старший, Тацит и другие. Эту традицию, в частности, в эпоху эллинизма переняли и другие народы, в том числе армяне.

В армянской действительности исторические тексты являлись одной из составляющих народных преданий, которые, передаваясь из уст в уста и таким образом дойдя до первых историков средневековья, заняли достойное место в духовной культуре армянского народа. К примеру, сохранились предания об Айке Наапете (Հայկ Նափփօթ, Naik Nahapet), легендарном прародителе армянского народа, и тиране Ассирии Бэле, об армянском царе Ара Прекрасном и царице Ассирии Семирамиде (Шамирам) и т.д., о которых повествуется в начальной части «Истории Армении» выдающегося армянского историка V в., основоположника армянской историографии Мовсеса Хоренаци, известного как «Отец армянской истории». Примечательно, что как у Плутарха¹⁷, так и в приводимой Мовсесом Хоренаци мифологии исторические тексты составлены на основе использования принципа параллелей, в данном случае сопоставления эпических личностей разных народов.

Создание армянской письменности способствовало зарождению и развитию переводческого искусства, оказавшего большое влияние на формирование армянской литературы. Переводы V века, важнейшим из которых, безусловно, является перевод Библии, представляли собой ритуальные, мартирологические, толковательские и апологетические сочинения, которые были направлены прежде всего на удовлетворение требований церкви и созданных ею структур¹⁸.

Вовсе не случайно создатель армянского алфавита в 405 г. Месроп Маштоц со своими учениками в первую очередь перевел на армянский

¹⁶ Арутюнян 2001: 211-214.

¹⁷ Плутарх 1990.

¹⁸ Тер-Петросян 1984: 5-12.

язык одну из глубоко философских мыслей Библии – из книги Притчей Соломоновых: «Познать мудрость и наставление, понять изречение разума», а Армянская апостольская церковь включила в список национальных праздников Праздник святых переводчиков. На протяжении столетий на армянском языке были созданы десятки тысяч рукописей и книг. Хотя многие из них были уничтожены в результате иноземных нашествий, но до наших дней дошло почти 30 тысяч рукописей, из коих около 15 тысяч ныне хранятся в Ереване, в Институте древних рукописей имени Месропа Маштоца – Матенадаране.

На заре переводческого искусства переводы осуществлялись с ассирийского и греческого языков. Именно в этот период были переведены ценные труды Афанасия Александрийского (IV в.), Евсевия Кесарийского (III–IV вв.), Ефрема Сирина (IV в.), Иоанна Златоуста (IV–V вв.) и других. Среди них – «Церковная история» и «Хроника» Евсевия Кесарийского, оказавшие существенное влияние на армянскую историографию V века. Примечательно, что полная версия «Хроники» сохранилась лишь в армянском переводе. Принцип составления текстов в формате мифических и эпических рассказов, в которых, как правило, побеждают всемогущие герои собственного народа, использован как у Хоренаци, так и в трудах Себеоса (VI в.), Ованеса Драсханакертци (X в.) и других армянских историков средневековья.

Интересно мифологическое описание процесса создания армянского алфавита в 405 г. Месропом Маштоцем, приведенное в книге Мовсеса Хоренаци. После посещения известных городов Востока и безрезультатных усилий на пути создания армянских букв благословенный учитель «...обращается к молитвам. И видит он не сон ночной и не видение наяву, но в бьющемся своем сердце открывается очам души десница, пишущая на камне. Камень же, подобно снегу, сохранил следы начертаний. И не только показалось это ему, но и во всех подробностях отложилось в уме Месропа, словно в каком-то сосуде. И воспрыв от молитв, он создал наши письмена...»¹⁹. Благодаря созданию письменности армянский народ обрел духовную независимость, а армянская культура пережила небывалый расцвет. Неслучайно V век в истории Армении называют «Золотым веком».

Примечательно, что 36 букв армянского алфавита служат также для обозначения цифр. Так, буква Ա (А) – это 1, Բ (Б) – 2, Գ (Г) – 3, Ժ (Ж) – 10, Ի (И) – 20, Ը (Ч) – 100, Ռ (Р) – 1000, Ս (С) – 2000 и т.д.

Какие виды исторических текстов появились в армянской литературе после создания письменности? Во-первых, бурное развитие переводческого искусства было сопряжено с заимствованием многих принципов греческой текстологии. В 60-х годах V в. армянский язык достиг совершенства в плане его упорядоченности и наличия богатой научной терминологии. В арменоведении язык того времени получил название «месроповский» или «армянский Золотого века».

¹⁹ Мовсес Хоренаци 2011: 199.

Второй особенностью исторических текстов в трудах средневековых армянских историков, как было отмечено выше, является изложение событий раннего периода в мифологическом стиле. Один из первых историков V века Агатангелос (Агафангел), используя алфавит, созданный Маштоцем, описывает события начиная с периода распространения христианства в Армении до его принятия в 301 г. в качестве государственной религии. Фавстос Бузанд в религиозно-мифической форме повествует о событиях IV века, Егише – о героической борьбе армянского народа против Персии в 450–451 гг. и т.д. В отличие от них, Мовсес Хоренаци излагает исторические события со дня сотворения мира и генеалогии предков.

Труд Корюна «Житие Маштоца», первенца армянской историографии, является, по сути, агиографическим сочинением, повествующим о жизненном пути святых, в частности, духовных и военных деятелей. Автор описывает жизнь и деятельность своего учителя Месропа Маштоца, чудотворного создателя армянского алфавита.

Этот мифологический жанр литературы нашел отражение и в работах других историков V столетия – Агатангелоса, Мовсеса Хоренаци, Фавстоса Бузанда, Егише и др. В их трудах в качестве святых выступают первопроходцы христианства в Армении, апостолы св. Фаддей и Варфоломей, распространители христианства – святые девы Рипсиме и ее сестры, первый католикос Армянской церкви Григор Лусаворич (Просветитель), царь Трдат (Тиридат) III Великий, полководец (спартапет) Вартан Мамиконян, возглавивший освободительную войну 450–451 гг. и его соратники – Вартананк и др. Ряд этих деятелей погибли в борьбе с язычеством за утверждение христианства, став тем самым мучениками – мучениками, из-за чего Армянской церковью были причислены к лику святых. Подобные агиографические тексты, в которых святые, разумеется, представлены исключительно с положительной стороны, называются мучениковскими. Такого рода тексты характерны и для грузинской литературы раннего средневековья: самым древним и известным из них является труд Якова Цуртавели «Мученичество Шушаник»²⁰.

Все обязательные для исторических текстов параметры находим в фундаментальном труде Мовсеса Хоренаци «История Армении». Данный труд, написанный по велению князя Саака Багратуни, является первым систематизированным изложением армянской истории с древнейших времен до середины V в. Хоренаци уделяет особое внимание изучению и использованию различных источников, в том числе иноязычных (Мар Абас Катина, Вогюмп, Бардацан и др.), а также мехьянов – журналов древнеармянских храмов, подчеркивая необходимость их всестороннего анализа, соблюдения точной хронологии и структуры. Отец армянской истории считает, что «без хронологии нет подлинной исто-

²⁰ Цуртавели 1978.

рии»²¹. Труд Мовсеса Хоренаци имеет четкую структуру. Он состоит из трех книг, представляющих соответствующие исторические периоды: *древний* (с древнейших времен до правления Александра Македонского), *средний* (с IV в. до н.э. – до начала IV в.) и *заключительный* (с IV в. – до 440 г.). Каждая книга имеет подразделы. Всего их насчитывается 68, и они не озаглавлены. Подразделы начинаются с краткого изложения содержания последующих текстов, и таким образом читатель имеет возможность заранее ознакомиться с содержанием данного труда.

В ряду армянских историков V в. Мовсес Хоренаци занимает особое место в плане использования древнегреческих источников. Как отмечает академик Гагик Саркисян, Мовсес Хоренаци – не просто толкователь греческих источников либо компилятор, «а учёный, который не только редактировал имеющиеся в его распоряжении данные, но также исследовал и обрабатывал их на уровне науки своего времени и сделал собственные выводы»²².

Мовсес Хоренаци подчеркивает, что он отдал предпочтение греческим источникам, хотя персидские и халдейские (вавилонские) источники содержали больше информации об армянах. Чем же было обусловлено отмеченное им предпочтение? Главным фактором, пожалуй, было его греческое образование. Помимо этого, как пишет Хоренаци, «многие именитые и посвятившие себя науке мужи из греческого мира пеклись о том, чтобы ввести в греческую словесность не только записи из царских и храмовых архивов других народов, – таковым нам представляется лицо, побудившее к этому Бероса, халдейского мудреца, искусственного во всех науках, – но и величайшие и достойные удивления познания, (которые) они, обретя с трудом в разных местах, собрали и переложили на греческий язык»²³.

Таким образом, Мовсес Хоренаци сообщает, что он использовал свидетельства вавилонских источников благодаря греческим переводам. Среди этих сведений примечателен список семи армянских родоначальников, который, по словам Хоренаци, взят из книги Абидена – автора II века до н.э. «Пусть никто не сомневается: родословие соответствует истине, ибо повествует об этом нам достоверный во многом Абиден и говорит так: «Нин (от) Арбела, Хайала, Арбела, Анебиса, Баба, Бела». Также и наших – от Хайка до Ара Прекрасного, убитого сладострастной Шамирам, перечисляет так: «Ара Прекрасный (от) Арама, Харма, Геламма, Амасии, Араманака, Аайка», который стал противником Бела и, одновременно, его убийцей. Абиден говорит нам об этом в своем первом разделе мелких родословий, которые кто-то потом изъял»²⁴.

Дабы развеять возможные сомнения в достоверности сообщаемых им этнологических списков, Хоренаци спешит заверить, что взял их из

²¹ Мовсес Хоренаци 2011: 133.

²² Саркисян 1956: 42.

²³ Мовсеса Хоренаци 2011: 7.

²⁴ Мовсеса Хоренаци 2011: 13.

греческих источников: «Все это мы нашли действительно в греческой литературе». Историк утверждает, что он использовал факты исключительно из достоверных источников, игнорируя недостоверные: «Мы представили родословие трех сыновей Ноя до Авраама, Нина и Арама, отобразив по мере возможности достоверное из многих повествований. Полагаю, что никто из людей мыслящих не станет возражать против этого, разве лишь тот, кто, вознамерившись нарушить истинный порядок, отдал бы предпочтение легендам перед правдивым словом»²⁵.

Труд Хоренаци пронизан духом патриотизма. Историк с нескрываемой гордостью пишет о своем армянском происхождении, подчеркивая, что, хотя армяне являются немногочисленным народом и «многokrатно были покорены другими государствами, но ведь и в нашей стране свершено много подвигов мужества, достойных быть письменно увековеченными, которые, однако, никто из них не позаботился записать в книги»²⁶. Труд Хоренаци завершается знаменитым «Плачем», в котором автор подвергает резкой критике общественные нравы, имевшие тяжелые последствия как для Отечества, так и для народа.

Труд Мовсеса Хоренаци стал учебным пособием для современников и последующих поколений. С V в. многие авторы по примеру отца армянской историографии свои сочинения также называли «Հայոց պատմություն» – «История Армении», что на древнеармянском (грабаре) одновременно означает «История двух частей Армении: Великой и Малой» и «История армян». Историки V в. следовали принципу хронологического продолжения трудов предшественников, при этом по возможности избегая повтора. В этой связи заслуживает внимания следующее пояснение Павстоса Бузанда: «От проповедничества апостола Фаддея и его мученической кончины до конца проповедничества Григория и его кончины и от апостолаубийцы царя Санатрука до невольного подчинения царя Трдата вере и его кончины, – о прошедших событиях и о житии добродетельных лиц, как и о сопротивлявшихся им и противодействовавших лицах, – обо всем этом уже написано другими»²⁷.

Лазарь Парпеци (V в.) указывает четкие параметры составления исторических текстов. Он считает, что обязан оправдать доверие полководца Вагана Мамиконяна, мецената и заказчика его книги, и написать такой труд, «в котором все должно быть должным образом: правдивое изложение по правилам канонизированной науки, уважительное отношение к истине, чтобы разумные читатели не осуждали, нельзя прибавлять того, чего не было, нельзя славословить, нельзя сокращать существующее и излагать краткую историю в небрежной форме, а [следует] делать это все со здоровой осторожностью»²⁸.

²⁵ Мовсес Хоренаци 2011: 14; О достоверности сведений греческих источников, использованных Мовсесом Хоренаци, подробно см.: Топчян 2001: 53-60;

²⁶ Топчян 2001: 7-8.

²⁷ Павстос Бузанд 1987: 13.

²⁸ Лазарь Парпеци 1982: 17-19.

Средневековые армянские авторы уделяли особое внимание не только сохранению верности структуре и содержанию исторической текстологии, но и внешнему оформлению рукописей. Часто первые буквы слова в абзаце и слова новой главы, подраздела либо страницы изображались художниками-мастерами в виде цветных рисунков в образе птиц, животных и т.д. Этих художников называли цахкох, что в переводе с армянского означает «расцветивающие».

К сожалению, уже в VI в. историография не отличалась таким разнообразием трудов. Язык историографии стал стилистически более упрощенным. Себеос (VII в.), Гевонд (VIII в.), Ованес Драсханакертци (X в.), Аристакеос Ластивертци (XI в.), Киракос Гандзакецци (XIII в.), Закария Канакерци (XVII в.) и др., – продолжая традицию написания трудов под заглавием «История Армении» или просто «История», освещали конкретный этап отечественной истории.

Наиболее ярким представителем историографии следующего периода является Себеос, описавший как очевидец события VII века. Он изложил историю Армении в контексте всемирной истории, акцентируя важнейшие геополитические события того времени – персидско-византийские, арабо-византийские, арабо-персидские войны²⁹. Характеризуя политику держав в отношении Армении, Себеос во многих случаях руководствуется религиозной и конфессиональной ориентацией. Будучи антихалкидонитом, с точки зрения внешнеполитической ориентации Армении, он, в противовес Арабскому халифату, отдает предпочтение христианской, но халкидонской Византии. В работе Себеоса многие исторические данные, в частности, касающиеся истории халифата, подтверждаются сообщениями арабских источников³⁰.

Труд историка VIII века Гевонда является важным источником по периоду арабского господства в Армении и восстаний армян против халифата на протяжении целого столетия. Гевонд проявляет весьма деликатное отношение к историческим текстам, чем и обусловлено частое использование им ремарок – «говорят», «рассказывают» и т.д.³¹.

Следуя Мовсесу Хоренаци, исторические события Гевонд представлял в хронологическом порядке. Гевонд стал одним из первых при уточнении хронологии событий не только ссылаться на даты правления императоров и халифов, но также использовать армянский календарь³².

Очередная подборка оригинальных исторических текстов встречается в трудах, написанных по поручению местных князей и посвященных истории конкретного региона. Первой книгой такого рода является труд Ована Мамиконяна «История Тарона» (VII век), посвященный изложению истории одной из областей Армении – Тарона и известному княжескому роду Мамиконянов.

²⁹ История Себеоса 1979: 5-6.

³⁰ Тер-Гевондян 1988: 121-131.

³¹ Гевонд 1982.

³² Гевонд 1982: 14.

Мовсес Каланкатвази в своем труде «История Албании» описывает исторические события, имевшие место в восточных областях Армении и Закавказья. Свой труд «История княжеского дома Арцруни» (IX–X вв.) Товма Арцруни посвятил истории Ванского (Васпураканского) царства, а автор XIII–XIV вв. Степанос Орбелян свою «Историю области Сюник» – Сюникскому царству. Вышеуказанные сочинения являются важными источниками по средневековой Армении, в которых в то же время присутствует и тенденциозность изложения истории других регионов Армении и их княжеских домов. К примеру, Товма Арцруни выделяет княжеский дом Арцруни, а Степанос Орбелян – Орбелянов.

Труд Степаноса Таронечи (Асохик) «Вселенская история» способствовал формированию традиции написания всеобщей истории. Его примеру следует Вардан Аревелци (XIII в.).

В XII в. получил распространение новый тип исторических трудов в виде хронологий и летописей (работы Маттеоса Урхаеци, Самуела Анеци), а с XIII в. новшеством становятся краткие очерки исторических событий, известные как «мелкие хроники»³³.

Таким образом, армянская историография, пройдя долгий и сложный путь, внесла огромный вклад в формирование и развитие исторических текстов. Нетрудно заметить, что Золотой век заложил основу дальнейшего развития как историографии, так и армянской культуры в целом. В эпоху средневековья историческая наука, развиваясь в нескольких направлениях, достигла ощутимых успехов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арутюнян Н.В. Корпус урартских клинообразных надписей.: Ер.: Изд-во “Гитутюн”, 2001. 542 с. + рис. 183 [Arutyunyan N.V. Korpus urartskih klinoobraznyh nadpisej (Corpus of Urartian Cuneiform Inscriptions). Yerevan: Izd-vo Gitutyun, 2001. 542 p. + picture 183].
- Галчян Р.А. Армения на зарубежных картах. Ер.: Изд-во “Зангак”, 2018. 120 с. (на арм. яз.). [Galichian R.A. Hayastanê otamneri k'arteznerum (Armenia in the maps of foreigners). Yerevan: Izd-vo “Zangak”, 2018. 120 p.].
- Гевонд, Ереван: Изд-во, 1982. 184 с. (на арм. яз.). [Gevond (Ghevond). Erevan, 1982. 184 p.]
- Геродот, История в девяти книгах. Л.: Изд-во Наука, 1972. 600 с. [Herodot Istoriya v devyati knigah (Herodotus: A History in Nine Books). Leningrad: Izd-vo Nauka, 1972. 600 p.]
- Геруни П.М. Доисторическая каменная обсерватория Карахундж-Карениш // Доклады АН. 1998. 4. С. 307-328 [Geruni P.M. Doistoricheskaya kamennaya observatoriya Karahundzh-Karenish (The prehistoric observatory of Carahunge-Carenish) // Doklady AN. 1998. 4. P. 307-328].
- Есипова В.А. Исторические тексты, в составе рукописей XVIII в.: отражение общих процессов в зеркале провинциального собрания https://www.researchgate.net/publication/256294956_Istoriceskie_teksty_v_sostave_rukopisej_XVIII_v_otrazhenie_obsih_processov_v_zerkale_provincialnogo_sobrania
- История Себеоса. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1979. 445 с. (на арм. яз.). [Istoriya Sebeosa (The Story of Sebeos). Erevan: Izd-vo AN Arмянской ССР, 1979. 445 p.]
- Лазарь Парпеци, История Армении. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1982. 537 с. (на арм. яз.). [Lazar' Parpec'i Istoriya Armenii (History of Armenia). Erevan: Izd-vo EGU, 1982. 537 p.]
- Лахвицкий А.Н. Исторический текст: к проблеме становления // Вести Волгоградского госуниверситета. Сер. 7. Философия. 2010. 2. С. 12-137 [Lahvickij A.N. Istoricheskij tekst: k probleme stanovleniya (Historical text: to the problem of formation) // Vesti Volgogradskogo gosuniversiteta. Ser. 7. Filosofiya. 2010. 2. P. 12-137].

³³ См.: Есипова В.А., Исторические тексты в составе рукописей XVIII в. ...

- Мартirosян А.А. Исследование пещер в ущелье р. Раздан и наскальных изображений в Гегамских горах и Шамираме, Археологические открытия 1969 года. М., 1970, С. 384 [Martirosyan A.A. Issledovanie peshcher v ushel'e r. Razdan i naskal'nyh izobrazhenij v Gegamskih gorah i Shamirame, Arheologicheskie otkrytiya 1969 goda (Exploration of caves in the gorge of the river Razdan and rock carvings in the Geghama Mountains and Shamiram, Archaeological discoveries of 1969). Moscow: Izd-vo, 1970, 384 p.]
- Мовсес Хоренаци, История Армении. М.: Изд-во «Союз армян России», 2011. С. 336. [Movses Horenaci Istoriya Armenii (History of Armenia). Moscow: Izd-vo «Soyuz armyan Rossii», 2011. 336 p.]
- Павстос Бузанд, История Армении. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1987. 456 с. (на арм. яз.) [Pavstos Buzand Istoriya Armenii (History of Armenia). Erevan: Izd-vo EGU, 1987. 456 p.]
- Парсамян Э.С. О возможном астрономическом назначении мегалитических колец Ангелакота // Сообщения Бюраканской обсерватории. 1985. 57. С. 101-103 [Parsamyani E.S. O vozmozhnom astronomicheskome naznachenii Megaliticheskikh kolec Angelakota (On the possible astronomical purpose of the Megalithic rings of Angelakot) // Soobshcheniya Byurakanskoj observatorii. 1985. 57. P. 101-103].
- Петросян С.Б. Древнейшие петроглифы Армении, Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Институт археологии АН СССР, 1990. с. 109-111 [Petrosyan S.B. Drevnejshie petroglify Armenii, Problemy izucheniya naskal'nyh izobrazhenij v SSSR (The most ancient petroglyphs of Armenia, Problems of studying rock carvings in the USSR). Moscow: Institut arheologii AN SSSR, 1990. pp. 109-111].
- Плутарх, Избранные жизнеописания в 2-х томах. М.: Изд-во «Правда», 1990. 592 с. [Plutarch Izbrannye zhizneopisaniya v 2-h tomah (Plutarch, Comparative Lives in Two Volumes). Moscow: Izd-vo «Pravda», 1990. 592 p.]
- Саркисян Г.Х. Методика использования источников Мовсеса Хоренаци // Вестник Матенадарана. 1956. 3. С. 31-42 (на арм. яз.) [Sarkisyan G.H. Metodika ispol'zovaniya istochnikov Movsesa Horenatsi (Methodology for using Movses Khorenatsi sources) // Vestnik Matenadarana. 1956. 3. P. 31-42].
- Тер-Гевондян А.Н. Сочинение Себеоса как первоисточник по истории Ближнего Востока VII века // Историко-филологический журнал. 1988. 1. С. 121-131 (на арм. яз.) [Ter-Gevondyan A.N. Sochinenie Sebeosa kak pervoistochnik po istorii Blizhnego o Vostoka VII veka // Istoriko-filogicheskij zhurnal. 1988. 1. P. 121-131].
- Тер-Петросян Л.А. Древнеармянская переводная литература. Ер.: Изд-во «Советакан грох», 1984. 60 с. (на арм. яз.) [Ter-Petrosyan L.A. Drevnearmyanskaya perevodnaya literatura (Armenian ancient translated literature). Er.: Izd-vo «Sovetakan groh», 1984. 60 p.]
- Тонакян А.Г., Тохатян К.С., Заговорят ли камни // Звартноц. 1991. 4. С. 31-34 (на арм. яз.) [Tonakyan A.G., Tohatyan K.S., Zagovoryat li kamni (Will the Stones Speak ?) // Zvartnoc. 1991. 4. P. 31-34].
- Топчян А.Ст. Проблема греческих источников Мовсеса Хоренаци. Ереван: Изд-во Саркис Хаченц, 2001. 191 с. (на арм. яз.) [Topchyan A.St. Problema grecheskikh istochnikov Movsesa Horenatsi (On the problem of the Greek sources of Movses Khorenats). Yerevan: Izd-vo Sargis Khachents, 2001. 191 p.]
- Тохатян К.С. Наскальные изображения Великой Армении: астрономические рисунки и строения // Сборник материалов «Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ / Ред. Е.Ж. Жанпеис, М.: Изд-во, 2011. с. 169-179. [Tohatyan K.S. Naskal'nye izobrazheniya Velikoj Armenii: astronomicheskie risunki i stroeniya (Rock Carvings of Greater Armenia: astronomical drawings and structures) // Sbornik materialov «Mezhdunarodnogo seminaratreninga po istoriko-kul'turnomu naslediyu stran SNG / Ed. By Y. Dz. Dzanpeis Moscow: izd-vo, 2011. p. 169-179].
- Туманян Б. Астрономические наскальные рисунки Армении // Природа. 1972. 3. с. 107-108 [Tumanyan B. Astronomicheskie naskal'nye risunki Armenii (Astronomical rock paintings of Armenia) // Priroda. 1972. 3. P. 107-108].
- Ханзадян Э.В., Мкртчян К.А., Парсамян Э.С. Мецамор. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. 272 с. (на арм. яз.) [Hanzadyan E.V., Mkrtychyan K.A., Parsamyani E.S. Metsamor (Metsamor). Er.: Izd-vo AN Armyanskoj SSR, 1973. P. 272].
- Цуртавели Я. Мученичество Шушаник. Тб.: Мецниереба, 1978. 28 с. [Curtaveli Ya. Muchenichestvo Shushanik (Martyrdom of Shushanik). Tbilisi: Mecniereba, 1978. 28 p.]
- Tokhatyan K.S. Rock carvings of Armenia // Fundamental Armenology. 2015. 2. P. 184-205 <fundamentalarmenology. am/datas/pdfs/180.pdf>.

Мелконян Ашот Агасиевич, доктор исторических наук, академик НАН РА, директор, Институт истории НАН РА, профессор Ереванского государственного университета; ashamelk@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2579-0286>

Мурадян Акоп Гарибович, кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Институт истории НАН РА, muradyanhakob@yahoo.com, patminst@sci.am; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1110-4537>

Торосян Ваге Гамлетович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории НАН РА; vahetorosyan7@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0717-552X>

The Process of Formation of Historical Texts in Ancient and Medieval Armenian Sources

The article presents the process of formation of historical texts in Armenian sources from ancient times to the XIV c. AD. The initial period of this process can be considered the appearance of cave paintings as petroglyphs on the territory of the Armenian Highlands from the 7th millennium BC. The next generation of similar texts appears in the Urartian cuneiforms from the 9th century to the end of the 7th century BC. The classical stage of early historical texts begins after the creation of the Armenian writing in 405 in the works of Armenian historians of the 5th c. (Golden Age) Koryun, Agatangeghos, Movses Khorenatsi, Pavstos Buzand, Yeghishe, Lazar Parpetsi. Many mandatory parameters inherent in the historical texts of Greco-Latin historiography are found in the fundamental work of Movses Khorenatsi "History of Armenia". His work has a clear structure and is the first systematic presentation of Armenian history from ancient times to the period of the author's life – the middle of the 5th c. The author pays special attention to the use and comprehensive analysis of various sources and emphasizes the need for an accurate chronology. The flourishing of historiography of this period had a positive impact on the development of historical texts of subsequent periods.

Keywords: *historical text, Armenian sources, rock art, petroglyphs, Urartian cuneiforms, ancient and early medieval Armenia, Movses Khorenatsi, Golden Age.*

Melkonyan Ashot Aghas, Doctor of History, Academician of NAS RA, Director of the Institute of History National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Professor of Yerevan State University (YSU), ashamelk@yahoo.com

Muradyan Hakob Gharib, PhD (Candidate of History), assistant (associate professor), Scientific Secretary of Institute of History National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, muradyanhakob@yahoo.com, patminst@sci.am

Torosyan Vahe Hamlet, PhD (Candidate of History), assistant (associate professor), Senior Scientific Associate of Institute of History National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, vahetorosyan7@gmail.com

ДРЕВНЕРУССКИЙ ФЛАВИЙ: КАЗУС ТЫСЯЦКОГО ДМИТРА¹

Автор рассказа Галицкой летописи об осаде монголами Киева в 1240 г. уделяет особое внимание главному герою обороны города – воеводе князя Даниила Галицкого Дмитру. Согласно летописи, Дмитр был ранен во время отчаянной битвы, но не казнен победителями, и впоследствии даже давал стратегические советы предводителю Западного похода, Бату. Судьба Дмитра вписывается в распространенную практику привлечения монголами на свою сторону пленных военачальников, но одновременно выделяется на фоне историй о русских князьях-мучениках, отказавшихся быть в «атарской воле». При этом, в рассказе о падении Киева воевода никак не осуждается. С нашей точки зрения, это связано с тем, что история киевского тысяцкого воспринималась в связи с похожей судьбой персонажа, прочно связанного с одним из важнейших событий священной истории – «конечным» падением Иерусалима в 70 г. н.э. Этим персонажем был Иосиф Флавий, знакомый на Руси благодаря переведенной к XIII в. «Истории Иудейской войны». Обороняя город Иотапату, он храбро сражался с римлянами, но был захвачен в плен и перешел на сторону победителей. В этой драме древнерусского автора могли заинтересовать мотивы Иосифа: он описывает свои действия не как предательство, а как сознательное непротивление Божьему гневу на Свой народ. Эти мотивы были подробно описаны в переводном тексте, и они отвечали отношению к монгольскому нашествию на Руси во второй половине XIII века.

Ключевые слова: *осада Киева в 1240 г.; Дмитр; Иосиф Флавий; «История Иудейской войны»; древнерусская литература; Галицкая летопись.*

Главным героем обороны Киева от войск Бату в 1240 г. был тысяцкий Дмитр. Так можно заключить из прочтения соответствующего эпизода «Повести о нашествии Батяя», сохранившейся в галицкой части Галицко-Волынской летописи (далее – Галицкая летопись)². Такое внимание составителя к Дмитру обусловило предположение, что текст создавался в окружении киевского воеводы³. Судьба тысяцкого в самом деле рассказана примечательно: он был оставлен князем Даниилом Галицким оборонять Киев против монголов, отчаянно сражался, но после падения города был помилован завоевателями «мужества ради его», и во время покорения западнорусских княжеств оказался среди советчиков возглавлявшего Западный поход Бату.

В таком изложении эта история имеет интересную литературную параллель: она напоминает судьбу Иосифа Флавия, одного из военачальников иудеев, восставших против римлян в 66–73 гг. н.э., описанную им самим в «Истории Иудейской войны» (далее – «Иудейская война»). В начале противоборства с Римом Иосиф храбро сражался, но тоже попал в плен, был помилован «храбрства его дея и мудрости»⁴ и оказался в стане тех, с кем некогда воевал. На Руси памятник был изве-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00407.

² ПСРЛ 2: 782–786.

³ Пашуто 1950: 18, 44, 85–86; Fennell 1983: 83; Майоров 2012b: 50.

⁴ ИИВ 2004 1: 221.

стен по меньшей мере к середине XIII века, когда был включен в состав Иудейского хронографа⁵, однако следы его бытования прослеживаются и ранее: в частности, в Киевской летописи⁶, кроме того, «несомненные заимствования» из перевода «Иудейской войны», по мнению Н.А. Мещерского, обнаруживаются и в «Слове о полку Игореве»⁷. В пользу работы переводчиков не позднее конца XII века приводятся аргументы, основанные на анализе лексики, грамматики, стилистики текста⁸. Нет сомнений в том, что автор или редактор Галицкой летописи был знаком с этим сочинением: об этом свидетельствуют многочисленные цитаты, давно обнаруженные исследователями⁹. В тексте о взятии Киева небезосновательно видели связь с разрушениями Иерусалима, описанными в «Иудейской войне», прочих хронографических произведениях и библейских книгах, тем не менее в нем присутствуют и цитаты из описания штурма Иотапаты, обороной которой руководил Иосиф. Параллель между историями тысяцкого Дмитра и Иосифа Флавия была найдена А.П. Толочко¹⁰. Для исследователя она стала дополнительным аргументом в пользу того, что весь рассказ о киевской трагедии – выдумка вольтинского хрониста конца XIII в., основанная на литературных шаблонах, почерпнутых в переводных исторических трудах и более древних летописях. С нашей же точки зрения, сходство между судьбами главных героев «Иудейской войны» и Киевской осады неверно объяснять литературными экзерсисами анонимного древнерусского книжника.

Тысяцкий Дмитр – выдуманный или реальный?

Прочие доказательства того, что избыточные по сравнению с другими источниками сведения Галицкой летописи о монгольском нашествии – «плод фантазии» летописца, либо «следующих редакторских амплификаций», собраны в монографии, посвященной текстологии этого памятника¹¹. В том, что касается киевского эпизода, они следующие: его сюжет «структурно имитирует рассказ о взятии Иерусалима Помпеем» из «Иудейской войны», а текст «рассыпается на цепочки заимствований, прямых и скрытых цитат, парафраз, имитаций сюжетных ситуаций». Таким образом, история Дмитра – очередная имитация, а сам Дмитр – литературная фикция, возникшая «из чтения нескольких сцен в хронографической литературе»¹².

Впрочем, разбор эпизода об осаде монголами Киева показывает, что несмотря на кажущуюся схожесть с рассказами об осадах Иерусалима в «Иудейской войне», в нем присутствует ряд индивидуальных

⁵ Алексеев 2008: 112.

⁶ Вилкул 2010: 393.

⁷ Мещерский 1958: 104–105 и далее; см. также: Барсов 1887: 217, 255.

⁸ Мещерский 1958: 97–121; ИИВ 2004 1: 9, 12, 19–26; Пичхадзе 2011: 41.

⁹ Орлов 1926: 117–126; Мещерский 1958: 99–101; Генсьорский 1961: 260, 277; Пауткин 1998; Вилкул 2018; Толочко 2014; ГВЛТ: 22–25.

¹⁰ Толочко 2014: 108; ГВЛТ: 319

¹¹ ГВЛТ: 303–304.

¹² Толочко 2014: 106, 115–116; ГВЛТ: 315–325.

отличий, которые подтверждаются независимыми археологическими и иноязычными источниками. К ним относятся и акцент на разрушении Десятинной церкви, а вовсе не киевской Софии, как можно было бы того ожидать, имитируя средневековый книжник падение Иерусалима, и описываемые особенности городских укреплений, двойная линия обороны, перечень «татарских воевод», подступивших к городу, и пр.¹³

Разумеется, нельзя отрицать прямое цитирование или перефразирование священных текстов и переводных исторических источников. Последние часто воспринимались как повествования о священной истории, и именно поэтому включались в хронографические компиляции¹⁴. Главный вопрос заключается в том, какова была функция такого цитирования. По нашему мнению, при ее поиске необходимо учитывать особенности средневекового миропонимания, в рамках которого события священной истории воспринимались как существующие вне земного времени, и по принципу эха многократно в нем повторяющиеся. Таким образом, в мире существовала вечная соотнесенность божественного и земного, а предназначение летописца состояло в том, чтобы обнаружить в событиях своего времени отпечаток вечности и объяснить их, сравнивая со священной историей¹⁵.

Одним из таких отголосков вечности было Божье наказание избранного народа за преумножение грехов, наиболее тяжелой мерой которого можно считать разрушение иноверцами священного града. Прозизошедшие в древности пленения Иерусалима были хорошо известны, и разрушение Киева слишком близко напоминало эту трагедию священной истории, чтобы книжники XIII в., воспринимавшие «погибель Русской земли» как Божью кару¹⁶, сомневались насчет очередного ее повторения. К тому же, Киев после крещения Руси воспринимался не иначе как «Новый Иерусалим»¹⁷, и такое отождествление не было лишь метафорой, а основывалось на средневековой практике создания и трансляции сакральных пространств, в частности, «*translatio Hierosolymi*»¹⁸.

Для осмысления и должного описания событий такого масштаба как нашествие монголов летописец прибегал к использованию текстов, в которых отражалась священная история, но сами события не выдумывались. Очевидно, что не выдумывались и главные действующие лица: так книжник погрешил бы против Вечности, сымитировав то, чего на самом деле не было. Киев осаждает не Навуходоносор, Помпей или Тит, а Бату, а вместе с Бату – реально существовавшие принцы-Чингизиды и военачальники. Считать, что эпизод с монгольским пленником – выдумка («яша же в нихъ Татарина именемъ Товроуль и ть исповеда имь всю

¹³ Веселов 2023: 54–57, 61.

¹⁴ Живов 2000: 602–603.

¹⁵ См.: Лихачев 1979: 260–261, 271–273.

¹⁶ Лаушкин 2019: 163–193; Рудаков 2014: 82–85.

¹⁷ Ричка 2005: 88–103.

¹⁸ См.: Erdeljan 2017: 53–54.

силоу ихъ»), потому только, что имя пленника «слишком символично»¹⁹, также абсурдно как сомневаться в историчности владевшего русской землей князя Владимира и прочих соименных ему правителей.

Нет оснований считать и тысяцкого Дмитра Галицкой летописи выдуманным персонажем, тем более что история его пленения, как будет показано ниже, типологически хорошо вписывается в практику монгольских завоеваний XIII века.

Рассказ о падении Киева в Галицкой летописи

Галицко-Волынская летопись – устоявшееся в историографии условное название третьей части Ипатьевского свода²⁰. В свою очередь, в этом памятнике нас интересует его первая часть – Галицкая летопись. По мнению лингвистов, она заканчивается на годовой статье 1260 г., с 1261 г. – начинается Волынская (по хронологии Ипатьевского списка): на уровне грамматики очевидно, что, если текст волынской части включает в себя элементы живой разговорной речи, то галицкой – ориентирован на высокие книжные образцы²¹. Такая ориентация отражается не только в лексике, морфологии, синтаксисе, но и в цитировании переводных исторических сочинений: хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, Хронографической Александрии, «Иудейской войны». При этом текстологический анализ определяет границу позднее – по завершении статьи 1265 г.: в последующем тексте цитаты из переводных сочинений хотя и встречаются, но они куда менее значительны и по количеству, и по объему цитируемых фрагментов, очевиднее ориентация автора волынской части на более ранние русские летописные тексты²².

Несовпадение результатов лингвистического и текстологического анализов объясняли позднейшей переработкой волынским книжником статей 1261–1265 гг., изначально написанных галичанином²³, или окончательной общей редактурой составленного из Галицкой и Волынской летописей текста в конце XIII в.²⁴ Впрочем, различия между этими частями в своде настолько заметны, что относить их к творчеству одного автора нет никаких оснований: по языковым характеристикам они отличаются между собой едва ли не больше, чем каждая из них – с любой другой ранней древнерусской летописью²⁵. Предлагалось и более дробное деление памятника, в составе которого выявлялись повести, посвященные отдельным событиям. В числе таких событий – монгольское нашествие на Русь, описываемое в «Повести о нашествии Батяя» (далее – Повесть) или «Побоище Батыевом», как киноварью в Ипатьевском списке озаглавлен этот рассказ²⁶.

¹⁹ ГВЛТ: 344.

²⁰ О традиции именовании памятника см.: Jusupović 2022: x–xiii.

²¹ См. библиографию: Юрьева 2016: 65–66, а также Hristova 2006; Юрьева 2013.

²² Орлов 1926: 114–119; Генсьюский 1958: 10–16; 1961: 48–50; Вилкул 2018: 284–285.

²³ Генсьюский 1958: 99; Юрьева 2016: 66.

²⁴ Вилкул 2018: 286; ГВЛТ: 48–53.

²⁵ Юрьева 2016: 77.

²⁶ ПСРЛ 2: 778–787, 794. Пашуто 1950: 86; Котляр 1997: 110–112, ср.: Майоров 2012b:

С одной стороны, характерные для Галицкой летописи черты, определяемые лингвистами, в Повести без труда обнаруживаются. С другой, нельзя не согласиться с М.С. Грушевским, что на фоне окружающего текста, Повесть заметно выделяется стилистически²⁷. При этом и сама Повесть не однородна. В частности, в рассказе о падении Киева в перечне монгольских «воевод», осаждавших город, назван Гуок и отмечено, что он впоследствии стал ханом («и Кююк иже вратися оуведавъ смерть кановоу и бысть каномъ»), но о записанном перед ним Мунке такого не указано²⁸. Однако в предшествующем тексте, где рассказывается о приходе Мунке под стены Киева за год до трагедии, он уже титулован как Великий хан: «Меньгоуканови же пришедшоу сглядать градъ Кыева»²⁹. Гуок правил Монгольской империей с 1246 по 1248 г., Мунке – с 1251 г., таким образом, можно предположить, что основа рассказа была записана между 1246 и 1251 гг., а позднее дополнялась³⁰.

Кроме того, существуют различия между описаниями покорения монголами Северо-Восточных и Южнорусских земель. Рассказы о событиях на севере отличают яркие речи защитников обреченных городов: «Не оубоимся о прельщньи от нечестивых <...> аще и градъ нашъ пленьше копиемъ возмоуть и смрети ны предасть, азъ о томъ чада поручьникъ есмь, яко венца нетленьнаа от Христа Бога примете» взывает к владимирским воинам и жителям епископ Митрофан³¹, «Яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животь свои за нь. И сде славою сего света приимше, и тамъ небесныя венца от Христа Бога приимемъ» советуются между собой горожане Козельска³². Ничего похожего нет в повествовании о южнорусских землях: сообщения о битвах, по замечанию В.Н. Рудакова, «напоминают сводки с театров военных действий»³³. Разнятся эти части и в устойчивых выражениях, описывающих одни и те же события, например, осаждая Владимир и Козельск «татарь» «борющоуся / бьющимся о градъ»³⁴, а Чернигов и Киев – «объстоупиша / окроужи в силе тяжце»³⁵. Только в северо-восточных городах монголы истребляют население «не пощадеша [от] отрочать до соущихъ млека»³⁶. Наоборот, прямые цитаты из хронографических произведений мы находим лишь в

61–62. Подробно о Повести в составе Галицкой летописи: Майоров 2012а; 2012б.

²⁷ Грушевский 1993: 186.

²⁸ ПСРЛ 2: 785.

²⁹ ПСРЛ 2: 782.

³⁰ Ужанков 1992: 270; ср.: Майоров 2012б: 95, 102, 103.

³¹ ПСРЛ 2: 779–780.

³² ПСРЛ 2: 781.

³³ Рудаков 2014: 78.

³⁴ Такое выражение почти уникально, относительно близкие аналоги находятся только в Киевской летописи: «бьющимся съ града», «ись града крепко бьющимся», «бьющимся из города» (ПСРЛ 2: 359, 457).

³⁵ Выражение «в силе тяжце» довольно устойчиво и многожды встречается в летописных текстах, но в указании на осаду оно очень редко. Ср.: «оступиша Печенизи городъ в силе тяжце», «объседе [Галич] в силе тяжце» (ПСРЛ 2: 53, 759).

³⁶ ПСРЛ 2: 779, 781.

Киевском эпизоде. Прочие обнаруживаемые сюжетные или стилистические параллели с Хроникой Георгия Амартола или «Иудейской войной» нельзя исключать, но точных соответствий они не имеют³⁷.

Таким образом, можно предположить, что эти части Повести Галицкой летописи создавались не одновременно и не одним автором, хотя, вероятно, и редактировались впоследствии. Возможно, общая редактура проявляется в том, что на протяжении всей Повести есть указания на «нечистивость» монголов, их нечеловеческую природу (Бату – «сверепыи зверь»), а потому, всякий, кто попадает в ловушку их «льсти» обречен на гибель: жена Юрия Рязанского, Всеволод, сын Юрия Владимирского, жители Колодяжина. На этом фоне по меньшей мере странно выглядит фигура главного героя обороны Киева, Дмитра.

Кратко напомним, что известно о нем из летописного рассказа. Дмитр был боярином князя Даниила Галицкого, который, захватив Киев, «остави в немь Дмитра, и вдасть Киевъ в роуце Дмитрови обьдержати противоу иноплемьныхъ языкъ». Спустя время под стенами столицы появляется монгольская армия. Дмитр и киевляне отчаянно сражаются, но во время боя за стены города воеводу ранят. Несмотря на то, что «гражане же создаша паки другии град около святое Богородице», Киев был обречен: Десятинная церковь, – последнее прибежище осажденных, – была разрушена, а монголы захватили богатую добычу и плен. По словам летописца, раненого Дмитра победители пощадили «мужьства ради его», и тот сопровождал монголов в их дальнейшем походе. Несколько позднее, во время опустошения Галицко-Волынских земель, Дмитр советует Бату скорее поспешить на завоевание Венгерского королевства: «Не мози стряпати в земле сеи долго время. Ти есть на Оутры оуже поити, аще ли встряпаеши земля ти есть силна, сберуться на тя и не поустяты тебе в землю свою». Мотивом для такого совета, по мнению летописца, послужило то, что Дмитр наблюдал «землю гибноущоу Роускоую», и старался быстрее отвлечь от нее монголов.

Дмитр и Иосиф Флавий

Обратимся к тексту литературной параллели к истории Дмитра – древнерусскому переводу «Иудейской войны»³⁸. Впервые о себе Иосиф пишет во II книге, где повествуется о восстании в Иерусалиме и подготовке к грядущей войне с Римом. В завершении книги повстанцы назначают военачальников в регионы, и Иосифу поручается возглавить оборону Галилеи. Он отправляется готовить область к вторжению, зная, что здесь ожидается первый удар римлян: «и потомъ оустремися [Иосиф – авт.] на оутвержение земли. ведаа яко тоу римляне пристоупятъ» (408а).

Действительно, отправленный на подавление восстания полководец Веспасиан в первую очередь атакует Галилею: «исплньися вся Галилея огнемъ и кровию» (411 в 39–40). После взятия Гадары римская армия движется к Иотапате, оборону которой возглавляет сам Иосиф. Город

³⁷ См.: Орлов 1902: 22; ГВЛТ: 295–296, 302.

³⁸ Далее древнерусский перевод приводится по изданию: ИИВ 2004.

оказывается взят только благодаря предательству, и римляне начинают поиски среди погибших своего главного врага, Иосифа. Обнаружив его заблокированным с группой приспешников в одной из тайных пещер, ему предлагают сдаться. Иосиф принимает предложение и получает помилование, как и Дмитрий, «храбрства его дея и мудрости» (415г 30–31). Впоследствии, после того как Веспасиан и Тит узнают о пророческом даре Иосифа, его держат в чести («и ризы же да емоу честны, и съсоуды и пищу воеводскую» (417б 39–40)), а его главной помощью римлянам становятся уговоры упорствующих в Иерусалиме мятежников сложить оружие (444б 6–446а 34; 448г 39–40; 453а 19–29; 453а 35–453в 18 и пр.).

Примечательно, что именно из эпизода битвы за Иотапату, а не из несравненно более пространный рассказ об осаде Иерусалима, было взято поэтическое описание жестокой сечи во время битвы за Киев:

«Иудейская война»	Галицкая летопись
и бысть видѣти ломъ копиинны, и скрежтание мечное и щити ископани (413в 36–38); стрелы помрачиша светъ (413г 24–25)	и тоу беаше видити ломъ копейны и щеть скепание, стрелы омрачиша свет

Обе фразы отсутствуют в греческом тексте и были добавлены древнерусским переводчиком, при этом первая фраза имеет соответствие и в Киевской летописи («и ту бе видити ломъ копиинны и звукъ оружьинны»³⁹), однако в описании штурма Киева она лексически ближе к «Иудейской войне». Кроме того, ориентация на древнерусские летописные образцы характернее для вольнской части, для галицкой – на хронографические. Отметим и ряд менее очевидных сближений между описаниями осад Киева и Иотапаты:

«Иудейская война»	Галицкая летопись
Иосифови же Матфеину сыну <i>поручиша</i> обе Галилеи и Гамалу (408а 15–17)	[Даниил] <i>вдасть</i> Кыевъ в <i>роуце</i> Дмирови
[Веспасиан] <i>поемъ всю силу</i> , иде на Етапату <...> и две плькома пешець <i>объстоупи градъ</i> (413в 14–17)	Приде Батыи Кыеву в <i>силъ тяжьще</i> , многомъ множествомъ силы своей и <i>окроужи град</i>
[Иотапату можно атаковать] токмо от севера <i>пристоупъ малъ, зане къ дебри кончяшася стены</i> (413г 6–8).	[Монголы штурмуют] <i>подъле вратъ Лядьскихъ, тоу бо беахоу пришли дебри.</i>

Разумеется, надо учитывать, что красочные описания батальных сцен из «Иудейской войны», в т.ч. осады Иотапаты, используются и в других местах летописи⁴⁰, но в этих эпизодах нет персонажей, судьбы которых хотя бы отдаленно напоминали истории Иосифа или Дмитра.

Таким образом, мы имеем не только общую сюжетную линию пленения военачальника, его перехода на сторону победителей, но и опре-

³⁹ ПСРЛ 2: 576; об этом: Мещерский 1958: 105.

⁴⁰ ГВЛТ: 22–25.

деленные лексические и смысловые параллели между рассказами, главными героями в которых являются тысяцкий Дмитр и Иосиф Флавий.

Впрочем, между судьбами наших героев нет и полной тождественности, что свидетельствует о том, что как раз «литературным шаблоном» древнерусский автор не пользовался. В плен Дмитр попал, будучи «изведен язвен», т.е., не вполне по собственному желанию, драматизм же сдачи Иосифа заключался в его добровольном принятии предложения Веспасиана. Кроме того, Дмитр дает Бату совет увести войска из Руси и тем избавить ее от полного разорения, а Иосиф, наоборот, уговаривает осажденных в Иерусалиме соплеменников сдаться. Если бы древнерусский книжник работал шаблонно, ему ничего не стоило бы повторить и пламенные речи иудейского военачальника, тем более что использование монголами парламентеров из числа захваченных знатных лиц при осадах крепостей хорошо известно. Один из ярких примеров, к тому же, содержащийся в Ипатьевском своде, – приказ монгольского военачальника Бурундая Васильку Романовичу уговорить жителей Холма сдаться⁴¹. В Повести упоминается множество западнорусских городов, разоренных монголами после захвата Киева: Владимир Вольнский, Колодяжин, Каменец, Галич. Книжник даже упоминает, что Колодяжин монголы брали «лестью», тем не менее, ни в одном из этих случаев пленный Дмитр не фигурирует. Наоборот, он, будто бы хитростью заставляет монголов покинуть Русские земли.

Такое оправдание летописцем выглядит на первый взгляд неуклюже: если раненый Дмитр был насильно захвачен в плен, то почему предводитель монголов, его главный враг, внимательно прислушивается к его советам («Батыи же послоуша съвета Дмитрова»)? Наоборот, если монголы доверяют Дмитру, то какие есть основания считать его не сломленным пленником? Этот летописный эпизод приобретает смысл, если мы предположим, что книжник имел в виду параллель с биографией автора «Иудейской войны»: последнего римляне держали в чести и прислушивались к его советам. Примечательно, что слова летописи о том, что Бату воспользовался советом Дмитра, подтверждаются независимыми источниками: после взятия Киева на Николин день, т.е., 6 декабря⁴², передовые отряды неприятеля начали разорять венгерское пограничье уже накануне Рождества Господня, т.е., до 25 декабря⁴³, значит, от Днепра до Карпат монголы добрались менее чем за три недели.

Дмитр и монголы

Убедиться в том, что история отношений воеводы с монголами имеет под собой реальные основания, можно обратившись к изучению иностранных источников по монгольским военным кампаниям. В биографии Чань Жоу, командира одного из китайских отрядов, помещенной в династийную хронику «Юань Ши», есть такой эпизод: попав в плен

⁴¹ ПСРЛ 2: 851.

⁴² Maiorov 2016: 482-484.

⁴³ Рогерий 2012: 26.

к монголам, китаец восхитил военачальника победителей гордым отказом преклонить колени, за что получил предложение перейти на сторону Чингисхана с сохранением командной должности и всех воинов своего отряда⁴⁴. Такие пленники, оставленные в живых степными завоевателями за их мужество, оказывались на службе Великого хана. В одних только китайских источниках можно найти множество подобных примеров⁴⁵. Похожие случаи вербовки военных и гражданских чиновников обнаруживаются в истории монгольских завоеваний в Хорезме⁴⁶, Иране⁴⁷, Корее⁴⁸, на Ближнем Востоке⁴⁹. По оценке специально обращавшихся к этому вопросу ученых, такая стратегия Чингисхана и его приемников показала не меньшую эффективность в предприятии по завоеванию мира, чем победы на поле боя⁵⁰. Надо думать, что подобная политика применялась монголами и на русских землях. Глава посольства папы Иннокентия IV к монголам, Иоанн де Плано Карпини, утверждал, что в ставке Великого хана он встретил множество русских и венгров, «которые были с ними [монголами – авт.] – некоторые тридцать лет – и в войнах, и в других обстоятельствах»⁵¹.

После завершения боевых действий новых слуг Великого хана назначали на военно-административные должности в покоренных регионах, и они становились частью основанной на десятичном принципе кочевой иерархической системы. Древнерусская должность Дмитра, тысяцкий, хорошо ей отвечала. Можно предположить, что свидетельство Плано Карпини о начальствовавшем в 1246 г. в Киеве тысячнике⁵² и Галицкой летописи о боярине Дмитре, управлявшем Киевом в 1245 г. от лица князя Ярослава Всеволодовича⁵³, который получил из монгольских рук старейшинство в русской земле («буди ты старей всем князем в Русском языке»⁵⁴), относятся к нашему Дмитру. Если это так, то последний после завершения Западного похода был вновь назначен в Киев воеводой, но уже завоевателями, и в дальнейшей «удерживал» город от лица того, кто был номинальным правителем всей русской земли⁵⁵.

Оправдание Дмитра

Историю Дмитра можно рассматривать как один из многочисленных примеров появления новых, пусть и вынужденных, слуг Великого

⁴⁴ Hsiao 1993: 47.

⁴⁵ ISK1993: 3–74.

⁴⁶ Jackson 2017: 89–91.

⁴⁷ Manz 2015: 13.

⁴⁸ Henthorn 1963: 61, 104.

⁴⁹ Amitai 2007: 132–133.

⁵⁰ ISK1993: xiii.

⁵¹ В другой редакции: «некоторые двадцать [лет], некоторые десять, некоторые больше, некоторые меньше». Карпини 2022: 186. См. также перечисление русских свидетелей путешествия Карпини: Карпини 2022: 190–192.

⁵² Карпини 2022: 173.

⁵³ ПСРЛ 2: 806.

⁵⁴ ПСРЛ 1: 470.

⁵⁵ Развернутую аргументацию см.: Майоров, Веселов 2024.

хана, и ничего необычного в его поведении для монголов не было. Но, как известно, сходные действия могут вызывать полярную оценку в разных культурных контекстах. На фоне прославления в Лаврентьевской летописи подвига князя Василька Константиновича, казненного монголами за отказ «быти въ их воли и воевати с ними»⁵⁶, оценка поступка Дмитра вряд ли могла быть положительной. В том же Ипатьевском своде мы обнаруживаем характерное отношение к тем, кто переметнулся к своим противникам: «дьявольским наущением» объясняет книжник действия киевского тысяцкого Глеба, изменившего своему князю⁵⁷, нет сочувствия и к «на двое бывшему» Андрею, наместнику Даниила Галицкого в Кременце, одновременно служившему Бату⁵⁸. Дело здесь не только в личном отношении хронистов к тому или иному летописному персонажу: сотрудничество с неприятелем сурово осуждалось даже церковными установлениями. В восьмом правиле «Канонического послания» Григория Неокесарийского, известного на Руси в составе Кормчей XIV титулов, древнейший сохранившийся список которой датируется XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 227), тяжкая епитимия налагалась не только на тех, кто вместе с иноверцами участвовал в избиении своих «единоплеменников»-христиан, но и на тех, кто указывал «поганым» «поути или домы», т.е. был проводником и советчиком⁵⁹. Сомнений в том, что венгров на Руси считали христианами, пусть и западного толка, нет. О том, что Бела IV, на завоевание королевства которого так торопил Дмитр монголов, христианин, читаем в Галицкой летописи, цитирующей митрополита Кирилла: «иди к нему [Беле IV] яко крестьянь есть»⁶⁰.

Здесь и могла пригодиться «Иудейская война» Иосифа Флавия, одной из целей создания текста которой было оправдание автора в глазах своих соотечественников и некогда братьев по оружию. Когда Иосиф, будучи блокирован в одной из пещер взятой штурмом Иотапаты, решает сдаться, в качестве главного мотива своего поступка он видел не сохранение жизни, не предательство отечества, но исполнение Божьей воли: «И се Твоимъ Святымъ повелением даю роуце римлянномъ волею, и кленоуся Святымъ Твоимъ Именемъ, яко не живота деля въсхожю, ни предати хотя отечство, но послужити Твоеи славе и силе» (41ба 21–27). В предваряющих строках поясняется, что Иосиф, исполнившись Святого Духа, понял, что римляне отныне избраны Богом как его орудие, и им даруется вся удача и сила (41ба 17–19).

Цитаты, на которые мы ссылаемся, довольно точно передают греческий оригинал⁶¹, значит, можно считать, что они содержались в архетипе древнерусского перевода «Иудейской войны». При этом их идейное содержание очень близко к тому отношению к монгольскому заво-

⁵⁶ ПСРЛ 1: 465.

⁵⁷ ПСРЛ 2: 324.

⁵⁸ ПСРЛ 2: 829; см.: Майоров 2023: 50–52.

⁵⁹ Бенешевич 1906: 610; см.: Лаушкин, 2019: 28, 38–39.

⁶⁰ ПСРЛ 2: 809.

⁶¹ Ср.: Niesse 1894: 321.

еванию, которое можно обнаружить в самых ранних произведениях эпохи ига. В летописном известии 1246 г. об убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора главный герой признает, что «Богъ ны есть предаль и власть нашоу грехъ ради наших во роуце ваши [монголов – *авт.*]⁶², значит, нет постыдного в том, чтобы добровольно прибыть к хану и поклониться ему. Напротив, таким образом князь смиряется с Божьей волей. Похожие формулировки есть во всех ранних проложных редакциях Сказания об ордынских мучениках⁶³. Те же мотивы встречаются и в более поздних текстах XIII в.: летописной статье о Неврюевой рати, некрологе ростовскому князю Глебу Васильковичу, Житии Александра Невского, Словах и поучениях епископа Владимирского Серапиона, постановлениях Собора русской церкви 1273 г.⁶⁴ Смирение, а не борьба с монголами, стало образцом уже в раннем литературном пласте Повести о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи, в которой погибший на р. Сить князь Юрий Всеволодович «новыи Иовъ бысть терпеньемъ и вероу»⁶⁵.

Значит, мотивы поступка Иосифа Флавия в древнерусском переводе «Иудейской войны», вполне отвечали тому пониманию зависимости от монголов, «новому вавилонскому плену», которое получило распространение среди русских книжников уже в XIII в. Представляется, что в таком контексте автор рассказа о падении Киева и рассматривал поступок Дмитра, поэтому в его словах нет осуждения, а использованные им цитаты из осады Йотапаты, вероятно, подчеркивали вневременную связь между судьбами одного из акторов священной истории и современника летописца.

Судьба киевского воеводы Дмитра заметно выделяется на фоне историй о первых русских князьях-мучениках, принявших смерть от руки монголов. Применение сравнительно-исторического метода позволяет реконструировать события, которые произошли с нашим главным героем. Свидетельства иностранных источников хорошо иллюстрируют монгольскую практику переманивания на службу плененных военачальников своих врагов, которые, в том числе, выполняли функции военных экспертов. Дмитр, воевода Галицкого княжества, безусловно, мог выступать в этой роли, о чем и сообщает древнерусский книжник. Одновременно древнерусские домонгольские источники свидетельствуют о том, что подобного рода поведение не было приемлемо в православной среде: предательство и коллаборационизм однозначно осуждались, но Дмитр такому осуждению не подвергается.

На наш взгляд объяснить это можно тем, что в истории киевского воеводы автор рассказа об осаде Киева видел отражение судьбы Иосифа

⁶² ПСРЛ 2: 795.

⁶³ Серебрянский 1915: 51, 57, 61, 66.

⁶⁴ Лаушкин 2019: 162–193.

⁶⁵ ПСРЛ 1: 465; Рудаков 2014: 72–75.

Флавия, знакомой на Руси по переводной «Иудейской войне». К Иосифу относились положительно: «Сей оубо Иосипъ <...> в писании похваленъ, яко истинну писа о пленении Иерусалима и яко Христа ради и по пророчеству Христову такавая погибель бысть Жидомъ. *Сего ради и самъ, оставивъ Иерусалимъ, к Римляномъ и къ Титу отоиде*»⁶⁶. Эта цитата передает главный мотив Иосифа «отойти» к римлянам: принятие воли Бога, наказывающего избранный народ нападением иноплеменных. Именно так и оценивалось монгольское нашествие на Руси XIII в.: как очередное повторение главной трагедии мировой священной истории.

Разумеется, эксплицитных сравнений древнерусского воеводы и античного военачальника в рассказе о монгольском нашествии мы не найдем. Впрочем, их и не могло быть: ни в одном другом месте Галицкой летописи ни ее персонажи, ни события так не описываются. Обнаружить такие сопоставления можно только по косвенным признакам, используя методы текстологии и герменевтики⁶⁷. Что касается текстологии, мы можем говорить о двух прямых заимствованиях и ряде чужих, которые лексически и по смыслу близки к тексту «Иудейской войны», в котором описана битва за Иотапату и сдача Иосифа в плен римлянам. То есть, тот сюжет, в котором составитель рассказа о падении Киева мог найти параллель к истории воеводы Дмитра. С точки зрения цели, которую преследовал автор текста, в сопоставлении Иосифа и Дмитра, очевидно, была возможность оправдать последнего.

Представляется, что в такого рода оправдании больше всех мог быть заинтересован сам Дмитр, а также те, кто входил в его ближайшее окружение. Что касается дальнейшей судьбы тысяцкого, однозначных свидетельств в источниках о ней мы не находим. Впрочем, как отмечалось выше, из данных, которые можно почерпнуть в отчете Плано Карпини и Галицкой летописи, можно предположить, что воевода вновь оказался в Киеве, но уже при новых хозяевах, что вполне отвечало монгольской практике администрирования захваченных земель.

Реминисценции в тексте о падении Киева, на которые уже не раз указывалось исследователями, связаны с разорением Иерусалима, однако западнорусский книжник не стал бы их использовать: в эпоху раздробленности важнейшие центры Руси конструировали собственные священные места, копирующие Иерусалим, среди таких центров был и Галич⁶⁸, но о судьбе самого Галича в тексте указано лишь вскользь. Следовательно, автором рассказа был киевлянин, или по меньшей мере книжник, происходивший из Южной Руси, в которой тоже были знакомы с переводом «Иудейской войны». В таком случае, представления наших предшественников о том, что рассказ составлялся в окружении киевского воеводы, представляются вполне оправданными.

⁶⁶ ПСРЛ 22: 237.

⁶⁷ См.: Данилевский 2004: 32–75.

⁶⁸ Рычка 2005: 210–237.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеев А. А. Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 59. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. С. 63–114 [Alekseev A. A. Interpolycii slavyanskoj versii «Iudejskoj vojny» Iosifa Flavija (Interpolations of the Slavonic version of The Jewish War by Josephus Flavius) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Vol. 59. St. Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2008. P. 63–114].
- Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкования. Т. I. СПб: Типография Императорской АН, 1906. 840 с. [Beneshевич V.N. Drevneslavjanskaya Kormchaya XIV titulov bez tolkovaniya (Old Slavonic Nomocanon of 14 tituli without interpretation). Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj AN, 1906. 840 p.].
- Веселов Ф.Н. Падение Иерусалима и Повесть о взятии Киева в 1240 году: литература и история // Русская литература. 2023, № 2. С. 51–62 [Veselov F.N. Padenie Ierusalima i Povest' o vzyatii Kieva v 1240 godu: literatura i istoriya (The Fall of Jerusalem and the Tale of the Fall of Kiev: Literature and History) // Russkaya literatura. 2023, No 2. P. 51–62].
- Вилкул Т. Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 61. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. С. 382–397 [Vilkul T. L. O hronograficheskikh istochnikah Kievskogo letopisnogo svoda (Towards the chronographic sources of the Kievan chronicle) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Vol. 61. St. Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2010. P. 382–397].
- Вилкул Т.Л. Хронографические заимствования как текстологический маркер в Галицко-Волынской летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. С. 284–285 [Vilkul T.L. Khronograficheskie zaимstvovaniya kak tekstologicheskij marker v Galitsko-Volynskoi letopisi (Chronographic borrowings as a textological marker in Galician-Volhynian chronicle) // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2016 god. Moscow: 'Universitet Dmitriya Pozharskogo', 2018. P. 284–285].
- ГВЛТ: Галицко-Волинский літопис: текстологія / За ред. О.П. Толочко. Київ: Академперіодика, 2020. 929 с. [Galits'ko-Volins'kij litopis: tekstologiya (Galician-Volhynian chronicle: textology) / Ed. O.P. Tolochko. Kіiv: Akademperiodika, 2020. 929 p.].
- Генсьорский А.И. Галицко-Волинский літопис (процес складання; редакції і редактори). Київ: Видництва АН УРСР, 1958. 101 с. [Gens'ors'kij A.I. Galic'ko-Volins'kij litopis (protses skladannya; redaktsii i redaktori) (Galician-Volhynian chronicle: process of composition, editions and editors). L'viv: Vidnictva AN URSSR, 1961. 101 p.].
- Генсьорский А.И. Галицко-Волинский літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Львів: Видництва АН УРСР, 1961. 283 с. [Gens'ors'kij A.I. Galic'ko-Volins'kij litopis. Leksichni, frazeologichni ta stilistichni osoblivosti (Galician-Volhynian chronicle: lexical, phraseological and stylistically features). L'viv: Vidnictva AN URSSR, 1961. 283 p.].
- Грушевський М.С. Історія української літератури. Київ: Либідь, 1993. Т. III. 285 с. [Grushevs'kii M. S. Istoriya ukrains'koї literature (History of the Ukrainian literature). Kіiv: Libid', 1993. Vol. 3. 285 p.].
- Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы историковетоведения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с. [Danilevskij I.N. Povest' vremennyh let: gemenevicheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnyh tekstov (The Tale of the begone tears: hermeneutic grounds for study of chronicle texts). Moscow: Aspekt-Press, 2004. 370 p.].
- Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М.: «Языки русской культуры», 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 586–617. [Zhivov V.M. Osobennosti retseptsii vizantijskoї kul'tury v Drevnei Rusi (Features of reception of Byzantine culture in Old Rus') // Iz istorii russkoї kul'tury. Moscow: 'Yazyki russkoї kul'tury', 2000. Vol. 1: Drevnyaya Rus'. P. 586–617].
- ИИВ: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Подг. А.А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. М.: «Языки русской культуры», 2004. Т. I. 880 с. [‘Istoriya Iudejskoj vojny’ Iosifa Flavija. Drevnerusskij perevod (The Josephus Flavius Jewish War. Old Rus’ translation) / Prep. A.A. Pichkhadze, I. I. Makeeva, G.S. Barankova, A.A. Utkin. Moscow: ‘Yazyki russkoj kul'tury’, 2004. Vol. I. 880 p.].
- Карпини 2022: Иоанн де Плано Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М.: Восточная литература, 2022. 382 с. [Ioann de Plano Carpini. Istoriya mongolov: Tekst, perevod, kommentarii (Giovanni da Pian del Carpine. Historia Mongolorum: text, translation, commentaries) / Ed. A.A. Gorski, V.V. Trepavlov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2022. 382 p.].

- Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. 304 с. [Laushkin A. V. Rus' i sosedi: istoriya etnokontsional'nykh predstavlenij v drevnerusskoj knizhnosti XI–XIII vv. (Rus' and its neighbours: history of ethno-confessional beliefs in Old Rus' literacy of the 11-13 centuries). Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2019. 304 p.]
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с. [Lihachev D.S. Poetika drevnerusskoj literatury (Poetics of Old Rus' literature). Moscow: 'Nauka', 1979. 352 s.]
- Майоров 2012a: Майоров А.В. Повесть о нашествии Батюга в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1. С. 33–94 [Majorov A.V. Povest' o nashestvii Batyuga v Ipat'evskoj letopisi. CHast' pervaya (The Tale of the invasion of Batu in Hupatiev Chronicle. Part one) // *Rossica antiqua*. 2012. No 1. P. 33–94].
- Майоров 2012b: Майоров А.В. Повесть о нашествии Батюга в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2. С. 43–113 [Majorov A.V. Povest' o nashestvii Batyuga v Ipat'evskoj letopisi. CHast' vtoraya (The Tale of the invasion of Batu in Hupatiev Chronicle. Part two) // *Rossica antiqua*. 2012. No 2. P. 43–113].
- Майоров А.В. Милей, Куремса и хан Мунке: Южная Русь под монгольским контролем // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2023. № 2(92). С. 41–56. [Majorov A. V. Milei, Kuremsa i khan Munko: Southern Rus' pod mongol'skim kontrolem (Milei, Kuremsa i Mōngke: Southern Rus' under the Mongol control) // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2023. No 2(92). P. 41–56]
- Майоров А.В., Веселов Ф.Н. Тысяцкий Дмитр: до и после падения Киева // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2024. [Majorov A.V., Veselov F.N. Tysyackij Dmitr: do i posle padeniya Kieva (Dmitr the chiliarch before and after fall of Kiev) // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2024.] [в печати].
- Мешерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.: Издательство АН СССР, 1958. 578 с. [Meshcherskij N.A. Istoriya Iudejskoj vojny Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode (The Josephus Flavius Jewish War in Old Rus' translation). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. 578 p.]
- Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Университетская тип., 1902. 50 с. [Orlov A.S. Ob osobennostyakh formy russkikh voinskikh povestej (konchaya XVII v.) (Concerning features of Old Rus' military tales (till the end of the 17 century)). Moscow: Universitetskaya tip., 1902. 50 p.]
- Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи // *Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР*. Т. 31. Л.: Изд. АН СССР, 1926. С. 93–126 [Orlov A.S. K voprosu ob Ipat'evskoj letopisi (Concerning the Hupatiev Chronicle) // *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR*. Vol. 31. Leningrad: Izd. AN SSSR, 1926. P. 93–126].
- Пауткин А.А. Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1998. Вып. 9. С. 127–134 [Pautkin A.A. Yuzhnorusskie letopiscy XIII veka i perevodnaya istoricheskaya literature (South Rus' chroniclers of the 13 century and translated historical literature) // *Germenevтика drevnerusskoj literatury*. Moscow, 1998. Iss. 9. P. 127–134].
- Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Издательство АН СССР, 1950. 330 с. [Pashuto V.T. Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi (Reviews on the history of the Galician Volhynian Rus'). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 330 p.]
- Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 408 с. [Pichkhadze A.A. Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoj Rusi: lingvisticheskij aspekt (Translation practice in pre-Mongolian Rus': linguistic aspects). Moscow: 'Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi', 2011. 408 p.]
- ПСРЛ 1: Полное собрание русских летописей. М.: «Языки русской культуры», 1997. Т. 1. 733 стб. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (Full Collection of Rus' Chronicles). Moscow: «Yazyki russkoj kultury», 1997. Vol. 1. 733 col.]
- ПСРЛ 2: Полное собрание русских летописей. М.: «Языки русской культуры», 1998. Т. 2. 938 стб. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (Full Collection of Rus' Chronicles). Moscow: «Yazyki russkoj kultury», 1998. Vol. 2. 938 col.]
- ПСРЛ 22: Полное собрание русских летописей. СПб: Тип. М.А. Александрова, 1911. Т. 22. Ч. 1. 568 с. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (Full Collection of Rus' Chronicles). St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova, 1911. Vol. 22. Pt. 1. 568 p.]

- Ричка В.М. Київ – Другий Єрусалим. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. 243 с. [Rychka V.M. Kiïv – Drugij Yerusalam (Kiev – another Jerusalem). Kiïv: Institut istoriï Ukraïni NAN Ukraïni, 2005. 243 p.]
- Рогерий 2012: Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Досаев А.С. (пер. с лат.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. 300 с. [Master Roger. Carmen miserabile super destructione regni Hungariae per Tartaros / Dosaev A.S. (transl.). St. Petersburg: 'Dmitrij Bulanin', 2012. 300 p.]
- Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV в. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Квадрига, 2014. 272 с. [Rudakov V.N. Mongolo-tatars glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII-XV v. (Mongols-Tatars in the eyes of Russian bookmen of the mid. 13 – 15 centuries) Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: 'Kvadriga', 2014. 272 p.]
- Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 494 с. [Serebryanskij N.I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya. Obzor redakcij i teksty. (Old Rus' Princes' Lives. Review of recensions and texts). Moscow: O-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1915. 494 p.]
- Толочко А.П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. 2014. № 22 (2). С. 106–115 [Tolochko A.P. Vzyatie Kievа mongolami: istochniki letopisnogo opisaniya (The capture of Kiev by the Mongols: sources for chronicle depiction) // Palaeoslavica. 2014. No 22 (2). P. 106–115].
- Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 1. С. 247–283 [Uzhankov A.N. 'Letopisets Daniila Galitskogo': redaktsii, vremya sozdaniya (Daniel of Galicia Chronicle: recensions, time of creation) // Germenevtika drevnerusskoi literatury. 1992. Iss. 1. P. 247–283].
- Юрьева И.С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка (2012–2013). М.: Древлехранилище, 2013. С. 135–151. [Yur'eva I.S. Nekotorye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki tak nazываемoi Galitsko-Volynskoi letopisi (Some features of syntax, morphology and lexica of Galician-Volhynian chronicle) // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka (2012–2013). Moscow: 'Drevlekhranilishche', 2013. P. 135–151].
- Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования / Под ред. Й. Комендовой. Оломуц, 2016. С. 65–77 [Yur'eva I.S. Lingvisticheskie parametry stilisticheskikh razlichii mezhdū Galitskoi i Volynskoi letopisyami (Linguistic parameters of the stylistic differences between Galician and Volhynian chronicles) // Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya / Ed. J. Komendová. Olomouc, 2016. P. 65–77]
- Amitai R. Mongol Provincial Administration: Syria in 1260 as a Case-study // In laudem hierosolymitani: studies in Crusades and medieval culture in honour of B. Z. Kedar. Ashgate publ., 2007. P. 117–143.
- Erdeljan E. Chosen places. Constructing New Jerusalem in Slavia Orthodoxa. Leiden, Boston: Brill, 2017. 264 p.
- Fennell J. The crisis of medieval Russia 1200-1304. London: Longman, 1989. 206 p.
- Niesse 1894: Flavii Iosephi Opera / Ed. B. Niesse. Vol. 6: De bello Judaico libros VII. Berolini, 1894. 628 s.
- Henthorn W.E. Korea. The Mongol Invasions. Leiden, Brill, 1963. 252 p.
- Hristova D.S. Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle // Russian History. 2006. Vol. 33, No 2/4. P. 318–329.
- Hsiao S., Chang Jou // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300) / Eds. I. de Rachewiltz et al. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1993. P. 46–59.
- ISK 1993: In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300) / Eds. I. de Rachewiltz et al. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1993. xiv, 808 p.
- Jackson P. The Mongols and the Islamic World. From conquest to conversion. New Heaven and London, 2017. 614 p.
- Jusupović A. The Chronicle of Halych-Volhynia and Historical Collections in Medieval Rus' (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 81). Leiden-Boston: Brill, 2022. 244 p.

Maierov A. The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2016. Vol. 29, Iss. 3. P. 473–499.

Manz B.F. Nomads and Regional Armies in the Middle East // *Nomad Military Power in Iran and Adjacent Areas in the Islamic Period* / Eds. K. Franz, W. Holzwarth. Wiesbaden, 2015. P. 1–28.

Веселов Федор Никитович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *f.veselov@spbu.ru*

Old Rus' Flavius: Casus of Tysiatskii Dmitr

The author of the Galician-Volhynian Chronicle Tale about the siege of Kiev by the Mongols in 1240 pays special attention to the head of the defenders, Dmitr. According to text, Dmitr was wounded during a desperate battle for the town. However, he wasn't executed by the Mongols, but subsequently became an adviser to the leader of the Great Western campaign, Batu. The fate of Dmitr fits well into the widespread Mongol practice of attracting captured military leaders to their side, but at the same time stands out against the background of the Russian martyrs who refused to be in 'Tartar will'. At the same time, the author of the Tale does not condemn the governor in any way. From our point of view, this was due to the fact that history of the Kiev governor was perceived in connection with a similar fate of a character firmly associated with one of the main events in the Sacred history – the fall of Jerusalem in 70 AD. This character was Josephus Flavius, familiar in Rus' thanks to the 13th century Slavonic translation of 'The Jewish War'. Defending the fortress of Jotapata, he bravely fought with the Romans, but, in the end, was captured and went over to the victorious side. In this context, the Old Rus' author might have been interested in Josephus' motives, as he describes them not as betrayal, but as conscious non-resistance to God's Wrath against His people. These motives corresponded well with the attitude towards the Mongol invasion that was established in Rus' during the second half of the 13th century.

Keywords: *Mongol conquests; siege of Kyiv in 1240; Dmitr; Josephus Flavius; "The Jewish War"; Old Russian literature; Galician-Volhynian chronicle, Galician chronicle.*

Fedor N. Veselov, PhD in History, associate professor, St. Petersburg State University. *f.veselov@spbu.ru*

ИКОНОБОРЧЕСТВО И ТЕОРИЯ ОБРАЗА В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ

В настоящей публикации рассматриваются иконоборческие споры в эпоху Реформации в контексте развития конфессиональных культур. В ходе первоначальной полемики об образах 1520-х гг. между Карлштадтом, Лютером и Цвингли сложились определенные представления о священных изображениях, нашедшие отражение в вероучительных текстах и литургической практике двух евангелических конфессий. Реформатство отличал более категоричный запрет на создание сакральных образов (Вторая заповедь декалога) и строгий тип литургического убранства, тогда как в лютеранстве речь шла только о решении ряда дисциплинарных проблем. Само церковное искусство считалось нужным и необходимым. Дальнейшее развитие споров об образах происходило уже в контексте конфессиональных реформ 1520-1540-х гг., когда происходило «очищение» культа, борьба с «вредными» злоупотреблениями и суевериями. При этом культурные практики евангеликов в период ранней конфессионализации были едины и подразумевали использование в проповеди изобразительных искусств и театра, что актуализировало новые иконоборческие споры. Проведенный анализ показал, что виттенбергские теологи исходили из материалистического понимания концепта «образ» как категории мышления. Такая постановка вопроса во многом была обусловлена значением идеи божественного Воплощения (*imago Dei*). Художественный образ, «внешний знак» рассматривался как более эффективный инструмент дидактики. Напротив, Цвингли и его последователи исходили из представления о нематериалистическом Логосе, действующем на сознание человека напрямую. Отсюда пренебрежение к визуальным искусствам: тема просто не поднималась в риторических рассуждениях или упоминалась вскользь. Театр как синтетический вид искусства осмыслялся деятелями евангелических конфессий по-разному. Для богословов Виттенберга это было визуальное, перформативное искусство, ценное, как и художественные полотна, силой своего воздействия. Для цвинглиан – это прежде всего драматическое искусство, вариант исторического нарратива.

Ключевые слова: образы, искусство, Лютер, Карлштадт, Цвингли, театр, Виттенберг, Базель, Греф, Бирк, Меланхтон.

Протестантское иконоборчество – сложная историко-культурная проблема, историография которой насчитывает сотни работ. Первые труды, посвященные иконоборчеству, появились еще в середине XIX в., а наиболее значимые исследования относятся к последним десятилетиям XX в.¹ Можно выделить несколько основных научных направлений в исследовании иконоборчества эпохи Реформации. Во-первых, это изучение локальной истории «Bildsturm», т.е. физического и символического уничтожения образов и культовых предметов (распятий, алтарей, скульптур, барельефов и пр.). Такие акты вандализма, осуществлявшие-

¹ Считается, что организованные в 1983 г. выставки «Лютер и последствия для искусства» (Гамбург) и «Мартин Лютер и Реформация в Германии» (Нюрнберг) значительно способствовали интересу научного сообщества к иконоборческой проблематике. Во второй половине 1980-х гг. состоялись три тематических коллоквиума: в Вольфенбюттеле, Стамбуле и Страсбурге, начали работу семинары в Цюрихе и Вольфенбюттеле. Подборный обзор историографии с начала по конец XX в.: Schnitzler 1996: 10–14. И с учетом более современных работ: Litz 2007a: 8–19.

ся наиболее радикальными социальными группами (часто – студентами и молодежью), нередко убеждали власти приступить к реформированию церкви. Хрестоматийные примеры – Виттенберг, Базель и Страсбург². Иконоборческие выступления, однако, далеко не всегда приводили к утверждению Реформации, а некоторые земли (например, Швабия) вообще не знали иконоборчества³. Вторая группа исследований посвящена изучению полемики об образах и мировоззренческих основ иконоборчества⁴. В рамках этого подхода эпоха Реформации нередко осмысливается в более широком контексте: в связи с позднесредневековой и гуманистической критикой иконопочитания и культа образов⁵, в сравнении с иконоборчеством в ранней Византии и в эпоху Модерна⁶. В новейших исследованиях, однако, заметен интерес к локальному культурному контексту и попытки ранжирования разнообразных процессов, объединенных под общим понятием иконоборчества (борьба с местными культами, социальный протест и пр.)⁷. Третья группа исследований подразумевает изучение эстетики «иконаборческих» церквей. В конце 1970-х гг. историки искусства обратились к анализу сохранившихся во время иконоборчества «артефактов»⁸. Начались исследования литургического убранства евангелических церквей и закономерностей развития искусства в протестантских регионах⁹. С конца 1990-х гг. исследования приобретают более выраженный междисциплинарный характер¹⁰.

Сегодня иконоборчество рассматривается в контексте всеобъемлющей реформы ритуала¹¹. Определенным итогом иконоборческих исследований последней четверти XX в. являются выставки «Иконоборчество: безумие или Божья воля», прошедшая в Страсбурге в 2000 г., а также специальный выпуск журнала «История искусств», посвященный XVI веку, под редакцией Б. Хил¹². Что касается отечественной историографии, то работ, посвященных рассматриваемой проблеме, немного: теме не уделяли отдельного внимания ни в дореволюционный, ни в советский периоды. В современной историографии к теме наблюдается определенный интерес в религиозных и культурологических исследованиях (например, статья А. В. Иванкиной, посвященная иконоборчеству в Нидерландах, и диссертация А. А. Копцева¹³). Работая в парадигме сравнительного систематического богословия и опираясь на авторитетные европейские и англо-американские исследования, автор уделяет

² См., например: Wartenberg 1997; Eire 1986: 115–119; Wandel 1994: 149–150.

³ Litz 2007b: 108.

⁴ Michalski 2007.

⁵ Eire 1986; Schnitzler 1996.

⁶ Warnke 1998; Безансон 1999; Feedberg 2021.

⁷ Wandel 1994; Burg 2002; Roberts 2010.

⁸ Fritz 1997.

⁹ Naegeli, Hobi 1981.

¹⁰ Heal 2017a; Blickle, Holenstein, Schmidt, Slad 2002.

¹¹ Krentz 2020.

¹² Wirth 2001; Heal 2017b.

¹³ Иванкина 2019; Копцев 2017: 115–191.

значительное внимание иконоборческой полемике в эпоху Реформации и особенно представлениям Кальвина. В настоящей статье, однако, мы рассматриваем полемику 1520-х гг. несколько подробнее и на материале оригинальных источников. Кроме того, нас интересует сюжет о развитии иконоборческой полемики в период ранней конфессионализации.

Иконоборческая полемика 1520-х гг.

Наслаждение произведениями искусства, телесное соприкосновение с сакральными изображениями и молитвенное созерцание были неотъемлемой частью средневекового благочестия¹⁴. Значение образов в религиозной жизни общества существенно возросло в XIV–XV вв., в т.ч. под влиянием деятельности мирских братств по переписки книг и тиражированию изображений. В схоластическом богословии была предпринята попытка осмыслить природу образов, их иерархию и место в христианском культе¹⁵. Это укрепило культовый авторитет изображений, почти уравнивая их с мощами и реликвиями. С почитанием образом возросла и критика злоупотреблений: народных предрассудков, расходов на «благолепие», продажу индульгенций паломникам. Дисциплинарные проблемы сами по себе, однако, не были аргументом против искусства. Ценили его и реформаторы Лютер, Цвингли, и Карлштадт, хотя и разделяли негодование по поводу злоупотреблений.

О сотрудничестве Лютера с Кранахом и о его личном вкладе в развитие евангелического искусства широко известно¹⁶. В его проповедях образы, вдохновленные позднесредневековым искусством, играют значимую роль. Так, например, он призывает верующих к сосредоточению на образе Страстей Христовых, хотя и осуждает суеверное отношение к самой мистерии¹⁷. В подробностях описывает Лютер райский сад, в котором играют и поют дети в золотых кафтанах, а на деревьях растут дудочки и пр., в наставлении своему четырехлетнему сыну Гансу¹⁸. Публичная деятельность Лютера говорит о его любви к театральным эффектам. Узнав о своем отлучении, он устраивает карнавальную процессию и бросает в костер буллу и картонную тиару понтифика, сорванную с головы ряженого студента. Вернувшись в 1522 г. в Виттенберг из Варбургского заключения в разгар иконоборческих волнений, Лютер демонстративно носил тонзуру – символ постепенной реформы церкви и сохранения ее традиций. Нет оснований не верить Ульриху Цвингли, когда он, гуманистически образованный человек, поэт и музыкант, говорит о себе, как о ценителе «картин, скульптур и образов», как я». ¹⁹ Известно, что цюрихский реформатор, как и Лютер сотрудничал с кни-

¹⁴ Os 1994; Scribner 1990: 9-20.

¹⁵ Безансон 1999: 167–181.

¹⁶ Например, см., классический труд: Ozment 2012.

¹⁷ D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe 2: 136-142 (далее – WA с указанием серии).

¹⁸ WA Briefe 5: 337-338.

¹⁹ Zwinglis Sämtliche Werke 3: 906; 4: 84.

гоиздателями и лично работал над созданием иллюстраций²⁰. Цвингли также ценил выразительность поэтического слова, и на протяжении нескольких лет вдохновлялся стихотворением Эразма о Христе, насыщенным символической образностью. Про личное отношение Карлштадта к искусству известно мало. Отметим только, что в 1519 г., разрабатывая учение об оправдании, именно он разработал первую реформационную гравюру²¹. Немаловажно, что в ходе развития иконоборчества в Виттенберге он был далеко от вандализма и, как показывает Л. П. Вандел, призывал к мирному «очищению церквей»²². Таким образом, у нас нет оснований предполагать личную неприязнь деятелей Реформации к изобразительному искусству: дискуссия, разразившаяся в 1522-1525-х гг. между ними, была богословским ответом на вызовы, поставленные развитием стихийного иконоборчества.

Первые иконоборческие прецеденты зафиксированы в цюрихском диоцезе в начале 1520-х гг.²³ Это были, однако, единичные случаи «святоотатства», по всей видимости, не имевшие широкого резонанса. Иного рода были события произошли летом 1521 г. в Эрфурте, Цвиккау и Трептове²⁴. Затем эрфуртские студенты «принесли» иконоборчество в Виттенберг²⁵. В начале декабря 1521 г., накануне дня Св. Николая, они попортили деревянный алтарь и скульптуру св. Франциска во дворе францисканской церкви. Вмешательство курфюрста и работа визитаторской комиссии на время приостановило волнения. Через месяц, в канун Сочельника, студенты «отрубили голову» статуи Св. Франциска в монастырской церкви и забросали камнями образ Благовещенья²⁶. «Идолы» фактически предали публичной казни²⁷. На следующий день беспорядки продолжились. Рождественское богослужение в монастыре прерывалось песнями и угрозами, доносившимися с улицы. В это время в Замковую церковь, где Андреас Карлштадт, профессор Виттенберга и приверженец Лютера, причащал мирян под двумя видами, стянулись толпы горожан. Обновленную мессу служили также на Праздник обрезания Господня и Богоявления. Тогда же состоялся диспут о монашеских обетах в Черном монастыре августинцев, после которого по инициативе Габриеля Цвиллинга были сожжены алтари, распятия, образы и скульптуры и пр. церковная утварь²⁸. Беспорядки росли, особенно после прибытия в город цвиккауских пророков. По совету Карлштадта, Йонаса и Арнштадта городские власти в конце января издали постановление, предписывающее удалять образы по установленному поряд-

²⁰ Göttler 1984.

²¹ Erwin 1979.

²² Wandel 1994: 8.

²³ Jezler 1990: 146-147.

²⁴ Koerner 2004: 86-87.

²⁵ Heal 2017: 16-18.

²⁶ Müller 1911: 27

²⁷ Wandel 1994: 10-11.

²⁸ Heal 2017: 17.

ку. Этот церковный устав также предписывал сохранить в городской церкви Св. Марии три алтаря²⁹.

В качестве своеобразного разъяснения к действиям властей был опубликован трактат Андреаса Карлштадта «Об удалении образов, и о том, что не должно быть нищих среди христиан» (1522)³⁰. Богослов, однако, заходит дальше умеренных литургических преобразований, призывая к полному отказу от изображений. Многократно повторяется идея, что для наставления верующих должно использовать Слово, а не образы, которые «не ведут дальше плоти». Распятие, например, по Карлштадту, показывает только то, что Христос умер на кресте, но не показывают, ради чего. Таким образом, картины бесполезны для Спасения, и должны быть удалены, согласно Первой заповеди (Исх. 20, 4). Позднее, уже в полемике с Лютером, Карлштадт все чаще подчеркивает мотив заботы о простых, неграмотных людях, о «малых сих», отношения которых с образами от сравнивает с ребенком с ножом в руках. В сочинении «О многообразии единой воли Божией» Карлштадт со свойственной ему резкостью назвал использование молитвенных образов даже в личной молитве духовным прелюбодеянием. Трактат быстро распространился по всей Германии и соседним регионам, вызывая брожение идей и вспышки иконоборчества. С именем реформатора связано, например, начало волнений в Нюрнберге, тогда как в Цюрихе сыграло роль переложение его сочинения Людвигом Хэтцером³¹.

Лютер вернулся в Виттенберг в марте 1522 г., непосредственно перед началом Великого Поста. Сразу же начав проповедь в городской церкви, он авторитетно высказался по ряду животрепещущих вопросов, в том числе и относительно образов. Подробнее всего его взгляды раскрыты в Четвертой проповеди на Великий Пост, в том же году изданной в Аугсбурге. Полное собрание великопостных проповедей увидело свет в 1523 г. Н. Кренц считает, что именно распространение печатного текста остановило иконоборчество³².

Лютер рассуждал здраво и подчеркивал, что не все образы подлежат уничтожению. Есть вредные идолы и есть полезные изображения, которые служат для напоминания (к их числу он относил распятие, портреты святых и пр.). Ссылаясь на Евангелие от Матфея (Мф. 22, 9), Лютер подчеркивает, что Христос не противился использованию монет с изображением кесаря.³³ Во-вторых, Лютер осуждает беспорядочное удаление образов, насилие и кровопролитие, так непохожее на действия Христа и апостолов³⁴. В этот же период был опубликован сентябрьский Новый Завет с иллюстрациями Кранаха и Кристиана Дёринга,³⁵ ис-

²⁹ Dörner 2015: 138-143.

³⁰ Stirm 1977: 38-39.

³¹ Eire 1986: 92.

³² Krentz 2020: 221, 232-234. См.: Stirm 1977: 30-31.

³³ WA 10/3: 21-30.

³⁴ WA 10/3: 26-36.

³⁵ Reinitzler 1983: 114-116.

правлен и переиздан новый молитвослов, также имевший иллюстрации (образы Моисея, Троицы, Распятия, Благовещения и т.д.)³⁶. Книжная политика, на наш взгляд, наглядно демонстрировала позицию Виттенберга относительно изображений.

Наконец, в 1524 г. был написан и издан полемический текст «Против пророков Царствия небесного», в котором Лютер осудил как евхаристическое учение Карлштадта, так и его иконоборчество³⁷. Аргументация Лютера во многом построена на новом понимании Ветхого Завета, выработанном во время чтения проповедей и лекций на книгу Бытия (с марта 1523 г. по сентябрь 1524 г.)³⁸. Лютер, как справедливо замечает С. Айер, не согласился с фундаменталистской интерпретацией первой заповеди Карлштадта, поскольку исходил из разделения Закон Моисеева (от исполнения которого христиане свободны) от универсальных Божьих установлений³⁹. Следовательно, он полагал, что Декалог запрещает поклонение изображениям, а не существование священных образов. В доказательство Лютер приводит библейские прецеденты: алтари, воздвигнутые Ноем и Авраамом (Gen. 8:20, 12:7), херувимов, украшавших Ковчег Завета (Ed. 25:18, 37:7), диоскура на корабле Павла (Деян. 28:11)⁴⁰. Для Лютера было само собой разумеющимся, что образы можно использовать в качестве напоминания, свидетельства и знака.⁴¹

Возможность изображения Христа Лютер не ставит под сомнение: само воплощение сделало это возможным. Важен и увещательный тон Лютера, подчеркивающего, что главное оружие в борьбе с идолами – проповедь. Заметим, что при этом Лютер в корреспонденции и частных обращениях выражал осуждение по поводу некоторых злоупотреблений («вредных идолов») в Айхене, Гримментале и Бирнбауме⁴². Однако в этом не было никакого противоречия. Лютер видел процесс очищения церкви результатом духовного преобразования верующих, и стремился избежать механической замены одного идола другим (статуи святых – белыми стенами)⁴³. В немецких исследованиях обычно подчеркивается, что Лютер в решении этого, а также некоторых других литургических вопросов исходил из понятия адиафоры⁴⁴. В более позднем сочинении о «Вечере Христовой» (1528) реформатор подчеркивает, что образы из Писания и других хороших историй полезны, если использовать их «свободно» и «с умом»⁴⁵.

³⁶ Лурье 2020: 324–325.

³⁷ WA 18: 62–215. Почти все эти идеи также отражены в посланиях к саксонскому курфюрсту: WA 18: 67, 9–13.

³⁸ WA 14:92.

³⁹ Eire 1986: 70.

⁴⁰ WA 18, 74–75, 78–79.

⁴¹ zum Ansehen, zum Zeugnis, zum Gedächtnis, zum Zeichen (WA 18: 70–78, 80).

⁴² Loewe, Firth 2022: 105–108.

⁴³ WA 18: 67–68.

⁴⁴ WA 18: 68; 10/3: 30–32. См.: Kaufmann 2002: 407–408.

⁴⁵ WA 26: 509.

Позиция швейцарских реформаторов, как показали последние исследования, не находились в прямой зависимости от идей Карлштадта. Цвингли исходил из необходимости убрать из церкви все то, что может нанести вред истинному поклонению. В своих проповедях, начиная с 1519 г., он критикует злоупотребления, связанные с образами, как часть общей критики папистского ложного культа⁴⁶. Возможно, под влиянием этих идей через несколько некая горожанка Доротея Гёльднис забрала пожертвованный церкви образ и сожгла его. Освальд Миконий обратился с Цвингли с просьбой прокомментировать этот прецедент. По мнению цюрихского реформатора, женщине следует скорее согласиться на мученичество, нежели заказать новый образ, однако он считает необходимым компенсировать церкви финансовый ущерб⁴⁷.

В сентябре 1523 г. Цвингли и Лео Юд начали проповедовать об очищении церковью от идолов. В результате начались волнения «энтузиастов», и городской совет был вынужден урегулировать ситуацию. Вопрос об образах был вынесен на обсуждение на Первом и Втором Цюрихском диспутах⁴⁸. И летом 1524 г. Цвингли удалось добиться реализации литургической реформы: изображения были забелены, вынесены скульптуры и алтари, устранены распятия и свечи, т.е. из церкви удалено все, что было связано с католическим культом⁴⁹.

После этих прецедентов Цвингли коснулся проблемы в нескольких сочинениях: в «О тех, кто является причиной беспорядков», «Кратком христианском наставлении», «Совете о Мессе и образах», «Кратком ответе Валентину Компару», «Об истинной и ложной религии» и наконец «Об инттингерских спорах»⁵⁰. Согласно Цвингли, первая Заповедь запрещает создание культовых изображений: ни Бога, ни тем более святых. Цвингли подчёркивал, что Новый Завет не отменил этот запрет, ссылаясь, в частности, на Первое послание к галатам (Гал 5, 20) и Первое послание Иоанна (1 Ин 5, 21)⁵¹. Хотя само по себе создание образов естественно для человека – творца по своей природе,⁵² материалистический язык изобразительного искусства не может, по Цвингли, передать божественность⁵³. Изображения Христа допустимы, но не приветствуются: если полотна и скульптуры будут находиться в церквях, это приведет к идолопоклонничеству⁵⁴. Лютеранская аргументация в защиту церковного искусства была рассмотрена на Бернском диспуте 1528 г. Один из оппонентов говорил о пользе искусства для научения

⁴⁶ Locher 1981; Исаев 2018.

⁴⁷ Garside 1966: 149.

⁴⁸ Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke 2: 672; Eire 1986: 92; Jetzler 1990: 147-148.

⁴⁹ Таценко 2017: 179.

⁵⁰ Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke 2: 654-659; 3: 115-116, 129-131, 408, 524-529, 900-907; 4: 84-86.

⁵¹ Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke 2: 691.

⁵² Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke 2: 343-344. См.: Копцев 2017: 138.

⁵³ Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke 2: 656-657.

⁵⁴ Michalski 1993: 54.

безграмотных, отмечая недопустимость поклонения изображениям. Были приведены два главных для Лютера ветхозаветных прецедента: херувимы, украшавшие ковчег, и медный змий. Цвингли противопоставляет толкованию Лютера иное прочтение, исходя из основного принципа гуманистической экзегезы: противопоставлении Буквы и Духа,⁵⁵. Херувимов он трактует аллегорически как образ благодати Христовой, о которой только и должно помнить в церкви, тогда как история Медного змия, напротив, прочитана им буквально – как предостережение против идолопоклонства⁵⁶.

Таким образом, в ходе полемики об образах в первой половине 1520-х иконоборческий вопрос был в общих чертах решен, что нашло отражение в вероучительных текстах обеих конфессий. В редакции Декалога, предложенной Лютером, запрет создавать образы рассматривается как пояснение к первой заповеди и не звучит⁵⁷. В реформатских катехизисах Лео Юда требование «не создавать кумира» представлено как вторая, самостоятельная заповедь⁵⁸. Кроме того, к концу рассматриваемого периода сложилось два типа литургического убранства, ассоциировавшегося с Виттенбергом и с Цюрихом. С конца 1520-х гг. активно развивается лютеранское церковное искусство – алтари, мемории, эпитафии.⁵⁹ В реформатских церквях были оставлены витражи, не представлявшие опасности идолопоклонства, некоторые внешние барельефы (скорее светского характера), отдельные статуи⁶⁰. Принципиальной особенностью был полный отказ от изображения Распятия, по-прежнему важного для лютеран. Таким образом, наличие или отсутствие изображений в церковном пространстве служило «маркерами» принадлежности к тому или иному направлению Реформации.

Теория образа в конфессиональной мысли

С конца 1520-х на образовавшихся по вероисповедальному принципу территориях началось переустройство религиозной и социальной жизни, подразумевавшее «очищение» церквей, борьбу с «вредными» культами, замещение старых культурных практик новыми. Большую роль в этом процессе играли представители «второго поколения» Реформации, творцы конфессиональной культуры, которые создавали духовные песни, писали драматические сочинения, сотрудничали с книгопечатниками, художниками, граверами, определяя содержание изобразительного искусства⁶¹. Их творческая деятельность, однако, могла вызывать непонимание городской общественности или даже противодействие. Камнем преткновения в 1540-е часто выступали театральные по-

⁵⁵ McGrath 1987: 154-157.

⁵⁶ Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke 6/1: 416-420.

⁵⁷ Stirn 1977: 18-22.

⁵⁸ Jaggi 2007: 42.

⁵⁹ Лучшее исследование об иконографии лютеранского сакрального искусства уже многократно упоминавшаяся работа Б. Хил: Neal 2017.

⁶⁰ Jaggi 2020.

⁶¹ См.: Лурье 2015.

становки, которые ассоциировались с неподобающим язычеством, «папистскими пережитками» или осквернением Св. Писания. Например, через восемь лет после принятия Реформации в Ангальт-Дессау, в 1542 г., в герцогстве разразился спор о пасхальных постановках. Если со светским и ветхозаветным театром местные проповедники были готовы смириться, то, когда Иоахим Грэф создал аналог католических пасхальных мистерий, потребовалось вмешательство Виттенберга⁶². Почти в это же время в Аугсбурге под запрет попал школьный театр Сикста Бирка. Литератор также попробовал собрать мнение богословских авторитетов (швейцарских реформаторов – Амвросия Бларера, Генриха Буллингера и др.) в защиту этой практики, но безуспешно⁶³. Подобные прецеденты говорят о том, что иконоборческий спор не был завершен, однако его решение требовало несколько иной аргументации, нежели та, которая использовалась в первоначальной полемике.

Теологи Виттенберг, как показывает С.Л. Слабельска, были близки в понимании этого концепта Аристотелю, исходившему из единства мысли и воображения⁶⁴. Одним из отличий именно такого представления является описание речи и мышления через метафоры художественного творчества. В культуре Северного гуманизма ближайшим предшественников реформаторов оказывается Рудольф Агрикола, говоривший о необходимости «не только описывать [словами] вещи, но писать их красками или лепить»⁶⁵.

В произведениях Лютера мы часто встречаем схожие описание. Например, реформатор говорил об апостоле Павле как талантливом художнике и гравёре («ein rechter maler und bildschnitzer»), а о евангельских метафорах – как о «рисунке»⁶⁶. В раннем сочинении «О подготовке к смерти» звучит мысль о том, образ распятого Христа и его возлюбленных святых должен быть «выгравирован» в сердцах верующий.⁶⁷ При этом Лютер исходил из невозможности мысли абстрактной⁶⁸. По его мнению, образы в сознании возникают как под воздействием слов, так и под воздействием внешних образов – как «отпечатки». Поскольку это особенность человеческой природы, то любящий Бог Лютера и в этом вопросе нисходит к людям: «недоступный в Его высшей тайне, скрытой непроницаемой тьмой» Он, воплотившись во Христе и явленный в церкви, стал видим «для очей веры»⁶⁹. В двух поздних проповедях, посвященных крещению Иисуса (Ин 3:22) и трапезе Господней реформатор раскрывает проблему внешних знаков – таинств, литургии и назидательных изображений. Знаки наряду с библейским словом даны,

⁶² Burg 2002: 140-141; Loewe, Firth 2022: 105-108.

⁶³ Pfeiffer 2017: 50-51.

⁶⁴ Szabelska 2005: 69.

⁶⁵ Szabelska 2005: 58-61.

⁶⁶ WA 2: 399; WA 36: 579, 639, 640. См.: Michael 2012: 115-118.

⁶⁷ WA 2: 689. Подробнее см.: Stoller 2011.

⁶⁸ Heal 2017: 16, 20-22; Stirm 1977: 91.

⁶⁹ Avis 1983: 105.

«чтобы люди получили возможность постигать физическим взглядом любовь Бога и церковь»⁷⁰. Таким образом, вербальные и визуальные искусства в равной мере подчинены задачам проповеди и вполне естественно то, что должны были осмысляться в категориях риторики.

Риторическая традиция конфессиональной эпохи отличается в первую очередь специфической *моделью организации мысли*⁷¹. Принцип, согласно которому общая тема (*topoi, loci*) должна быть раскрыта на конкретном материале (*imago, exemplum*), последовательно описан в работах Филиппа Меланхтона. Евангелический гуманист в таких трудах как «Общие вопросы богословия» (1522), «Обязанности проповедника» (1529) и «Элементы риторики» (1532) также предложил определенный набор «общих тем», отличительный для евангелического богословия⁷². Анализ виттенбергских книжных изданий показывает, что иллюстрации (изображения, образы) были подобраны по этому же принципу⁷³. Богословы Виттенберга, однако, проводили между вербальными и невербальными примерами. Изображения Лютер называл «зеркалами» и «подобиями», и замечал, что они особенно трогают «детей и простаков»⁷⁴. Так, в иллюстрированной части молитвослова 1529 г. читателю предлагалось увидеть священную историю «как в зеркале»⁷⁵. Меланхтон часто подчеркивает перформативный аспект театрального действия, которое «показывает» «достоинство речей и поступков» и «разные картины и советы, и жизненные события»⁷⁶.

Как подчеркивает Б. Хил, евангелические теологи исходили из представления о силе воздействия художественных образов. Подобно Дюреру, они считали, что картины излагают содержание гораздо лучше слов⁷⁷. В свою очередь, подчеркнем, что в этом вопросе серьезное влияние могли оказать сочинения Василия Великого и Иоанна Златоуста⁷⁸. И равным образом отмечает его эмоциональное воздействие: «образы входят в душу и день затмевают»⁷⁹. Лютер в письме Николаю Ха-

⁷⁰ WA 47: 138-139; WA 49: 72-78. Также: WA 51: 507. В то же время в ответе на этот вопрос нет принципиальных различий между ранним и поздним Лютером, что позволяет более точно понять некоторые его ранние «иконоборческие» высказывания (Eier 1986: 67-68). Говоря в духе христианского платонизма, что церковная утварь – лишь «тени, знаки и игрушки» и что Бог не нуждается в установленном человеком культе (ни в церквях, ни в колоколах, ни в образах и пр.), Лютер не отрицает того, что в них *нуждается* человек (WA 56: 1-528; WA 10.I: 39). См.: Stirn 1977: 30-31.

⁷¹ Brückner 1974: 53. Например, В. Вашоф показал, что этот принцип применялся авторами конфессиональной драматургии. См.: Washof 2007. Также: Лурье 2015б.

⁷² Подробнее см.: Roling 2004.

⁷³ Лурье, Тагги 2021: 100-103.

⁷⁴ Martin Luther. *Passional-Vorrede* [1529]: 60. Ср. с оценкой Пауля Эбера: Buchwald 1886: 572. Подробнее о подобиях см.: Loewe, Firth 2022: 96-99.

⁷⁵ WA 28: 677. См.: Лурье 2021.

⁷⁶ Opera Omnia 19: 692, 694; Melanchthons Briefwechsel 1: 567. Ср.: WA Deutsche Bibel 12: 63-64. См. подробнее: Лурье 2022.

⁷⁷ Neal 2017б: 7.

⁷⁸ См. подробнее: Karivieri 2016.

⁷⁹ Opera Omnia 5: 567.

усманну, придворному капеллану в герцогстве Ангальт-Дессау, замечал, что театр очень *впечатляет* школьников⁸⁰. Иероним Нопп, реформатор Регенсбурга, указывал, что священные образы – изображения, церемонии и театр – «трогают больше, чем рассказ»⁸¹.

В качестве полемических аргументов теологи Виттенберга прибегали к библейским обоснованиям. Одно из них привел реформатор Георг Майор, поддерживая практику пасхальных игр. Это предписание из Второзакония о почитании Заповедей Божьих, понятое буквально: «И навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкой над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих» (Втор. 6, 8–9).⁸² Важнейшим библейским аргументом в защиту изобразительных искусств, однако, является отсылка к притчам Христа⁸³. В предисловии к молитвослову 1529 г. и относительно изображений и в предисловии к книге Юдифи в связи с театральными постановками Лютер говорил, что Спаситель также использует «истории», «подобия», «примеры», «образы» для назидания⁸⁴. Здесь мы снова возвращаемся к отсутствию явного разграничения между «внешними» и «внутренними» знаками и мыслеобразами, возникшими под воздействием вербальной проповеди или как «отпечатки». Богословы Виттенберга опирались на полисемантизм понятия «образ» (*Bild*)⁸⁵.

С этой позицией, видимо, сформулированной устно до 1529 г., был совершенно не согласен Цвингли. На Бернском диспуте он подчеркнул то, что Христос не оставил образов и не учил «образами», но проповедовал через Слово⁸⁶. Разграничение между материей и Логосом – принципиально для богословия Цвингли. Изображения, будучи материальными, передают лишь «оболочку», подобие, однако не заключают в себе целостного знания. Слово же воздействует напрямую на человеческий разум, нематериальный по своей природе⁸⁷. Такая платоническая установка обусловила то, что реформатские богословы, действуя внутри концепта «общих мест», избегали подчеркивать категорию визуального. Цвингли, как говорилось выше, относил изображения к числу историй (*in geschichteswyfi*)⁸⁸. Однако подобно мыслителям античности он, исходя из первенства слова, не осмысляет собственно художественное творчество. Генрих Буллингер, другой цюрихский реформатор, уравнивал театр и драму, подчеркивая нравственное содержание

⁸⁰ WA Briefe 2: 626.

⁸¹ Buchwald 1886: 570.

⁸² WA Briefe 5: 553-554.

⁸³ Metz D. Das protestantische Drama: 144.

⁸⁴ Martin Luther. Passional-Vorrede [1529]: 60. Также он высказан в предисловии к книге Юдифи в защиту театра: WA Deutsche Bibel 12: 63–64, ср.: WA 20: 426. См.: Michael 2002: 136-137.

⁸⁵ Beutel 2010: 249–256.

⁸⁶ Huldreich Zwinglis Sämtliche Werke 2: 476; 6:2: 240-241.

⁸⁷ Wandel 2006: 72.

⁸⁸ Zwinglis Sämtliche Werke 2: 343-344, 628.

произведений (*fabule*), но ничего не говоря о сценических аспектах⁸⁹. При этом в школе под его руководством регулярно осуществлялись сценки и в целом театральная жизнь швейцарских городов была весьма насыщена. Г. Эрстайн также пришел к выводу, что бернские литераторы говорили о своих произведениях как о текстах, причем подчеркивали их историческое содержание.⁹⁰ Приверженец Третьего пути Реформации Сикст Бирк, однако, сделал попытку осмыслить именно сценическую деятельность, говоря об обучении через подражание⁹¹. Схожие рассуждения мы встречаем у Мартина Буцера, с которым педагог мог встречаться в Аугсбурге в середине 1530-х гг.⁹²

Таким образом, даже в специфической теории театра реформаты не делали акцент на перформативности.

Итак, наш анализ показал, что богословская полемика, спровоцированная иконоборческими прецедентами, между Карлштадтом, Лютером и Цвингли определила вероисповедальную и литургическую норму евангелической и реформатской конфессий.

Наиболее заметны различия при сравнении редакций Декалога и принципа алтарного убранства. При этом культурные практики евангеликов в период ранней конфессионализации были едины и подразумевали постепенное очищение церквей, и проповедь, в том числе через изобразительное искусство и театр. Виттенбергские теологи исходили из материалистического понимания концепта «образ» как категории мышления. Такая постановка вопроса во многом была обусловлена значением идеи божественного Воплощения (*imago Dei*). Художественный образ, «внешний знак», похоже, рассматривался как более эффективный инструмент дидактики. Напротив, Цвингли и его последователи исходили из представления о нематериалистическом Логосе, действующим на сознание человека напрямую. Отсюда определенное пренебрежение к визуальным искусствам: тема просто не поднималась в риторических рассуждениях или упоминалась вскользь.

Театр – синтетический вид искусства – также осмыслялся по-разному в конфессиональных текстах. Для богословов Виттенберга это визуальное, перформативное искусство, ценное, как и художественные полотна, силой своего воздействия. Для цвинглиан – это прежде всего драматическое искусство, вариант исторического нарратива. Однако поскольку это рассуждение не могло быть весомым аргументом в защиту театральных практик, началось развитие самостоятельной теории театра как специфической учебной деятельности.

⁸⁹ Metz 2013: 264.

⁹⁰ Ehrstine 1995: 204-295.

⁹¹ Sixt Birck. Sämtliche Dramen 2: 171.

⁹² Martini Bucer Opera Latina 15: 255-256.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Безансон А. Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества. М.: МИК, 1999. [Bezanson A. Zapretnyi obraz. Intellektual'naya istoriya ikonoborchestva. (The forbidden image. The intellectual history of iconoclasm). Moscow: MIK, 1999].
- Иванкина А.В. Иконоборческое движение в Нидерландах в XVI в. как этап культурной метаморфозы европейской цивилизации // *Метаморфозы истории*. 2019. Вып. 13. С. 63–80. [Ivankina A.V. Ikonoborcheskoe dvizhenie v Niderlandakh v XVI v. kak etap kul'turnoi metamorfozy evropeiskoi tsivilizatsii (Iconoclastic movement in the Netherlands in the 16th century. as a stage of cultural metamorphosis of European civilization) // *Metamorfozy istorii*. 2019. Vyp. 13. P. 63–80].
- Исаев С.А. Реформация в Европе: разновидности реформационных движений // *Петербургский исторический журнал*. 2018. 2(18). С. 97–122. [Isaev S.A. Reformatsiya v Evrope: raznovidnosti reformatsionnykh dvizhenii (Reformation in Europe: varieties of reformation movements) // *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2018. 2(18). P. 97–122].
- Копцев А.А. Сравнительный анализ иконоборчества византийского и реформатского (кальвинизм): Дисс. ... канд. богосл. н. СПб., 2017 [Koptsev A.A. Sravnitel'nyi analiz ikonoborchestva vizantiiskogo i reformatskogo (kal'vinizm): Diss. ...kand. bogosl. n. (Comparative analysis of Byzantine and Reformed iconoclasm (Calvinism). Saint-Petersburg, 2017].
- Лурье З.А. К вопросу о роли иллюстраций в печатной книге XVI в.: «Пассионал» Лютера // *Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения–2020): Материалы XX Всероссийской научной конференции*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, 2021. С. 323–328. [Lurie Z. A. K voprosu o roli illyustratsii v pechatnoi knige XVI v.: «Passional» Lyutera (On the question of the role of illustrations in the printed book of the XVI century.: Luther's "Passional") // *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskii chteniya - 2020): Materialy XX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tehnologii i dizajna, 2021. P. 323–328].
- Лурье З.А. Лютеранская проповедь и драматургия: опыт типологических параллелей // *Религия. Церковь. Общество / Под ред. А.М. Прилуцкого*. СПб.: Скифия-Принт, 2015. С. 180–197. [Lurie Z.A. Lyuteranskaya propoved' i dramaturgiya: opyt tipologicheskikh parallelei (Lutheran preaching and dramaturgy: the experience of typological parallels) // *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo / Pod red. A.M. Prilutskogo*. Saint-Petersburg: Skifija-Print, 2015. P. 180–197].
- Лурье З.А. Лютеранский драматург в эпоху Реформации: Опыт коллективного портрета // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*. СПб.: Скифия-Принт, 2015. 12. С. 166–186. [Lurie Z.A. Lyuteranskii dramaturg v epokhu Reformatsii: Opyt kollektivnogo portreta (Lutheran playwrights in the era of the Reformation: The experience of a collective portrait) // *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. Saint-Petersburg: Skifija-Print, 2015. 12. P. 166–186].
- Лурье З.А. Театр в педагогике Филиппа Меланхтона // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2022. 5(223). С. 157–167. [Lur'e Z.A. Teatr v pedagogike Filippa Melankhtona (Theater in the pedagogy of Philip Melancthon) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. 5(223). P. 157–167].
- Лурье З.А., Татти Е.А. О роли иллюстраций в дидактических произведениях Мартина Лютера // *Средние века*. 2021. С. 92–112. [Lurie Z.A., Tatti E.A. O roli illyustratsii v didakticheskikh proizvedeniyakh Martina Lyutera (On the role of illustrations in the didactic works of Martin Luther) // *Srednie veka*. 2021. P. 92–112].
- Тациенко Т.Н. Ульрих Цвингли и Реформация в Цюрихе // *Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России*. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 165–196. [Tatsenko T.N. Ul'rikh Tsvingli i Reformatsiya v Tsyurikhe (Ulrich Zwingli and the Reformation in Zurich) // *Evropeiskaya Reformatsiya i ee vozmozhnye analogi v Rossii*. Saint-Petersburg: Nestor-istoriya, 2017. P. 165–196].
- Blickle P., etc. *Macht und Ohnmacht der Bilder Reformatorischer Bildersturm*. München: Oldenburg, 2002.
- Brückner W. *Historien und Historie. Erzählliteratur des 16. und 17. Jahrhunderts als Forschungsaufgabe // Volkserzählung und Reformation / hrsg. von W. Brückner*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. S. 13–123.

- Buchwald R. Zu dem Dessauer Streite über die Frage, ob der Christ Dichtungen und Schauspiele, welche biblische Stoffe behandeln, anhören und schauen dürfe // *Theologische Studien und Kritiken*. 1886. Bd 59/3. S. 568-572.
- Burg Ch., von. «Das bildt vnsers Herren ab dem esel geschlagen». Der Palmesel in den Riten der Zerstörung // *Mach und Ohnmacht der Bilder: reformatorischer Bildersturm im Kontext der europäischen Geschichte* / Hrsg. von P. Blickle. München: Oldenburg, 2002. S. 117-142.
- D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe / Hrsg. von J. K. F. Knaake. Weimar: Böhlau, 1883–1938. Bd 2–56.
- D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Abteilung 3: Die Deutsche Bibel. — Weimar: Böhlau, 1861. Bd 12.
- D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Abteilung 4: Briefwechsel. Weimar: Böhlau, 1931. Bd 2.
- D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Abteilung 4: Briefwechsel. Weimar: Böhlau, 1934. Bd 5.
- Eire C.M. N. War Against the Idols: The Reformation of Worship from Erasmus to Calvin. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Ehrstine G. From Iconoclasm to Iconography: Reformation Drama in Sixteenth-century Bern: Dissertation. S. l.: Proquest, 1995.
- Fritz J.M. Die bewahrende Kraft des Luthertums. Mittelalterliche Kunstwerke in evangelischen Kirchen. Verlag: Regensburg: Schnell & Steiner 1997.
- Garside Ch. Zwingli and the arts. Yale: Yale University, 1966.
- Göttler Ch. Das älteste Zwingli-Bildnis? Zwingli als Bild Erfinder: der Titelholzschnitt zur «Beschreibung der götlichen müly» // *Unsere Kunstdenkmäler: Mitteilungsblatt für die Mitglieder der Gesellschaft für Schweizerische Kunstgeschichte*. 1984. Bd 35. S. 297-309.
- Heal B. Introduction: Art and Religious Reform in Early Modern Europe // *Art History*. 2017. Vol. 40. No. 2. P. 246-255.
- Heal B. A Magnificent Faith: Art and Identity in Lutheran Germany. Oxford: O.U.P., 2017.
- Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. Vol. 2. Leipzig: Heinsius, 1908.
- Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. Vol. 6/1. Zürich: Berichthaus, 1961.
- Jäggi C. Die Bilderfrage im Kontext des reformierten Protestantismus // *Erinnerung und Erneuerung. Vorträge der 5. Emdener Tagung zur Geschichte des reformierten Protestantismus* / hrsg. von M. Freudenberg, G. Plasger. Wuppertal: Foedus-verlag, 2007. S. 29–54.
- Jäggi C. Sonderfall Schweiz? Zürich, Basel und Bern als Orte des reformatorischen Kunstdiskurses // *Orte und Räume reformatorischer Kunstdiskurse in Europa* / hrsg. v. B. Klein. S. Hirzel. Stuttgart; Leipzig: S. Hirzel, 2020. S. 74-94.
- Jezler P., Wirth J. Bildersturm, Wahnsinn oder Gottes Wille? Katalog zur Ausstellung, Bernisches Historisches Museum, Musée de l'Œuvre Notre-Dame, Strassburg, 2000.
- Jezier P. Etappen des Zürcher Bildersturms. Ein Beitrag zur soziologischen Differenzierung ikonoklastischer Vorgänge. in der Reformation // *Bilder und Bildersturm im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit* / hrsg. R. Scribner. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990. S. 143-175.
- Karivieri A. Divine or Human Images? Neoplatonic and Christian Views on Works of Art and Aesthetics // *Numen*. 2016. P. 196-209.
- Kaufmann Th. Die Bilderfrage im frühneuzeitlichen Luthertum // *Mach und Ohnmacht der Bilder: reformatorischer Bildersturm im Kontext der europäischen Geschichte* / Hrsg. von P. Blickle. München: Oldenburg, 2002. S. 407-454.
- Kaufmann Th. Konfession und Kultur: Lutherischer Protestantismus in der zweiten Hälfte des Reformationsjahrhunderts. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006.
- Koerner J. The Reformation of the Image. Chicago: University of Chicago Press, 2004.
- Krentz N. Ritualwandel und Deutungshoheit Die frühe Reformation in der Residenzstadt Wittenberg (1500–1533). Tübingen: Mohr Siebeck, 2020.
- McGrath A.E. The Intellectual Origins of the European Reformation. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
- Melanchthons Briefwechsel: Kritische und kommentierte Ausgabe / Hrsg. H. Scheible, R. Wetzel. Bd 1. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1991.
- Mühlhaupt ·E. Karlstadts "Fuhrwagen": eine frühreformatorische "Bildzeitung" von 1519 // *Luther*. 1979. Bd 50. P. 60-76.
- Litz G. Die reformatorische Bilderfrage in den schwäbischen Reichsstädten. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007.

- Litz G. Die Problematik der reformatorischen Bilderfrage in den schwäbischen Reichstädten // Macht und Ohnmacht der Bilder: reformatorischer Bildersturm im Kontext der europäischen Geschichte / Hrsg. von P. Blickle. München: Oldenburg, 2002. S. 99-116.
- Locher G.W. Zwingli's thought: new perspectives. Leiden: Brill, 1981.
- Loewe A. Proclaiming the Passion: Popular Drama and the Passion Tradition in Luther's Germany // Reformation and Renaissance Review. 2010. Vol. 12. N 2/3. P. 235-282.
- Loewe A., Firth K. Martin Luther and the Arts: Music, Images and Drama to Promote the Reformation. Leiden: Brill, 2022.
- Luther M. Betbüchlein mit dem Kalender Und Passional. Wittenberg: Hans Lufft, 1529.
- Martini Bvceri Opera Latina / Ed. F. J. Wendel. Paris; Gutersloh: Presses Universitaires de France and C. Bertelsmann Verlag, 1955. Vol. 15.
- Michael A. Luther und die Bilder. Von Bildern, die man sieht, und solchen, die man nicht sieht // Lutherjahrbuch. Bd 12. 2012. S. 101–137.
- Michalski S. The Reformation and the visual arts: the Protestant image question in Western and Eastern Europe. London; New York: Routledge, 1993.
- Michael A. Luther und die Bilder: Von Bildern, die man sieht, und solchen, die man nicht sieht // Lutherjahrbuch. 2012. Bd 79. S. 101–137.
- Müller N. Die Wittenberger Bewegung 1521 und 1522. Leipzig: Heinsius, 1911.
- Naegeli M., Hobi U. Zürcher Kunst nach der Reformation: Hans Asper und seine Zeit: Katalog zur Ausstellung im Helmhaus, Zürich, 9. Mai bis 28. Juni 1981. Zürich: Schweizerisches Institut für Kunstwissenschaft Schweizerisches Institut für Kunstwissenschaft, 1981.
- Os H.W., van. The art of devotion in the late Middle Ages in Europe, 1300-1500. Princeton: Princeton University Press: 1994.
- Ozment S. The Serpent and the Lamb: Cranach, Luther, and the Making of the Reformation. Yale: Yale University Press, 2012.
- Philippi Melancthonis Opera Quae Supersunt Omnia / Ed. K.G. Bretschneider. Vol. 5. Halis Saxonum: C.A. Schwetschke, 1838.
- Philippi Melancthonis Opera Quae Supersunt Omnia / Ed. K.G. Bretschneider. Vol. 19. Halis Saxonum: C. A. Schwetschke, 1853.
- Reinitzler H. Biblia deutsche: Luthers Bibelübersetzung und ihre Tradition. Wölfenbüttel; Hamburg, 1983. S. 114-116.
- Roberts P. J. Reformation iconoclasm as negotiation: Protestant rhetoric, action, and policy regarding religious images in early modern Europe. Fullerton: Proquest, 2010.
- Roling B. Exemplarische Erkenntnis – Erziehung durch Literatur im Werk Philipp Melancthon // Das Theater des Mittelalters und der Frühen Neuzeit als Ort und Medium sozialer und symbolischer Kommunikation / hrsg. von H. Meyer, C. Spanily. Münster: Rema-Verlag, 2004. S. 348–350.
- Schnitzler N. Ikonoklasmus – Bildersturm: Theologischer Bilderstreit und ikonoklastisches Handeln während des 15. und 16. Jahrhunderts. München: Wilhelm Fink Verlag, 1996.
- Scribner B. Bilder und Bildersturm im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990.
- Stirm M. Die Bilderfrage in der Reformation. Gütersloh: Verl.-Haus Mohn, 1977.
- Stoller T.T. Dying and rising with Christ: visualizing Christian existence in Martin Luther's 1519 devotional writings. University of Iowa, 2011.
- Szabelska H. Analogies between language and painting in the philosophy of Philipp Melancthon // Renaissance and Reformation. 2005. Vol. 29. N 4. P. 57-105.
- Von Strittigkeit der Bilder: Texte des deutschen Bildstreits im 16. Jahrhundert / Hrsg. von J. Berns. Berlin: De Geyer, 2013.
- Wandel L.P. Voracious Idols and Violent Hands: Iconoclasm in Reformation Zurich, Strasbourg, and Basel. New York: Cambridge University Press, 1994.
- Wandel L.P. The Eucharist in the Reformation: Incarnation and Liturgy. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Warnke M. Bildersturm. Die Zerstörung des Kunstwerks. Mit 14 Abbildungen. Frankfurt: Fischer Taschenbuch, 1988.
- Wartenberg G. Bilder in den Kirchen der Wittenberger Reformation // Die bewahrende Kraft des Luthertums-Mittelalterliche Kunstwerke in evangelischen Kirchen / Ed. J. M. Fritz. Regensburg: Schnell & Steiner, 1997. S. 19–33.

Washof W. Die Bibel auf der Bühne: Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. Münster: Rhema, 2007.

Зинаида Андреевна Лурье, к.и.н., научный сотрудник, Институт образования, ВШЭ.

Iconoclasm and Reflection of the Image During the Reformation

This publication examines iconoclastic disputes during the Reformation in the context of the development of confessional cultures. During the initial controversy about the images between Karlstadt, Luther and Zwingli in 1520s, certain ideas about sacred images were developed, reflected in the doctrinal texts and liturgical practices of the two evangelical confessions. Reformed tradition distinguished by a more categorical prohibition on the creation of sacred images (the Second Commandment of the Decalogue) and a strict type of liturgical decoration. In Lutheranism, while dealing with certain disciplinary problems, they considered sacred art necessary. Further development of disputes about images occurred in the context of the cultural practices of the Evangelical and Reformed churches. During the reforms of the 1520-1540s “cleansing” of churches, fight against “harmful” cults, abuses and superstitions took place. At the same time, the cultural practices of this early confessional period were united and implied the use of the visual arts and theater in preaching. This at the same time actualized local iconoclastic disputes. The analysis showed that Wittenberg theologians proceeded from a materialistic understanding of the concept of “image” as a mental category. Such view was largely caused by the significance of the idea of the divine Incarnation (*imago Dei*). The artistic image, the “external sign,” seems to be seen as a more effective didactic tool. On the contrary, Zwingli and his followers proceeded from the idea of a non-materialistic Logos that acts directly on human consciousness. Hence a certain disdain for the visual arts was typical for their works. The topic was simply not raised in rhetorical discussions. Theater, a synthetic art form, was also reflected differently. For the theologians of Wittenberg, this was visual, performative art, valuable, like other artworks, by its powerful impact. For Zwinglians, this was primarily dramatic art, a version of historical narrative.

Keywords: *images, art, Luther, Karlstadt, Zwingli, theater, Wittenberg, Basel, Greff, Birck, Melancthon.*

Lurie Zinaida Andreevna, PhD of History, research fellow, Higher School of Economics, Institute of Education, Laboratory for Curriculum Design, zlurie@hse.ru, zinaidalourie@gmail.com

ТОЛКОВАТЕЛИ «ТРУДНЫХ СЛОВ» И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДРЕЙФ В АНГЛИИ XVII–XVIII ВВ.¹

Изменения в семантическом наполнении средств языковой выразительности служат характерным маркером общественных трансформаций. Причиной могут быть социальные, культурно-религиозные, мировоззренческие и иные структурные изменения, происходящие в ареале бытования языка. Революционные события английской общественной жизни середины XVII в. позволяют предположить, что изменения произошли и в языковой семантике. «Усложнение» английского языка за счет переводов текстов латинских авторов, публикации путешественниками слов чужеземцев, распространение неологизмов и «лексических инноваций» за счет усложнения структуры научного познания – все это требовало кодификации и синтагматизации языка. В статье рассматриваются особенности первых английских словарей «трудных слов». На примере сопоставления словарей Г. Кокерэма и словаря С. Джонсона продемонстрированы изменения, произошедшие в семантическом наполнении слов в Англии XVII в. Делается вывод, что в середине XVIII в. стремление составителей толковых словарей зафиксировать окончательное значение слов наталкивается на изменчивость языка и культурных норм, вынуждая признать утопичность проектов по созданию унифицированных и не требующих дальнейших исправлений словарей.

Ключевые слова: токовые словари, семантический дрейф, Генри Кокерэм, Сэмюэль Джонсон, история английского языка, Научная революция в Англии.

Любая языковая система гетерогенна и подвержена трансформациям в результате как внешних интервенций, так и внутренних эволюционных процессов. Постоянное взаимодействие с иными культурами и текстами прошлого, необходимость обозначения новых объектов и явлений, а также изменения в общественно-политическом устройстве являются двигателем развития языка и причиной изменения языковых норм. Практика усвоения слов «другой» культуры, не сильно отличается от включения в язык понятий из «древних» языков – новые смысловые категории наполняли язык носителя и преобразовали его, делая более приспособленным для считывания «реальности» и в свою очередь формируя ее семантический состав.

Современный английский язык формировался под влиянием различных культур. Существенную роль на генезис языка оказали как римские и нормандские походы, так и христианская религия. Библия на латыни знаменовала вторичность английского языка вплоть до отделения англиканской церкви от Рима в 1534 г. Только после начала Реформации стало возможным легально опубликовать перевод Библии на английский язык. Роль английского языка как инструмента отстаивания национальной идентичности оказалась во второй половине XVII в. существенное влияние на изменения, произошедшие в самом языке.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект No. 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750))».

Однако стандартизация норм английского языка прослеживается с конца XV века и маркируется началом использования печатного станка У. Кэкстоном в 1476 г. и распространением первых печатных брошюр и книг². Стандартизация языковых норм сопровождалась публикацией работ по грамматике и толковых словарей. С 1604 по 1755 г. было опубликовано более двадцати толковых словарей, не считая их многочисленные переиздания и компиляции³.

Составление подстрочных глосс и учебных текстов имело многовековую традицию. В последней трети XII в. был составлен лексико-грамматический трактат Александра Неккама «О наименовании повседневных вещей» (*De nominibus utensilium*). Но функционально вплоть до второй половины XVI в. эти тексты служили пособиями для изучения латыни, необходимой для церковных служб, торговли и дипломатической деятельности. В первую очередь это были латино-английские и англо-латинские словари, первый из которых датируется примерно 1440 г. В преамбуле «*Promptorium Parvulorum, sive Clericorum*» автор сообщает, что его сподвигло на труд то, что священнослужители уподобились варварам и забыли латынь. Словарь был адресован тем, кто «жаждет церковного слова, как олень, припадающий к источнику, но не имея достаточных знаний в латыни, как жаждущий онагр, терпит неудачу»⁴. Латынь выступала как инструмент понимания священных текстов, однако она же служила и ресурсом для наполнения реальности. Не случайно автор латинского словаря 1538 года Томас Элиот приводит «термины, относящиеся к юриспруденции и медицине», «названия различных трав», названия «множества рыб, обитающих как в нашем океане, так и в наших реках»⁵. Можно упомянуть такие англо-латинские словари, как «*Abcedarium Anglo-Latinum*» Ричарда Юлоэста (1552), «Краткий словарь для начинающих» Джона Уиталса (1553), «*Alvearie*» Джона Барета (1573), «*Bibliotheca Scholastica*» Джона Райдера (1589) и др.⁶ Также в XVI в. публиковались англо-французские, англо-испанские, англо-итальянские словари⁷. Каждая из этих работ не только закрепляла и корректировала в языке значения слов, но и привносила в английский язык новые смыслы, за счет отсылок к языкам иных культур.

Помимо фиксации новых слов путешественникам приходилось сталкиваться с необходимостью описания объектов, не имеющих в их языке точного терминологического обозначения. Часто им приходилось

² Stehling 2013.

³ На странице проекта «LEME: Lexicon of Early Modern English» приведен подробный список словарей и глоссариев XV–XVIII вв., состоящий из 1473 наименований: <https://leme.library.utoronto.ca/lexicons/results?orderBy=date>

⁴ Galfrido Grammatico 1865: 1.

⁵ Elyot 1595.

⁶ De Witt Starnes, Gertrude Noyes 1946: 2.

⁷ См. напр.: John Palsgrave «*Lesclaircissement de la langue francoyse*» (1530); Hollyband, Claudius «*A Dictionarie French and English*» (1593); John Florio «*Worlde of Wordes*» (1598) и пр.

изобретать новые понятия и метафоры. К этому прибегает путешественник С. Барроу в 1557 г. Описывая один из островов, он сообщает: «он не похож на остров, но кажется точно на нем выстроен замок»; сходным образом он описывает удаленный объект: «на нем возвышается нечто черное, похожее на пустую корабельную бочку» и т.д. Фиксирует он и слова из языка местных народов, которые, по его мнению, могут пригодиться путешественникам в дальнейшем. В составленном им списке слов языка саамов, который он обозначает как «русский», содержится около семидесяти слов, а также числительные. Большинство слов – части тела или описание человека – мужчина, женщина, дочь, друг, рука, борода и пр., то есть то, что может иметь физический референт. Даны и названия явлений, связанных с природой (звезды, солнце, зима, холод), материалы и части одежды (обувь, перчатки, железо, золото и пр.)⁸.

Рост торговли и освоение новых регионов также способствовало пополнению английского языка новыми понятиями. В «Достоверном описании новейших географических открытий» (*A True Discourse of the Late Voyages of Discovery*, 1576), составленном участником экспедиций Мартина Фробишера Джорджем Бестом, зафиксированы слова языка народа, проживающего в «Мета Инкогнита» (*Meta Incognita*), такие как «areged» – глаз; «attegau» – плащ, «ketteckle» – указательный палец. Некоторое количество североамериканских слов фиксирует Джон Дейвис. Роберт Дадли приводит слова, привезенные им с Тринидада, Ричард Хоукинс привносит в английский язык слова из Южной Америки: *casao*, *hamacas* и *Brasill*. Уильям Тауэрсон фиксирует слова, собранные им во время путешествия в Гвинею, а Томас Кориат приводит полную запись речи к императору на персидском языке. Некоторые слова из Нового света входят в английский язык: вигвам, лось, опоссум, койот, каннибал, маис и саванна. Слова аллигатор, картофель (*potato*) и табак становятся в Лондоне к 1600 г. общеупотребительными⁹.

Таким образом, к XVII в. в Англии сложилась традиция фиксации слов и понятий, представленная в виде двуязычных глоссариев и учебных пособий. Интерес к национальному языку подогревался и переводами иноязычных текстов, в т.ч. Священного писания. В работе Ричарда Шерри «Трактат о схемах и тропах, полезных для понимания лучших авторов» в посвящении к магистру Томасу Бруку (1550) сказано: «У нас есть веская причина поблагодарить ученых людей, которые своим великим трудом обогатили наш язык как формой (*matter*), так и словами, сделав его настолько обильным и насыщенным, что он не уступает лучшим из когда-либо существовавших языков»¹⁰.

Накопление терминологии вело к усложнению лексики. Не все одобряли экспансию иноязычных слов и новых терминов, но остановить их поток было непросто. В результате стали публиковаться пособия,

⁸ Шпак 2023.

⁹ Boring 1979.

¹⁰ Sherry 1550.

призванные облегчить понимание «трудных слов». В 1596 г. была опубликована работа Эдмунда Кута «Учитель английского языка, обучающий школьников порядку четкого чтения и правильному письму на английском языке», содержащая в приложении список трудных слов с краткими односложными определениями: «Barbarian – a rude person»; «Poetresse – a woman poet»; «Vulgar – common»; «Atheist – without God» и т.д.¹¹

Пособие Эдмунда Кута наряду с латино-английским словарем Т. Томаса (1588) легло в основу первого отдельного словаря трудных понятий Роберта Кодри, изданного в 1604 г.¹² «Алфавитный перечень» (*A Table Alphabeticall*) содержал 2,5 тысячи «распространенных трудных английских слов, заимствованных из иврита, греческого, латинского, французского и пр. языков»¹³. В обращении к читателю Кодри замечает, что слишком часто священнослужители в проповедях вставляют незнакомые термины, путешественники щеголяют иноземными словечками, а джентльмены используют в языке латинские фразы: «некоторые не только не замечают за собой такого пристрастия, но и впадают в крайность, используя слова неуместные и применяя их без всякой осмотрительности»¹⁴. Его же словарь призван помочь учащимся ориентироваться в мешанине иноязычных слов и верно понимать их значения.

Сам словарь представляет собой перечень терминов, приведенных в алфавитном порядке, сопровождаемых кратким определением: «*academie*, an Uniuersitie, as Cambridge, or Oxford»; «*science*, knowledge, or skill»; «[fr] *reuolt*, forsake one, to goe to another his enemie»... Слова, происходящие, по его мнению, от греческого, обозначены [g], от французского [fr]. При этом латинские слова не имеют особого обозначения.

«Алфавитный перечень» публиковался до 1617 г. и выдержал четыре переиздания. В 1616 г. ему на смену пришел «Толкователь английских слов: обучение пониманию самых трудных слов, используемых в нашем языке» (*An English expositor*) доктора медицины Джона Буллокара (ок. 1580–1641). В обращении к читателю Буллокар утверждает, что в молодые годы составлял списки слов для личного пользования, поскольку в английском языке появилось «огромное количество странных слов, которые наша речь заимствовала не только из латыни и греческого (и кое-что из древнееврейского), но также из общеупотребимых (*vulgar*) языков других стран, к которым прибавлялось множество старых слов, ныне вышедших из употребления, а также различных терминов искусств, используемых в логике, философии, праве, медицине, астрономии и т.д. да, и в самом богословии, известные только небольшому количеству профессоров»¹⁵. В некоторых случаях Буллокар не просто дает определения понятий, но приводит небольшие спра-

¹¹ Coote 1968.

¹² De Witt Starnes, Gertrude Noyes 1946: P. 15.

¹³ Cowdrey 1966.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Bullokar 1616.

вочные статьи, фиксируя разнообразные сведения об объектах природы, почерпнутые им у Плиния, Галена, Авиценны и пр.:

Аконит (Aconitum). Ядовитая трава, имеющая корень, похожий на скорпиона, и сияющая изнутри, как алебастр. Поэты верят, что Цербер, трехголовый пес ада, которого Геракл вывел на алмазковой цепи, вылил часть своей слюны на эту траву, в результате чего она стала ядовитой.

Африка (Africa). Одна из трех частей света, расположенная на юге. Здесь находится Варвария (*Barbary*) и Эфиопия. В прошлые времена жители этих стран вели дикий образ жизни, питаясь в основном змеиным мясом. Она называется Африкой от греческого слова *Phrice*, означаящим холод, и частицы А, которая в этом языке, будучи поставленной перед словом, изменяет его смысл, так что Африка означает страну горячую или нехолодную.

Агарик (Agarick). Разновидность гриба или поганки, широко употребляемая в медицине. Растет на лиственницах в Италии; белый, легкий, ломкий и губчатый. Выводит из тела холодную флегму (*cold fleam*) и грубые соки (*grosse raw humours*), устраняя закупорку печени и тем самым исправляя неприятный цвет¹⁶.

До смерти автора в 1641 г. словарь был трижды переиздан без существенных исправлений, но дополненное издание 1663 г. обрело популярность, и к 1731 г. словарь был опубликован уже четырнадцать раз¹⁷.

Само понятие «Словарь» (*Dictionary*) впервые употребил конкурент Д. Буллокара Генри Кокерэм в заголовке работы 1623 г. «Английский словарь или новый толкователь трудных английских слов». Это произведение состоит из трех частей. В первой автор приводит трудные, по его мнению, понятия; вторая часть содержит список простонародных (*vulgar*) слов и их более «благородную» альтернативу: «всякий раз когда кто-либо, желающий получить объяснение с помощью более изысканной и элегантной речи, заглянет туда, он найдет точное и достаточное слово, чтобы выразить искомое»¹⁸. Последняя часть, как сообщает сам автор во введении: «представляет собой перечисление некоторых персон, богов и богинь, великанов и демонов, монстров и змей, птиц и зверей, рек, рыб, трав, камней, деревьев и т.д.»¹⁹. Фактически Г. Кокерэм составил первый в английской истории справочник, позволяющий учащимся быстро найти краткую справку о растениях, божествах, мифических существах, животных и персоналиях:

Хотя Г. Кокерэм и занимал многие из определенных из «Толкователя английских слов» Д. Буллокара, он дополнял и редактировал свою работу вплоть до седьмого издания, вышедшего в 1642 г. Последующие четыре переиздания практически не редактировались. Только в 1656 г. Томас Блаунт опубликует «Глоссографию», которая заменит собой словарь Кокерэма, а в 1663 г. будет издан дополненный и переработанный словарь Д. Буллокара. Таким образом, для середины XVII в. самым полным и востребованным являлся словарь Г. Кокерэма. По этой причине далее будут рассмотрены слова из его издания 1642 года.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Bullokar 1731.

¹⁸ Cockeram 1623.

¹⁹ Ibid.

До середины XVIII в. было опубликовано еще более десятка толковых словарей – «Новый мир английских слов» Эдварда Филлипса (1658), «Английский словарь» Элиша Колса (1676), «Новый английский словарь» (1702), «Английский словарь Кокера» (1706), «Универсальный этимологический английский словарь» Натана Бэйли (1721) и пр. Для сопоставления и демонстрации семантического дрейфа XVII в. был выбран словарь Сэмюэля Джонсона, первое двухтомное издание которого было опубликовано в 1755 г. Словарь Джонсона, включающий около сорока двух тысяч слов, оставался главным английским словарем вплоть до издания в 1928 г. «Оксфордского словаря». Основной задачей Джонсон называет фиксацию и своеобразную «консервацию» значений английских слов. Верное употребление слов, по его мнению, оказывает непосредственное влияние на человеческое счастье, чему должно способствовать установление строгой корреляций между словами – «дщерями земли» и предметами – «сынами неба»: «Язык – лишь инструмент науки, а слова – лишь знаки идей, но мне хотелось бы, чтобы этот инструмент был менее склонен к разрушению, и чтобы знаки были постоянными, как и вещи, которые ими обозначены»²⁰.

Несмотря на то, что словарь был составлен в середине XVIII в. в основе большинства определений лежат примеры, взятые из произведений конца XVI–XVII вв., в том числе некоторые устаревшие слова, которые «допустимы, если они встречаются у неустаревших авторов или обладают силой и красотой, заслуживающей их возрождения». Тем любопытнее, что Джонсон отказывается от употребления ряда понятий, встречающихся в словарях предшественников. Например, он избавляется от таких понятий из словаря Г. Кокерэма, как:

Ахерусия (Acheruse) Вход в ад, откуда Геракл вывел на алмазной цепи Церберу, трехглавого пса ада. Поэты верят также, что именно в этом месте Харон запускать души в свою ладью, переправляемую им через Стикс, Ахерон и Флегетон.
Климактерический (Clymactericall). Каждый седьмой год, считающийся очень опасным, из-за чего 14, 21, 28, 35 и т.д. являются климактерическими годами. Некоторые считают каждый девятый год климактерическим и столь же опасным. По этому счету таковыми являются 18, 27, 36 год и т. д. Но самый опасный и самый знаменательный климактерический год приходится на 63 год. В нем оба счета совпадают. Если девять умножить на семь или семь умножить на девять, любое из этих чисел даст 63. Я говорю, что этот год считается самым опасным.
Парацельсианец (Paracelsean) Врач, лечащий крепкими настоями, извлеченными из природных тел²¹.

Отсутствие ряда понятий не противоречит идее сохранения «подлинного» языка. С. Джонсон обходит эту проблему заявляя, что у «трудлюбивого и торгового народа» могут встречаться «слова для временного или локального удобства». Его цель очистить язык от подобных «мимолетных» понятий, позволить им «погибнуть вместе со всем, что недостойно сохранения».

²⁰ Johnson 1755, Vol 1.

²¹ Cockeram 1642.

С. Джонсон заявляет о том, что старался не забегать в «слишком древние времена», отмечая, что уже на границе XVII в. были распространены все понятия, которыми должен владеть современный англичанин: «Если бы богословские понятия были взяты у Хукера и из перевода Библии; термины естественного познания у Бэкона; фразы о политике, войне и мореплавании у Рэли; язык поэзии и художественной литературы у Спенсера и Сидни, а понятия повседневной жизни у Шекспира, немногие идеи были бы потеряны для человечества из-за отсутствия английских слов, в которых они могли бы быть выражены»²². Английский язык первой половины XVII в. является для него идеалом, к которому он отсылает своих читателей: «я старательно собирал примеры и авторитетные источники у писателей до Реставрации, чьи произведения считаю источником незагрязненного английского языка, незамутненными образцами подлинной речи»²³.

Проект Джонсона был изначально утопическим. К середине XVIII века многие понятия изменили свое значение. В таблице проводится сопоставление слов из издания словаря Г. Кокерэма 1642 г.²⁴ и первого издания словаря С. Джонсона 1755 г.²⁵. Для сравнения были отобраны дефиниции слов, ярко отражающие трансформации, произошедшие в образовательных, общественно-политических, религиозных и эмотивных практиках за столетие, отделяющее эти издания – Кокерэм опирался на определения, заимствованные преимущественно из текстов XVI – начала XVII века, Джонсон же брал за основу произведения XVII – первой половины XVIII века.

Словарь Г. Кокерэма, 1642	Словарь С. Джонсона, 1755
Наука, мировоззрение	
<i>Academie</i> Университет или крупная публичная школа.	<i>Academy</i> Собрание или общество людей, объединившихся для продвижения какого-либо искусства (<i>art</i>). Место, где преподают науки. Университет. Место обучения, отличающееся от университетов или государственных школ.
<i>Academicke</i> Философ секты Платона.	<i>Academick</i> Студент университета.
<i>Sect</i> Особое мнение небольшой группы.	<i>Sect</i> Группа людей, следующих определенному учению или объединенных устоявшимися принципами. Часто в отрицательном смысле.
<i>Alchymie</i> Искусство плавления или растворения металлов путем отделения их от примесей.	<i>Alchymy</i> Наиболее возвышенная и оккультная часть химии, целью которой является превращение металлов и другие операции. Разновидность смешанного металла, используемого для изготовления ложек и кухонной утвари.

²² Johnson 1755, Vol 1.

²³ Ibid.

²⁴ Cockeram 1642.

²⁵ Johnson 1755.

<i>Architect</i> Главный рабочий.	<i>Architect</i> Профессор строительного искусства; проектировщик здания; строитель; проектировщик любого сложного тела.
<i>Architecturie</i> Наука строительства (<i>The science of building</i>).	<i>Architecture</i> Искусство или наука строительства (<i>The art or science of building</i>). Результат науки строительства.
<i>Arithmeticke</i> Искусство счисления (<i>The arte of numbring</i>).	<i>Arithmetick</i> Наука о числах; искусство вычисления.
<i>Artificiall</i> Искусный, хорошо исполненный.	<i>Artificial</i> Искусственный, ненатуральный; поддельный. Искусный, хорошо исполненный.
<i>Artisan</i> Ремесленник, механик (<i>A handy-craftsman</i>).	<i>Artisan</i> Художник; профессор искусствознания; ремесленник; мелкий торговец.
<i>Artist</i> Тот, кто владеет каким-либо искусством.	<i>Artist</i> Профессор искусства, в основном художественного дела (<i>an art manual</i>). Умелый человек; не новичок.
<i>Astrologie</i> Предсказание грядущих событий.	<i>Astrology</i> Практика предсказания вещей с помощью знания о звездах; искусство ныне отвергаемое, как безосновательное.
<i>Astronomie</i> Искусство, обучающее движению планет и звезд.	<i>Astronomie</i> Смешанная математическая наука, обучающая знанию небесных тел, их величин, движений, расстояний, периодов, затмений и порядка <...>.
<i>Atomie</i> Пылинка, видимая в лучах Солнца; любая вещь настолько малая, что ее невозможно сделать меньше.	<i>Atom</i> Столь малая частица, что ее невозможно разделить физически. Первые рудименты, или составные части всех тел.
<i>Axiome</i> Максима или предложение, которое может быть правдой.	<i>Axiome</i> Положение, очевидное с первого взгляда, которое нельзя прояснить путем демонстрации. Установленный принцип, который следует признать без новых доказательств.
<i>Chaos</i> Беспорядочная куча, из которой поэты выводят мир, и все, что в нем есть.	<i>Chaos</i> Предполагается, что масса материи была перемешана, прежде чем творение разделило ее на соответствующие классы и элементы. Путаница; неравномерная смесь. Любая вещь, части которой неразличимы.
<i>Chymist</i> Paracelsius <i>Paracelsean</i> Врач, лечащий крепкими настоями, извлеченными из природных тел.	<i>Chymist</i> Профессор химии; философ огня (<i>a philosopher by fire</i>). <i>Chymistry</i> Искусство, посредством которого чувственные тела, содержащиеся в сосудах или способные содержаться в них, изменяются с помощью определенных инструментов, главным образом огня, настолько, что таким образом открываются их различные силы и достоинства в интересах философии или медицины.
<i>Comet</i> Пылающая звезда.	<i>Comet</i> Небесное тело в планетарной области, внезапно появляющееся и снова исчезающее; и во время своего появлениядвигающееся по своей орбите, как планета <...>.
<i>Element</i> Первооснова видимой субстанции, откуда берут начало все вещи, которых четыре: Огонь, Воздух, Вода и Земля.	<i>Element</i> Первооснова любой вещи; Четыре элемента, обычно так называемые, – это земля, огонь, воздух и вода, из которых состоит наш мир; Подходящее жилище или сфера

	обитания любой вещи: например, вода для рыб.
<i>Emperick</i> Практикующий врач (A Physician only by practice).	<i>Empiric</i> Испытатель или экспериментатор; такие люди, которые не имеют настоящего образования или знаний в области медицины, а опираются только на слухи и наблюдения.
<i>Exhalation</i> Горячий и сухой дым, вытянутый из земли жаром Солнца.	<i>Exhalation</i> Испарение; эмиссия. То, что поднимается в виде паров и иногда принимает форму метеоров.
<i>Experiment</i> Поиск путем проверки (tryall).	<i>Experiment</i> Испытание любой вещи; что-то, сделанное с целью обнаружить неясный или неизвестный эффект.
<i>Geometrie</i> Землемерие.	<i>Geometry</i> Первоначально означало искусство измерения Земли или любых расстояний или размеров на ней или внутри нее; но теперь используется для науки о количестве, протяженности или величине, рассматриваемых абстрактно, без какого-либо отношения к материи.
<i>Gymnasticke</i> Преподаватель науки борьбы (the Wrestling Science).	<i>Gymnastick</i> Относящийся к спортивным упражнениям – прыжкам, борьбе, бегу, метанию дротиков или колец.
<i>Hieroglyphick</i> Мистический вид письменности, распространенный в древности язычниками, жрецами и т.п. Этот вид письма создавался в виде животных и т.п., и его вряд ли можно было понять (особенно простонародью) без глубокого знания природы вещей <...>.	<i>Hieroglyphick</i> Эмблема; фигура, под которой подразумевалось слово. Иероглифы использовались до изобретения алфавита; Искусство письма в картинках.
<i>Influence</i> Сила, которой планеты и звезды влияют на наши дела (our inferior things).	<i>Influence</i> Сила небесных тел (aspects), действующая на земные тела и дела. Восходящая власть; способность направлять или изменять.
<i>Mathematiccean</i> Тот, кто владеет искусством предсказаний (skilled in Augurie), геометрией и астрономией.	<i>Mathematician</i> Человек, разбирающийся в математике.
<i>Mathematicks</i> Искусство арифметики, музыки, геометрии, географии, астрономии.	<i>Mathematicks</i> Это наука, которая рассматривает все, что можно сосчитать или измерить <...>.
<i>Mechanicke</i> Ремесленник (A Handycrafts-man).	<i>Mechanick</i> Производитель (A manufacturer); работник низкого уровня.
<i>Metaphysicks</i> Сверхъестественные искусства.	<i>Metaphysicks</i> Онтология; учение об общих свойствах веществ.
<i>Meteore</i> Элементарное тело, как то – снег, град, облака, ветры, пылающие звезды, громы, молнии и т.п.	<i>Meteor</i> Любые тела в воздухе или небе, имеющие текучую и изменчивую природу.
<i>Methode</i> Прямой путь обучения.	<i>Method</i> Метод в самом широком смысле подразумевает размещение нескольких вещей или выполнение нескольких операций в таком порядке, который наиболее удобен для достижения какой-либо цели.
<i>Minerall</i> Металл или что-либо, выкопанное из земли.	<i>Mineral</i> Ископаемое тело; вещество, добытое из шахт. Все металлы являются минералами, но не все минералы являются металлами.
<i>Obiect</i> То, что находится перед глазами.	<i>Object</i> То, к чему применяется какая-либо сила или способность. Что-то представленное чувствам, чтобы вызвать в уме какой-либо

	аффект или эмоцию. Любая вещь, на которую влияет что-то еще.
<i>Plannet</i> Блуждающая звезда, которая сама по себе движется внутри сферы.	<i>Planet</i> Планеты – это беспорядочные или блуждающие звезды, которые не похожи на неподвижные звезды, всегда находящиеся в одном и том же положении по отношению друг к другу. Теперь мы причисляем Землю к первичным планетам, потому что знаем, что она вращается вокруг Солнца, как Сатурн, Юпитер, Марс. Луна причисляется к второстепенным планетам или первичным спутникам, поскольку она движется вокруг Земли...
<i>Science</i> Знание.	<i>Science</i> Знание. Уверенность, основанная на демонстрации. Искусство, достигаемое правилами или основанное на принципах. Любое искусство или вид знания. Одно из семи свободных искусств (<i>liberal arts</i>): грамматики, риторики, логики, арифметики, музыки, геометрии, астрономии.
<i>Transfiguration</i> Изменение формы или фигуры.	<i>Transfiguration</i> Изменение формы. Чудесное изменение облика нашего благословенного Спасителя на горе.
<i>Center</i> Точка в середине круга, Земля называется центром мира, потому что расположена в его середине.	<i>Center</i> Середина; то, что одинаково удалено от всех концов.
<i>Geomancie</i> Гадание по кругам (<i>circles</i>) на земле.	<i>Geomancy</i> Бросание фигурок; Предсказание по фигуркам того, что произойдет.
Общественное и политическое устройство	
<i>Administration</i> Распоряжение имуществом умершего, не составившим завещания.	<i>Administration</i> Управление или выполнение работ – ведение общественных дел; принятие (<i>dispensing</i>) законов. Активная или исполнительная часть правительства. Те, кому поручена забота об общественных делах.
<i>Aristocracie</i> Своего рода правительство, где дворянство во главе всего.	<i>Aristocracy</i> Такая форма правления, при которой высшая власть принадлежит дворянам, а не королю или народу.
<i>Civilize</i> Оцивилизовывать.	<i>Civilize</i> Освободить от дикости и жестокости; обучать искусству повседневной жизни.
<i>Commonweale</i> Республика.	<i>Commonwealth</i> Государство; сложившаяся форма гражданской жизни. Общественность; общий состав народа. Правительство, при котором высшая власть принадлежит народу; республика.
<i>Corporation</i> Политический орган, имеющий от королей общую печать, главного офицера и принадлежащих к нему нижестоящих лиц.	<i>Corporation</i> Корпорация – это политическая организация, уполномоченная королевской хартией иметь общую печать, одного или нескольких руководителей и членов, которые могут по общему согласию предоставлять или получать по закону любые вещи, входящие в сферу их устава. Как человек может делать по закону все, что законом ему не запрещено; и связывает наследников, как один человек связывает своего душеприказчика или наследника.
<i>Degradation</i> Отмена церковных	<i>Degradation</i> Лишение должности или достоинства. Вырождение; подлость. Термин ис-

орденов.	пользуется для обозначения искажения в восприятии отдаленных объектов <...>
<i>Democracie</i> Власть, которую люди имеют над собой без начальника, кроме того, кого они сами назначают.	<i>Democracy</i> Одна из трех форм правления; при которой верховная власть сосредоточена не у одного человека или дворянства, а у народа.
<i>Dictator</i> Главный офицер в Риме, выбирался только в случае большой опасности для их республики (<i>Commonwealth</i>).	<i>Dictator</i> Римский магистрат, созданный во времена нужды и бедствий и наделенный абсолютной властью. Человек, наделенный абсолютной властью. Тот, чья репутация или авторитет позволяют ему управлять волей или мнением других.
<i>Homage</i> Сервильная (<i>servile</i>) церемония некоторых арендаторов, которую они по долгу обязаны выполнять перед лордами.	<i>Homage</i> Оплаченная служба и признание верности суверену или вышестоящему лорду. Поклонение; выражение уважения.
<i>Imperatour</i> Командир.	<i>Emperour</i> Монарх по титулу и достоинству выше короля: как император Германии.
<i>Knight service</i> В прошлом владение землей, за которое человек был обязан носить оружие случае необходимости защиты королевства.	<i>Knight</i> Мужчина, достигший определенного воинского звания. В древности существовал обычай посвящать в рыцари каждого человека, занимающего высокое положение, чтобы он мог бросать вызов, сражаться на ристалище и совершать боевые подвиги. В Англии рыцарство дает титул сэра: как, сэр Томас, сэр Ричард. Когда имя не было известно, обычно говорили «сэр рыцарь».
<i>Monarch</i> Король, принц или кто-то в этом роде.	<i>Monarch</i> Управляющий, наделенный абсолютной властью; король. Тот, кто превосходит себе подобных. Президент.
<i>Monarchie</i> Правление одного принца.	<i>Monarchy</i> Правление одного человека. Королевство; империя.
<i>Monopolie</i> Когда кто-то владеет товарами таким образом, что никто не может продавать их или получать от них прибыль, кроме него самого.	<i>Monopoly</i> Эксклюзивная привилегия продажи любой вещи.
<i>Mortuarie</i> Оплата за погребение умершего.	<i>Mortuary</i> Дар, оставленный человеком после его смерти своей приходской церкви в качестве компенсации за его личные десятины и пожертвования, не уплаченные должным образом при его жизни.
<i>Mountebanke</i> Бесчестный торговец (в основном лекарствами), который с наглостью продает по большей части подделки простому народу.	<i>Mountebank</i> Врач, который сидит в лавке на рынке и хвастается своими лекарствами и снадобьями. Любой хвастун и лживый притворщик.
<i>Municipall</i> Относящийся к владениям свободного человека или городского жителя.	<i>Municipal</i> Принадлежащий корпорации.
<i>Nonresidencie</i> Незаконное отсутствие по месту жительства.	<i>Nonresident</i> Тот, кто не желает жить в подобающем месте.
<i>Oeconomicall</i> Принадлежащий домохозяйству.	<i>economicall</i> Относящийся к регулированию домашнего хозяйства. Бережливый.
<i>Oligarchie</i> Когда несколько главных лиц управляют всеми остальными в государстве (<i>in a Common-</i>	<i>Oligarchy</i> Форма правления, при которой высшая власть принадлежит небольшому числу людей; аристократия.

<i>wealth</i>).	
<i>President</i> Правитель, судья.	<i>President</i> Тот, кто наделен властью над другими; стоящий во главе других. Губернатор; префект.
<i>Rector</i> Губернатор, правитель.	<i>Rector</i> Настоятель нераспределенного прихода.
<i>Reforme</i> Вносить изменения.	<i>Reform</i> Изменять к лучшему.
<i>Regent</i> Принц или Губернатор.	<i>Regent</i> Губернатор; правитель. Тот, кто замещает королевскую власть.
<i>Republique</i> Общее благо (<i>The Common weale</i>).	<i>Republic</i> Содружество (<i>Commonwealth</i>); государство, в котором власть сосредоточена более чем у одного.
<i>Reuolt</i> Перейти от одного капитана к другому.	<i>Reuolt</i> Дезертирство; смена сторон. Грубое отступление от обязанностей.
<i>Reuolution</i> Извилистый и петляющий, особенно о ходе времени.	<i>Revolution</i> Ход любой вещи, которая возвращается в точку, с которой она начала движение. Пространство, измеренное какой-то «революцией». Изменение состояния правительства или страны. У нас оно используется <i>κατ' ἐξοχήν</i> (по преимуществу) для обозначения изменения, вызванного признанием короля Вильгельма и королевы Марии. Ротация в целом; обратное движение.
<i>Riot</i> Когда двое или более лиц собираются вместе для совершения противоправного действия.	<i>Riot</i> Дикий и разгульный праздник. Крамола; беспорядки. <i>To run Riot</i> Двигаться или действовать без контроля и ограничений.
<i>Societie</i> Сообщество.	<i>Society</i> Союз многих с одним общим интересом. Группа, объединенная одним интересом; сообщество. Компания, собеседники. Партнерство; союз на равных условиях.
<i>Suffrage</i> Благоприятные голоса в своих интересах, например, при выборе мэров, бюргеров и т.п.	<i>Suffrage</i> Голосование; голос, высказанный по спорному вопросу.
<i>Tradition</i> То, что досталось нам от других.	<i>Tradition</i> Акт или практика передачи отчетов из уст в уста без записи; общение из века в век. Любая вещь, передаваемая устно из века в век.
<i>Tyrant</i> Жестокий кровавый принц.	<i>Tyrant</i> Абсолютный монарх, правящий самовластно. Жестокий деспот и суровый хозяин; угнетатель.
Религия, вера, суеверия	
<i>Alcoron</i> Закон турков.	<i>Alcoron</i> Книга магометанских заповедей и предмета веры (<i>credenda</i>). <i>Credenda</i> То, во что стоит верить; предметы веры; отличается в богословии от адженды (<i>agenda</i>) или практических обязанностей.
<i>Apostasie</i> Отпадение от религии.	<i>Apostasy</i> Отклонение от того, что исповедует человек: это обычно применяется к религии; иногда с частицей <i>from</i> .
<i>Atheisme</i> Проклятое мнение атеистов.	<i>Atheism</i> Неверие в Бога.
<i>Atheist</i> Тот, кто думает, что Бога или правил религии нет.	<i>Atheist</i> Тот, кто отрицает существование Бога.

<i>Baptisme</i> Омовение или погружение в воду.	<i>Baptisme</i> Внешнее омовение тела, с определенной формой слов, действующее и обозначающее внутреннее омовение или омовение души от первородного греха.
<i>Cabal</i> Традиции иудейского верования.	<i>Cabal</i> Тайная наука еврейских раввинов. Группа людей, объединенных каким-то скрытым замыслом. Кабала отличается от компании, как малое (few) от многого (many). Интрига.
<i>Catholike</i> Универсальный или общий.	<i>Catholic</i> Универсальный или общий. Церковь Иисуса Христа называется католической, потому что она простирается по всему миру и не ограничена временем. <...>.
<i>Hereticke</i> Тот, кто сам выбрал, в какие положения религии он будет верить, а в какие нет.	<i>Heretick</i> Тот, кто пропагандирует свои частные мнения вопреки католической церкви.
<i>Manna</i> Пища, которую Бог дал израильтянам с Небес, белая и очень похожа на семена кориандра.	<i>Manna</i> Манна, по сути, представляет собой камедь и затвердевший медоподобный сок, сухой, но тем не менее прилипающий к пальцам. <...>.
<i>Martyr</i> Тот, кто умирает ради религии.	<i>Martyr</i> Тот, кто своей смертью свидетельствует об истине.
<i>Necromancie</i> Гадание путем вызова Дьявола или призраков мертвецов.	<i>Necromancy</i> Искусство узнавать будущие события посредством общения с умершими. Чары; заклинание.
<i>Palmistrie</i> Гадание по ладони.	<i>Palmistry</i> Обман путем предсказания судьбы по линиям ладони.
<i>Sacrament</i> Мистическая церемония, учрежденная нашим Спасителем.	<i>Sacrament</i> Клятва; любая церемония, порождающая обязательства. Внешний и видимый признак внутренней и духовной благодати.
<i>Sacrilege</i> Ограбление церкви, хищение святынь, злоупотребление Таинствами или Святыми Тайнами.	<i>Sacrilege</i> Преступление присвоения себе того, что посвящено религии; преступление ограбления небес; преступление нарушения или осквернения святынь.
<i>Sanctuarie</i> Место, куда правонарушители или должники могут прийти за помощью без каких-либо последствий.	<i>Sanctuary</i> Святое место; Святая Земля. Собственно пенетралия, или самая уединенная и внушающая страх часть храма. Место защиты; священное убежище. Человек санктуария - тот, кто находит убежище в святом месте. Приют; защита.
<i>Secular</i> мирской.	<i>Secular</i> Не духовный; относящиеся к делам нынешнего мира; не святой; мирской.
<i>Simonie</i> Продажа духовных вещей за деньги.	<i>Simony</i> Преступление в виде покупки или продажи церковных почестей.
<i>Superstition</i> Чрезмерное церемониальное поклонение, ложное поклонение или почитание Бога.	<i>Superstition</i> Ненужный страх или сомнения в религии; соблюдение ненужных и неконтролируемых обрядов или практик; религия без морали. Ложная религия; почтение к существам, а не к объектам почитания; ложное поклонение.
Семья, нравственность, здоровье	
<i>Animositie</i> Живость, смелость.	<i>Animosity</i> Ненависть; страстная злоба. Предполагает скорее склонность к бесчинствам, чем сами беспорядки.
<i>Barbarisme</i> Грубость в речи или поведении.	<i>Barbarism</i> Форма речи, противоречащая чистоте и точности языка. Незнание искусств;

	отсутствие знаний. Жестокость; дикость манер; грубость. Варварство; безжалостное жестокосердие.
<i>Crazie</i> Больной, слабый.	<i>Crazy</i> Сломанный; дряхлый. Сломленный ум; проблемы с интеллектом.
<i>Culture</i> Обработка почвы.	<i>Culture</i> Акт выращивания; процесс обработки земли; обработка почвы. Искусство благоустройства и мелиорации.
<i>Curiositie</i> Больше желания, чем необходимости.	<i>Curiosity</i> Любознательность; склонность к исследованию. Вежливость; деликатность. Точность. Акт любопытства; хороший эксперимент. Объект любопытства; редкость.
<i>Coloquintida</i> Разновидность дикой тыквы, часто используется в медицине.	<i>Coloquintida</i> Плод одноименного растения, привезенного из Леванта, размером с большой апельсин, часто называемый горьким яблоком <...>.
<i>Dogmaticall</i> Мнение, которого придерживаются некоторые.	<i>Dogmatical</i> Авторитетный; судебский; позитивный; в манере философа, устанавливающего первые принципы секты.
<i>Education</i> Воспитание.	<i>Education</i> Формирование манер в юности; способ воспитания молодежи; воспитание.
<i>Elegancie</i> Аккуратность.	<i>Elegancy</i> Красота искусства; скорее успокаивающий, чем поразительный; красота без пышности.
<i>Epicure</i> Тот, кто склонен к чрезмерному обжорству.	<i>Epicure</i> Последователь Эпикура; человек, полностью отдававшийся роскоши.
<i>Ethicks</i> Книги моральной философии.	<i>Ethicks</i> Учение о морали; система морали.
<i>Excrement</i> Любая вещь, которая естественным образом растет в организме и может быть удалена без какого-либо вреда для него.	<i>Excrement</i> То, что выбрасывается как бесполезное, вредное или испорченное из естественных проходов тела.
<i>Genealogie</i> Родословная.	<i>Genealogy</i> История преемственности семей; перечисление происхождения в порядке наследования; родословная.
<i>Genius</i> Добрый ангел или добрый дух, душа.	<i>Genius</i> Сила, оберегающая людей, места или вещи. Человек, наделенный превосходными способностями. Умственная сила или способности. Расположение природы, благодаря которому каждый человек имеет право на какую-то особую работу.
<i>Grangrene</i> Болезнь, при которой плоть постепенно отмирает.	<i>Grangrene</i> Омертвление; остановка кровообращения с последующим гниением.
<i>Hermitage</i> Уединенный дом, в котором живет отшельник.	<i>Hermitage</i> Келья или жилище отшельника.
<i>Idiote</i> Дурак, необразованный осел.	<i>Idiot</i> Дурак; подкидыш; человек, лишенный разума.
<i>Illiterate</i> необученный.	<i>Illiterate</i> Неграмотный; необученный; непросвещенный наукой (<i>unenlightened by science</i>).
<i>Ingenuitie</i> Свободная натура, вежливость, благородство.	<i>Ingenuity</i> Открытость; справедливость; откровенность; свобода от притворства. Остроумие; изобретение; гений; тонкость; острота.
<i>Inhumanitie</i> Жестокий, невежливый (<i>uncivill</i>).	<i>Inhumanity</i> Жестокость; дикость; варварство.
<i>Insensible</i> То, что невозможно воспринять, или тот, кто настолько глуп, что ничего не воспринимает.	<i>Insensible</i> Незаметный; не обнаруживаемый органами чувств. Медленно, постепенно, чтобы не было заметно никакого прогресса.

	Отсутствие чувств: ни ментальных, ни телесных. Отсутствие эмоций.
<i>Ironie</i> Говорить наоборот, говоря, что черное – это белое.	<i>Irony</i> Форма речи, когда значение противоположно словам. Например, Болингброк был святым человеком.
<i>Irregular</i> Вопреки правилу.	<i>Irregular</i> Отклонившийся от правил, обычаев или природы.
<i>Jubilee</i> Праздничный (rejoicing) год, каждые 100, 50 или 20 лет.	<i>Jubilee</i> Общественный праздник; время празднований; сезон радости.
<i>Maniacke</i> Сумасшедший.	<i>Maniac</i> Бешеный; обезумевший от злости.
<i>Melancholy</i> Самая плотная (grossest) из четырех телесных жидкостей, которая при ее избытке вызывает уныние и печаль ума.	<i>Melancholy</i> Заболевание, предположительно возникающее из-за избытка черной желчи; но вероятнее возникающее из-за слишком густой и вязкой крови <...>.
<i>Memorandum</i> Термин, используемый, когда мы пишем что-то, чтобы не забыть.	<i>Memorandum</i> Заметка, помогающая памяти.
<i>Menstruous</i> Женская болезнь, мерзкий, отвратительный.	<i>Menstruous</i> Наличие менструации.
<i>Mentall</i> То, что есть только в уме.	<i>Mental</i> Интеллектуальный; существующий в сознании.
<i>Microcosmus</i> Маленький мир, человек.	<i>Microcosm</i> Маленький мир. Некоторые сомнительные философы воображают, что человек имеет в себе нечто подобное четырем элементам.
<i>Minoritie</i> Время до достижения совершеннолетия, когда можно распоряжаться имуществом или землей.	<i>Minority</i> Несоввершеннолетие. Состояние меньшего. Меньшее количество, когда меньшинство придерживалось какого-то вопроса в оппозиции к большинству.
<i>Moderne</i> Живущий в наше время.	<i>Modern</i> Недавний; не древний; не старинный. У Шекспира – общий; низкий; расхожий.
<i>Morall</i> Хорошие манеры или обладание ими.	<i>Moral</i> Мораль; практика или учение о жизненных обязанностях – это скорее французский, чем английский смысл. Доктрина, насаждаемая вымыслом; использование басни для формирования морали.
<i>Moralitie</i> Вежливость, хорошее поведение.	<i>Morality</i> Учение о жизненных обязанностях; этика. Вид действия, который делает его предметом вознаграждения или наказания.
<i>Muliebritie</i> Утонченность, женственность.	<i>Muliebrity</i> Женственность; противоположность мужественности; манеры и характер женщины.
<i>Opium</i> Сок черного мака, смешанный с другими веществами, вызывает сонливость, но, если его принять в чистом виде, он ввергнет человека в смертельный сон.	<i>Opium</i> Сок, частично смолистый, частично липкий (gummy kind). К нам его привозят в виде лепешек или масс, обычно округлой формы, очень тяжелых и плотной консистенции, не совсем сухих. <...>.
<i>Parasite</i> Лысец, нахлебник.	<i>Parasite</i> Тот, кто часто посещает богатые застолья и заслужил расположение лестью.
<i>Patrimonie</i> Товары или земли, оставленные друзьями.	<i>Patrimony</i> Имущество, полученное по наследству.
<i>Patron</i> Отличный друг, который защищает.	<i>Patron</i> Тот, кто поддерживает или защищает. Обычно негодяй, который поддерживает нагло и получает вознаграждение лестью. Святой-хранитель. Адвокат; защитник; воздаятель. Тот, кто жертвует церкви.
<i>Patheticall</i> Движимый любовью.	<i>Pathetical</i> Воздействие на страсти; страстный.

<i>Phylanthropie</i> Гуманизм (<i>Humanitie</i>).	<i>Philanthropy</i> Любовь к человечеству; добродушие.
<i>Phylogie</i> Любовь к болтовне.	<i>Philologie</i> Критика; обучение грамматике.
<i>Prostitute</i> Выставить на продажу, предложить свое тело каждому мужчине за деньги.	<i>Prostitute</i> Наемник; тот, кто согласен на продажу. Проститутка.
<i>Pubertie</i> Возраст четырнадцати лет у мужчин и двенадцати лет у женщин.	<i>Puberty</i> Время жизни, когда два пола впервые начинают знакомиться.
<i>Rusticall</i> По-деревенски, грубо.	<i>Rustical</i> Грубый; дикий; шумный; жестокий.
<i>Seraphicall</i> Воспламененный божественной любовью, как Серафим.	<i>Seraphical</i> Ангельский.
<i>Sociable</i> Добрый, любящий.	<i>Sociable</i> Подходит для Объединения. Готов объединиться в общих интересах. Дружелюбный; привычный. Компанейский.
<i>Symptome</i> Любая неприятность (<i>griefe</i>), возникающая вследствие болезни или явно связанная с ней, например, головная боль при лихорадке или тому подобное.	<i>Symptom</i> То, что происходит одновременно с чем-то другим, а не как первопричина или как необходимое или обязательное следствие. Знак, признак.
<i>Vacation</i> Пустота (<i>Emptiness</i>), перерыв от работы.	Приостановление судебных процедур или любых других государственных служб; перерыв в работе судов или сенатов. Досуг; свобода от проблем и забот.
<i>Vrbantie</i> Гражданское поведение. (<i>Ciuill behaiouir</i>).	<i>Urbanity</i> Элегантность; вежливость; веселье; шутливость.
<i>Vulgar</i> Обыкновенный, распространенный широко.	<i>Vulgar</i> Простолюдины. Простой, низкий.
<i>Wisard</i> Мудрый, хитрый человек.	<i>Wizard</i> Фокусник; чародей; ведьма. Вероятно, поначалу имело положительный смысл.
<i>Mythologie</i> Толкование поэтических загадок (<i>riddles</i>).	<i>Mythology</i> Система басен; объяснение сказочной истории богов языческого мира.
<i>Lunacy</i> Болезнь, когда в определенные моменты Луны человек теряет в своих мыслях.	<i>Lunacy</i> Свообразное безумие из-за влияния луны; безумие в общем.

Несмотря на заявление Джонсона о полноте словесного вокабуляра XVII в., изменения, произошедшие в языке, не могли не отразиться на его словаре. Ему приходится признать, что задумка зафиксировать устойчивые значения слов изначально несбыточна: «мы смеемся над эликсиром, обещающим продлить жизнь до тысячи лет, и столь же справедливо можно высмеивать лексикографа, который, будучи не в состоянии привести ни одного примера нации, защитившей свои слова и фразы от изменений, воображает, что его словарь сможет забальзамировать язык и предохранить его от порчи и разложения»²⁶. Он замечает, что только у малообразованных народов возможно сохранение языка в неизменном виде, английская же культура стоит на том уровне, когда новые открытия способствуют обновлению словаря, а новые знания, «реальные или воображаемые, будут порождать новые слова и комбинации слов»²⁷.

Авторы толковых словарей первой половины XVII в. ставили перед собой задачу фиксации и кодификации пришедших в английский

²⁶ Johnson 1755. Vol. 1.

²⁷ Ibid.

язык слов и терминов, будучи убежденными в реализуемости проекта по составлению полного и окончательного словаря английского языка, но изменения в обществе и культуре продемонстрировали несбыточность этого проекта. Консервативная позиция С. Джонсона вынуждает его обратиться за помощью к известным писателям в надежде, что их произведения позволят закрепить за словами строгие дефиниции, но ему приходится согласиться с тем, что язык является подвижной и живой системой, отказывающейся подчиняться каким-либо строгим ограничениям или надевать на себя тесные одежды толковых словарей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Шпак Г.В. Языковые практики и систематизация сведений о Русском царстве в Англии второй половины XVI – нач. XVII вв. // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2023. Том. 11. Вып. 2. С. 165–184. [Shpak G.V. Jazykovye praktiki i sistematiizacija svedenij o Russkom carstve v Anglii vtoroj poloviny XVI – nac. XVII vv. (Language Practices and Systematization of Information about the Russian Kingdom in England in the Second Half of the 16th – Beginning of the 17th Centuries) // Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, Vol. 11, Iss. 2. S. 165–182].
- Boring W.C. English Literature of Exploration. Discovery, and Travel as Genre: 1509–1625. New York University, 1979. 439 p.
- Bullock J. An English expositor teaching the interpretation of the hardest words used in our language. London: Printed by John Legatt. 1616.
URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_an-english-expositor_bullock-john_1616/page/n13/mode/2up
- Bullock J. An English expositor teaching the interpretation of the hardest words used in our language. Dublin: Printed by and for Samuel Fuller, 1731. URL: https://books.google.ru/books?id=Il5gAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gs_bse_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
- Cockeram H. The English dictionary... London: Printed [by Eliot's Court Press] for Edmund Weauer, 1623.
URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A19044.0001.001?rgn=6main;view=fulltext>
- Cockeram H. The English Dictionary... London: Printed by H.C. Gent, 1642. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1641-1700_the-english-dictionary_cockeram-henry_1642/page/n36/mode/1up
- Coote E. The English school-master... The Scholar Press Limited, 1968. URL: <https://archive.org/details/englishschoolmas00coot/page/76/mode/2up>
- De Witt T. Starnes, Gertrude E. Noyes. The English Dictionary from Cawdrey to Johnson, 1604-1755. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1946.
- Elyot T. To the Moste Excellent Prince, and Ovr Moste Redoubted Soueraygne Lorde Kyng Henry the VIII / The Castell of Health. London, 1595.
URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21313.0001.001?rgn=main;view=fulltext>
- Galfrido Grammatico Promptorium Parvulorum Sive Clericorum. Dictionarius Anglo-Latinus Princeps, Londini: Bumptibus Societatis Camdenensis. 1865. P. 1.
URL: <https://archive.org/details/promptoriumparvu00camduoft/page/n93/mode/2up>
- Johnson S. A Dictionary of the English Language... / in 2 vols. London: Printed by W. Strahan, 1755. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/1755page/title-v1-1>
- Robert Cawdrey. A Table Alphabeticall / ed. Robert A. Peters. Gainesville, Florida: Scholars' Facsimiles & Reprints, 1966.
URL: https://extra.shu.ac.uk/emls/iemls/work/etexts/caw1604w_removed.htm#reader
- Sherry R. A treatise of schemes [and] tropes very profitable for the better vnderstanding of good authors... London: By Iohn Day dwelinge ouer Aldersgate, 1550.
URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A12121.0001.001/?view=toc>
- Stehling D. Semantic Change in the Early Modern English Period: Latin Influences on the English Language. Hamburg: Anchor academic publishing, 2013. 69 p.

Шпак Георгий Владимирович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; старший научный сотрудник, ИВИ РАН; преподаватель, РГГУ, Москва; geo.shpak@gmail.com

Dictionaries of “Hard Words” and Semantic Drift in England XVII–XVIII Centuries²⁸

Changes in the semantics of words serve as a characteristic marker of mental transformations. The reason may be social, cultural, religious, ideological and other structural changes occurring in the area where the language exists. The revolutionary events of English social life in the mid-17th century suggest that characteristic transformations also occurred in the semantics of the language. The “complication” of the English language through translations of texts by Latin authors, the publication by travelers of the words of strangers, the spread of neologisms and “lexical innovations” due to the complication of the structure of scientific knowledge - all this required the codification and syntagmatization of the language. The article discusses the features of the first English dictionaries of “hard words”. Using the example of a comparison of the dictionaries of H. Cockeram and the later dictionary of Samuel Johnson, the changes that occurred in the semantic content of words in England in the 17th century are demonstrated. It is concluded that in the middle of the 18th century, the desire of compilers of explanatory dictionaries to fix the final meaning of words ran into the variability of language and cultural norms. They have to admit the utopian nature of projects to create unified dictionaries that do not require further corrections.

Keywords: *dictionaries, semantic drift, Henry Cockeram, Samuel Johnson, history of the English language, Scientific revolution in England.*

Georgiy Shpak, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory of Edition Archeography, Ural Federal University, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow; geo.shpak@gmail.com

²⁸ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No 22-18- 00488 «The Crisis of Values and the Coping Strategies: the Idea of the “Common Wealth”; in the Intellectual discourse of Britain and Russia (1650–1750)»).

**ПРЕДШЕСТВЕННИК Н.М. КАРАМЗИНА
П.-Ш. ЛЕВЕК КАК ИСТОРИК РОССИИ¹**

Опубликованная в конце XVIII в. «История Российская» французского ученого Пьера-Шарля Левека (1736–1812) была первым обобщающим трудом по истории нашей страны не только в русской, но и в мировой историографии. Она непосредственно предшествовала знаменитой «Истории государства Российского» Николая Карамзина, но сегодня почти забыта. Однако сочинение Левека было основным источником знаний образованных россиян об истории России до появления труда Карамзина. В статье рассматриваются использованные Левеком источники, его вклад в изучение российского прошлого. Показано влияние этой книги на образованное русское общество. Лебек не считал Россию идеальной страной, но и не был настроен к ней враждебно. Его книга является редким примером объективности историка.

Ключевые слова: *Пьер-Шарль Лебек, Карамзин, историография, история России, источниковедение.*

В 1780 г. в Петербурге была объявлена подписка на многотомную «Историю Российскую»² француза Пьера-Шарля Левека (1736–1812)³. Судя по перечню подписавшихся, к этому сочинению проявил интерес достаточно широкий круг образованных читателей, в т.ч. члены правящего дома⁴. Тираж сочинения Левека превзошел тиражи выходившей в то время специальной литературы⁵. В.А. Сомов показал, что продававшийся в Петербурге и Москве, а также выписывавшийся читателями из-за границы труд Левека был встречен в России с большим интересом и вызвал определенную полемику⁶. Французский историк взбудоражил российскую общественность тем, что представил публике качественный «образец достаточно изящной прозы»⁷, а отнюдь не «сухое и тяжелое»⁸ произведение, охватывавшее, в отличие от предшествовавших или отчасти современных ему публикаций В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и И.М. (И.Г.) Стриттера, весь период русской истории – от догосударственного, включая время славянского этно- и глоттоге-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № 122041900145-1 «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья».

² В отечественной литературе встречаются разные варианты перевода сочинения Левека («Российская история», «История России»). Но поскольку французский автор создавал свой труд, ориентируясь на «Историю Российскую от древнейших времен» М.М. Щербатова, мы предпочитаем называть «Histoire de Russie» именно «Историей Российской».

³ См. Сомов 1988.

⁴ Подробнее см. Сомов 1982: 90–92; 1986: 204–205; 1988: 184–185.

⁵ Сомов 1982: 92.

⁶ Сомов 1982: 90–98; 1986: 206–210.

⁷ Шмидт 2009: 350. М.Б. Свердлов полагает, что изящный французский язык Левека стал для Карамзина примером того, как можно писать историю России (Свердлов 2022: 460).

⁸ Именно таким его счел К.Н. Бестужев-Рюмин. См. Бестужев-Рюмин 1872: 205.

неза, до (в последующих изданиях) смерти Екатерины II, а в издании 1812 г. – и до убийства Павла I.

Уже в 1783 г. «История Российская» потребовала дополнительного тиража, после чего переиздавалась еще в 1800 и 1812 гг. Четырежды она в сокращенном варианте печаталась в переводе на итальянский язык (последний раз в 1854 г.), существует неоконченное русское издание⁹. К сожалению, публикаций о Левеке и его творчестве немного: можно назвать лишь относительно давний очерк А. Мазона, серию частично дублирующих друг друга статей В.А. Сомова, кандидатскую диссертацию и ряд последующих работ Э.В. Ильиченко (Мельник), несколько публикаций В.В. Андреева, а также достаточно подробный анализ «Истории Российской» Р. Спеком и М.Б. Свердловым¹⁰. Недавно был впервые опубликован русский перевод «этнографических» 7 и 8 тт. сочинения французского историка, выполненный по изданию 1812 г.¹¹

В начале XIX в. многотомник пробывшего в «командировке» в нашей стране Левека (по рекомендации Д. Дидро и по приглашению Екатерины II он семь лет служил преподавателем кадетского корпуса в Санкт-Петербурге¹²) был признан во Франции лучшей на тот момент историей России¹³. А.Л. Шлёцер считал, что ни один иностранец не написал ничего более обстоятельного и правдивого на эту тему, чем Левек¹⁴, высокая оценка исследованию французского ученого давалась и в русской печати того времени¹⁵. И это – после того, как «История Российская» получила гневную отповедь Екатерины II, в 1783 г. в письме к Ф.М. Гримму назвавшей ее автора «скотом скучным и глупым»¹⁶, после того, как критические замечания о произведении француза высказал Болтин¹⁷, после того, как распространение работы Левека в России столкнулось с рядом ограничений¹⁸.

До появления известных трудов Н.Г. Устрялова, т.е. на протяжении более чем полувека, сочинение французского историка оставалось

⁹ Сомов 1982: 83–86.

¹⁰ Mazon 1963: 7–66; Сомов 1982: 82–99; Сомов 1983: 105–120; Сомов 1986: 179–187; Сомов 2002: 71–81; Ильиченко 2011a; Ильиченко 2011b; Андреев 2015; Кучумов, Мельник, Сахибгареева 2016: 153–161; Мельник 2022; Speck 2010: 111–144; Свердлов 2022: 416–461.

¹¹ Левек 2016.

¹² Биографические сведения об ученом см. Ильиченко 2011b; Левек 2016: 12–16; Свердлов 2022: 419–423.

¹³ Об оценках сочинения Левека в тогдашней Европе см. Speck 2010: 116–123.

¹⁴ Сомов 1982: 85. Сравнительный анализ историософий Шлёцера и Левека см. Speck 2010: 166–209, 269–270

¹⁵ Сомов 1982: 96–98; Сомов 1986: 207–208.

¹⁶ Сомов 1982: 92; Сомов 1986: 206; Свердлов 2022: 416.

¹⁷ Болтин 1788: 267–268.

¹⁸ Сомов 1982: 98–99; Сомов 1986: 209. Оценки труда Левека Екатериной II и Болтиным привели к тому, что русский перевод «Истории Российской» прервался на первом томе (Левек 1787), который отличается точностью воспроизведения первоисточника, но в нем отсутствуют имеющиеся во французском оригинале список использованной автором литературы, а также научный аппарат.

единственным в мире (если исключить его пересказчиков-эпигонов, о которых см. ниже) полным описанием истории России от происхождения славян и династии Рюриковичей до конца правления Екатерины II, а в издании 1812 г. – и до смерти Павла I. Именно по этому многотомнику изучали прошлое своей родины сам Павел I, его сын и будущий император Николай Павлович, первые выпускники Царскосельского лицея, среди которых А.С. Пушкин, декабрист В.К. Кюхельбекер, впоследствии директор Санкт-Петербургской публичной библиотеки М.А. Корф, канцлер А.М. Горчаков и другие.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство. В сочинении Левека получили освещение многие «темные» стороны русской истории XVI–XVIII вв., то, что во многом до начала XX в., а то и до советских времен было погребено в царских архивах и запрещено не только для исследования, но даже для чтения. Речь идет об эпохе Ивана Грозного, событиях Смуты, загадочной смерти царевича Алексея Петровича, дворцовых переворотах, царствованию Екатерины II. Однако даже во время правления Павла I, в 1798 г., ближайшее окружение государя не стало запрещать многотомник Левека, сославшись на то, что он и так уже давно всем известен¹⁹. Сочинение Левека, как установлено современными исследователями, было во многих русских личных библиотеках конца XVIII – середины XIX в.²⁰ Учитывая существовавший в стране длительный запрет на множество изданий (преимущественно, зарубежных) о прошлом нашей страны, можно сказать, что тома сочинения Левека были одним из редких полулегальных источников информации по этой теме, своеобразной дырой в информационном «железном занавесе», который был возведен царскими властями с целью препятствия проникновению в Россию знаний о некоторых периодах ее истории. Судя по выявленному В.А. Сомовым кругу читателей книги Левека, можно сказать, что образованная российская общественность с конца XVIII в. была неплохо осведомлена об истории своего отечества, в том числе тех эпизодах, сведения о которых являлись официально запрещенными.

Широкое, в том числе негласное (в личной переписке), обсуждение сочинения французского историка было в тех условиях невозможно, однако влияние «Истории Российской» на умы части российских интеллектуалов и политиков было, очевидно, значительным. У Левека даже появились эпигоны. Так, в 1797 г. начинает выходить трехтомная «История России» французского литератора А.-М. Блен де Сенмора, в основе которой лежал труд Левека²¹. На английском языке двухтомную компиляцию на базе сочинения французского автора выпустил в 1800 г. британский пастор и историк У. Тук²². Это значительно расширяло воз-

¹⁹ Сомов 1982: 98.

²⁰ Сомов 1982: 90–93.

²¹ Лебедева 2004: 88.

²² К сожалению, крупный современный британский историк-русист Э. Кросс не заметил этого сходства (в отличие от де Сенмора, пастор не стал признаваться, чей

возможности проникновения «крамольных» сведений исторического характера в Россию и ознакомления с ними широких кругов образованной публики. Данное обстоятельство позволяет по-новому подойти к вопросам формирования взглядов представителей либерального направления русской общественно-политической мысли – от Радищева до декабристов и далее. Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

По традиции французский историк привел список использованных им публикаций, который, по словам М.Б. Свердлова, учитывал «всю уже существовавшую российскую исследовательскую литературу»²³. Это не так. Основные работы Левек, конечно, использовал, но его источниковую базу все же нельзя считать исчерпывающей, и специалисты по истории России X–XVIII вв. сразу обратят на это внимание. Нельзя назвать ее полной и для иностранных источников: в частности, в ней не отражены «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея, ряд работ Г.Ф. Миллера, «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» Жака Маржерета, сокращенные ссылки на которых, однако, даются на полях «Истории Российской»²⁴. Левек, по его собственному признанию, не владел немецким языком²⁵, и это помешало ему использовать ряд важных источников, которые не были переведены на известные французскому ученому языки. В частности, Левек проигнорировал знаменитый «Дневник» камер-юнкера Ф.Г. Берхгольца, который, по словам Н.Г. Устрялова, «превосходит все, что ни писали иноземцы о Петре Великом»²⁶. В целом сочинение Левека представляет собой творческое обобщение того, что к тому времени накопила по истории России русская и отчасти зарубежная историография.

Сравнивая, пусть и примитивно, греческие, латинские и славянские слова в эпоху, когда индоевропейское языкознание только зарождалось, Левек поставил вопрос о родстве этих языков. Можно предположить,

труд он положил в основу собственного) и бесосновательно счел публикацию Тука оригинальной, назвав ее автора «первым англичанином, который читал и использовал российские исторические источники» (Кросс 2013: 115, 141). Не смогла опознать истинный источник «Истории России от основания монархии Рюриком до Екатерины Второй» У. Тука и К.П. Артеменкова (см. Артеменкова 2021).

²³ Свердлов 2022: 426; а также Мезин 2003: 205–206 и Coudenys 2016: 749. М.Б. Свердлов ошибочно полагает, что аннотированный перечень основных сочинений, использованных автором при составлении своего труда и имевшийся в начале предыдущих изданий, в публикации 1812 г. отсутствует (Свердлов 2022: 423) – на самом деле в 1812 г. он был перенесен из первого тома в шестой (Сомов 2002: 77). При этом библиографический список в издании 1812 г., по сравнению с 1782 г., практически не претерпел изменений: возможно, Левек не имел доступа к новейшей русской литературе, однако и мера его участия в последней французской редакции книги (1812 г.) также неясна (Свердлов 2022: 423).

²⁴ В эпоху Просвещения «библиографические пометки выносились на поля... в качестве альтернативы подстрочным ссылкам, в виде кратких уточнений» (Рудковская 2021: 27).

²⁵ Levesque 1812, т. 1: 41.

²⁶ Устрялов 1858: LXXXIII.

что этой темой он занялся под влиянием публикаций В.Н. Татищева²⁷ и этимологических упражнений Екатерины II. Подготовленные по инициативе этой правительницы «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы» были изданы П.С. Палласом в 1787–1789 гг., однако из писем императрицы к своему многолетнему корреспонденту, немецкому публицисту и дипломату Ф.М. Гримму 1783–1784 гг. следует, что она уже тогда интересовалась этимологией²⁸. Скорее всего, Екатерина увлеклась этим несколько раньше, и Левек, живший тогда в Петербурге и общавшийся с людьми из ее окружения, мог знать об этой очередной забаве государыни²⁹. Правда, в своем сочинении он не старался вслед за Екатериной доказывать происхождение всех языков мира от русского, но, используя ее метод, попытался определить место славянских языков на лингвистической карте Евразии. Поставленный Левеком вопрос о присутствии гуннов в Скандинавии³⁰, который в издании 1812 г. был подвергнут критике Г.Б. Дешпингом – одним из «научных редакторов» этого варианта «Истории Российской», в наши дни был вновь поднят норвежским археологом Л. Хедеагер и опять вызвал дискуссию³¹.

Лингвистические штудии Левека позволили ему сформулировать собственную схему славянского этногенеза, в которой он лишь частично учитывал наработки В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера. Французский ученый считал, что славяне пришли с Востока, потом расселились на берегах Каспийского и Азовского морей и даже дошли до Италии³². Впрочем, это была дань традиции, которую европейская историография быстро преодолела – в частности, теория Левека была подвергнута критике уже редакторами издания 1812 г. Являясь крупным европейским антиковедом, французский ученый искал генетические параллели между славянами и древним населением античной Европы. Он полагал, что русские издавна были известны грекам и римлянам, только под разными названиями. С помощью такого, по словам Ф.-Д. Лиштенан, «искусного стилистического приема»³³ Левек делал русских частью европейской истории.

Левек впервые во французской историографии представил целостную картину русского Средневековья. Ни один из его соотечественников не работал тогда с древнерусскими летописями, хотя в критическом анализе этого вида источников Левек, самостоятельно изучивший древнерусский язык, все же уступал известной скрупулезности немецких историков³⁴. Впрочем, ученый и не ставил перед собой задачу

²⁷ Кондрашов 1983: 84–86; Ненько 2017: 343–345.

²⁸ Ивинский 2016: 79–80.

²⁹ См. Knüppel 2019: 190.

³⁰ Levesque 1812, т. 1: 79–80.

³¹ См. Клейн 2014.

³² Levesque 1812, т. 1: 1–6, 36; Андреев 2015.

³³ Liechtenhan 2000: 145.

³⁴ Speck 2010: 122–123.

установления подлинности тех или иных документов и фактов, хотя и не отказывался от попыток этого: его целью, как справедливо заметил современный британский исследователь Р. Спек, было проследить процесс приобщения России к цивилизации и на основе изучения истории понять, что эта страна представляет сейчас и какой станет в будущем³⁵.

С учетом повышенного интереса европейской общественно-политической мысли XVIII в. к Петру I, царю, который многим казался тогда беспрецедентным явлением в мировой истории, Левек посвятил этому правителю более половины четвертого и половину пятого тома своего сочинения. В отличие от остального текста, разделенного на главы, названные именами князей и царей, описание жизни и деятельности Петра структурировано у французского автора на «книги» (*livre*)³⁶, тем самым представляя собой как бы «книгу в книге». В этом Левек, видимо, ориентировался на древнегреческую и древнеримскую традицию³⁷. Впрочем, подобная практика в XVIII в. тоже существовала³⁸. Подробный сравнительный анализ сочинений Вольтера и Левека о Петре I, заочная полемика Левека со своим покойным предшественником³⁹ — тема отдельного исследования, и отчасти оно уже проделано⁴⁰, но некоторые вопросы еще не изучены. При всем уважении к труду Вольтера как значительному памятнику европейской историографии и общественной-политической мысли, надо отметить, что Левек работал с оригинальными источниками на русском языке, а не с субъективно подобранными российскими учеными переводами и рефератами.

Левек не раз уличает Вольтера в ошибках. Например, рассказывая о битве у мызы Эрестфер 29 декабря (ст. ст.) 1701 г., Левек, опираясь на русские источники, сообщает, что в ходе нее у шведов было захвачено 4 артиллерийских орудия и 8 знамен и штандартов, тогда как Вольтер, доверившись присланным ему из Петербурга материалам, указывает только 4 знамени и всё. Эта неточность Вольтера, замеченная Левеком, не была прокомментирована современными издателями труда великого француза⁴¹. В сражении 18 июля 1702 г. у местечка Гуммельсгоф русскими было захвачены 15 шведских орудий, тогда как Вольтер ошибочно пишет о 15 орудиях, что также не было отмечено нынешними публи-

³⁵ Speck 2010: 123–124; Ильиченко 2010.

³⁶ Мезин 2003: 201–202.

³⁷ Ср. Рудковская 2021: 33. Анализ посвященных Петру I разделов «Истории Российской» Левека см. в Мезин 2003: 201–215, Speck 2010: 145–155 и Ильиченко 2010.

³⁸ Рудковская 2021: 33 и сл.

³⁹ Левек на протяжении всей своей жизни выступал с резкими нападениями на творчество Вольтера. На наш взгляд, причиной этого было то, что монархист Вольтер одновременно являлся убежденным и страстным противником абсолютизма, диссидентом, которого преследовали власти Франции, в то время как такой же сторонник монархии (судя по всему, он внутренне осуждал Французскую революцию) законопослушный Левек не участвовал в публичных политических дискуссиях и воздерживался от критики режимов и Людовика XVI, и Наполеона.

⁴⁰ См. Мезин 2003: 200–214.

⁴¹ Levesque 1812, т. 4: 291; Вольтер 2022: 196.

каторами⁴². И таких примеров можно привести несколько.

Конечно, Левек не имел доступа к тем источникам, которые оказались в распоряжении историков позднее, поэтому в его сочинение проникло немало распространенных в XVI–XVIII вв. стереотипов, затем прочно вошедших в массовое сознание. Это касается обстоятельств смерти сыновей царя Ивана Грозного, подробностей личной жизни Петра I и Екатерины II и т.д. Кстати, деяния этой правительницы Левек в своем сочинении оценивает в целом положительно и даже, противостоя господствующим в Европе настроениям, защищает ее от нападок недоброжелателей: о том, что она считала его «скотом», ученый, разумеется, не знал. Иначе, чем современная ему историография, Левек оценивает правления Бориса Годунова и Лжедмитрия I, находя в их действиях немало полезного для поступательного развития России.

Для Левека характерно всестороннее рассмотрение того или иного исторического события. Такой подход – одна из причин высокой (разумеется, для своего времени) объективности его сочинения. Рассказывая о «трудных» моментах русской истории, многие стороны которых большинству населения России в XVIII в. знать было не положено, Левек, в отличие от большинства своих российских и зарубежных современников, приводит все известные ему источники и точки зрения (это касается, в частности, гибели царевича Дмитрия, деяний самозванцев в начале XVII в., расправе с царевичем Алексеем Петровичем, обстоятельствам смерти Петра I и т.д.), давая возможность читателю сформировать собственное мнение о том или ином историческом событии. Ученый был очень осторожен по отношению к претендовавшим на сенсацию научным открытиям. Хотя первое сообщение в печати (автором которого был Н.М. Карамзин) об обнаружении «Слова о полку Игореве» появилось в 1797 г. в гамбургском франкоязычном журнале «Spectateur du Nord», Левек не упоминает об этом сочинении ни в издании 1800 г. своей «Истории Российской», ни в ее переиздании в 1812 г. Если А. Мазон прав, полагая, что Левек умолчал о находке этого произведения сознательно⁴³, то это говорит о высоком профессионализме и критическом мышлении ученого XVIII в., либо сомневавшемуся в древности данного сочинения, либо не спешившего с выводами о времени его возникновения (напротив, в России публикация «Слова» сразу была встречена с восторгом, а научный анализ находки был начат позднее).

Обширный труд по истории России, за который решился взяться иностранец Левек, конечно, не мог быть создан в результате самостоятельной проработки одной лишь специальной литературы – он стал возможен при участии добровольных помощников, которых ученый нашел в Петербурге. На страницах первых томов «Истории Российской» незримо присутствует друг и наставник Левека, выдающийся русский историк князь М.М. Щербатов. Левек ставил его в ряд веду-

⁴² Levesque 1812, т. 4: 294; Вольтер 2022: 197.

⁴³ Mazon 1963: 38.

щих русских историков своего времени, и в этом, конечно, был прав. Несмотря на многочисленные изъяны сочинений князя, обусловленные его известным дилетантизмом, это был крупный ученый. Поэтому французский ученый во многом следует тексту «Истории Российской от древнейших времен» своего петербургского коллеги, облегчая и сокращая его, повторяя его ошибки и тоже прибегая к морализаторству.

Наряду со своим многотомным обобщающим трудом Щербатов издал, впервые введя их в научный оборот, такие важнейшие исторические источники, как «Царственная книга», «Гистория Свейской войны», «Царский летописец», «Летопись о многих мятежах», синодальный список Новгородской летописи, Воскресенская летопись и т.д. Опубликованная Щербатовым Пространная редакция «Русской правды» легла в основу предпринятого Левеком отдельного исследования (которое опять же повторило все неисправности щербатовского издания) этого важнейшего историко-правового памятника Древней Руси. Это был первый анализ данного источника на Западе, правда, он был введен в научный оборот только в XX в.⁴⁴ Судя по всему, Левек в своей «Истории Российской» широко пользовался устными оценками деятельности Екатерины II, которые слышал от Щербатова в период своего пребывания в России. Об этом свидетельствует, в частности, схожесть характеристик императрицы, данных французским ученым, и соответствующими пассажами в целой серии работ Щербатова, которые были опубликованы только в XIX–XX вв. Совпадение характеристик известного деятеля екатерининской эпохи И.И. Бецкого как человека посредственных дарований (букв. «Ce n'était pas un homme à très-grands talents») у Левека⁴⁵ и «человека малого разума» у Щербатова в его знаменитом «О повреждении нравов в России» позволяет, на наш взгляд, предположить, что неизвестный практически никому в родном отечестве и тем более за рубежом памфлет русского историка и публициста попал на Запад на несколько десятилетий раньше принятой в историографии даты (когда его заполучил А.И. Герцен). Возможно, переписка русского и французского ученого продолжалась после отъезда последнего из России, и Щербатов мог переслать свои «О повреждении нравов...» (они были написаны, когда Левек уже давно находился во Франции) своему французскому другу в Париж, позволив использовать их без ссылок на автора.

С огромным уважением Левек относился к научному наследию крупного российского историка немецкого происхождения Г.Ф. Миллера, которого считал «одним из самых блестящих членов Петербургской академии наук», «неутомимым исследователем русской истории»⁴⁶. Французский ученый широко использовал целый ряд его сочинений: «Описание Сибирского царства», «Краткое известие о начале Новагоро-

⁴⁴ См. Mazon, Laran, Levesque 1962. О влиянии Щербатова на Левека см. Мезин 2003: 204–205.

⁴⁵ Levesque 1812, т. 5: 428.

⁴⁶ Levesque 1812, т. 6: 458, 465.

да», «Опыт новейшей истории о России» и почти дословно перепечата­ л (впрочем, к этому мог приложить руку и упомянутый выше Деппинг) в 6 т. «Истории Российской» (1812) вышедший ранее в Амстердаме на французском языке труд Миллера «Путешествия и открытия, учиненные россиянами вдоль берегов Ледовитого моря на Восточном океане, как около Японии, так и Америки». Рассказывая об экспедициях русских на востоке азиатского континента, Левек часто обращался к составленной Миллером сводной карте их открытий в Сибири и на Тихом океане.

Более сдержано, чем современная ему и позднейшая российская историография, Левек относится к научным изысканиям В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Характеризуя первого, французский ученый, будучи опытным источниковедом, пишет, что «еще ни один человек не привлекал и не сравнивал столько летописей», однако его научные выводы «зачастую кажутся сомнительными: автор редко цитирует сами летописи и не объясняет, почему остановил свой выбор именно на этой, поэтому определить, насколько достоверна его работа, невозможно»⁴⁷. Относительно Ломоносова Левек уже тогда заметил, что тот не обладал «здравой критикой, которая является главным качеством историка»⁴⁸. Вместе с тем французский ученый высоко оценивал заслуги Михаила Васильевича перед русской культурой и естественными науками.

По словам Ф. Вентури, прекрасный указатель к томам Левека превратил его работу в актуальную и информационно насыщенную энциклопедию⁴⁹. Но универсальный характер ей придал не только (и не столько) этот индекс, сколько дополнительный материал. Автор, пред­ назначавший свой труд для зарубежного читателя, обогатил основной текст справочными сведениями об административно-территориальном устройстве, общей и региональной экономике, внешней торговле и финансовой системе России. В частности, в 6-м томе издания 1812 г. эконо­ мико-географическое описание страны изложено по «Географическому методическому описанию Российской империи» Х.А. Чеботарева (1776) и «Географическому лексикону Российской империи» Ф.А. Полунина (1773). Французский ученый также поместил в свое сочинение список правителей России за всю ее историю, в основу которого положил, с некоторыми уточнениями, известное сочинение Ломоносова «Краткой российской летописец с родословием» (1760)⁵⁰.

Труд Левека начал вытесняться из учебного процесса, самообразова­ ния и общественного сознания только во втором десятилетии XIX в., когда он уже устарел с фактической стороны (было введено в оборот много источников, неизвестных французскому исследователю, опублико­ ван ряд новых исследований), но, главное, ему на смену пришлось, что

⁴⁷ Levesque 1812, т. 6: 462.

⁴⁸ Levesque 1812, т. 6: 465. Современную радикальную критику Ломоносова историка см. Формозов 2012: 25–49.

⁴⁹ Venturi 1991: 810.

⁵⁰ Сомов 1982: 88; Сомов 1986: 204.

говорится, импортозамещение. В начале февраля 1818 г. издававшийся в Санкт-Петербурге русским литератором Н.И. Гречем журнал «Сын отечества» сообщил о начале продаж «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина «в осьми томах»⁵¹. После Левека это была первая серьезная и масштабная попытка уже российского автора описать прошлое нашей страны. Мы не ставим перед собой цель дать подробный сравнительный анализ сочинений Левека и Карамзина – это были разные труды, написанные в разное время, на отчасти различной источниковой базе и рассчитанные на разные читательские аудитории. Мы хотим лишь отметить, что еще в XVIII в. мировая историческая наука обрела полноценную историю России, правда, вышедшую за рубежом. Заметим также, что оценивая значение произведения Карамзина для историографии России, обычно приводят ставшее хрестоматийным выражение А.С. Пушкина о том, что «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили». При этом часто упускают, что уже через несколько строк поэт трезво оценил этот ажиотаж: «У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина»⁵². О непреходящих заслугах Левека в открытии русской истории почему-то при этом не вспоминали...

Но мог ли текст Карамзина быть доступным для понимания «всеми», в т.ч. светскими барышнями, чьи интеллектуальные способности, за редким исключением, не стоит преувеличивать? Ведь несмотря на легкость стиля писателя, его многотомник отнюдь не был похож на развлекательный роман – он изобилует множеством имен, фактов⁵³ и был снабжен более чем шестью тысячами «нотииц» (примечаний). Впрочем, тексты непосредственных предшественников Карамзина, пользовавшихся более архаичным языком, были еще сложнее для широкой публики. «И сам Карамзин, и Пушкин, и еще немало число образованных людей хорошо помнили, что в XVIII столетии древнюю Россию искали и находили Ломоносов, Татищев, Щербатов, Болтин – и не только они...», заметил Н.Я. Эйдельман, подчеркнув, что написанные тяжелым слогом труды Татищева и Щербатова в начале XIX в. уже «не читали (за исключением узкого круга знатоков)», в т.ч. по причине их стремительно устаревшего на рубеже XVIII–XIX вв. языка⁵⁴ и сложной архитектоники текста⁵⁵. Однако в историографии получило распространение

⁵¹ Известия 1818: 225.

⁵² Пушкин 1978: 49.

⁵³ «Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого» – писал русский историограф (Карамзин 1989: 19).

⁵⁴ Эйдельман 1983: 45–48.

⁵⁵ Рудковская 2021: 51–52. Так, труд Щербатова «по уровню сложности организации текста, бесспорно, превосходил все масштабные “Истории” своей эпохи и, быть может, вообще не имеет аналогов в мировой историографии» (Рудковская 2021: 42 и сл., 159, 203).

мнение, опирающееся на восторженные отклики современников и не верифицированное специальным анализом, что история России была открыта именно Карамзиным.

Считается, что труд Левека «уже давно имеет лишь исторический интерес»⁵⁶. Разумеется, с точки зрения корпуса привлеченных источников (в основном опубликованных и лишь отчасти рукописных) эта книга к моменту появления «Истории государства Российского» устарела: «Загляните на те полки, где прежде стоял Левек: они в пыли – и Карамзин поставлен в раззолоченном сафьяне», – писал в 1825 г. Н.А. Полевой⁵⁷. Действительно, после выхода в свет труда Карамзина внимание общества к сочинению Левека снизилось⁵⁸. Правда, однозначные выводы насчет этого делать рано: вряд ли большинство читателей предпочло довольно специализированный многотомник Карамзина легкому стилю Левека лишь потому, что труд русского историка был свежее.

Некоторое время сочинения Карамзина и Левека существовали в общественном сознании российской образованной публики одновременно. При этом многотомник француза в какой-то мере подготавливал читателя к чтению более сложной и чрезвычайно плотно насыщенной фактами «Истории государства Российского». В отличие от Карамзина, научный аппарат сочинения Левека не отвлекает внимания, он предельно компактен и не изобилует ссылками на источники⁵⁹ – автор готовил свой труд для западного читателя, которому хотелось узнать от человека, несколько лет прожившего в загадочной России, правду о русских, а не то, откуда он ее добыл. К тому же, за исключением единичных знатоков, в тогдашней Франции (да и в Европе в целом) все равно никто не смог бы перепроверить рассказанное Левеком. «Нютицы» у француза оформлены в стиле большинства исторических сочинений того времени – с упоминанием на полях только автора или сокращенного названия сочинения, хотя в то время во Франции уже существовала практика точных библиографических описаний⁶⁰ – и были призваны прежде всего убедить читателя в честности историка. Действительно, Левек на страницах своего фундаментального труда не раз напоминает о своей «правдивости»⁶¹, а при описании острых моментов русской истории старается так или иначе заверить публику в достоверности написанного им.

Подведем итоги. Прежде всего, исследование Левека было первой целостной работой по истории России, охватывающей период «с древнейших времен до наших дней» (в России такое сочинение «от и до»

⁵⁶ Гласко 1914: 127; Runciman 2013: 55. См. также Speck 2010: 112, 118.

⁵⁷ Полевой 1825: 257.

⁵⁸ Сомов 1982: 99; Сомов 1986: 210.

⁵⁹ Возможно, Левек создал свое сочинение на основе лекций, читавшихся им в период преподавательской деятельности в России (Свердлов 2022: 427).

⁶⁰ См. Каминер 1959.

⁶¹ «Я писал историю чужого для меня народа, не скованный ничем, беспристрастно и бескорыстно, преодолел множество препятствий на этом пути и сделал все, что мог, отдал этой работе все, что дала мне природа» (Levesque 1812, т. 1: 12).

впервые появилось в середине XIX в. – это был пятитомный курс лекций Н.Г. Устрялова «Русская история» и дополняющее его «Историческое обозрение царствования императора Николая I») и критически обобщившей лучшие достижения тогдашнего мирового руссиеведения.

Во-вторых, это сочинение свидетельствует о многогранности западной, в частности, французской, исторической науки и общественной мысли, в которой среди большого массива предвзятых оценок прошлого и настоящего России существовали, правда, крайне немногочисленные, объективные и качественные публикации. Умеренно русофильская «История Российская» Левека отражала настроения части западных интеллектуалов, доброжелательно относившихся к нашей стране. К сожалению, их взгляды не влияли на западные представления о России, веками находившиеся в плену известных стереотипов. Это не раз приводило к конфронтации, ярким пример – авантюра Наполеона, вторгнувшегося в нашу страну буквально через несколько месяцев после смерти автора «Истории Российской». Разработанные Левеком принципы изучения истории России далеко не сразу были приняты на Западе.

В-третьих, труд этого ученого, являясь непосредственным предшественником знаменитого сочинения Карамзина⁶², в определенной мере повлиял на российскую историографию первой четверти XIX в., а также на формирование мировоззрения либерального сегмента образованной части русского общества. Можно лишь сожалеть, что проявленная Левеком в процессе работы над книгой беспристрастность не стала основным принципом для части отечественных историков. Псевдопатриотический пафос донаучных русских исторических сочинений за редким исключением (здесь надо упомянуть старавшегося соблюсти объективность В.Н. Татищева) плавно перешел в русскую историографию XVIII в. (П.Н. Крекшин, М.В. Ломоносов и т.д.) и последующего времени. В частности, такого «патриотизма» не избежал тот же Карамзин: по мнению современного бельгийского историка В. Кудениса, будучи русским, автор «Истории государства Российского» чувствовал себя обязанным и правомочным восхвалять славную историю России, историю, кульминацией которой стала недавняя победа над Наполеоном⁶³. На фоне многих западных и отечественных сочинений труд Левека отличается редкой объективностью и стоит в одном ряду с трудами таких крупнейших руссиеведов XVIII века иностранного происхождения, как Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас и Г.З. Байер.

⁶² Такой, на наш взгляд, справедливый вывод сделали В. Куденис (Coudenys 2016: 750) и М.Б. Свердлов (Свердлов 2022: 459–460).

⁶³ Coudenys 2016: 750. Карамзин писал о Левеке: «Не наша кровь течет в его жилах; может ли он говорить о Руских с таким чувством, как Руской?» (Карамзин 1984: 253). Ср. другое его характерное высказывание: «Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги половцев не очень любопытны, – соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые тома? Что неважно, то сократить... Но все черты, которые означают свойства народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшедшие действительно любопытны описать живо, разительно» (Карамзин 1984: 253).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев В.В. Происхождение и расселение славян во французской историографии второй половины XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. 15/3. С. 60–66. [Andreev V.V. Proiskhozhdenie i rasselenie slavyan vo francuzskoj istoriografii vtoroj poloviny XVIII veka (Origin and Settlement of the Slavs in the French Historiography of the Second Half of the 18th Century) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. 15/3. P. 60–66].
- Артеменкова К.П. Образ императрицы Елизаветы Петровны в сочинениях британских историков (1780–1800 гг.) // Studia Humanitatis: международный электронный научный журнал. 2021. № 1. [Artemenkova K.P. Obraz imperatritsy Elizavety Petrovny v sochineniyakh britanskikh istorikov (1780–1800 gg.) (The Image of the Empress Elizabeth Petrovna in the Essays of British Historians, 1780–1800s) // Studia Humanitatis: mezhdunarodnyi elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2021. 1].
- Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1872. Т. 1 [Bestuzhev-Ryumin K. N. Russkaya istoriya (Russian History). St Petersburg: Izdanie D.E. Kozhanchikova, 1872. Vol. 1].
- Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. [СПб.]: Типография Горного училища, 1788. Т. 1 [Boltin I. N. Primechaniya na istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii g. Leklerka (Notes on the History of Ancient and Present Russia by Mr Le Clerc). St Petersburg: Tipografiya Gornogo uchilishcha, 1788. Vol. 1].
- Вольтер. История Российской империи при Петре Великом / пер. с фр. С.А. Мезина, А.Е. Кулакова; вступ. статья и комм. С.А. Мезина, М.В. Ковалева. СПб.: Нестор-История, 2022 [Vol'ter. Istoriya Rossijskoj imperii pri Petre Velikom (History of the Russian Empire under Peter the Great / trans. from the French by S. A. Mezin, A. E. Kulakov; introductory article and comments by S. A. Mezin, M. V. Kovalev). SPb: Nestor-Istoriya, 2022].
- Гласко Б. Левек Петр-Карл // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1914. Т. 10. С. 126–127. [Glasko B. Levek Petr-Karl (Levesque Petr-Karl) // Russkij biograficheskij slovar' / izd. pod nablyudeniem pred. Imp. Rus. ist. o-va A. A. Polovcova. St Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo, 1914. T. 10. P. 126–127].
- Ивинский А.Д. Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий» // Русская речь. 2016. № 5. С. 79–80. [Ivinskij A.D. Ekaterina II i «Srvnitel'nye slovari vsekh yazykov i narechij» (Catherine the Great and Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects) // Russkaya rech'. 2016. 5. P. 79–80].
- Известия // Сын отечества. 1818. Ч. 43, № 5. С. 225. [Izvestiya (News) // Syn otechestva. 1818. 43/5. P. 225].
- Ильиченко Э.В. Общественно-политические взгляды П.-Ш. Левека (проблема «цивилизации» России) // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 53–58. [Ilichenko E.V. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady P.-Sh. Leveka (problema «civilizacii» Rossii) (Social and Political Views of P.-Ch. Levesque (the Problem of Russia's Civilisation)) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2010. T. 10. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Issue 2. P. 53–58].
- Ильиченко Э.В. П.-Ш. Левек об Иване Грозном // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2011а. Т. 11, вып. 1. С. 77–82. [Ilichenko E.V. P.-Sh. Levek ob Ivane Groznom (P.-Ch. Levesque on Ivan the Terrible) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. 11/1. P. 77–82].
- Ильиченко Э.В. Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века: Пьер-Шарль Левек: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011b. 22 с. [Ilichenko E.V. Russko-francuzskie kul'turnye i nauchnye svyazi vtoroj poloviny XVIII veka: P'er-Shar'l' Levek: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Russian-French Cultural and Scientific Relations of the Second Half of the XVIII Century: Pierre-Charles Levesque: Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences.). Saratov, 2011].
- Каминер Л.В. Библиография и критико-библиографические журналы во Франции периода Просвещения. 1750–1789. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1959 [Kaminer L.V. Bibliografiya i kritiko-bibliograficheskie zhurnaly vo Francii perioda prosveshcheniya. 1750–1789 (Bibliography and Critical Bibliographical Journals in Enlightenment France. 1750–1789). Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1959].

- Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 1989. Т. 1 [Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t. / otv. red. A.N. Sakharov (Karamzin N.M. History of the Russian State: in 12 vols / ed. by A.N. Sakharov). Moscow: Nauka, 1989. T. 1. 637 c.]. М.: Nauka, 1989. Т. 1].
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. [и примеч. сост.] Ю.М. Лотман и др. Л.: Наука, 1984 [Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshhestvennika (Letters of a Russian Traveller) / izdanie podgotovili [i primechaniya sostavili] Yu.M. Lotman i drugie. Leningrad: Nauka, 1984].
- Клейн Л.С. Археологическая песнь о Нибелунгах (Hedeager L. Iron Age Myth and Materiality: An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. L.; N.Y.: Routledge, 2011. 287 p.) // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 582–588. [Klejn L.S. Arheologicheskaya pesn' o Nibelungah (Hedeager L. Iron Age Myth and Materiality: An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York: Routledge, 2011. 287 p.) (Archaeological Song of the Nibelungs (Book Review: Hedeager L. Iron Age Myth and Materiality: An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York: Routledge, 2011. 287 p.) // Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik. 2014. № 4. P. 582–588].
- Кондрашов Н.А. Лингвистические взгляды В.Н. Татищева // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 81–89. [Kondrashov N.A. Lingvisticheskie vzglyady V.N. Tatischeva (Linguistic Views of V.N. Tatishchev) // Voprosy yazykoznanija. 1983. 2. P. 81–89].
- Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков / пер. Михаила Вишнякова. СПб., 2013 [Kross A. Anglijskij Petr: Petr Velikiy glazami britan-tsev XVII–XX vekov (Peter the Great through British Eyes). М.: Yevropejskij Dom, 2013].
- Кучумов И.В., Мельник Э.В., Сахибгареева Л.Ф. Пьер-Шарль Левек – французский исследователь истории и этнографии России // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 153–161. [Kuchumov I.V., Melnik E.V., Sahibgareeva L.F. P'er-Sharl' Levek – francuzskij issledovatel' istorii i etnografii Rossii (Pierre-Charles Levesque – French Researcher of Russian History and Anthropology) // Voprosy istorii. 2016. 10. P. 153–161].
- Лебедева Е.И. «История России» А.-М. Блен де Сенмора // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 85–92. [Lebedeva E.I. «Istoriya Rossii» A.-M. Blen de Sainmora (Lebedeva E.I. History of Russia by A.-M. Blin de Sainmore) // Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii / otv. red. S. Ya. Karp, S. A. Mezin. М.: Nauka, 2004. P. 85–92].
- Левек П.-Ш. История народов, подвластных России / экспериментальный пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. [Levek P.-Sh. Istoriya narodov, podvlastnyh Rossii / eksperimental'nyj perevod s francuzskogo L.F. Sahibgareevoj (History of the Peoples Subject to Russia / Experimental Translation from French by L.F. Sakhib-gareeva). St Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2016].
- Левек [П.-Ш.]. Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и лучших российских историков г. Левеком / пер. с франц. яз. М.: Типография Компании типографической, 1787. Т. 1 [Levek P.-Sh. Rossijskaya istoriya, sochinennaya iz podlinnyh letopisej, iz dostovernyh sochinenij i luchshih rossijskih istorikov g. Levekom (Russian History, Composed from Authentic Chronicles, from Reliable Works and the Best Russian Historians) / perevod s francuzskogo yazyka. Moscow: Tipografija Kompanii tipograficheskoy, 1787. Vol. 1].
- Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003 [Mezin S.A. Vzglyad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I (View from Europe: French authors of the XVIII Century about Peter the Great). 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2003].
- Мельник Э.В. Письменные источники о Московии второй половины XVI в. во французской Россике: исторический взгляд П.-Ш. Левека // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 145–151 [Melnik E.V. Pis'mennye istochniki o Moskovii vtoroj poloviny XVI v. vo francuzskoj Rossike: istoricheskij vzglyad P.-Sh. Leveka (Written Sources about Moscovia of the Second Half of the XVI Century in French Rossica: the Historical View of P.-Ch. Levesque) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2022. 80. P. 145–151].
- Ненько В.М. Языковедческие воззрения В.Н. Татищева // Научные труды Калужского государственного ун-та им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Калуга: Изд-во КГУ имени К.Э. Циолковского, 2017. С. 340–347. [Nen'ko V.M. Yazyko-

- vedcheskie vozzreniya V.N. Tatishcheva (Linguistic Views of V.N. Tatischev) // Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.E. Ciolkovskogo. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2017. Kaluga: Izd-vo KGU im. K.E. Ciolkovskogo, 2017. P. 340–347].
- Полевой Н. А. Обзорение русской литературы в 1824 году (окончание) // Московский телеграф: журнал литературы, критики, наук и художеств. 1825. Ч. 1, №3. С. 248–262. [Polevoj N. A. Obzrenenie russkoj literatury v 1824 godu (okonchanie) (Review of Russian Literature in 1824, Ending) // Moskovskij telegraf: zhurnal literatury, kritiki, nauk i hudozhestv. 1825. 1/3. P. 248–262].
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. Т. 8 [Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. 4-e izd. (Complete Works: in 10 vols. 4th ed.). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1978. T. 8].
- Рудковская И.Е. «История государства Российского» Н. М. Карамзина и структура британских и российских макроисторий позднего Просвещения. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2021. 308 с. [Rudkovskaya I.E. «Istorija gosudarstva Rossijskogo» N.M. Karamzina i struktura britanskih i rossijskih makroistorij pozdneho Prosveshcheniya (History of the Russian State by N. M. Karamzin's and the Structure of British and Russian Late Enlightenment Macrohistories). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2021. 308 p.].
- Свердлов М.Б. Российская историография второй половины XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2022 [Sverdlov M.B. Rossijskaya istoriografiya vtoroj poloviny XVIII veka (Russian Historiography of the Second Half of the 18th c.). St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022].
- Сомов В.А. Книга П.-Ш. Левека «Российская история» и ее русский читатель // Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX века / редкол.: С.П. Луппов (отв. ред.) и др.]. Л.: БАН, 1982. С. 82–99. [Somov V.A. Kniga P.-Sh. Leveka «Rossijskaya istoriya» i ee russkij chitalel' (P.-Ch. Leveque's Book Russian History and its Russian Reader) // Kniga i biblioteki v Rossii v XIV – pervoj polovine XIX veka / redkollegiya: S. P. Luppov (otvetstvennyj redaktor) i drugie. Leningrad: BAN, 1982. P. 82–99].
- Сомов В.А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и царское правительство (1760-е – 1820-е гг.) // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX в. / [редкол.: С. П. Луппов (отв. ред.) и др.]. Л.: БАН, 1983. С. 105–120. [Somov V.A. Francuzskaya «Rossika» epohi Prosveshcheniya i carskoe pravitel'stvo (1760-e – 1820-e gg.) (French "Rossica" of the Age of Enlightenment and the Tsarist Government, 1760s – 1820s // Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoj polovine XIX v. Leningrad, 1983. P. 105–120].
- Сомов В.А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / [отв. ред. С. П. Луппов]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 179–187. [Somov V.A. Francuzskaya «Rossika» epohi Prosveshcheniya i russkij chitalel' (French "Rossica" of the Enlightenment and the Russian Reader) // Francuzskaya kniga v Rossii v XVIII v.: ocherki istorii / otv. red. S. P. Luppov. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1986. P. 179–187].
- Сомов В.А. Проспект «Российской истории» П.-Ш. Левека // Книга в России в эпоху Просвещения: сб. науч. тр. / [отв. ред. А.А. Зайцева]. Л.: БАН, 1988. С. 182–188. [Somov V.A. Prospekt «Rossijskoj istorii» P.-Sh. Leveka (Prospectus of Russian History by P.-Ch. Levesque) // Kniga v Rossii v epohu Prosveshcheniya: sb. nauch. tr. / otv. red. A.A. Zajceva. Leningrad: BAN, 1988. P. 182–188].
- Сомов В.А. П.-Ш. Левек – протеже Дидро и историк России // Отношения между Россией и Францией (в XVIII–XX вв.): История науки и международные связи: [докл. участников коллоквиума, Москва, 31 мая – 1 июня 2001 г.] / [отв. ред. В. Берелович]. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 71–81. [Somov V.A. P.-Sh. Levek – protezhe Didero i istorik Rossii (P.-Ch. Levesque – Diderot's protégé and Russian historian) // Otnosheniya mezhdru Rossiej i Franciej (v XVIII–XX vv.): Istorija nauki i mezhdunarodnye svyazi: dokl. uchastnikov kollokviuma, Moskva, 31 maya – 1 iyunya 2001 g. / otv. red. V. Berelovich. M.: IN-ION RAN, 2002. P. 71–81].
- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1858. Т. 1. [Ustryalov N.G. Istorija tsarstvovaniya Petra Velikogo (The History of Peter the Great's Reign). St Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1858]
- Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Гриф и К, 2012 [Formozov A.A. Klassiki russkoj literatury i istoricheskaya nauka (Classics of Russian Literature and Historical Science). Moscow: Grif i K, 2012].

- Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 2, кн. 1 [Shmidt S.O. Pamyatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniya istorii Rossii (Monuments of Writing in the Culture of Knowledge of Russian History). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 2/1].
- Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983 [Ejdel'man N.YA. Poslednij letopisec (The Last Chronicler). Moscow: Kniga, 1983].
- Coudenys W. Translation and the Emergence of History as an Academic Discipline in 18th-century Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. Vol. 17, Number 4. P. 721–752.
- Knüppel M. Zur Geschichte der ural-altaischen Hypothese – die lexikalischen Vergleiche bei P.-Ch. Levesque // *Rocznik Orientalistyczny*. 2019. T. 72, z. 1. S. 184–190.
- Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. Т. 1–6.
- Liechtenhan F.-D. De l'abus de l'historiographie: approches de l'histoire russe de Herberstein à Custine // *Cahiers du monde russe*. 2000. 41/1. P. 135–150.
- Mazon A., Laran M., Levesque P.-Ch. Pierre-Charles Levesque: Mémoire sur la Pravda Russkaja publié par André Mazon et Michel Laran // *Revue des études slaves*. 1962. Т. 41, fasc. 1–4. P. 27–59.
- Mazon A. Pierre-Charles Levesque: humanist, historien et moralist // *Revue des études slaves*. 1963. Т. 42. P. 7–66.
- Runciman S. *Gibbon and Byzantium* // Edward Gibbon and the Decline and Fall of the Roman Empire. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2013. P. 53–60.
- Speck R.P. *The History and Politics of Civilisation: the Debate about Russia in French and German Historical Scholarship from Voltaire to Herder*. London: Queen Mary University, 2010 (unpublished dissertation, PhD).
- Venturi F. *The End of the Old Regime in Europe, 1776–1789*. Vol. 2: Republican Patriotism and the Empires of the East / trans. by R.B. Litchfield. Princeton, N.J.: University Press, 1991.

Кучумов Игорь Вильсович, к.и.н., ст. науч. сотр., Институт этнологических исследований имени П. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН», ivku@yandex.ru
Сахибгареева Лилия Фанилевна, к. филол. н., доцент, Башкирский институт физической культуры (филиал) ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет физической культуры», sakhibgareevalf@yandex.ru

Nikolay Karamzin's Predecessor Pierre-Charles Levesque as a Historian of Russia

The *Histoire de Russie* by French scholar Pierre-Charles Levesque (1736–1812), published by the end of the 18th century, was the first work summarizing the history of our country not only in Russian, but also in the world historiography. It immediately preceded the famous *History of the Russian State* (1816–26) by Nikolay Karamzin, but almost forgotten today. However, Levesque's paper was the main source of knowledge of educated Russians on the Russian history before Karamzin's paper was published. The sources used by Levesque, his contribution to the study of the Russia's past are discussed in the article. In his writing, Levesque did not consider Russia an ideal country, but he was not hostile to it either. His book is a rare example of a historian's impartiality.

Keywords: *Pierre-Charles Levesque, Nikolay Karamzin, historiography, Russian history, source study.*

Kuchumov Igor Vilsovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, ivku@yandex.ru

Sakhibgareeva Liliya Fanilevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir Institute of Physical Culture – Branch of the Urals State University of Physical Culture, sakhibgareevalf@yandex.ru

ГАНС ДЕЛЬБРЮК: МЕЖДУ НАУКОЙ И ПОЛИТИКОЙ

В статье предпринята попытка реконструкции интеллектуальной биографии немецкого историка, основоположника военной истории как самостоятельного направления исторической науки Г. Дельбрюка. Его обширное академическое и публицистическое наследие до сих пор слабо введено в научный оборот. Дельбрюк был не только ученым, который предложил оригинальную концепцию истории военного искусства в рамках политической истории от античности до нового времени, но также активным участником общественно-политической жизни кайзеровской империи вплоть до ее краха и в Веймарской республике. Будучи убежденным сторонником монархии, он критиковал чуждые ему явления вильгельминской Германии: пангерманцев, политику в отношении польского меньшинства, флотскую программу адмирала Тирпица. Он тяжело пережил падение кайзеровского режима, но поддержал новый строй как «республиканец разумом». В его биографии нашли отражение многие противоречия, свойственные немецкому обществу на переломе эпох.

Ключевые слова: *Германская империя, Первая мировая война, Веймарская республика, история военного искусства, вопрос об ответственности за войну.*

Имя выдающегося немецкого специалиста по военной истории Ганса Дельбрюка (1848–1929), казалось бы, хорошо известно представителям этой отрасли исторического знания в нашей стране. Первый том его классического труда «История военного искусства в рамках политической истории» вышел в Германии в 1900 г.¹ Четырехтомник в авторской редакции, охватывавший гигантский временной период от древности до раннего нового времени, был издан в 1920 г. На рубеже 1920–1930-х гг. ученик Г. Дельбрюка Э. Даниэльс в основном на материалах, собранных учителем, подготовил и опубликовал еще три тома, доведя изложение до франко-прусской войны². Уже во второй половине 1930-х годов этот семитомный труд был переведен на русский язык и опубликован в СССР государственным военным издательством. Как писал в предисловии к первому тому начальник кафедры военного искусства Военно-политической академии Красной армии К. И. Бочаров, исследование Дельбрюка представляет «крупнейшее произведение буржуазной военной мысли последнего времени. Именно поэтому и необходимо ознакомление с ним наших военно-теоретических работников и начальствующего состава»³. Сейчас цифровая копия этого труда общедоступна на сайте Государственной публичной исторической библиотеки⁴.

До сих пор в нашей стране без ссылок на Дельбрюка не обходится ни одна диссертация или монография, посвященная различным аспектам истории войн и военного дела от античности до рубежа между но-

¹ Delbrück 1900.

² Delbrück 1920–1936.

³ Дельбрюк 1936: 28.

⁴ <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/91301-delbryuk-g-istoriya-voennogo-iskusstva-v-ramkah-politicheskoy-istorii-per-s-nem-m-1936-1939>.

вым и новейшим временем⁵, да и труды по более широкой проблематике⁶. Однако полноценной научной биографии Дельбрюка не появилось до сих пор не только в России, но даже в Германии. И это при том, что, как справедливо указывала А. Тимме, «его философские и политические воззрения, его личность во многом весьма характерно отражают XIX век – его начало и конец, являются отражением немецкого идеализма, силовой политики Бисмарка, вильгельминской эпохи»⁷.

Краткие биографические сведения о Дельбрюке находятся в универсальных и специализированных справочных изданиях. А. Тимме посвятила ему статью в 3-м томе «Новых немецких биографий»⁸. А. Хилльгрубер – в 4-м томе обширного справочника «Немецкие историки»⁹. К. Крист поместил Дельбрюка в один ряд с выдающимися антиковедами между Э. Гиббоном и М.Я. Ростовцевым¹⁰. Г. Крейг причислил его к ведущим специалистам по истории военной стратегии¹¹. На рубеже 1940–1950-х гг. в Германии вышли две биографические статьи о Дельбрюке в журналах гуманитарного профиля¹². Единственной на сегодня публикацией в специализированном издании остается небольшая статья В. Дайста, опубликованная в связи со 150-летним юбилеем Дельбрюка в журнале центра военно-исторических исследований бундесвера¹³. Историографией ГДР он был отмечен один единственный раз в сборнике «Образы эпохи Бисмарка» под редакцией Г. Зеебера¹⁴.

Монографически исследованы лишь некоторые аспекты академических трудов и политической деятельности Дельбрюка. А. Тимме на основе публицистических произведений и переписки Дельбрюка, которая тогда хранилась в личном архиве его дочери Лины, представила его как последовательного критика социальной и внешней политики и военной стратегии Вильгельма II¹⁵. Спустя 40 лет была опубликована магистерская диссертация выпускника гамбургского университета бундесвера С. Ланге «Ганс Дельбрюк и “стратегический спор”. Военное руководство и военная история в дискуссиях 1879–1914 гг.», где автор впервые раскрыл истоки и содержание конфликта интерпретаций, вызванного различием в подходах Дельбрюка и высшего военного руководства Германии к определению наиболее эффективной военной стратегии – «истощения» (Дельбрюк) или «сокрушения» (Мольтке)¹⁶.

⁵ Айвазян; Банников; Власов; Елисеев; Мохов.

⁶ Кагарлицкий; Цимбаев.

⁷ Timme 1955: 7.

⁸ Timme 1957: 577, 578.

⁹ Hillgruber: 40–52.

¹⁰ Christ: 159–200.

¹¹ Craig: 326–353.

¹² Rassow: 134–144; Harnack: 408–426.

¹³ Deist: 371–384.

¹⁴ Schleier: 378–403.

¹⁵ Timme 1955.

¹⁶ Lange.

На рубеже 2010–2020-х гг. появились фундаментальные работы, раскрывающие ранее слабо изученные стороны творчества Г. Дельбрюка. К. Людтке посвятил свою монографию исследованию последнего периода жизни и деятельности историка в Веймарской республике. Исследовательский интерес Людтке напрямую не связан ни с реконструкцией биографии, ни с историей исторической науки. Его прежде всего интересует политическая культура Германии 1920-х гг. Фигура Дельбрюка видится ему «индикатором», позволяющим реконструировать, как «фундаментальная политическая ось Рейха постепенно смещалась вправо на протяжении десятилетий примерно с 1890 по 1945 г.»¹⁷. Автор предполагает высокую степень преемственности консервативных идей своего героя, используя его участие в историко-политических дебатах, чтобы показать, как они развивались в направлении радикального национализма. Взгляды Дельбрюка представляли возможную альтернативу, способную указать враждующим политическим лагерям в республике путь к примирению. Тот факт, что эта альтернатива в итоге не была реализована, является свидетельством долгосрочного сдвига политической культуры вправо. Людтке характеризует Дельбрюка как более или менее типичного прусского протестантского консерватора, который, будучи сторонником национально-государственной идеологии, тем не менее резко критиковал пангерманцев из-за их национального фанатизма.

Й. Клейн свою книгу «Пророк государственного образа мыслей» посвятил Дельбрюку как руководителю влиятельного общественно-политического ежемесячника «Preußische Jahrbücher». Он видит в своем герое «коммуникатора», которого «можно рассматривать как сейсмограф политической культуры империи»¹⁸. Обращаясь к эпохе Бисмарка, автор указывает на положительное отношение Дельбрюка к государству. По его мнению, Пруссия, монархия и империя, с ее образцовой «смешанной конституцией», создали оптимальную конфигурацию, которая могла бы способствовать достижению социальной интеграции в среднесрочной перспективе. При этом Дельбрюк не видел повода ни для пессимизма, ни для восхищения достигнутым. Он понимал государство как немецко-протестантское, но пытался интегрировать тех католиков, которых считал либералами и выступал за толерантность. Аналогично Дельбрюк относился к социал-демократии. В патерналистской манере он рассматривал задачу высших классов в обеспечении интеграции рабочих. После отмены «исключительного закона» он считал компромиссы с социал-демократами неизбежными и даже выступал за «тактическое голосование в пользу социал-демократических кандидатов»¹⁹.

В целом Дельбрюк предстает интеллектуалом, который проявлял независимые суждения, ценил компромисс и позиционировал себя между консерваторами и либералами, как приверженец «культурного либе-

¹⁷ Lüdtke 2018: 11.

¹⁸ Klein: 11, 25.

¹⁹ Klein: 142.

рализма, прогрессивной социальной политики и национальной интеграции»²⁰. Дельбрюк представлял собой редкий для прусско-германской элиты тип критически настроенного интеллектуала, который считал себя вправе влиять на формирование политики научными средствами.

Ганс Дельбрюк родился 1 ноября 1848 года в г. Берген на о. Рюген. Его предки по отцовской линии – типичные представители «бильдунгсбюргертум», образованных средних городских слоев с высоким общественным положением. Его дед был куратором университета Галле. Воспитателем принцев при дворе прусского короля Фридриха-Вильгельма III был его двоюродный дед. Сын последнего стал прусским министром торговли, а внук – государственным секретарем. Во время мартовской революции 1848 г. все они оставались верными правительству, в то время как отец Ганса Бертольд Дельбрюк симпатизировал либеральной и демократической оппозиции, рассорился с родственниками, отказался от университетской карьеры, покинул Галле и стал судьей апелляционной инстанции в Грайфсвальде. Мать Ганса Лаура была дочерью известного философа, последователя гегелевской философии, профессора Берлинского университета Леопольда фон Хеннинга.

После окончания старейшей в немецкоязычном пространстве гуманистической гимназии в Грайфсвальде Дельбрюк с 1868 г. изучал историю и философию в университетах Гейдельберга, Грайфсвальда и Бонна. Принимал участие во франко-прусской войне 1870–1871 г. в звании лейтенанта резерва 2-го Рейнского пехотного полка № 28, сражался в битве при Сен-Прива – Гравелоте и был награжден Железным крестом. Дельбрюк ссылался на собственный военный опыт на протяжении всей жизни, когда обращался к военным и военно-историческим сюжетам. Вернувшись с войны, он в 1873 г. получил докторскую степень, защитив в Бонне под руководством Г. фон Зибеля диссертацию о средневековом хронисте XI в. Ламберте Херсфельдском. По его словам, поворот к военной истории произошел в следующем году, когда во время учений резерва он прочитал «Историю пехоты» Ф.В. Рюстова. Вскоре Дельбрюк по собственному желанию вышел в отставку и переехал в Берлин. При посредничестве известного ученого-медика и либерального политика Р. Вирхова он стал воспитателем прусского принца Вальдемара, младшего наследника престола Фридриха-Вильгельма. Дельбрюк занимал эту должность пять лет, до смерти 11-летнего принца от дифтерии в 1879 г. При дворе было много военных, и в этой среде его интерес к военной истории получил дальнейшее развитие. Контакты, установленные в придворных кругах, сохранились и в дальнейшем. Однако тесная связь Дельбрюка с вдовствующей императрицей Викторией вовсе не гарантировала особой близости к последнему Гогенцоллерну – Вильгельму II, восседавшему на троне в течение самого длительного периода общественной деятельности Дельбрюка.

²⁰ Klein: 842.

В эти годы у Дельбрюк завершил биографию А. Гнейзенау, начатую Г. Перцем. За эту работу в 1881 г. он хабилитировался по всеобщей истории в Берлинском университете, но это событие никоим образом не гарантировало ему успешной академической карьеры, к которой он очевидно стремился. Первая попытка получить неоплачиваемую должность экстраординарного профессора в Берлинском университете, несмотря на протекцию наследного принца, провалилась. Комиссия, созданная философским факультетом, в которую входили в том числе Г. фон Трейчке и Т. Моммзен, не увидела «веских оснований для такого особого отличия»²¹. Дельбрюк остался в должности приват-доцента. Темы лекций, которые он тогда предлагал студентам – история австро-прусской войны, история военного дела с греко-персидских войн и до современности – были непривычны и даже неприемлемы для академической среды. Патриарх немецких историков Л. фон Ранке выразил мнение многих своих коллег, когда заявил, что «войне не место в университете»²².

Кроме того, Дельбрюк был политически активен. От партии свободных консерваторов (Имперской), с 1882 по 1885 г. он заседал в нижней палате прусского ландтага, а с 1884 по 1890 г. – в германском рейхстаге. Подобная деятельность в глазах академического сообщества также не способствовала научной карьере, хотя Дельбрюк с 1883 г. работал вместе с Г. фон Трейчке редактором «Preußische Jahrbücher». В результате ему предложили должность профессора только в 1895 г., через 14 лет после хаблитации. Год спустя, после смерти Трейчке, он возглавил кафедру всеобщей и всемирной истории и руководил ей вплоть до выхода на пенсию в 1921 г. Ему так и не удалось создать в Берлинском университете кафедру военной истории. На рубеже веков, когда он подарил Т. Моммзену первый том своей «Истории военного искусства в рамках политической истории», тот принял дар с оговоркой, что «за недостатком времени он, вероятно, не сможет прочитать эту книгу»²³.

Однако Дельбрюк не позволил этим неблагоприятным обстоятельствам помешать превратить военную историю в равноправную самостоятельную область исторических исследований. После выхода его исследования о Гнейзенау он привлек внимание многочисленными публикациями и сразу же оказался вовлеченным во множество споров. Он разработал свою концепцию военной истории как раздела всеобщей истории и реализовал ее в четырехтомной «Истории военного искусства в рамках политической истории». По его мнению, военная история могла бы претендовать на такое же положение и внимание, как история искусства и литературы, история конституции и права²⁴.

Убедительная критика устоявшихся исторических представлений о военных событиях прошлого, которая присутствовала в большинстве

²¹ Lange: 33.

²² Lange: 132.

²³ Lange: 38.

²⁴ Buchholz: 25.

его сочинений, вызывала негативную реакцию со стороны многих представителей академического сообщества. Дельбрюк осознавал это неприятие. Однако критика, с которой он не раз сталкивался, лишний раз убеждала его в правильности избранного метода и основных выводов его научной работы.

Напряженные отношения с влиятельными лицами и группами в историческом цехе представляют собой лишь малую часть конфликтов, в которых Дельбрюк участвовал на протяжении всей своей жизни. Гораздо большее значение имел продолжавшийся десятилетиями «стратегический спор» между Дельбрюком, военно-историческим отделом Генерального штаба и рядом влиятельных военных по поводу взгляда военного руководства империи на военную историю. Дельбрюк утверждал на основе собственных исследований, что в войнах существовало, по сути, только две формы стратегии. Он назвал их стратегией истощения, и стратегией сокрушения. Военные поначалу скептически отнеслись к заявлениям «гражданского стратега», который на военной службе вырос всего лишь до первого офицерского чина. Его можно было проигнорировать, но Дельбрюк в обоснование своих взглядов провел сравнение стратегий Фридриха Великого и Наполеона. Он стремился доказать, что прусский король в Семилетней войне в силу сложившейся политической и военной ситуации проводил с разной степенью успеха оборонительную стратегию истощения, поскольку это был единственный способ довести войну до приемлемого конца с учетом очевидного превосходства сил противника. Наполеон, напротив, выступал как сторонник стратегии сокрушения. Хотя характеристика Наполеона почти не вызывала возражений, ассоциация прусского короля с термином «стратегия истощения» воспринималась как своего рода кощунство.

В некоторых случаях в пылу полемики Дельбрюк заходил слишком далеко, утверждая, что существовали только две стратегии, и порой дистанцируясь от исторической реальности²⁵. Однако попытка военных опровергнуть точку зрения Дельбрюка показывает, что для них на карту было поставлено нечто большее, чем прояснение чисто исторического вопроса. Преподавательская работа Дельбрюка в Берлинском университете и его активная журналистская деятельность поставили под сомнение монопольное притязание военных на интерпретацию истории войны и мира в соответствии с собственными представлениями.

За «стратегическим спором» стоял другой комплекс проблем с далеко идущими последствиями. Образ Фридриха Великого был лучше всего выражен в его девизе «*Attaquez donc toujours, messieurs*» (всегда нападайте, господа), который стал крылатым выражением и в определенной степени символизировал полную противоположность стратегии истощения в понимании Дельбрюка. Военный истеблишмент, в том числе Генеральный штаб, культивировал этот традиционный образ короля. В итоге он стал аргументом в пользу оперативного планирования Гене-

²⁵ Hintze: 131–153

рального штаба, которое с 1871 г. основывалось на стратегии сокрушения²⁶. Спор между представителями военных ведомств и Дельбрюком так и не был завершен. Но геополитическое положение Германии между Востоком и Западом и быстро меняющееся соотношение сил на рубеже XIX–XX вв. наталкивало на сравнение с положением Пруссии накануне Семилетней войны, что предполагало ориентацию на стратегию истощения, хотя все замыслы руководителей Генерального штаба вплоть до Первой мировой войны сводились к стратегии сокрушения.

Начиная с 1883 г. перед Дельбрюком открылась дополнительная область деятельности, которая вскоре стала отнимать большую часть его сил и времени. Г. Трейчке, с 1866 г. возглавлявший влиятельный политический ежемесячник «Preußische Jahrbücher», нуждался в поддержке и пригласил Дельбрюка совместно редактировать и издавать его²⁷. Шесть лет спустя Дельбрюк полностью взял на себя руководство журналом и нес эту ответственность в течение трех десятилетий вплоть до декабря 1919 г. В это время издание окончательно приобрело культурно-политическую направленность и национал-либеральный характер. В этой связи стоит обратить внимание на столкновение политических симпатий Трейчке и Дельбрюка при передаче дел от одного к другому и определении дальнейшей линии журнала. Трейчке приписывается фраза «Я предпочел бы Штекера, чем Беннигсена», на что Дельбрюк ответил: «Я бы предпочел Беннигсена, чем Штекера»²⁸. Хотя тираж «ежегодников» едва превышал 2000 экземпляров, его влияние на общественное мнение могло конкурировать с другими изданиями от умеренно-либерального «Grenzboten» вплоть до оппозиционного «Zukunft» М. Гардена²⁹.

В последующие годы на страницах «Preußische Jahrbücher» Дельбрюк опубликовал около 800 статей, в которых комментировал все важные вопросы внутренней и внешней политики: действия власти и партийно-политическую систему, национальный вопрос, особенно в отношении польского меньшинства, военно-морскую и мировую политику³⁰. Из их содержания становится ясно, что Дельбрюк не сомневался в функциональности монархической государственности и сложившейся властной иерархии, более того, был убежден в ее превосходстве над демократическими системами. Однако он выступал против любой формы «политического византизма» и связывал претензии государства на власть с обязательным верховенством закона³¹. Несмотря на поддержку традиционного европейского баланса, Дельбрюк приветствовал стремление Вильгельма II к мировой политике и создание ее главного инструмента –

²⁶ Förster.

²⁷ Schleier: 137.

²⁸ Schleier: 175; Адольф Штеккер – придворный проповедник, основатель антисемитской Христианско-социальной партии. Рудольф Беннигсен – председатель Национал-либеральной партии.

²⁹ Schleier: 132.

³⁰ Klein: 62.

³¹ Thimme 1955: 15.

мощного боевого флота³². Однако со временем поддержка Дельбрюком военно-морской программы Тирпица уступила место растущей критике. В 1912 г. он открыто выступил против принятия рейхстагом очередной военно-морской новеллы³³. По вопросам внутренней политики он был близок к катедер-социалистам, выступал против подстрекательской политики в отношении поляков, критиковал деятельность переселенческой комиссии и стал самым решительным оппонентом Объединения Восточной Марки и его идеи германизации. В результате против Дельбрюка было возбуждено судебное производство, по которому он был приговорен к штрафу, который, однако, так и не был взыскан³⁴. В этом и некоторых других случаях он фактически выступал, по словам А. Тимме, «критиком вильгельминской эпохи»³⁵.

В ситуации июльского кризиса 1914 года Дельбрюк уже писал, что «европейская война все больше становится навязанной судьбой неизбежностью, самой ужасной из всех катастроф» и повторил эту мысль в публикации от 23 августа, заявив, что «теперь на кону стоит вся культура Европы»³⁶. Ответственность за эту войну, считал он, лежит на Англии, которая стремилась бороться за поддержание европейского баланса сил, которому якобы угрожали гегемонистские намерения Германии. Дельбрюк решительно отвергал этот аргумент, наоборот, объявил союз Германии и Австро-Венгрии поборником европейского равновесия и решительно отказывал Англии в праве осуществлять «абсолютное владычество на всех морях» или даже претендовать на него в качестве единственной великой державы³⁷. Он, конечно, признавал слабость материальных возможностей Германии, но, с другой стороны, был убежден в организационном и моральном превосходстве немецкой стороны. Он видел реальную силу Германии в общей убежденности, подкрепленной усилиями рейхсканцлера и кайзера, что страна ведет оборонительную войну, которая, как он предполагал, продлится до двух лет, и предупреждал, что «опасность войны для нас заключается в том, что она, возможно, продлится дольше»³⁸.

Дельбрюк оставался верен своей политической линии на протяжении всего периода войны. В призывах к аннексии, которые исходили, по его мнению, в первую очередь от пангерманцев, он усматривал смертельную опасность для дела Германии. Захватнические военные программы, по его мнению, означали не только полный отход от оборонительного характера войны с непредсказуемыми внутривнутриполитическими последствиями, но и усиление вражеской пропаганды, которая настаивала, что Германия имеет гегемонистские намерения в Европе.

³² Thimme 1955: 102.

³³ Thimme 1955: 112.

³⁴ Daniels: 26.

³⁵ Thimme 1955: 1.

³⁶ Delbrück 1918: 23, 27.

³⁷ Delbrück 1918: 45.

³⁸ Delbrück 1918: 41.

Напротив, он выступал (за исключением призывов к ограничению позиций Британии в мире) в пользу европейского равновесия как соответствующего интересам Германии. По этому вопросу он полностью проиграл в борьбе с аннексионистскими силами в государстве и обществе.

В одном только Дельбрюк демонстрировал отход от характерной для него реалистичной оценки обстоятельств. Он был догматически убежден в превосходстве монархической системы правления. В августе 1914 г. он так это сформулировал: «Под руководством кайзера мы, немцы, уверены в своем единстве, а также единстве стратегии и политики»³⁹. По мере обострения проблем, он видел их причину в ошибках, допущенных конкретными личностями или в пренебрежении должностными обязанностями, которые, по его мнению, были четко определены. Несмотря на все катастрофы, такие как объявление неограниченной подводной войны, смещение канцлера Т. Бетман-Гольвега, провал наступления 1918 г., он придерживался этой веры до конца войны.

Однако Дельбрюк выступал решительно против той широко распространенной в консервативных кругах концепции, согласно которой гарантировать безопасность Германии могли только экспансия и военная оккупация соседних стран. По его мнению, безопасность, за которую нужно бороться, должна состоять только из «сочетания высочайшей военной мощи с политической умеренностью», которая «может избавить от бедствия, вызываемого военной мощью»⁴⁰. В статье от 28 декабря 1914 г. он отмечал огромный численный перевес населения стран Антанты. Для него это было не просто теоретическое соображение – цифры служили «важным основанием той практической формы, которую приняла группировка держав»⁴¹. Иными словами, его политическая программа и оценка хода войны все больше основывались на концепции стратегии истощения, которую он разработал в связи со своими историческими исследованиями. На этом фоне можно понять описанное в начале глубокое потрясение и даже отчаяние, которые вызвали у него события ноября 1918 года. Впрочем, еще 26 октября того же года он сохранял надежду на благоприятный исход: «Мы отброшены, но не разгромлены. Мы можем долго воевать, весь народ единоклубен, и не потерпит позорного мира. Если мы продержимся таким образом, если мы сохраним внутреннее единство в оборонительном духе, то лучшее завтра наконец наступит и расцветет мир, в котором немецкий народ залечит свои раны и, морально очистившись от уродливых деформаций своего характера, пойдет к благословенному, счастливому будущему»⁴². Возможно, эти слова Дельбрюка были более обнадеживающими, чем то, как он на самом деле думал и чувствовал, но следует признать, что подобные ожидания в то время были широко распространены.

³⁹ Delbrück 1918: 35.

⁴⁰ Delbrück 1918: 59.

⁴¹ Delbrück 1918: 70.

⁴² Preußische Jahrbücher: 297.

Всего две недели спустя все надежды рухнули, и в этой ситуации, 11 ноября 1918 г., в день подписания Компьенского перемирия, Дельбрюк вместе с коллегами и учениками отпраздновал свое 70-летие. Монархия и армия, краеугольные камни империи, которые десятилетиями вызывали его интерес, рухнули. В своей приветственной речи юбиляр признался, что его тяготит «темная тень событий, происходящих снаружи», и вспомнил британского историка Дж. Грота, который, неудовлетворенный политическим развитием своей страны, осознал, что пережил свою веру. Дельбрюк продолжал: «Только сегодня я ощущаю всю трагичность этого заявления. Должен ли я действительно применить его к себе в эти дни, когда мне исполняется 70 лет?»⁴³. Хотя он просил своих друзей и самого себя не отчаиваться и верить в творческую силу народа, все же фундамент его веры в утраченную могущественную империю Гогенцоллернов был разрушен. А в статье от 23 ноября он демонстрирует едва скрываемое отчаяние: «Мы обмануты в наших надеждах, наша гордость сломлена. Я воображал, что видел яснее и дальше, чем другие, потому что, несмотря на всю мою уверенность в нашей военной силе, я неоднократно советовал политическую умеренность. Несомненно, я видел, но сильно недооценил внутреннее разложение нашей силы, распад нашей когда-то столь солидной политической структуры»⁴⁴.

Одновременно Дельбрюк стремился разобраться в изменившихся обстоятельствах: «Я хочу подавить все чувства боли, стыда и отчаяния, чтобы получить ясное понимание того, как эти события стали возможными»⁴⁵. Его выводы были вполне реалистичными: «Кампания и война были проиграны не потому, что настроение упало, а настроение упало, когда войска начали чувствовать, что они больше не смогут выиграть войну. Император, офицерский корпус, буржуазные партии должны нести ответственность за последствия своих неудачных действий. Сейчас нами правят социал-демократы, потому что их взгляды были правильными, а социал-демократы, теперь, когда они пришли к власти, реализуют то, что они всегда имели в виду как идеал, – республику. Не бесхарактерность заставляет признать и поддержать новую власть, а осознание исторической необходимости и любовь к отечеству»⁴⁶. Эта трезвость оценок всегда сочеталась у него со скептицизмом в отношении нового и скорбью по утраченному. В конце статьи он писал: «Если вы не хотите отчаиваться, у вас нет другого выбора, кроме как укреплять веру (в жизнеспособность нового порядка – *Н.Б.*). Но зачем скрывать тот факт, что эта вера и сегодня стоит в тени мрачных предчувствий?»⁴⁷.

Однако горе и отчаяние по поводу распада империи не означали ухода от действительности. Оставаясь приверженцем монархии в душе

⁴³ Preußische Jahrbücher: 442–445.

⁴⁴ Preußische Jahrbücher: 425.

⁴⁵ Preußische Jahrbücher: 428.

⁴⁶ Preußische Jahrbücher: 435.

⁴⁷ Preußische Jahrbücher: 441.

Дельбрюк после поражения Германии в войне превратился в «республиканца разумом», выступал за «примирение» между империей и республикой и посредством своей журналистской деятельности стремился «привести строго консервативные и умеренные силы общества к необходимости признания республики»⁴⁸. Именно поэтому он стал одним из самых активных борцов против тезиса, который возлагал на Германию единоличную вину за развязывание войны. Это обвинение формально было закреплено в статье 231 Версальского мирного договора. Немцам оно казалось односторонним и несправедливым, что породило в Веймарской республике поддержанное и направляемое властями и политическими силами разного толка стремление к опровержению «лжи победителей» по вопросу об ответственности за войну. К порожденной консервативными силами легенде «о предательском ударе ножом в спину» добавилась легенда о невинности за развязывание войны, в создании которой участвовали также представители левых и либеральных партий. По мысли веймарских демократов, она должна была служить средством сплочения разнородных политических и общественных сил молодой республики. Борьба против «лжи победителей» в то же время позволяла преодолеть неизбежный разрыв с прошлым и явно способствовала восстановлению политической и моральной преемственности между империей эпохи Вильгельма II и Веймарской республикой⁴⁹.

Дельбрюк отрицал исключительную вину Германии, чтобы получить аргументы, позволяющие в перспективе пересмотреть Версальский договор. Он пытался таким образом способствовать восстановлению общественного единства и созданию единого фронта, основанного на консенсусе о том, что руководство Второго рейха несло свою долю ответственности за войну. С этой точки зрения монархия была делегитимизирована не началом войны в 1914 г., а, скорее, ее окончанием. Дельбрюк видел в этом путь, который позволил бы значительной части как среднего класса, так и рабочих осознанно поддержать республику, не отказывая в правах ни империи, ни демократии. Поэтому уже в марте 1919 г. он вместе с М. Вебером, А. Мендельсон-Бартольди и М. Монжеля вошел в Комиссию четырех в составе немецкой делегации на мирных переговорах в Версале. 27 мая 1919 г. четверка представила совместный меморандум «Замечание к докладу комиссии союзных и объединившихся правительств об ответственности инициаторов войны», так называемый «Профессорский меморандум», в котором решительно выступала против обвинений со стороны держав-победительниц.

В 1921 г. Дельбрюк возглавил формально независимый Центр расследования причин войны хотя общее руководство и финансирование Центра осуществлял отдел ответственности за войну министерства иностранных дел. Центр стал одним из важных пропагандистов немецкой позиции в дискуссии по вопросу о войне, как в Германии, так и за рубе-

⁴⁸ Lüdtke 2018: 120.

⁴⁹ Винклер: 740.

жом. Ему прежде всего вменялось в обязанность доказать если не полную, то хотя бы относительную невинность Германии. С 1923 г. Центр издавал журнал «Die Kriegsschuldfrage: Monatsschrift für internationale Aufklärung», который в межвоенный период стал главным дискуссионным форумом по исследованию причин войны с явной тенденцией к национальной апологетике. Дельбрюк оставался главой Центра с самого начала его деятельности и до конца своих дней.

Более важным было назначение Дельбрюка летом 1920 г. в «Историческую комиссию имперского архива». На основе собственных фондов архив должен был подготовить многотомный обобщающий труд по истории мировой войны. Задачей комиссии было «консультировать архив в его научной деятельности» и «обеспечивать независимость его исследований»⁵⁰. В нее предполагалось включить 14–16 членов, в т.ч. 9–11 профессоров и 5 военных или государственных служащих. В комиссию вошли такие авторитетные «гражданские» историки как Фр. Майнеке, В. Гетц, Г. Онкен и Г. Майер. Эта группа предложила собственную концепцию издания, которая предполагала не ограничиваться собственно историей военных действий, а по мере возможности учитывать политические, экономические, социальные и культурные события. Эта концепция была отвергнута большинством комиссии, решительно поддержанной сотрудниками самого архива, в основном бывшими кадровыми военными во главе с первым руководителем архива – генерал-лейтенантом, доктором *honoris causa* Г. Мерц фон Квирнхаймом. В конечном счете 18-томник «Мировая война 1914–1918 гг.» был создан вполне в традициях произведений прусского генерального штаба XIX столетия. Он был призван сохранить «честь немецкой армии» (или ее генералитета) и прикрывать их от какой-либо критики со стороны «гражданских».

Организационные усилия Дельбрюка также трудно назвать вполне успешными. Это особенно очевидно на примере его ученика и младшего коллеги М. Хобомма. В начале 1920 г. Дельбрюк тщетно пытался открыть для него кафедру военной истории в берлинском университете, наконец, в конце того же года ему удалось добиться назначения Хобомма архивариусом в имперский архив. Но из-за своих исследований немецкого шовинизма и социальных проблем в армии во время мировой войны тот вступил в полемику с другими сотрудниками архива, которая привела его к почти полной изоляции.

Как публицист Дельбрюк укрепил свою репутацию влиятельного интерпретатора текущих событий в первые годы Веймарской республики. Помимо работы над переизданием «Истории военного искусства» он занимался прежде всего историей мировой войны в виде рецензий на соответствующие издания, выходявшие в большом количестве. Особое внимание Дельбрюк уделил воспоминаниям трех ведущих военных деятелей: А. Тирпица, Э. Фалькенхайна и Э. Людендорфа. Его волновал вопрос, почему не было достигнуто взаимоприемлемое соглашение с про-

⁵⁰ Deist: 381.

тивниками. Он утверждал, что в своих воспоминаниях Тирпиц показал себя «опытным парламентарием», «писателем», «духовным человеком» и «диалектиком», но содержание его книги – «это яд». В отличие от него Дельбрюк не сомневался в том, что мирные инициативы осени 1917 года были «задушены» «не непоколебимой волей Антанты к разрушению, а непостижимой слепотой вождей немецкого народа; и среди наиболее виновных – адмирал Тирпиц, не желавший отдавать Зебрюгге, и генерал Людендорф, не желавший отдавать Льеж»⁵¹.

С точки зрения Дельбрюка, Людендорф стал воплощением тех сил, что довели империю до пропасти. Людендорф не осознавал, что ставка на военное решение была заведомо проигрышной из-за превосходящей силы Антанты. Выдвигая чрезмерные требования, он уничтожил немногие возможности достижения компромиссного мира. Дельбрюк отказывает генералу в способности мыслить последовательно на перспективу и обвиняет его в бесцельной активности. Его полемически заостренная позиция в одном месте звучит наиболее ярко: «Даже последователи и почитатели Людендорфа, восхваляя его военные достижения, тоже вынуждены признать: в политике он, конечно, ребенок. Совершенно верно, но это политическое ребячество привело к тому, что Германский рейх был разломан на части как игрушка». Завершая оценку Людендорфа, Дельбрюк сделал широкое обобщение, которое дает ясно понять, насколько глубоко его затронул крах политической системы империи и заставил встать на путь болезненной переориентации: «Чтобы истинная религия восторжествовала, идола должны быть уничтожены. Это относится и к религии патриотизма»⁵².

К Фалькенхайну, напротив, Дельбрюк отнесся гораздо мягче. Тот не только признавал материальное и кадровое превосходство Антанты, но и сделал из этого верные стратегические выводы: немцы не смогут «диктовать» мир. Основываясь на этом понимании, Фалькенхайн разработал стратегию истощения, которая, однако, привела к «чрезмерному напряжению» его интеллектуальных сил в битве под Верденом, что способствовало его отставке⁵³.

Благодаря своим исследованиям и интерпретациям военной истории Г. Дельбрюк стал основателем военной истории как академического исследовательского направления, хотя и не смог добиться его институционализации при жизни. Он был одним из самых выдающихся и продуктивных политических историков вильгельмовской эпохи. Помимо прочего, благодаря своей обширной журналистской деятельности Дельбрюк стал ценным свидетелем своего времени, наследие которого еще далеко не исчерпано.

В Веймарской республике он, будучи уже весьма пожилым человеком, входил в круг наиболее влиятельных интеллектуалов, способ-

⁵¹ Delbrück 1920: 23.

⁵² Delbrück 1920: 37.

⁵³ Delbrück 1920: 28.

ных формировать общественное мнение. Борьба Дельбрюка против радикальных правых кругов в республике соответствовала его убеждениям со времен поздней империи. В итоге Дельбрюк стремился оказывать влияние на все политические силы, но оставался в значительной степени независимо мыслящим активистом, не в последнюю очередь потому, что «ни одна политическая группа не могла полностью претендовать на него как на своего»⁵⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Айвазян А. М. Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения. СПб.: Алетейя, 2017. 282 с. [Aivazyuan A. M. Armyano-persidskaya voyna 449–451 gg. Kampanii i srazheniya (Armenian-Persian War 449–451. Campaigns and battles). Saint-Petersburg: Ale-teiya, 2017. 282 p.]
- Банников А.В. Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.: Евразия, 2013. 256 с. [Bannikov A.V. Evolyutsiya rimskoi voennoi sistemy v I–III vv. (ot Avgusta do Diokletiana) (The evolution of the Roman military system in the 1st–3rd centuries. (from Augustus to Diocletian)). Saint-Petersburg.: Evraziya, 2013. 256 p.]
- Винклер Г.А. Веймар 1918–1933. История первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с. [Vinkler G.A. Veimar 1918–1933. Istoriya pervoi nemetskoj demokratrii (Weimar 1918–1933. History of the first German democracy). Moscow: ROSSPEN, 2013. 878 p.]
- Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма: Проблема имперского военного закона 1871–1874. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 304 с. [Vlasov N.A. U istokov german-skogo parlamentarizma: Problema imperskogo voennogo zakona 1871–1874 (At the origins of German parliamentarism: The problem of imperial military law 1871–1874). Saint-Petersburg.: Izd-vo SPBGU, 2006. 304 p.]
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 7 тт. М.: Госвоениздат, 1936–1939. [[Del'bryuk G. Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politich-eskoj istorii (History of Warfare in the Framework of Political History). V 7 tt. Moscow: Gosvoenizdat, 1936–1939].]
- Елисеев М. В. Рим против Македонии. Первая и Вторая македонские войны. М.: Вече, 2023. 368 с. [Eliseev M. B. Rim protiv Makedonii. Pervaya i Vtoraya makedonskie voiny (Rome vs Macedonia. First and Second Macedonian Wars). Moscow: Veche, 2023. 368 p.]
- Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей shk. экономики, 2010. 675 с. [Kagarlitskii B. Yu. Ot imperii – k imperializmu. Gosudarstvo i vzniknovenie burzhuaznoi tsivilizatsii (From empires to imperialism. The state and the emergence of bourgeois civilization). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shk. Ekonomiki, 2010. 675 p.]
- Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. 275 с. [Mokhov A.S. Vizantiiskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitie voenno-administrativnykh struktur (The Byzantine army in the mid-8th – mid-9th centuries: development of military-administrative structures). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2013. 275 p.]
- Цимбаев К.Н. Великая Германия: формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М.: РГГУ, 2015. 258 с. [Tsimbaev K.N. Velikaya Germaniya: formirovanie nemetskoj natsional'noi idei nakanune Pervoi mirovoi voiny (Greater Germany: the formation of the German national idea on the eve of the First World War). Moscow: RGGU, 2015. 258 p.]
- Bucholz A. Hans Delbrück and the German military establishment: war images in conflict. Iowa City, 1985. 191 p.
- Christ K. Hans Delbrück / Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. S. 159–200.
- Craig G. Delbrück, the military historian / Makers of Modern Strategy. From Machiavelli to the Nuclear Age. Ed. by P. Paret. Princeton: Princeton University Press, 1986. P. 326–353.
- Daniels E. Delbrück als Politiker / Am Webstuhl der Zeit. Eine Erinnerungsgabe Hans Delbrück dem Achtzigjährigen von Freunden und Schülern dargebracht. Hrsg. E. Daniels, P. Rühlmann. Berlin, 1928. S. 7–34.

⁵⁴ Lüdtkke 2018:140.

- Deist W. Hans Delbrück. Militärhistoriker und Publizist // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 1998. № 57. Bd. 2. S. 371–384.
- Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst m Rahmen der politischen Geschichte. Berlin: Stilke, 1900. 533 S.
- Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst m Rahmen der politischen Geschichte. In 7 Bde. Berlin: Stilke, 1920–1936.
- Delbrück H. Krieg und Politik 1914–1916. Berlin: Stilke, 1918. 271 S.
- Delbrück H. Ludendorff, Tirpitz, Falkenhayn. Berlin: Curtius. 1920. 78 S.
- Förster S. Der deutsche Generalstab und die Illusion des kurzen Krieges. 1871–1914. Metakritik eines Mythos. // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 1995. №54. S. 61–95.
- Harnack A. Hans Delbrück als Historiker und Politiker // Neue Rundschau. 1952. № 63. S. 408–426.
- Hillgruber A. Hans Delbrück /Deutsche Historiker. Hrsg. H.-U. Wehler. Bd. 4. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1972. S. 40–52.
- Hintze O. Delbrück, Clausewitz und die Strategie Friedrichs des Großen. Eine Erwiderung // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 1921. Bd. 33. 517 S.
- Klein J. „Der Prophet des Staatsgedankens“. Hans Delbrück und die „Preußischen Jahrbücher“ (1883–1919). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2023. 471 S.
- Lange S. Hans Delbrück und der „Strategiestreit“. Kriegführung und Kriegsgeschichte in der Kontroverse 1879–1914. Freiburg im Breisgau: Rombach, 1995. 159 S.
- Lüdtk C. Hans Delbrück und Weimar. Für eine konservative Republik – gegen Kriegsschuld-lüge und Dolchstoßlegende. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. 433 S.
- Lüdtk C. Hans Delbrück. Eine konservative Alternative für Weimar / Demokratische Persönlichkeiten der Weimarer Republik. Hrsg. S. Elsbach. Stuttgart: Franz Steiner, 2020. S. 153–170. Preußische Jahrbücher. 1918. Bd. 174. 446 S.
- Rassow P. Hans Delbrück als Historiker und Politiker // Die Sammlung. 1949. № 4. S. 134–144.
- Schleier H. Ein politischer Historiker zwischen Preußenlegende, amtlicher Militärgeschichtsschreibung und historischer Realität / Gestalten der Bismarckzeit. Hrsg. G. Seeber. Berlin: Akademie Verlag, 1978. S. 378–403.
- Thimme A. Delbrück Hans Gottlieb Leopold / Neue Deutsche Biographie. Bd. 3 Berlin: Duncker & Humblot, 1957. S. 577–578.
- Thimme A. Hans Delbrück als Kritiker der Wilhelminischen Epoche. Düsseldorf: Droste, 1955. 167 S.

Баранов Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Екатеринбург, Россия; nikolaibaranov@urfu.ru

Hans Delbrück: between science and politics

The article attempts to reconstruct the intellectual biography of the German historian, the founder of military history as a substantive direction of historical science, G. Delbrück (1848–1929). His large academic and journalistic heritage is still practically unexplored in historiography. Delbrück was not only a scholar-historian who proposed an original concept of the history of military art within the framework of political history from antiquity to modern times, but also an active participant in the socio-political life in the Kaiser's empire and in the Weimar Republic. Being a strong supporter of the monarchy, he criticized the Pan-Germans, the Polish minority policy, the Naval program of Admiral Tirpitz during the period of Wilhelmine Germany. The fall of the Kaiser's regime shocked him, but he supported the Weimar Republic as a “republican in mind.” His biography reflected many of the contradictions inherent in German society at this turning point of German history.

Key words: *German Empire, World War I, Weimar Republic, history of military art, strategic dispute, war guilt question.*

Nikolay N. Baranov, Dr. Hab. in History, Associate Professor, Ural Federal University, Head of the Chair of Modern and Contemporary History, Yekaterinburg, Russia; nikolaibaranov@urfu.ru

МОЖНО ЛИ РЕФОРМИРОВАТЬ ТЕАТР? АВСТРИЙСКИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ С 1945 Г.

В данной статье Австрийские Федеральные театры анализируются как важнейший объект в культурной политике и экономике Второй республики. Долголетие этого театрального конгломерата скорее объясняется зависимостью от траектории и доминирующими моделями мышления в бюрократии, культурной среде и обществе Австрии чем настоящей борьбой за экономическую эффективность. Австрийское экономическое чудо способствовало благожелательному отношению «государства-патрона» к Федеральным театрам, однако растущий дефицит потребовал структурных реформ в неолиберальном ключе во время подготовки вступления Австрии в Европейский союз. Вместе с тем реформы 1971 и 1998 г. не переломили существующих практик театрального менеджмента и не привели к значительному улучшению экономических показателей, что подтверждает тезис о превалировании долгосрочных тенденций в развитии театров, преобладающей роли культурного капитала и способности театров успешно нейтрализовать реформы извне.

Ключевые слова: театральная политика, культурный капитал, институциональная сопротивляемость, Австрийские Федеральные театры, Вторая республика.

Австрийские Федеральные театры являются крупнейшим театральным конгломератом в мире. В то же время их история, правовое положение и особенности функционирования остаются недостаточно изученными. Несмотря на наличие значительной по объёму, методическим и конкретно-историческим достижениям театроведческой историографии (которая в основном концентрируется на новом времени, хотя есть и исключения, см. Yates 1995, Yates 2005), с одной стороны, а также литературы по экономике и менеджменту театра (школы Талоса Зембиласа в Австрии и Петера Чмука в Германии, сравнительные работы по истории и экономике театра¹), с другой, Федеральные театры обнаруживают значительный потенциал исследований. Он касается, с одной стороны, специфики правового, экономического, общественного и политического положения Федеральных театров во Второй Австрийской республике, а с другой стороны сравнения австрийской театральной политики с другими странами, в том числе с поздним Советским Союзом и современной Российской Федерацией. Федеральные театры как флагман культурной экономики современной Австрии (и один из крупнейших работодателей центра австрийской столицы) являются также неотъемлемой частью национального бренда, одной из наиболее известных институций страны.

Несмотря на благоприятную экономическую конъюнктуру Второй республики, Федеральные театры сталкиваются с рядом вызовов. Так, театры как пример «опекаемого блага»² безуспешно сопротивляются

¹ Элементы такого сравнения присутствуют в Agide, Tarondeau 2010, в определённой степени Vieten 2016; Golovlev 2022.

² См. Рубинштейн 2012, Рубинштейн, Музычук, Ханина 2014.

влиянию растущей убыточности («закон Бомоля»³), вызовом разрыва репертуара и актуальных практик в искусстве, растущего возраста и социального статуса театральной публики. Причины появления и организационной устойчивости Федеральных театров, динамика их развития как культурного объекта обнаруживают значительный исследовательский потенциал как с организационной и экономической, так и с политической и культурной точки зрения: каким образом австрийцы видят и мыслят свои наиболее престижные театры?

Советские войска вступили в разрушенную Вену 13 апреля 1945 г. В кратчайшее время новая оккупационная администрация предприняла меры по восстановлению культурной жизни в городе, разыскивая артистов и по мере своих сил обеспечивая их продуктами питания, инструментами, возможностями для репетиции⁴. «Одержимые театром русские»⁵ сознательно демонстрировали почтение к высокой культуре Австрии, не без основания рассчитывая завоевать уважение местного населения, серьёзно подорванное нацистской пропагандой и тяжёлыми боями на территории страны. Рауль Аслан и Альфред Ергер с подачи советских властей приняли руководство Бургтеатром и Оперой, Эгон Хильберт стал первым руководителем Федеральных театров после войны⁶. Со своей стороны, восстановленная независимая Австрия сознательно черпала свой престижный капитал из возвращённых в её компетенцию Федеральных театров⁷. В определённом смысле «придворные» театры были обречены прийти к «ко двору», в этот раз как символ отдельной от Германии австрийской *Kulturnation*.

Организационно правительство Второй республики вернулось на рельсы 1920-1930-х гг. Управление Федеральных театров, не образуя собственного юридического лица как подструктура центрального правительства, субсидировалось федеральной казной (будучи ответственным министерствам просвещения и финансов)⁸. Его отдельные театры управлялись через министерство просвещения при сохранении художественной свободы директоров и режиссёров. В 1946 г. правительство постановило, что контроль за доходами и расходами должен находиться в руках руководителя Федеральных театров и тем самым выводится из компетенции директоров Оперы и Бургтеатра⁹. В 1955 г. в ведение Федеральных театров была передана Народная опера (Фольксопера).

Хозяйственное управление Федеральными театрами было сложной задачей, и в этом 1940-е гг. повторили рубеж 1910-1920-х, но в ещё более драматическом ключе. Всё десятилетие союзнической оккупации велось

³ Baumol, Bowen 1966; Rubinstein, Baumol, Baumol 1992.

³ Bourdieu 1979, cf. Champagne, Christin 2012.

⁴ Головлев 2021.

⁵ Deutsch-Schreiner 2001: 101.

⁶ Hackenberg, Herrmann 1985: 13, 31–33.

⁷ Rathkolb 2015: 336–344.

⁸ Pirchan et al. 1953: 246.

⁹ Ibid.: 248.

восстановительные работы в зданиях Государственной оперы и Бургтеатра на Ринге, которые были открыты в 1955 г. Всё это время культурные символы австрийской нации, по существу, ютились в доступных помещениях, например в Фольксопере или Театр(е) ан дер Вин (и были вынуждены сосуществовать с собственными труппами этих театров). Казна была пуста, что заставляло правительство в первые годы формировать достаточно иллюзорные бюджеты. Так, в 1946 г. расходы театров были определены в 14,9 млн шиллингов, а доходы в 13,7 миллионов¹⁰. Материальная помощь в совокупности с административным давлением со стороны советских «культурных офицеров» помогли «в ручном режиме» возобновить деятельность театров, при этом продукты питания, дрова, инструменты и ноты играли ещё более значительную роль в разрушенной австрийской экономике, чем денежные вливания¹¹. Ансамбли разрушенных Государственной оперы и Бургтеатра были вынуждены выступать в сохранившихся зданиях Фольксоперы (директор которой, Герман Юх, в 1936-1945 гг. работал в Управлении Федеральных театров¹²), Театра ан дер Вин и Академичеатра, а союзнические (следует снова отметить, в первую очередь - советские¹³) и австрийские власти пытались организовать первые театральные сезоны, превратив Федеральные театры в арену «музыкальной дипломатии», где иностранные державы пытались утвердить собственный культурный капитал, подогревая австрийский «рынок» своей конкуренцией, а сами австрийцы утверждали *престижный* капитал музыкальной столицы Европы.

Сдержанный консерватизм театральной элиты обезопасил Федеральные театры от политических конфликтов с ориентирующимися на Запад основными партиями (Народной и Социалистической) послевоенной Австрии, хотя и не спасал театральных чиновников от интриг за сценами дворцов искусств на Ринге. Так, уход Эгона Хильберта с поста главы Федеральных театров связывался с потерей последовательности в программе¹⁴, хотя её (рыночно ориентированный) эклектизм разделялся всеми директорами отдельных театров. Репрезентативный театр в этот период всё больше становится «музеефицированным» символом великого прошлого страны, в котором австро-германская классика играла доминирующую роль. Всё же интенсивным был и приток иностранной музыки и драмы, которая, несмотря на все идеологические перипетии, существенно обогатила культурную жизнь ставшей на путь парламентской демократии страны, однако и здесь репертуарная политика скорее обращалась к проверенным шедеврам XVIII–XIX вв., чем к современным экспериментам: вкусы публики и театральной элиты здесь обнаруживали

¹⁰ Bundesfinanzgesetz 1946: 242–243.

¹¹ Мюллер 2003.

¹² Hackenberg, Herrmann 1985: 129.

¹³ «Культурные офицеры» (майор М. Левитас, начальник управления пропаганды СЧСК по Австрии Л.А. Дубровицкий и др.) были вскоре дополнены постоянным представительством ВОКС. Подробнее в Golovlev 2023: 62–88.

¹⁴ Ibid.: 66.

сходство. В силу этого радикальные авангардистские течения вскоре стали жертвой доминирующих консервативных тенденций¹⁵.

Начало Холодной войны в 1947–1948 гг. усилило соревнование между «западом» и «востоком» за австрийские «умы и сердца», что объективно играло на руку деятелям культуры страны (следует отметить, что советские офицеры весьма чутко следили за ситуацией и боролись с сокращением своего влияния в культурной области¹⁶). Совместные «парады» музыкальных наций Европы 1945–1946 гг. уступили место атмосфере недоверия и отчуждения. Консервативно-антикоммунистический климат венской культурной элиты привёл к участию Бургтеатра при директоре Эрнсте Хойссермане в бойкоте произведений Бертольда Брехта в 1950–1960-х гг.¹⁷ В то же время «экономическое чудо» в конце 1940-х гг., стабильное развитие австрийской экономики, не в последнюю очередь туризма, на фоне благоприятной конъюнктуры Западной Европы в 1950–1960-х гг. способствовали консервации привычных концепций и методов управления. В то же время изоляция от Восточной Европы, несмотря на разразившиеся у австрийских границ кризисы 1956 и 1968 гг., не нанесла существенного ущерба Федеральным театрам, опирающимся на внутренний платёжеспособный спрос и на туристов из западных стран.

В 1971 г. была проведена крупнейшая реформа Федеральных театров. Согласно распоряжению министра образования, науки и искусства Леопольда Гратца от 10 мая 1971 г. Управление Федеральных театров было переименовано в «объединение» (Verband)¹⁸. Объединение получило единого художественного директора и генерального секретаря, которые, наряду с директорами трёх театров, составляли правление; генеральный секретарь занимался в первую очередь финансовыми и экономическими вопросами¹⁹. Целью реформы было упорядочивание структуры театров при сочетании высших художественных достижений с наиболее рациональной, экономичной формой управления²⁰. Голоса о необходимости реформы и согласии с ней своевременно зазвучали и из самих театров (в таком духе выдержано выступление недавно назначенного директора Государственной оперы Рудольфа Гамсйегера в «Австрийском музыкальном журнале», ведущем профессиональном органе страны²¹). Как и следовало ожидать, радикальных изменений не произошло и на этот раз – точнее, дирекциям театров удалось сдержать момент реформы.

Роберт Юнгблут занимал пост секретаря в течение 17 лет (до 1988 г.), его сменил Георг Шпрингер (1988–1999–2014). Несмотря на экономический кризис 1973 г. и перестановки в федеральном правительстве в

¹⁵ Deutsch-Schreiner 2001: 383.

¹⁶ См. Mueller 2005, Kraus 2008, Golovlev 2023.

¹⁷ См.: Brauneck, Bd. 5: 459–513.

¹⁸ Обновлённые должностные инструкции (ключевой инструмент управления Федеральными театрами) были составлены в 1976 г. Bammer 1992: 201. Lukas 2008: 12–13.

¹⁹ Springer, Stoss 2006: 157.

²⁰ Ibid.: 157.

²¹ Gamsjäger 1971.

1980-е, Юнгблуту удалось достичь тройного повышения расходов на федеральные театры, которые поглощали две трети культурного бюджета республики²². В это время была введена компьютеризация кадрового учёта, началась практика видеозаписей и теле- (а также радио-) передач представлений как оперных театров, так и Бургтеатра, что позволяло существенно увеличить потенциал охватываемой аудитории. Балетная школа Государственной и Народной оперы получила новое здание (т. н. «Ханушхоф»); Опера начала регулярные гастроли в Японии, а её оркестром снова стал руководить Герберт фон Караян. В целом Управлению Федеральных театров удалось обеспечить прирост культурного и политического капитала театров в Австрии и за её пределами, что на долгое время обезопасило их от попыток очередных реформ.

Экономическая эффективность Объединения Федеральных театров оценивалась скорее положительно: несмотря на то, что их бюджет вырос практически вдвое, его удельный вес в структуре расходов *федерального* бюджета сократился с 0,5 до 0,4%, при учёте повышения интенсивности представлений, гастролей и создания новых медиапродуктов. К тому же несмотря на дефицитарность театров их положительное экономическое влияние, как подчеркивали благожелательно настроенные аналитики, превышало бюджетные субсидии²³. Скептические голоса раздавались из Счётной палаты и парламента, поскольку Федеральные театры не добились существенного улучшения структуры бюджета за первые 20 лет существования²⁴. Это обусловило и новую риторику борьбы за эффективность, которую Федеральные театры уже не могли игнорировать. Если в 1970–1980-е гг. соображения престижа и «художественных успехов» могли в целом нейтрализовать критику, то изменившаяся макрополитическая и экономическая конъюнктура требовала реформы. Австрия готовилась к вступлению в Европейский союз, что приводило к нелиберальной критике чрезмерной государственной роли в экономике и призывам к введению частных, ориентированных на экономическую эффективность, форм управления государственными предприятиями вплоть до их приватизации. Курс на европейскую интеграцию автоматически означал пересмотр статуса всех крупных государственных предприятий, чего не могли избежать и Федеральные театры.

Интенсивные консультации на уровне министерств образования и финансов о выделении Федеральных театров из государственного управления начались в 1991–1992 гг.²⁵ В 1996–1998 гг. в парламенте были проведены дискуссии о реформе театров с привлечением экспертов²⁶. Наряду с театрами готовились «квази-приватизации» музеев, железных дорог, Telekom Austria: из 40 проектов выделения из государственного

²² Schwarz 2012: 18–19, 24.

²³ Abele, Bauer 1984.

²⁴ Bammer 1992: 241.

²⁵ Straßl 2001: 128–129.

²⁶ Expertenhearing 1997, Stellungnahmen 1998. Lukas: 36–42.

управления 12 касались институтов культуры²⁷. Проект закона подчёркивал «репрезентативный характер» Государственной и Народной опер, Бургтеатра для республики²⁸. Парламентская дискуссия не обнаружила существенного интереса депутатов в технических деталях управления театрами²⁹, а сам закон содержал скорее общие принципы «эффективного менеджмента». В итоге после принятия в 1998–1999 гг. нового закона был создан Холдинг Федеральных театров (Bundestheater-Holding³⁰), от которого (как и в 1971 г.) ожидалось поддержание высокого уровня художественной деятельности и эффективный контроль над расходами.

По Закону об организации Федеральных театров (Bundestheaterorganisationsgesetz – BuThOG), составлявшие Объединение Федеральных театров Государственная и Народная опера, Бургтеатр с Академичеатром, прошли процедуру выделения из структуры государственного, т.е. министерского управления (*Ausgliederung*). Единственным собственником Холдинга Федеральных театров является государство. В рамках холдинга оба оперных театра и Бургтеатр продолжают существовать как автономные единицы с собственной художественной и артистической дирекцией, к которым добавляется единая хозяйственно-техническая организация Theaterservice GmbH³¹. Также в холдинге продолжилась традиция общего для Государственной и Народной, но автономного с художественной и экономической точки зрения балета. С 2005 г. Theaterservice имеет дочернюю фирму ART FOR ART Kreativ-Werkstätten, которая может оказывать услуги театральным мастерским как в рамках холдинга, так и на коммерческой основе для внешних заказчиков³². Федеральные власти обязываются выделять фиксированную законом субсидию для выполнения «культурно-политического задания» (*kulturpolitischer Auftrag*), которое определялось законодателем как обязанность поддерживать высокий уровень театральных представлений в интересах австрийского общества³³.

С одной стороны, Федеральные театры усилили свою независимость от министерства просвещения и аппарата федерального канцлера³⁴, но с другой – эта независимость была фактически устранена поправками (*Novelle*) 2015 года. Если Георг Шпрингер, уже работавший в «Объединении Федеральных театров» и возглавлявший «Холдинг» в 1999–2014 гг., а также сменивший его Гюнтер Ромберг (2014–2016) выбирались управляющим советом, то следующий глава концерна – Кристиан Кирхнер – был назначен министром просвещения. Театры стали более консервативными: долгожданная премьера оперы «Три сестры» П. Эотвёша прошла без чрезмерного энтузиазма 12 марта 2020 г. и вскоре

²⁷ Tschmuck 2008: 2.

²⁸ Ministerialentwurf – Bundesgesetz 1998.

²⁹ Bericht 1998, Stenographisches Protokoll 1998.

³⁰ BuThOG 1998.

³¹ Подробнее см. Серпуховитина, Музычук 2018.

³² Abfalter 2010: 148.

³³ Abfalter 2010: 137–138

³⁴ Tschmuck 2008: 117

стала жертвой локдауна, позволив руководству театра зафиксировать наличие одного нового произведения в своём репертуаре.

Экономическая эффективность «квази-приватизации» Федеральных театров оценивалась по-разному как в растущем корпусе академической литературы, так и в общественной дискуссии. В целом удешевления театров не вышло: «выделение» холдинга привело к фактическому увеличению расходов федерального бюджета (при том, что государство ожидало более прозрачной для него структуры доходов и расходов)³⁵. Так, в 2014 г. на Федеральные театры из бюджета было потрачено свыше 149 млн евро, что составило 18% общих расходов федерального правительства на культуру и свыше 79% на исполнительские искусства, в то время как продажа билетов покрывала менее трети расходов; стабильно наблюдается и отрыв Оперы с её крупным зрительным залом и высокой популярностью от драматического театра³⁶.

Положительным фактором развития театров служило успешное развитие австрийской экономики и рост туризма, которому способствовали расширения ЕС 1995 и 2004 г.³⁷, что поддерживало платёжеспособный спрос публики³⁸ (и смягчало строгость парламентского и аудиторского контроля). Наконец, структура бюджета как отдельных театров, так и концерна в целом не отличается существенным образом от типичных европейских оперных и драматических театров, которые не были охвачены подобными реформами³⁹.

Дирекция Федеральных театров ожидаемо защищала результаты своей деятельности, указывая на успешное выполнение «культурно-политического задания» и финансовую устойчивость холдинга⁴⁰. Официальные отчёты и проверки, с одной стороны, выводили на первый план как роль инфляции, так и отсутствие радикальных «улучшений» в структуре бюджета и управленческих практиках Федеральных театров⁴¹. Периодически в прессе возникала критика эффективности распределения бюджетных средств (что весьма похоже на 1920-е гг.)⁴². Сдержанный оптимизм одного из ведущих исследователей театрального менеджмента

³⁵ Ibid.: 149. Служба статистики подсчитала, что (в пересчёте на евро) убытки сократились со 169,7 млн до 127,4 млн между 1995 и 2000–2001 гг., но практически неуклонно росли до 160,6 млн в 2019–2020 гг. (до пандемии). Kulturstatistik 2022: 102.

³⁶ Серпуховитина, Музычук 2018: 171–172.

³⁷ См. WKÖ Statistik 2018. Gästeankünfte 2007.

³⁸ В 2007 г. 19% туристов в Вене посетили представление оперы или оперетты (Schlößl 2011: 248). Венская Опера и Бургтеатр являются безусловными «туристическими магнитами» австрийской столицы.

³⁹ Lukas 2008: 73–76. Имеются определённые трудности в интерпретации источников: опубликованные отчёты театров и документы государственных ревизий не позволяют точно воссоздать картину распределения расходов, в частности смет на новые постановки (как правило, указываются лишь общие расходы на персонал). Österreichische Bundestheater/Geschäftsbericht 2021/2022: 32–33; Wiener Staatsoper/Bericht 2023.

⁴⁰ Springer, Stoss 2006.

⁴¹ Integrated Consulting Group 2014, Rechnungshof 2018.

⁴² См. Bundestheater: Zweifel an Sparsamkeit.

Петера Чмука относился скорее к упрощению административных иерархий, чем к сокращению расходов⁴³, но дальнейшие эконометрические исследования по крайней мере не показывали ухудшения показателей театров⁴⁴. Революционных изменений традиционно не произошло и в отдельных театрах (например, Фольксопера продолжает сочетать посещаемую классику и отдельные премьеры новых произведений, а также уделять требуемое внимание качественному ведению счетов⁴⁵, что и в этом случае едва ли говорит об энтузиазме в следовании неолиберальной риторике политического истеблишмента). Очередная попытка реформ, направленных на существенное изменение экономической модели театральных предприятий, и не в последнюю очередь критика, характерная для демократического политического процесса, в очередной раз были успешно нивелированы руководством Федеральных театров.

Если в национальном контексте Федеральные театры в целом успешно прошли через все вызовы времени, то для культурной истории «большой Европы» (типичным «продуктом» которой и является театр) их место и роль остаются центральными – и достаточно типичными для европейской культурной среды. Конвенциональна также их экономическая структура (примерно половину бюджета Федеральных театров составляют субсидии, а большую часть расходов – фонд заработной платы⁴⁶).

В европейском контексте театры, входящие в венский холдинг, не обнаруживают существенных структурных отличий от других стран (таких, как Франция, Германия, Великобритания и, с поправками, Италия)⁴⁷. Например, берлинские Государственная и Комическая опера (управляющиеся как «фонд» (*Stiftung*) земли Берлин и не включающие в себя драматические театры) имеют структуру бюджета, репертуарную политику и зрительскую аудиторию, весьма сходные с австрийскими⁴⁸. Консервативной является и кадровая политика с преобладанием бессрочных (реже – долгосрочных) коллективных договоров с приглашением отдельных солистов, в целом наследующая традициям как императорской Австрии, так и «красной Вены». Вместе со всеми европейскими театрами Федеральные театры Австрии подвержены «закону Бомоля», т.е. требуют всё больших субсидий. Объёмная бюрократическая переписка, законодательные акты и растущий корпус австрийской исследовательской литературы (особенно по новейшей истории Федеральных театров) не могут скрыть того факта, что на макроэкономическом (и политическом) уровне

⁴³ Tschmuck 2006, Tschmuck 2008: 265, 267.

⁴⁴ См. Federer 2008.

⁴⁵ Wimmer 2012.

⁴⁶ Это почти идентично статистике, например, Большого театра, а также большей части театров Европы. Описанные в литературе исключения легко объясняются внеорганизационными факторами: например, Парижская опера располагает новым зданием в Бастилии, повышенная вместимость которого позволяет продавать больше билетов и, следовательно, получать больший доход. См. Agide, Tarondeau 2005.

⁴⁷ См. Agide, Tarondeau 2010: 161.

⁴⁸ Vieten 2016.

Управление-Объединение-Холдинг не выделяются существенным образом среди – хотя бы и небольшой когорты – сопоставимых театральных организмов, как объединённых, так и существующих как независимые оперные и драматические театры.

Преобразования Федеральных театров не показали значительного экономического эффекта, не трансформировали их репертуарной политики, а также не повлияли существенным образом на политику «кадровую», определяющуюся внутренними потребностями театра, соображениями престижа и развитым австрийским социальным законодательством. Тем самым обнаруживаются границы эффективной власти вышестоящих государственных структур, в особенности министров. В частности, академическая дискуссия последней трансформации (*Ausgliederung*) недооценивает её (традиционно) поверхностный, если не косметический, характер и способность театрального истеблишмента нивелировать неудобные для себя изменения. На наш взгляд, речь в итоге не идёт об экономической эффективности, модернизации или художественном «обновлении» как таковых – хотя бы они и присутствовали в подверженной *Zeitgeist* политической риторике. Театры оказываются весьма устойчивы к попыткам их реформировать.

В то же время сам факт создания общего управления для бывших придворных театров является релевантным для концептуальной истории управления культурой *à l'autrichienne* – и здесь уместно сравнение с соседней Италией, где такие организмы отсутствуют. В австрийском контексте невозможно обсуждать «закрытие» или настоящую приватизацию Оперы или Бургтеатра. На сегодня нам неизвестны и серьёзные попытки ликвидировать *организацию* Федеральных театров как управленческое звено между правительством (министерством просвещения и федеральной канцелярией) и отдельными театрами. Пережив нацизм и войну, Федеральные театры без труда противостоят «оптимизациям» наших дней. При этом трудно говорить, насколько Федеральные театры (как управление, объединение или холдинг) «популярны»: речь идёт об общественно-политическом консенсусе о необходимости поддержки национального достояния страны. Управленческие детали не привлекают внимания парламента и общества, которые готовы вкладывать в престижные венские театры сотни миллионов евро, что создаёт определённую индифферентность к конкретным формам организации. В этих условиях зависимость от траектории, как и внутренняя институциональная сопротивляемость, становится ключевым фактором «управления» театрами.

Крупнейший как по абсолютным показателям, так и по отношению к экономике страны театральный конгломерат до сих пор является значительно более устойчивой конструкцией, чем любой политический режим Австрии. Престижный капитал оказывается сильнее министров и канцлеров, которые (в силу доминирующего габитуса) сами подвержены его влиянию, а также склонны искать роль просвещенного мецената (хотя бы отдавая дань дискурсу экономической рациональности, в итоге довольно

безвредному). Пока общество будет придавать ценность театру, его конкретные организационные формы будут второстепенны. Фундаментальная проблема остаётся прежней: современный театральный менеджмент не владеет рецептом повышения «эффективности» театров.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Головлев А.И. От Theatersperre до союзнической администрации: к вопросу об институциональной резистентности театра на примере Венской государственной оперы и Бургтеатра, 1944–1945 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 35–50 [Golovlev A.I. Ot Theatersperre do soyznicheskoy administratsii: k voprosu ob institutsional'noy rezistentnosti teatra na primere Venskoy gosudarstvennoy opery (From the Theater-sperre to Allied administration: on the issue of institutional resistance of theatre in the case of Vienna State Opera) // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. 2021. T. 12. N 2. S. 35–50].
- Мюллер В. Культурная политика советских властей в Вене и советско-австрийские культурные отношения в 1945 г. // Вестник Московского университета. 2003. Сер. 8. История. № 2. С. 85–104. [Mueller V. Kul'turnaya politika sovetskikh vlastey v Vene i sovetско-avstriyskiye kul'turnye otnosheniya v 1945 g. (Cultural Policies of Soviet Authorities in Vienna and Soviet-Austrian Cultural Relations in 1945) // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2003. Ser. 8. Istoriya. № 2. S. 85–104].
- Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». М.: ИЭ РАН, 2012. [Rubinshtejn A.Ya. Opekaemye blaga v sfere kul'tury: priznaki i posledstviya «bolezni cen» (Sponsored goods in the sphere of culture: signs and consequences of the “cost disease”). М.: ИЭ РАН, 2012].
- Рубинштейн А.Я., Музычук В.Ю., Ханина Е.А. Опекаемые блага культуры и искусства: институты общественной поддержки. М., ИЭ РАН: 2014. [Rubinshtejn A.Ya., Muzychuk V.Yu., Hanina E.A. Opekaemye blaga kul'tury i iskusstva: instituty obshchestvennoj podderzhki (Sponsored goods of culture and arts: institutes of public support). М.: ИЭ РАН, 2014].
- Серпуховитина Д.В., Музычук В.Ю. Ведущие театры Вены в контексте культурной политики Австрии // Театральное дело. Наука и практика. Сборник статей по материалам дипломных работ продюсерских факультетов. М.: Издательство РГИСИ; «Чистый лист», 2018. Вып. 2. С. 164–176. [Serpukhovitina D.V., Muzychuk V.Yu. Vedushchiye teatry Veny v kontekste kul'turnoy politiki Avstrii (Vienna Top Theatres in the Context of the Cultural Policy of Austria // Theatre profession. Science and practice. Collection of articles based on graduate theses of producer faculties) // Teatral'noe delo. Nauka i praktika. Sbornik statey po materialam diplomnykh rabot prodюserskikh fakul'tetov. М.: Izdatel'stvo RGISI; “Chisty list”, 2019. Vyp. 2. S. 164–176].
- Abele H., Bauer H. Die Bundestheater und die österreichische Wirtschaft: Österreichischer Bundestheaterverband. Wien: ÖBV, 1984.
- Abfalter D. Das Unmessbare messen? Die Konstruktion von Erfolg im Musiktheater. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.
- Agide Ph., Tarondeau J. «L'Opéra de Paris est-il économiquement gouvernable?» // Revue française de gestion. 2003. Vol. 142. No. 1. P. 147–168.
- Agide Ph., Tarondeau J. The Management of Opera: An International Comparative Study. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.
- Bammer A. Bundestheater und Verfassung: eine historisch-systematische Untersuchung der (verfassungs)rechtlichen Stellung der Bundestheater unter besonderer Berücksichtigung der Kunstfreiheit und der Kompetenzverteilung. Wien: Staatsdruckerei, 1992.
- Baumol W.I., Bowen W.G. Performing Arts — the Economic Dilemma. N.Y.: Basic Books, 1966.
- Bericht des Kulturausschusses über den Antrag 1274/A(E) der Abgeordneten Ing. Mag. Volker Reifenberger, Kolleginnen und Kollegen betreffend Verhinderung der Bestandsgefährdung von Bundesmuseen und Bundestheatern 17.03.2021 // Österreichisches Parlament [2021]. URL: https://www.parlament.gv.at/dokument/XXVII/I/746/frameorig_934036.html
- Bourdieu P. La distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Minuit, 1979.
- Bundesfinanzgesetz vom 29. Mai 1946 für das Jahr 1946 // BGBl. 17.08.1946. St. 41. Nr. 126. S. 185–276.
- Bundesgesetz über die Neuorganisation der Bundestheater (Bundestheaterorganisationsgesetz - BThOG). 1998–2016/19 // RIS – Rechtsinformationssystem des Bundes [1999].

- <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=1001008>
- Bundestheater: Zweifel an Sparsamkeit // ORF Wien. 26.04.2012. URL: <https://wien.orf.at/v2/news/stories/2534695/index.html>
- Champagne P., Christin O. Pierre Bourdieu. Une initiation. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2012.
- Cummings M.S., Katz R.S., eds. The Patron State: Government and the Arts in Europe, North America and Japan. Oxford: Oxford UP, 1987.
- Deutsch-Schreiner E. Theater im „Wiederaufbau“. Zur Kulturpolitik im österreichischen Parteien- und Verbändestaat. Wien: Sonderzahl, 2001.
- Expertenhearing zu Theaterfragen im Kulturausschuss - Parlamentskorrespondenz Nr. 26, 16 January 1997 // Österreichisches Parlament [1997]. URL: https://www.parlament.gv.at/PAKT/PR/JAHR_1997/PK0026/index.shtml
- Felderer B. „Prüfung der Bundestheater bezüglich der ökonomischen Wirkungen in Wien und in Gesamtösterreich,“ Projektbericht/Endbericht // Institut für Höhere Studien [2008]. URL: https://www.ihs.ac.at/publications/lib/bundestheater_endbericht.pdf
- Gamsjäger R. „Von neuer Ära in der Wiener Staatsoper,“ Österreichische Musikzeitschrift 1971. S. 443–445.
- Gästeankünfte in Wien nach Herkunftsländern 2007 bis 2016 // Stadt Wien [2016]. URL: <https://www.wien.gv.at/statistik/wirtschaft/tabellen/ankunfte-laender-zr.html>
- Golovlev A. French and Soviet Musical Diplomacies in Post-War Austria. L.: Routledge, 2023.
- Integrated Consulting Group. Bericht: Projekt „Optimierung der Struktur der Bundestheater-Holding GmbH“. 11 December 2014 // Bundeskanzleramt Österreich [2014]. URL: https://www.kunstkultur.bka.gv.at/documents/340047/651233/Optimierung_bundestheater_dez14.pdf/7ba8b8b7-21a6-41d7-9611-4efdbf2f5052
- Kraus M. „Kultura“: der Einfluss der sowjetischen Besetzung auf die österreichische Kultur 1945–1955. Mag. Diss., Universität Wien 2008.
- Kraus M. Die musikalische Moderne an den Staatsopern von Berlin und Wien 1945–1989. Stuttgart: J.B. Metzler, 2017.
- Kulturstatistik 2020. Hg. Statistik Austria. Wien: Verlag Österreich GmbH, 2022. URL: <https://www.statistik.at/fileadmin/publications/Kulturstatistik-2020.pdf>
- Löffler S. Mythos Kulturgroßmacht: Das Theater in Österreich // Heiss G. u.a., hg. Tschechien und Österreich nach dem Ende des Kalten Krieges. Ústí nad Labem: Albis International, 2009. S. 141–159.
- Lukas A. Ausgliederung der Bundestheater: Eine verfassungsrechtliche Betrachtung. Dipl.-Arb. Universität Graz, 2008.
- Ministerialentwurf. Bundesgesetz über die Neuorganisation der Bundestheater-BuThOG. 253/ME XX GP. 22. April 1998 // Österreichisches Parlament [1998]. URL: https://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XX/ME/ME_00253/imfname_572231.pdf
- Mokre M. Austrian Theatres Cost Too Much! A Summary of a Research Project in Vienna // International Journal of Cultural Policy. 1996. Vol. 2. No. 2. P. 289–302.
- Mueller W. Die sowjetische Besetzung in Österreich 1945–1955 und ihre politische Mission. Wien: Böhlau, 2005.
- Nussmayr K. In die Oper kehrt das Publikum zurück, ins Burgtheater kaum // Die Presse. 21.02.2023. URL: <https://www.diepresse.com/6254543/in-die-opern-kehrt-das-publikum-zurueck-ins-burgtheater-kaum?from=rss>
- Österreichische Bundestheater. Geschäftsbericht 2021/2022. Wien, 2022. URL: https://www.bundestheater.at/documents/212/%C3%96sterreichische_Bundestheater_Gesch%C3%A4ftsbericht_2021_22.pdf
- Rathkolb O. Die paradoxe Republik: Österreich 1945 bis 2015. Vienna: Zsolnay, 2015.
- Rubinstein A.J., Baumol W., Baumol H. On the Economics of the Performing Arts in the Soviet Union and the USA: A Comparison of Data // Journal of Cultural Economics. 1992. Vol. 16. No. 2. P. 1–23.
- Schlögl A. Mehrwert Musik: Musikwirtschaft und Stadtentwicklung in Berlin und Wien. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011.
- Schwarz S. Kulturförderungsverwaltung: Kunstförderung auf Bundesebene in Österreich. Mag. Diss., Universität Wien, 2012.
- Spielplanarchiv der Wiener Oper 1869 bis 1955.
URL: <https://www.mdw.ac.at/imi/operapolitics/spielplan-wiener-oper/web/>

- Spielplanarchiv der Wiener Staatsoper. URL: <https://archiv.wiener-staatsoper.at/>
- Springer G., Stoss O. "Die Ausgliederung der österreichischen Bundestheater," Österreichisches Jahrbuch für Politik (2005): 563-582.
- Stellungnahmen: Bundesgesetz über die Neuorganisation der Bundestheater (253/ME) // Österreichisches Parlament [1998].
- https://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XX/ME/ME_00253/index.shtml#tab-Stellungnahmen
- Straßl K. G. Kulturpolitik des Bundes. Die kulturpolitische Situation in Österreich im Spannungsfeld zwischen Gestalten und Verwalten. München: Ueberreuther, 2001.
- Strugel C. Transformationsprozesse in der österreichischen Kulturpolitik und -verwaltung am Beispiel der Filmförderung. Dipl.-Arb., Alpen-Adria Universität Klagenfurt, 2010.
- Tschmuck P. Die ausgegliederte Muse. Budgetausgliederungen von Kulturinstitutionen in Österreich seit 1992. Innsbruck: Studienverlag, 2008.
- Tschmuck P. The Budgetary Effects of "Privatizing" Major Cultural Institutions in Austria // The Journal of Arts Management, Law, and Society. 2006. Vol. 35. No 4. P. 293–304.
- Vieten V. Fr. Die Ausgliederung der österreichischen Bundestheater und die Reorganisation der Berliner Opern im Vergleich. Hochschulschrift, Universität Wien, 2016.
- Wiener Staatsoper; Follow-up-Überprüfung. Bericht des Rechnungshofes. III–1028 der Beilagen zu den Stenographischen Protokollen des Nationalrates XXVII. GP Rechnungshof GZ 2023–0.689.441 (005.113) Wien, 2023. URL: https://www.parlament.gv.at/dokument/XXVII/III/1028/imfname_1586073.pdf.
- Wimmer J. "Denn Die Kunst ist eine Tochter der Freiheit" – Die Ausgliederung der österreichischen Bundestheater und ihr Kulturauftrag mit besonderem Augenmerk auf die Volksoper Wien. Dipl.-Arb., Universität Wien, 2012.
- Wimmer M. "What Makes Cultural Policy Truly Austrian?" // The Journal of Arts Management, Law and Society, 2004. Vol. 35. No. 4. P. 265–276.
- Wirtschaftskammer Österreich / Statistik Österreich. Wirtschaftslage und Prognose (März 2018) // Wirtschaftskammer Österreich [2018]. URL: <http://wko.at/statistik/prognose/prognose.pdf>
- Yates W.E. Theatre in Vienna: A Critical History, 1776–1995. Cambridge: C.U.P., 1996.
- Yates W.E. Two Hundred Years of Political Theatre in Vienna // German Life and Letters. 2005. Vol. 58. No. 2. P. 129–140.
- Александр Игоревич Головлев, PhD, доцент, Школа исторических наук НИУ ВШЭ, agolovlev@hse.ru, alexander.i.golovlev@gmail.com*

Is it Possible to Reform a Theater? Austrian Federal Theaters as an Object of Cultural Policy Since 1945

In this paper, the Austrian Federal Theatres are analyzed as the most important object of Austrian cultural policies in the Second Republic. The longevity of this theatre conglomerate is better explained by path dependence and predominant patterns of thinking within Austria's bureaucracy, cultural milieu and society than as a genuine strife for economic efficiency. The Austrian economic miracle contributed to a benevolent stance of the "patron state" towards the Federal Theatres, yet growing deficits called for structural reforms in a neoliberal key during the preparatory stages of Austria's accession to the European Union. However, the 1971 and 1998 reforms did not break with the existing practices of theatre management and did not lead to a significant improvement of economic figures confirming the thesis that long-term tendencies in theatre development prevailed, cultural capital played a dominant role, and theatres have been capable to successfully neutralize external reforms. Keywords: theatre policy, theatre governance, cultural capital, institutional resilience, Austrian Federal Theatres, Second Republic

Alexander Golovlev, PhD, is an associate professor at the School of History, HSE University. Email: agolovlev@hse.ru, alexander.i.golovlev@gmail.com

Н.А. ВИНОГРАДОВ

АПОСТАСИЯ В ВАНДАЛЬСКОЙ АФРИКЕ*

В статье исследуются различные аспекты апостасии и обращения ариан и православных во время вандалских гонений в Северной Африке. Подчеркивается преемственность некоторых действий вандалов-ариан с донатистами, делается акцент не на религиозном значении апостасии, а на социально-политическом. На основании свидетельств Виктора Витенского, Григория Турского, Августина, Фульгенция и Кводвультдея делается вывод о том, что для ариан было достаточно формального обращения православного населения в их веру, без действительного принятия их догматов. По-видимому, это было связано со все еще существовавшими в Северной Африке сильными донатистскими настроениями. Перекрещивание для африканского населения было знакомой формой перехода в новую общину, а для вандалов-ариан стало символом лояльности и отказа от контактов с враждебной для них Византией.

Ключевые слова: *поздняя античность, Северная Африка, королевство вандалов, религия, гонения, ариане, православные.*

В 406 г. многотысячные орды вандалов, аланов и свевов прорвались в Галлию. Несколько лет спустя большая часть этих варваров переселились на территорию Испании, а в 429 году вандалы-силлинги, вандалы-хасдинги и алана переправились в римскую Африку¹. Вскоре вандалы покорили большинство провинций Африканского диоцеза. В 439 г. пал Карфаген². В результате возникло новое варварское государство, известное как «Королевство вандалов и аланов».

Вторжение в Африку повлекло за собой коренное изменение религиозного ландшафта региона. В отличие от большинства местных жителей вандалы исповедовали арианский извод христианства. Точная дата их обращения в новую веру неизвестна, однако, по-видимому, это произошло в результате контактов с готами³, просветитель которых епископ Ульфилла придерживался арианского или полуарианского исповедания⁴. Еще во время пребывания в Испании вандалы начали преследовать православных (Greg. Tur. Hist. Franc. II. 2). После переселения в Африку притеснения только усилились, а поддерживаемая империей Кафолическая Церковь оказалась на положении гонимой секты, преследуемой варварами-арианами. При короле Гейзерихе (428–477 гг.) православным в Карфагене было запрещено иметь своего епископа

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 24-28-01146 «Обращение и вероотступничество в позднеантичной религиозной традиции».

¹ По сообщению Виктора Витенского их число достигало 80 тыс. (Vict. Vit. Hist. I.1). Кэмерон полагает, что в это число входили как солдаты, так и мирные жители (Cameron 2005: 553). Прокопий Кесарийский утверждал, что это были только солдаты (Procop. Vandal. V. 18). Вопрос о численности вторгшихся в Африку варваров до сих пор остается дискуссионным, подробнее см. Goffart 1980: 231–234.

² Prosper. Aquit. Chronic. 1339.

³ Merrills, Miles 2010: 178–179; Heather 2007: 143.

⁴ О нем см. подробнее Мыршану 2005: 28–29.

вплоть до примерно 454 г., когда был избран Деограций. После его смерти в 458 г. кафедра оставалась вакантной вплоть до 481 г. Масштабы гонений несколько сократились вслед за заключением Гейзерихом мирного договора с восточноримским императором Зеноном в 475 г., что может свидетельствовать о скорее политической, нежели духовной подоплеке преследований. Впрочем, уже при следующем короле, Гунерихе (477–484 гг.), отношения с империей постепенно ухудшались, а положение православных становилось все тяжелее и тяжелее. Именно во время его царствования гонения на православных достигли апогея. В 484 г. был проведен «собор»⁵ с целью прояснения позиций православных и ариан, но в действительности он лишь дал повод для усиления преследований — учение никейцев было объявлено вне закона, кафолическое богослужение запрещено, а священники отправлены в ссылки. При последующих правителях (Гунтамунде (484–496 гг.), Тразамунде (496–523 гг.), Гильдерихе (523–530 гг.) и Гелимере (530–532 гг.)) гонения то вновь возобновлялись, то прекращались, но уже не достигали таких размеров, как при Гейзерихе и Гунерихе. Возможно, это было связано с постепенным внутренним ослаблением королевства⁶. Кроме того, организация новых волн репрессий против никейцев зачастую совпадала с ухудшением отношений с византийскими императорами и переориентированием внешней политики на союзы с другими варварскими правителями⁷, и ослабевала, когда отношения с Византией улучшались⁸.

В церковной историографии за вандалами закрепилась недобрая слава непримиримых гонителей ортодоксальных христиан. Многочисленные примеры жестокости вандалов по отношению к кафоликам переданы в трудах Августина Гипоннского (353–430 гг.), Ориенция (ум. ок. 440 г.), Кводвультдея (кон. IV в.— 454 гг.), Проспера Аквитанского (ок. 390–460 гг.), Идация (ок. 394–469 гг.), Виктора Витенского (ок. 430 – ок. 490 гг.), Прокопия Кесарийского (кон. V в. – ок. 565 г.) и Григория Турского (538–594 гг.). Впрочем, они свидетельствуют о том, что вандальские короли стремились не к физическому истреблению никейцев, но к привлечению своих подданных к арианству, особенно если они занимали высокие посты (ср. *Vict. Vit. I.16*). При этом, не скупившиеся на пространные описания мученичеств ортодоксальные авторы были на удивления немногословны, когда речь заходила об апостатах, иными словами отступниках, согласившихся перейти в «варварскую» веру.

⁵ Именно к этому собору был подготовлен список епископов «*Notitia provinciarum et civitatum Africae*», в дальнейшем подвергавшийся нескольким редакциям и давший исследователям важную информацию об отступниках. См. *Modéran 2006: 171*.

⁶ Подробнее см. *Беляев 2003: 546–549*.

⁷ Об этом сообщает Прокопий Кесарийский (*Procop. Caes. De bell. III. VIII.11–20*).

⁸ Так, например, Гильдерих, долгое время проживший в Константинополе, при воцарении наладил отношения с Юстинианом, а никейцы в Африке получили значительные уступки. После заговора, в результате которого Гильдерих был свергнут, на трон взошел Гелимер. Юстиниан не признавал его законным правителем, а религиозная политика при нем вновь ужесточилась (подробнее см. *Беляев 2003: 546–549*).

Несмотря на интерес к широкому кругу проблем, так или иначе связанных с религиозной ситуацией в вандалской Африке⁹, феномен апостасии в варварском королевстве оказался практически не замечен исследователями. Зачастую авторы объясняют политическое значение преследований¹⁰, говорят о влиянии вероотступничества на становление вандалского государства¹¹ и практике перекрещивания¹², однако не анализируют методы, применявшиеся вандалами. Настоящая работа призвана отчасти заполнить эту историографическую лакуну, сосредоточившись на анализе конкретных сведений об апостасии в источниках.

Большинство свидетельств об апостасии в вандалской Африке сохранились в труде Виктора Витенского «История гонений». О жизни Виктора известно очень мало, в основном лишь из его собственного произведения. По мнению Д. Мурхеда, Виктор был клириком. Однако он не считал доказанным, что писатель являлся епископом, во всяком случае на момент составления своего сочинения¹³. Д. Шанцер высказывала предположение, что у Виктора могло быть медицинское образование, аргументируя это тем, что при описании пыток он использует медицинские термины¹⁴. Так или иначе, именно Виктор наиболее полно описывает положение никейцев при вандалских правителях.

В стремлении «обратить» местное население (что гарантировало бы большую лояльность к новому правительству), заместить местную Церковь арианской вандалы не гнушались ни насилием, ни манипуляциями. Наибольшие усилия тратились на привлечение к арианству представителей африканского клира. Еще находясь в Испании, вандалы пытались склонить местных епископов к принятию арианского Символа веры. Описывая гонения в Испании, Григорий Турский сообщал: «Многие в то время уклонились от веры ради богатства и сами себя подвергли многим скорбям, как, например, тот несчастный епископ прозвищу Отступник, который отрекся от католической веры»¹⁵ (Greg. Tur. Hist. Franc. II.3, пер. В.Д. Савуковой).

⁹ См., напр. Courtois 1954; Courtois 1955: 126–152; Дилигенский 1961: 215–236; Диснер 2002: 74–76; Копылов 2005: 91–112; Cameron 2005: 553–559; Collins 2005: 124–126; Копылов 2006: 74–76; Modéran 2006: 165–185; Merrills, Miles 2010: 177–204; Whelan 2018. Зачастую анализ религиозного конфликта в королевстве в историографии приводится лишь в самых общих чертах. В «Кембриджской древней истории» о вандалской Африке упоминается вскользь, а о гонениях говорится лишь в контексте общей политической истории. Приведенная в труде Диснера характеристика взаимоотношений арианской и ортодоксальных церквей занимает всего около двух страниц – критически мало для хоть какого-либо глубокого анализа.

¹⁰ Whelan 2018: 228.

¹¹ См., напр. Копылов 2006: 15–16.

¹² Fournier 2012.

¹³ Moorhead 2006: XV.

¹⁴ Shanzer 2004: 278

¹⁵ ‘Multi tunc errantes a fide, accipientes divitias, inseruerunt se doloribus multis sicut infelix ille episcopus nomine Revocatus est revocatus a fide catholica’. Впрочем, Григорий не называет имени этого «Отступника» и не сообщает обстоятельств его «падения».

Можно предположить, что варварские правители считали, что, сломив сопротивление и «обесчестив» кафолических пастырей, им будет легче привлечь к своей вере их паству: «В Африке король вандалов Гейзирик, желая внутри пределов своего обитания подчинить католическую веру арианской нечестивости, некоторых наших епископов, — среди которых наиболее знаменитыми были Посидий, Новат и Севериан, — до тех пор преследовал, пока их, лишённых права [иметь] свои церкви, не изгнал из городов, притом, что твёрдость их так и не пала в страхе перед столь гордым царём»¹⁶ (Prosop. Chron. 1327, пер. Ю.Б. Циркина). Несмотря на то, что многие священнослужители проявили твердость, отступившихся было не мало. Как было показано И. Модераном на основе анализа «Notitia provinciarum et civitatum Africa» за 484 г. около 88 (т. е. приблизительно 20% процентов) кафолических епископов Африки обратились в арианство¹⁷. Такие масштабы неудивительны, если учесть свидетельство о наказаниях, применяемых к никейцам при Гунерихе, о которых сообщает Прокопий Кесарийский: «если же обнаруживались не желающие подчиняться ему [Гунериху] по доброй воле, тех он сжигал живыми или предавал смерти разными другими способами; многим он велел отрезать язык до самой гортани»¹⁸ (Prosop. Caes. De bell. III. VIII.4–5, здесь и далее пер. Н. Н. Чекаловой).

Как свидетельствует Виктор, одним из способов давления на кафоликов со стороны ариан было разделение семей. В некоторых случаях один из супругов пытался повлиять на другого, стараясь привлечь его на свою сторону (Vict. Vit. V.3; Vict. Vit. I.16). Родителей отделяли от детей (Vict. Vit. V.14), чтобы повлиять на тех или других. Ариане даже могли сфальсифицировать апостасию, пытаясь убедить жену принять их веру под предлогом уже случившегося отпадения супруга (Vict. Vit. V.14). Для Виктора все эти случаи — почти топосное описание поведения варваров: в начале своего труда он говорит, что вандалы «по варварскому обычаю разлучали мужей с женами и детей с родителями»¹⁹ (Vict. Vit. I.8, пер. Высокого М.Ф., Дорофеевой В.А.).

Однако вандалы не ограничивались насильственными действиями. В стремлении уничтожить кафолическую оппозицию они активно применяли «мягкую силу». Еще Кводвультдей в послании *De symbolo* писал, что при Гейзерихе, благодаря вероотступничеству, можно было получить власть или богатство: «чтобы развратить одних ты предлагаешь власть, дабы сгубить другим — приготовляешь деньги»²⁰ (Quodvult.

¹⁶ 'Geisericus, rex Vandalorum, intra habitationis suae limites volens catholicam fidem Ariana impietate subvertere, quosdam nostrorum Episcoporum <...> eatenus persecutes est, ut eos privatos jure basilicarum suarum, etiam civitatibus pelleret, cum ipsorum constantia nullis superbissimi regis terroribus cederet'.

¹⁷ Modéran 2006: 171-179.

¹⁸ '<...> ὄσους ἀν λάβοι οὐχ ἐτοιμῶς αὐτῷ εἰκόντας, ἕκαστέ τε καὶ ἄλλαις θανάτου ἰδέαις διέφθειρε, πολλῶν δὲ καὶ τὰς γλώσσας ἀπέτεμεν ἀπ' αὐτῆς φάρυγγος'.

¹⁹ 'ut moris est barbaris, mariti ab uxoribus, et liberi a parentibus separabantur'

²⁰ '<...> alios potentia premis ut perdas; alios pecunia comparas, quos occidas'.

De symbol. I. XIII. 6, пер. Н. В.). Король Трасамунд «вынуждал христиан менять свою веру, не мучая их, как бывшие до него правители, но предлагая им за это почести, высокие должности и одаряя деньгами, а в том случае, если их не удавалось склонить к этому, он делал вид, что совершенно не знает, кто они такие. Когда кто-либо случайно или умышленно совершал тяжкое преступление, он предлагал, в случае перемены веры, в качестве награды не подвергать их наказанию за то, в чем они провинились»²¹ (Procop. Caes. De bell. III.VIII.4–5). Ариане воздействовали на никейцев не только подкупом, но и помощью бедным, благотворительностью (Fulgent. Abeced. 256–263; 236–238).

В попытках противостоять арианской пропаганде церковные деятели оставляли многочисленные предостережения и советы, как вести себя в дебатах с антиринитариями²². Кводвультей предупреждает никейцев, чтобы они не соблазнялись ни властью, предлагаемой арианами, ни их знаменами (*'signorum ostentatione'*) (Quodvult. Lib. Promiss. 5. 7). При этом отношение к апостатам со стороны никейцев могло быть достаточно мягким — Фульгенций предлагает убеждать отступников возвращаться в лоно Церкви (Fulgent. Abeced. 264–270). Это, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что количество апостатов было настолько велико, что применять более серьезные меры церковной дисциплины было бессмысленно²³.

Одним из способов принуждения к апостасии было насильственное перекрещивание²⁴. Сам Виктор признает, что этот способ показал свою эффективность: «Кто был не так крепок и несведущ, считал, что совершено было святотатство»²⁵ (Vict. Vit. V.13). Подобное использовалось и против детей: историк рассказывал о семилетнем ребенке, которого, отделив от родителей, несмотря на его протесты, перекрестили: «Заткнув ему рот, затянули они невинное дитя в омут»²⁶ (Vict. Vit. V.14). Мало того, для ариан перекрещивание было настолько действен-

²¹ 'τοὺς μέντοι Χριστιανοὺς ἐβιάζετο μεταβαλέσθαι τὴν πατριὸν δόξαν, οὐκ αἰκίζόμενος τὰ σώματα ὡσπερ οἱ πρότεροι, ἀλλὰ τιμᾶς τε καὶ ἀρχαῖς μετιὼν καὶ χρήμασι μεγάλοις δωροῦμενος, καὶ τοὺς ἀπειθοῦντας, ὅποιοι ποτε εἶεν, ἥκιστα γὰρ εἰδέναι ποιοῦμενος. εἰ δέ τις λάβοι μεγάλοις ἁμαρτήμασιν ἐνόχους ἢ τύχη ἢ γνώμη γεγεννημένους, τοῦτοις μεταβαλλομένους τὴν δόξαν μισθὸν προτίθει μὴ δοῦναι τὴν δίκην ὅν ἡμάρτων'

²² Ср. напр., Quodvuldeus, De Symb. I. XIII. 4–13; idem. Adv. Quinq. Haer. VII. 39–43. Fulgent. Abeced.

²³ С точки зрения Д. Вопршады, случаев перехода в арианство было больше, чем обращений вандалов в католическую веру (см. Vorřada 2020: 52). Он же писал, что ни один другой варварский предводитель не устраивал таких жестоких гонений, как лидеры вандалов (idem. 56).

²⁴ О том, что такие действия практиковались вандалами еще в Испании, свидетельствует Григорий Турский, который упоминает испанскую девушку, испачкавшую купель своими испражнениями при попытке крестить ее повторно (Greg. Tur. Hist. franc. II. 1). При этом Григорий допускает ошибку — он говорит, что это произошло при Тразамунде (496–523 гг.), хотя в действительности этот эпизод случился при Гейзерихе (428–477 гг.), незадолго до переселения вандалов в Африку.

²⁵ 'in quo minus capaces et ignari impletum in se pollutionis sacrilegium putabant'.

²⁶ 'os obturantes, insontem infantiam in suum gurgitem demerserunt'

ным способом склонения в свою веру, что они «кого находили в доме, иных сонных в постелях, разбрызгивали воду огненным дождем»²⁷ (Vict. Vit. V.13). За использование перекрещивания, как способа обращения в свою веру, вандалов упрекал и Кводвультдей: «О коварный волк! О враждебный змий! О раб негоднейший! Глумишься над госпожой, борешься с истиной матерью [Церковью], Христа изгоняешь, католика повторно крестишь»²⁸ (Quodvult. De symb. I.XIII.6. Пер. Н. В.).

На этом феномене следует остановиться подробнее. Перекрещивание практиковалось не только вандалами и прочими антиринитариями, но и ортодоксальными христианами. Епифаний Кипрский отмечал, что практика перекрещивания была распространена у арианомеев, что богослов считал верным свидетельством их нечестивости²⁹. Он же в другом месте упоминает, что некоторые православные дерзали перекрещивать проходящих к ним ариан до решения этого вопроса на общецерковном Соборе и укорял их за это³⁰. Вообще, в ортодоксальной Церкви долгое время не было единого мнения о том, кого следует перекрещивать, а кого нет³¹. В правилах II Вселенского Собора было указано, что ариане, македоняне, новациане, квартодекимане и аполлинариане могли быть приняты в Церковь путем миропомазания, тогда как евномиан-аномеев (о которых упоминал и Епифаний), монтанистов и савеллиан следовало повторно крестить³².

В Африке вопрос о перекрещивании стоял еще более остро. Для жителей региона этот обряд был знакомой формой принятия в новую общину — именно так поступали схизматики донатисты³³, против чего выступали многие кафолические писатели, в том числе Опат Милевитский и Августин Гиппонский³⁴. Иными словами, именно в Африке эта практика, опиравшаяся в том числе на сильные донатистские настроения, являлась одним из наиболее действенных способов объявить бывшего католика арианином, хотя и не являлась специфической для этого региона. Учитывая увещания церковных деятелей не креститься повторно, стремление православных любой ценой избежать этого³⁵, представляется, что эта процедура, даже совершенная насиль-

²⁷ 'et quos domi repererant, alios forte in lectulis soporates imbre igneo atque fulmineo respergentes'.

²⁸ 'Iupe male! o serpens inique! o serve nequissime! dominam calcas, ueram matrem impugnas, Christum exsufflas, catholicum rebaptizas'.

²⁹ Epiph. Panar. III. 56 (76).

³⁰ Epiph. De fide. 13.

³¹ Подробнее см. Kallistos 2013: 31–38.

³² C. Con. II. Can. 7.

³³ См., напр. Кутепов 1884: 27–28; Adamiak 2019: 46–64. Р. Маркус утверждает, что донатистская традиция перекрещивания сохранялась в Северной Африке в отдельных местах вплоть до VI в. (Markus 1997: 192).

³⁴ Ср., напр. Optat. Contr. Parm. Donat. V; Aug. De baptism. Contr. Donat.

³⁵ Ср., напр. уже упомянутый выше отрывок о девушке, запачкавшей испражнениями купель (Greg. Tur. Hist. franc. II.1), а также послание епископа Евгения, в котором тот увещевает «не возвращаться к воде, будучи возрожденными водою» ('Nemo post aquam revertatur ad aquam, renatus ex aqua' — idem. II. 2).

ственно или формально, все еще оказывала сильное воздействие на членов кафолической Церкви, особенно недавно обращенных.

Перекрещивание стало для ариан формой, с помощью которой можно было добиться хотя бы видимой лояльности римско-кафолического населения³⁶. Как сообщает Виктор, вандалы-ариане после перекрещивания даже выдавали специальное свидетельство о принадлежности к их Церкви, защищавшее отступника от повторных пыток (Vict. Vit. V. 13). Скорее всего для вандалов-ариан привлечение никейцев к своему вероисповеданию носило достаточно формальный характер — им не было важно, действительно ли человек принимает их вероучение или же хватит ритуального действия, даже без согласия обращаемого, хотя бы полученного под пытками.

По всей видимости, вандалы сознательно активно использовали перекрещивание, учитывая историю донатистского движения в Африке, для достижения своих целей. Запрещенное никейской Церковью перекрещивание могло приводить к тому, что даже если это действие было совершенно насильственным образом, в глазах африканского населения оно отщепляло человека от истинной Церкви, а, соответственно, и от контактов с кафоликами в других частях Средиземноморья, отлучало его от античного культурного мира. Э. Фурньер пишет о том, что перекрещивание для вандалов позволяло им закрепить идентичность своей коалиции, к чему они весьма стремились³⁷.

О том, что ариане так или иначе использовали опыт донатистов, туманно намекает сам Виктор: «кто перешел некогда к ним [арианам] как к наследникам от ереси донатистов, тот самый Никазий, сгинул вскоре тою же смертью»³⁸. Кроме того, Августин в письме к Бонифацию, комиту Африки, указывает на то, что некоторые донатисты, стремясь получить поддержку расквартированных в Африке наемников-готов, пытались сблизить свое учение с верой ариан (Aug. Ep. 185. 1.1).

Как было показано выше, первостепенной целью ариан было не уничтожение кафоликов, а их «перевоспитание» в лояльных вандалским королям подданных. Об этом феномене Диснер писал: «мотивы такого образа действий [преследования католиков] по большей части носят скорее политический, чем религиозный характер; король мог ожидать подлинной лояльности только от своих единоверцев, в то время как ортодоксы постоянно подпадали под подозрение в тайных связях с Западным Римом или Византией»³⁹. Перекрещивание, знакомое вандалам

³⁶ Whelan 2018: 204.

³⁷ Fournier 2012: 245.

³⁸ 'transversor, ex Donatianorum haeresi ad eos veniens, quondam Nicasius in brevi simili morte periit'. Стоит отметить, что в издании Миня этот отрывок приводится в другой формулировке, без прямого упоминания донатизма: 'transgressor rex quondam ut asinus sepultus est, ita iste in brevi simili morte periit' (PL 58. Col. 259). Подробнее об этом отрывке см. Fournier 2012: 251.

³⁹ Диснер 2002: 29.

арианам, в Африке оказывалось наиболее эффективным способом маркировки «свой-чужой» в силу исторически сильных донатистских настроений в регионе⁴⁰. Вместе с тем вандалы стремились сохранить свою идентичность в завоеванной Африке, отгородиться от афро-римского общества, используя арианское вероисповедание, как своего рода идеологию, отделяющую в широком смысле вандала от римлянина⁴¹.

Апостаты-никейцы встраивались в систему управления вандалским королевством, становясь таким образом его частью, теряя свою изначальную идентичность и приобретая новую. Об этом свидетельствует Виктор — описывая мучения диакона Муритты, он подчеркивает, что его пытал отступник. Это, в свою очередь, демонстрирует то, что власть, богатство (т.е. включение в новый социум), предлагаемые никейцам арианами, действительно оказывались привлекательной альтернативой опасной лояльности Церкви Римской империи. При этом античные авторы старались подчеркнуть именно религиозную составляющую гонений, а не политическую. Описания гонений необъективны — как замечает Д. Шанцер, а вслед за ней Меррилл и Майлс, Виктор Витенский несколько преувеличил количество мученичеств⁴² — он описывает некоторые эпизоды как страстотерпечество, хотя в действительности они являются исповедничеством и, зачастую не приводят к смерти. Представляется, что подобная тенденциозность была продиктована именно стремлением не показывать привлекательность предлагаемой вандалами варварской, арианской идентичности взамен традиционной, православной.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Беляев Л.А. Вандалы // Православная энциклопедия. Т. VI: «Бондаренко — Варфоломей Эдесский» / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2003 [Beljaev L.A. Vandaly (Vandals) // Pravoslavnaja jenciklopedija. T. VI: «Bondarenko — Varfolomej Jedesskij» / pod obshh. red. Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Aleksija II. M.: Cerkovno-nauchny centr "Pravoslavnaja jenciklopedija", 2003].

⁴⁰ О связи принадлежности к арианской церкви и лояльности см также Whelan 2018: 201; 228; Fourmier 2012: 245.

⁴¹ Копылов 2006: 13. Одним из направлений их религиозной политики было стремление пресечь попытки своих соплеменников перейти в православие. Виктор сообщает, что тем, кто «по облику принадлежал к их [вандалскому] племени» и стремился посетить православный храм, вандалы «метали в головы небольшие зазубренные колья, и эти снаряды, задерживаясь в волосах, жестоко ранили и срывали всю кожу с головы вместе с волосами» («qui videntes feminam vel masculum in specie suae gentis ambulantes»; ‘illico palis minoribus dentatis jactis in capite, crinibusque in eisdem colligatis, ac vehementius stringentes, simul cum capillis omnem pelliculam capitis auferebant’ – Vict. Vit. II. 4). Как видно из дальнейших слов Виктора, ариане в той или иной степени добились своего: «Большинство их [т.е. тех, кто хотел перейти в православие] мы приняли, не допустили тогда лишь тех, которые, все же уstraшенные мучениями, отступили от истинного пути» («quorum nos plurimos novimus, nec scimus alicui eorum tunc, etiam roenis urgentibus, a recto itinere destitisse’ – ibid.). Впрочем, стоит заметить, что некоторые авторы делают вывод скорее о римско-вандалском симбиозе, нежели жестком противопоставлении идентичностей (см. Clover 1989).

⁴² См. Merrills, Miles 2010: 187–188; Shanzer 2004: 281–282.

- Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV – V вв. М.: Наука, 1961 [Diligenskij G. G. Severnaja Afrika v IV – V vv. (North Africa in the IV – V centuries). M.: Nauka, 1961].
- Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение / Пер. с нем. В.Л. Санина, С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2002 [Disner G.-I. Korolevstvo vandalov. Vzlet i padenie (The Kingdom of the Vandals. Rise and Fall)/ Per. s nem. V.L. Sanina, S.V. Ivanova. SPb.: Evrazija, 2002].
- Копылов И. А. Арианская церковь в Вандальской Африке V–VI вв. по данным «Истории гонений» епископа Виктора из Виты: иерархия и особенности вероучения // Новый Исторический Вестник, 2006, № 2 (15). С. 73–81 [Kopylov I. A. Arianskaja cerkov' v Vandal'skoj Afrike V–VI vv. po dannym «Istorii gonenij» episkopa Viktora iz Vity: ierarhija i osobennosti verouchenija (The Arian Church in Vandal Africa (5th–6th Centuries) According to "History of the Persecutions" by Bishop Victor of Vita: Hierarchy and Doctrinal Characteristics) // Novyj Istoricheskij Vestnik, 2006, № 2 (15). S. 73–81].
- Копылов И. А. Особенности вероучения ортодоксальной церкви в Римской Африке периода вандальского господства (по данным «Liber Fidei Catholicae» епископа Евгения Карфагенского) // Кентавр /Centaurus: Studia Classica et Mediaevalia, вып. 2, 2005. С. 91–112 [Kopylov I. A. Osobennosti verouchenija ortodoksal'noj cerkvi v Rimskoj Afrike perioda vandal'skogo gosподства (po dannym «Liber Fidei Catholicae» episkopa Evgenija Karfagenskogo) (Characteristics of the Doctrine of the Orthodox Church in Roman Africa During the Vandal Rule (Based on "Liber Fidei Catholicae" by Bishop Eugenius of Carthage) // Kentavr/Centaurus: Studia Classica et Mediaevalia, vyp. 2, 2005. S. 91–112].
- Копылов И. А. Церковь в системе организации власти и общества в вандальской Африке (V–VI вв.): автореф. дисс. канд. ист. наук. Москва: 2006 [Kopylov I. A. Cerkov' v sisteme organizacii vlasti i obshhestva v vandal'skoj Afrike (V–VI vv.). avtoref. diss. kand. ist. nauk. Moskva: 2006].
- Кутепов Н. Раскол донатистов: Церковно-историческое исследование. Казань: Типография Императорского университета, 1884 [Kutepov N. Raskol donatistov: Cerkovno-istoricheskoye issledovanie (The Donatist Schism: A Church-Historical Study). Kazan': Tipografija Imperatorskogo universiteta, 1884].
- Мыршану Д. Г. Вульфила // Православная энциклопедия. Т. X: «Второзаконие — Георгий». / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр "Православная энцикл.", 2005 [Myrshanu D. G. Vul'fila (Ul'filas) // Pravoslavnaja jenciklopedija. T. X: «Vtorozakonie — Georgij». / pod obshh. red. Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Aleksija II. M.: Cerkovno-nauch. centr "Pravoslavnaja jencikl.", 2005].
- Adamiak S. Who Was Rebaptized by the Donatists, and Why? // Journal of Late Antiquity. 12. 2019. P. 46–64.
- Cameron A. Vandal and Byzantine Africa // The Cambridge Ancient History. T. XIV: Late Antiquity: Empire and Successors A.D. 425–600 / ed. by A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. New York: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Collins R. The Western Kingdoms // The Cambridge Ancient History. T. XIV: Late Antiquity: Empire and Successors A.D. 425–600 / ed. by A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. New York: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Courtois C. Les Vandales et l'Afrique. Paris: Arts et Métiers Graphiques, 1955.
- Courtois C. Victor de Vita et son oeuvre: étude critique. Gouvernement général de l'Algérie. Direction de l'intérieure et des beaux-arts. Service des antiquités. Alger: Imprimerie Officielle, 1954.
- Clover F.M. The Symbiosis of Romans and Vandals in Africa // Das Reich und die Barbaren / Evangelos K Chrysos, Andreas Schwarz. Wien: Böhlau Verlag, 1989. P. 57–74.
- Fournier E. Rebaptism as a Ritual of Cultural Integration in Vandal Africa // Shifting Cultural Frontiers in Late Antiquity / Ed. by David Brakke, Deborah Mauskopf Deliyannis, Edward J. Watts. Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate, 2012.
- Goffart W.A. Barbarians and Romans: A. D. 418–584; the Techniques of Accommodation. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Pr, 1980.
- Heather P. Christianity And The Vandals In The Reign Of Geiseric // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 50. 2007. P. 137–146.
- Kallistos W. The Rebaptism of Heretics in the Orthodox Canonical Tradition // Heresy and the Making of European Culture / ed. by A. P. Roach, J. R. Simpson. Farnham: Ashgate, 2013.
- Markus R.A. Gregory the Great and his World. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997.

- Merrills A.H., Miles R. *The Vandals. The Peoples of Europe*. Chichester, U.K. ; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
- Modéran Y. *La Notitia provinciarum et civitatum Africae et l'histoire du royaume vandale // Antiquité Tardive*. 14. 2006. Pp. 165–185.
- Moorhead J. *Victor of Vita: History of the Vandal persecution / Translated texts for historians*, 10. Liverpool: Liverpool University Press, 2006.
- Shanzer D. *Intentions and Audiences: History, Hagiography, Martyrdom and Confession In Victor of Vita's Historia Persecutionis' // Vandals, Romans and Berbers. New Perspectives on Late Antique North Africa*. Ed. by Merrills, A. H. Ashgate Pub Ltd. 2004.
- Vopřada D. *Quodvultdeus: a Bishop Forming Christians in Vandal Africa: A Contextual Analysis of the Pre-baptismal Sermons attributed to Quodvultdeus of Carthage*. Brill, 2020.
- Whelan R. *Being Christian in Vandal Africa: the Politics of Orthodoxy in the Post-Imperial West. Transformation of the classical heritage*, 59. Oakland, California: University of California Press, 2018.

Виноградов Николай Андреевич, аспирант, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, helsingfors.0@yandex.ru

Apostasy in Vandal Africa

The article explores various aspects of apostasy and conversion of Arians and Orthodox Christians during the Vandal persecutions in North Africa. It highlights the continuity of certain actions of the Arian Vandals with those of the Donatists, emphasizing the socio-political rather than religious significance of apostasy. Based on the testimonies of Victor of Vita, Gregory of Tours, Augustine, Fulgentius, and Quodvultdeus, the article concludes that for the Arians, it was sufficient for the Orthodox population to formally convert to their faith without genuinely accepting their dogmas. This was likely due to the strong Donatist sentiments that still existed in North Africa. Re-baptism was a familiar form of transitioning to a new community for the African population, and for the Arian Vandals, it became a symbol of loyalty and rejection of ties with the Byzantine Empire, which they viewed as hostile.

Keywords: *Late Antiquity, North Africa, Vandal Kingdom, Religion, Persecutions, Arians, Orthodox Christians.*

Vinogradov Nikolai Andreevich, graduate student, junior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ И ШАЛЯПИНЫ
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ¹
«Подтверждаю, что вы являетесь моим представителем»

Статья посвящена непростым отношениям между Мережковским, Гиппиус и Шаляпиным. Хотя до эмиграции писатели отрицательно отнеслись к политическим взглядам Шаляпина, а также критически оценивали его артистическое дарование и связанную с ним популярность, в эмиграции они стремились организовать совместные проекты. Мережковский написал сценарий фильма о Борисе Годунове, главную роль в котором должен был сыграть Шаляпин. Также Мережковский рассчитывал, что сын артиста будет представлять его интересы в Голливуде. Несмотря на принятые шаги, планы писателя-эмигранта не осуществились.

Ключевые слова: Гиппиус, Мережковский, Шаляпин, эмиграция, кинематограф.

В литературном наследии Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус Шаляпины упоминаются довольно редко. Так, в мемуарах Гиппиус «Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа» есть рассказ о присутствии известного певца на постановке фрагментов «Павла I» в особняке баронессы Варвары Икскуль фон Гильденбанд 14 декабря 1909 г.²

Чаще имя Федора Шаляпина (1873–1938) встречается в дневниках, правда, практически все записи датируются 1917 годом. Например, 7 марта, размышляя об образовании по инициативе Максима Горького Комиссии по делам искусств, Гиппиус писала: «Роль и поведение Горького – совершенно фатальны. Да, это милый, нежный готтентот, которому подарили бусы и цилиндр. И все это “эстетное” трио по “устройству революционных празднеств” (похорон?) весьма фатально: Горький, Бенуа и Шаляпин³»⁴. Три дня спустя она зафиксировала разговор с живописцем Александром Бенуа, входившим в Комиссию. Он «повествовал о своей эпопее министерства “бо-заров”⁵ с Горьким, Шаляпиным и – Гржебиным. Тут все чепуха (...) споры, кому быть министром этого нового грядущего министерства (...) Дмитрий (Мережковский – А.М.) вдруг вопит: “Выжечь весь этот эстетизм!” – и, наконец, мы перестаем понимать, что бы то ни было»⁶. Тогда же автор «Маски и души» упо-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

² Гиппиус 2019: 283. См. также: Гиппиус 2014: 341.

³ Участие Шаляпина в Комиссии было логично. Он высоко ценил Горького и все его начинания. В письме к супруге Иоле Шаляпиной от 31 января (11 февраля) 1911 г. артист признавался: «я очень уважаю этого человека». Судьба архива Ф.И. Шаляпина 1990: 271.

⁴ Гиппиус 1999а: 483.

⁵ *Veaux-arts* – изящные искусства (*фр.*).

⁶ Гиппиус 1999а: 489. Ср. с описанием этого «эстетского комитета» в поздних мемуарах Гиппиус, без упоминания Шаляпина. Гиппиус 2019: 221–222.

минался косвенно, но все в том же негативном контексте. 9 августа, характеризуя министра-председателя (премьер-министра) Временного правительства Александра Керенского, поэтесса отмечала, что «опьянел он... не от власти, а от “успеха” в смысле шалапинском»⁷.

Последняя запись об артисте относилась к 22 октября 1918 г. и вновь была связана с автором «На дне»: «сегодня, входя к Горькому, Иван Иванович⁸ в дверях встретил Шалапина. Долгий разговор. Шалапин грубо ругал большевиков, обнимая Ивана Ивановича и тут же цинично объявляя, что ему – все равно, лишь бы жратва была. “Получаю 7 тысяч в месяц и все прожирваю”. Милая черточка для биографии русской дубины. Незабвенная отвратительность»⁹.

Еще реже появляется имя Шалапина у Дмитрия Мережковского. Одно из них можно найти в написанном в 1914 г. очерке «Пророчество и провокация» (сборник «Большая Россия»), где мыслитель, полемизируя с теорией философа-романтика Томаса Карлейля, и одновременно наблюдая нарождающуюся массовую культуру, видел один из ее вариантов в популярности певца: «нет более дряхлого язычества, чем современное поклонение учителям и пророкам, “поклонение героям”. Лучше поклоняться идолу-чурбану, чем идолу-герою, все равно, “божественному” Цезарю или “божественному” Шалапину»¹⁰. Критикуя моду на теософию в статье «Расколовшийся колокол» (сборник «Было и будет. Дневник 1910–1914»), писатель иронизировал: «теософия хороша именно тем, что она ни к чему не обязывает, – анестезирует, убаюкивает в отвлеченности. Теософские речи слушаются как пение Шалапина. А этого-то нам и нужно. Все что угодно – только бы не менять ничего в жизни, ни за что не отвечать. И, главное, не пробуждаться от смертного сна, в котором не чувствуешь боли. Сонные мухи ищут смерти; а теософия – та сахарная бумажка, которая обещает сладкую смерть»¹¹.

В свою очередь, в известном мемуарном («Страницы моей жизни», «Маска и душа») и эпистолярном наследии Шалапина чета Мережковских вообще не упоминается, что представляется удивительным при наличии у писателей и певца множества общих знакомых (Бунин¹²,

⁷ Гиппиус 1999а: 527.

⁸ Иван Манухин (1882–1958) – доктор медицинских наук, иммунолог, общественный деятель. Был врачом в семье Горького. Гиппиус посвятила ему стихотворение «Будет» (1922).

⁹ Гиппиус 1999b: 148.

¹⁰ Мережковский 2011а: 87.

¹¹ Мережковский 2011b: 197–198.

¹² См., напр., запись в дневнике Бунина от 14 декабря 1941 г.: «Не спокоен и ничего не могу делать. Много думаю о Мережковском. Мой экспромт Шалапину (в ресторане “Петроград”, против церкви на rue Dagу в Париже, после панихиды по Вас. Немировичу-Данченко):

Хорошо ты водку пьешь,
Хорошо поешь и врешь,
Только вот что, топ амі,

Сделай милость, не хаами». Бунин 2000а: 487–488.

Горький, Манухины и др.). Кроме того, как вспоминал Иван Бунин, артист любил дружить с писателями¹³.

Вместе с тем, между знаменитой писательской четой и не менее знаменитой семьей Шаляпиных, несмотря на ироническое, а иногда и критическое отношение к артисту со стороны Гиппиус и Мережковского не только сохранялось общение, но и возникали совместные проекты. Так еще до революции Шаляпин исполнял романс «“Христос воскрес”, – поют во храме» на слова Мережковского (музыка Сергея Рахманинова). Позднее, уже в эмиграции в 1930 г. планировалось написание сценария фильма о Борисе Годунове совместно Дмитрием Мережковским и Федором Шаляпиным-младшим (1905–1992). Его текст не был полностью авторским. Основу ряда сцен фильма составляли фрагменты пушкинского «Бориса Годунова» и толстовского «Царя Бориса»¹⁴. Несмотря на то, что было сделано несколько редакций¹⁵, в т.ч. при участии Гиппиус¹⁶, сценарий так и остался не осуществленным, вероятно, из-за кончины Шаляпина и К.А. Коровина, который должен был выступить в качестве художника¹⁷.

В эти же годы, в связи с начавшимся еще в середине 1920-х гг. сотрудничеством Федора Шаляпина-мл. с Голливудом¹⁸ литератор обратился к нему с просьбой представлять его интересы в Новом Свете (см. Приложение), что тоже, впрочем, не принесло успеха.

С самим же Шаляпиным и другими его детьми Гиппиус и Мережковский в числе прочего общались в Италии, куда ездили с лекциями и для работы над книгой о Данте, а артист к дочери Татьяне (в первом браке Либерати)¹⁹, и в Каннах. В письме от 16–22 августа 1930 г. к поэту и литературному критику Георгию Адамовичу писательница вспоминала о встрече с Борисом Шаляпиным и его супругой Хелен Давидсон: «маленький Шаляпин ничего, но на него нагрянула неожиданно кислородная жена, вечно висит на нем и “стервит” (по его выражению)»²⁰. Когда умер именитый певец, Гиппиус присутствовала на панихиде в парижском соборе Святого Александра Невского 13 апреля 1938 года²¹.

¹³ «В Москве когда-то говорили, что Шаляпин дружит с писателями в пике Собино-ву, который соперничал с ним в славе (...) Но мне кажется, что Шаляпина тянуло к нам не всегда корыстно». Бунин 2000b: 239.

¹⁴ Андрущенко, Коростелев, Холиков 2018: 389; Пахмусс 1999: 79–80.

¹⁵ Мережковский 1957; Мережковский, Гиппиус 1990: 111–195; Мережковский, Гиппиус 2002: 9–87; Мережковский 2018: 397–435.

¹⁶ Темира Пахмусс указывает, что перу Гиппиус принадлежат сцены «Кабак», «Бегство из монастыря», «Корчма», «У фонтана», все стихотворения и общая правка. Мережковский, Гиппиус 1990: 101. См. также: Мережковский, Гиппиус 2002: 13.

¹⁷ Мережковский, Гиппиус 2002: 11.

¹⁸ В 1926 г. он дебютировал в фильме С.Гейда «В ее королевство» (Into Her Kingdom).

¹⁹ Пахмусс 1984: 162.

²⁰ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус 2021: 779.

²¹ На отпевании также присутствовали Н.Д. Авксентьев, М.А. Алданов, Дон-Аминадо, А.А. Скрябина, М.З. Шагал. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1996: 445.

Рассматриваемые непростые отношения между Шалапиным и писательской четой, сочетали в себе, как отрицание, так и принятие. Они позволяют узнать лучше не только атмосферу и культурные процессы, происходившие в России рубежа веков и в эмиграции, но и связи диаспоры со странами рассеяния.

ПРИЛОЖЕНИЕ²²

Мережковский
11 бис, улица Колонель Бонне,
Париж 16 округ

Париж, 14 августа 1935
Месье Ф. Ф. Шалапину-мл.
Е. V.²³

Этим письмом, месье, подтверждаю, что вы являетесь моим представителем в Соединенных Штатах и можете предоставлять права на экранизацию следующих моих произведений²⁴: «Петр и Алексей», «Павел I», «Александр I», «14 декабря»²⁵, «Тутанкамон на Крите», «Мессия». Так что вы сможете от моего имени вести переговоры по этому поводу с американскими производителями.

Пожалуйста, примите мои искренние чувства

Д. Мережковский²⁶

(Перевод с французского А. Мартынова)

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина» [Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury "Gosudarstvennyi tseentral'nyi teatral'nyi muzei imeni A.A. Bakhrushina" (FGBUK)]. Federal State Budgetary Institution of Culture "A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum".
- Андрущенко Е.А., Коростелев О.А., Холиков А.А. Забытая повесть Д.С. Мережковского // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Издательство Дмитрий Сечин, Литфакт, 2018. С. 387-435 [Andrushchenko E.A., Korostelev O.A., Kholikov A.A. Zabytaya povest' D.S. Merezhkovskogo // D.S. Merezhkovskii: pisatel' – kritik – myslitel': Sbornik statei / red.-sost. O.A. Korostelev, A.A. Holikov. M.: Izdatel'stvo Dmitrii Sechin, Litfakt, 2018. S. 387-435].
- Andrushchenko E.A., Korostelev O.A., Kholikov A.A. The forgotten story of D.S. Merezhkovsky // D.S. Merezhkovsky: writer – critic – thinker: Collection of articles / ed. by O.A. Korostelev, A.A. Holikov. Moscow: Dmitrii Sechin publ., Litfakt, 2018. P. 387-435
- Бунин И.А. Дневники // Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М.: Московский рабочий, 2000. С. 327-522 [Bunin I.A. Dnevnikii // Sbranie sochinenii v 8 t. T. 7. M.: Moskovskij rabochij, 2000. S. 327-522]. Bunin I.A. Diaries // Collected works in 8 vols. vol. 7. Moscow: Moskovskij rabochij, 2000. P. 327-522.
- Бунин И.А. Шалапин // Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. М.: Московский рабочий, 2000. С. 239-246 [Bunin I.A. Shalyapin // Sbranie sochinenii v 8 t. T. 8. M.: Moskovskij rabo-

²² Машинопись, приписки и подпись – автограф. ФГБУК «Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина». КП-317386/17. Л. 1.

²³ Вероятно, от Eidesstaatliche Versicherung – заверенное, равное присяге (нем.).

²⁴ Все названия вписаны от руки.

²⁵ В оригинале: Pierre I et Alexis, La mort le Paul, Decembristes.

²⁶ Вписано от руки.

- chij, 2000. S. 239-246]. Bunin I.A. Shalyapin // Collected works in 8 vols. vol. 8. Moscow: Moskovskij rabochij, 2000. P. 239-246.
- Гиппиус З. Дневники в 2 кн. Кн. 1. М.: НПК «Интелвак», 1999. 732 с. [Gippius Z. Dnevnik v 2 kn. Kn. 1. M.: NPK "Intevalk", 1999. 732 s.]. Gippius Z. Diaries in 2 vols. vol. 1. Moscow: NPK "Intevalk", 1999. 732 p.
- Гиппиус З. Дневники в 2 кн. Кн. 2. М.: НПК «Интелвак», 1999. 718 с. [Gippius Z. Dnevnik v 2 kn. Kn. 1. M.: NPK "Intevalk", 1999. 718 s.]. Gippius Z. Diaries in 2 vols. vol. 2. Moscow: NPK "Intevalk", 1999. 718 p.
- Гиппиус З.Н. Живые лица // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. М.: Русская книга, 2014. С. 5-192. [Gippius Z.N. Zhivye litsa // Sbranie sochinenij: V 15 t. T. 6. M.: Russkaya kniga, 2014. S. 5-192]. Gippius Z.N. Living faces // Collected works in 15 vols. vol. 6. Moscow: Russkaya kniga, 2014. P. 5-192
- Гиппиус З.Н. Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа // Собрание сочинений в 15 т. Т. 16 (дополнительный). М.: Издательство Дмитрий Сечин, 2019. 592 с. [Gippius Z.N. On i my: Dmitrii Merezkovskij. Ego zhizn', ego rabota // Sbranie sochinenij v 15 t. T. 16 (dopolnitel'nyj). M.: Izdatel'stvo Dmitriij Sechin, 2019. 592 s.]. Gippius Z.N. He and we: Dmitry Merezkovsky. His life, his work // Collected works in 15 vols. vol. 16 (add.). Moscow: Dmitriij Sechin publ., 2019. 592 p.
- Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н. Борис Годунов. Незвестный вариант киносценария / Публ. Н.В. Королевой // Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования / ред.-сост. Н.В. Королева. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 9-87. [Merezkovskij D.S., Gippius Z.N. Boris Godunov. Neizvestnyj variant kinostsenariya / Publ. N.V. Korolevoi // Zinaida Gippius. Novye materialy. Issledovaniya / ред.-сост. Н.В. Королева. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 9-87]. Merezkovsky D.S., Gippius Z.N. Boris Godunov. Unknown version of the film script / publ. N.V. Koroleva // Zinaida Gippius. New materials. Research / ed. by. N.V. Koroleva Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences publ., 2002. P. 9-87.
- Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н. Данте. Борис Годунов. Киносценарии / Под ред. и со вступит. ст. Т. Пахмусс. New York: Gnosis press, 1990. С. 111-195. [Merezkovskij D.S., Gippius Z.N. Dante. Boris Godunov. Kinostsenarii / Pod red. i so vstupit. st. T. Pakhmuss. New York: Gnosis press, 1990. S. 111-195]. Merezkovsky D.S., Gippius Z.N. Dante. Boris Godunov. Film scripts / ed. by. T. Pakhmuss. New York: Gnosis press, 1990. P. 111-195.
- Мережковский Д.С. Дмитрий Самозванец. Сцены из драмы / Публ. В.А. Злобина // Возрождение (Париж). 1957. Т. 66. С. 77-86, Т. 67. С. 87-97, Т. 68. С. 67-77. [Merezkovskij D.S. Dmitrii Samozvanets. Stseny iz dramy / Publ. V.A. Zlobina // Vozrozhdenie (Paris). 1957. T. 66. S. 77-86, T. 67. S. 87-97, T. 68. S. 67-77]. Merezkovsky D.S. Dmitrii Samozvanets. Scenes from the drama / Publ. V.A. Zlobin // Vozrozhdenie (Paris). 1957. vol. 66. P. 77-86, vol. 67. P. 87-97, vol. 68. P. 67-77.
- Мережковский Д.С. Пророчество и провокация // Собрание сочинений. Т. 7. М.: Республика, 2011. С. 86-91. [Merezkovskij D.S. Prorochestvo i provokatsiya // Sbranie sochinenij. T. 7. M.: Respublika, 2011. S. 86-91]. Merezkovsky D.S. Prophecy and provocation // Collected works. vol. 7. Moscow: Respublika, 2011. P. 86-91.
- Мережковский Д.С. Расколовшийся колокол // Собрание сочинений. Т. 7. С. 193-200. [Merezkovskij D.S. Raskolovshiiysya kolokol // Sbranie sochinenij. T. 7. S. 193-200]. Merezkovsky D.S. Broken Bell // Collected works. vol. 7. P. 193-200.
- Мережковский Д. Самозванец / Публ. О.А. Коростелева // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей. С. 397–435. [Merezkovskij D. Samozvanets / Publ. O.A. Korosteleva // D.S. Merezkovskii: pisatel' – kritik – myslitel': Sbornik statei. S. 397–435]. Merezkovsky D. Impostor / ed. by. O.A. Korostelev // D.S. Merezkovsky: writer – critic – thinker. P. 397–435.
- Пахмусс Т. Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус // Russian Language Journal. 1984. Vol. 38, No. 131. P. 161-184. [Pakhmuss T. Iz arkhiva Zinaidy Nikolaevny Gippius // Russian Language Journal. 1984. Vol. 38, No. 131. P. 161-184]. Pachmuss T. From the archive of Zinaida Nikolaevna Gippius // Russian Language Journal. 1984. Vol. 38, No. 131. P. 161-184.
- Пахмусс Т. Д.С. Мережковский в эмиграции: романы-биографии и сценарии // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 72-81. [Pakhmuss T. D.S. Ме-

- rezhkovskii v emigratsii: romany-biografii i stsenarii // D.S. Merezhkovskij. Mysl' i slovo. M.: Nasledie, 1999. S. 72-81]. Pachhmuss T. Merezhkovsky in exile: biographical novels and film scripts. Moscow: Nasledie, 1999. P. 72-81.
- Переписка З.Н. Гиппиус с Г.В. Адамовичем / Вступ. ст., подг. текста и комм. Н.А. Богомолова и О.А. Коростелева // Литературное наследие. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 639-814. [Perepiska Z.N. Gippius s G.V. Adamovichem / Vstup. st., podg. teksta i komm. N.A. Bogomolova i O.A. Korosteleva // Literaturnoe nasledstvo. T. 106: Epistol'arnoe nasledie Z.N. Gippius. Kn. 2. M.: IMLI RAN, 2021. S. 639-814]. Correspondence of Z.N. Gippius with G.V. Adamovich / ed. by. N.A. Bogomolov and O.A. Korostelev // Literary heritage. Vol. 106: The epistolary legacy of Z.N. Gippius. Book 2. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences publ., 2001. P. 639-814.
- Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. М.: Эксмо; Paris: YMCA-press, 1996. 620 с. [Russkoe zarubezh'e. Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni. 1920-1940. Frantsiya / Pod obshch. red. L.A. Mnukhina. M.: Eksmo; Paris: YMCA-press, 1996. 620 s.]. Russian abroad. Chronicle of scientific, cultural and social life. 1920-1940. France / ed. by. L.A. Mnukhin. Moscow: Eksmo; Paris: YMCA-press, 1996. 620 p.
- Судьба архива Ф.И. Шалапина / сообщ. К. Н. Кириленко и Н. А. Коробовой // Встречи с прошлым. Вып. 7. М.: Советская Россия, 1990. С. 254-296. [Sud'ba arkhiva F.I. Shalyapina / soobshch. K. N. Kirilenko i N. A. Korobovoi // Vstrechi s proshlym. Vyp. 7. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990. S. 254-296]. The fate of the F.I. Chaliapin archive / msg. K.N. Kirilenko, N.A. Korobova // Encounters with the past. Vol. 7. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990. P. 254-296.

Мартынов Андрей Викторович, кандидат философских наук, НИУ ВШЭ, ст.н.с., martyyunov@yandex.ru

“I confirm that you are my representative”

D.S. Merezhkovsky and Chaliapins: New materials for biographies²⁷

The article is devoted to the difficult relationship between Merezhkovsky, Gippius and Chaliapin. Although before emigration the writers had a negative attitude towards Chaliapin's political views, and also critically assessed his artistic talent and the popularity associated with it, in emigration they sought to organize joint projects. Merezhkovsky wrote the script for a film about Boris Godunov, in which Chaliapin was to play the main role. Merezhkovsky also hoped that the artist's son would represent his interests in Hollywood. Despite the steps taken, the plans of the emigrant writer did not come true.

Key words: *Gippius, Merezhkovsky, Chaliapin, emigration, cinema.*

Andrei V. Martynov, PhD in Philosophy, Senior Re-search Fellow, National Research University “Higher School of Economics”, martyyunov@yandex.ru

²⁷ The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics”.

М.Ц. АРЗАКАНЯН

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ И ЖОРЖА ПОМПИДУ

В статье представлены концепции «объединенной Европы», выдвинутые двумя первыми президентами Пятой республики во Франции Шарлем де Голлем и Жоржем Помпиду. На основе высказываний самих глав французского государства рассмотрены их предложения по устройству и развитию Европейского экономического сообщества и воплощение идей двух политиков в жизнь.

Ключевые слова: Де Голль, Помпиду, европейская идея, Франция, президент республики, Европейское экономическое сообщество.

Идея объединения европейских государств применительно к той или иной ситуации существовала с древности. Затем она периодически выдвигалась мыслителями и политиками и в средние века, и в новое время. Определенный смысл она приобрела после Первой мировой войны, когда на политической карте Западного полушария и Евразийского континента отчетливо стали существовать две супердержавы – Соединенные Штаты Америки и преемник Российской империи молодое Советское государство. Именно тогда в некоторых европейских странах решили, что Европа должна объединиться в некий союз, который мог бы противостоять двум гигантам. Вопрос об объединении европейских государств стал еще более актуальным после окончания Второй мировой войны. Западная Европа вышла из нее ослабленной. На востоке континента образовался сильный блок стран «народной демократии» под эгидой СССР. На Западном полушарии продолжали существовать экономически и политически мощные Соединенные Штаты. Под их верховенством в 1949 г. была создана военно-оборонительная Организация североатлантического договора (НАТО), в которую помимо США и Канады вошли многие страны Западной Европы. Однако развитые европейские государства стремились создать собственное объединение, прежде всего на экономической основе.

Важную роль в разработке идеи «единой Европы» играли представители Франции. Одним из инициаторов разработки европейской идеи был французский предприниматель Жан Монне, создавший в 1955 г. Комитет за создание объединенных Штатов Европы. Но еще в 1951 г. по предложению бывшего премьер-министра Франции Робера Шумана образовали Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). Договор о нем предусматривал постепенную отмену таможенных пошлин и создание общего рынка угля и стали для стран-участниц – Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга (Бенилюкс). Таким образом был сделан первый шаг к экономической интеграции западноевропейских государств. В 1952 г. другой глава правительства Франции Рене Плевен выступил инициатором подписания

членами ЕОУС договора об учреждении Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), который предполагал создание единой европейской армии. Правда, из-за сразу возникших разногласий по поводу воплощения в жизнь договора, прежде всего в самой Франции, он так и не был ратифицирован. Наконец, в 1957 г. шесть входящих в ЕОУС стран заключили соглашение об организации «Общего рынка» - Европейского экономического сообщества (ЕЭС). В разработке текста соглашения самое непосредственное участие принял комитет, возглавляемый Монне. Поэтому самого предпринимателя нередко называют «отцом Европы». Подписавшие соглашение Франция, Западная Германия и Бенилюкс обязались постепенно упразднить таможенные барьеры в торговле, ликвидировать экономические границы и образовать единую зону свободного обращения товаров, капиталов и рабочей силы.

Свое представление о «единой Европе» имел и выдающийся французский военный и политик генерал Шарль де Голль. Профессиональный военный, он стал известен в июне 1940 г., когда решительно выступил против заключенного маршалом Петеном перемирия с фашистской Германией. Де Голль вылетел в непокорившуюся Великобританию и основал в Лондоне организацию «Свободная Франция», поменявшую в 1942 г. свое название на «Сражающуюся Францию». Ее основной задачей было объявлено продолжение борьбы французов против нацистской Германии на стороне союзников. В 1943 г. генерал уже возглавил Французский комитет национального освобождения (ФКНО) и, наконец, в 1944 г. – Временное правительство Французской Республики. Правда, в начале 1946 г. де Голль добровольно покинул свой высокий пост, разойдясь во взглядах на политическое устройство страны с левыми партиями. Во Франции начала свое существование Четвертая республика парламентского типа правления. После этого, в 1947 г. бывший председатель правительства встал во главе образованной им партии Объединение французского народа (РПФ), поставившей своей целью отмену Конституции 1946 г. и установление во Франции республики парламентского типа правления. Добиться желаемого результата генералу не удалось. Поэтому в 1953 г. он распустил РПФ, отошел от активной политической деятельности, но все-таки не терял надежды вернуться к власти.

Впервые о возможном объединении европейских государств де Голль упомянул в конце войны в выступлении перед депутатами Временной консультативной ассамблеи в Алжире 18 марта 1944 г. Тогда он был еще только главой ФКНО. Генерал заявил о «некоем западном сообществе» с участием Франции, созданном на экономической основе¹. Свою европейскую идею де Голль постепенно конкретизировал в годы Четвертой республики, когда во главе РПФ находился в оппозиции к официальному политическому французскому режиму. В 1948 г. он

¹ Gaulle. Pendant la guerre 1970 : 388.

подчеркнул в одной из речей: «Надо, чтобы между свободными государствами Европы было образовано экономическое, дипломатическое и стратегическое, объединяющее свои производства, сферу обмена, внешнеполитическую деятельность и оборону»². В 1951 г. де Голль уже восклицает: «Как создать Европу? Какой она должна быть? Европейское сообщество должно быть Конфедерацией. Да, конфедерацией государств с общей конфедеральной властью, которой каждая страна отдаст часть своего суверенитета. И это, прежде всего в области экономики, обороны и культуры»³. В 1954 г. генерал уточнил, что конфедерация должна состоять из нерушимых наций «с собственным обликом, характерными чертами и традициями»⁴.

Все приведенные выше высказывания были чисто умозрительными. Руководители Франции, как было сказано выше, предлагали свои идеи объединения Европы. Де Голль относился к ним плохо и, особенно, к проекту Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).⁵ Генерал резко выступил против ЕОС, потому что договор о нем предполагал подчинение создаваемой европейской армии командованию НАТО. Он вполне резонно подчеркивал в 1952 г., что для того, чтобы существовала «единая европейская армия», сначала нужно создать саму «единую Европу». Де Голль подчеркивал, что Европа «должна стать политической, экономической, финансовой и административной реальностью... действенной и признанной»⁶. Когда в 1957 г. было создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, «Общий рынок»), генерал уже был полностью погружен в мысли о том, как ему вернуться к власти. Тем более, что «свет в конце тоннеля» уже забрезжил. Режим Четвертой республики испытывал огромные трудности из-за затянувшейся колониальной войны в Алжире. Настало время нанести решительный удар существующей французской политической системе. В конце 1957 г. в Коломбэ, где де Голль жил в своем имении, к нему приехал один из верных его соратников Мишель Дебре и начал жаловаться на подписание Францией соглашения об «Общем рынке», бывший глава Временного правительства спокойно ему ответил: «Что нам этот договор, мы его возьмем и разорвем, когда вернемся к власти»⁷. Де Голль действительно вскоре смог вернуться к власти. В середине 1958 г. он стал премьер-министром, а в декабре был избран президентом основанной им Пятой республики⁸.

1 января 1959 г. договор о Европейском экономическом сообществе вступил в силу. Однако президент Франции и не помышлял «взять и разорвать его». Отнюдь! Он начал теперь развивать свою европей-

² Gaulle. Dans l'attente 1970: 173.

³ Ibid: 482.

⁴ Ibid: 608.

⁵ Об этом см.: Арзаканян 2014: 231–248.

⁶ Gaulle. Dans l'attente 1970: 564.

⁷ Цит. по: Lacouture 1965: 153.

⁸ Об этом см.: Арзаканян 2017.

скую идею и пытаться воплотить ее в жизнь в рамках ставшего реальностью «Общего рынка». Де Голль выступал за «строительство западной Европы для общей организации в политическом, экономическом, культурном и человеческом плане»⁹. «Европейская кооперация, – как того желал генерал, – должна утвердиться и за пределами Европы, касательно важных проблем мировой политики... Для того, чтобы достигнуть этих целей, между правительствами заинтересованных стран должны проводиться регулярные консультации»¹⁰. Президент Франции выступал исключительно за объединенную «Европу отечеств», или «Европу наций», т.е. за ее построение по принципу федерализма. «В общем «концерте» каждая страна ЕЭС, – считал он, – должна действовать в рамках собственной идентичности и, ни в коем случае, не становится частью неких «наднациональных» решений». Генерал также хотел, чтобы политика ЕЭС была независимой. «Я, – сказал он в 1960 г. своему соратнику Алену Пейрефиту, – хочу, чтобы Европа была европейской, то есть – не американской»¹¹. Конечно, де Голль, объявивший главной внешнеполитической доктриной своей страны проведение политики «национального величия», мечтал, хотя прямо и не говорил об этом, чтобы в центре «единой Европы» находилась Франция. В реальности воплотить свою европейскую идею в жизнь генералу оказалось куда сложнее, чем сформулировать. Конкретные предложения президента Франции предусматривали прежде всего тесное политическое сотрудничество между странами «шестерки». Де Голль ратовал, прежде всего, за то, чтобы они имели в собственном распоряжении специальные органы для разрешения важных международных проблем. Он предложил регулярно созывать совещания глав правительств «шестерки», министров иностранных дел, военных министров, а также экономики и финансов. Тем не менее, в 1961 г. выяснилось, что концепция «независимого» ЕЭС французского президента не понравилась другим членам «Общего рынка». Страны Бельгия, Нидерланды и Люксембург, а отчасти и Италия выступали за тесный союз с НАТО. Страны Бенилюкс к тому же выступали за вовлечение в ЕЭС Великобритании, которая, со своей стороны, тоже к этому стремилась.

И все же де Голль сразу не сдался. На заседаниях стран «Общего рынка» в феврале в Париже и в Бонне в июле 1961 г. он добился создания Международной политической комиссии, в которую вошли представители всех стран «шестерки». Ее целью была разработка политической структуры, объединяющей государства ЕЭС. Во главе комиссии по настоянию президента Франции встал его верный сторонник, французский дипломат Кристиан Фуше. Комиссия работала с осени 1961 по

⁹ Gaulle. Avec le Renouveau 1970: 220.

¹⁰ Gaulle 1985: 73.

¹¹ Peyrefitte 1984: 61.

весну 1962 г. Проект, который она разрабатывала, получил название «план Фуше». Согласно ему первоначально среди главных целей политического союза «единой Европы» были названы следующие: проведение общей внешней политики в интересах всех входящих в ЕЭС государств; их тесное сотрудничество в области науки и культуры; защита прав человека, политических свобод и демократии; разработка общей политики по обороне и безопасности.

«План Фуше», составленный под личным контролем де Голля обсуждался и перерабатывался несколько раз. Президент Франции смог склонить к утверждению плана главного партнера его страны по ЕЭС – Западную Германию и ее канцлера Конрада Аденауэра. Однако главными оппонентами генерала опять выступили страны Бенилюкс. Их не устраивала прежде всего обособленность «единой Европы» от НАТО. Помимо того, они вновь выступили за привлечение к «Общему рынку» Великобритании, с экономикой которой были тесно связаны. Поначалу Франция готова была пойти на некоторые уступки. Но к общему соглашению «шестерка» так и не пришла. В апреле 1962 г. «план Фуше» был похоронен. Англия, между тем всеми силами стремилась войти в ЕЭС да еще и продиктовать собственные условия. Де Голль категорически возражал против этого. Он видел в лице Великобритании серьезного конкурента своей стране, прежде всего в области сельского хозяйства, да к тому же очень тесно связанного с США. Именно поэтому французский президент дважды, в 1963 и 1967 гг. накладывал вето на вступление Англии в Европейское экономическое сообщество. На пресс-конференции в ноябре 1967 г. де Голль обрушился с гневной тирадой в адрес Великобритании, заявив, что она хочет вступить в ЕЭС, одновременно «постоянно демонстрируя свою враждебность по отношению к европейскому строительству», желая «разорвать и разрушить то, что уже создано» и выдвигая «собственные условия»¹². В результате всех вышеизложенных перипетий европейская идея де Голля так и осталась только прописанной на бумаге. В 1969 г. первый президент Пятой республики добровольно покинул свой пост, не успев провести в жизнь задуманных им европейских замыслов. Да и строительство «единой Европы» из-за жесткой позиции французского президента вступило в полосу кризиса, зашло в тупик.

На посту главы государства де Голля сменил его соратник Жорж Помпиду. В 1962–1968 гг. он занимал пост премьер-министра Франции и занимался главным образом проблемами внешней политики страны. И все же, когда Помпиду стал президентом республики, он четко обозначил свой внешнеполитический курс. Идея «единой Европы» была в нем одной из главных. Новый президент Франции вознамерился вывести ЕЭС из кризиса и выдвинул свою идею дальнейшего развития стран «Общего рынка».

¹² Gaulle. Vers le terme. 1970: 241-242.

Прежде всего второй президент Пятой республики объявил, что он полностью поддерживает идею де Голля о конфедеративном, т.е. не наднациональном устройстве «единой Европы». Он также подчеркнул, что так же, как и его знаменитый предшественник, что Европа должна оставаться именно Европой. «Нужно, – заявил Помпиду, – чтобы Европа была европейской. Это совершенно естественно. Если же Европа не станет европейской, она уже не будет Европой. Быть европейской – это означает отличаться от Азии, просоветского мира и также от Америки»¹³. «Проблемы европейской интеграции состоят в том, – продолжил президент Франции, – чтобы, в частности встречаться, проводить дискуссии, информировать друг друга и, таким образом, сближаться для того, чтобы в один прекрасный день проводить единую политику»¹⁴. Помпиду уточнил: «Я стою за то, чтобы правительства и министры иностранных дел встречались, чтобы обсуждать не только свои внутренние проблемы, но и единую политику, главные политические проблемы. Во время таких встреч они должны не только обмениваться информацией, но и проводить консультации. При каждом удобном случае нужно гармонизировать и унифицировать позиции»¹⁵.

Помпиду сформулировал собственное видение дальнейшего развития ЕЭС в трех словах: «Завершение, углубление, расширение». Он озвучил его в телевизионном выступлении в декабре 1969 г. Под завершением французский президент подразумевал окончательное утверждение со стороны «Общего рынка» финансирования сельского хозяйства стран-членов. Под углублением Помпиду понимал дальнейшую разработку стратегии ЕЭС, в частности по координации экономической и финансовой политики¹⁶. Реализация этих пунктов шла достаточно трудно в силу разных обстоятельств, в частности на фоне конкретной европейской конъюнктуры и все тех же разногласий сторон.

Помпиду по-настоящему преуспел в расширении ЕЭС. В отличие от де Голля второй президент Пятой республики считал, что в «Общий рынок» нужно принять Великобританию. На свое решение он выдвигал аргументы. Помпиду, конечно, хотел, Франция занимала самые прочные позиции в ЕЭС. Но президент также понимал, что самой мощной европейской экономикой обладает Западная Германия. Поэтому ратуя за вступление в ЕЭС Великобритании, Помпиду надеялся, что эта мощная и самобытная страна создаст внутри «Общего рынка» некий противовес ФРГ и таким образом сбалансирует экономики трех самых крупных стран-членов. Президент Франции удачно провел переговоры о вступлении Англии в ЕЭС с ее премьер-министром Эдвардом Хи-

¹³ Pompidou. V.1. 1975: 82.

¹⁴ Ibid: 80.

¹⁵ Ibid: 79.

¹⁶ Ibid: 78. Подробно об этом см.: Осипов 2013: 31-42.

том¹⁷. И в январе 1972 г. договор о вступлении Великобритании вместе с Ирландией и Данией в «Общий рынок» был подписан. Так европейская «шестерка» стала «девяткой». Преемник де Голля на посту президента не смог воплотить в жизнь свои другие европейские идеи. Из-за тяжелой болезни Помпиду скорострительно скончался прямо на президентском посту, отбыв на нем только пять лет из отпущенных семи.

Идеи «объединенной Европы» первых двух президентов Пятой республики во Франции отчасти получили развитие в период существования Европейского экономического сообщества последней четверти XX-го и даже Европейского союза в начале XXI века.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арзаканян М.Ц. Де Голль. М., 2017. [Arzakanyan M.C. De Goll' (de Gaulle). М., 2017.]
 Осипов Е.А. Внешняя политика Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969-1974 гг.). М., 2013. [Osipov E.A. Vneshnyaya politika Francii v period prezidentstva ZHorzha Pompidou (1969-1974 gg.) (French foreign policy during the presidency of Georges Pompidou (1969–1974)). М., 2013.]
 Gaulle Ch. De. Discours et messages. V. 1. Pendant la guerre. P., 1970.
 Gaulle Ch. De. Discours et messages. V. 2. Dans l'attente. P., 1970.
 Gaulle Ch. De. Discours et messages. V. 3. Avec le renouveau. P., 1970.
 Gaulle Ch. De. Discours et messages. V. 4. Pour l'effort. P., 1970.
 Gaulle Ch. De. Discours et messages. V. 5. Vers le terme. P., 1970.
 Gaulle Ch. De. Lettres, notes et carnets. Juin 1958 – Décembre 1960. P., 1985.
 Gaulle Ch. De. Mémoires d'Espoir. T.1. Le Renouveau 1958-1962. P., 1970.
 Peyrefitte A. C'était de Gaulle. V. 1. P., 1994.
 Pompidou G. Entretiens et discours. V. 1. P., 1975.
 Pompidou G. Lettres, notes et portraits. 1928–1974. P., 2012.

Арзаканян Марина Цолаковна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; arzakanian@mail.ru

European Idea by Charles de Gaulle and Georges Pompidou

The article presents the concepts of “united Europe” put forward by the first two presidents of the Fifth Republic in France, Charles de Gaulle and Georges Pompidou. On the basis of the statements of the heads of state, their proposals for the structure and development of the European Economic Community and the implementation of their ideas were considered.

Keywords: *De Gaulle, Pompidou, European idea, France, president of Republic, European Economic Community.*

Marina Arzakanyan, Dr. Sc. (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science: arzakanian@mail.ru

¹⁷ Подробно об этом см.: Осипов 2013: 42–52.

А.В. МЫРИКОВА

РУСОФОБИЯ И СЕРБЫ¹

Деян Минович (р. 1972), доктор философии, доцент юридического факультета Университета Приштина-Косовска-Митровица, написал книгу «Русофобия среди сербов. 1878–2017», изданную в 2017 г. Этот труд вызвал большой интерес, и в 2022 г. вышло второе издание. Д. Минович провел глубокий анализ большого фактического материала, показал генезис русофобии в сербском обществе и обрисовал определенные тенденции развития этого феномена. Анализируя русофобию среди сербов в историческом контексте Д. Минович обращается к Ф.М. Достоевскому, И.Р. Шафаревичу, Г. Метану, Х. Хофбауэру и Д. Кьеза, рассматривая типологию русофобии у каждого из упомянутых авторов. Для российского читателя крайне интересен экскурс в историю сербско-российских отношений, весьма познавательной является глава, посвященная коммунистической Югославии и современной Сербии. Д. Минович пишет о югославской советофобии времен Тито. Заключительная глава носит название «Русофобия и сербы». Серьезное исследование современного сербского интеллигента является весьма ценным и актуальным в нынешних реалиях. В данной публикации предлагается перевод заключительной главы «Русофобия и сербы».

Ключевые слова: Д. Минович, русофобия, Сербия, Россия, народ, элиты.

Предлагается перевод заключительной главы «Русофобия и сербы» книги доктора философии, доцента юридического факультета Университета Приштина-Косовска-Митровица, Деяна Миновича, «Русофобия среди сербов 1878–2017»², где представлен генезис русофобии в Сербии, дан глубокий анализ её причин и тенденций развития в сербском обществе. Вывод, к которому пришел Д. Минович: в Сербии народ – русофил, а элиты – русофобские³, – таково положение, которое Деян Минович обстоятельно доказал серьезными аргументами в своей книге.

Русофобия и сербы

Западные и русские авторы, такие как Метан⁴, Хофбауэр⁵, Кьеза⁶ и Шафаревич⁷, определяют русофобию как «состояние ума», «пропагандистское оружие», «ненависть», «страх», «расизм», политический «вирус», «метадискурс» и «сокрытие фактов». Также указываются многочисленные причины, которые привели к появлению русофобии, от старой религиозной и политической борьбы между католическим Западом

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00182 «Русский вопрос» в истории политики и мысли XIX – начала XXI вв.: истоки и смысл современной русофобии, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/>

² Минович, 2022. (1-е изд. – 2017).

³ «Россия – традиционный военный неприятель, независимо от того, каково ее внутреннее устройство: имперское, советское или демократическое». Минович, 2022. С. 8.

⁴ Метан, 2017.

⁵ Хофбауэр, 2018.

⁶ Кьеза, 2016.

⁷ Шафаревич, 2005.

и Ватиканом и православной Византией во времена Карла Великого в IX веке (которые позже были перенесены на Россию как наследницу Восточного римского царства), посредством борьбы Польско-литовской унии⁸ с Московским княжеством и русофобской деятельности университета в Кракове в XV веке, до идеологического разделения во французском предреволюционном обществе, завоевательных планов Второго и Третьего рейхов, империалистических стремлений Англии, до холодной войны после 1945 года.

Австриец Хофбауэр указывает, что за русофобией на Западе скрываются экономические мотивы или намерение присвоить природные богатства России. Швейцарец Метан утверждает, что Россия имеет многовековую традицию защиты государственного суверенитета, и именно это больше всего беспокоит Запад как мирового гегемона. Итальянец Къеза главную причину русофобии видит в русской военной силе, которая единственная может дать отпор США. Россиянин Шафаревич считает, что основной мотив русофобии – «разрушение» русского государства и традиции. Метан отмечает несколько очень важных фактов. Русофобия господствует только на Западе, несмотря на то что Россия воевала и с азиатскими державами. Поэтому можно выделить «английскую» (имперскую), немецкую (расистско-экспансионистскую), французскую (идеологическую) и американскую (синтез предыдущих с сильным элементом антикоммунизма). Западное академическое сообщество (профессора университетов, теологи, историки, философы, политологи) столетиями создают русофобский «метадискурс». Основами этого «метадискурса» являются стереотипы (и фальсификации) о суровых русских «варварах», «рабах», «азиатской деспотии», о «мрачном периоде истории» (до правления Петра Великого), «завещании Петра Великого о завоевании Европы», «политической реакции», «жандарме Европы», об «ордах казаков», «монголоидах», «москалях», «пьяных лентяях», русских «кроважидных» правителях от Ивана Грозного до Сталина, о большевизме как продукте русского шовинизма.

Такая западная русофобия овладевает сербской элитой после 1878 г. и международного признания независимости Сербии на Берлинском конгрессе⁹. (Сербия де юре становится частью международного сообщества или тогдашнего законного объединения двадцати всемирно при-

⁸Польско-литовская уния – военно-политический союз Королевства Польского и Великого княжества Литовского в конце XIV—XVI вв., в результате которого в 1569 г. образовалось объединённое государство Речь Посполитая.

⁹ Берлинский конгресс – 1 (13) июня по 1 (13) июля 1878 г., изменивший условия Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. в ущерб России и славянским народам Балкан. Созван по инициативе Австро-Венгрии и Великобритании. Кроме них участниками стали Россия, Франция, Италия и Турция. Россия оказалась в дипломатической изоляции и пошла на уступки. В соответствии с подписанным Берлинским трактатом территория Болгарии сокращалась почти вдвое, территория Черногории была значительно урезана, из болгарских областей к югу от Балкан была образована автономная провинция «Восточная Румелия», остававшаяся под властью Турции, Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину.

знанных стран). Точнее, западная политика именно с того периода весьма активно разжигает русофобию среди сербской политической и интеллектуальной элиты с целью вывести её из-под русского влияния. Это влияние было велико из-за многовековой традиции и ориентации, воплощенных в Сербском патриархате, исторической роли русского влияния в современной защите как сербского народа в Габсбургской монархии после Великого переселения 1690 года¹⁰, так и православных балканских христиан в Османской империи по Бухарестскому договору 1812 г.¹¹, также из-за совсем недавних воспоминаний о вкладе русской армии и добровольцев в освобождение сербов от турок в 1876–1878 гг.¹²

Достоевский первым заметил это влияние западной русофобии на сербские элиты. В «Дневнике писателя» (1877–1878) он предвидит, что русофобия или «неблагодарность» сербских элит в отношении России будет продолжаться «наименее» 100 лет. Достоевский проводит и четкое разделение между прорусским сербским народом и русофобской элитой. Аналогичную разницу между сербским народом и элитой отмечают Данилевский¹³ и Трубецкой¹⁴.

После 1878 г. князь (король) Милан Обренович¹⁵ под влиянием германской русофобии (Вены и Берлина) и борьбы с прорусской Народной

¹⁰ Великое переселение 1690 – первая волна миграции сербов из Османской империи в Габсбургскую монархию в 1690 г. Вторая была в 1740 г. Эти миграции существенно изменили этническую карту современной Сербии — сербы представляли меньшинство в некоторых южных регионах, но составили значительную часть населения в районах современной Воеводины.

¹¹ Бухарестский договор 1812 года – договор, завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 гг., был подписан в Бухаресте 16(28) мая. Он установил границу между Российской и Османской империями по р. Прут, до её впадения в р. Дунай. К России отошла Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. В свою очередь Россия обязывалась возвратить Турции Молдавию и Валахию, а также все пункты на Кавказе, завоеванные в ходе войны, – Анапу, Потю, Ахалкалаки и др. Османская империя признавала вхождение в состав России Восточной и Западной Грузии. Российская империя получала та также участок Черноморского побережья с г. Сухум. Ей предоставлялось право свободного торгового судоходства по всему течению р. Дунай, а военного судоходства – до устья р. Прут. Подтверждались привилегии (автономия в составе Османской империи) Молдавии и Валахии, полученные ими по Ясскому миру 1791–92 гг. России не удалось добиться независимости Сербии, которой было обеспечено только внутреннее самоуправление. Бухарестский мир способствовал развитию освободительному движению балканских народов и обретению впоследствии Сербией полной независимости.

¹² Сербско-черногорско-турецкие войны 1876–1878 гг. – войны Сербии и Черногории против господства Османской империи на Балканах.

¹³ Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – русский социолог, публицист и естествоиспытатель; геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог панславизма; автор книги «Россия и Европа» (1869).

¹⁴ Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – князь, российский языковед, этнограф, историк, философ, академик Венской академии наук (1930), идеолог евразийства, автор произведения «Европа и человечество» (1920).

¹⁵ Обренович Милан (серб. Милан Обреновић, 1854–1901) – сербский князь (1868–82) и король Сербии (1882–89). Из династии Обреновичей.

радикальной партией Николы Пашича¹⁶ и либералами Йована Ристича¹⁷ поощряет русофобию на самом высоком уровне. Сан-Стефанский мир¹⁸, Берлинский конгресс и действия русской дипломатии дают ему дополнительный стимул. Этому официальному русофобскому дискурсу следуют как министры из Прогрессивной партии¹⁹ и провластные газеты типа «Видело», так и административные органы, особенно полиция во времена министра Гарашанина²⁰. Русские изображаются как хитрые, покровительствующие Болгарии, «гегемоны и империалисты», которые «используют» Сербию и «жертвуют» ею только ради «завоевания» Царьграда. Россия постоянно подозревается как в «политической подоплеке убийств» и «переворота» в Сербии, так и в региональном «заговоре» (в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Черногории). Главный идеолог такой сербской русофобии – председатель правительства, сформированного Прогрессивной партией, Милан Пирочанац²¹.

¹⁶ Пашич Никола (серб. Никола Пашић, Nikola Pašić, 1845–1926) – сербский государственный и политический деятель, идеолог «Великой Сербии», один из основателей Радикальной партии Сербии (РПС), самой массовой и активной сербской политической организации последней четверти. XIX в. Оставался бессменным председателем Главного комитета РПС. Дважды занимал должность мэра Белграда (1890–1891 и 1897), несколько раз — премьер-министр Сербии (1891–1892, 1904–1905, 1906–1908, 1909–1911, 1912–1918) и премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918, 1921–1924, 1924–1926).

¹⁷ Ристич Йован (серб. Јован Ристић, 1831–1899) – сербский государственный деятель, политик, дипломат и историк. Один из основателей и лидер Либеральной партии (основана в 1881), оппонент Н. Пашича Неоднократно занимал посты председателя Совета министров (1867, 1873, 1878–80, 1887) и министра иностранных дел (1867, 1872–73, 1875, 1876–80), был одним из регентов при несовершеннолетних Милане Обреновиче (1868–72) и Александре Обреновиче (1889–93). Возглавил разработку проекта новой конституции (введена в 1869). В 1878 г. представитель Сербии на Берлинском конгрессе.

¹⁸ Сан-Стефанский договор прелиминарный (предварительный) мирный договор между Россией и Турцией был заключен 3 марта 1878 г. в Сан-Стефано (близ Константинополя) в результате окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Этот договор означал усиление влияния России на Балканах и вызвал резкий протест со стороны Англии и Австро-Венгрии

¹⁹ Сербская прогрессивная партия (серб. Српска напредна странка, напредњаци) – была одной из четырёх наиболее важных политических партий в Королевстве Сербии до Первой мировой войны. Партия существовала с 1881 года до 1896 г., затем снова с 1906 до 1919. Действовала и в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев с 1920 до 1925 г. Создана так называемыми младоконсерваторами в 1881 г., она была первой политической партией в Сербии.

²⁰ Горошанин Милутин (серб. Милутин Гарашанин, 1843–1898) – сербский политик и дипломат; премьер-министр Сербии. В конце 1880 г. стал министром внутренних дел Сербии в кабинете Милана Пирочанаца

²¹ Пирочанац Милан (серб. Милан Пироћанац, 1837–1897) – сербский политический деятель, в 1874 г. был министром юстиции, потом издавал с Милутином Гарашаниным газету «Видело». Был одним из основателей и вождей партии напредняков. В 1880 г., после падения Ристича, Пирочанац сформировал свой кабинет министров. В иностранной политике он стремился сблизиться с Австрией и способствовал охлаждению отношений между Сербией и Россией.

Министр Чедомиль Миятович²², под влиянием английского дискурса того времени, «обогащает» сербскую русофобию утверждениями о «варварской и нецивилизованной» России и «отсталой» православной вере, которой следует измениться по «протестантскому» образцу. (Этот “протестантский” дискурс очень заметен у сегодняшних сербских правящих политических элит). В тот период известный сербский интеллектуал Йован Скерлич²³ некритично заимствует французский идеологический русофобский дискурс. Одновременно он выступает за общение с хорватской элитой и выказывает «понимание» в отношении патологического сербофоба Старчевича²⁴. Поэтому русофобию у сербов сопровождает кроатофилия (или идеология югословенства). Никола Пашич представляет большое исключение в тот период не только из-за влияния славянофилов Данилевского и Хомякова, но и из-за помощи официального Петербурга, которая дает возможность ему прийти к власти и временно остановить русофобию среди сербских правящих политических элит.

После 1914 года и начала Первой мировой войны русский министр иностранных дел Сазонов²⁵ предупреждает сербскую власть о пагубности создания государства с хорватами-католиками. Сазонов выступает явно против создания югославского государства из-за русского опыта с католической Польшей и Ватиканом (в котором он был послом). Это становится официальной русской позицией до краха Российской империи в 1917 г. Однако сербские элиты (с ключевой «поддержкой» английских) создают Королевство сербов, хорватов и словенцев²⁶ в 1918 г. Новое югославское государство всё время до 1940 г. было в конфликте с Советской Россией. Точнее, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) даже не имело дипломатических отношений

²² Миятович Чедомиль (серб. Чедомиль Мијатовић, 1842–1932) – сербский экономист, писатель, публицист, историк, политический и государственный деятель, дипломат, полномочный посол Сербии при Сент-Джеймском дворе (Великобритания) (1884–1885; 1895–1900 и 1902/1903). Был министром финансов Княжества и Королевства Сербия (в 1842, 1875, 1880–1883, 1886–1887, 1888–1889, 1894), министром иностранных дел (1886–1887; 1888–1889), президентом Сербской королевской академии наук и искусств (1888–1889).

²³ Скерлич Йован (серб. Јован Скерлић, 1877–1914) – сербский общественный деятель, литературовед, литературный критик и журналист, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств.

²⁴ Старчевич Анте (хорв. Ante Starčević, 1823–1896) – хорватский общественно-политический деятель, один из крупных представителей хорватского национального движения второй половины XIX в., отрицал этническую и национальную самобытность сербов и словенцев, сторонник панхорватизма. В современной Хорватии почитается как «отец отечества».

²⁵ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – русский государственный деятель, дипломат, гофмейстер (1910), член Государственного Совета Российской империи (1913); министр иностранных дел Российской империи (1910–1916).

²⁶ Королевство сербов, хорватов и словенцев – , официальное название в 1918–29 гг. государства, созданного в результате объединения Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Далмации и Воеводины (входивших до 1918 г. в Австро-Венгрию) с королевствами Сербия и Черногория. В 1929 г. получило название Югославия.

с Советской Россией, вопреки юридическому факту (на него указывает Карл Шмитт), что Запад еще в 1924 г. *de iure* и *de facto* признал не только новую державу, но и ее преемственность с царской Россией.

В этом контексте сербские элиты и такие проправительственные газеты, как «Политика»²⁷ и «Време»²⁸, демонстрируют русофобскую политику. Они часто переходят тонкую грань между советофобией и русофобией. <...> Немного позже сербские элиты в Королевстве Югославии перенимают советофобский дискурс немецкого Третьего рейха. В этом преуспевают бывший министр юстиции и лидер движения «Збор»²⁹ Димитрие Лётич³⁰ (теория о «иудейско-большевистской Советии») и премьер-министр Королевства Югославии Милан Стоядинович³¹, который грубо отвергает многочисленные предложения о нормализации отношений с Москвой.

Официальную югославскую советофобскую политику снова сопровождает кроатофилия (или «интегральный югославизм»). В то же время министр Спалайкович обвиняет русских в том, что они – народ без «воли», с «атавистическим алкоголизмом», и утверждает, что хорваты и сербы – один народ. Премьер Стоядинович из-за «исторической щепетильности» годами отвергает нормализацию отношений с Москвой (вопреки посредничеству Атаюрка и Бенеша), но после Второй мировой войны (и геноцида сербов в НДХ) соглашается на официальную встречу с Павеличем³² (в этот раз без препятствия в виде «исторической щепетильности»). <...>

²⁷ «Политика» (серб. Политика) – сербская ежедневная газета, выходящая в Белграде; основана в 1904 г. Владиславом Ф. Рыбникаром, старейшая ежедневная газета на Балканах, наиболее авторитетное периодическое издание Сербии

²⁸ «Време» (серб. Време) – ежедневная газета, выходила в Белграде с 1921 по 1941 г. и ежедневно публиковала новости о жизни в Королевстве Югославия и мире между двумя войнами. Это была одна из самых читаемых газет того времени.

²⁹ Югославское народное движение «Збор» (серб. Југословенски народни покрет «Збор») – политическая партия в Королевстве Югославии и Сербии периода Второй мировой войны. Название представляется еще как сокращение от «Здружена борбена организација рада» («Объединенная боевая организация труда») – ЗБОР. Партия была образована в 1935 г. в Югославии, лидером партии являлся Димитрие Лётич. ЗБОР являлся партией фашистского и консервативного толка.

³⁰ Лётич Димитрие (серб. Димитрије Љотић, 1891–1945) – сербский политик, участвовавший в коллаборационистском правительстве М. Недича. Был министром юстиции в 1931 г., ушёл в отставку после того, как король Александр I отверг его предложение о включении в конституцию положения о проведении всеобщих свободных и тайных выборов. В 1935 г. возглавил профашистскую партию ЗБОР.

³¹ Стоядинович Милан (серб. Милан Стојадиновић, 1888–1961) – политический и государственный деятель Королевства Югославии. В 1922–26, 1934–35 гг. министр финансов, в 1935–39 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Югославии. В 1935 г. создал и возглавил партию Югославский радикальный союз. Последние годы проживал в Аргентине.

³² Павелич Анте (хорв. Ante Pavelić, 1889–1959) – глава хорватской организации усташей с 1929 г., в 1941–45 гг. – марионеточного «Независимого государства Хорватия». Организатор массовых убийств. В 1945 г. бежал из страны; был заочно приговорен югославским народным судом к смертной казни.

Депутат и писатель Григорие Божович³³ критикует советофобскую официальную политику с точки зрения сербов Косово и Метохии. Аналогично делает и забытый Светозар Петровић³⁴, когда предупреждает власти о том, что Англия не является другом, и что русское государственное устройство – вопрос, в который сербам не следует вмешиваться. Храбрый Драгиша Васић³⁵, как убежденный русофил, идет еще дальше. Как первый сербский правый интеллигент он посещает Москву в 1927 г. Свое особое отношение к России он сохраняет и после 1941 г. в Равногорском движении³⁶, поэтому становится главным врагом английской политики. Наконец, и великий сербский писатель Црњанский³⁷, как «неисправимый славянофил», думает, что Королевство Югославия – всего лишь инструмент в борьбе Лондона против Советской России. Он дает наилучшее определение сербско-русским отношениям, их позитивным и негативным сторонам. Никто до и после него в сербском обществе не описал так объективно русскую дипломатию, русское общество и различие в менталитете сербов и русских. Сербский «кудесник слова» дает как невероятно реалистичное описание «северной Венеции», или Петербурга (хотя никогда там не был), так и описание традиционной английской русофобии, царящей в Лондоне.

После освобождения Сербии и Белграда в 1944 г., в котором, с большими потерями, участвовали и советские воины, наступает кратковременный период союзничества новой коммунистической Югославии с Советской Россией. Однако после 1948 года и политической борьбы двух коммунистических лидеров, появляется новая югославская русофобия времен правления Тито³⁸. Она перенимает дискурс, характерный для того вида русофобии, который Метан определил как «американский», а Кьеза – «руссофобию холодной войны». Позиция дипломата

³³ Божович Григорие (серб. Григорје Божовић, 1880–1945) – сербский, журналист, писатель и политик, депутат парламента.

³⁴ Петровић Светозар (серб. Светозар Петровић, 1931–2005) – хорватский и сербский литературовед и историк.

³⁵ Васић Драгиша (серб. Драгиша Васић, 1885–1945) – сербский юрист, писатель и публицист. Один из главных идеологов четнического движения.

³⁶ Равногорское движение – антиоккупационное движение в Югославии, которое было создано в мае 1941 г. Генерал Драголюб «Драже» Михайлович отказался признавать капитуляцию югославской армии и на горе Равне на базе верных ему частей 41-го пехотного полка объявил об образовании «Равногорского движения четников». Организация должна была обеспечивать порядок на неконтролируемых оккупантами территориях, защищать население, готовить отряды для освобождения страны. Однако фактически отряды равногорского движения вели освободительную борьбу и сотрудничали с немецкой армией и прогерманскими режимами на территории Югославии. В 1944 г. после призыва короля Петра II к участникам равногорского движения присоединиться к армии Иосипа Броз Тито движение раскололось.

³⁷ Црњанский Милош (серб. Милош Црњански, 1893–1977) – писатель, романист, поэт, драматург, переводчик, автор рассказов, эссе, путевых заметок и мемуаров.

³⁸ Броз Тито Иосип (серб. Јосип Броз Тито, 1892–1980) – югославский политический и общественный деятель, председатель правительства (1945–1953), президент Югославии (1945–1980).

Кеннана³⁹ и гарвардского профессора Пайпса⁴⁰ становится доминирующими в югославском дискурсе.

Однако существует и различие в отношении Королевства Югославии и Королевства Сербии. Новая югославская коммунистическая власть не ограничена прорусским настроением сербского народа. <...>

После 1953 г., смерти Сталина и попыток нормализации отношений со стороны Хрущева становится ясно, что югославская коммунистическая власть перешла тонкую грань между советофобией и русофобией, хотя, на первый взгляд, Югославия сохраняет одинаковую дистанцию по отношению к блокам. Официальный орган печати югославских коммунистов «Борба»⁴¹ и влиятельнейший еженедельник НИН⁴² годами изображают Россию как традиционно гегемонистскую, поддерживающую Болгарию, силу, которая еще со времен Сан-Стефанского мира проводит политику против «южнославянских народов». Она в XIX в. угрожала и Китаю. Её правители, от Ивана Грозного до Петра Великого, – «головорезы» или аморальные особы, как Екатерина II. Эпоха до Петра Великого изображается как «темнота и отсталость», СССР – как продолжение русского империализма и «шовинизма», которое не имеет никакого отношения к марксистской идеологии. С другой стороны, англичане представляются как «прирожденные джентльмены» и «симпатичные реформаторы», американские функционеры – как «скромные и миролюбивые люди».

В то же время левые югославские и сербские интеллектуалы сплотились вокруг журнала «Праксис»⁴³, находясь под большим влиянием

³⁹ Кеннан Джордж Фрост (англ. George Frost Kennan, 1904–2005) – американский дипломат, историк, публицист, советолог, основатель Института Кеннана. Известен как «архитектор Холодной войны», идейный отец «политики сдерживания» и доктрины Трумэна. Автор трудов по истории взаимоотношений России и стран Запада. В 1952 г. был послом США в СССР; в 1961–1963 гг. – послом США в Югославии.

⁴⁰ Пайпс Ричард Эдгар (англ. Richard Edgar Pipes, 1923–2018) – американский учёный, доктор философии по предмету истории, профессор русистики и русской истории Гарвардского университета с 1958 по 1996 гг. В 1968–1973 гг. был директором Исследовательского Центра по изучению России (Центр Дэвиса) при Гарвардском университете, в 1973–1978 гг. — главный научный консультант Института по исследованию России при Стэнфордском университете

⁴¹ «Борба» (серб. «Борба»), дословно «Борьба») – общественно-политическое издание, выпускавшееся Коммунистической партией Югославии в Загребе с 1922 г. Газета была запрещена 13 января 1929 г. после введения диктатуры в Королевстве Югославия, затем выходила подпольно. После освобождения Белграда газета стала выходить ежедневно. В 2009 г. прекратила своё существование.

⁴² Nedeljne informativne novine или NIN - еженедельный новостной журнал, издающийся в Белграде, Сербия. Его название примерно переводится как Еженедельная информационная газета. Хотя, в сущности, это журнал о текущих событиях, NIN также заслужил уважаемую репутацию благодаря давней традиции открывать свои страницы лучшим и ярчайшим представителям сербского, а ранее югославского общества, в области искусства, науки или даже спорта.

⁴³ «Праксис» («Praxis») – марксистский журнал, который издавался с 1964 по 1974 г. и был известен как один из ведущих международных журналов по теории марксизма. Школа Праксиса была марксистским гуманистическим философским движени-

американского неомарксистского и русофобского философа Маркузе, который рассматривает СССР как «террористическое государство» и «магическое общество», основанное на русской традиции «безделья» и отсутствия «идеи».

Похожий дискурс перенимает (с определенной моральной дилеммой и кризисом совести) и известный сербский писатель Добрица Чосич⁴⁴. Он утверждает, что «азиатская и примитивная» Россия в XIX и XX вв. «использовала» Сербию на Балканах. Гораздо более экстремальным русофобом, чем Чосич, является лидер сербских коммунистов Марко Никезич⁴⁵. У него нет ни каких-то дилемм, ни угрызений совести, когда речь идет о русских. <...> Вместе с тем США для Никезича (бывшего посла в Вашингтоне) – «современное и цивилизованное» государство. Наконец, Никезич, как типичный югославский коммунистический русофоб, выказывает большое «понимание» в отношении хорватского шовинистического движения того времени «Хорватская весна»⁴⁶.

Представитель коммунистической верхушки Милован Джилас⁴⁷ с пылом новообращенного горского революционера, после зажигательных и патетических речей о «великом учителе» Сталине и черногорских «дедах, которые внукам показывали с горы, где Россия», перенимает – после 1948 г. – у британских лейбористов английский русофобский «метадискурс». Русские «освободители и братья» становятся, в таком идеологическом представлении, примитивными «генетическими монголами», которые безумно и массово «насилуют» и «убивают» по Сербии. Москва для Джиласа – «захолустье», а панславизм – лишь маска русско-империализма и «варварства».

Джилас не отказывается от этих русофобских утверждений, даже когда попадает в немилость к бывшим друзьям. В открытом письме Тито в 60-е годы он призывает того полностью разорвать отношения с СССР и заключить *de iure* союз с Западом. На Западе его русофобские заявления получают широкое распространение. <...>

В СФРЮ, из-за природы тоталитарного режима, было еще меньше отступлений от русофобского доминирующего дискурса, чем в Коро-

ем, возникшим в 1960-х гг. в СФРЮ, участники которого находились под влиянием западного марксизма.

⁴⁴ Чосич Добрица (серб. (серб. Добрица Чосић, 1921–2014) – югославский государственный деятель, писатель, и теоретик сербского национального движения. Был первым президентом Союзной Республики Югославии, с 15.06. 1992 по 01.06.1993 г.

⁴⁵ Никезич Марко ((серб. Марко Никезић, 1921–1991) – югославский участник Национально-освободительной борьбы и государственный деятель, министр иностранных дел Югославии (1965–1968).

⁴⁶ В Хорватии началось широкое реформационное движение, получившее название «Хорватская весна» или «Маспок» (от сербскохорватского «масовни покрет» — массовое движение). Согласно заявлениям его идеологов, оно ставило своей целью расширение прав хорватов в рамках Югославии, а также проведение демократических и экономических реформ.

⁴⁷ Джилас Милован (серб. Милован Ђилас, 1911–1995) – югославский политический деятель, писатель, публицист.

левстве Сербии и Королевстве Югославии. Исключением был Юстин Попович⁴⁸, сербский университетский профессор, теолог и последний святой. После 1945 года, лишенный всех гражданских и политических прав, ставший маргиналом, подвергшийся гонениям и слежке со стороны властей в монастыре Челие, он не отрекся от своих убеждений. Точнее, как автор знаменитой докторской диссертации о Достоевском, Юстин никогда не отрекался от своей веры в Россию, даже когда в Москве развевался красный флаг. С его (неизменной) точки зрения, этот флаг был в Москве лишь временно. С другой стороны, он писал (предвидел и предупреждал) в 50-х и 70-х годах в своих книгах, что главная опасность для сербского народа приближается не с Востока («таинственная красота»), а с Запада. Югославское коммунистическое общество, опьяненное официальной советофобией (за которой скрывалась традиционная западная русофобия), даже не имело возможности прочитать предостережения Юстина. К сожалению, его предсказание о западной опасности сбылось точно через два десятилетия после его смерти: в 1999 г.

В итоге, исследование общественного мнения и доминирующего политического и интеллектуального дискурса современного сербского общества ясно показывает, что в 2017 г. в Сербии ситуация весьма похожа на ту, которую описывал Достоевский в «Дневнике писателя» 160 лет назад: народ настроен пророссийски, элита – русофобски. Это говорит о том, что линия западного влияния в формировании доминирующего сознания в культуре и средствах массовой информации приносит свои плоды, потому что нет практического интеллектуального и культурного ответа. Легко предвидеть, что всякая вспышка русофобии у нас сопровождается сильными волнами сербофобии, то есть организованным попранием сербских национальных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Том 3. М., 1998. 576 с. [Dostoevsky F.M. Dnevnik pisatelya (A Writer's Diary). Tom 3. Moscow, Zakharov, 1998. 576 s.].
- Кьеза Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М., Эксмо, 2016. 288 с. [Chiesa G. Russophobia 2.0: bolezn ili oruzhije Zapada? (Russophobia 2.0: a disease or a weapon of the West?). Moscow, Eksmo, 2016. 288 s.].
- Меттан Ги. Россия – Запад: тысячелетняя война. М., Paulsen, 2017. 468 с. [Mettan G. Rossiya – Zapad: tysyacheletnyaya voina. (Russia – West: the thousand-year war). Moscow, Paulsen, 2017. 468 s.].
- Хоффбауэр Х. Россия: образ врага. История одной демонизации / Пер с нем. Краснодар: Энергоинвест, 2018. 495 с. [Hoffbauer H. Rossiya: obraz vruga. Istoriya odnoi demonizatsii (Russia: the image of the enemy. The story of one demonization). Per. s nem. Krasnodar, Ekoinvest, 2018. 495 s.].
- Шафаревиц И.Р. Русофобия. М., Эксмо, 2005. 352 с. [Shafarevich I.R. Rusophobia (Russophobia). Moscow, Eksmo, 2005. - 352 s.].
- Мировић Д. Русофобија код Срба. Catena Mundi, Beograd, 2022. 302 с. [Mirovich D. Rusofobija kod Srba (Russophobia among Serbs). Catena Mundi, Beograd, 2022. 302 s.].

⁴⁸ Поповић Јустин (серб. Јустин Поповић; в миру Благоје Поповић, серб. Благоје Поповић, 1894–1979) – преподобнији Иустин (Поповић) Челијскиј, архимандрит Србској Православној Цркви, доктор богословја, хришћански филозоф, подвижник, писац, аутор многочислених духовних производа, в т.ч. трѣхтомној «Догматици Православној Цркви».

Мырикова Анна Валериевна, кандидат политических наук, доцент, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; an_my@mail.ru

Russophobia and Serbs

Dejan Mirovic (b. 1972), PhD, Associate Professor at the Faculty of Law of the University of Pristina-Kosovska Mitrovica, wrote the book "Russophobia among Serbs. 1878–2017", published in 2017. This work aroused great interest, and in 2022 the second edition was published. D. Mirovich conducted an in-depth analysis of a large amount of factual material, showed the genesis of Russophobia in Serbian society and outlined certain trends in the development of this phenomenon. D. Mirovich begins the analysis of Russophobia among Serbs in the historical context by substantiating the relevance of this topic. He refers to F.M. Dostoevsky, I.R. Shafarevich, G. To Methane, H. Hofbauer and D. Chiesa, considering the typology of Russophobia in each of the mentioned authors. For the Russian reader, an excursion into the history of Serbian-Russian relations is extremely interesting, and the chapter on communist Yugoslavia and modern Serbia is very informative. D. Mirovich writes about the new Yugoslav Soviet Phobia of the Tito era. The final chapter is called "Russophobia and the Serbs." This serious study of a modern Serbian intellectual is very valuable and relevant in the current realities.

This article offers a translation of the short final chapter "Russophobia and the Serbs".

Keywords: *D. Mirovich, Russophobia, Serbia, Russia, people, elites*

Anna V. Myrikova, PhD (Political Science), Associate Professor, Associate Professor, Department of the History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, an_my@mail.ru

«СПИСОК НАТУРАЛИСТА И ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
ДЖОНА КОКЛИ ЛЕТТСОМА: ОПЫТ ПЕРЕВОДА¹

Статья посвящена необычному источнику по истории научной культуры Англии XVIII в.. «Спутник натуралиста и путешественника» (1772) собрал под своей обложкой перечень инструкций по взаимодействию с миром природы и список вопросов, на которые в ходе этого взаимодействия надлежит ответить читателю. Источник представляет собой пример популярного издания, приобщающего, с одной стороны, непрофессиональных ученых к миру науки, а с другой, способствующего интеграции потенциальных достижений этого мира в социум. «Спутник...» иллюстрирует подход к познанию, связанный с принципом всеохватного наблюдения, а также стремление автора мотивировать читателя идеей служения на благо общества. Фрагменты источника публикуются на русском языке впервые.

Ключевые слова: Джон Кокли Леттсом, «Спутник натуралиста и путешественника», естественная история

«Спутник натуралиста и путешественника» – любопытное свидетельство о процессе накопления эмпирических знаний в Англии XVIII в. Свидетельство в пользу того, что естественная история в этот период – дело не только степенных ученых, членов Лондонского королевского общества или профессоров Кембриджа и Оксфорда, но во многом – любителей и энтузиастов². «Спутник...» адресован именно им – наблюдательным, эрудированным джентльменам и леди, путешествующим по миру и располагающим временем и досугом обследовать те объекты, явления и феномены, на которые обращает их внимание автор текста.

Как практическое руководство по наблюдению за природными объектами и явлениями и выяснению социальных аспектов бытования этих объектов, «Спутник...» был впервые опубликован в 1772 г.³, с незначительными изменениями переиздавался в 1774 и 1799 гг.⁴, в XIX в. утратил свою актуальность, и снова нашел своего читателя в 2015 и 2018 гг.⁵ уже как исторический образец источника мотивации и способа организации познавательного процесса в XVIII в.

Автор и издатель текста Джон Кокли Леттсом (1744–1815) – врач, основатель Лондонского медицинского общества и издатель путевых дневников Сидни Паркинсона⁶ и Джонатана Карвера⁷. Леттсом начинал

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ; проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

² Sigrist 2013: 205–234.

³ Lettsom 1772.

⁴ Lettsom 1799.

⁵ Lettsom 2015; 2018.

⁶ Parkinson 1784.

⁷ Carver 1781

свой профессиональный путь как помощник аптекаря и хирурга Абрахама Сатклифа в г. Саттл, Йоркшир. В Лондоне Леттсом изучал и практиковал врачебное дело в госпитале Св. Томаса, слушал лекции профессора медицины Уильяма Каллена (1710–1790) в Эдинбургском университете, в 1769 г. в университете Лейдена получил степень доктора медицины за труд по исследованию лекарственных свойств чайного дерева. В 1770 г. получил степень лиценциата в Королевском колледже врачей, стал членом Общества антиквариев, а в 1773 – членом Лондонского королевского общества.

Благодаря протекции доктора Джона Фозергилла (1712–1780) уже к 1770 г. Леттсом открыл в Лондоне частную врачебную практику. Благотворительная деятельность позволила ему быстро завоевать авторитет в лондонском обществе. Общительный и инициативный доктор стремился заручиться поддержкой не только друзей-квакеров. В его ботаническом саду в имении «Грув Хилл» частыми гостями были врач Джон Фозергилл, писатель Джеймс Босуэлл, драматург Джеймс Плагмпре, издатель Уильям Кёртис, художник Джеймс Сауэрби⁸.

«Спутник натуралиста и путешественника» был опубликован Леттсом в 1772 г., одновременно с «Естественной историей чайного куста», его переработанной диссертацией. Обе работы можно отнести к научно-популярному жанру: содержащиеся в них достоверные знания из области естественной истории и медицины адресованы широкому кругу читателей. Однако между текстами есть одно существенное отличие. «Естественная история чайного куста» – традиционный ученый нарратив, представляющий собой сумму всех знаний, известных его создателю. Этот текст сообщает читателю ценные сведения, просвещает его относительно одного конкретного предмета, в данном случае, чая (лат. *Camelia sinensis*), в части описания вида, ареала произрастания, лекарственных свойств, и опосредованно связанных с этим предметом знаний, операций, культурных явлений: способов выращивания и практик сбора, ферментирования и употребления.

«Спутник натуралиста и путешественника» – принципиально иной текст. Это – перечень вопросов, на которые читатель должен найти ответы самостоятельно; список исследовательских задач, направляющих взгляд любознательного путешественника. «Спутник...» побуждает читателя искать ответы на актуальные для английской науки вопросы не в книге – в окружающем мире. Списку вопросов и задач предпосланы инструкции и указания относительно способов получения и фиксации сведений, они изложены в первой части. Текст направляет внимание читателя к проявлениям как природного, так и социального мира: вопросам религии, ценностей, экономического и социального уклада посвящены первые три раздела второй части. Только затем выделяются в качестве отдельных областей зоология, ботаника и минералогия.

⁸ Hunting 2006: 221-235.

Таким образом, источник хорошо иллюстрирует универсализм естественной истории XVIII в.: вопросы и темы для изучения разведены по отдельным дисциплинам и областям знания, но все эти темы представлены в одной книге, связаны общей целью – приумножением знаний о мире на благо общества – общего блага. Под благом общества понимается прежде всего потенциальная полезность знаний: какие растения могут быть использованы для производства красителей, какие виды древесины пригодны для кораблестроения, какие птицы обучены охоте, какие животные одомашнены и как они служат человеку; и др.

Автор также ставит перед читателем задачи чисто научного описания, такие как разъяснение принадлежности видов одному или разным родам, детализация видовых характеристик, фиксация результатов наблюдения, консервация находок. Предполагается, что наблюдение натуралиста и путешественника осуществляется как всеохватное и дистанцированное, но в то же время является избирательным и прикладным.

«Спутник...» мотивирует читателя снискать признание общества, создает некий флер учености, романтизируя научную практику. Этой цели служит обширное цитирование из эссе С. Джонсона во введении и отдельные цитаты из сочинений античных авторов, Шекспира, Голдсмита, Мильтона, разбросанные по всему тексту. Леттсом выстраивает позитивный образ натуралиста, предлагая читателю примерить его на себя и в соответствии с ним создать прообраз будущего путешествия. В этом смысле текст Леттсома близок к ранним путеводителям в стремлении к развитию «британского имперского воображения»⁹: «Путеводители помогали в планировании и подготовке к путешествиям: чего ожидать в пути, каким способом отправиться в путь: на лошадях или корабле, а позднее – на поезде или автомобиле. Заручаясь знанием о далеких краях и что можно там увидеть, путешественники, читая путеводители, получали возможность выбрать, куда отправиться, что делать и в какое время. Путеводители и путевые дневники дают представление о том, какие места и занятия интересовали путешественников в тот период»¹⁰.

«Спутник...» также близок к жанру *manuals*, практических пособий. Он находится в одном ряду со знаменитыми инструкциями по перевозке растений Джона Эллиса (1710–1776), изданным в 1770 г.¹¹, рекомендациям по сбору насекомых, минералов Эдварда Donovan (1768–1837), опубликованным в 1794 г.¹² и «Спутнике натуралиста» (1824) Джорджа Грейвза (1777–1834), посвященном теории и практике прикладного изучения зоологии, ботаники, минералогии¹³. Увлечение коллекционированием природных объектов англичан в этот период Томас Ричардс раскрывает через понятие «имперского архива»¹⁴: «архив не был

⁹ Richards 1993: 8.

¹⁰ Travel and tourism in Britain, 1700–1914 2016: X

¹¹ Ellis 1770

¹² Donovan 1794

¹³ Graves 1824

¹⁴ Richards 1993:6.

ни зданием, ни даже собранием текстов, но – существовавшим в коллективном воображении перекрестком всех знаний и сведений, фантастической репрезентацией эпистемологического паттерна хорошо осведомленного человека, визуальным местом средоточия гетерогенных локальных знаний метрополии и империи»¹⁵.

Приводя аргументы о полезности натуралистических изысканий и перечисляя задачи, стоящие перед образованным путешественником, Леттсом акцентирует внимание читателя на универсальности благ, которые сулят любознательность, наблюдательность и тщательность в освоении той или иной области знания. Материальная выгода подкрепляется социальной пользой и как следствие, одобрением, признанием и прославлением натуралиста в обществе. «Спутник...» Леттсома призван направить внимание своего читателя так, чтобы восполнить лакуны, разрешить те или иные сомнения по поводу конкретных вопросов, и одновременно – способствовать тому, чтобы частный взгляд на локальный объект стал универсальным обозрением.

Таким образом, практически достижимой целью издания «Спутника...» является популяризация естественной истории среди широкого круга образованной читательской аудитории, ведь собирать природные объекты может каждый энтузиаст. Научными объектами находки станут после процедуры описания, систематизирования, классифицирования – занесения на научную карту природы. Сверхзадачей как для Леттсома, так и для его читателя становится постижение природы через обобщение сведений о колоссальном многообразии ее объектов, сознательная тренировка как избирательного, прикладного, так и дистанцированного, всеохватного наблюдения.

Дж.К. Леттсом. Спутник натуралиста и путешественника¹⁶

Введение

«Кто разжигает свой интерес к природным объектам», – как говорит прославленный писатель, «тот явно преумножает пути достижения счастья. Человек, имеющий привычку вертеть в руках каждую диковинку и находить в этом развлечение, в природных объектах отыщет неиссякаемое множество достойных его любопытства вещиц, и тем самым всегда найдет себе занятие, не вызывая ни тени зависти или подозрения [окружающих], а также сумеет избежать распространенных ошибок тех, кто свой интерес обращает к предметам искусства. [Такой человек] всегда будет иметь возможность к обнаружению все новых причин для восхищения суверенным Создателем, и преисполнится надежды, что подобные открытия принесут благо другим или пользу ему самому»¹⁷. Нет более эффективного способа приумножить наше знание Естественной Истории, чем посещение чужих краев и тщательное обследование тех различных находок, коими они изобилуют, и которые вызывают восхищение своей новизной и разнообразием. Однако не следует подчинять свои разыскания только

¹⁵ Richards 1993:11.

¹⁶ Перевод выполнен по изданию Lettson 1799. Перевод включает в себя текст введения и всех разделов второй части за исключением последнего, седьмого.

¹⁷ Johnson 1750

лишь собственному удовольствию – зрелость характера требует быть полезным обществу, распространяя благо среди своих ближних.

Интродукция¹⁸ обыкновенного картофеля, разведение тутовых шелкопрядов, открытие хинина, использование кошенили, лакмуса и индиго – неоспоримые доказательства преимуществ, которые могут быть получены из открытий сметливых исследователей.

Обнаружение аналогичных картофелю корнеплодов, или других таких же коммерчески важных статей, как шелк, или других таких лекарств, как хинин, или других таких красителей, как кошениль и индиго, могут приобрести величайшее значение для нации, занятой торговлей, а любознательному путешественнику [помогут] обратить на себя внимание как всеобщего благодетеля.

Многие джентльмены и мореплаватели, посещающие иностранные государства, по долгу службы и жизненным обстоятельствам располагают как временем, так и возможностью к собиранию информации о таких предметах всеобщей пользы, особенно природных объектах, типичных для места, которое они посещают и где останавливаются. [Однако] за неимением соответствующих указаний об исследовании и сохранении таких объектов, путешественники не придадут им должного значения, а потому ценные и полезные предметы оказываются потерянными для общества, а время путешественника потрачено с меньшей пользой.

С тем, чтобы способствовать применению досуга и способностей этих людей к разумным и достойным похвалам изысканиям, созданы данные указания, которые автор самостоятельно испробовал в применении, и которые есть результат эксперимента и наблюдения. Впервые они были изданы в 1772 г., одобрение публики побудило к осуществлению второго издания в 1774 г., которое также было вскоре вышло в печати; третье издание готовилось к выпуску вслед за вторым и некоторые части его были напечатаны несколько лет назад, однако различные профессиональные дела помешали завершению оставшихся разделов. Но мы не отказались от своего скромного замысла. Ни для одной публикации нельзя заранее предугадать ее судьбу. Первоначальный проект с тех пор был значительно улучшен, и заслуживает в еще большей степени, чем прежде, благосклонности [читателя].

Во второй части были добавлены несколько вопросов и наблюдений по естественной истории, а также в целом об отдельных предметах, недостаточно ясно и достоверно установленных ранее, поэтому [труд] заслуживает внимания натуралиста и путешественника.

Имена основных авторов, упомянутых в различных частях, посвященных естественной истории, приведены в подстрочнике.

Если те, кто путешествует в чужие края или обосновались в других государствах, сведущи в математике и рисунке, то у них есть все возможности сделать заметки о своих наблюдениях более наглядными, добавив карты тех местностей, где они побывали или поселились, а также присовокупив к ним изображения местных жителей, их одежды, утвари, оружия, монет, инструментов, обрядов, святынь, зданий, храмов, идолов и древностей...

Часть II.

С известным удовлетворением можно признать, что к настоящему времени наше знание естественной истории и науки в целом значительно преумножилось. Но предметов, возбуждающих человеческое любопытство, столь много,

¹⁸ Интродукция растений – это введение (культурных сортов растений) в места, где они раньше не произрастали, или введение в культуру дикорастущих растений. Натурализация и акклиматизация являются формами интродукции.

они рассеяны по самым разным уголкам земного шара и столь сложны в своем происхождении, что справедливо будет описать словами древнего философа: «Как много живых существ, впервые открытых нами лишь в этом столетии, и как много вещей, еще не открытых!»¹⁹.

В то же время, если задумаемся над этим суждением в контексте поразительно-го прогресса, который наблюдаем в естественной истории в последние годы, мы можем обрести вдохновение упорно продолжать упражнения, чрезвычайно полезные для разума.

Еще более ценным и полезным для прогресса естественной истории послужит представление о том, каковы пределы нашего знания и как они могут быть расширены благодаря путешественникам и всем интересующимся, кто находит удовольствие в чтении и может узнать не только о том, что уже известно, но и что еще предстоит выяснить, какие пробелы заполнить. Таким образом их старания будут направлены в нужное русло и с большей вероятностью приведут к достоверному знанию и полезному открытию.

Раздел I. Наблюдения и разыскания в отношении Познания, Древностей, религиозных Обрядов, свободных Искусств

*Прилежать душой к благородным искусствам
Разве не значит смягчать грубый и дикий свой нрав?*

Овидий, Письма с Понта²⁰

1. Алфавиты различных наций, их правила произношения и исчисления, с написанием цифр, если они отличаются от букв алфавита; книги, написанные на каждом языке, особенно грамматики, словари и прочее, с указанием даты, когда они были написаны, и ценности содержащихся в них любопытных сведений; также материалы, которые используются для письма, их изготовление, способы производства чернил, бумаги, карандашей, формат и проклейка бумаги; искусство печати и устройства для ее осуществления.
2. Рукописи, в хорошем состоянии, относящиеся ко времени появления Танаха или его частей, приблизительно трехсотлетней давности.
3. Книги, содержащие религиозные предписание любой нации или народа, а также те, которые написаны на диалекте, отличном от того, на каком говорит народ, или в поэтическом, метафорическом стиле, оттого понятные лишь немногим и сохраняемые в секрете от большинства. К примеру, среди таких мы можем перечислить Бхад Шатта, Веды²¹, священные книги персов, написанные на древних персидских диалектах, которые называются Зенд и Пехлви²², Коран Магомета, священные книги Мандеев²³ или Савваитов²⁴, или [проживающих] неподалеку от Басры в Персидском заливе. Многотомные священные книги Лам в Непале и Тибете, которые называются Хангур и их мифы, называемые Риуте; священные книги священнослужителей в Перу и Сиаме, и другие по-

¹⁹ Пер. с лат. Т.Ю. Бородай. См. Сенека: Кн.7. Гл. 30.

²⁰ Пер. с лат. М.Л. Гаспарова, С.А. Ошерова. См. Овидий 1978: 119.

²¹ На полуострове по эту сторону Ганга священные тексты браминов содержатся в Ведах, оригинальные экземпляры которых на Санскрите были бы очень ценны (прим. Леттсома).

²² Более современный диалект (прим. Леттсома).

²³ Мандеи – этнорелигиозная группа на Ближнем Востоке, последователи мандеизма, гностической религии.

²⁴ Савваиты – вероятно, имеются ввиду последователи Преподобного Саввы Освященного (V в.н.э.), основателя монастырской обители в пещерах.

добного рода. Все эти книги будут более ценны, если сопровождаются переводом на английский, латынь или французский языки.

4. Описания нравов, обычаев, праздников и религиозных церемоний уважаемых народов; архитектурное убранство экстерьера и интерьера их храмов, религиозных, общественных и частных сооружений; количество, имена, генеалогии и иерархия их божеств и идолов; сакральная и повседневная утварь; касты и сословия людей; философские и религиозные убеждения каждой нации. Хорошо, если все перечисленное сопровождается иллюстрациями. Какие нации практикуют обрезание, и какие видят в этом обычае преимущества, какие описывают недостатки отказа от этого обычая? Практикуется ли обрезание у женщин и каким образом оно осуществляется?

5. Переводы Библии на разные языки; священные книги христиан различных деноминаций, как например, у грузин, армян, персов, эфиопов, коптов, арабов и сирийцев, особенно христиан на Малабарском побережье и на острове Сокатора²⁵.

6. История и престолонаследие князей; происхождение и миграции наций; управление и политическое устройство каждой страны; причины усиления или упадка власти.

7. Характер отношений частной и домашней жизни народа; обычаи, сопровождающие рождение детей; браки; погребальные обряды; и другие обычаи, свойственные каждой нации.

8. Сообщение об астрономии и хронологии различных наций, используют ли они семидневную неделю, названия каждого дня и что они означают. Количество, названия и значения месяцев; их количество в году; используют ли они лунный или солнечный цикл, или еще какие-либо годовые циклы; названия отдельных звезд и созвездий в зодиаках, с их значениями; отличия звезд от планет, с периодом их обращения.

Состояние, в каком пребывают изящные искусства, гравирование и резка по камню сейчас или в прошлом. Образцы, иллюстрации или коллекции старых гравюр, печатей, камней, статуй, резьбы, барельефа и горельефа, и места, где были обнаружены каждая из находок, их размер, материал, из которого изготовлены и проч.; древние и современные монеты, с точным номиналом каждой.

Раздел II. Коммерция, Мануфактуры, Ремесла, Торговля и проч.

Тицетно осторожный бог отделил

Разъединяющим Океаном земли, если,

Несмотря на это, (наши) нечестивые корабли

бороздят воды, не предназначенные для этого

Гораций, Ода 3, Кн.1.²⁶

1. Описания и рисунки ткацких станков, инструментов, машин и проч., которые используются на предприятиях, особенно если они просты, оригинальны и можно убедительно доказать, что затраченное время и мощность, используются более эффективно.

2. Сообщение о культивировании и выращивании растений, а также сельскохозяйственном укладе каждой страны. Какие используют удобрения, сколько труда и времени вкладывают в каждое из этих занятий; стоимость рабочей силы;

²⁵ Несторианские христиане раньше имели поселение среди индусов на Малабарском побережье и к ним относились с большим уважением. По-прежнему ли поселение существует? Имеются ли у них древние сирийские книги? (прим. Леттсома)

²⁶ Пер. с лат. М. Луценко. (http://www.russianplanet.ru/filolog/horatus/carmina/1_03.htm) Леттсом также приводит перевод строк Горация на английский язык поэта Фрэнсиса Куорлса (1591–1644).

сельскохозяйственный инвентарь; типы и частота урожайных посевов в расчете на один акр; урожайность различных видов почвы; соотношение посевных площадей виноградников и пастбищ, количество людей на одну квадратную милю, которые используют пастбище, пахотные земли, виноградники или любые другие виды плантаций.

3. Виды красящих пигментов и протравы для древесины, известных и используемых – особенно в Китае. Растительные они или минеральные? Способ их изготовления и нанесения, преимущества и недостатки каждого в сравнении с материалами, которые применяются у нас. Особенно это касается материалов, механизмов и технологий, используемых индийцами для протравы, окрашивания и печати на их ситце и коленкоре.

4. Древесина и брус, используемый для кораблестроения; формы и конструкции кораблей; древесина, пригодная для строительства мачт; заменители пеньки, канатов, тросов, таля и проч., с перечислением преимуществ и недостатков.

5. Средства, которые применяются для ловли четвероногих животных, птиц, рыб, моллюсков и проч. Отлавливают ли их с целью употребления в пищу или предотвращения распространения приносимого ими вреда людям или их посевам; какие-либо животные одомашниваются или используются для охоты на других животных, какие способы практикуются для их умерщвления или одурманивания?

6. Предметы одежды; если это шкуры животных, то каким образом их носят; если (используется) шерсть животных или нити определенных насекомых, то способ прядения и ткачества этих материалов; если растительные материалы, то как их выращивают, вывязывают, превращают в платя? Покрой и изготовление одежды в целом, со всеми преимуществами и недостатками каждого отдельного элемента (костюма).

7. Различные предметы торговли, рост и производство каждой отрасли, с названиями предметов, если известны, и каков их оборот во внутренней торговле; стоимость рабочей силы, количество рабочих, вовлеченных в каждую отрасль.

8. Есть расхожее мнение, что обрезки и лоскутки красной ткани самых разных видов ежегодно отправляют из Англии в Китай, и что китайцы добывают из них красный пигмент. Если это правда, то какими способами добывают цвет?

9. Замечено, что некоторые вещества наиболее пригодны для окрашивания материй естественного происхождения; такие вещества животного происхождения лучше всего окрашивают шерсть и шелк, поскольку шерсть и шелк животного происхождения. Синий краситель, получаемый из вайды (лат. *Isatis tinctoria* Lin.)²⁷, [становится таким] благодаря опылению насекомыми. Не так ли это происходит с индиго? Не все ли известные сегодня красители получают из субстанций животного происхождения? Какое количество насекомых они привлекают?

10. Лучший способ производства индиго во внутренних районах Индостана, а также растение, из которого его добывают. Из индигоферы²⁸ или анила²⁹? Су-

²⁷ Вайда красильная (лат. *Isatis tinctoria*) – цветковое растение из семейства крестоцветных. Из вайды добывали синюю краску в Европе.

²⁸ Индигофера (лат. *Indigofera*) – род цветковых растений семейства Бобовые, из типичного представителя вида индигоферы красильной (лат. *Indigofera tinctoria*) добывали краситель индиго.

²⁹ Анил (лат. *Indigofera suffruticosa*) – другой представитель рода индигоферы, цветковое растение семейства бобовых, распространенное в тропическом и субтропическом климате Северной и Южной Америки.

ществуют ли правила добычи? Когда растение достаточно созревает и сколько времени ему требуется?

11. Производят ли здесь ткани изо льна и пеньки, какие другие материалы используются для прядения и ткачества в Индии кроме хлопка? Что применяется для того, чтобы окрасить хлопок в желтый или коричневый цвет, как в Бомбее? Такую ткань изготавливают для облачений мужчин-священников, или как их называют, браминов?

12. Описания и рисунки инструментов и механизмов, используемых китайцами и индийцами для очистки хлопка от семян.

13. Европейская сафра (кобальтовая синь) используется китайцами для окрашивания голубого фарфора или они берут какую-то свою [краску]? Если свою, то как она называется и изготавливается? Возможно, она лучше нашей, раз полагается для [посуды] богатой китайской знати.

14. Изготовление маринада или кетчупа, называемого соевым [соусом]. Ее делают из Сои культурной (лат. *Glucine max*)? Добавляют ли соль, ячмень, пшеницу, и в каких пропорциях?

Раздел III. Метеорологические наблюдения, Еда, Образ жизни, Животная экономика³⁰

*И каждый край, одно из благ избрав,
На нем основывает свой устав.*

*Оливер Голдсмит, Путник, или Взгляд на Общество*³¹

1. Всегда полезно вести регулярные метеорологические записи, используя хороший барометр и термометр, а также наблюдать в одно и то же время за направлением ветра, его силой или скоростью, [измерять] количество осадков, размер градин, возникновение, таких явлений в атмосфере воздуха, как северное сияние, огненные шары, гало (яркие круги вокруг солнца и луны), а также эффекты подобные грому, молнии и проч.

2. Путешественнику следует также отмечать сезонные урожаи, различные плоды и типичные для каждой местности продукты, время посевов или посадок, точно также, как и сбора урожая, созревания пшеницы и проч., цветения деревьев и кустарников.

3. Можно вести записи о распространенных (в данной местности) заболеваниях, свойственных каждому времени года, причинах, которые их вызывают или средствах исцеления от них, практикуемых способов лечения.

4. Возникают ли иные болезни из-за вредных испарений растений или деревьев? Возможно, контакт с некоторыми деревьями или растениями во время их рубки или сбора наносит вред здоровью? Могут ли испарения лавра калифорнийского или босвении быть ядовитыми?

5. Какие симптомы появляются после укуса ядовитых змей, рептилий или насекомых? Существуют ли противоядия от укусов или, возможно, яд одной змеи может остановить действие яда другой? Что обычно используется в качестве противоядия? Может ли запах мускуса или кирказона³² отпугивать змей и летающих насекомых? Способен ли такой запах убить змей?

³⁰ Животная экономика (англ. *Animal economy*) – область знания о поведении и способах разведения животных, используемых в сельском хозяйстве и экономике.

³¹ Пер. А. Парина. См. Голдсмит 1978: 5.

³² Мускус – сильно пахнущее вещество, вырабатываемое железами некоторых животных или получаемое из некоторых растений. Изначально слово мускус относилось только к веществу, добытому из кабарги. Кирказон, аристолохия (лат. *Atis-*

6. Используется ли *pedra de cobra*³³ как противоядие от укусов других змей и с каким успехом? Каковы его лечебные свойства и применение?
7. Способы разведения домашних животных. Какие животные подвергаются кастрации и каковы последствия этого, как долго применяется данный обычай с момента его появления?
8. Заслуживает описания, где и каким образом распространена полигамия, постоянная или временная, и каковы последствия такого обычая, какие сопровождают ее религиозные и гражданские обряды, каков процент практикующих, в каких регионах. Препятствует ли полигамия поискам жены для некоторых мужчин и проходят ли эти поиски среди соседних народов? Где практикуется обычай, когда одна женщина является супругой нескольких мужчин в течение своей жизни?
9. Точные подсчеты рождений и смертей в провинциях или городах, соотношения мужчин и женщин, - все это очень ценные сведения.
10. Оснащаются ли здания или корабли громоотводами по методу доктора Франклина³⁴, случались ли пожары из-за попадания в них молнии?
11. Лечат ли венерические заболевания чем-то кроме ртути? Если да, какими средствами?
12. Каким заболеваниям подвержены рабочие на фабриках?

Раздел IV. Зоология

Природа не старается подогнать свои создания под одну мерку; напротив, она любит похвастаться разнообразием

*Луций Анней Сенека, Исследования природы*³⁵

1. В данном разделе естественной истории наши познания следовало бы направить на тщательное изучение четвероногих, а именно, период, на который приходится спаривание и вынашивание плода, сколько особей родится за раз, как часто в течение года; в каком возрасте особи фертильны или бесплодны, где находится их основной ареал обитания и [располагаются] логова, обеспечивают ли плотоядные самцы своих самок в период выращивания потомства; как долго молодые особи находятся под защитой взрослых; какого возраста достигают каждые виды?
2. Необходимо выяснить, наблюдал ли когда-нибудь человек спаривание слонов, что считается невозможным. Говорят, что дикие слоны, увидев человека, немедленно поднимают страшный шум и не позволяют ни одному любопытному уйти живым. И хотя многие индийцы имеют прирученных слонов обоих полов, они никогда не наблюдают за свадебными играми животных. Каковы особенности африканских и индийских слонов? Все ли жевательные зубы одинакового размера и плоской формы или они имеют несколько клыков, как плотоядные животные? Меняются ли их зубы или они постоянные?

tolochia) – род многолетних трав, содержащих кислоту, которая обладает канцерогенным, мутагенным и нефротоксическим действием.

³³ *Pedra de Cobra* – собирательное название оберега, которому приписывают лечебные свойства, защиту от сглаза и противоядие от змеиного укуса; русскоязычный аналог - «куриный бог». Обычно таким предметом становился найденный камень с редким круглым отверстием в центре.

³⁴ «Франклиновские стержни» - устройство, предназначенное для защиты зданий и сооружений от разрушительного воздействия молнии во время грозы, предложенное Бенджаменом Франклином в 1752 г.

³⁵ Пер. с лат. Т.Ю. Бородай. См. Сенека: Кн. 7. Гл. 27.

3. Как много существует видов тигров, как их называют, и в том числе леопардов, пантер, ирбисов и проч. в Индии, и какие есть постоянные отличительные признаки у них в разные периоды жизни? Какие еще представители семейства кошачьих обнаружены в Индии, какими отличительными признаками они обладают?
4. Обладают ли шакалы (лат. *canis aureus* Lin.) каким-либо сходством с черной лисицей? Каких животных арабские авторы называют *banatel-auvi*?
5. Обитают ли броненосцы (лат. *Daupodes* Lin.) в Азии или Африке? В каких регионах? Каковы их характерные черты?
6. Следует подмечать, когда различные представители птиц начинают образовывать пары, где, когда и из каких материалов они строят гнезда; какого цвета, размера и в каком количестве откладывают яйца; как долго длится инкубационный период, чем кормятся молодые птенцы, в каком возрасте они вылетают из гнезда; чем отличаются мужские и женские особи в разном возрасте и в разное время года.
7. Не стоит пренебрегать наблюдениями за миграцией птиц, однако исчезновение птиц в одной части страны еще не стоит называть миграцией, поскольку мы часто можем видеть, как птицы меняют место обитания в зависимости от конкретного времени года и от предпочитаемого корма, который в одной части страны может быть более питательным, чем в другой. Под миграцией понимается перемещение на обширные расстояния или континенты. Если птица замечена во время морского путешествия, следует зафиксировать ее видовую принадлежность, направление ее перелета, расстояние до суши, широту и долготу.

*Но более разумные из птиц
Собираются в бесчисленные стаи,
И сообщца прокладывают путь
Они везде через моря и степи.
Среди ветвей весь день щебечут птички,
А соловья торжественная песнь
С закатом дня не умолкает даже.
Легко скользя по лону светлых вод
И изогнув величественно шею
Меж белых крыл, на мантию похожих
Сребристую, плывет прекрасный лебедь
Иль на крылах возносится могучих
Он к небесам в воздушную обитель.*

*Мильтон, Потерянный рай*³⁶.

В северных широтах полезно проследить, когда впервые появляются ласточки и когда они улетают, а также в каком климате они оказались, пребывают они в спячке или в активном состоянии, с упоминанием их видовых и отличительных особенностей.

8. Каких животных или птиц запрещено убивать и по каким причинам?
9. Некоторые степные птицы приручаются и используются для охоты. Как их обучают и чем они отличаются между собой по размеру, строению тела, оперению, особенностям и именам?
10. Каковы оперение, ареал обитания, характер у индийских воронов (лат. *Vuceros* Lin.) и чем они кормятся?
11. Действительно ли певчие птицы (лат. *trochilus* Lin.) в Индии и Китае имеют длинные нитеобразные языки, состоящие из двух полукругов?

³⁶ Пер. с англ. О.Л. Чюминой. См. Мильтон 1899: 80.

12. Каковы исключительные особенности настоящего дикого павлина? Существуют ли белые павлины как отдельный вид в Индии? Различаются ли по своей окраске перья у диких павлинов или это следствие одомашнивания вида? Встречаются ли среди белых павлинов особи с серыми и зелеными перьями и какого окраса перо у молодых особей?

13. Можно ли встретить в индийских морях рыбу щетинозуба (лат. *sciaena jaculatrix*), отличную от описанной у Линнея (лат. *chaetodon rotatus* Lin.)³⁷? Верно ли, что она убивает насекомых струей воды изо рта³⁸ и типично ли это других рыб?

14. Обладает ли электрический скат (лат. *rajah torpedo* Lin.) теми же электрическими свойствами, что и электрический угорь (лат. *gymnotus electricus*)?

15. Поскольку по-прежнему требуется достоверное описание морской коровы (лат. *trichechus manatus* Lin.) крайне желательно предоставить качественную иллюстрацию живой особи, или анатомированной и составить наблюдение о внутреннем устройстве этого вида, выяснить, совпадает или отличается организм этого вида от близких животных, таких как тюлень, дельфин и другие.

16. В какое время года разные виды рыб начинают метать икру и в каких реках, заливах, отмелях они останавливаются для этой цели. Какого возраста они достигают к этому моменту, каков их размер и длина, что они едят. Каким образом вылавливают этих рыб, как используют, какова их ценность.

17. Какие виды бабочек из тех гусениц, что одомашнены в Китае, дают крепкий серый шелк и как организовано производство ткани?

18. Обитают ли гремучие змеи в Индии, Китае и любых частях света кроме Америки?

19. Не следует пренебрегать образцами тех растений, что произрастают на морском дне, а именно различными видами водорослей, в которых нередко можно встретить маленьких крабов, креветок и разных морских насекомых или червей, иногда ракушки и коралловые мхи.

20. Разнообразные животные, населяющие раковины, заслуживают глубокого изучения, так как могут быть открыты новые виды. До конца неясно, аргонавт на самом деле имеет раковину или он лишь использует их, как некоторые крабы с другими ракушками. По-прежнему неизвестно, является ли аргонавт животным или каракатицей, увеличивающей свою раковину. Совершенно не изучены моллюски.

21. Можно поставить эксперименты и выяснить, почему жемчуг не имеет такой конкреционной формы в раковинах, где его обнаруживают; как камешки из жемчужных крабов и речных раков, которые собирают щелочные или известковые субстанции из пещи, которой питается животное, чтобы образовать новую раковину или вырастить новый слой из своих раковин. Раковины с жемчугом постепенно вырастают в течение года или только однажды в определенное время?

22. Следует особенно внимательно отнестись к раковинам, таким как пурпуровая багрянка и родственные ей виды, которые содержат красный или пурпурный сок – пригоден ли он для окрашивания и протравы в пурпурный цвет, как это описано у древних? Окрашивание постоянно или нет и какой метод изго-

³⁷ Меднополосатый хелмон (лат. *Chelmon rostratus*) - вид тропических морских рыб из семейства щетинозубых (лат. *Chaetodontidae*) отряда окунеобразных. Отличительной чертой являются яркая желтая полоса и длинный вытянутый «нос».

³⁸ Описываемое поведение типично для другого вида – полосатого брызгуна (лат. *Toxotes jaculatrix*). Щетинозуб питается мелкими водяными животными, которых добывает при помощи своей удлинненной морды между камней. Ихтиологи путали брызгуна и щетинозуба вплоть до конца XIX в. См. Брандт 1891: С. 773.

товления и нанесения краски используют индийские народы? Де Ульоа³⁹ в первом томе своих Южно-американских путешествий, на странице 182 сообщает о том, что одна из таких раковин была обнаружена в Панамском перешейке, а Ян Планко, известный как Джованни Бьянки⁴⁰, в своей работе о ракушках упоминает что (лат. *turbo scalaris* Lin.) использовался римлянами для получения фиолетового пурпура.

23. [Требуются] описания и иллюстрации разных кораллов, коралловых мхов, губок, эхинов, каракатиц и голотурий, как и всевозможных моллюсков, полипов кораллов. Все они заслуживают внимания натуралиста, так как лишь некоторые из них хорошо описаны.

Раздел V. Ботаника

Хотя существует много явлений, не имеющих собственно прямого отношения к [медицинским] наукам, но они помогают изучению последних, стимулируя мысль ученого. Таким образом, созерцание явлений природы, хотя и не создает врача, но делает его более подготовленным к занятию медициной

Авл Корнелий Цельс, О медицине⁴¹

1. Стоит собирать семена почти всех индийских растений, хранить их следует так, как описано в разделе III.
2. Какие деревья плодоносят миробаланом (разновидность сливы), которую [ранее] использовали в лекарственных целях, но сейчас мало ценят в медицине? Быть может, [растению] найдется применение в качестве красителя? Какие виды деревьев приносят плоды миробалана беллирики, хебулы, цитрины, индийской и черной?
3. Алойное дерево, ароматическое дерево и *Agalloch*⁴² это все одно и то же растение или разные? В каких местах произрастает, каковы его родовые и видовые характеристики?
4. Обнаруженный на Мадейре орсель или лакмусовый ягель (*Lichen rocella*, Linn.) и используемый как красный краситель, представляет собой разновидность лишайника или зоофита? Вымачивания его в урине достаточно для приготовления (красящего раствора)?
5. Где произрастает родиола розовая? Является ли она разновидностью ночного жасмина или индийского жасмина?
6. К какому роду принадлежит чайное дерево, из которого изготавливают чай, и какие существуют виды?
7. Что такое тиковое дерево, растущее на Малабарском побережье, из которого индийцы строят корабли? Верно ли, что ему не наносят вреда пашени, морские черви (лат. *teredo* Lin.)?
8. Различные виды бобовых – бобы, фасоль и другие разводят на мысе Доброй Надежды и экспортируют в Индию. Какие еще культуры выращивают на мысе Доброй Надежды и отправляют в холодильных камерах на европейских кораблях?

³⁹ Антонио де Уальоа (1716–1795) – испанский морской офицер, геодезист и астроном, автор «Путешествия в Южную Америку». См. Ulloa 1760.

⁴⁰ Джованни Бьянки, Ян Планко (1693–1775) – итальянский врач, анатом, зоолог, автор нескольких медицинских трактатов.

⁴¹ Пер. с лат. В.М. Боголепова. См. Цельс 1959: URL: <http://simposium.ru/ru/node/10580>

⁴² Алойное дерево или агаровое дерево - род древеснистых растений семейства Асфоделовых или Волчниковые (*Thymelaeaceae*). имеет репутацию самого дорогого дерева в мире, использовался для изготовления высококачественных благовоний, в традиционной китайской медицине.

9. [Представляют интерес] различные виды пальмовых деревьев, климат и почва [благоприятные для них], какие названия дают им коренные народы и как они их используют: древесину, плоды, листья и проч.
10. К какому роду и виду принадлежит трава, называемая *Tatack*? Где она произрастает кроме Мадагаскара, Явы, Малайских островов и Французском острове Бурбон? В целом какие травы произрастают в этом регионе и климате, какова [подходящая] почва, какой домашний скот нуждается в ней более других?
11. Какое растение приносит плоды знаменитого индийского нута, который обладает тонизирующими свойствами и чрезвычайно дорого стоит, продается за три сотри фунтов? В каком регионе его выращивают, какая необходима почва, реальны или воображаемы его целебные свойства?
12. Корень колумбо⁴³, названный португальцами *Raiz de Mozambique*, произрастает в Азии, но был перевезен на о. Цейлон, где возделывается неподалеку от города Колумбо, а сейчас им снабжают всю Азию голландцы. Отличается ли он от корня Лопеса или лопеции, если да, каковы особенности каждого?
13. Описание мелких круп, которые выращивают на полях побережья Короманделя индийцы после сбора риса, со всеми мельчайшими подробностями культивации и устройства систем орошения.
14. Дерево или растение из Кохинхины, которое называют *tsau* и из которого путем ферментирования, подобно индиго, получают насыщенный краситель зеленого оттенка, высыхая он приобретает оттенок прекрасного изумруда. Следует узнать метод изготовления краски и все используемые дополнительно субстанции для фиксации цвета, а также необходимый инвентарь.
15. Дерево птерокарпус (лат. *pterocarpus draco* Lin.), которое у Коммелина называется *Draco arbour siliquosa populi folio*⁴⁴, и *Lyngoum Rumph.* связанные между собой виды или отдельные?
16. Какому роду растений принадлежит истинный эбонит? Это розовое дерево?
17. Множество видов риса из Индии: красный, с красной кожурой, малый, с тонким, продолговатым зерном, рис долгой готовки, с круглым зерном, сухой рис, который растет в сухих почвах и не требует много влаги, обыкновенный рис – все эти разновидности относятся к одному виду или разным? Следует описать культуру выращивания, характер и образцы каждого, если это отдельные виды.
18. Каучук, как называют его коренные народы Кайенны в Южной Америке, или *borgachio* по-португальски, из которого китайцы делают кольца для сладострастных целей, но здесь используются хирургами для инъекций растворов, а художниками для стирания следов от карандаша. Выращивают этот каучук в Индии или Китае, из какого растения добывают, каким образом и какие есть разные способы? Это растение *Euphorbia* или *Arosunum*?
19. Какие растения выделяют мирру и аммониак и как их собирают?
20. Какое растение служит источником *gummi rubrum astringens*⁴⁵ из Гамбии?

⁴³ Колумба, ятрориза (лат. *Jatrohiza palmata* (Lam.) Miers) - многолетнее травянистое растение, зимующее посредством подземного толстого, мясистого, очень большого корня, развивающего небольшие ярко-желтые ветви. Порошок из высушенного корня использовался в медицине для приготовления лекарств при желудочно-кишечных расстройствах (прим. переводчика).

⁴⁴ Вероятно, имеется в виду издание Commelijn 1697

⁴⁵ Такое название носила камедь, или кино – сок или смола некоторых тропических деревьев, привезенная из Гамбии, использовалась как вяжущее средство в медицине.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брандт Э.К. Брызгун // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. т. IV а. С. 773. [Brandt E.K. Bryzgun (Blow-gun fish) // Enciklopedicheskiĭ slovar' Brokgauza i Efrona. SPb.: Semenovskaya Tipolito-grafiya (I.A. Efrona), 1891. t. IV а. S. 773.]
- Голдсмит О. Избранное. М.: Художественная литература, 1978. 302 с. [Goldsmith O. Izbrannoe. () М.: Hudozhestvennaya literatura, 1978. 302 s.]
- Гораций // Русская планета. [Goracij (Horace) // Russkaya planeta] URL: http://www.russianplanet.ru/filolog/horatus/carmina/1_03.htm
- Луций Анней Сенека. Исследования природы / Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2001. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1372554507#26> [Lucij Annej Seneka. Issledovaniya prirody (Natural questions) / Filosofskie traktaty. SPb.: Aletejya, 2001]
- Мильтон Дж. Потерянный и Возвращенный Рай. Поэмы Д. Мильтона. СПб.: Тип. журнала «Родина», 1899. 172 с. [Mil'ton Dzh. Poteryannij i Vozvrashchennyj Raj. Poemy D. Mil'tona. (Lost and Regained Paradise. Poems of J. Milton) SPb.: Tip. zhurnala «Rodina», 1899].
- Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: «Наука», 1978. 271 с. [Publij Ovidij Nazon. Skorbnnye elegii. Pis'ma s Ponta. (Sorrows. Letters from the Black Sea) М.: «Nauka», 1978. 271 s.]
- Carver J. Travels Through the Interior Parts of North America, in the Years 1766, 1767 and 1768. London: C. Dilly, 1781. 644 p.
- Commelijn (Commelin), J., Horti medici Amstelodamensis rariorum tam Orientalis (1697-1701) Horti Med. Amstelod. vol. 1 (1697). t. 109.
- Donovan E. Instructions for collecting and preserving various subjects of natural history; as animals, birds, reptiles, shells, corals, plants, &c. Together with A treatise on the management of insects in their several states; selected from the best authorities. London : printed for the author; and sold by Messrs. Rivingtons, 1794. 86 p.
- Ellis J. Directions for bringing over seeds and plants, from the East-Indies and other distant countries, in a state of vegetation : together with a catalogue of such foreign plants as are worthy of being encouraged in our American colonies, for the purposes of medicine, agriculture, and commerce, 1770. London: Printed and sold by L. Davis, printer to the Royal Society, opposite Gray's-Inn, Holborn, 41 p.
- Graves G. The Naturalist's Companion: Being a Brief Introduction to the Different Branches of Natural History, with Approved Methods for Collecting and Preserving the Various Productions of Nature. London: Longman &c, 1824. 335 p.
- Hickman C. The Doctor's Garden: Medicine, Science, and Horticulture in Britain. New Haven (US) & London (UK): Yale University Press; 2021. 238 p.
- Hunting P. Dr John Coakley Lettson, Plant-Collector of Camberwell // Garden History. 2006. Vol.34. № 2. P. 221-235.
- Johnson S. No 5. A meditation on the Spring. Samuel Johnson Essays. URL : <https://www.johnsonessays.com/the-rambler/no-5-a-meditation-on-the-spring/>
- Lettson J.C. The naturalist's and traveller's companion, containing instructions for collecting and preserving objects of natural history and for promoting inquiries after human knowledge in general. London: printed for the author, and sold by George Pearch, Cheapside, 1772. 69 p.
- Lettson J.C. The naturalist's and traveller's companion, containing instructions for collecting and preserving objects of natural history and for promoting inquiries after human knowledge in general. London: E. and C. Dilly, 1774. xvi, 89 p.
- Lettson J.C. The naturalist's and traveller's companion, containing instructions for collecting and preserving objects of natural history and for promoting inquiries after human knowledge in general. London: C. Dilly, 1799. ix, 102 p.
- Lettson J.C. The naturalist's and traveller's companion, containing instructions for collecting and preserving objects of natural history and for promoting inquiries after human knowledge in general. London: Cambridge University Press, 2015. xvi, 215 p.
- Lettson J.C. The naturalist's and traveller's companion, containing instructions for collecting and preserving objects of natural history and for promoting inquiries after human knowledge in general. London: Gale Ecco, Print Editions, 2018. 76 p.
- Lettson J.C. The natural history of the tea-tree, with observations on the medical qualities of tea, and on the effects of tea-drinking. London: C. Dilly, 1772. 102 p.

- Lynch D. Bugs in Books / Manuscript Albums and their Cultural Contexts / Ed. by Janine Drose, Janina Karolewski // *Studies in Manuscript Cultures*. 2024. Vol. 34. P. 167–188.
- Parkinson S. A journal of a voyage to the South Seas, in his Majesty's ship the Endeavour: faithfully transcribed from the papers of the late Sydney Parkinson, Draughtsman to Sir Joseph Banks, Bart. in his Expedition with Dr. Solander round the World/ ed. by J.C. Lettsom. London: printed for Charles Dilly, in the Poultry; and James Phillips, in George-Yard, Lombard-Street, 1784. xxiii, 353 p.
- Richards Th. The imperial archive: knowledge and the fantasy of empire. L.; N.Y.: Verso, 1993. viii, 179 p.
- Sigrist R. On some social characteristics of the Eighteenth-century botanists // *Scholara in Action. The Practice of Knowledge and the Figure of the Savant in the 18th century*/ ed. by A. Holenstein, H. Steinke, M. Stuber. Brill: Leiden and Boston, 2013. P. 205–234.
- Travel and tourism in Britain, 1700–1914 / Ed. by Susan Berton. L.; N.Y.: Routledge, 2016. Vol. 1. 476 p.
- Ulloa A. De, Jorge J. A Voyage to South America. London: L. Davis and C. Reymers, 1760. 2 vols; ii-xx, 4pp, 498 p.; 4 p, 410 p. 18 p.

Шипицына Юлия Сергеевна, ассистент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета, г. Екатеринбург; shipitsyna.phd@gmail.com

“The naturalist's and traveller's companion”: attempt of translation⁴⁶

The article is devoted to unusual source of the English scientific culture in the 18th century. “The naturalist's and traveller's companion” (1772) collects under its cover the list of instructions on interaction with the world of nature and the index of questions, which should be answered by a reader in the process of this interaction. The source is the example of popular edition, on the one hand, introducing unprofessional scientists to the world of science, but on the other hand, helpful to integration of the potential advantages of this world to the society. “The Companion...” demonstrates such approach to perception, which is connected with the principle of universal watching, along with author's intention to motivate his reader with idea of attendance to the good of common. The fragments of the source is published in the Russian language in first.

Key words: John Coakley Lettsom, “The naturalist's and traveller's companion”, natural history

Shipitsyna Yulia Sergeevna, assistant of the Chair for Foreign regions studies of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

⁴⁶ The research was supported by The Russian Science Fund (project № 22-18-00488 «The Crisis of Values and the Coping Strategies: the Idea of the "Common Wealth" in the Intellectual discourse of Britain and Russia (1650-1750)»

А.Б. СОКОЛОВ

РОБЕРТ И ХОРАС УОЛПОЛЫ: ПОЛИТИК И ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

Данная публикация является рецензией на монографию Н.С. Креленко «Отражение культурной жизни эпохи Просвещения в письмах, книгах и домах Хораса Уолпола» (2023). Главная мысль автора состоит в том, что Уолпола-младшего неправомерно считать дилетантом, как полагал ряд известных авторов, он не тень своего отца, а деятель культуры, внесший значительный вклад в публицистику и литературу, коллекционирование произведений искусства, архитектуру и даже историографию. Через призму его биографии представлена широкая панорама культурной жизни Англии в эпоху Просвещения.

Ключевые слова: Роберт Уолпол, Хорас Уолпол, Просвещение, готические мотивы, предромантизм, коллекция, литература.

Монография доктора исторических наук, профессора Натальи Станиславовны Креленко является продолжением ее исследований по истории Англии в новое время, по истории европейской культуры. Выбор в качестве ключевой фигуры Хораса Уолпола, сына известного политического деятеля, создателя кабинетной системы, первого премьер-министра Великобритании Роберта Уолпола, представляется правомерным. С одной стороны, он широко известен как выдающийся деятель культуры Просвещения и писатель, с другой стороны, пристального внимания историков не привлекал, оставаясь в тени своего более знаменитого отца. Рассматриваемая книга – это первая русскоязычная историческая монография о нем, написанная с интересом и симпатией к Хорасу Уолполу. Однако Н.С. Креленко поставила более масштабную и сложную задачу, чем просто воспроизвести биографию своего героя. Через призму его произведений, взглядов и деяний она раскрывает явления культурной жизни в английском, отчасти в более широком европейском контексте. Отличительной чертой монографии является тщательная работа с главным источником – сочинениями Х. Уолпола. Автор последовательно «защищает» его от тех, кто видел в нем не более чем дилетанта, а это такие корифеи, как Т. Маколей или Й. Хейзинга.

Разумеется, Н.С. Креленко нельзя напрямую назвать представителем исторической школы Юрия Михайловича Лотмана, хотя бы потому, что в центре творчества мэтра была русская, а не британская культура. Тем не менее, некоторые общие черты присутствуют: как Лотман, она искусно исследует черты общественной, отчасти политической жизни Англии через явления культуры, обращаясь к литературе, живописи, архитектуре, обнаруживая в этих проявлениях черты эпохи. Работа о Просвещении актуальна в современном контексте. Известно, что идеи и труды просветителей привлекли большое внимание советских историков, которые вслед за основоположниками марксизма трактовали их как воплощение передовой буржуазной, либеральной и светской идеологии,

как громадный подъем философии и культуры. В настоящее время акценты смещаются: в обществе и пропаганде наблюдается тенденция к отторжению либерализма, к отходу от представлений об общеевропейской культуре в пользу национального своеобразия и самобытности. В этих условиях появление научного, не ангажированного исследования об английском Просвещении можно приветствовать. Н.С. Креленко не углублялась в различия оценок феномена Просвещения, в т.ч. в традиции «осуждения» XIX века (Т. Карлейль, А. Токвиль, особенно И. Тэн), или в современной историографии (книга Р. Шартье «Культурные истоки Французской революции»). Она ограничилась общей оценкой, подчеркнув рационализм просветителей: «Возможность пользоваться своим умом, самостоятельно мыслить порождала множество мнений»¹ (6). Впрочем, не стоит ставить автору в упрек отсутствие тщательного историографического обзора о Просвещении, в т.ч. английском. Возможно, это могло сместить повествование в сторону от основной темы, даже изменить его жанр и стиль. Хотя понять отсутствие в списке литературы «Писем об изучении и пользе истории» лорда Болингброка, о котором немало в монографии сказано, трудно.

О стиле стоит сказать особо. Книга читается легко, она привлекает живостью изложения, образностью, многими любопытными деталями. Если воспользоваться теорией тропов знаменитого американского теоретика историописания Хейдена Уайта, то можно утверждать, что важным языковым средством конструирования текста является ирония (не важно, осознанно использует этот прием автор, или нет). Карл II благополучно пережил первое десятилетие царствования, несмотря «на такие неприятности, как эпидемия чумы, большой пожар, уничтоживший центр Лондон, поражение в войне с Голландией» (11). Георг I «отправился на «малую родину» в Ганновер и по пути туда умер» (21). «Вестник дерзнул прервать послеобеденный отдых Георга» (22). «Пышные и шумные застолья, которые завершали охотничьи вылазки хозяина и его гостей» (26). «Признанный обличитель общественных пороков Свифт на протяжении нескольких лет жизни имел при себе двух женщин» (27). «Бахус, древний бог, столь почитаемый хозяином и его друзьями» (33). «Кофейни, специализированные заведения общественного питания» (36). О Свифте: «Уолпол обзавелся разоблачителем всех сторон своей общественной и частной жизни» (38). «Клубмены-виги занимались тем же, что и их торийские коллеги: ели, пили, разговаривали «о разном», играли в азартные игры» (40). Леди Монтагу «обладала неистребимой склонностью к интригам, ухитрялась создавать вокруг себя конфликтные ситуации, жертвою которых часто становилась сама» (46). Струберри – «любимый долгострой Уолпола-младшего» (247). Примеры использования иронии можно продолжать.

Другая черта стилистики книги в том, что автор не скупится на колоритные эпитеты и определения: Например, о Р. Уолполе: «Джентль-

¹ Креленко 2023: 6. Далее номера страниц указываются в тексте в круглых скобках.

мен, неплохо образованный, энергичный, много пьющий, любящий охоту, ценивший и собиравший произведения искусства» (25). Можно подумать, что в некоторых случаях автор книги неудачно вставила в текст устоявшиеся выражения из другой (нашей) эпохи, но полагаю, что это добавляет ему комические и даже сатирические нотки. Что же, сам Хорас любил шутить, как положено англичанину.

В идеологическом отношении монография Н.С. Креленко относится к традиционному и пока преобладающему в отечественной историографии всеобщей истории либеральному направлению. Об этом свидетельствует отношение к Просвещению, но в большей степени к Роберту Уолполу. Простительно, что в книге нет тщательного анализа историографии по этому деятелю – в конце концов, не он объект специального интереса автора. Кроме того, Н.С. Креленко перевела ракурс из политической плоскости в нравственную, обсуждая Уолпола-старшего как представителя дворянской элиты. Он «решительный, энергичный, прозорливый политик» (23). Если он «небрезглив в финансовых делах», то это было обычным явлением, его торийские оппоненты, начиная с Болингброка, вряд ли честнее. В книге приведено «сниходятельно-доброжелательное» суждение о Р. Уолполе, высказанное Д.Р. Грином: «Он был невеждой в литературе, не любил ни читать, ни писать, питал некоторую слабость к искусству, но любил по-настоящему только стол, бутылки и охоту» (28). Это мнение Н.С. Креленко опровергает, хотя сама несколько раз упоминает о «буйных застольях» в его доме.

Одной из сильных и самых привлекательных черт рассматриваемой монографии является умение автора «вплести» в ткань повествования анализ визуальных источников. Портрет или архитектурное сооружение становится для нее средством раскрыть характер своего героя, и это, как правило, выглядит убедительно. На портрете Д. Вуттона и Д. Ричардсона Уолпол-старший «в окружении своры охотничьих собак. Он стоит, широко расставив ноги, придерживая ружье, на заднем плане видны деревья и всадники. На лице откровенно написано довольство собой и миром» (26). Описание Хоутон Холла, поместья премьеры, подтверждает: «Пышные празднества вызывали восхищение и возмущение окружающих. Современники много и хлестко высмеивали образ жизни, манеру поведения, внешний облик Роберта Уолпола за избыточную, можно сказать, барочную чрезмерность во всем, граничащую с простодушной хвастливостью» (31). На портрете Г. Неллера у премьеры «лицо приятное, еще не отяжелевшее, но уже исполненное чувства собственной значимости» (38). Собственно, эти описания подтверждают ироничное отношение Н.С. Креленко к сэру Роберту. На групповых портретах членов «Общества дилетантов» кисти Д. Рейнольдса «на переднем плане изображен стол, на котором лежит открытый книжный фолиант с изображением амфор, свободное пространство занято бокалами с вином». На другом портрете «веселая компания» сидит за столом, «заставленном разной снедью» (42). Такой же прием автор успешно использует в отноше-

нии Хораса Уолпола. В Италии «чуткая» художница Р. Каррьера «умела передать тонкие оттенки настроений своих моделей. Молодому Уолполу в ту пору было, о чем задуматься и о чем тревожиться» (69). Автор монографии тщательно изучила процесс строительства любимого детища – резиденции Стоуберри Хилл, ставшей образцом «неоготики». И в этом случае в проекте Хораса реализовались его жизненные планы и сформировавшиеся привычки: «Изначально было задумано, чтобы в доме было удобно хозяину и его коллекциям». Хорас «воспринимал себя, прежде всего, частным человеком, четко отделявшим свой мир от шумного общества политических коллег и местных сквайров» (99). Я согласен, что всякий автор имеет право на собственное восприятие визуальных источников, хотя полагаю, что учет контекста (точного времени и обстоятельств создания произведения искусства) может добавить убедительности. Это как раз удалось Н.С. Креленко, когда она рассказывала о конфликте Хораса с Томасом Чаттертоном. Юный фальсификатор рукописей был превращен поэтами-романтиками в романтического героя и образец «творческой личности». В этом контексте уместна характеристика картины Г. Уоллиса «Смерть Чаттертона» (1856) (212). К сожалению, в рассматриваемой монографии отсутствуют иллюстрации, а они более чем уместны, если речь о живописи как историческом источнике.

Есть мнение, что Роберт Уолпол собирал свою коллекцию далеко не только из соображений политического престижа. Как пишет современный английский автор, он был «культурным и в высшей степени образованным человеком», это отличало его от многих коллекционеров из числа монархов и аристократов². Как известно, коллекция из Хоутона была в 1779 г. закуплена Екатериной II и стала частью собрания Эрмитажа. Н.С. Креленко отметила, что в 2013 г. эти картины вывозились для выставки в бывшем поместье сэра Роберта. Видимо, в ее распоряжении не было официального альбома (в библиографии он отсутствует), в котором представлены не только иллюстрации произведений и интерьера, но и научные статьи. Продажа родственниками коллекции была для Хораса не просто неожиданностью; «она представляла собой самое нездоровое вторжение усиливавшейся Российской империи в его личное пространство. Его предубежденность против России, в целом, отражала мнение многих его современников, увидевших угрозу престижу Англии из-за непреодолимо соблазнительных и громадных богатств северной империи. Это рождало у него личную неприязнь к Екатерине II, для которой он придумал много прозвищ, в том числе, “Северное сияние”, “Крокодил”, “Великая узурпаторша”, “Великий Турок из Петербурга”, “Северная фурия”, “Тигрица”, “Полярная Медведица” и др.»³ В России коллекция сэра Роберта пострадала во время революции 1917 г., была захвачена вермахтом во время осады Ленинграда, но перевоз в Россию оказался спасением, так как оставшаяся часть погибла во время пожара

² Houghton Revisited 2013: 33

³ Houghton Revisited 2013: 43.

в Хоугоне в 1789 г.⁴ Возможно, об отношении Хораса к этому факту стоило рассказать подробнее.

Другая сильная сторона книги – привлечение внимания читателей к явлениям культурной жизни Европы и Англии XVII–XVIII вв. Так, Н.С. Креленко описывает лондонские кофейни и клубы как пространство социальной коммуникации. Отметив появление кофеен еще при Кромвелле, она указала на годы Реставрации как время их расцвета. Можно в дополнение выделить некоторые любопытные детали, в частности, отношение к ним правительства. У лорда Кларендона узнаем, что первоначально власти смотрели на кофейни с предубеждением, предлагая либо запретить их, либо наводнить агентами, по наводке которых будут арестовывать подозрительных, не в меру откровенных лиц. Позднее Карл II поменял решение: его убедили, что кофейни могут быть очень доходны для казны, а кофе полезно для здоровья⁵. Н.С. Креленко подчеркнула известный факт: в XVIII веке клубы создавались не только по интересам, но и служили для встреч представителей партий, вигов или тори. Другим примером культурной жизни были карнавалы, в т.ч. венецианский, на которых Хорас присутствовал во время пребывания в Италии, находясь в Большом туре. По мнению автора книги, главная функция карнавалов в том, что они «исправно выполняли свою роль, разряжая обстановку в обществе. Когда люди пьют, жуют, ахают и хихикают при виде акробатов и марионеток, – они заняты и довольны жизнью» (61). Интересно ознакомиться с описанием карнавала, его правил и обычаев (66–68). Особое значение для культурной жизни Англии Н.С. Креленко справедливо отводила театру. Даже английский парламент XVIII века она назвала главным театром Соединенного Королевства. «Это было зрелище для избранных» (35). Маленькая деталь, отражающая роль театра в жизни общества и отношение к нему Хораса Уолпола: он построил в своем парке коттедж для бывшей актрисы Китти Клайв и назвал аллею, которая к нему вела, Друри Лейн в честь знаменитого лондонского театра (121). Еще одно явление культурной жизни XVIII в. – парижские салоны, с которыми автор знакомит читателей, повествуя о втором посещении Франции Уолполом в 1765–1766 гг. Несомненно, привлекают страницы книги, посвященные ведущим тенденциям развития культуры, например, возникновению «готического возрождения»; раскрыта роль Уолпола в этом процессе.

Н.С. Креленко обстоятельно и живо описала обстоятельства жизни своего героя, его склонности и увлечения. У Хораса рано проявился антикварный интерес к отечественной старине. Он объехал многие районы Англии для знакомства с архитектурными древностями, руинами замков, старинных вещей. Это способствовало увлечению готикой. Автор показала: он был хорошо знаком с творчеством наиболее известных британских историков XVIII века. В отличие от многих современников,

⁴ Houghton Revisited 2013: 43.

⁵ Соколов 2017: 397–398.

настороженно воспринявших Д. Юма, Уолпол высоко его оценил, проявил интерес к Э. Гиббону, Кэтрин Маколей, однако «нелицеприятно» охарактеризовал сочинение Т. Смоллета. Примечательно наблюдение Н.С. Креленко: отношение Уолпола к источникам трудно назвать профессиональным. Когда он разбирал архив семейства Конвей, то большую часть документов счел «скучными», и просто сжег (159). Однако Хорас был не просто «потребителем», но и автором исторических сочинений. Самым любопытным из них были «Исторические сомнения относительно жизни и правления Ричарда III», в котором он фактически покушался на главную тюдоровскую легенду, оправдывая этого последнего короля из династии Йорков от обвинений в ряде политических убийств, в т.ч. принцев, его племянников. Люди склонны следовать стереотипам, Уолпол это понимал: «Бессмертные сцены Шекспира будут существовать, когда мои скромные аргументы будут забыты. Ричарда будут обвинять на сцене, когда его защита останется на полке в библиотеке» (166). Другим историческим сочинением Хораса, отражавшим его интерес к искусству, были «Анекдоты о живописи в Англии».

Большое место отведено в книге тому, что в первую очередь осталось в памяти – литературному и эпистолярному творчеству Хораса: «Сочинять письма, повести, сказки, поэмы, путеводители, памфлеты было для Уолпола такой же естественной необходимостью, как посещение салонов, балов, маскарадов, театральных представлений» (160). Его переписка легла в основу «Мемуаров о правлении Георга II и Георга III. Н.С. Креленко подробно остановилась на обстоятельствах создания и содержании «Замка Отранто» и «Иероглифических сказок», на оценках этих произведений. Отдельный раздел книги посвящен типографии, которую Хорас Уолпол открыл у себя в поместье, выпущенным в ней сочинениям. Среди них Креленко сочла уместным прокомментировать записки о России в начале XVIII века английского посла Ч. Уинтворта. С моей точки зрения, ее суждения о его шпионской деятельности (такое мнение не единично, его высказывает Т.Л. Лабугина, на которую дана ссылка) неубедительны. Очевидно, что сбор сведений о стране пребывания был и остается задачей любой дипломатической миссии. Почему тогда не назвать «разведчиком», например, Б.И. Куракина, благо, «Архив кн. Ф. Куракина» дает тому многие доказательства.

Определенное место в книге отведено политике в жизни Уолпола. Он никак не проявил себя в парламентской деятельности. Будучи избранным от «гнилого местечка», он вообще не удосужился посетить его. В основном на основе эпистолярных источников в книге раскрыто отношение Хораса к современникам, в том числе коронованным: Елизавете Петровне, Фридриху II, Екатерине II. Из всех проявлений социального и религиозного протеста в Англии Н.С. Креленко интересуется, прежде всего, реакция ее героя на движение «Уилкс и свобода» и гордоновы бунты. Что касается международных «катаклизмов», войны за независимость в Северной Америке и Французской революции, то автору

«бросился в глаза рациональный подход при рассмотрении событий в североамериканских колониях и эмоциональное видение происходящего во Франции» (224). Подразумевается, что источником для восстания в колониях он считал ошибочное и несправедливое принятие Акта о гербовом сборе, а такие проявления революции, как казнь Людовика XVI и атеизм революционеров, вызывали у него гневное отторжение.

Наконец, отмечу такую важную особенность рецензируемой книги: она наполнена живыми и яркими литературными портретами людей, которые ближе всего были к Хорасу Уолполу в разные годы его жизни. Я бы сказал, что это сделано в традиции Кларендона. невозможно перечислить многих, отметим отдельные портреты, которые показались особенно верными психологически: Г. Манн, Т. Грей, семья Берри, Х. Мор. Однако некоторые формулировки вызывают вопросы. Долгие годы Хорас был дружен с Джорджем Селвином, буяном и «остроумцем». Однако утверждение, что того «отличали ярко выраженные некрофильские наклонности» (79), вызывает смущение. Некрофилия – это термин из психиатрии, имеющий вполне определенный смысл. Селвин действительно старался не пропускать публичных казней, но каждому известно, что на зрелища такого рода собирались тысячи людей разных состояний. Да, Э. Фромм использовал этот термин («Гитлер – классический случай некрофилии»), но в переносном смысле, как разрушительную тягу к убийству. Современный английский историк, специалист по казням в Новое время, подчеркивал, что эта страшная для нашего воображения процедура была чем-то вроде «перевернутого карнавала». Такие «джентльмены и гранды, как поэт Томас Уортон, Селвин, герцог Монтэгю» регулярно присутствовали на казнях, за что друзья шутливо называли их «компанией вешателей». Сам Уолпол в 1760 г. приветствовал публикацию детального описания смерти лорда Феррара (за убийство слуги), последнего казненного в Англии аристократа⁶. Чем руководствовался Селвин, «любопытством или философией, трудно определить, но он присутствовал на казнях всех известных преступников»⁷.

Нет сведений, что у Хораса были близкие отношения с какой-либо женщиной. Но, как указывает Н.С. Креленко, не было у него и «нетрадиционных половых интересов» (83). Охотно поверим. Но что это за «фрейдистски озабоченные современные исследования», о которых в этой связи упомянуто, хотелось бы знать, тем более, никаких сносок не предлагается. Допускаю, что бывают и «озабоченные». Но вынужден напомнить, что З. Фрейд, К. Юнг и их последователи внесли громадный вклад в историографию, и с 1960-х гг. психоистория существует как одно из важных направлений в исторической мысли, что давно доказал видный отечественный теоретик исторической науки Б.Г. Могильницкий⁸.

⁶ Gatrell 1996: 253.

⁷ Gatrell 1996: 262.

⁸ Могильницкий 1986; 2008.

Высоко оценивая труд Н.С. Креленко, не могу пройти мимо редакционной работы. В книге редко встречаются страницы, на которых нет опечаток или грамматических ошибок. Чтобы не быть голословным: поместье Уолпола Струберри превращается в Стоуберри (3, оглавление) и в Стоуберри (190). Кингс-Линн в Кинги-Линн (29). Тетушка Дороти, крестная Хораса, родившегося в 1717 г., похоронена в 1726 г., когда крестнику не исполнилось еще 10 лет (44). Пишу об этом с сожалением, так как знаю, как «замыливается глаз», когда вычитываешь собственный текст. Увы, приходится признать: в нашей стране культура издания в этом отношении упала по сравнению с советским временем, и главная причина – финансовая.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Креленко Н.С. Отражение культурной жизни эпохи Просвещения в письмах, книгах и домах Хораса Уолпола. М.: DirectMEDIA, 2023. 261 с. [Krelenko N.S. Otrazhenie kul'turnoj zhizni epohi Prosveshcheniya v pis'mah, knigah i domah Horasa Uolpola. (Reflections of Enlightenment Cultural Life in the Letters, Books, and Houses of Horace Walpole) M.: DirectMEDIA, 2023. 261 p.]
- Могильницкий Б.Г. Американская «психоистория»: претензии и реальность // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 49-62. [Mogilnitskiy B.G. Amerikanskaya psychistoriya: pretenzii i realnost (American "psychohistory": claims and reality) // Novaya I noveyshaya istoriya. 1986. N 1. S. 49-62].
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Выпуск III. Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. Раздел 5.3. [Mogilnitskiy B.G. Istoriya istoricheskoy myisli XX veka. (History of historical thought of the twentieth century) Vyipusk III. Istoriograficheskaya revoliuziya. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta, 2008. Razdel 5.3].
- Соколов А.Б. Кларендон и его время. СПб.: Алетейя, 2017. С. 397-398. [Sokolov A.B. Klarendon i ego vremya (Clarendon and his time) SPb.: Aleteya, 2017. S. 397-398].
- Gatrell V.A.C. The Hanging Tree. Execution and the English People 1770-1868. Oxford: University Press. 1996. XX+634 p.
- Houghton Revisited // The Walpole Masterpieces from Catherine the Great Hermitage. L.: Royal Academy of Art, 2013. 256 p.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Robert and Horace Walpole: Politician and Intellectual

This publication is a review on monograph of N. S. Krelenko "The Reflection of Cultural Life in the epoch of Enlightenment in Letters, Books and Houses of Horace Walpole". The main idea of the author is to show that it is wrong to present him as an amateur, what some distinguished historians supposed, he is not a shadow of his father. He is a representative of European culture who made important contribution to political literature and fiction, collecting works of art, architecture and even historiography. The wide panorama of the cultural life of England in the time of Enlightenment is presented through his biography.

Key words: Robert Walpole, Horace Walpole, Enlightenment, gothic motives, preromanticism, collection, literature.

Andrei B. Sokolov, Dr (History), Professor, Head of the Chair of Methods of Teaching History and Social Studies, Yaroslavl Ushinski Pedagogical University

С.С. ЮДИН

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В НОВОМ ИССЛЕДОВАНИИ А.В. ГАНИНА

В статье рецензируется двухтомная монография А.В. Ганина «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». Рецензируемая работа помещена в контекст исследований по истории Генерального штаба в Европе и в Российской империи. Представлены основные выводы автора, проанализирована методология исследования, отмечаются возможные пути развития темы.

Ключевые слова: *Генеральный штаб; Академия Генштаба; Гражданская война; Революция 1917 г.; РККА; Белое движение.*

История Генерального штаба пользуется устойчивым вниманием исследователей. К началу XX в. генштабисты все больше оттесняли на вторые роли в европейских армиях аристократов-любителей. В органах стратегического планирования сосредотачивались военный профессионализм и инновационные практики, что нашло выражение в известном обозначении Генерального штаба как «мозга армии». С другой стороны, генеральные штабы периодически оказывались впутаны в самые сомнительные, мрачные и трагические страницы истории: от дела Дрейфуса до дела Мясоедова, от июльского кризиса 1914 г. до военной диктатуры П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа в 1918 г., от мифа об «ударе ножом в спину» до идеологии «тотальной войны».

История Генерального штаба в России была частью этих процессов – со своими особенностями. Во-первых, этот институт, заточенный на профессионализм, эффективность и научное знание, развивался в условиях самодержавия. Не был ли, таким образом, русский Генеральный штаб оранжерейным цветком, пересаженным на инородную почву? Если ответ положительный, то возникает следующий вопрос: не обратились ли в какой-то момент русские генштабисты из защитников Российской империи в ее могильщиков? Кажется, острее других эту проблему обозначил Дж. Steinberg, когда писал, что «Российская империя подвела их точно так же, как они подвели ее»¹. Один из героев рецензируемой книги бескомпромиссно заявлял, что «Россию погубили офицеры Генерального штаба, так как это они создали Красную армию» (Т. 1. с. 278).

Во-вторых, в условиях, порожденных революционным взрывом 1917 г. (кто бы ни был за него ответственен), офицерам Генерального штаба приходилось делать драматический политический выбор. Речь шла либо о поддержке одной из сторон внутреннего конфликта, либо о принятии на себя инициативы по выводу страны из кризиса. Конечно, эта драма выбора была значительнее, чем всё, пережитое их коллегами в ходе периода политической нестабильности в Германии (от Ноябрьской революции 1918 г. до Гамбургского восстания в октябре 1923 г.).

¹ Steinberg 2010: 2.

Работа А.В. Ганина «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг.» представляет собой историю Генерального штаба как единой корпорации, расколовшейся под воздействием гражданской войны. Исследование выполнено на основе докторской диссертации и является продолжением серии монографий автора, хорошо известных читающей публике². В ней проработан огромный массив документов из 53 (!) архивов 14 стран. На страницах двухтомника читатель найдет портреты представителей Генерального штаба, их размышления о сущности их службы, оценки политических событий периода революции и Гражданской войны, описание причин раскола корпорации и размежевания по разным политическим лагерям, анализ роли военной элиты в формировании противоборствующих армий и в политической борьбе, исследование повседневного быта генштабистов.

«Главным образом, мне надо знать, что мы вообще представляем из себя, мы – офицеры Генштаба?», – вопрошал один из героев книги А.В. Ганина (Т. 1. С. 262). Рассматриваемую книгу можно назвать максимально развернутым ответом на этот вопрос. Причем автор монографии ведет исследование одновременно на двух уровнях.

Первый уровень можно назвать статистическим. 2859 выпускников академии Генерального штаба и ускоренных курсов, а также не окончивших учёбы слушателей попадают в горнило революционных событий, расходятся по враждующим лагерям или пытаются затаиться. Происходят «миграции» из одного стана в другой. Динамика этих перемещений зафиксирована и проанализирована автором, отражена в наглядных таблицах и графиках. Материалы для соответствующих глав собирались автором много лет в созданную им базу данных. Статистические выкладки А.В. Ганина представляют собой ценнейший материал для истории Гражданской войны в России.

Второй уровень – индивидуальный. Множество судеб конкретных людей, их мысли и чувства проходят перед глазами читателя. Переход на личностный уровень позволяет А.В. Ганину глубже проникнуть в мотивы решений офицеров Генерального штаба, когда они занимают сторону красных или белых, а некоторые – поступают на службу в национальные формирования. Исследования конкретных судеб генштабистов придают книге человеческое измерение и позволяют автору иллюстрировать свои тезисы наглядными примерами.

Были ли офицеры Генерального штаба творцами революции или ее париями? Скорее второе. По крайней мере, к такому выводу склоняют материалы, представленные в книге. При чтении невольно приходишь к выводу, что неверно представлять себе русский Генеральный штаб по таким знаковым фигурам как М.И. Драгомиров, А.Н. Куропаткин или М.В. Алексеев. При всей неоднозначности названных лиц, их интеллект и активная общественная позиция не поддаются сомнению.

² Ганин 2009; 2013; 2014; 2016; 2019а; 2019b; 2020; 2022а; 2022b; 2022с.

Но в противоположность им, как показывает А.В. Ганин, основная масса генштабистов была политически незрелыми людьми, находящимися вдалеке от общественных вопросов и заваленными однообразной кабинетной работой. Февральская революция, Корниловский мятеж, захват власти большевиками, Брестский мир – все эти события скорее заставляли их врасплох и несли за собой. Одни из самых удивительных страниц этой книги посвящены тому, как офицеры попадали в лагерь большевиков *по инерции*, целыми учреждениями, которые просто в одночасье брались под контроль Совнаркомом.

Пассивность Генерального штаба, которая часто подчеркивается А.В. Ганиным, может быть объяснена пассивностью его лидеров. Русский «мозг армии» никогда не обладал такой же сильной и автономной позицией, как его германский аналог. Накануне Первой мировой войны он был ручным органом военного министерства В.А. Сухомлинова и за период 1909–1914 гг. переменял четырех руководителей. Война повысила его роль, и к началу 1917 г. начальник штаба Главнокомандующего М.В. Алексеев был одной из самых влиятельных фигур в стране. Он первым из генштабистов прямо протянул руку оппозиционным политикам и сыграл важнейшую роль в отречении Николая II. «Буквально на следующий день после отречения Николая II, – пишет А.В. Ганин, – генерал Алексеев понял, что оказался обманут своими петроградскими партнерами» (Т. 1. С. 156). Точно таким же, обманом со стороны политика, заканчивается недолговечный союз главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова с лидером Временного правительства А.Ф. Керенским. Эти примеры показывают, что даже самые амбициозные вожди армии не были свободны от политической наивности. В основном русские генералы слепо следовали тезису К. фон Клаузевица о примате политического над военным даже тогда, когда речь шла об их выживании. Именно на клаузевицевских принципах был построен тот союз, который в конечном счете восторжествовал – союз большевиков и генштабистов.

Почему одни примыкали к этому союзу, а другие переходили в антибольшевистский лагерь? А.В. Ганин показывает, что генштабистами могли двигать десятки разных причин. Их можно разделить на идейные (патриотизм, принятие партийной позиции или ненависть к противоположному лагерю) и случайные (инерция, связи, личные амбиции). Безусловно значимым был и фактор мобилизации. На конкретных судьбах видно, что осознанный переход в тот или иной лагерь Гражданской войны был скорее исключением. Правилom было доминирование случайных мотивов. Многочисленные переходы из одного стана в другой уже в ходе Гражданской войны отчасти выравнивали это соотношение. Но книга оставляет ощущение, что революционный поток оказывался сильнее индивида и ставил его на ту или иную позицию по своему произволу.

Достоинства новой книги А.В. Ганина значительны и очевидны. Исследование строится на мощной архивной базе, изложено ясным и

простым языком, ставит и решает глубокие вопросы, выходящие далеко за рамки темы Гражданской войны в России. Как и другие работы А.В. Ганина этот труд обещает быть востребованным как историками-профессионалами, так и интересующимися историей. Недостатки работы, как часто бывает, являются неизбежным продолжением достоинств.

Та глубина, с которой А.В. Ганин, разработал статистический и индивидуальный уровень своего исследования, открывает пробел в промежулке между ними. Многие смысловые куски в книге строятся по одному принципу: автор выдвигает тезис и иллюстрирует его рядом примеров. Раз за разом это ставит перед читателем вопрос о соотношении частных случаев и общей картины. Действительно ли представленный ряд судеб или цитат выстраивается в общую тенденцию? Между индивидуальными историями и статистическими расчетами часто не хватает промежуточного уровня. Это связано с тем, что слишком большая дистанция лежит между одним офицером Генерального штаба и всей совокупностью 2859 героев книги.

Эта мысль будет понятнее при сравнении книги А.В. Ганина с похожей работой. В 2004 г. А. Бах опубликовал книгу «Армия Дрейфуса» – такой же увлекательный коллективный портрет французских военных посреди глубокого политического раскола, вызванного судебным процессом над офицером Генерального штаба А. Дрейфусом³. Однако в центре этого исследования лежит судьба лишь 22 французских генералов, замешанных в громкий скандал. Значительно более однородная, компактная и управляемая выборка позволяла Баху легко переходить от индивидуальных случаев к обобщениям. Это не упрек автору в том, что он не ограничил круг своих героев. Описание Генерального штаба в период «Русской Смуты» во всей совокупности – такова была его задача. Однако тщательная группировка генштабистов (по возрастам, по социальному происхождению, по месту службы и проч.) могла бы облегчить автору аргументацию и закрыть обозначенный нами пробел.

Второй вопрос связан с обозначением границ офицеров Генерального штаба как элитной группы. Неомненно, «мозг армии» составлял отдельную корпорацию со своими традициями, взглядами и интересами. Однако конкретный человек, как правило, не сводится к членству в определенной социальной группе. Мы можем рассматривать барона П.Н. Врангеля как генштабиста, но точно так же он может действовать в качестве офицера гвардии, кавалериста, представителя аристократии или армии в целом, даже – носителя особой «белой идеи». Та или иная идентичность могла выступать на первый план, а затем уходить в тень.

В 1893 г. молодой офицер Ф. П. Рерберг впервые примерил форму Генерального штаба. Своими впечатлениями он поделился в воспоминаниях: «Какая это была прекрасная форма: красивая, но в высшей степени серьезная. Видя офицера в этой форме, казалось: вот человек, который все знает и не может сделать ничего неразумного, ничего нело-

³ Bach 2004.

гичного... И когда я повернул голову и увидел висевший на стуле только что мною снятый, и притом навсегда, – семеновский сюртук... стало как-то сразу грустно. Будучи семеновским офицером, я был членом большой и дружной семьи, я был не один. Теперь же я становился одиночкой: всюду, во всех штабах, кочуя из города в город, из штаба в штаб, я не буду окружен сонмом верных друзей, а всюду буду чужой и временный гость, карьерист и момент...»⁴.

Описанный конфликт идентичностей, так наглядно выраженный двумя мундирами, был только одним из вариантов. Понятно, что Рерберг мог быть в штабе «моментом», а на полковом празднике снова становиться старым семеновцем. К сожалению, такая игра идентичностями почти не отразилась в исследовании. Герои книги демонстрируют большой динамизм, перемещаясь из одного лагеря в другой, меняя убеждения и т.п. Но при этом они неизменно остаются «кадрами Генерального штаба». Такая социальная статика вызывает вопросы. Если в белых армиях был переизбыток штабных кадров, то можно ли было вступить в них в другом качестве? Если красный военспец принимал свою новую роль в большевистском лагере, действительно ли его прошлое в «царском» Генеральном штабе оставалось значимым?

Представляется, что финальные рассуждения настоящей рецензии подтверждают банальную мысль о том, что даже такое фундаментальное и обширное исследование как монография «Кадры Генерального штаба» А.В. Ганина, являясь важной вехой в исследовании Гражданской войны в России, не закрывает навсегда тему генштабистов на историческом переломе 1917 года.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с. [Ganin A.V. «Mozg armii» v period «Russkoj Smuty»: Staf' i dokumenty. ("The Brain of the Army" during the "Russian Troubles": Articles and documents). Moscow: Russkii put', 2013. 880 p.]
- Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе 1917–1922 гг. М.: Кучково поле Музеон, издательский центр «Воевода», 2022. 704 с. [Ganin A.V. 50 oficerov. Geroi, antigeroi i zherivy na istoricheskom perelome 1917–1922 gg. (50 officers. Heroes, antiheroes and victims at the historical turning point of 1917–1922). Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, izdatel'skii tsentr «Voevoda», 2022. 704 p.]
- Ганин А.В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 560 с. [Ganin A.V. Belyi agent pri Staline. Zhizn' i bor'ba generala Nosovicha (White agent under Stalin. The life and struggle of General Nosovich). Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2022. 560 p.]
- Ганин А.В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022. 768 с. [Ganin A.V. Voenspetsy: Oчерki o byvshih oficerah, stoyavshih u istokov Krasnoj armii. (Voenspetsy: Essays on former officers who stood at the origins of the Red Army). Moscow: Kuchkovo pole, 2022. 768 p.]
- Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922 гг. М.: Книжница, 2014. 768 с. [Ganin A.V. Zakat Nikolaevskoj voennoj akademii 1914–1922 gg. (Decline of the Nikolaevskaya Military Academy 1914–1922). Moscow: Knizhnitsa, 2014. 768 p.]
- Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим, 2020. 800 с. [Ganin A.V. Izmena komandarmov. Pred-

⁴ Рерберг 2018: 313–314.

- staviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoj armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 (Treason of comandarms. Representatives of the senior command staff of the Red Army who defected to the enemy during the Civil War in Russia 1917–1922). Moscow: Pyaty Rim, 2020. 800 p.].
- Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с. [Ganin A.V. Korpus oficerov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny 1917–1922 gg.: Spravochnye materialy (Corps of General Staff officers d.uring the Civil War of 1917–1922: Reference materials). Moscow: Russkii put', 2009. 895 p.].
- Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с. [Ganin A.V. Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom (Daily life of the General Staff under Lenin and Trotsky. M., 2016). Moscow: Kuchkovo pole, 2016.].
- Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров: 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с. [Ganin A.V. Russkij oficerskij korpus v gody Grazhdanskoj vojny: Protivostoyanie komandnyh kadrov: 1917–1922 gg. (Russian officer corps during the Civil War: Confrontation between command personnel: 1917–1922). Moscow: Tsentrpoligraf, 2019. 318 p.].
- Ганин А.В. Семь “почему” российской Гражданской войны. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2019. 864 с. [Ganin A.V. Sem' pochemu rossijskoj Grazhdanskoj vojny (Seven whys of the Russian Civil War). Moscow: Izdatel'stvo «Pyaty Rim» (ООО «Bestseller»), 2019. 864 p.].
- Ганин А.В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Кучково поле Музеон, 2023. Т. 1. 1000 с.; Т. 2. 968 с. [Ganin A.V. Kadry General'nogo shtaba v period Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg. (Personnel of the General Staff during the Civil War in Russia 1917–1922). Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2023. Т. 1. 1000 с.; Т. 2. 968 с.].
- Рерберг Ф.П. Всё в прошлом: Воспоминания 1868–1910. М.: Кучково поле, 2018. С. 313–314. 356 с. [Rerberg F. P. Vsyu v proshlom: Vospominaniya 1868–1910. (Everything is in the past: Memoirs 1868–1910). Moscow: Kuchkovo pole, 2018. 356 p.].
- Bach A. L'Armée de Dreyfus: Une Histoire Politique de l'Armée Francaise de Charles X à «l'Affaire». Paris: Tallandier Éditions, 2004. 622 p.
- Steinberg J.W. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2010. 408 p.

Станислав Сергеевич Юдин, кандидат исторических наук, исполнитель по гранту, Тульский государственный педагогический ун-т им. Л.Н. Толстого, stasstas08@mail.ru

The General Staff of the Civil War Era in A. V. Ganin's New Research

The article reviews the two-volume monograph by A. V. Ganin “Personnel of the General Staff during the Civil War in Russia 1917–1922.” The work is placed in the context of research on the history of the General Staff in Europe and, in particular, in the Russian Empire. The review presents the author's main conclusions, analyzes the research methodology, and notes possible ways to develop the topic. The work of A.V. Ganin represents the history of the General Staff as a single corporation that split under the influence of the civil war. The historian analyzed the fate of 2,859 graduates of the General Staff Academy and accelerated courses, as well as students who did not complete their studies. The book combines statistical data and descriptions of individual destinies. Using extensive material, A.V. Ganin shows that on the eve of 1917, the bulk of the General Staff were politically immature people who were far from public issues. During revolutionary events, as a rule, they behaved passively and followed events. The choice of one side or another during the civil war was more often determined by random factors. The study is built on a strong archival base, presented in clear and simple language, poses and resolves deep questions that go far beyond the topic of the Civil War in Russia.

Keywords: *General Staff; Academy of General Staff; Russian Civil War; Revolution of 1917; Red Army; White Armies.*

Stanislav Yudin, Candidate of Historical Sciences, Grant executor, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University, stasstas08@mail.ru

CONTENTS

Historical destinies: nations, peoples, ideas

<i>Yulia Artamonova</i> The Formation of the Idea of Authorship in Modern European Thought.....	5
<i>Vladimir A. Gutorov, Aleksandr A. Shirinyants</i> On the Question of Formation of the Paradigm of Competition in the Political Philosophy of the Early Modernity (T. Hobbes and I. Kant).....	17
<i>Alexey Zotkin, Alexander Chanishev</i> Ideological Foundations of the Crisis of the Western Legal Tradition	31
<i>Olga Shmeleva, Anton Shmelev</i> «Strong State» Concept in Political Discourse of Modernism and Postmodernism: Paradigm Shift Semantics.....	42
<i>Sergey V. Perevezentsev, Aleksandr B. Strakhov, Artyom R. Boronin</i> The Evolution of the Concept of "Silence" in the Russian Spiritual and Political Tradition of the XI – Early XIII century.....	57
<i>Andrei V. Abramov</i> Charisma and the Throne Representations about the Acquisition of Royal Power in Russian Folk Tales	70
<i>Vladimir A. Boldin</i> The Perception of Russia and Russians by the French in the Pre-Peter the Great Era.....	83
<i>Andrey V. Topychkanov</i> “If Something Glorious is Desired”: the Establishment of the Academy of Sciences in the Context of the Institutionalization of Political Education in Russia in the first quarter of the 18th century.....	95
<i>Kirill M. Anderson, Maria S. Zvereva, Oleg A. Pak</i> A Republican at the Court of the Autocrat: the French Revolution in the Correspondence of F.S. Lagarpe and Alexander I	104
<i>Oleg Yu. Yahshiyani, Ivan A. Bronnikov</i> Community as a Value Constant of Russian Civilization in the Historiosophy of the Slavophiles.....	116
<i>Boris Prokudin</i> Methods of Historical and Political Analysis of the Public Ideal in Russian Literature	130
<i>Fyodor I. Girenok, Natalia N. Rostova</i> A. Chayanov's Ideas in the History of Agrarian Thought in Russia.....	142
<i>Alexey Mamychyev, Tatyana V. Mordovtseva</i> The Idea of the Technological Future in the Context of the Meaning and End of History by N.A. Berdyaev.....	153
<i>Olga E. Sorokopudova, Olga D. Talskaya</i> “Because of Russia, We Often Do Not See Russia...”: Russia and Russian National Consciousness in S.N. Durylin’s Religious and Philosophical Works.....	164
<i>Alexandra Arabadzhyan</i> Discussions on Political Economy in the USSR and Cuba: Towards the Resemblance of the Views on the Ontology of Socialism of Nikolay Khessin and Ernesto Guevara.....	177
<i>Vladimir Sobolev, Kirill Filimonov</i> “To Manage Means to Foresee” V.G. Afanasiev on Scientific Management of Society....	188
<i>Olga Yu. Boytsova, Alexander Yu. Polunov, Alexandra L. Safronova</i> On The Metamorphoses Of Classical Buddhism in the Multi-Confessional Landscape Of Russia.....	200
<i>Daria Yu. Kurginova, Yamamoto Kenso</i> "The Perfect in Ancient Bushido" Toyama Mitsuru, The Ideologist of the Continental Ronin's.....	213

<i>Yevgeny I. Uchaev</i>	
“Except ye repent”: Nuclear Threat in the International Thought of Martin Wight.....	225
<i>Sergey Volodenkov, Sergey Fedorchenko</i>	
The Evolutionary History of Neoreactionary Ideas from the "Formalists' Manifesto" to the "Dark Enlightenment".....	238
<i>Nadezhda K. Radina Mikhail I. Rykhtik Sergey V. Usachev</i>	
History as a Test Field for Biopolitical Ideas	252
<i>Sergey Belov</i>	
History of the Great Patriotic War Within the Call of Duty Game Franchise Figures of Memory and Their Evolution.....	264
<i>Crossroads of Interdisciplinarity</i>	
<i>Melkonyan Ashot Aghas, Muradyan Hakob Gharib, Torosyan Vahe Hamlet</i>	
The Process of Formation of Historical Texts in Ancient and Medieval Armenian Sources	275
<i>Fedor N. Veselov</i>	
Old Rus' Flavius: Casus of Tysiatskii Dmitr.....	287
<i>Zinaida A. Lurie</i>	
Iconoclasm and Reflection of the Image During the Reformation.....	303
<i>Georgiy Shpak</i>	
Dictionaries of “Hard Words” and Semantic Drift in England XVII–XVIII Centuries.....	319
<i>Igor V. Kuchumov, Liliya F. Sakhibgareeva</i>	
Nikolay Karamzin's Predecessor Pierre-Charles Levesque as a Historian of Russia.....	337
<i>Nikolay N. Baranov</i>	
Hans Delbrück: between science and politics.....	353
<i>Alexander Golovlev</i>	
Is it Possible to Reform a Theater? Austrian Federal Theaters as an Object of Cultural Policy Since 1945.....	368
<i>Historical essays</i>	
<i>Nikolai A. Vinogradov</i>	
Apostasy in Vandal Africa.....	380
<i>Andrei V. Martynov</i>	
“I confirm that you are my representative”. D.S. Merezhkovsky and Chaliapins: New materials for biographies	390
<i>Marina Arzakanyan</i>	
European Idea by Charles de Gaulle and Georges Pompidou.....	396
<i>Translations and publications</i>	
<i>Anna V. Myrikova</i>	
Russophobia and Serbs (translation).....	403
<i>Yulia S. Shipitsyna</i>	
“The naturalist's and traveller's companion”: attempt of translation	414
<i>Reading books...</i>	
<i>Andrei B. Sokolov</i>	
Robert and Horace Walpole: Politician and Intellectual.....	430
<i>Stanislav Yudin</i>	
The General Staff of the Civil War Era in A. V. Ganin's New Research.....	438
CONTENTS.....	444

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические судьбы: народы, люди, идеи

<i>Ю.Д. Артамонова</i>	
Становление идеи авторства в европейской мысли Нового времени.....	5
<i>В.А. Гуторов, А.А. Шириняц</i>	
О формировании парадигмы конкуренции в политической философии раннего модерна (Т. Гоббс и И. Кант).....	17
<i>А.А. Зоткин, А.А. Чанышев</i>	
Мировоззренческие основания кризиса западной традиции права.....	31
<i>О.Ю. Шмелева, А.П. Шмелев</i>	
Концепт сильного государства в политическом дискурсе модернизма и постмодернизма: семантика парадигмальных изменений.....	42
<i>С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин</i>	
Эволюция понятия «тишина» в русской духовно-политической традиции XI – начала XIII века.....	57
<i>А.В. Абрамов</i>	
Харизма и трон представления об обретении царской власти в народных русских сказках.....	70
<i>В.А. Болдин</i>	
Дискурсивные особенности восприятия России и русских французами в допетровский период.....	83
<i>А.В. Топычканов</i>	
«Аще же похощется славного». Учреждение Академии наук в контексте институционализации политического образования в России первой четверти XVIII в.....	95
<i>К.М. Андерсон, О.А. Пак, М.С. Зверева</i>	
Республиканец при дворе самодержца Французская революция в переписке Ф.С. Лагарпа и Александра I.....	104
<i>О.Ю. Яхшиян, И.А. Бронников</i>	
Общинность как ценностная константа русской самобытности в историософии славянофилов.....	116
<i>Б.А. Прокудин</i>	
Методы историко-политологического анализа общественного идеала в русской художественной литературе XIX века.....	130
<i>Ф.И. Гиренок, Н.Н. Ростова</i>	
Идеи А.Чаянова в истории аграрной мысли России.....	142
<i>А.Ю. Мамычев, Т.В. Мордовцева</i>	
Идея технологического будущего в контексте смысла и конца истории Н.А. Бердяева	153
<i>О.Е. Сорокопудова, О.Д. Тальская</i>	
«Из-за России мы часто не видим Руси...»: Россия и русское национальное сознание в религиозно-философском творчестве С.Н. Дурылина.....	164
<i>А.З. Арабаджян</i>	
Политэкономические дискуссии в СССР и на Кубе о сходстве онтологии социализма во взглядах Н. Хессина и Э. Гевары.....	177
<i>В.А. Соболев, К.Г. Филимонов</i>	
«Управлять – значит предвидеть» В.Г. Афанасьев о научном управлении обществом.....	188
<i>О.Ю. Бойцова, А.Ю. Полунов, А.Л. Сафронова</i>	
О метаморфозах классического буддизма в поликонфессиональном ландшафте России.....	200
<i>Д.Ю. Кургинова, К. Ямамото</i>	
«Совершенный в древнем бусидо»: идеолог континентальных ронинов Тояма Мицуру	213

<i>Е.И. Учаев</i>	
«Если не покаетесь...»: ядерная угроза в международной теории Мартина Уайта.....	225
<i>С.В. Володенков, С.Н. Федорченко</i>	
Эволюция идей неореакционизма	
от «Манифеста формалиста» до «Тёмного просвещения».....	238
<i>Н.К. Радина, М.И. Рыхтик, С.В. Усачев</i>	
История как поле испытания биополитических идей.....	252
<i>С.И. Белов</i>	
История Великой Отечественной войны	
в рамках игровой франшизы Call of Duty: фигуры памяти и их эволюция.....	264
<i>Перекрестки интердисциплинарности</i>	
<i>А.А. Мелкоян, А.Г. Мурадян, В.Г. Торосян</i>	
Процесс становления исторических текстов	
в древних и средневековых армянских источниках.....	275
<i>Ф.Н. Веселов</i>	
Древнерусский Флавий: казус тысяцкого Дмитра.....	287
<i>З.А. Лурье</i>	
Иконоборчество и теория образа в период Реформации.....	303
<i>Г.В. Шпак</i>	
Толкователи «трудных слов» и семантический дрейф в Англии XVII–XVIII вв.	319
<i>И.В. Кучумов, Л.Ф. Сахибареева</i>	
Предшественник Н.М. Карамзина: П.-Ш. Левек как историк России.....	337
<i>Н.Н. Баранов</i>	
Ганс Дельбрюк: между наукой и политикой.....	353
<i>А.И. Головлев</i>	
Можно ли реформировать театр?	
Австрийские федеральные театры как объект культурной политики с 1945 г.....	368
<i>Исторические этюды</i>	
<i>Н.А. Виноградов</i>	
Апостасия в вандалской Африке.....	380
<i>А.В. Мартынов</i>	
«Подтверждаю, что Вы являетесь моим представителем».	
Д.С. Мережковский и Шаляпины: новые материалы к биографиям.....	390
<i>М.Ц. Арзаканян</i>	
Европейская идея Шарля де Голля и Жоржа Помпиду.....	396
<i>Переводы и публикации</i>	
<i>А.В. Мырикова</i>	
Русофобия и сербы (перевод).....	403
<i>Ю.С. Шитицына</i>	
«Спутник натуралиста и путешественника» Джона Кокли Леттсома: опыт перевода	414
<i>Читая книги...</i>	
<i>А.Б. Соколов</i>	
Роберт и Хорас Уолполы: политик и интеллектуал.....	430
<i>С.С. Юдин</i>	
Генеральный штаб эпохи Гражданской войны в новом исследовании А.В. Ганина...	438
CONTENTS.....	444

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>
(Цифровые идентификаторы приводятся согласно содержания выпуска)

Ю.Д. Артамонова

10.21267/AQUILO.2024.88.88.035

В.А. Гуторов, А.А. Шириняни

10.21267/AQUILO.2024.88.88.036

А.А. Зоткин, А.А. Чанышев

10.21267/AQUILO.2024.88.88.037

О.Ю. Шмелева, А.П. Шмелев

10.21267/AQUILO.2024.88.88.001

С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин

10.21267/AQUILO.2024.88.88.002

А.В. Абрамов

10.21267/AQUILO.2024.88.88.003

В.А. Болдин

10.21267/AQUILO.2024.88.88.004

А.В. Топычканов

10.21267/AQUILO.2024.88.88.005

К.М. Андерсон, О.А. Пак, М.С. Зверева

10.21267/AQUILO.2024.88.88.006

О.Ю. Яхшиян, И.А. Бронников

10.21267/AQUILO.2024.88.88.007

Б.А. Прокудин

10.21267/AQUILO.2024.88.88.008

Ф.И. Гиренок, Н.Н. Ростова

10.21267/AQUILO.2024.88.88.009

А.Ю. Мамычев, Т.В. Мордовцева

10.21267/AQUILO.2024.88.88.010

О.Е. Сорокопудова, О.Д. Тальская

10.21267/AQUILO.2024.88.88.011

А.З. Арабаджян

10.21267/AQUILO.2024.88.88.012

В.А. Соболев, К.Г. Филимонов

10.21267/AQUILO.2024.88.88.013

О.Ю. Бойцова, А.Ю. Полунов, А.Л. Сафронова

10.21267/AQUILO.2024.88.88.014

Д.Ю. Кургинова, К. Ямамото

10.21267/AQUILO.2024.88.88.015

Е.И. Учаев
10.21267/AQUILO.2024.88.88.016

С.В. Володенков, С.Н. Федорченко
10.21267/AQUILO.2024.88.88.017

Н.К. Радина, М.И. Рыхтик, С.В. Усачев
10.21267/AQUILO.2024.88.88.018

С.И. Белов
10.21267/AQUILO.2024.88.88.019

А.А. Мелконян, А.Г. Мурадян, В.Г. Торосян
10.21267/AQUILO.2024.88.88.020

Ф.Н. Веселов
10.21267/AQUILO.2024.88.88.021

З.А. Лурье
10.21267/AQUILO.2024.88.88.022

Г.В. Шпак
10.21267/AQUILO.2024.88.88.023

И.В. Кучумов, Л.Ф. Сахибгареева
10.21267/AQUILO.2024.88.88.024

Н.Н. Баранов
10.21267/AQUILO.2024.88.88.025

А.И. Головлев
10.21267/AQUILO.2024.88.88.026

Н.А. Виноградов
10.21267/AQUILO.2024.88.88.027

А.В. Мартынов
10.21267/AQUILO.2024.88.88.028

М.Ц. Арзаканян
10.21267/AQUILO.2024.88.88.029

А.В. Мырикова
10.21267/AQUILO.2024.88.88.030

Ю.С. Штицына
10.21267/AQUILO.2024.88.88.031

А.Б. Соколов
10.21267/AQUILO.2024.88.88.032

С.С. Юдин
10.21267/AQUILO.2024.88.88.033

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 88 / 2024

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423
Тел. +7 (495) 938–53–91
<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Формат 60x90 / 16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru (ООО «Сам Полиграфист»)
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5. Тел.: +7 495 545–37–10

Эл. почта: info@onebook.ru

Адрес в Интернете: www.onebook.ru

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2024 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.